



**MENSHIKOV MEMORIAL READINGS
2017**

The scientific almanac

Volume 8 (18)

St. Petersburg
Publishing house «XVIII century»
2017

**МЕНШИКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
2017**

Научный альманах

Выпуск 8 (18)

Санкт-Петербург
Издательство «XVIII век»
2017

Издается с 2003 года

Создан по решению Редакционного совета
Берёзовского межрегионального некоммерческого
благотворительного фонда памяти
светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78–00658 от 09 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Д.А. Гранин — председатель Редакционной коллегии

В.А. Артамонов	И.Е. Прозоров
А.В. Бакланов	Д.А. Редин
А.А. Брынза	Д.А. Сидоров
Г.В. Губенкова	Ю.Н. Смирнов
С.А. Козлов	В.Д. Соловьев
П.А. Кротов	А.А. Солодов
В.П. Пальчиков	С.В. Филиппов

Главный редактор-администратор В.Д. Соловьев

Главный научный редактор П.А. Кротов

Редактор-переводчик Д.А. Сидоров

Технический редактор И.Е. Прозоров

Художник А.А. Брынза

УДК 94(47)»17»

ББК 63.3(2)511

М 509 Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. — СПб. : XVIII век, 2017. — Вып. 8 (18). — 306 с. : ил. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Альманах включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ, НЭБ), размещается на портале Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина

Фонд, авторы и издательство выражают благодарность
ЗАО «ТюменьМодульСтрой» и лично генеральному директору ЗАО А.С. Филиппову

© Коллектив авторов, 2017
© А.А. Брынза, оформление обложки, 2010
© Г.В. Губенкова, макет, 2017
© Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, 2017
© Изд-во «XVIII век», 2017

От главного научного редактора 7

I. Научные статьи

М.О. Акишин

Категория «конституции» в государственно-правовом развитии
Российской империи XVIII века 9

В.А. Артамонов

Силовое поле русской и наполеоновской армий в 1812 г. 26

И.Г. Дуров

Пенсионное обеспечение армейских и флотских кавалеров
российских орденов в XVIII веке 51

И.Г. Дуров

Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов
при правлении Петра III, Екатерины II и Павла I 78

П.А. Кротов, Е.Ф. Подсобляев

Об операции как форме военных действий на море 199

Ю.М. Попов

Меры по утверждению основных направлений
обустройства отставных военнослужащих
при проведении II ревизии населения России 207

II. Итоги экспедиционных работ

А.В. Лукошков

Подводные исследования останков
линейных кораблей «Лондон» и «Портсмут» (1719) 215

III. Статьи по истории экономики России

С.А. Козлов

Налогово-финансовый аспект присоединения
Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. 226

IV. Публикации источников

А.А. Андреев

Слово калмыцкого бакши о гибели князя А. Черкасского 248

А.В. Иванов

Маскарадный корабль «Миротворец» 1722 г. 255

П.А. Кротов

Сясьская верфь и начало Балтийского флота 268

А.В. Морохин

К истории падения А.Д. Меншикова 290

Список сокращений 294

Сведения об авторах 296

Рефераты 298

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

I. Articles

<i>M.O. Akishin</i>	
The category of ‘Constitution’ in state legal development of Russian Empire of the XVIII century	9
<i>V.A. Artamonov</i>	
Force field of Russian and Napoleonic armies in 1812	26
<i>I.G. Durov</i>	
Retirement coverage of Army and Navy Russian decorations honorees in XVIII century	51
<i>I.G. Durov</i>	
Retirement coverage of retired Army and Navy personnel during the reign of Peter III, Catherine the Great, and Pavel I	78
<i>P.A. Krotov, E.F. Podsoblyayev</i>	
Operation as a type of naval warfare	199
<i>Y.M. Popov</i>	
Efforts for approval of main trends of settlements for the retirees during II population census	207

II. Field Surveys Results

<i>A.V. Lukoshkov</i>	
Underwater research of the wrecks of ships of the line ‘London’ and ‘Portsmut’ (1719)	215

III. Articles on economic history of Russia

<i>S.A. Kozlov</i>	
Tax and financial aspect of annexation of Crimean Khanate by Russian Empire in 1783	226

IV. Publications of Sources

<i>A.A. Andreev</i>	
The narrative of Kalmyk bakshy on the death of duke A. Cherkasskiy	248
<i>A.V. Ivanov</i>	
Masquerade vessel ‘Mirotvorets’ of 1722	255
<i>P.A. Krotov</i>	
Syaz Shipyard and the beginning of the Baltic Fleet	268
<i>A.V. Morokhin</i>	
The fall of A.D. Menshikov	290
List of abbreviations	294
About authors	296
Abstracts	298

ОТ ГЛАВНОГО НАУЧНОГО РЕДАКТОРА

Историческое наследие, опыт Петровской эпохи, российского XVIII столетия всегда более чем злободневно. Ныне же, когда страна перестраивается по новой модели модернизации, оно особенно востребовано. Пётр Великий, его сподвижники, первым из которых справедливо принято считать «полудержавного властелина» светлейшего князя А.Д. Меншикова, подняли народы России на совершение Великой реформы. Страна на памяти одного поколения вышла в ряд великих держав Европы, получила новую столицу, была проведена индустриализация, появились научные и учебно-научные учреждения, созданы мощные армия и флот, заставившие уважать страну в области межгосударственных отношений. Публикации авторов нового выпуска альманаха проливают новый свет на обстоятельства российской истории XVIII и начала XIX столетий. Начиная с первого выпуска «Меншиковских чтений» (2003), на протяжении 15-ти лет, главную организационную работу, труды по поиску средств на издание нашего ежегодного издания ведёт президент Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова Сергей Викторович Филиппов, за что читатели ему благодарны. В нынешнем выпуске авторы публикаций не только из Санкт-Петербурга, но и Москвы, Воронежа, Нижнего Новгорода и Новосибирска продолжили патриотическую линию Редакционной коллегии на углублённое изучение нашего прошлого, на увеличение объёма доступных людям знаний о российской истории. Все публикации отличаются духом новаторства, вводят в обращение сведения из неопубликованных, иностранных, новых археологических источников — таков один из главных критериев отбора материалов для издания.

Открывает альманах новаторская статья М.О. Акишина (Новосибирск). Она посвящена ключевому вопросу — пониманию категории «конституция» в государственно-правовом развитии Российской империи XVIII века. Вопрос этот всегда связан с политикой. В данном случае автор показывает, что это «волшебное слово» в XVII–XVIII столетиях не означало чуда само по себе (как это «зомбирвалось» людям либеральной и советской пропагандой).

Статья одного из корифеев современной отечественной исторической науки В.А. Артамонова (Москва) о духовно-нравственном выборе, мужестве или бесчестии, россиян на поле Бородинской битвы подрывает современную российскую либеральную линию, включающую публикацию переводов на русский язык соответствующих историков из США, на «дегероизацию» российской истории. Статья выдающегося историка — сильный удар по этим проидам.

Статьи И.Г. Дурова (Н. Новгород), посвящённые пенсионному обеспечению армейских и флотских чинов в XVIII столетии, как нельзя более актуальны. Отдававшие тогда силы Родине армейские и флотские чины должны были быть уверены, что в старости не будут оставлены без призрения и заботы. Иначе их мотивация к служебной самоотдаче подрывалась бы самым коренным образом. К этой же сюжетной линии примыкает и статья Ю.М. Попова (Воронеж).

П.А. Кротов и капитан I ранга (и профессор к тому же) Е.Ф. Подсобляев (Санкт-Петербург) обратились к весьма актуальному военно-историческому сюжету, связанному с теоретическим переосмыслением трактовки в современной науке понятия военной операции на море. Проанализированы два показательных примера военных действий в античности и в ходе Великой Северной войны в 1719 г. Военно-морскую тематику продолжает статья А.В. Лукошкова. Она посвящена

подводно-археологическим исследованиям останков затонувших вблизи острова Котлин в 1719 г. российских линейных кораблей «Лондон» и «Портсмут». Серия публикаций этого автора в «Меншиковских чтениях» за последние годы по итогам подводных исследований позволила с новой стороны подойти к изучению истории Российского военно-морского флота Петровской эпохи.

Статья С.А. Козлова о налогово-финансовом аспекте присоединения Крыма к Российской империи (1783) злободневна не только в плане недавно произошедшего воссоединения Крыма с Россией (2014), но и изучения финансовой стороны развития страны в XVIII столетии.

Весьма обширен раздел «Публикации источников». Новый свет на обстоятельства гибели в Хиве посланного Петром I в Среднюю Азию отряда князя А. Черкасского проливает публикация А.А. Андреева. Публикуемый рассказ калмыцкого бакши значительно обогащает представления об этом походе и его трагической концовке. Ныне взаимоотношения с государствами среднеазиатского региона стратегически важны для Российской Федерации и подобные публикации источников позволяют противодействовать политическим спекуляциям на тему «Россия и Средняя Азия: история взаимоотношений».

Принципиально новые материалы о построенной к торжествам в честь завершения Великой Северной войны в Москве в 1722 г. модели русского линейного корабля «Миротворец» извлёк из архивов и подготовил к изданию А.В. Иванов. Его исследования в отличие от трудов А.В. Лукошкова раскрывают проблему превращения России в военно-морскую державу при Петре Великом с другой стороны — на основе изучения сохранившихся в большом числе моделей и чертежей кораблей XVIII в. Как видно, этот подход тоже весьма плодотворен.

Статья-публикация составителя и главного редактора альманаха П.А. Кротова посвящена обстоятельствам рождения Российского флота на Балтике — первой верфи Балтийского флота, располагавшейся вблизи устья реки Сясь у южного берега Ладожского озера. В приложении к статье помещены впервые публикуемые документы из Российского государственного архива древних актов (Москва), относящиеся к обстоятельствам появления этой верфи.

Любопытные исторические подробности о обстоятельствах отстранения от власти светлейшего князя А.Д. Меншикова, о его взаимоотношениях с юным императором Петром II содержит публикация нового источника, подготовленная А.В. Морохиным (Н. Новгород).

Иными словами, несмотря на объективные трудности, Фонд памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова, его научно-исследовательский центр, авторы альманаха продолжают начатое ещё в 2003 г. дело изучения истории переломной в жизни страны Петровской эпохи. Естественно, всё это делается в надежде, что эти усилия будут востребованы в современной интеллектуальной жизни страны, положительно оценены читающей частью общества.

Директор НИЦ «Меншиковский институт»
член редакционной коллегии
издательской программы «Библиотека Фонда
памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова»
доктор исторических наук профессор
академик Академии военно-исторических наук
лауреат Макариевской премии (2017)
лауреат премии «За фундаментальные
достижения в науке» СПбГУ (2013)

П.А. Кротов



М.О. Акишин

КАТЕГОРИЯ «КОНСТИТУЦИИ» В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА

Изучение истории становления языка конституционного права невозможно без уяснения происхождения его основополагающей категории «конституция»¹. В государственном языке России этот термин появляется в XVII в., но в век Просвещения он претерпел существенную трансформацию под влиянием дипломатических и культурных отношений с Европой. Целью настоящей статьи является выяснение истории происхождения термина «конституция» в России и тех значений, в которых он использовался в текстах государственных актов и конституционных проектов XVIII в.

Латинский термин «constitutio» означает «состояние», «устройство», «учреждение», «постановление», «приказ». В Римской империи им назывались законы, принятые единолично императорами (Dig. I.4.1. 1–2). В средневековой Европе этим термином иногда обозначали акты монархов. В XVI в. во Франции и в Англии стало использоваться во множественном числе понятие «основные законы» (*фр.* lois fondamentales, *англ.* fundamental laws), которые образовывали «constitutio» этих стран. В Речи Посполитой понятие «konstytucja» в XVI–XVII в. использовалось для обоснования сословных привилегий польской аристократии и городских корпораций, что превратило в фикцию власть короля и погрузило эту страну в «руину».

Именно в последнем значении этот термин был заимствован Россией в середине XVII в. Так, в грамоте 1658 г. говорилось, что «бурмистры, и райцы, и лавники, и мещане били челом нам, великому государю, чтоб пожаловати их, урядников и мещан, на которые дела королевских привиллий и конституций соймовых у них нет»². В Жалованной грамоте города Гадяча от 29 ноября 1665 г. предписывалось: «Всех тех про нашу Царского Величества честь обвиненных людей... на сойм позвать и, против Конституцьи 1637 году осудя... казнити»³.

В этом значении термин «конституция» использовался Петром I в отношении Речи Посполитой. Так, о постановлении польского сейма в ответе правительства России говорилось: «Дабы... договор... от Его Королевского Величества подтвержден был, напечатан и в конституцеи»⁴. В ответе 2 марта 1711 г. на «статьи», поданные в Москве польским послом М. Воловичем, устанавливается: «Надлежало помянутой вечной мир подтвердить и в конституцию напечатать»⁵.

Новое понимание термина «конституция» начало формироваться в Англии в годы «великого мятежа» (1640–1660) и Славной революции (1688–1689). В конце XVII в. термин «constitution» там употреблялся в единственном числе для обозначения всей политической структуры общества, его государственных органов, а также свобод и обязанностей подданных. Однако в результате Английской революции кодифицированный конституционный акт не был создан. Появилась неписанная конституция, включавшая статуты (Великую Хартию вольностей 1215 г., Акт 1679 г. о Habeas corpus, Билль о наследстве английской короны 1688 г., Билль о правах 1689 г.), соглашения и обычаи, которыми устанавливались структура и функции государственных органов и их отношения с гражданами⁶.

Неопределённость категории «конституция» вызывала споры и привела к появлению трёх подходов к её толкованию: «божественное право» Филмера, теория общественного договора Дж. Локка и теория «древней конституции». Последнее толкование одним из первых дал член Палаты общин Джозеф Джекил во время судебного процесса в 1709 г.: «Революция никакого нововведения не сделала; она была реставрацией старинной фундаментальной конституции Королевства, придавшей ей её собственную силу и энергию»⁷.

Казнь английского короля Карла I, состоявшаяся 30 января 1649 г., вызвала негативную реакцию монархов Европы. За событиями Английской революции следили и в Москве. Именным указом от 1 июня 1649 г. царь повелел выслать всех британских купцов со словами: «А ныне... англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти, и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось»⁸.

Политические институты Англии обсуждались и в континентальной Европе. Большое влияние на правовую мысль Европы оказал трактат «Левифан» Т. Гоббса, сторонника короля. В нём он доказывал, что люди в естественном состоянии на основе общественного договора передали всю власть монарху и обязаны ему беспрекословным повиновением. Первоначально меньшее внимание вызвало учение Дж. Локка, отражавшее реалии, сложившиеся после Славной революции. В «Двух трактатах о правлении» он доказывал, что люди посредством общественного договора не передали государству власти больше, чем это было необходимо для защиты от внешних врагов и неотъемлемых прав человека. Одной из гарантий от «деспотизма» Локк считал представление парламенту законодательной власти, а королю — исполнительную.

Основной тенденцией государственно-правового развития стран континентальной Европы было становление абсолютных монархий. В Испании и Франции этот процесс начался в XVI в. На становление абсолютизма в немецких землях, Швеции и Дании в XVII в. оказало влияние учение Т. Гоббса, которое развивалось сторонниками раннего немецкого Просвещения С. фон Пуфендорфом, Х. Томазием, Х. Вольф и др. Так, в Швеции в 1680 г. был установлен каролингский абсолютизм, регулировавшийся рядом законов, носивших, по мнению Э. Аннерса, «конституционный характер». Общим результатом этого развития явилась декларация суверенитета 1693 г., где сословия признавали за королём положение «всеобщего абсолютного суверенного монарха»⁹.

Знакомство Петра Великого с политическими институтами Англии состоялось во время Великого посольства (1697–1698). В Англию посольство прибыло 1 января 1698 г. и пробыло там 105 дней. Основное внимание царя было занято вопросами дипломатии, военного и морского дела, образования, но не стоит недооценивать его интерес к государственному праву. Барон Г. Гюйссен, сподвижник и биограф Петра I, свидетельствовал: «Неоднократно царь в беседах расспрашивал о том, как ведутся дела в Парламенте, Королевском Тайном совете и других государственных учреждениях Англии, в чем состоят права и обязанности мировых судей, интересовался регламентами административных, финансовых, адмиралтейских, почтовых учреждений, расспрашивал о правах короля в мирное и военное время и т. п.»¹⁰.

Возможно, англичане пытались воздействовать на царя с целью создания идеалистического ореола политическим институтам своей страны. 27 апреля 1705 г. статс-секретарь Р. Гарлей писал английскому посланнику в России Ч. Витворту: «Я вообще надеюсь вскоре услышать от вас, насколько европейские обычаи проникают в Россию и насколько Его Величество... успеваеет привить своей армии, своему народу, своему законодательству, правительству, торговле своей страны всё, что он и его сановники видели при своём путешествии за границей»¹¹.

О верховной власти и английской конституции царь в 1698 г. беседовал с епископом Джилбертом Бернетом. Последний писал, что обнаружил у царя «такую учёность, о которой я и не подозревал». Согласно его воспоминаниям, царь «из того, что я ему говорил, более всего внимал тогда, когда я растолковывал ему власть, принятую христианскими императорами в делах веры, и верховенство наших королей». Позднее Бернет вспоминал: «Я часто его посещал, и мне было поручено как королём, так, с другой стороны, архиепископом и епископами быть к его услугам и дать ему те объяснения относительно нашей религии и конституции, которых он пожелает»¹².

Во время посещения Гринвичской астрономической обсерватории Пётр I встречался с её директором — выдающимся астрономом, математиком и физиком Галлеем. Во время их беседы учёный дал царю ряд советов «по части государственного преобразования России». Известный богослов Фрэнсис Ли составил для царя проект необходимых, на его взгляд, реформ для России. По мнению А.И. Андреева, его записка сыграла важную роль в преобразованиях Петра I. К примеру, идея коллегиального устройства правительственных учреждений (основание семи коллегий для поощрения развития науки, художеств, улучшения законов и нравов), на которой настаивал богослов, возникла у царя именно под влиянием англичанина¹³.

2 апреля 1698 г. царь посетил английский парламент. В «Юрнале» об этом рассказывается: «...были в Парламенте... которой тогда весь в корпусе был. И видели, как в нём действует, и слушали тутошних ораторов и чтение нескольких тяжёб, билев и адресов. Сей парламент разделён на две палаты: вышняя и нижняя. Вышняя состоит в архиепископах, в бискупках, дуках, графах, маркизах и пр. ...король тут президентом или тот, кого он тут вместо себя поставит. Нижняя палата, или камора, состоит в кавалерах, шляхтичах, мещанах и ремесленных людях. В сём парламенте не только государственные мирные и воинские дела управляют, но також и тяжбы, как в вышнем трибунале, куда последние апелляции приносят из нижних судебных дворов. И никакого акта или иного дела там не вершат без королевского изволения, которой оной парламент сзывает и продолжает»¹⁴.

Одной из вещей, которую Пётр Великий приобрел на память о пребывании в Англии, было чёрное платье «английских законников». В «Юрнале» пребыванию Петра I в Англии был подведён следующий итог: «Пересмотрев же все вещи, достойные зрения, наипаче же то, что касается до правления, до войска на море и сухом пути, до навигации, торговли и до наук и хитростей, цветущих там, часто Его Величество изволил говорить, что оный Английский остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света»¹⁵.

Несмотря на тот явный интерес, который проявил царь к политическим институтам Англии, они оказались неприменимы к действительности России. Свои преобразования Пётр Великий рассматривал как продолжение политики своего отца. В преамбуле к Уставу воинскому 1716 г. он ссылаясь на военные реформы Алексея Михайловича: «Понеже всем есть известно, коим образом отец наш, блаженной и вечнодостоной памяти, в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был»¹⁶. В преамбуле к Морскому уставу 1720 г. также содержалась ссылка на начинания «при блаженной и вечнодостоной памяти Его Величества государя отца нашего для мореплавания на Каспийском море»¹⁷.

Как все просвещённые русские люди, Пётр I в детстве усвоил авторитет античной политико-правовой традиции. В 1676 г. он, в возрасте 4 лет, получил в подарок роскошно оформленную рукопись «Александрия», повествовавшую о деяниях Александра Македонского. В 1699 г. по повелению царя начала готовиться для печати книга римского автора Квинта Курция Руфа о деяниях Александра Македонского. В юности Пётр I прочитал «Записки о Галльской войне» Цезаря¹⁸.

Авторитет античной традиции являлся одним из оснований верховной власти России. Термин «самодержец», включённый в титул московских великих князей в XV в., был калькой с греческого «αὐτοκράτωρ» (главнокомандующий), который с 629 г. использовался в Византии для обозначения правящего императора. 21 октября 1721 г. Пётр I принял титул «Отца Отечества, Императора и Великого», являвшегося калькой с титула римских императоров, включавшего термины Imperator и Pater Patriae.

Обоснование абсолютной власти монарха в России проводилось на основе учений европейских юристов. В науке существует мнение о знакомстве Петра I с теорией Т. Гоббса¹⁹. Возможно, царь действительно был с ней знаком, но на русский язык «Левиафан» Гоббса не был переведён. Внимание Петра I привлёк трактат С. фон Пуфендорфа «О должности человека и гражданина по закону естественному». 19 ноября 1721 г., присутствуя на заседании Синода, царь «велел перевести на словенский диалект труд Пуфендорфа De officio hominis et civis»²⁰. Пуфендорф развивал идеи Гоббса о естественных обязанностях и свободах человека, общественном договоре. Лучшей формой «гражданского общества» он признавал монархию и доказывал желательность абсолютизма для Германской империи²¹.

При определении своей неограниченной власти Пётр I использовал рецепцию европейского права. Дефиниция верховной власти самодержца в России была дана в толковании к арт. 20 «Артикула воинского» 1715 г.: «...его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»²². Эта легальная дефиниция была заимствована из шведской декларации суверенитета 1693 г.²³

В «Духовном регламенте» от 25 января 1721 г. провозглашалось верховенство самодержца в делах церкви: «...яко христианский государь, правоверия же и всякого в церкви святей благочиния блюститель». Такая конструкция была известна Византийской империи, но и рецепции права стран Европы в этой сфере отрицать нельзя. Испанский посланник в России граф де Лириа считал, что отмена патриаршества была обусловлена европейским влиянием: Пётр I «в большей степени склонялся к лютеранству, яд которого он вкусил в Голландии», однако неизменно стремился стать главой церкви «подобно английскому королю»²⁴.

Своё правление Пётр Великий понимал как служение общему благу. Манифест «О вызове иностранцев в Россию» от 16 апреля 1702 г. начинается словами: «Довольно известно во всех землях, которые Всевышний нашему управлению подчинил, что со вступления нашего на сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние»²⁵. Усвоение царём доктрины «общего блага» привело к использованию связанной с ней общеправовой лексики, заимствованной из латинского языка: естественный закон (lex naturalis), положительный закон (lex positive), самоволие (spontaneitas) и др.

В начале XVIII в. произошло становление закона в современном смысле слова и превращение его в основную форму выражения права²⁶. В правление Петра I происходит формирование принципа законности. В 1701 г. именным указом повелевалось «боярам, и окольным, и думным и ближним людям, и судьям, и в городах воеводам и дьякам, и всяким

приказным людям... своим вымыслом вновь, сверх сего великого государя указу и Соборного Уложения, на Москве и в городах никаких статей и пополнения не делать и в допросах, и в розыскных делах, и во всяких росправах ничего не прибавлять и не убавлять»²⁷. Именным указом от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских» предписывалось: «Сим указом, яко печатью, все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов»²⁸.

Доктринальной основой для разработки государственных реформ России XVIII в. стала романо-германская наука — камералистика (*нем.* Kameralistik, *фр.* cameralistique от позднелат. camera — казна). В сфере внутреннего управления камералисты обращали особое внимание на полицейскую деятельность как инструмент государственной заботы о благосостоянии общества. Теоретиком камерализма был С. Пуфендорф. В начале XVIII в. Пётр I ознакомился с трактатом Г. фон Бодена «Княжеских сил хитрость», который утверждал, что сила государя в богатстве страны, поскольку «деньги суть нервы всех управляемых дел», в развитии торговли и промышленности и правильном управлении ими. Царь наложил на чистом обороте первого листа резолюцию: «Сию книгу напечатать немедленно»²⁹.

В результате государственных реформ Петра Великого были созданы регулярная армия и военно-морской флот, проведено преобразование государственной гражданской администрации. В 1711 г. учреждён Сенат. В 1717–1718 г. созданы центральные органы управления — коллегии. В ходе губернских реформ 1708 и 1719 г. преобразованиям был подвергнут местный аппарат государственного управления. В связи с учреждением Юстиц-коллегии и провинциальной реформой 1718 г. предпринята попытка создания надворных и городских судов. «Табель о рангах» завершил реформу военной, гражданской и придворной службы. Для надзора за законностью деятельности государственного аппарата были учреждены фискалы и прокуратуры.

Пётр Великий исходил из того, что не только монарх, но и всё общество должно служить «общему благу». Это положение было уже разработано в трудах раннего немецкого Просвещения. В частности, Пуфендорф писал о том, что в соответствии с «естественным законом» интересы личности должны быть подчинены интересам общества и государя³⁰. В соответствии с этой доктриной в Уставе морском 1720 г. предписывалось всем «интерес Его Величества и государства престоерегать и охранять»³¹.

В начале XVIII в. происходит оформление отношений верховной власти («величества») и её подданных, а также консолидация сословий. Юридическая конструкция сословного общества сложилась в Древней Руси, как и в средневековой Европе, под влиянием римского права. Церковнославянское слово «сословие» в значении «собрание, общество, сообщество» появилось в XIV–XV в. и было калькой с греческого³². Рецепция европейского права в XVIII в. конкретизировала это понятие.

Консолидация сословия, обязанного службой монарху, привела к появлению «шляхетства». Податная реформа и общегосударственная перепись населения, начатая в 1718 г., обусловила сохранение обобщённого наименования для податных людей — «тяглые люди». Крестьяне, в связи с их владельческой принадлежностью, стали делиться на «государственных», «дворцовых», «помещичьих», «монастырских», «архиерейских». Тяглое население города было разделено на «гильдейское купечество» и «посадских людей».

Обязанности подданного перед государём не исключали его «естественной свободы», дарованной Богом, о которой писал Пуфендорф³³. Пётр Великий учитывал эту особенность статуса своих подданных. При проведении податной реформы было ликвидировано холопство. В ст. 31 Инструкции, или Наказа, воеводам от 26 января 1719 г. предписывалось «смотреть того накрепко», чтобы вотчинники «ради пьянства или инаго какого непостоянного

жития» не разоряли своих крепостных крестьян³⁴. Тяглое население городов получило словное самоуправление с начала при проведении реформы Ратуши 1699 г., а затем при учреждении городских и Главного магистратов в 20-х годах XVIII столетия.

Преобразования Петра Великого обусловили становление светского образования в России и знакомство просвещённой части общества с достижениями европейской культуры. В начале XVIII в. были открыты начальные «цифирные» школы, создавались гарнизонные школы для детей солдат и школы при Адмиралтействе, более высокий уровень образования давался в « навигацких » школах Москвы, Великого Новгорода, Нарвы, Ревеля и Астрахани, Морской академии в Санкт-Петербурге, горных училищах Урала и Карелии. 22 ноября 1698 г. Пётр I издал указ об отправке русских дворян «в разные государства учиться всяким наукам». «Студенты» обучались в Венеции, Флоренции, Тулоне, Марселе, Париже, Амстердаме и Лондоне.

Нормативные акты Петра Великого, которыми устанавливался неограниченный характер власти самодержца, понятие и значение закона, основы политического и сословного строя имели учредительный характер. Пётр I осознавал значение таких актов и выделял их среди других своих указов, называя «генеральными»³⁵. Значение этих учредительных актов осознавали и его современники. Феофан (Прокопович) в «Правде воли монаршей» назвал именную указ о престолонаследии 1722 г. «естественным законом», «конституцией, или уставом», но при этом казнь Карла I квалифицировал как «пребеззаконное дело... сильных неких изменников от парламента Великобританскаго над королём своим»³⁶. Ш.-Л. Монтескье об этом указе писал: «Согласно конституциям Московии царь волен избрать себе в преемники, кого хочет, или в своём семействе, или вне его»³⁷.

Доктринальное обоснование власти монарха, сформировавшееся в начале XVIII в., в течение полувека оставалось господствующим в России. Идеи С. Пуфендорфа определили содержание государственно-правовых учений Феофана (Прокоповича), В.Н. Татищева и В.К. Тредьяковского. После основания при Академии наук первого в истории России университета этику, политику и «право природы» преподавали в нём по С. Пуфендорфу. После открытия Московского университета (1755) курс естественного права 70-х годов преподавался в нём в духе Пуфендорфа и Вольфа³⁸.

Однако в правящей элите России начала XVIII в. возникают иные представления о пределах верховной власти, основанием которых стало учение Дж. Локка. Его адептом был государственный деятель и представитель высшей знати князь Д.М. Голицын. В 10-х годах по его заказу были переведены сочинения Г. Гроция «О законах брани и мира» и С. Пуфендорфа «О законах естества и народов», в начале 20-х годов — трактат Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» и трактат «О правлении» Дж. Локка³⁹.

Политические условия, возникшие после смерти Петра Великого, способствовали постановке вопроса об ограничении самодержавной власти. 8 февраля 1726 г. при Екатерине I «как для внешних, так и для внутренних важных дел» был создан Верховный Тайный совет⁴⁰. Добившись подчинения себе Сената, коллегий иностранных дел, воинской и адмиралтейской, члены Совета обратились 11 марта 1726 г. к императрице с «Мнением не в указ о новом учреждённом Тайном совете». В нём предлагалось сосредоточить в Совете всю законодательную деятельность, чтобы «никаким указом прежде не выходить, пока оные в Тайном совете совершенно не состоялись»⁴¹.

Императрица «Мнение» не утвердила, но неспособность Екатерины I и Петра II к самостоятельному участию в государственном правлении привела к тому, что Верховный Тайный совет от их имени фактически осуществлял верховную государственную власть. В Совете обсуждались все вопросы внешней политики и «новые подати или иные какие

новые учреждения». Советом была проведена административная контрреформа, в ходе которой судебные органы Петра Великого были упразднены, суд и администрация переданы губернаторам и воеводам⁴².

В ночь на 19 марта 1730 г. скончался император Пётр II. Сразу после смерти монарха, на ночном заседании члены Верховного Тайного совета приняли решение о «поручении» российского престола курляндской герцогине Анне Иоанновне, племяннице Петра Великого. Но своё решение они обусловили обязательством будущей императрицы при вступлении на престол подписать и обнародовать составленные ими «кондиции» (от лат. *conditio* — соглашение)⁴³.

К будущей императрице в Митаву была направлена делегация. «Кондиции», которые должна была объявить Анна Иоанновна при вступлении на престол, включали следующие обязательства: не выходить замуж и не назначать себе наследника (п. 1–2), не производить в чины выше полковника и придворные чины без согласия с Советом (п. 3), не начинать войны и не заключать мирный договор без согласия с Советом (п. 4), гвардии и армии быть под ведением Совета (п. 5), не жаловать поместьями и вотчинами (п. 6), «у шляхетства деревень, ни чести без суда не отнимать» (п. 7), «излишних податей с крестьян не имать» (п. 8)⁴⁴.

Инициатором составления «кондиций» был Д.М. Голицын, который, по словам саксонского посланника П.П. Лефорта, «со времён Петра I постоянно имел в виду ограничить самодержавие»⁴⁵. По вопросу об идейных источниках составления «кондиций» в науке существуют три точки зрения: во-первых, правовые акты Швеции, которыми в период после смерти Карла XII (с 1718 по 1722) королевская власть была ограничена⁴⁶; во-вторых, трактат Дж. Локка «О правлении», переведённый по заказу Д.М. Голицына на русский язык⁴⁷; в-третьих, сочинение «Правда воли монаршей» Прокоповича, в котором обосновывалось, что единственным источником власти является народ, передавший при заключении договора суверенитет монарху⁴⁸.

25 января Анна Иоанновна в Митаве подписала «кондиции». 1 февраля они были доставлены в Москву. 2 февраля верховники огласили «кондиции» перед собранием высших чинов империи. Это привело к появлению ряда дворянских проектов: «мнения» 364-х, сенатора И.А. Мусина-Пушкина, «проекта пятнадцати» (от «генералов»), «проекта пяти» (от «бригадиров»), «проекта тринадцати» (от чинов ниже бригадирского ранга), «проекта двадцати пяти» (от нечиновных). В них предлагалось увеличить число верховников и сенаторов. Кандидатов в Совет, Сенат, президентов коллегий и губернаторов «выбирать... генералитету и шляхетству». Все проекты содержали предложения по улучшению сословного положения «шляхетства», «облечения» духовенству, купечеству и крестьянам⁴⁹.

4 февраля 1730 г. от имени Верховного Тайного совета был издан Манифест, извещавший об избрании Анны Иоанновны «общим желанием и согласием всего российского народа». Одновременно верховники составили «Проект формы присяги», в котором из титула императрица исчезло понятие «самодержавие» и появилось положение о том, что «не персоны управляют законами, но законы управляют персонами...»⁵⁰.

С момента составления «кондиций» появились противники попытки установить власть «толпы государей вместо одного». 20 января бывший генерал-прокурор П.И. Ягужинский отправил к Анне Иоанновне своего гонца с целью убедить её их не подписывать. Не позднее 2 февраля появился «Проект общества», в котором предлагалось упразднить Верховный Тайный совет. 12 февраля Анна Иоанновна по пути в Москву приняла звание полковника Преображенского полка и капитана кавалергардов, что соответствовало традициям этих воинских частей, но противоречило «Кондициям»⁵¹.

15 февраля Анна Иоанновна прибыла в Москву. 25 февраля в Кремле дворянская делегация подала ей два коллективных прошения. Первое содержало жалобу на то, что верховники принимали не все проекты от дворянства и просили собрать дворянский сейм, для того чтобы «согласным мнением по большим голосам форму правления государственного сочинить». Второе — просьбу об уничтожении «кондиций» и восстановлении самодержавия. Первоначально второе прошение подписало 162 дворянина, но сбор подписей продолжился, и до 7 марта его подписало 2246 дворян. В ответ на второе прошение, Анна Иоанновна «надорвала» «кондиции» и приняла титул самодержицы. 4 марта 1730 г. Верховный Тайный совет был упразднён⁵².

Вступление на престол в 1741 г. Елизаветы, «дщери Петровой», привело к сближению России с Францией. Верховная власть в России сумела привлечь на свою сторону «патриарха» французского Просвещения Вольтера, которому заказали написать историю правления Петра I. Именно Вольтер был создателем для европейцев образа Петра I, который «имя Великого заслужил... не столько победами, сколько... ещё более поразительными деяниями» по просвещению и преобразованию своей страны⁵³.

На середину XVIII в. приходится знакомство просвещённых русских людей с правовыми учениями французского Просвещения, создававшихся под обаянием идеалов теории «общественного договора» Дж. Локка, политических институтов и «свобод» Англии. Наиболее авторитетными правовыми учениями Франции стали теория разделения властей Ш.-Л. Монтескье и теория народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо. Теория Руссо была хорошо известна в России, труды его издавались, но она не получила широкого признания. Екатерина II резко отрицательно относилась к взглядам «жениевского гражданина» и писала: «Я отвечу на предсказание Жан Жака Руссо, давая ему, доколе буду жива, очень невежливое опровержение»⁵⁴.

Признанием в России пользовалась теория Ш.-Л. Монтескье. Особенно русских мыслителей привлекало его учение об «истинной монархии», которая отличалась от деспотии соблюдением *lois fondamentales* (в России этот термин переводился как «основательные», «фундаментальные», «непременные», «коренные законы»). Гарантией соблюдения «основных законов» Монтескье считал такое разделение властей, при котором бы монарх получил исполнительную, народное представительство — законодательную, а суды — судебную власть.

Первый проект «истинной монархии» в России в духе французских просветителей был создан 7 октября 1754 г. графом П.И. Шуваловым. Он представил Сенату записку «О разных государственной пользы способах». Свои предложения Шувалов пытался обосновать необходимостью следовать заветам «нашего премудрого монарха Петра Великого». «Главную силу государственную» Шувалов видел в «народе, положенном в подушный оклад». Он писал, что от осуществления его проекта «двойная польза, то есть охранение казённого интереса и народная польза последует»⁵⁵.

Учения эпохи Просвещения оказали влияние на правовую политику Елизаветы Петровны и Петра III. 21 февраля 1763 г. состоялся Манифест об уничтожении Тайной канцелярии⁵⁶. Важнейшим актом в сфере сословной политики стал именной указ «О вольности дворянства» 1762 г.⁵⁷. Этим актом благородное сословие не только освобождалось от обязательной государственной службы, но ему были даны обещания политического характера, составлявшие, по мнению Г.В. Вернадского, «как бы зародыш дворянской конституции»⁵⁸.

Приняв самодержавное правление после очередного дворцового переворота, Екатерина II столкнулась с задачей упрочения своей власти. В Обстоятельном манифесте о вступлении на престол от 6 июля 1762 г. императрица обещала узаконить положение о необходимости для верховной власти действовать в «пределах и законах»⁵⁹. Конкретизируя эту декларацию

именным указом от 3 июля 1762 г. она установила, что её устные распоряжения получают законную силу только в случае, если они не отменяют уже принятые нормативные акты; не устанавливают применение гражданской и смертной казни, конфискации имущества, награждения чинами выше полковника и суммами свыше тысячи рублей; объявлены через сенаторов, генерал-прокурора, президентов трёх первых коллегий и зарегистрированы в Сенате⁶⁰.

Екатерина II вступила на престол со сформировавшимися философскими и правовыми взглядами. В Россию она попала в 1744 г. в возрасте 15 лет. 18 лет жизни при дворе Елизаветы Петровны она отдала всё, чтобы «быть просвещённой». В эти годы она овладела русским языком, приобщилась к православной вере, изучала труды французских, итальянских и немецких просветителей. В ранних заметках 1758–1762 г. она записала: «Я свободна от предрассудков, и у меня ум от природы философский»⁶¹. Став императрицей, она вступила в переписку с Ф.-М.-А. Вольтером, Ж.-Л. д'Аламбером, Д. Дидро, Ф.М. Гриммом.

28 декабря 1762 г. Н.И. Панин по заказу Екатерины II подготовил записку и проект манифеста о преобразованиях верховной власти. В записке указывалось, что государственное правление осуществляется по «законам и уставам, которые изданы в разные времена... иногда скоростижно, иногда не осмотрительно, иногда и пристрастно». Это не позволяет Сенату и коллегиям управлять страной «в пользу государственную». Панин утверждал, что при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне процветал фаворитизм, почему «в производстве дел действовала более сила персон, нежели власть мест государственных». Он предлагал «государю просвещённому» для исправления этого зла учредить Совет с правом «законодательства»⁶².

В проекте манифеста, во-первых, предлагалось учредить Императорский совет в составе шести-восьми советников, включая статс-секретарей департаментов иностранных, внутренних, военного и морского дел, которые должны были принимать все документы, поступающие императрице и составлять после их обсуждения проекты законодательных и административных актов. Эти акты должна была подписывать императрица и статс-секретарь, в департаменте которого готовился акт. Во-вторых, предлагалось увеличить число сенаторов, разделить Сенат на департаменты⁶³.

Екатерина II прочитала и внесла правки в проект манифеста о создании Императорского совета. 28 декабря 1762 г. она поставила свою подпись, но обнародование манифеста было отложено. В январе–феврале 1763 г. проект обсуждался среди ближайшего окружения императрицы. Б.Х. Миних поддержал его и писал: «...благо государства требует, чтобы огромная дистанция, существующая между верховной властью и властью Сената, была восполнена Советом»⁶⁴. Однако трое других сановников заподозрили Н.И. Панина в намерении ограничить императорскую власть⁶⁵. В результате Екатерина II надорвала свою подпись. Но идеи Н.И. Панина о реформе Сената заинтересовали императрицу. Манифестом от 15 декабря 1763 г. Сенат был разделён на шесть департаментов⁶⁶.

4 декабря 1766 г. был опубликован Манифест о создании Уложенной комиссии, в соответствии с которым были избраны 573 депутата, включая 28 от государственных органов, 165 — от дворян, 208 — от городов, 18 — от крестьян и казаков, 54 — от национальных окраин. Они получили от выборщиков около 1,5 тысяч наказов о сословных и местных нуждах⁶⁷. Эта инициатива императрицы соответствовала идее просветителей, согласно которой монарх должен поощрять общественные дебаты для пересмотра законодательства с участием сограждан.

Императрица представила Уложенной комиссии собственный «Наказ» от 30 июня 1767 г. При его составлении Екатерина II использовала сочинения Ш.-Л. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро, Ж.-Л. д'Аламбера, К.А. Гельвеция, Я.Ф. Бильфельда, И.Г. Юсти. По подсчётам О.А. Омельченко, заимствования составляют 80 % числа статей и 90 % объёма текста⁶⁸. В 1765 г. императрица писала д'Аламберу о работе над «Наказом»: «Вы увидите, как в нём для

пользы моего государства я ограбила президента Монтескье, не называя его; но надеюсь, что если он с того света увидит мою работу, то простит мне этот плагиат во имя блага двадцати миллионов людей, которое должно от этого произойти... Его книга для меня молитвенник»⁶⁹.

«Наказ» начинался с обоснования самодержавной власти в России. В ст. 9 она провозглашала: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединённая в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства». В ст. 11 говорилось, что «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно». Наконец, в ст. 12 приводился ещё один аргумент: «Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим».

Заимствуя и перерабатывая учения Монтескье о монархии, Екатерина II иногда заменяла термин «*autorité despotique*» (деспотия) на «*autorité souveraine*» (этим термином Монтескье обозначал любую власть). Ф.В. Тарановский указывал: «В "Наказе" "природа" монархического государства прилагается к обширной Российской империи, причём принципы закономерного правления сочетаются с таким оправданием абсолютной власти государя, которое признается у Монтескье одним из отличительных свойств деспотического правления»⁷⁰.

Однако Екатерина II не отождествляла самодержавие и произвол. Прежде всего она утверждала: «Россия есть Европейская держава» (ст. 6); «Пётр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашёл тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» (ст. 7). Далее императрица указывала на то, что власть самодержца ограничена, во-первых, «законом Христианским», который «научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно» (ст. 1). Во-вторых, естественным правом: «Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра» (ст. 13). Отсюда, следовало практическое положение: «...в самодержавии благополучие правления состоит отчасти в кротком и снисходительном правлении» (ст. 513).

Именно этой доктриной аргументируется необходимость введения «фундаментальных законов», закрепляющих неограниченность самодержавной власти и «предохранение безопасности каждого особо гражданина» (ст. 33). Екатерина II утверждает, что «всякое наказание, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние, по своему естеству не подлежат законам» (ст. 63). По мнению императрицы, «сии законы, несомненно, суть делающие твёрдым и неподвижным установление всякого государства» (ст. 21).

При этом Екатерина II различала собственно законы, «которые ни в какое время не могут перемениться» и выражают основные принципы общественного строя (ст. 444), временные учреждения, в которых определяется «тот порядок, которым все дела должны управляемы быть, и разные о том указы и уставы» (ст. 445) и указы, которые «только есть случайное или на чью особу относящееся, и может со временем перемениться» (ст. 446).

Екатерина II заявляет, что «государь есть источник всякие государственные и гражданские власти» (ст. 19), но «существо правления» составляют «власти средние, подчиненные и зависящие от верховной», «через которые изливается власть государева» (ст. 20). Особое положение среди этих органов власти занимает Сенат, который «есть хранилище законов» (ст. 26). Сенат рассматривает законы, поступившие от государя на соответствие их Уложению и только установив, что новый закон соответствует ему, утверждает его «и всему народу объявляют во известие» (ст. 24, 25). Иными словами императрица извратила идею Монтескье о «хранилище законов». Реализовать хотя бы частично его теорию разделения властей в России было невозможно, т. к. в 60-х годах XVIII в. суд оставался неотделённым от администрации.

В ст. 36–39 «Наказа» декларируется новый элемент правового статуса «гражданина» — «вольность», которая позволяет «всё то делать, что законы дозволяют». В ст. 34 императрица объявляет: «Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». Однако в ст. 250 она обосновывает необходимость сохранения сословного строя: «Гражданское общество... требует известного порядка. Надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим — которые повинуются». Императрица различала земледельцев, которые «живут в селах и деревнях и обрабатывают землю... и сей есть их жребий» (ст. 358), мещан, которые «в городах обитают» и «упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» (ст. 359), и дворянство, которое «есть нарицание в чести» и должно пользоваться «разными преимуществами» (ст. 360, 361).

В «Наказе» был впервые поставлен вопрос о крепостном праве, но императрица была в его решении чрезвычайно осторожна: «...надлежит, чтоб законы гражданские, с одной стороны, злоупотребление рабства отвращали, а с другой — предостерегали бы опасности, могущие отсюда произойти» (ст. 254); «...не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобождённых» (ст. 260). В отношении подавляющей части населения России — крестьянства — императрица ставила задачу «о размножении народа в государстве» (ст. 264), для чего, в частности, предполагала «предписать помещикам законом, чтоб они с большим рассмотрением располагали свои поборы, и те бы поборы брали, которые менее мужика отлучают от его дому и семейства» (ст. 270).

Рукопись «Наказа» Екатерина II послала в 1768 г. Вольтеру. В письме от 26 февраля 1769 г. Вольтер ответил: «Оный предварительный Наказ, который изволили вы мне прислать, я читал. Сие творение Ликург и Солон, конечно, утвердили бы своеручным подписанием; но сами не возмogli бы, может быть, подобного произвести. Тут написанное, всё ясно, кратко, истинно и наполнено твёрдостью и человеколюбием... будьте уверены, что в потомстве имя ваше более всех прославляемо будет!»⁷¹.

«Наказ» был сразу издан на русском и французском языках, а затем переведён на латинский, греческий, голландский, немецкий, английский, итальянский и польский языки, публиковался и обсуждался в прессе европейских стран. Именно это обсуждение позволило российской императрице снискать в Европе славу «философа на троне». Во Франции «Наказ» был запрещён цензурой как вольнодумное произведение.

Деятельность Уложенной комиссии, работа которой открылась 30 июля 1767 г., оказалась неудачной из-за отсутствия плана работы и неготовности подавляющего большинства депутатов к законотворчеству. В связи с началом русско-турецкой войны 18 декабря 1768 г. «большая Комиссия» была распущена, частные комиссии продолжили действовать до 1774 г. Результаты работы Комиссии Екатерина II использовала, прежде всего, для упрочения своей неограниченной власти, включая «власть законодательную», «власть защитительную» и «власть совершительную»⁷².

В 70-х–80-х годах XVIII в. Екатерина II продолжила государственные реформы в духе эпохи Просвещения. Императрица осознавала, что задача просвещённого правления заключается не только в идее верховенства закона, но и просвещении населения Империи, создании «новой породы людей», способной понимать и применять эти законы. Она поощряла развитие образования, науки, искусства, заботилась о развитии медицины. Екатерина придала силу нормативного акта сочинению И.И. Бецкого «Краткое наставление, выбранное из лучших авторов с некоторыми физическими примечаниями, о воспитании детей от рождения и до юношества», которое позднее было включено в Полное собрание законов Российской империи⁷³.

Важное значение Екатерина II придавала реформе местного управления. В 1775 г. было принято «Учреждение для управления губерний». Высшей властью на местах была вверена генерал-губернаторам и губернаторам, которые её осуществляли с помощью губернского правления, Казённой палаты, Приказа общественного призрения. Учреждение Приказа общественного призрения положило начало развитию системе государственного народного образования и медицины на местах. В уезде власть поручалась городничему и капитан-исправнику. Контроль за законностью деятельности аппарата управления осуществляли губернский прокурор и стряпчие.

На основе «Учреждения» 1775 г. суд отделялся от администрации. Суд был основан на сословных началах. Дела о дворянах рассматривались в уездных судах и верхнем земском суде. О «третьем сословии» — городские и губернский магистраты. О крестьянах, ямщиках и т. д. — в нижних и верхней расправах. Апелляции на решения сословных судов подавались в губернские палаты уголовных и гражданских дел. Особое место в судебной системе занимал Совестьный суд. Этому суду, основываясь на процедуре английского права о habeas corpus, Екатерина II предписывала проверять обоснованность заключения под стражу⁷⁴.

21 апреля 1785 г. Екатерина II приняла важнейшие акты в сфере сословного законодательства — жалованные грамоты дворянству и городам, в которых были урегулированы состав этих сословий, их права и привилегии. В 70-х годах императрица разрабатывала «Положения для свободных сельских обывателей», которое не вступило в силу. Но в духе этого положения Г.А. Потёмкиным в Екатеринославском наместничестве и Е.П. Кашкиным в Пермском и Тобольском наместничествах разработали региональные нормативные акты, на основе которых были проведены реформы самоуправления государственных крестьян⁷⁵.

В 80–90-х годах Екатерина II работала над проектами преобразования органов верховной власти⁷⁶. О.А. Омельченко назвал их «проектом конституции "просвещённого абсолютизма"»⁷⁷. В основе проектов лежал принцип Просвещения, согласно которому государственное правление должно быть подчинено «фундаментальному» закону, который выражает «естественный дух» нации. К таким «естественным законам» Российской империи Екатерина II отнесла неизменность положения государства, сохранение самодержавного правления как следствия обширности Империи, наличие разных «состояний жителей», догматы и обряды православной веры.

На законопроектные работы повлияло увлечение императрицы трудом английского юриста У. Блэкстона «Комментарии на английские законы». 4 августа 1776 г. она писала Ф.М. Гримму: «...его комментарии и я, мы, неразлучны: это доставщик материй и идей неисчерпаемый, я не делаю ничего, чего не было бы в его книге, но свою нить я кручу только на свой фасон»⁷⁸. В начале 80-х годов по распоряжению Екатерины II был издан русский перевод «Комментариев»⁷⁹.

Обращение Екатерины II к труду Блэкстона, пытавшегося внести правовую определённость в теорию «древней конституции» Англии, не противоречило её представлениям о незыблемости самодержавия. Блэкстон придерживался доктрины абсолютных прав и свобод личности, но интерпретировал её через «дух» английской правовой системы и политической традиции дуалистической монархии. Теоретические конструкции суверенитета и содержания законодательной власти он использовал для обоснования полномочий монарха. Гарантию правовой определённости он видел в научном подходе к законодательству и традициях прецедентного права английских судов.

Общий замысел проекта Екатерины II заключался в разработке всеобщего узаконения «о самодержавии» и престолонаследии, о Сенате как «хранилище законов», учреждения Главной Расправной палаты и Генерального суда, создании «Уголовной части уложения» и

«Наказа, или Следственного устава». В процессе работы над проектом выделились три его основные части: Манифест, «О Сенате» и «Наказ Сенату». Императрица почти закончила «Наказ Сенату», в который вошли семь глав: о форме правления Империи и неограниченной власти монарха, титуле императора, полномочиях и финансовых прерогативах самодержца, порядке престолонаследия и составе императорской фамилии, о Совете при высочайшем дворе, Сенате и чинах высшей администрации⁸⁰.

Частью законопроекта стал раздел «непременных прав» подданных. Всем подданным гарантировалось право на жизнь, личную безопасность, здоровье, имя и на пользование имуществом, судебную защиту, поскольку они составляли «естественные права», которые всякий человек имел от Бога и которые не «подвержены истреблению или ослаблению времени». Кроме того, подданным дозволялось иметь оружие «по состоянию и по законам», провозглашалась свобода вероисповеданий и запрет на наказание за «мысли и слова людские»⁸¹. При этом сохранялось сословное деление общества, каждому сословию предполагалось установить особый правовой статус на началах жалованных грамот дворянству и городам 1785 г. и проекта «Положения для свободных сельских обывателей»⁸².

Проблема «основных законов» волновала не только императрицу, но и просвещённое российское дворянство. Новый проект государственных преобразований разработал Н.И. Панин с участием своего секретаря Д.И. Фонвизина. Ныне сохранилось только введение к нему под названием «Разсуждение о непременных государственных законах». В духе идей Ш.-Л. Монтескье идеальной формой правления объявлялась монархия, основанная на «непременных государственных законах». Монарх — это «душа правимого им общества», который с помощью «непременных государственных законов» достигает того, что государство становится «политическим телом»⁸³.

О содержании проекта позволяют судить две записки цесаревича Павла, которые он составил после разговоров с Н.И. Паниным в 1783 г.⁸⁴. Речь в них шла «о неудобствах и злоупотреблениях нынешнего рода администрации нашей», для преодоления которых «нашли за лутчее согласовать необходимо нужную монархическую исполнительную власть... с преимуществом той вольности, которая нужна каждому состоянию для предохранения себя от деспотизма». Для этого прежде всего нужно установление порядка престолонаследия, «которой и есть закон фундаментальной».

Законодательная и исполнительная власть вверялась монарху. При этом планировалось преобразование исполнительной власти, которую монарх должен осуществлять с помощью министерской системы. Предполагалось учредить «юстицкой», «камерной», «денежной», «щётной», «комерции», «два военных», «внешних или иностранных дел» департаменты во главе с министрами. Для обсуждения дел текущего управления министры с участием императора образовывали «Государев совет».

Законодательная власть монарха различалась с «властью законы хранящую», которая «должна быть в руках всей нации». Её предполагалось передать реформированному Сенату. Этот орган, во-первых, должен был стать высшим судебным органом, расположенным в Санкт-Петербурге, Москве, Казани и Глухове. Во-вторых, Сенат должен формироваться «по выбору и представлению дворянства каждого наместничества с конфирмации государской». Возглавлял присутствия Сената канцлер правосудия. Сенат получал право представления по всем вопросам государственного управления, за исключением внешней политики.

М.М. Щербатов считал, что от формы правления зависят «нравы человеческие»: «...под всяким правлением народ имеет особливые нравы... в монархии люди честолюбивы, во аристократии горды и тверды, в демократии смутнолюбивы и увёртчивы, в самовластном же правлении подлы и низки». В допетровской Руси «твёрдость» бояр не давала монарху безнаказанно

посягать на собственность и дела «лучших людей». Преобразования Петра привели к «повреждению нравов», рабской зависимости благородного сословия от власти. Отсюда, Щербатов утверждает, лучшей формой правления для России является монархия, ограниченная властью аристократии, которая не позволяет правителю, «отвергая законы, ввести самовластие»⁸⁵.

Единственным русским мыслителем XVIII в., поддерживавшим теорию народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо, был А.Н. Радищев. Он считал, что общественный договор — это договор народа с самим собой, а власть монарха только поручена народом государю. Критиковал Руссо за то, что тот, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие», и считал, что в холодных странах, подобных России, возможно только «варварство». По мнению Радищева, Россия в результате революции может стать республикой⁸⁶.

Процесс формирования категории «конституция» в современном смысле слова завершился в годы Американской и Французской революций, когда были приняты первые кодифицированные конституционные акты. Принятие Конституции США 1787 г. не оказало первоначально значительного влияния на политико-правовую мысль России. В годы Американской революции и войны за независимость Екатерина II поддержала Соединенные Штаты и выступила с Декларацией о вооружённом морском нейтралитете 1780 г.⁸⁷

Новое понимание категории «конституция» в России возникает после восстания в Париже в июле 1789 г. Национальное собрание Франции стало называть себя «Constituante» (перевод с фр. учредительное). 26 августа 1789 г. была принята «Декларация прав человека и гражданина», закрепившая принцип равноправия, личные и политические права граждан; 3 сентября 1791 г. — Конституция Франции (Constitution de 1791), провозгласившая, что верховная власть, «единая, нераздельная, неотчуждаемая и неотъемлемая», принадлежит нации.

Французская революция заставила Екатерину II критично оценить воззрения молодости. Гримму она писала, что «ожидает от него оправдания в её уме философов и их учеников в том, что они имели долю участия в революции и в Энциклопедии, ибо Гельвеций и Даламбер признавались оба Фридриху II, что в этой книге было два лишь предмета: первый — уничтожение христианской религии, второй — уничтожение царской власти»⁸⁸.

Однако этого отторжения не нужно переоценивать. В начале 1789 г. Екатерина II писала швейцарскому философу И.Г. Циммерману: «Я уважала философию потому, что в душе моей всегда была отменно республиканкою; признаюсь, что такое расположение души с моею неограниченною властью покажется, может быть, чудным противоречием; однако ж в России никто не скажет, чтоб я власть свою во зло употребляла»⁸⁹.

8 июня 1792 г. поверенный Франции в России Эдмонд Жене писал: «...великий князь Александр затеял дискуссию о правах человека и других положениях нашего общественного договора», а когда его начали спрашивать, кто его этому научил, он сказал, «что это бабушка рассказала им о французской конституции по всем её пунктам, разъяснила причины революции 1789 г., но рекомендовала запечатлеть всё это в своём сердце и никому не говорить». Жене делал из этого следующий вывод: «Этот факт не показывает ли, что Екатерина в глубине души сочувствует, как писательница и философ, нашим законам, но показывает к ним враждебность, как государыня и самодержица, из политических соображений»⁹⁰. Разрыв дипломатических отношений с Францией последовал только после казни короля Людовика XVI и начала якобинского террора.

Таким образом, современное понимание категории «конституция» начинает формироваться в Англии в XVII в. Однако, во-первых, неписанная конституция Великобритании страдала правовой неопределённостью и толковалась английскими юристами как

реставрация «древней конституции»; во-вторых, понимание англичанами «вольностей» не соответствовало характерному для Европы приоритету обязанностей подданных перед монархом по отношению к их свободам. В странах континентальной Европы XVII–XVIII в. происходило становление абсолютных монархий, но идеи «конституции» обсуждались, оказывали влияние на понимание закона и признание «естественных свобод».

Доктрина «истинной монархии», обязанной заботиться об «общем благе», «естественных свободах» подданных и «размножении народа», определяла правовую политику Российской империи XVIII в. Идеи раннего немецкого Просвещения были усвоены Петром Великим и закреплены в его «генеральных» законодательных актах. В правление Елизаветы Петровны и Екатерины II эти идеи получили развитие под влиянием учений Просвещения.

Только в эпоху Великой Французской революции возникает правовая определённость категории «конституция» как кодифицированного учредительного акта высшей юридической силы, определяющего основы общественного и государственного строя, порядок и принципы формирования органов государственной власти, права и обязанности личности. Екатерина II и верхи русского общества осознали это значение категории «конституция».

Русским юридическим языком XVIII в. был усвоен ряд понятий конституционного права: «конституция», «общественный договор», «естественное право», «депутат», «гражданин» и др. Но здесь нужно сделать одну оговорку. Термин «конституция» использовался только в нормативных актах второй половины XVII – первой четверти XVIII в. Уже верховники заменили его термином «кондиции», основываясь на опыте конституционных соглашений монарха и парламента в Англии. В 40-х годов XVIII – начале XX в. использовался термин «основные законы». В заглавиях советских конституций термин «конституция» также раскрывался в скобках термином «основной закон». Думается, такая подмена возникла из-за опасения, что понимание конституции как учредительного акта государства приведёт к ослаблению авторитета власти императоров XVIII – начала XX в. и партийного руководства советского периода.

¹ Овсянян Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции // Правоведение. 2001. № 5. С. 24–36; Акишин М.О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 51–72.

² Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1826. Ч. 4. С. 32.

³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 4. С. 351.

⁴ ПБИБВ. М., 1956. Т. X: янв. – дек. 1710 года. С. 790.

⁵ Там же. М., 1962. Т. XI, вып. 1: янв. – 12 июля 1711 года. С. 390.

⁶ Бромхед П. Эволюция Британской конституции / пер. с англ. М., 1978. С. 31.

⁷ Цит. по: Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах: Учеб. пособие. М., 2015. С. 14.

⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. I. № 9. С. 169.

⁹ Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 267.

¹⁰ Цит. по: Андреев А.И. Пётр I и Англия в 1698 году // Пётр Великий. М.; Л., 1947. С. 87.

¹¹ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 77.

¹² Шубинский С.Н. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1893. С. 16.

¹³ Андреев А.И. Пётр I и Англия ... С. 82, 91; Лабутина Т.Л. Британская культура в России в XVIII веке: восприятие, заимствования и отторжение // Публицистика. URL: http://histrf.ru/biblioteka/book/britanskaia-kul-tura-v-gossii-v-xviii-viekie-vozpriiatie-zaimstvovaniia-i-ottorzhenie_edn10 (дата обращения: 18.01.2017).

¹⁴ Туманский Ф.С. Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деятельности Петра Великого. СПб., 1787. Т. III. С. 64–65.

¹⁵ Там же. С. 67–68.

¹⁶ ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 203.

¹⁷ Там же. Т. VI. № 3485. С. 2.

¹⁸ Кротов П.А.: 1) Античная традиция в имперском строительстве Петра Великого // Империи и империализм Нового и новейшего времени.

- СПб., 2009. С. 24–31 ; 2) Пётр Великий : концепция власти и правления // Личность в истории в эпоху Нового и новейшего времени : Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, дек. 2009 г. СПб., 2011. С. 27–33.
- ¹⁹ Лапто-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты её развития в России со времени Смуты и до эпохи преобразований // Голоса минувшего. 1914. № 12. С. 5–38.
- ²⁰ Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 213–214.
- ²¹ Пүфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 422–423, 436–437.
- ²² ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 325.
- ²³ Миллюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб., 1892. С. 673 ; Аннерс Э. История европейского права. С. 255.
- ²⁴ Цит. по: Анисова И.Л. Идеи ранних английских просветителей Р. Стила – Дж. Аддисона и русские нравоучительные журналы 50–60-х годов XVIII века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00, 07.00.02. М., 2002. С. 287.
- ²⁵ Законодательство Петра I. М., 1997. С. 537.
- ²⁶ Акишин М.О. «Общее благо» и государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). С. 95–117.
- ²⁷ Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1863. Кн. 5, отд. 3. С. 51.
- ²⁸ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М. ; Л., 1945. С. 104–106.
- ²⁹ Лебедева И.И. Библиотека Петра I : Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 205.
- ³⁰ Пүфендорф С. О должности человека и гражданина ... С. 390–391.
- ³¹ ПСЗ. Т. VI. № 3485. С. 3.
- ³² Виноградов В.В. История слов. М., 1999. С. 650–653.
- ³³ Пүфендорф С. О должности человека и гражданина ... СПб., 1726. С. 342.
- ³⁴ ПСЗ. Т. V. № 3294. С. 628
- ³⁵ Там же. Т. VI. № 3574, 3957. С. 176, 648.
- ³⁶ Феофан (Прокопович). Правда воли монаршей в определении наследника державы своей. М., 1722. С. 1, 3, 31 ; Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. : Учебник. 3-е изд. М., 1982. С. 70.
- ³⁷ Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999. С. 61.
- ³⁸ Введенский А.И. и др. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 184, 276 ; Кузнецов Э.В. Философия права в России. М., 1989. С. 35.
- ³⁹ Лапто-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты её ... С. 32 ; Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 166 ;
- Круглов В.М. Русский рукописный перевод второго трактата «О правлении» Джона Локка // Известия Академии наук. (Сер. литературы и языка). 2003. № 5. С. 50–55.
- ⁴⁰ ПСЗ. Т. VII. № 4830. С. 568–569.
- ⁴¹ Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 55. С. 93–94.
- ⁴² Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны : (1730–1740). М., 2014. С. 17–26.
- ⁴³ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 г. : события, люди, документы. М., 2010. С. 31.
- ⁴⁴ Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. / отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М., 2010. С. 169–170.
- ⁴⁵ Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 352.
- ⁴⁶ См.: Миллюков П.Н. Верховники и шляхетство. Ростов н/Д., 1905. 74 с. ; Богословский М.М. Конституционное движение 1730 г. М., 1905. С. 40.
- ⁴⁷ Лапто-Данилевский А.С. Идея государства и главные моменты её ... С. 32 ; Круглов В.М. Русский рукописный перевод ... С. 50–55.
- ⁴⁸ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 г. С. 36.
- ⁴⁹ Там же. С. 209–225.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 3 (Дела, относящиеся до внутренней и внешней политики России). Д. 4. Л. 35.
- ⁵¹ Курукин И.В., Плотников А.Б. 19 января – 25 февраля 1730 г. С. 33, 95, 101, 203–204.
- ⁵² Там же. С. 109–111, 142–148 ; ПСЗ. Т. VIII. № 5509, 5510. С. 601–603.
- ⁵³ Вольтер Ф.-М.-А. История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. СПб., 1999. С. 23.
- ⁵⁴ Цит. по: Кобеко Д.Ф. Екатерина II и Жан Жак Руссо // ИВ. 1883. Т. 12, июнь. С. 612.
- ⁵⁵ Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» / подгот. С.О. Шмидт // ИА. 1962. № 6. С. 100–104.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. XV. № 11445. С. 915–918.
- ⁵⁷ Там же. № 11444. С. 912–915.
- ⁵⁸ Вернадский Г.В. Очерк истории права Русского государства XVIII–XIX вв. : (Период империи). Прага, 1924. С. 21.
- ⁵⁹ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. I. № 5. С. 64–69.
- ⁶⁰ Там же. № 4. С. 63–64.
- ⁶¹ Екатерина II. Избранное. М., 2010. С. 39.
- ⁶² Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. С. 222–231.
- ⁶³ Там же. С. 232–241.
- ⁶⁴ Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 77.
- ⁶⁵ Архив князя Воронцова. М., 1882. Кн. 26. С. 1–6 ; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 316 ; Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. СПб., 1891. Т. 2. С. 137–160.
- ⁶⁶ Законодательство Екатерины II. М., 2000. Т. I. № 33. С. 221–227.

- ⁶⁷ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй : Просвещённый абсолютизм в России. М., 1993. С. 141 ; Брикнер А.Г. Большая комиссия 1767–1768 гг. // ЖМНП. 1881. Ч. ССХVII, окт. С. 283.
- ⁶⁸ Там же. С. 30.
- ⁶⁹ Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 30.
- ⁷⁰ Тарановский Ф.В. Судьба «Наказа» имп. Екатерины II во Франции // ЖМЮ. 1912. № 1. С. 126.
- ⁷¹ Переписка российской императрицы Екатерины II с г. Вольтером с 1763 по 1778 г. СПб., 1802. Ч. 1. С. 43.
- ⁷² ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 504.
- ⁷³ Там же. Т. XVII. № 12785. С. 1050.
- ⁷⁴ Акишин М.О. Habeas corpus act по-русски. Английские законы на отечественной почве // Родина : российский исторический журнал. 2003. № 5–6. С. 62–65.
- ⁷⁵ Он же. Наставление для установления порядка в сельской жизни : (источники и состав памятника) // Новосибирский архивный вестник : информационно-методический бюллетень Комитета государственной архивной службы администрации Новосибирской области. 2003, № 12. С. 73–83.
- ⁷⁶ Коркунов Н.М. Два проекта преобразования Сената второй половины царствования императрицы Екатерины II : (1788 и 1794 годов) // ЖМЮ. 1899. № 5. С. 139–171 ; Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // Проблемы истории абсолютизма. М., 1983. С. 25–62 ; Он же. Идеи конституционного закона и «всеобщей законности» в правовой политике «просвещённого абсолютизма» : Неизвестный проект Екатерины II «О узаконениях вообще» // Проблемы правовой и политической идеологии. М., 1989. С. 71–78.
- ⁷⁷ Он же. «Законная монархия» Екатерины ... С. 337.
- ⁷⁸ Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 52.
- ⁷⁹ В 1780–1782 годах в Московском университете С.Е. Десницким был издан только перевод предисловия и первый том (Истолкования английских законов Г. Блэкстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского. М., 1780–1782. Кн. 1–3).
- ⁸⁰ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. С. 344–348.
- ⁸¹ Он же. Идеи конституционного закона ... С. 96, 98.
- ⁸² Он же. «Законная монархия» Екатерины ... С. 357.
- ⁸³ Шумигорский Е.С. Император Павел I : Жизнь и царствование. СПб., 1907. Прил. 4–13 ; Фонвизин Д.И. Собрание сочинений. М. ; Л., 1959. Т. 2. С. 266.
- ⁸⁴ Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина – Д.И. Фонвизина // ВИД. Л., 1974. Т. VI. С. 261–280.
- ⁸⁵ Сочинения кн. М.М. Щербатова. Политические сочинения / под ред. И.П. Хрущёва. СПб., 1896. Т. I. С. 337, 346.
- ⁸⁶ Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М. ; Л., 1938. Т. 1. С. 15 ; Там же. М. ; Л., 1941. Т. 2. С. 412 ; Там же. М. ; Л., 1952. Т. 3. С. 47.
- ⁸⁷ Акишин М.О. Декларация Екатерины II о морском вооружённом нейтралитете : (К истории международного права) // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 4 (22). С. 118–127.
- ⁸⁸ Сб. РИО. Т. 23. С. 308, 622.
- ⁸⁹ Екатерина II. Избранное. М., 2010. С. 820.
- ⁹⁰ Цит. по: Богоявленский С.К. Россия и Франция в 1789–1792 гг. : По материалам перлюстрации донесений французского поверенного в делах в России Эдмона Жене // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 41–42.

В.А. Артамонов

СИЛОВОЕ ПОЛЕ РУССКОЙ И НАПОЛЕОНОВСКОЙ АРМИЙ В 1812 г.

Победы в войнах прежде всего определяются духовной составляющей. «На войне моральный фактор относится к физическому как 3 : 1», — утверждал Наполеон.

Считается, что духовные силы поддаются лишь общей оценке, а не точному учёту и «беспреданно оказываются за пределами расчётливого разума»¹.

Военные психологи указывали на необходимость использования неисчерпаемых запасов психической энергии и близко подошли к понятию силового поля, используя термины «боевой дух», «боеготовность», «воинственность», «коллективное (групповое) настроение», «психическая сила», «психический тонус», «суммарная энергоинформационная оболочка», «сгустки электромагнитной энергии»².

Военный теоретик Н.Н. Головин в «законе главенства духовного элемента» указал на жертвенность ради идеала, на важность внушения бойцам «чувства мощи» и «эмоции силы» ради усиления энергии и веры в непобедимость, на подчинение воли противника³. А.С. Зыков перечислил способы управления поведением человека «группировками идей», отметил эффект «наведения» желаемых идей, означил влияние гнева, радости, страха, долга и славолубия на порядок, твёрдость и решительность войск⁴. П.И. Измествев для повышения мужества, самопожертвования и послушания популяризировал воздействие сильной воли на массу войск, иначе страх и инстинкт самосохранения могут переходить в панику — припадок безумного ужаса, превращающий войско в толпу⁵. И.П. Маслов отмечал, что нравственные побуждения дают энергию, напряжение которой зависит от идеалов⁶.

В данной статье предлагается учитывать дистанционные воздействия противников друг на друга через биоэнергетические (силовые) поля⁷.

Силовое поле — это тонкоматериальная оболочка, которая генерируется умом и эмоциями вокруг человека или воинской части. В основе силового поля лежит выплеск боевого духа, который может уничтожить любой отпор⁸.

В 1939 г. советскими исследователями С.Д. Кирлиан и В.Х. Кирлиан был открыт и в 1949 г. запатентован метод газоразрядной визуализации, позволяющий исследовать физическое и психическое состояние человека. «Кирлианография» регистрирует на фотоплёнке плазменное свечение газового разряда, возникающего у объекта в электрическом поле высокой напряжённости — «ауру». Любая биосистема создаёт поля с инфракрасным, радиотепловым, оптическим, акустическим и другими излучениями. Биоэнергетические излучения человека, зависящие от его эмоций и порывов духа, улавливаются энцефалографом, кристаллографическими и термомлюминесцентными методами дозиметрии⁹.

На владении силовым биополем зиждутся восточные единоборства. Боевые искусства Востока — карате, кунг-фу, ушу, дзюдо, айкидо, тхэквондо — основаны на аккумуляции собственной и космической энергии «ци» и молниеносном выбросе «энергетического шара» через руки, локти, пальцы, кулаки, ноги, голову сквозь противника или через каменные плиты и доски¹⁰.

Максимально сконцентрированная энергия преобразуется в материю. Для мгновенного извержения «биоэлектромагнитного» потока человек вводит себя в сверхпредельное состояние, чтобы закончить бой одним приёмом¹¹. Высшим мастерством «воинов духа» считаются дистанционные (с расстояния в несколько метров) бои с уничтожающими энергетическими ударами без касания противника. Такими приёмами неплохо овладели и бойцы нашего спецназа.

Известно, что в военном деле разных народов противника опрокидывали выбросом психической энергии («психические атаки»). Таковы были, например, османское и самурайское сокрушение врага неукротимым озлоблением и яростью¹². Владение силовым полем было главным для самураев: «обессилить и расшатать дух врага; смотреть сквозь его сердце и прорваться духом сквозь дух противника; победная атака рождается в сердце воина и направлена прямо в сердце врага»¹³.

«Воитель духа», А.В. Суворов сквозными напусками сбивал страх перед конницей и атакующей пехотой, причём штыки поднимались в последний момент, а солдаты в рядах лишь слегка отворачивались. Не вынимая сабли из ножен, «кавалерийский кулак» маршал И. Мюрат бросался в экстазе вперёд «с видом угрожающей отваги» только с маршалским жезлом или хлыстом. П.И. Багратион с нагайкой налетал, опережая своих всадников и потрясая врага.

Коллективная энергия, созданная сплочённой воинской частью, на порядок больше, чем от суммы усилий разрозненных воинов, — это знали все военные, собирая бойцов в кулак.

Энергетическое силовое поле и боевой дух — сопряжённые, но разные явления. Боевой дух — это совокупность морально-психологических качеств воинов, определяющих их боеготовность. Он зависит от вдохновения мессианской и державной идей, от патриотизма, самопожертвования, организации и вооружения армии, от авторитета полководца и национального характера. При боевом духе храбрость и победная эйфория раскаляются, как правило, до и во время битвы.

Об уровне боевого духа победителя может свидетельствовать количество дезертиров, пленных, трофеев, симулянтов у противника. Определённым показателем является «победная кровь» — наибольший процент потерь, при которых войска одерживают победу¹⁴. «Цена крови, которую войска готовы уплатить за победу, определяет предел моральной упругости войск»¹⁵. Боевой дух может характеризовать и отношение «кровавых потерь» к количеству пленных. Чем больше солдат сдалось в сравнении с погибшими и умершими от ран, тем ниже моральный потенциал армии. Упорно не сдающийся противник (с высокой «пленостойчивостью») обладает сильным боевым духом.

В первом приближении градацию силового поля можно дать по четырём уровням в зависимости от накала боевого духа:

- 1) героического, при боях насмерть в отчаянных ситуациях (300 спартанцев, черкесы в Кавказской войне 1817–1864 г., самопожертвование Героев Советского Союза в 1941–1945 г., японские камикадзе);
- 2) наступательного, но с умением выжить (основной тип ведения боёв);
- 3) принудительного, когда заставляют воевать насильно;
- 4) нулевого, при отказе от боя (заповедь части русских дворян XVIII в.: «Дай де Бог великому государю служить, а сабли б из ножен не вынимать»).

Дух запредельный, с фанатичным бешенством, встречающийся крайне редко (берсерки — неистовые викинги) выводится из рассмотрения.

Разложение силового поля можно представить тоже по четырём уровням:

- 1) дезертирство;
- 2) сдача в плен;
- 3) слом психики, животный страх, ступор (*лат.* stupor, оцепенение);
- 4) паника.

«Жизнестойкость» и мощь биоэнергетического поля зависят от воли воинов, упорства, решительности, мужества, ненависти к врагу, верности долгу и, конечно, от религиозной идеи и державных инстинктов.

Силовое поле насыщается боевым духом и удерживается вокруг войска и в мирной обстановке. Русские солдаты конца XVIII в., «послушные, как агнцы, в лагере, в бою были свирепыми львами»¹⁶. Напряжение силового поля (в XIX в. писали об «электризации», «экзальтации») может определяться тем, с какого расстояния бежал противник от наступающих, на какую дистанцию был отброшен, сколько бойцов отказалось от сопротивления и сдалось в плен. Боевой дух и силовое поле могут нагнетаться собственно воинами или извне, достигая максимума, изменяться во времени, воскресать, менять направленность и транслироваться в пространстве. (За три дня до битвы при Йене 14 октября 1806 г. среди пруссаков вспыхнула паника, хотя французы были ещё далеко.)

Объём силового поля может падать от убыли солдат и тяжести переходов, от утомления, недостатка вооружения и продовольствия, от осознания прошлых поражений. Раздробить силовое поле атакующего противника обороняющаяся сторона может укреплениями, интенсивным обстрелом и даже выставлением против него холодного оружия. Врубиться коннице даже в пешую колонну трудно¹⁷.

В качестве источников данной статьи взяты данные о моральном духе из дневников и мемуаров участников войны 1812 г.: А.П. Ермолова, И.Ф. Паскевича, И.П. Липранди, Р.Т. Вильсона, А.Х. Бенкендорфа, М.С. Воронцова, Д.В. Давыдова, К.А. Крейца, Д.В. Душенкевича, Н.А. Дуровой, С.Н. и Ф.Н. Глинки, А.А. Щербинина, К.Ф. Левенштерна, С.С. Малиновского, А.Г. Щербатова, Н.Е. Митаревского, Э.-Ф. Сен-При, П.Х. Граббе, Н.М. Сипягина, М.М. Петрова, Д.Н. Болговского, А. де Коленкура, Ф.-П. Сегюра, Ц. Ложье, де ла Флиза, А.-Ж.-Б. Бургоня и др.

Моральный дух наполеоновской армии

В конце XVIII в. кадровые армии Европы побеждались доморощенной, но вдохновенной тактикой революционных армий Франции¹⁸. В офицерском корпусе не было кастового высокомерия, с 1793 г. было право выбора командиров, телесные наказания запрещались.

Позже в бессловной французской армии революционный энтузиазм преобразился в завоевательный порыв. В 1812 г. великая Французская империя вместе с территориями, управлявшимися из Парижа, насчитывала около 70 млн. чел., вооружённые силы вместе с вассалами — 1187 тыс. чел.¹⁹. Могучая, с промышленным капитализмом держава авантюрно собралась разбить «варварскую и крепостную деспотию». «Великая империя света» должна была раз и навсегда отбросить «империю тьмы» за Волгу и Кавказ²⁰.

Мощь многонациональной армии Наполеона исходила главным образом из сплава мессианизма Французской революции 1789 г. и великодержавной идеи, крушившей «тиранов Европы». Видимый перевес «двунадесяти языков» над «потомками Чингисхана» сформировал настрой, «окрашенный беззаботной удалой весёлостью». Воинственность французов

влияла и на союзных вассалов. 347 тысяч французов и 327 тысяч сборища из остальной Европы²¹ не сомневались в победе. На всех языках пелись песни, в том числе «Когда в мире наступит свобода, не будет ни господ, ни слуг».

Невероятная воля, «которой [Наполеон] овладел духом солдат и начальников армии, давала ему чудовищную власть»²². Преданность идолу — «императору Европы», который побеждал гениальной стратегией и стремительностью, была всеохватной: в нём «видели полубога» (А. Коленкур), «в десницах которого находится судьба всех народов Земли». А. Веллингтон писал, что Бонапарт равноценен сорокатысячному войску²³. «Твёрдость императора направляла в одну сторону все взгляды и все честолюбивые стремления. Отечество и император сливались в свете единой славы, которая сделалась их общей славой... Волю каждого император заставлял помогать своей воле. Все восхищались его гением»²⁴. «Солдаты плакали от любви к великому человеку»²⁵. Такой «исступлённый энтузиазм» (О.В. Соколов) крепил дисциплину.

Силовое поле Великой армии формировалось талантливыми маршалами, гвардией, офицерским корпусом и «самохвальством» конскриптов. При апогее державной мощи двух империй военные касты старались жить «высшим идеалом». Прогрессивный «культ Разума» заменял для французов веру в Божественное Начало²⁶. Командные кадры, окончившие военную школу Сен-Сира, Политехническую школу Парижа, артиллерийскую школу и Версальскую кавалерийскую школу, были лучше, чем русские дворяне в полках, которых с малолетства записывали в лейб-гвардию. Во французской армии, как и в русской, считалось, что «храбрость заменяет всё» (А. Коленкур). Грозный рёв «Vive l'Empereur!»²⁷ должен был ввергать в ужас противника. Там и там раздоры среди генералов были одинаковы, но для русской армии они были губительнее, так как ни М.Б. Барклай, ни М.И. Кутузов не имели непререкаемого авторитета, как Наполеон.

Помнившие идеалы революции сыны «великого народа» гордились двадцатилетними победами, а их боеспособность усиливалась отвращением к «русским рабам», «звероподобным дикарям северных дебрей». Пропаганда расписывала русских офицеров ворами, холуями, развратниками, запойной пьянью, а солдат — жадными к водке до потери сознания. «Русский... дышит выделениями на 10 шагов: этот пар есть его собственный и представляет собой смесь запахов животного сала, табака и водки; пар таков, как будто в нём сидит зверь»²⁸. Но даже отъявленные русофобы не отрицали, что русская пехота «страшна во время фронтальной атаки, по звериному жестока в наступлении, в штыковой атаке способна внушить ужас и смести на своём пути всё, если не противопоставить ей гибкий манёвр и умную стратегию»²⁹.

В 1812 г. западный континент с «гигантом, страшившим всю Европу» (М.И. Кутузов), во главе обрушился на Россию.

Моральный дух русской армии

Русская армия была строго сословной. Командиры командовали как помещики в деревне, но палочной дисциплины и прогонов сквозь строй в походах не было, подчинение солдат было беспрекословным. Национальная гордость, храбрость и боевой дух русских вооружённых сил в 1770–1814 г. были не ниже, чем у французов³⁰.

Военный теоретик К. Клаузевиц был неправ в том, что в начале похода «у французов было решительное моральное превосходство»³¹.

Россия, отстававшая от капиталистической Франции на целую формацию, с населением 41 млн. чел. была слабее, но её военно-крепостной режим был в расцвете и надеялся расширить сферу влияния вплоть до линии Эльба – Венеция³².

Посадские и бесправные крепостные не шли добровольно в армию и ополчение. Они плакали, *«тока им не забреют лба, а сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря... что видно, такова воля Божия»*³³. По Манифесту царя от 18 июля было собрано 212–240 тыс. ополченцев, причём 78 тыс. получили огнестрельное оружие³⁴, из которого они боялись стрелять.

Деревенская нужда и крестьянская закалка позволяли солдатам стойко нести невзгоды войны. Хозяйственные артели, которых не было в других армиях, крепили боевую спайку, честь и преданность полку³⁵.

25-летняя служба делала сноровку солдат не хуже французской. *«Русский солдат не жестокосердее друаго; его сила происходит от чувства чести, от воодушевления, от национального самолюбия, качества столь драгоценного и столь электризующаго, каким ни один солдат не обладает в столь высокой степени, как русский... Воздержанные, когда надо, дисциплинированные, когда того желают, они подчиняются всему одинаково скоро; одетые или не одетые, накормленные или умирающие с голоду, получающие своё жалованье или не получающие, они никогда не ропщут, идут вперед всегда и при одном слове "Россия" и "император" бросаются в огонь»*³⁶.

Ратники 1812 г. были идейными бойцами. Помимо имперской идеи солдаты вдохновлялись идеалом богохранимого царства («Святой Руси») и верой в помазанника-царя, исполнявшего волю Небес. Мононациональная армия, исполняя «Высшую волю», считала себя непобедимой, а смерть за «священную Русскую землю» — богоугодной. Православный мессианизм и имперские амбиции солдат не имели ничего общего с психологией «крепостных рабов». Ни одна армия мира так много не пела на маршах и биваках: «Наша матушка Россия — всему свету голова!», «Наша слава — Русская держава!». Упоение победоносным «Ура!» было не слабее «Vive l'Empereur!».

Самооценка («француз боек, русский стоек», «бей, колоти один по десяти»)³⁷ была высокой. «Что касается до русских, они... всегда чувствовали своё превосходство над французами во всём, относящемся до храбрости и искусства»³⁸. Солдаты, крыли «черномазых и тощих французов» кличками «соломенный народ», «хилый сброд», «сволочь».

В минуту опасности императорский двор, дворянство, купечество, церковники, казначество, крестьянство сплотились против «окаянного нехристя», «бесноватого дьявола», «просвещённого агтилы», «ушастого сыча» и «собачьего сына» — Бонапарта. Беспокоящие толки о «новой пугачёвщине» быстро пригасли³⁹. «Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ — словом, все государственные чины и состояния... составили единую душу... От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия едва ли имовверные, едва ли когда слыханные»⁴⁰.

Прочность верховной власти была незыблема, дворянство не считало Александра I тираном. Сам главный державник хотя и полагал, что потеря обеих столиц возможна⁴¹, был полон решимости сражаться против «империи зла»⁴² и если подписывать мир, то только в Париже⁴³.

Вооружение армий было сопоставимо. Аракчеевской артиллерии в расчёте на одного пехотинца было больше, чем в любой армии, канониры неплохо обучены⁴⁴. Конский состав кирасиров и драгунов, по отзыву британского бригадного генерала Р.Т. Вильсона, отличался «бесподобным сочетанием роста, силы, энергичности и выносливости»⁴⁵. «Лучшие в мире лёгкие войска — казаки» (А. Коленкур) лихостью и прытью превосходили французских гусар.

При застарелой болезни — слабой маневренности пехоты и артиллерии из-за малограмотности рядового состава — их стойкость была образцовой⁴⁶.

Армия в целом была «отсталой в отношении образования» (К. Клаузевиц). «Читат и писать умеет, другим наукам не обучен» — таким был багаж знаний 52 % русского

офицерского корпуса⁴⁷. Младшие офицеры отличались халатностью, не занимались рекогносцировкой местности и дорог, не рапортовали о пригодности постов, лагерей и квартир⁴⁸.

Только 10–15 % офицеров заканчивали военно-учебные заведения⁴⁹, но победы «золотого века» Екатерины II дали генералам и офицерам тягу к «красоте героизма». Считалось, что трусость — сквернейший из пороков, а отвага перекроет «учённость». М.И. Кутузов указывал, что не численность, а «храбрость, рвение и дух решают успех». Установка шефа Орловского полка И.Ф. Паскевича в 1811 г. — «храбрость, храбрость и храбрость всего нужнее на войне» — означала бить врага превосходством духа⁵⁰. Традиция щедро расплачиваться солдатской кровью за невежество командования прошла сквозь всё русское военное дело. *«Наша главная защита — непобедимые мушкетёры... Строй пехоты — смерть! Страшная, неизбежная смерть!»*⁵¹.

Силловые поля противников летом 1812 г.

Убийственным промахом русского Военного министерства, о котором ни слова не говорили ни современники, ни историки, был отказ от укрепления городов, крепостей и монастырей. Русская армия готовилась защищать страну в полевых сражениях, как в древней Спарте, где запрещалось обносить города стенами и искать за ними убежища.

Оборона 1812 г. разительно отличалась от 1707–1708 г., когда перед нашествием Карла XII устраивалась полоса защиты от Пскова до Чернигова, а крупные города — Смоленск, Великий Новгород, Псков, Великие Луки, Брянск и Москва — обращались в твердыни, не подлежащие капитуляции⁵².

Вместо укрепления Петербурга, собирались вывозить в Казань Синод, Сенат, архивы, банки, сокровища Эрмитажа и т. д. Никто представить не мог, что враг прорвётся за старую русскую границу 1772 г. Появление Наполеона у ворот Москвы исключалось как русским командованием, так и первоначально французским императором⁵³.

С 1810 г. укреплялись только Киев, Бобруйск, Борисов, Рига, Динабург. Не усиливались и крупные города: Вильно, Минск, Могилёв, Орша, Полоцк, Витебск. Борисов «глупо отдали в самом начале войны» (Ж. де Местр)⁵⁴.

На случай неудачи в полевом сражении устроили лагерь для армии в излучине Западной Двины, которая поначалу считалась крайним рубежом отступления. По плану генерала К.Л. Пфуля 1-я западная армия должна была там сковать основные силы французов и дать возможность 2-й армии действовать во фланг и тыл врага. План мог бы удался, если бы махина Наполеона не была бы такой громадной, а выбор местности был бы более удачным.

Старые бастионные земляные укрепления Смоленска не имели надлежащей фортификации. 9 июля Александр I велел собирать у Смоленска ополчение, лесничих, господских егерей, псарей, конюших, но не подправить земляные укрепления и сделать новые.

Не укреплялись ни Лужецкий, ни Колоцкий монастыри, ни Можайск, куда стягивались московские дружины. Без боя оставлялись Свято-Пафнутьев монастырь и Боровск, монастыри у Дорогобужа, Вязьмы, Рославля, Звенигорода, Нового Иерусалима, не говоря уже о монастырях по дорогам Белоруссии и Смоленщины⁵⁵. Чем больше было бы укреплённых мест хотя бы с ополченцами, тем скорее дробилось бы силовое поле Великой армии и меньше захватчиков дошло бы до Москвы.

В конце февраля 1810 г. военный министр М.Б. Барклай де Толли составил записку «О защите западных пределов России». Предполагалось завязать военные действия на границе и потом, опустошив местность, отойти к оборонительным линиям по Западной Двине и Днепру, нанося контрудары по флангам противника и даже из Литвы и с Волыни в направлении Варшавы⁵⁶.

2 апреля 1812 г. военному министру был представлен план партизанской войны «денно и ночью» летучими отрядами, но диверсии у Велижа на Смоленщине начались лишь с конца июля⁵⁷, а в Центре, из-за неверия в успех, — только 1 сентября силами всего 50 гусар и 80 казаков⁵⁸.

В трёх разрозненных русских армиях на западной границе вместе с казаками было 210–220 тыс. чел.⁵⁹. В первом эшелоне вышколенной Великой армии было 448 тыс. чел., 20 тыс. повозок и более 200 тыс. лошадей⁶⁰. Двойное превосходство в живой силе не означало, что силовое поле агрессора вдвое было больше. Боевой дух обеих армий был одинаково высоким. Наполеон собирался расклинить 1-ю и 2-ю армии, раздавить их и решить в приграничье судьбу России.

Русская разведка не разузнала места переправы, Барклай не предусмотрел заблаговременного отвода войск⁶¹. Но и Наполеон, со своей авантюрной убежденностью в слабости «русского колосса», не предвидел, что тот выскользнет из его рук.

Агрессия «в виде страшной занозы» осознавалась на большом расстоянии, и люди начинали бежать: «С каждым днём и для самых отдалённых мест от полей битв более и более ощутительно становилось присутствие чего-то чуждого, чего-то постороннего, не нашего»⁶². Громада Великой армии, воля и «математический ум» Наполеона тяготили «лично храброго и безупречно честного» (Ж. де Местр) Барклая, не имевшего эмоциональной связи с русским духом.

От бездорожья, столбов пыли, жары, безводья, питания впроголодь и ливней с градом солдаты обоих воинств шатались, падали от недосыпания, но моральный дух был примерно одинаковым. Однако объём силового поля Великой армии из-за численного перевеса был больше. Как комета с хвостом в 30–40 вёрст она, захватывая пространство, «нагло неслась» вперёд и непрерывно пела несмотря на дизентерию, тиф, цингу, сифилис, на боевые потери, дезертиров, шайки мародёров, падёж лошадей и волов, отставание гуртов скота и провианта⁶³. Наполеоновская махина не сомневалась в победе над «татарскими ордами». Даже пять-шесть отбившихся стрелков-вольтижнёров, чувствуя силовое поле Великой армии, прислонившись спинами друг к другу, подпускали русские эскадроны, чтобы стрелять в упор⁶⁴. И всё же тактика выжженной земли и лишения дали в июле первые знаки убыли настроения. Вне строя фуражиры и разъезды захватчика под огнём рассыпались и бросали оружие.

Наполеоновская пропаганда лгала, что русские избегают баталии из-за деморализации и трусости. Спад дисциплины и грабежи «с полным бесстыдством» в деревнях при 40- и 50-вёрстных переходах по пескам нельзя считать «падением военного духа», как полагал генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь⁶⁵. Из-за питания впроголодь и воровства интендантов солдатам приходилось самим изыскивать пищу. Но не было ни «аустерлицкой» ретирады, ни прусского ужаса 1806 г. после поражений при Йене, ни паникёров и самострелов, как в 1941 г.

«Русские проявляли радость, атакуя нас»⁶⁶, и такой задор давал неуязвимость. От схваток уклонялись, не оставляя пушек, повозок, раненых и пленных. «У всех была одна мысль: "Бог и Отечество"» (С.Н. Глинка). В бою при Островно 13 июля 1812 г. генерал А.И. Остерман-Толстой под ураганным огнём сидел верхом, нюхал табак и приказывал «стоять и умирать».

2 августа конница маршала И. Мюрата при поддержке пехотной дивизии и одной батареи (всего 22500 чел.) пыталась с налёта раздавить силовое поле 27-й дивизии Д.П. Неверовского (7200 чел). Бесстрашно выдержав до 40 атак, сбившись в одну колонну, эта дивизия пробилась, потеряв 1500 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Во 2-ой армии Багратиона, который «умел вселять дух непобедимости» и которого любили войска, разносился «звук неумолкающей музыки, шум не перестающих песен, гордость преодолённых опасностей... По духу 2-й армии можно было думать, что пространство между Неманом и Днепром... она прошла торжествуя»⁶⁷. Багратион не считал врага сильнее и собирался крушить его яростью атак: «Ей-богу, шапками их закидаем!».

При подходе к Смоленску мораль завоевателей ещё была на высоте. «В стычках у Рудни неприятель пардона не просил» (М.И. Платов).

С коренной России, от Смоленска, «выше всякого вероятия восстал дух Русской земли», началась «священная война». Багратион собирался «до последней крайности» отстаивать эту твердыню, с её осевшими валами и частично обваленными брешами. Ни штурмовать, ни пробить стены полевой артиллерией было невозможно. «Надо держаться в Смоленске до последнего, мы все рады умереть здесь. Неприятель может пропасть, истребляя лучшую свою пехоту», — заклинал М.С. Воронцов⁶⁸. На бастионах и в некоторых амбразурах были поставлены тяжёлые орудия⁶⁹, по зубцам стен и на Королевском бастионе выставлено несколько сотен стрелков. Лёгкие пушки, пехота и конница прикрыли предместья города.

4–5 августа жажда боя «разъярённой армии» доходила до того, что вопреки запретам солдаты бросались в штыки. «Воины забыли о самосохранении»: «нетяжкие раны не замечались до тех пор, пока получившие их не падали от истощения сил и течения крови... люди удивлялись, когда им указывали на кровь»⁷⁰.

Французы с большими потерями отжали русские полки из предместий, но одолеть стены толщиной 3–7,5 м и высотой 8,5–12,5 м не могли. Наполеон «был в таком мешке, как никогда, и мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска»⁷¹. Гаубицы зажгли деревянные постройки, но боевой дух русских оставался на высшем уровне.

Ополченцев и часть пехоты можно было бы оставить в крепости, как и в Бобруйске, чтобы связать врага. Но Барклай, «как нарочно, делал глупость за глупостью под Смоленском» (Александр I) и настаивал отступать до Волги и Нижнего Новгорода, что, по его мнению, гарантировало бы разложение завоевателя. «С ограниченным умственным кругозором» (К. Клаузевиц), «хладнокровный до невероятия» остзеец не мог зажечь русское сердце и увеличить силовое поле воинов⁷². Контраст между духом армии и «позорящей» ретирადой вызвал сильный ропот. Вслед «дехтярной баклашке»⁷³ бросали облыжное обвинение: «вот едет изменник». Вся армия «плакала и ругала его насмерть» (П.И. Багратион).

В Смоленске «казённые здания на городской площади и все лучшие дома лишь незначительно пострадали от огня. Арсенал... не был затронут пожаром»⁷⁴. Защищать твердыню стремился «каждый офицер и солдат» (Р.Т. Вильсон). Но «город, который в состоянии был сопротивляться шесть месяцев, взят в три дня»⁷⁵. Если бы «нелюдимый» Барклай заметил, как быстро таяла французская армия (А.Н. Попов: до 135 тысяч «разбежались, дезертировали»), можно было бы «не держаться направления на Москву, а на Калугу и Тулу»⁷⁶.

С 17 августа солдатские «лица у всех сделались светлее», «радость войск неопишная»: прибыл М.И. Кутузов, которого «публика лучше бы желала его видеть с титулом генералиссимуса»⁷⁷. «Все умы воспрянули и полагали видеть на другой день Наполеона совершенно разбитым, опрокинутым, уничтоженным» (С.И. Маевский)⁷⁸.

Почему же на него приходили «наглядеться и смотрели как на отца, на любимого и обожаемого полководца»? Суворовской одарённости и «ужасающей силы воли» не было, но генерал обладал «познанием нрава народа», «отеческим тоном» и военным опытом. Уверенность и умышленная бодрость «оживила самосознание непобедимости» (А.И. Михайловский-Данилевский).

Кутузов знал, до какого громадного объёма может раздуться силовое поле французов в бою, и придерживался «стратегии измора»⁷⁹. «Хитрый как грек», «хитрая старая русская лиса» (К. Клаузевиц, Р.Т. Вильсон), ум которого признавал и Бонапарт, намечал «не победить, а дай бог обмануть Наполеона».

Светлейший князь искусно крейсировал среди интриг командования.

К двадцатым числам августа Кутузов понял, что французская армия выведена за пределы её «ударной силы по отношению к незнакомой местности и народному духу»⁸⁰. «Образовался решительный перевес в пользу русских»⁸¹. Кавалерия с конными батареями, «в виду один другого, маневрировали и подвигались то назад, то вперёд... Уже стали слышны в биваках песни и музыка»⁸².

Бородино

Бородинскую битву современники называли исполинской из-за неслыханного противоборства духа. Силовое поле резко возрастает при возвышенном устремлении, и это знал Кутузов. 25 августа русские полки при выносе иконы «заступницы» перед Господом Богом Смоленской Божьей матери «падали на колени и припадали челом к земле... по местам слышалось рыдание» (Ф.Н. Глинка). Все готовились к «валовому бою» насмерть, «считая его последним в своей жизни»⁸³. Кутузова сопровождало единодушное «ура!». После молитвы на подвиг русские биваки «из стали и огней», готовясь к дню «страшного суда», отказывались от водки.

На правом фланге над неприступными, местами высотой до 10 м, берегами р. Колочь с 22 августа были воздвигнуты укрепления и засека у д. Маслово для прикрытия Новой Смоленской дороги. На открытом левом фланге вместо десятка закрытых редутов отсыпали всего три лёгких, неполного профиля люнета (флеши). «Так, дрянь... ров мелкий, в колено, амбразуры до земли, и лезть через них ловко, и каждого солдата внутри видно», — вспоминал унтер-офицер Тихонов⁸⁴.

Размещение орудий было осмотрено и санкционировано командующим артиллерией генерал-майором А.И. Кутайсовым⁸⁵, который счёл возможным избыточные триста пушек оставить в резерве у д. Псарёво. Тесную центральную батарею не в виде закрытого редута в спешке стали оборудовать только около 5 часов 25 августа. Это был грубый просчёт инженерной службы. «Только грудь русского солдата... составляла единственную твердыню... в битве» (И.П. Липранди).

Великую армию возбуждали культ императора и страсть к победе. «Мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы»⁸⁶. Несмотря на скудное варево из конины, солдаты, предвкушая конец «скифской войны», шумно радовались, чистили ордена и парадные мундиры. «Вся армия кипела в жизнерадостной суматохе»⁸⁷. Под утро французские сапёры без помех навели три (или более) моста на козлах через р. Колочь.

Под Бородино Наполеон вывел 135 тыс. опытных регулярных войск и 589 орудий, русские — 117,5 тыс. регулярных войск и 624 орудия. Было и 9,5 тыс. иррегулярных казаков⁸⁸.

Механический подсчёт численности без учёта силового поля искажает картину битвы. Н.А. Троицкий снижал численность противника на 21 тысячу отборных солдат гвардии, которые не участвовали в битве⁸⁹. Но как раз их силовое поле держало силу наполеоновской армии. Одновременно Троицкий увеличивал русскую армию до 154,8 тыс. чел. в счёт 28,5 тысяч смоленских и московских ополченцев⁹⁰. Часть ополченцев сражалась, но в основном они отсыпали укрепления, выносили раненых, обслуживали обозы и почти не увеличивали силовое поле регулярных войск.

Схватка началась с грома пушек и военной музыки

Деревню Бородино, по которой наносился отвлекающий удар, егеря гвардии, один батальон которых беспечно парился в банях⁹¹, уступили к 8-ми часам утра. «Мужество и пыл, свойственные французам, никто и никогда не отрицал... Их первый удар ужасен», — свидетельствовал маршал Франции Мориц Саксонский (1696–1750)⁹². Один артиллерист, у которого отняли «разбитую» руку, поднял её и с восторгом закричал: "Да здравствует император!"⁹³.

Французские «стальные реки» шли густыми колоннами с развёрнутыми знамёнами, воплем «Да здравствует император!», с «Марсельезой» и победными маршами первых походов революции⁹⁴. Под жестоким огнём солдаты в «густых пехотных громадах падали, сжимались и шли!» (Ф.Н. Глинка).

Русские оркестры (4,5 тысячи музыкантов)⁹⁵ точно так же воодушевляли воинов. «Гренадеры, пред полками коих священники, в облачении, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам — героически, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице — готовность сразить и умереть»⁹⁶. «Все воины наши были храбры до озлобления, ибо не умереть, а остаться живыми в завоёванном французами Отечестве боялись»⁹⁷. «Умирать всем, но ни шагу назад!» — приказывал генерал Д.С. Дохтуров. Тарнопольский полк дивизии Д.П. Неверовского шёл в контратаку с музыкой и песней⁹⁸.

Никогда позже — ни под Люценом, ни Бауценом, Дрезденом и Лейпцигом — русские не дрались с большим исступлением и напряжением высших энергий духа. Генералы обеих армий жертвовали собой, чтобы воспламенить солдат победным духом. Флеши Багратиона крушили 128 орудий⁹⁹. Ранение П.И. Багратиона вряд ли обрушило дух и опрокинуло всю 2-ю армию, вызвав «величайшее расстройство» и «одно общее чувство — отчаяние»¹⁰⁰. Французский удар был отражён «сильнейшей яростью». В седьмом часу утра часть батальонов 57-го полка 5-й дивизии Ж.Д. Компана, не выдержав огня, приостановились, но потом скорым шагом заставили канониров южного люнета («флеши») свезти пушки, не дожидаясь, когда французы бросятся на бруствер. «Стремления неприятеля на батарею были таковы, что она принуждена отступить» (К.Ф. Левенштерн)¹⁰¹. С 8-ми часов северный и восточный люнет переходили из рук в руки два-три раза. Колонны наступавших то подавались назад, то останавливались. Около 10 часов флеши остались за французами.

Три французские дивизии (18 тыс. чел.) во главе с генералом Бонами героически штурмовали Курганную высоту, несмотря на картечь, вырывавшую целые шеренги. Три егерских полка, стоявшие за батареей, и несколько пехотных полков, стоявшие справа и слева, были сбиты; шесть пушек из 18 орудий успели свезти. Во время контратаки Ермолова и Кутайсова «толпой во образе колонны» «дрались только холодным оружием, что... бывает редко» (Д.Н. Болговский). В 9 ч. 30 мин. Курганную батарею отбили. Французы бежали¹⁰², потеряв до 3 тысяч человек. Храбреца Бонами, считай, «сняли со штыков».

Среди побоища, на коне, с подозрной трубой и с «ледяным хладнокровием», умело распорядился М.Б. Барклай. М.И. Кутузов, беспокоясь за путь отступления к Москве, провёл большую часть сражения у д. Горки.

«Бодрость и весёлость пехотинцев, сидевших за неимением дела под бруствером, и живость артиллеристов, непрерывно действовавших... с весёлыми поговорками... были удивительны»¹⁰³. «Ожесточённая жажда мести одушевляла нас всех»¹⁰⁴. Обстреливаемые с трёх направлений защитники полуразрушенной Курганной высоты стояли насмерть. «Офицеры, упоённые каким-то самозабвением, выступали вперёд и падали перед своими батальонами» (Н.М. Сипягин). Во время последней атаки генерала О.-Ж.-Г. Коленкура

артиллеристы бились банниками и пальниками¹⁰⁵. Большой генерал-майор П.Г. Лихачёв, сидя на походном стуле, демонстративно нюхал табак, а потом, чтобы принять смерть, «расстегнув грудь догола, бросился на штыки» (Ф.Н. Глинка).

На Бородинском поле «страшная России сила проснулась, взвихрилась, взвилась» (Ф.Н. Глинка). «Могучие наши богатыри... никогда не думают о ранах и страданиях, главный у них результат — броситься, достигнуть, разбить»¹⁰⁶.

В решающий момент, где «преобладающее значение имеет отвага и пыл»¹⁰⁷, атакующие полчища израсходовали психической энергии больше, чем обороняющиеся, и Бонапарт на сей раз не мог усилить её силой духа¹⁰⁸. Управляемость войсками была снижена недугом императора — сильным сухим кашлем, прерывистым дыханием, мочеиспусканием с болью, по каплям, лихорадочным пульсом¹⁰⁹. Его приказания часто были несвоевременны, «в самые важные минуты сражения он выказывал большую нерешительность»¹¹⁰.

Французская артиллерия превосходила русскую в калибрах и маневренности (русские хуже применяли в массе артиллерию)¹¹¹. Для пролома беспримерного по тесноте и глубине строя линейной пехоты французы применили мощь сосредоточенных батарей — сделано до 60 тыс. выстрелов. В то время уже позволялось прятаться в складках местности или ложиться, но многие придерживались старой тактики — стоять не шевелясь, «грозя изрубить в куски поклонников»¹¹². Когда Ермолов предложил лечь пехоте, все остались стоять и смыкались, когда вырывало целые ряды. Не было ни хвастовства, ни робости. Силовое поле русских не было смято¹¹³. Полковник Н.Н. Теплов, «показывая пример презрения к ядрам и гранатам, сидя на барабане, метал штос» (И.П. Липранди). Обездвиженный, «раненный в пятку, поручик Давыдов спокойно сидел и читал Юнга... неприятельские выстрелы летали мимо его»¹¹⁴.

Приписывать русскую отвагу «инертности и тупости животного состояния» (Ф.-П. Сегюр) недопустимо. Героизм воинов, среди которых было много новобранцев, следует признать высшим за две сотни лет Российской армии (1699–1917). Он был превзойдён лишь в 1941–1945 годах.

«Это цитадели, которые надо разрушать пушками», — повторял Бонапарт¹¹⁵.

*«Если бы противник, вытесненный из укреплений, не пытался их вернуть, наши потери были бы гораздо больше, чем у него; но он подверг свою армию разрушению, держа её с восьми утра до двух часов дня под огнём наших батарей и упорно пытаясь вернуть то, что потерял. Это было причиной его огромных потерь»*¹¹⁶.

На концах восьмикилометровой позиции накал битвы был гораздо слабее. 28 эскадронов (ок. 2440 чел. и 12 пушек) 1-го резервного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Ф.П. Уварова и 2700 казаков с конной артиллерией М.И. Платова стояли на отшибе в 1–2 км от Москвы-реки. Они не были захвачены атмосферой схваток в эпицентре. Барклай движением кавалерии «со всеми резервами» рассчитывал «нанести неприятелю решительный удар»¹¹⁷. Кутузов вряд ли «для решительного удара в тыл неприятелю»¹¹⁸ давал приказ коннице: «Напасть и пропасть, если необходимо!»¹¹⁹. Казаки, без пыла, около 10 часов утра «ударил в дротики» в направлении 7-тысячной пехотной дивизии генерала А.-Ж. Дельзона и 2-тысячной кавалерийской дивизии бригадного генерала Ф.-А. д'Орнано¹²⁰. За ними «с поразительной медленностью кавалерия [Уварова] подскочила на ружейный выстрел и вдруг повернула и пустилась назад, так что каре [противника] и не выстрелили»¹²¹. Рейд в сторону Колоцкого монастыря на артиллерийские парки, обозы и пекарни, на отставших и раненых не был продолжен. Без пехоты налёт «ощупью» окончился всего «стоянием» и перестрелкой, но на северном фланге у неприятеля возник беспорядок. На два часа задержалась атака французов на Курганную высоту, ослабился напор на 2-ю армию, и русские

усилили центральный участок. Из 7 тыс. всадников казаки на Бородинских полях потеряли всего 100–300 чел. (С.В. Шведов). 27 августа Кутузов бранил Платова: «...он привёл неприятеля в наш лагерь, я не знал, чтобы он был такой г...няк»¹²². На другой день Платова заменил «крылатый» М.А. Милорадович.

Корпус вице-короля Э. Богарнэ (33 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии), находившийся в изоляции от основных сил Наполеона, также не был активен.

Локальный бой на юге у д. Утицы тоже не имел остроты. 10-тысячный польский корпус Ю. Понятовского, отделённый лесом от остальной армии и находясь вне силового поля французов, вместо рейда в русский тыл по Старой Смоленке (Старая Смоленская дорога), «топтался в лесу», имитируя надвиг на егерей, на 1500 казаков генерал-майора А.А. Карпова и на 8-тыс. 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова. «Князь Юзеф, по сути, сорвал один из отработанных приёмов Наполеона — тактический обход фланга противника»¹²³.

Боевой дух ратников М.И. Платова, Ф.П. Уварова и Ю. Понятовского можно отнести по шкале лишь к четвёртому уровню: они шли в бой, не собираясь рисковать жизнью.

Атаки конницы Наполеона «фатального редута» («адской пасти») с 11 до 15 часов были нерешительными¹²⁴. На центральном участке русские были отжаты на 500–1000 м, но отстояли Бородинское поле. Не нашлось «ни одного из... воинов, оставивших свои ряды» (М.И. Кутузов). К вечеру натиск Великой армии стал совсем вялым. Наполеон пришёл к выводу, что нельзя рисковать гвардией, тем «священным резервом», который направлялся только на сломленного врага. Но даже если бы гвардейскую элиту и пустили в дело, она завязла бы среди трупов¹²⁵.

Побоище, оконченное с нерешённым исходом, доказало неизбежность огненного духа ратников М.И. Кутузова. Приговор А.П. Ермолова, что к семнадцати часам «французская армия расшилась о русскую», можно истолковать так, что жажда победы атакующих была разбита русским бесстрашием. Все промахи командования были исправлены храбростью войск¹²⁶. Раздавить силовое поле противника Наполеону не удалось. «Кутузов приказал объявить войскам, что завтрашний день он возобновляет сражение... Все приняли объявление с восторгом»¹²⁷.

На следующий день все были готовы «преградить неприятелю путь к Москве». В ночь после битвы «все полагали и говорили ещё, что час до свету мы двинемся атаковать неприятеля... Дохтуров должен был идти с частью московского ополчения... с кирасирами и с остатками 6-го корпуса на Бородино по направлению к Колоцкому монастырю... У нас полагали, что будто Наполеон отступает»¹²⁸.

Тысячи неприятелей «отошли ночью незаметно, как кошка... Казаки всю ночь проспали»¹²⁹. У французов всюду царил молчаливое уныние — признак потрясения духа после невиданных потерь. Офицеры ходили, словно опущенные в воду. «В армии, так и в палатке Наполеона было безмолвно, мрачно, скромно»¹³⁰. Зажечь огни для варки конины разрешили только в полночь. Барон Р. Фезенсак писал: «Я узнал истинную степень несчастья... Никогда ещё мы не несли столь тяжкие потери; никогда ещё моральное состояние армии не было столь поколеблено». Войско походило на армию, «потерпевшую поражение»¹³¹. Утром «победители» были «потрясены и подавлены. Армия неподвижна... Солдаты роются не только в мешках, но и в карманах убитых товарищей, чтобы найти какую-нибудь пищу... Всюду угрюмое уныние»¹³².

Утраты живой силы по разному оцениваются историками. Офицерские потери русской армии составили: 211 убитыми и 1184 ранеными, солдатские — 5697 убитыми и 31968 ранеными, — всего 39060 человек; итого ущерб составил 40 тысяч. Из строя Великой армии

24–26 августа выбыло 1928 офицеров, 49 генералов, всего до 38,5 тыс., в плен попало 700–1000 чел.¹³³. «Адское дело» (М.И. Кутузов) не стало *«решительным ни для одной из двух сражавшихся там армий... Сам неприятель был так мало уверен в победе, что нашёл возможным приписать её себе только на следующий день, заметив, что мы очистили позицию»*¹³⁴.

Великий пожар Москвы

После Бородино армия Наполеона оставалась ещё великой, и русский главнокомандующий, считал, что важен результат войны, а не исход сражения. После вечерних переключек, когда был выяснен масштаб потерь, он приказал отступить.

Только около 15 часов 27 августа французы осторожно поднялись, держась вне пушечных выстрелов. Три арьергардных боя 27–29 августа 1812 г. — под Звенигородом, при Можайске и селе Крымском — доказали, что русская армия не утратила боеспособность. «Кровопролитное дело» Милорадовича при с. Крымском, продолжавшееся весь день, заставило отступить неприятеля¹³⁵.

Однако близость Москвы «удваивала» напор Великой армии. Вместе с присоединившимися маршевыми полками и дивизиями 1 сентября она насчитывала 100 тыс. чел., 2,5 тыс. артиллерийских повозок и 5 тыс. фургонов.

Кутузов знал, что русские арьергарды с 1805 г. надёжно сдерживали наступавших¹³⁶, но твёрдо решил навести неприятеля на Москву, не пытаясь уходить, как предлагал К.Ф. Толь и Л.Л. Беннигсен, к Старой Калужской дороге¹³⁷. А.П. Ермолов тоже советовал взять направление на Калугу или «совершить в виду неприятельской армии фланговое движение на Тульскую дорогу, что было бы, однако, не совсем безопасно»¹³⁸.

В мемуарах Наполеон самонадеянно утверждал, что сакральный центр России был обречён¹³⁹. Он писал, что система крепостей в период неудач Людовика XIV избавила от гибели Париж, а в 1793 г. крепости Фландрии снова сберегли столицу. 10 (22) марта 1814 г. Бонапарт спасал от осады свой центр могущества маршем к северо-восточным крепостям Франции, чтобы ударить по коммуникациям союзников, ведущим к Рейну¹⁴⁰.

Готовил Москву стоять насмерть с 1707 г. Пётр I. С 10 июня 1708 г. около 30 тысяч человек укрепляли «улицы и урочища», отсыпали валы и бастионы, особенно вокруг Кремля и Китай-города¹⁴¹. Подновлялся Земляной вал с его 57 башнями, 11 воротами и заострёнными брёвнами, построенный в 1638–1641 г. К 7 августа было устроено 30 батарей с 804 пушками. Пять бастионов были сооружены вдоль стены Кремля, выходящей к р. Неглинной, пять — у стены вдоль Москвы-реки. По Красной площади был насыпан вал и вырыт ров, вода в который поступала из р. Неглинной. Стена Китай-города укреплена 10 бастионами и рвом. С начала октября 1708 г. на валах и бастионах Москвы уже стояло несколько десятков батарей с 964 пушками, 114 мортирами и 67 другими орудиями¹⁴².

Земляной вал и бастионы вокруг Кремля и Китай-города можно было бы подправить хотя бы в июле–августе 1812 г.¹⁴³. Вместо этого под Москвой отыскивали «места, удобные для укрепленных лагерей, которые могли бы служить опорой для армии»¹⁴⁴.

Выгодной позиции на Поклонной горе не было, а сбор 31 августа на Трёх Горах нескольких десятков тысяч горожан, с пиками, топорами и вилами, был авантюрой «сумасшедшего Федьки» — графа Ф.В. Ростопчина, чествившего Кутузова «старым болваном» и «бабой-сплетницей».

Хаотичная раздача оружия из Арсенала 1 сентября была уже бессмысленной¹⁴⁵.

Но ведь не только бахвальством были слова, что «народ Москвы и окрестностей будет драться отчаянно», что в Москве «ружей, пороху и свинцу пропасть, пушек 145 готовых, патронов 4980000. Ополчение готово, и 6000 будут на бивуаке. Народ здешний решительно

умрёт у стен московских»¹⁴⁶. 156 пушек, более 80000 ружей карабинов, штуцеров пистолетов, 60000 холодного оружия, 20000 пудов пороха, 27 тыс. ядер, гранат, бомб, которые не вывезли из Москвы¹⁴⁷, можно было бы использовать при её обороне¹⁴⁸.

Судьба Первопрестольной решалась 1 сентября — за день до сдачи. Над Кутузовым и Барклаем висел гнёт военного гения Бонапарта. Ставить французов в «два огня» между русской армией и Москвой казалось рискованным.

От решения в Филях у генералов «волосы стали дыбом» (П.П. Коновницын), многие плакали, многие срывали с себя мундиры. Но фельдмаршал «уловил врага в сети». *«Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасёт армию. Наполеон — как бурный поток, который мы ещё не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосёт»*¹⁴⁹.

В Москве Великая армия превратилась в сборище мародёров, и это наметило перелом кампании 1812 г.¹⁵⁰.

С 3 часов пополуночи до 17 часов в солнечный день 2 сентября в «непомерной тесноте и суматохе» солдаты, увешанные битыми и живыми курами и утками, раненые, тысячи повозок, орудия и крестьяне со скотом, протискивалась сквозь Москву. «Беспорядок или, лучше, хаос были неописанны» (А.И. Михайловский-Данилевский), но паники не было. Всеобщее негодование и ропот доходили до срывания мундиров. «Уныние было повсеместное»¹⁵¹.

Были и просчёты. Вывоз тысяч раненых в такой обстановке не был возможен и многие из них погибли в великом пожаре¹⁵². Единственный Дорогомиловский мост после переправы не развели, ворота Кремля, кроме Троицких, были распахнуты. В подполье не оставили ни одного агента для связи с армией.

Днём 2 сентября, вступая в молчаливый город, завоеватели с ликованием били в литавры и гремели марш «Победа за нами!»¹⁵³. В столбах пыли «с невероятным стремлением конница и артиллерия равномерно скакали во весь опор, а пехота бежала бегом. Топот лошадей, скрип колёс, треск оружий... составляли дикий и ужасный гул». Занятие Москвы дало французам хвастливо назвать Бородино своим «полем Славы». Час спустя занялись очаги пожаров.

Часть отставших русских рядовых, смешавшись с обывателями и французскими мародёрами, разбивали лавки и бочки, напивались, попадали в плен, но потом старались скрыться¹⁵⁴. Мюрату казалось, что «у русских крайний упадок духа, солдаты дезертируют, армия разлагается»¹⁵⁵. Настрой русской армии несколько выправился, когда узнали, что она идёт «на Калужскую и даже Смоленскую дорогу отрезывать путь французам». Увидев зарево над Москвой, солдаты почувствовали начало конца нашествия¹⁵⁶.

2–9 сентября оба противника упустили выгодный шанс. Перемирие, заключённое на время прохода русских сквозь Москву, было ошибкой Мюрата и Наполеона. Французы могли бы поразить противника при движении его по Дорогомиловскому мосту и по улицам древней столицы, потом по Рязанскому большаку или на марше к Калужской дороге.

Кутузов же если бы «стремительно ударил по Москве... и действовал смело... то он захватил бы нас [французов] врасплох среди беспорядка, вызванного грабежами»¹⁵⁷. После 7 сентября «маршалы [Наполеона] особенно боялись движения его [Кутузова] на Можайск, чем он отрезал бы... Смоленскую дорогу»¹⁵⁸.

Европейские города — Брюссель, Милан, Рим, Берн, Неаполь, Амстердам, Мадрид, Вена, Берлин — не разорялись французами. Не осквернялись храмы в Европе и мечети в Египте. Но «ни один изверг так не бешенствовал на земле, как шайки наполеоновы в Москве» (А.И. Михайловский-Данилевский). Русское командование не учло презрения «цивилизаторов» к «русским рабам, идолопоклонникам с грубыми и убогими инстинктами». Оно не могло вообразить, что священный центр Руси будет оскверняться, храмы обращаться

в конюшни, часовня Иверской Богоматери превращена в «нужное место», иконы рубиться на дрова или бросаться в уборные, раки святых наполняться калом, а Кремль взрываться¹⁵⁹. Повальным мародёрством занялись и гвардейцы, торговавшие награбленным, за что получили от комбатантов прозвище «московские торгаши»¹⁶⁰.

Заклание «заветного града» потрясло, «все кричали: решилась Россия!». Боялись, что наступит торжество Антихриста, Страшный суд и кончина Света¹⁶¹. Кутузов, обманув Наполеона, был угнетён, но не растерян и не уstraщён.

9 сентября ради выправления духа Кутузов предписал представить списки на повышение «за подвиги и храбрость» офицеров и унтер-офицеров и отправил две тысячи солдат генерал-лейтенанта И.С. Дорохова с двумя конными орудиями истреблять транспорты врага в районе Можайска¹⁶².

Наполеон, поднимая мораль солдат после массовых грабежей, тоже устраивал в Кремле награждения и смотры.

Русское наступление

В сентябре – начале октября у с. Тарутино, среди полевых укреплений, «с разгульным духом, музыкой, песельниками и изобилием во всём», стояла армия М.И. Кутузова (87–97 тыс. чел. при 622 орудиях)¹⁶³. В шести километрах находился авангард И. Мюрата, «с перинами, шубами, салопами, ризами, самоварами, жерновами, вазами» (26 тыс. чел. при 187 орудиях), пробавлявшийся кониной, пареной рожью и надеждой на мир. Рядовые французы были «слишком беззаботными и небрежными для того, чтобы вести себя осторожно»¹⁶⁴.

6 октября «возобновилась война». После половинчатой русской победы разнеслось «бесперывное громогласное "ура!", перемежаемое с весёлыми песнями и подсвистами... Ночь напролёт от радостного шума, казалось, хохотал весь лагерь... как бы праздновалось воскресение умолкнувшей на время Славы русской, и войско, в полной доверенности к опытному, превознесённому вождю своему, готово было сейчас опять сражаться»¹⁶⁵. Впервые французы, «бежали как зайцы» (М.И. Кутузов). Гипноз Великой армии рассеялся, «солдаты прониклись чувством своего превосходства и всеконечной гибели врага»¹⁶⁶.

7–8 октября орда громил и грабителей, «с громкой музыкой», с песнями и непомерной наживой, выкатилась в обратный путь. «Выступление из Москвы было похоже на триумф. Со всех сторон виднелась добыча победителей; гордость, какую они ощущали... превышала самое удовольствие владеть ею»¹⁶⁷.

С 9 октября стала замечаться грусть: армия мародёров шла в «невообразимой каше». Обременяли раненые — позже их стали бросать по дороге.

Четыре дня русское командование не знало ни от армейских партизан, ни от казаков о бурных с 1 октября сборах и исходе 116-тысячного воинства с 569 орудиями и громадным обозом. Крестьяне Подмосковья, вместо того чтобы послать весть в Тарутино, повалили в Москву тащить то, что осталось. Взрыв Кремля маршалом А. Мортье, застрывшим до 11 октября с 8-тысячным скопищем, из которых лишь 2 тысячи было боеспособных¹⁶⁸, не был предотвращён. Только случайно «летучий отряд» гвардии капитана А.Н. Сеславина 10 октября 1812 г. обнаружил выход «чудовища», которое ещё могло маневрировать и отбросить русских за Калугу.

В 18-часовой битве 12 октября у Малоярославца силовые поля противников были на равных. 20 тысяч врагов «освирепели, подобные стае львов», 30 тыс. русских, в том числе «ополченцы (рекруты — В.А.), едва вооружённые и обмундированные... озверели, как фанатики», и неустрашимо дрались в рукопашной¹⁶⁹. Кровавые потери были одинаковыми —

по 7 тысяч, но сшибка была такой ярости, что противники «отскочили» в разные стороны. Кутузов счёл нужным оторваться от Бонапарта и «уже готов был открыть ему путь» к Калуге¹⁷⁰. На 22–24 км он ушёл с выгодных позиций к Детчино и потом на 25 км к Полотняному Заводу. Это была его единственная ошибка. («Ненужное и пагубное отступление» — так оценил это Александр I.) Наполеон вовремя узнал об этом, но признав силу русской армии, не продолжил движение на юг.

Ожесточённая, с ничейным результатом битва стала переломной для 1812 г. Сегюр вознёс её до мирового масштаба: «Остановилось завоевание мира... началось великое крушение счастья»¹⁷¹.

«Следствием отступления от Малоярославца... стало быстрое падение боевого духа неприятельской армии»¹⁷². С переходом на «безопасную Смоленку» Наполеон потерял веру в себя и «жертвовал своей армией по частям, начиная с флангов, чтобы сохранить её костяк»¹⁷³. «Его обычная смелость заменилась роковой нерешительностью»¹⁷⁴. Безысходность вызывала у завоевателей остервенение: обессиленных пленных пристреливали. 30 октября производить расстрелы запретили¹⁷⁵, и под Гжатском две тысячи человек были жестоко перебиты, «причём у каждого из них была совершенно одинаково разбита голова, окровавленный мозг разбрызган тут же»¹⁷⁶.

Кутузов, считая главным сохранение боеспособности армии, принял план параллельного преследования, чтобы изнурять противника на маршах.

Он предусматривал всё наихудшее, с чем придётся встретиться. Сознывая своё превосходство и высшее назначение, фельдмаршал игнорировал упрёки, что «стлал золотой мост ретирующимся»¹⁷⁷.

С 18 октября главнокомандующий ни на йоту не отступал от тактики «бесконтактного» выдавливания врага силовым полем армии. «Русский Бог велик!» — возглашал фельдмаршал. «Зачем сражение, и загоразиванье дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добывание несчастных?» (Л.Н. Толстой).

В восторженном гимне Наполеону талантливый историк О.В. Соколов убеждал, что благородство завоевателей держалось на чести, отваге, жажде славы, самопожертвовании, достоинстве, воинской дружбе и вере в «новый, более справедливый порядок»¹⁷⁸. И вот через 50 дней, к началу декабря, большая часть отступающих превратилась в сброд, панически страшившийся русских.

После штурма Вязьмы 22 октября (2–3 ноября н. ст.) дух французской армии просел ещё ниже. Четверть солдат оставалась при знамёнах, многие побросали ружья и рыскали по сторонам. При малейшей атаке люди из разных полков разбегались. «Остатки Даву уплелись кое-как» (А.А. Щербинин). Зима «подкосила нас быстрее... чем чума», — сокрушался А. де Коленкур.

Беглецы, штурмовавшие продовольственные склады в Смоленске, были «тохожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома»¹⁷⁹. Хвост и фланги беглецов, «теснимых как в ящике» (Д.В. Давыдов), день и ночь рвали «вампиры» — полки атамана М.И. Платова. Вездесущность казаков, считавших своё удалство выше солдатского, страшила сильнее, чем их пики и лёгкие пушки на санях¹⁸⁰.

В арьергарде «французского ахилла» М. Нея открыто говорили о капитуляции.

Стойкость европейцев оказалась ниже, чем у русских солдат в подобных условиях в Альпах в 1799 г. И это не учёл Наполеон. Стрессы сбили налёт культуры и превратили войско в толпу. Начальник артиллерии К.Ф. Левенштерн писал, что «половина армии захватчика сгнила»¹⁸¹, и причиной было разложение духа, но не мороз и голод. Генералы, полковники, офицеры шли смешавшись с солдатами. «Злоба овладела всеми и вся» (Р.Т. Вильсон).

Возницы сбрасывали раненых в овраги и пускали лошадей на рытвины, чтобы те сваливались с перегруженных повозок. С полуживых соотечественников замерзавшие сдирали мундиры, рвали на куски дохлую конину и человечину, из-за пищи убивали друг друга. Иногда нарочно кричали: «Казачи!», чтобы толпа сбегала и можно было захватить съестное. Отчаявшиеся предпочитали плен или смерть, чем муки от ран, болезней, обморожений и ледяного ветра. Силовое поле обвалилось, и офицеры не удерживали солдат от дезертирства.

Бой под Красным 5–6 ноября, при кличах «Москва! Москва!», завершился потерей врагом 10 тыс. убитыми, от 19 до 30 тыс. пленными, но боеспособные части уцелели¹⁸². От гвардии осталось 7–8 тыс. чел.¹⁸³. При сокращении количества войск объём силового поля уменьшается, но в экстремальных случаях его напряжение может расти. Французы «оказали отчаянное мужество»: убили и ранили 2 тыс. чел. русских, а 2,5 тысячи даже взяли в плен¹⁸⁴. Если французская колонна шла, сомкнув ряды, с пением «Постоим за спасение Империи!» или поворачивалась лицом к неприятелю, то преследователи атаковали только ядрами¹⁸⁵. Вместе с тем необоснованно выхвалял «грозную осанку» старой гвардии, похожей на «100-пушечный корабль» среди «рыбачьих лодок» казаков, Д.В. Давыдов¹⁸⁶. Ведь тактика казаков не предусматривала атак на регулярные войска.

«Бородинский» потенциал противники не могли удержать. Зайдя на пепелища, русские заражались тифом, дизентерией, голодали без сухарей, чернели от мороза без полушубков, сапог и лаптей (!)¹⁸⁷, кутались в тряпье и оставляли за собой больных и раненых. Они могли, «совершая переходы, занимать новые позиции, но не способны уже на генеральную баталию»¹⁸⁸. От Тарутино до Вильно численность русской армии сократилась с 110 до 42 тыс.

Но бойцы видели, что Кутузов бережёт их кровь, и ощущали радость победы. «Кутузова армия обожает, везде его встречают с восторженными приветствиями»¹⁸⁹. Главнокомандующий стал народным вождём и вдохновляющим центром силы в отличие от Наполеона, впадавшего временами в прострацию.

«Великому крушению» армии Бонапарта помогла державная ненависть народа к «заморской гадине». «Одушевление народное достигло неистовства»¹⁹⁰. «Наш геркулес брадачый — свиреп, могуч, лукав и дик» (Ф.Н. Глинка). Вне дороги для врагов была зона смерти. Народный гнев был подобен армейскому¹⁹¹, все поголовно желали истребления захватчиков. Несмотря на внушения шадить пленных и забыть «претерпенные от врагов озлобления», «новых ордынцев» топили, закапывали живьём в землю, прокалывали веретёнами, разбивали черепа дубинами, оставляли умирать голыми на снегу, обматывали соломой и жгли¹⁹².

14–17 ноября на Березине 120 тыс. человек войск адмирала П.В. Чичагова, генерала П.Х. Витгенштейна и М.И. Кутузова окружили 60–80 тыс. отступавших (из них половина была под ружьём, и почти столько же насчитывало охвостье)¹⁹³. Пространственное мышление Бонапарта («духовидение»), самоотверженность сапёров и, самое главное, отвага отчаяния избавили от гибели императора, маршалов и генералов, большую часть офицерского корпуса, костяк гвардии и несколько тысяч солдат¹⁹⁴. Сказались и опасливость русских старших начальников перед Наполеоном, и «ошибка» Чичагова, считавшего, что р. Березина течёт с юга на север (!), и предвидение Кутузова, что после разгрома Наполеона Британская империя станет смертным врагом России. Отставшее скопище ввавших в ступор обессиленных, больных и раненых людей потеряло убитыми, утопшими, искалеченными и пленными 25–40 тыс. чел.

Урон русских на Березине после этой «лебединой песни Наполеона» (О.В. Соколов) тоже был немалым — от 8 до 14–15 тыс. чел., причём в плен попало до 1,8 тыс. солдат, многие из которых были перебиты, переморожены или разбрелись¹⁹⁵. Удар 16 ноября через Стаховский лес кирасир генерала Ж.П. Думерка против двух дивизий рассыпанных стрелков

генерал-лейтенанта И.В. Сабанеева показал превосходство сосредоточенного силового поля над разрозненным¹⁹⁶. В ноябре случилось «беспорядочное отступление [русской] пехоты, потеря обозов, всех раненых, и отрезанными были три полка егерских... Сие несчастное событие навлекло на войско какое-то уныние, которого прежде никогда не ощущали, приобькши только побеждать»¹⁹⁷. Такие потери подтверждают огульность нареканий на Кутузова в предоставлении свободного выхода врагу. Фельдмаршал не хотел потоков русской крови, тем более что под Вильно его армия «еле двигалась; все части войск... были совершенно расстроены» (В.И. Левенштерн).

Когда 23 ноября Бонапарт вынес за собой остатки силового поля побеждённой армии, чтобы быстрее возродить её боеспособность на 1813 г., мораль оставшихся рухнула окончательно. Беглецы дошли до безумия¹⁹⁸. «Нужда сделала из людей варваров. Люди чуть не насмерть дрались за краюху хлеба... за кусок лошадиного мяса, за охапку соломы... Этот поход убил в нас все человеческие чувства»¹⁹⁹. У гвардии «исчезло всё мужество и терпение... Все шли наудачу, руководствуясь своими соображениями... Мюрат, сделавшись главнокомандующим... был настолько подавлен возложенной на него тяжёлой ответственностью, вдруг сделался робок и нерешителен»²⁰⁰. Поле разложения заражает так же, как и паника. Почти в такой же в маразм впали и корпуса К. Виктора и Н.Ш. Удино, имевшие кураж и не испытывавшие ужасов отступления.

Из 560 тыс. чел. наполеоновской армии, сражавшейся в России, спаслось, по разным данным, от 30 до 81 тысячи, безвозвратные потери составили 80 %²⁰¹, в плен попало 110 тысяч.

* * *

Русский долг защиты Отечества в 1812 г. оказался выше французской идеи великодержавия. Силовое поле собранной в Европе армии по мере движения на восток слабело и не смяло вооружённые силы России. На полях Бородино Русская армия дала отчаянный отпор агрессору, но её боевой дух временно спал после оставления Москвы.

Перелом кампании 1812 г. наступил под Малоярославцем, однако силовое поле воинства Наполеона разложилось ещё в Москве. На Березине остатки Великой армии оказали достойный отпор трём русским армиям.

Уникальный сплав державной мощи Российской империи с верой в «промысел Божий», единение сословий и подъём духа народа сломали захватчиков, остатки которых ушли за Неман.

Освободительный поход Русской армии 1813–1814 г. завершился триумфальным взятием Парижа, пощажённого Александром I. Европейцы избавились от трепета перед военной машиной Франции. Русская армия «победила победителей Европы» и вплоть до Крымской войны стала считаться первой в мире по структуре, храбрости и дисциплине.

¹ Клаузевиц К.Ф.Г., фон. О войне. М.; СПб., 2002. Т. 2. С. 519.

² Серебрянников В.В. Человек и война в зеркале социологии // Военно-историческая антропология: Ежегодник. М., 2002. С. 23–37.

³ Головин Н.Н. Исследование боя: Исследование деятельности и свойств человека как бойца. М., 1995. Кн. 2. С. 40, 53–54, 59.

⁴ Зыков А.С. Как и чем управляются люди: Опыт военной психологии. Изд. второе. М., 2016. С. 21–44, 80, 104–105, 117.

⁵ Изместьев П.И. Из области военной психологии. Варшава, 1911. С. 3, 5, 38.

⁶ Маслов И.П. Научные исследования по тактике. СПб., 1896. Вып. 2: Анализ нравственных сил бойца. С. 89, 439, 445.

⁷ Первым сформулировал теорию биологического поля профессор А.Г. Гурвич в 1912 г. См.: Александр Гаврилович Гурвич: (1874–1954). М., 1970. 203 с.; Гурвич А.Г. Теория биологического поля. М., 1944. 156 с.

- ⁸ Артамонов В.А. Ударная тактика и силовое поле войск А.В. Суворова // Родина. 2010. № 11. С. 24.
- ⁹ Джаджиди С.Д. Влияния и связи. М., 2001. С. 34–35, 134, 204; Гуляев Ю.В., Годик Э.Э. Физические поля биологических объектов // Кибернетика живого : биология и информация : [сб. статей]. М., 1984. С. 111–116; Кирлиан В.Х., Кирлиан С.Д. В мире чудесных разрядов. М., 1964. 40 с.; Шустов М.А. История развития газоразрядной фотографии // Биомедицинские технологии и радиоэлектроника. М., 2003. С. 64–71; Попов Н.И. Военная психотроника. Тверь, 2006. URL: <http://nvis.ucoz.ru/text2/psychotronicmilitary.htm> (дата обращения: 18.01.2017).
- ¹⁰ См.: Долин А.А., Попов Г.В. Кэмпо – традиция воинских искусств. М., 1990. С. 98–100.
- ¹¹ Серебрянский Ю.А., Уфимцев В. Энергетические удары. Минск, 2006. С. 160–161; Пэтмен Р. Психическое айкидо. М., 2001. С. 39, 41, 46, 84–86.
- ¹² Кинг У.Л. Дзэн и путь меча : Опыт постижения психологии самурая. СПб., 2002. С. 118–187.
- ¹³ Мусаси М. Книга пяти колец : Точное истолкование классической книги Миямото Мусаси о стратегии. М.; СПб., 2010. С. 44–45, 51, 56, 68, 74, 102.
- ¹⁴ Артамонов В.А. Боевой дух Русской армии XV–XX вв. // Военно-историческая антропология. С. 131–133.
- ¹⁵ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской вооружённой силы. Белград, 1925. С. 52.
- ¹⁶ Смит Ф. Суворов и падение Польши. СПб., 1866. Ч. 2. С. 23.
- ¹⁷ Записки Крейца // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников / сост. В.И. Харкевич. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 77.
- ¹⁸ Военный министр и командующий Северной армией Ш.-Ф. Дюмурье (1739–1823) говорил, что в 1792 г. 50 тысяч гнусного сброда били стотысячные лучшие войска Европы (Искюль С.Н. Отклики на поражение антифранцузской коалиции 1792 г. // Великая Французская революция и Россия. М., 1989. С. 452–453, 455).
- ¹⁹ Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 г. М., 2008. С. 58.
- ²⁰ Сокольников М. «Исполнено по высочайшему повелению...». Рапорт, поданный Наполеону начальником его контрразведки, польским генералом Михалом Сокольниковым, с рекомендациями «о способе избавления Европы от влияния России». Минск, 2003. С. 18.
- ²¹ В целом же «иностранцев в Великой армии было практически 64,6%» (Соколов О.В. Битва двух империй 1805–1812. М.; СПб., 2012. С. 632–633).
- ²² Земцов В.Н. Московский француз аббат Сюрюг. Деконструкция образа на фоне пожара 1812 года // Эпоха Наполеоновских войн : люди, события,
- идеи. Материалы X Международной научной конференции. Москва, 26–27 апреля 2007 года. М., 2007. С. 109.
- ²³ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона : Триумф и трагедия завоевателя. М., 2000. С. 113.
- ²⁴ Коленкур А., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 2002. С. 159. (Военные мемуары).
- ²⁵ Стендаль. Итальянские хроники : Жизнь Наполеона. М., 1988. С. 436.
- ²⁶ «Религия для них [француз] не более чем пустой звук», – утверждал аббат А. Сюрюг (Земцов В.Н. Московский француз аббат ... С. 108). Православные проповеди казались им «дикими и смешными».
- ²⁷ В нём слышалась вся мощь Западной Европы (Гаврилов В.И. «Не нам, не нам, а Имени Твоему» // Военно-исторический вестник. Киев, 1912, №4. С. 19). Стендаль полагал, что французская армия не обладала энергией, окрылявшей её в 1794 г. (Стендаль. Итальянские хроники ... С. 441).
- ²⁸ Земцов В.Н. Французы в России в 1812 году // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2003/2004. М., 2005. С. 239.
- Даже пленные награждали русских конвоиров словами: «свиньи», «дьявольские шельмы» (Поморцов П. Рассказ о 1812 году // Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. М., 2008. Вып. 1. С. 33).
- ²⁹ Сокольников М. «Исполнено по высочайшему повелению...». С. 52–57.
- ³⁰ Артамонов В.А. Героика патриотизма : патриотизм и державное сознание русского народа : X–XX вв. // Меншиковские чтения – 2014 : научный альманах. СПб., «XVIII век», 2014. Вып. 5 (12). С. 9–42.
- ³¹ Клаузевиц К.Ф.Г., фон. О войне. Т. 2. С. 210.
- ³² Вандаль А. Наполеон и Александр I. Ростов н/Д, 1995. Т. 4. С. 546.
- ³³ Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской // 1812 год в воспоминаниях, переписке и рассказах современников. М., 2001. С. 56.
- «Малороссийская чернь с внутренним удовольствием принимала успехи француз: в ней ещё не угас крамольный польский дух, но дворяне не отделяли себя от нас» (Записки М.И. Маракуева ... Там же. С. 24). Скорее исключением был декабрьский бунт трёх полков пензенского ополчения – в Инсаре, Саранске и Чембаре (Белюсов С.В. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года : хроника событий. Пенза, 2012. С. 135, 138–139, 141, 145).
- ³⁴ Лапина И.Ю. Земское ополчение России 1812–1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. СПб., 2008. С. 35.

- ³⁵ Клугин Л. Русская солдатская артель // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999. С. 175–201.
- ³⁶ Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II : Состав и устройство Русской армии // РС. 1895. Т. 83. № 5. С. 200.
- Такой боевой дух держался не более полувека – примерно с 1770 по 1820 г. Его падение привело к поражениям в Крымскую, Русско-японскую 1904–1905 г., Первую мировую войну. Он был намного превзойдён в Великую Отечественную войну 1941–1945 г. (Артамонов В.А. Героика патриотизма ... С. 31–38).
- ³⁷ Самарин Г.А. Патриотическая тема в песенном творчестве народа. Фрунзе, 1946. С. 107.
- ³⁸ Дневник Н.И. Тургенева (1789–1871) // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1913. Вып. 3. С. 204–208. «Что касается смелости... я не думаю, чтобы русский солдат имел себе равных, а уж во всяком случае никого нет лучше его» (Местр Ж., де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 231). «Я должен только удивляться воинственной нации во всём свете», – писал принц Ш.-Ж. де Линь (1735–1814). Цит. по: Ивченко Л.Л. Кутузов. М., 2012. С. 65.
- ³⁹ Только в начале октября 1812 г. Наполеон стал угрожать распространением прокламаций об освобождении крепостных (Коленкур А., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Жуковский; М., 2002. С. 284).
- ⁴⁰ Манифест Александра I 25 декабря 1812 г.
- ⁴¹ Александр I – сестре Екатерине Павловне 18 сентября 1812 г. // Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 109.
- ⁴² Так высказался о Франции император Александр I (Сообщение доктора исторических наук В.Я. Гросула).
- ⁴³ «Я и народ мой решились... скорее погребсти себя под развалинами Империи, нежели мириться с аттилою новейших времён», – заявлял он 19 сентября 1812 г.
- ⁴⁴ «Ни в одной армии нет столь хорошо обученной артиллерийской прислуги, как у русских» (Местр Ж., де. Петербургские письма. С. 237).
- ⁴⁵ «Пылкость русской кавалерии, несгибаемая твёрдость пехоты делают их идеальным войском» (Вильсон Р.Т. Повествование о событиях ... С. 81; Ливен Д. Россия против Наполеона : борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 67, 69).
- ⁴⁶ «Спокойная мощь нашей пехоты и её стойкость и неустранимость производили иногда на неприятельскую конницу такое впечатление, что она поворачивала назад, не будучи даже обстреляна нашими каре» – так писал о мощи русской пехоты А.К. Байов (Байов А.К. История русского военного искусства. М., 2008. Т. 2. С. 307).
- ⁴⁷ Целорунго Д.Г. Капитан N // Родина. 1992. № 6–7. С. 11.
- ⁴⁸ Вильсон Р.Т. Повествование о событиях ... С. 302.
- ⁴⁹ Безотосный В.М. Россия в Наполеоновских войнах 1805–1815 гг. М., 2014. С. 93.
- А.П. Ермолов считал, что «в русских войсках всегда был недостаток... в решительных, самостоятельных начальниках» (Садов Ю.В. Взгляды генерала А.П. Ермолова на подготовку и обучение русского офицера // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и новейшего времени. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, декабрь 2007. СПб., 2008. С. 196). Тенденциозна оценка Чандлера: «За исключением офицеров из гвардейских и кавалерийских полков, основная часть офицерства была ленива, малограмотна, не имела нужных навыков и предавалась пьянству и азартным играм. Однако в бою проявляли личную храбрость... В целом русские генералы были отличными воинами» (Чандлер Д. Военные кампании Наполеона ... С. 459–460).
- ⁵⁰ «Русские офицеры... привыкшие, и, совершенно справедливо, рассчитывать на храбрость и неустранимость своих солдат... считают искусство и науку в военном деле не только бесполезными, но даже и опасными» (Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины ... С. 194–195).
- ⁵¹ Так писала Н.А. Дурова (Ивченко Л.Л. Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года. М., 2008. С. 178).
- ⁵² См.: Артамонов В.А. Перед шведским и французским нашествием : Москва в 1708 и 1812 гг. URL: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=8283&Itemid=35 (дата обращения: 02.01.2017).
- ⁵³ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1998. С. 505.
- ⁵⁴ Не учли, что в 1810–1811 г. Веллингтон для защиты Лиссабона построил 108 фортов и 151 редут, на которые поставил 1067 пушек (Соколов О.В. Битва двух империй ... С. 500–501).
- ⁵⁵ «Система укреплений для поддержки армии и охраны путей сообщения, чтобы прежде всего задержать, а быть может, и совершенно остановить движение Наполеона к одной из столиц, оставалась незавершённой» (Вильсон Р.Т. Повествование о событиях ... С. 61).
- ⁵⁶ Отечественная война 1812 года и освободительный поход Русской армии 1813–1814 годов : Энциклопедия. М., 2012. Т. 2. С. 601–603.
- А.Г. Тартаковский ошибочно считал, что замысел «скифского» заманивания врага вглубь России возник у М.Б. Барклая ещё в 1807 г.
- ⁵⁷ Попов А.И.: 1) Великая армия в России : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Самара, 2003. С. 21; 2) «Скифская война» 1812 года // Российская история. 2012. № 6. С. 47.
- ⁵⁸ Письмо А.Ф. Воейкову // Давыдов Д.В. Партизанский дневник 1812 года // Грозное оружие : малая война, партизанство и другие виды асимметричного воевания в свете наследия

- русских военных мыслителей: [посвящается памяти основоположника теории русского войскового партизанства, героя Отечественной войны 1812 года Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839)]. М., 2007. С. 90, 160. (Российский военный сборник; вып. 22).
- Наполеон гнал, написав, что «на протяжении всей кампании не был перехвачен ни один курьер, ни один обоз» (*Наполеон*. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994. С. 617).
- ⁵⁹ «В предыдущих войнах русские не следовали гибельному методу растянутых линий» (Мемориал 1812 года: война глазами Наполеона / публ. и коммент. В.А. Димова. М., 2012. С. 39).
- ⁶⁰ «В нашем выступлении было что-то гигантское, приводившее нас самих в изумление» (Там же. С. 41). В русском командовании «не столько не знали, сколько не верили, чтобы такие громадные силы мог двинуть Наполеон» (*Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. М., 2009. Т. 2: Нашествие Наполеона на Россию. С. 260).
- ⁶¹ «В русской генеральной квартире продолжали метаться между желанием действовать и полным бездействием... Мы были совершенно дезорганизованы, у нас не было никакой ясной цели», – писал квартирмейстер при штабе 1-й армии Л. Вольцоген (*Соколов О.В.* Битва двух империй ... С. 700).
- ⁶² *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М., 1987. С. 301.
- ⁶³ К 21 июля 1812 г. из 410 тыс. чел., перешедших границу, осталось 316 тыс. боеспособных солдат (*Попов А.И.* «Скифская война» ... С. 56).
- ⁶⁴ *Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 141.
- ⁶⁵ *Ивченко Л.Л.* Бородино: Легенды и действительность. М., 2002. С. 16.
- ⁶⁶ *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 49.
- ⁶⁷ *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 153.
- ⁶⁸ *Ивченко Л.Л.* Повседневная жизнь ... С. 418.
- ⁶⁹ Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М., 2001. С. 43.
- ⁷⁰ Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // 1812 год в дневниках ... Вильна, 1903. Вып. 2. С. 16.
- ⁷¹ П.И. Багратион – А.А. Аракчееву 7 августа 1812 г. // Великий князь Николай ... С. 102.
- ⁷² «Какой это глупой и мерзкой человек, Барклай: нерешимой, вялой и совсем не сродной к командованию никакой части» (Письма Дмитрия Сергеевича Дохтурова к супруге // Сборник трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. М., 2008. Вып. 3. С. 66).
- ⁷³ *Кузьмин А.К.* Из подлинных записок 1812 года // Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012. С. 97.
- ⁷⁴ *Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 167.
- ⁷⁵ Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской. С. 46.
- 7 августа Наполеон, выясняя возможность примирения у пленённого генерал-майора П.А. Тучкова 3-го, спрашивал: «Зачем оставили вы Смоленск?.. Вы могли отстаивать его ещё очень долго» (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М., 2008. С. 219).
- ⁷⁶ *Клаузевиц К.Ф.Г., фон.* 1812 год. М., 1997. С. 66.
- ⁷⁷ И.П. Оденталь – А.Я. Булгакову 2 августа 1812 г. // Фельдмаршал Кутузов: документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 160.
- ⁷⁸ Часть генералитета и офицеров критически отнеслись к назначению грузного, на седьмом десятке лет главнокомандующего. «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождём! ...я вас уверяю, что тоже приведёт [Наполеона] к вам, как и Барклай», – писал П.И. Багратион Ф.В. Ростопчину 16 августа (Фельдмаршал Кутузов: документы ... С. 169). А.П. Ермолов полагал, что Кутузов не имел военных дарований, вдохновлявшая его молодость к 1812 г. угадала и «низкое малодушие» заменило прежнюю храбрость (*Ермолов А.П.* Характеристика полководцев 1812 г. // Родина. 1994. № 1. С. 57–58).
- ⁷⁹ *Ивченко Л.Л.* М.И. Кутузов и теория военного искусства XVIII – XIX веков // Российская история. 2012. № 6. С. 38–39.
- ⁸⁰ *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001. С. 137.
- ⁸¹ *Клаузевиц К.Ф.Г., фон.* О войне. Т. 2. С. 210.
- ⁸² Походные записки артиллериста // Кутузов: Pro et contra. Образ Кутузова в культурной памяти об Отечественной войне 1812 года. Антология. СПб., 2012. С. 240.
- ⁸³ «Солдаты наши остервенены, ужасны», – писал А.П. Ермолов М.А. Милорадовичу (*Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года ... Т. 2. С. 530).
- ⁸⁴ *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С. 78. «Тучность Кутузова» не позволяла ему «самому производить рекогносцировку местности» (Л.Л. Беннигсен).
- ⁸⁵ *Любенков Н.* Рассказ артиллериста о деле бородинском // Отечественная война 1812 года глазами современников. С. 72–73.
- ⁸⁶ *Rapp J.* Mémoires. L., 1823. P. 199. Цит. по: *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке ... С. 68.
- ⁸⁷ Там же. С. 65.
- ⁸⁸ *Васильев А.А., Елисеев А.А.* Русские соединённые армии при Бородине 24–26 августа 1812 года: состав войск и их численность. М., 1997. С. 52–55; *Безотосный В.М.* Россия в Наполеоновских войнах ... С. 333.
- Незначительно отличаются расчёты Н.А. Троицкого: *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002. С. 168–169.

- ⁸⁹ Помимо этого, он утверждал, что Наполеон на всех пунктах атаки располагал меньшими силами, чем россияне (Там же. С. 168–171, 205).
- ⁹⁰ «Вся экзерциция ополченцев заключалась в команде "шапки долой!". И если какая шеренга ровно скидала их, то почиталась лихо обученной. Эти "крестоносцы", рать-сила могучая, могли бы выбрать своим девизом слова: "без обиды ближнему!"» (*Кузьмин А.К.* Из подлинных записок ... С. 98).
- ⁹¹ *Липранди И.П.* Война 1812 года. СПб., 1869. С. 28–29.
- ⁹² Мориц Саксонский. Теория военного искусства. М., 2009. С. 110.
- Цит. по: *Ивченко Л.Л.* Кутузов. С. 72.
- Французы, «как бешеные, бросались на смерть» (Список с письма из Главной армии от 23 сентября 1812 г. // 1812 год в воспоминаниях, переписке ... С. 120).
- ⁹³ *Флиш Д., де ла.* Поход Наполеона в Россию в 1812 г. М., 1912. С. 36.
- ⁹⁴ «Тут же эти звуки не одушевляли воинов, а некоторые старшие офицеры посмеивались, сравнивая обе эпохи» (Там же. С. 32).
- ⁹⁵ *Шведов С.В.* Комплектование, численность и потери Русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4. С. 88.
- ⁹⁶ *Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года до 1815-го года. 1838 г. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 114.
- ⁹⁷ Так говорил майор 1-го егерского полка М.М. Петров (*Ивченко Л.Л.* Кутузов. С. 386).
- ⁹⁸ *Андреев Н.И.* Из воспоминаний // РА. 1879. № 10. С. 191.
- Цит. по: *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал ... С. 208.
- ⁹⁹ *Попов А.И.* Новые сведения о Бородинском сражении // Бородино и Наполеоновские войны: Битвы, поля сражений, мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 190-летию Бородинского сражения. Бородино, 9–11 сентября 2002 г. М., 2003.
- ¹⁰⁰ *Ермолов А.П.* Записки ... С. 189.
- ¹⁰¹ Таким образом, канониры не выполнили приказ А.И. Кутайсова 25 августа: «...чтоб они с позиций не снимались, пока неприятель не съедет верхом на пушки... последний картечный выстрел выпустите в упор» (*Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке ... С. 81–82).
- ¹⁰² Там же. С. 126, 131.
- ¹⁰³ *Липранди И.П.* Война 1812 года. С. 99–100.
- ¹⁰⁴ Солдаты, демонстрируя удалство, высказывали из рядов на конницу, сбивая штыком верховых (Там же. С. 92).
- ¹⁰⁵ «Русские пушкари, верные своему долгу, умирали при орудиях, но не отдавали их» (*Д., генерал-майор.* Историческое сведение о Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года глазами современников. С. 91).
- ¹⁰⁶ *Любенков Н.* Рассказ артиллериста ... С. 85.
- ¹⁰⁷ *Клаузевиц К.Ф.Г., фон.* О войне. Т. 2. С. 527.
- ¹⁰⁸ «Окружающие смотрели на него с изумлением... это было тяжёлое спокойствие, бездейственная кротость... Многие готовы были видеть в этом упадок духа... Однако всего правильнее судили те, кто указывал на его пошатнувшееся здоровье, на тайное страдание и на начинающуюся серьёзную болезнь... Он сидел с унылым, страдальческим выражением... Уже в ночь, предшествующую великой битве, все заметили, что его снедает лихорадка» (*Сегюр Ф.-П., де.* Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 101–102, 104, 112).
- ¹⁰⁹ Запись личного врача Э.О. Метивье (*Земцов В.Н.* Битва на Москве-реке ... С. 69–70).
- ¹¹⁰ Французы в Москве в 1812 году // РА. М., 1876. Кн. 1. С. 224–225.
- ¹¹¹ Замечания И.И. Липранди ... // 1812 год в дневниках ... Вып. 2. С. 27.
- ¹¹² Записки А.И. Антоновского // Там же. Вильна, 1904. Вып. 3. С. 64–69, 114.
- ¹¹³ «Их бесформенные и изуродованные нашей артиллерией массы не были рассеяны» (*Pelleport P.* Souvenirs militaires et intimes. P., 1857. P. 27). Цит. по: *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке ... С. 102.
- ¹¹⁴ *Любенков Н.* Рассказ артиллериста ... С. 83.
- ¹¹⁵ *Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 200.
- ¹¹⁶ 18-й бюллетень Великой армии (*Маркхэм Д.* Русская кампания 1812 года в бюллетенях Наполеона // Бородино и Наполеоновские войны ... С. 194).
- ¹¹⁷ *Левенштерн В.И.* Записки генерала В.И. Левенштерна // РС. 1900. 312 С. 574–575.
- Цит. по: Кутузов: Pro et contra. С. 291.
- ¹¹⁸ *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 года. М., 2012. С. 321.
- ¹¹⁹ *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского ... С. 346.
- «Под Бородиным виноват Платов, ничего не делав во весь день» (Записки Щербинина // 1812 год в дневниках ... Вып. 1. С. 22). «Использовать с успехом конницу для самостоятельных дальних набегов и рейдов на фланги и тыл у нас тогда тоже не умели» (*Байов А.К.* История русского военного искусства ... С. 309).
- ¹²⁰ *Попов А.И.* Бородинское сражение. Боевые действия на северном фланге. Самара, 1995. С. 51, 62.
- ¹²¹ *Митаревский Н.Е.* Воспоминания о войне 1812 г. М., 1871. С. 68.
- Цит. по: *Попов А.И.* Бородинское сражение. С. 71–72.
- ¹²² Записки А.И. Михайловского. 1812 год // ИВ. 1890. № 10. С. 146.
- Цит. по: Кутузов: Pro et contra. С. 358.
- Подробно описал рейд Уварова и Платова историк К.Ф.Г. фон. Клаузевиц (Там же. С. 327–333).
- ¹²³ *Артамонов В.А.* Войско Польское и нашествие Наполеона на Россию // Бородино и Наполеоновские войны ... С. 220–221.

- ¹²⁴ *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03. Екатеринбург, 2002. С. 422.
- ¹²⁵ Вопреки О.В. Соколову и речи не могло быть об окончании войны 26 августа. См.: (*Соколов О.В.* Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 452–454).
- ¹²⁶ *Паскевич И.Ф.* «Походные записки» // 1812 год в воспоминаниях современников. С. 104.
- ¹²⁷ *Ермолов А.П.* Записки ... С. 196.
- М.А. Милорадович брался «отнять без большого урона центральную батарею» (П.Х. Граббе). Часть солдат после сражения собирали и жарили на углях грибы (*Любенков Н.* Рассказ артиллериста ... С. 84).
- ¹²⁸ Замечания И.П. Липранди ... // 1812 год в дневниках ... Вып. 2. С. 33–34.
- «Уверенность, что французская армия под Москвой рассыплется, как волна при гранитном утёсе, в общем духе господствовала и рассеивала опасения» (*Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года ... С. 115).
- ¹²⁹ Записки Шербинина // 1812 год в дневниках ... Вып. 1. С. 22.
- ¹³⁰ Французы в Москве в 1812 году. С. 223.
- ¹³¹ *Земцов В.Н.* Битва при Москве-реке ... С. 20.
- ¹³² *Ложье Ц.* Дневник ... С. 149–151.
- ¹³³ *Целорунго Д.Г.* К вопросу о потерях русской армии в Бородинском сражении // Бородино и Наполеоновские войны ... С. 34 ; *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона ... С. 475.
- См. также статью А.И. Попова «Военнопленные русские» (Отечественная война 1812 года : Энциклопедия. М., 2002. С. 138–139). По данным Военно-учёного архива Главного штаба России, число выбывших из строя составило 45,6 тыс. чел. (*Троицкий Н.А.* Фельдмаршал ... С. 198).
- ¹³⁴ Бумаги графа Сен-При // 1812 год в дневниках ... Вып. 1. С. 159, 168–169.
- ¹³⁵ Воспоминания об оставлении Москвы // Там же. Вып. 2. С. 187.
- ¹³⁶ «Никакие другие войска не обороняются при отступлении лучше, чем русские» (*Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях ... С. 81).
- ¹³⁷ Этого боялся и Наполеон (*Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 115 ; *Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях ... С. 150).
- ¹³⁸ *Ермолов А.П.* Записки ... С. 199, 208. «Полезным истребление Москвы» полагал и Д.В. Давыдов (Партизанский дневник ... С. 165).
- ¹³⁹ «Если бы [Кутузов] отступил к Киеву, то увлék бы за собой французскую армию, но в таком случае ему пришлось бы отрядить особый корпус для прикрытия Москвы; ничто не помешало бы французам послать против этого корпуса другой, сильнейший, что заставило бы его эвакуировать эту важную столицу» (*Наполеон.* Воспоминания и военно-исторические произведения ... С. 602, 603–604).
- ¹⁴⁰ О выгоде крепостей см.: Наполеон Бонапарт. Извлечения из различных произведений // Искусство войны. Антология военной мысли. Новое время. СПб., 2000. С. 197–200 ; *Ливен Д.* Россия против Наполеона : борьба за Европу 1807–1814. М., 2012. С. 630.
- ¹⁴¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4 : 1700–1712. С. 380–381.
- ¹⁴² РГАДА. Ф. 17 (Наука, литература и искусство – (коллекция) Государственного архива Российской империи). Оп. 1. 1718–1856. Д. 91 доп. Л. 238, 277 ; *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. Ч. 2. С. 538.
- ¹⁴³ Беннигсен убеждал Кутузова, что оборонительные рубежи у самой Москвы, усиленные ополчением и вооружённым народом, могут явиться непреодолимой преградой. Собираясь было зимовать в Москве, Наполеон приказал «привести в оборонительное состояние Кремль и монастыри... высокие стены которых делали их похожими на маленькие крепости. Монастыри были заняты сильными гарнизонами... Император приказал устроить в монастырских стенах бойницы с таким расчётом, чтобы оборону могли вести небольшие отряды» (*Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 227, 242).
- ¹⁴⁴ И готовить лагеря у Волги или даже дальше – для прикрытия Нижнего Новгорода и Казани (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны ... С. 87, 95).
- ¹⁴⁵ «Народное буйство в Москве, бывшее в этот вечер, описать нельзя!» (*Бестужев-Рюмин А.Д.* Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году // Москва в 1812 году. Воспоминания, письма и официальные документы из собрания Отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 2012. С. 56).
- ¹⁴⁶ Ф.В. Ростопчин – П.И. Багратиону 12 августа 1812 г. // 1812 год в воспоминаниях, переписке ... С. 96, 106.
- ¹⁴⁷ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны ... С. 285–286, 312.
- ¹⁴⁸ «Представляется почти невыносимым, чтобы противник когда-нибудь решился осадить город с населением в несколько сот тысяч человек... Даже одно только обложение представляет многочисленные трудности, если принять во внимание, что противник, растягивая многомильный обвод... везде будет натягиваться на вылазки сильного гарнизона» (*Мольтке Г., фон.* Военные поучения // Искусство войны. Антология военной мысли. Новое время. СПб., 2000. С. 361–362).
- ¹⁴⁹ Ещё в Смоленске «мы слышали о твёрдой решимости сжечь Москву, нежели оставить её, избилующую всевозможными запасами, неприятелю, и все мы внимали этому с восторженностью и

- ликованием» (*Воронцов М.С.*) Записки генерала М.С. Воронцова // 1812–1814. Секретная переписка генерала П.И. Багратиона. М., 1992, С. 283 ; *Тарле Е.В.* 1812. Год русской славы. М., 2012. С. 154). С возможным захватом Москвы стали считаться с июля 1812 г. Александр I 4 июля указал искать места для укрепленных лагерей армии в Подмоскowie, но если не будет времени, то искать позиции у Волги для прикрытия Нижнего Новгорода и Казани и размещения там 100000 чел. ополчения из низовых губерний (*Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны ... С. 87, 95).
- ¹⁵⁰ «Бессмертное величие Кутузова в том, что он не испугался страшной тяжести взятой на себя ответственности» (*Теплов Б.М.* Ум полководца. М., 1990. С. 91). 1 сентября, «чтобы показать Наполеону будто бы войско и обозы движутся к Казани, Кутузов приказал... пустить по Владимирке весь огнегасительный снаряд» (*Глинка С.Н.* Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии ... С. 418).
- ¹⁵¹ Воспоминания об оставлении Москвы // 1812 год в дневниках ... Вып. 2. С. 191.
- А.П. Ермолов «заметил с радостью, что солдат не терял духа, не допускал ропота» (*Ермолов А.П.* Записки ... С. 206).
- ¹⁵² Н.А. Троицкий в связи с оставлением 22,5 тыс. раненых навесил на М.И. Кутузова «преступление против человечности» (*Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России М., 2007. С. 318–319).
- ¹⁵³ *Бургонь А.-Ж.-Б.* Пожар Москвы и отступление французов. 1812 год : Воспоминания сержанта Бургоня : (Mémoires du sergent Bourgonne) / пер. с фр. СПб., 1898. С. 5.
- ¹⁵⁴ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 140–141.
- ¹⁵⁵ *Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 213, 223, 235. «В один день переловили 4 тысячи» дезертиров (*Михайловский-Данилевский А.И.* Записки // ИВ. 1890. № 10. С. 153–154). Цит. по: *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал ... С. 227.
- «Сердце болит видеть беспорядок и неустройство во всех почти частях нашей армии», – писал Д.С. Дохтуров 9 сентября (Письма Дмитрия Сергеевича Дохтурова ... С. 62).
- ¹⁵⁶ «Офицеры и солдаты выражали свою радость, видя зарево московского пожара, что неприятель не мог воспользоваться своим завоеванием», – писал П.В. Чичагов (1812 год в дневниках ... Вильна, 1907. Вып. 4. С. 17). Отряд К.Ф. Бенкендорфа 2 сентября даже прокричал: «Ура!» (РА. 1868. № 10. С. 1675).
- ¹⁵⁷ *Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 240.
- ¹⁵⁸ *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны ... С. 309.
- ¹⁵⁹ О разграблении святых и богатств России см.: *Мельникова Л.В.* Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. М., 2007. С. 158–186.
- После выхода Русской армии «грабёж начала московская чернь и жители соседних деревень... Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам» (*Земцов В.Н.* Московский француз аббат ... С. 110).
- ¹⁶⁰ О.В. Соколов ошибочно полагает, что не будь пожара, грабежей бы не случилось (*Соколов О.В.* Армия Наполеона. С. 352–353, 459). В опустевшем городе мародёрство было неизбежно.
- ¹⁶¹ Великая княжна Екатерина Павловна писала брату, что он обесчестил Россию, оставив Москву без боя. См.: Переписка императора Александра I с его сестрой великой княжной Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 107–108, 119–122.
- Среди солдат носились слухи, что правительство уступает все губернии до самого Днепра и даёт «корпус войск для истребления в Индии английских владений» (Походные записки артиллериста ... С. 422).
- ¹⁶² Фельдмаршал М.И. Кутузов : сб. документов и материалов. М., 1947. С. 184–185.
- ¹⁶³ «Мы блаженствовали! Куда девалась печаль, откуда дух беспечности и самонадеяния излился чудно на всех нас?» (*Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года ... С. 117).
- ¹⁶⁴ «Нет другой армии, где разведочная и патрульная служба находились бы в большем пренебрежении» (*Коленкур А., де.* Мемуары ... С. 281, 300).
- ¹⁶⁵ *Душенкевич Д.В.* Из моих воспоминаний от 1812-го года ... С. 118–119.
- ¹⁶⁶ М.И. Кутузов «уже в Тарутине хотел строить "золотой мост" Наполеону, не тратя напрасно людей» (*Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1938. С. 224).
- ¹⁶⁷ Записки маркиза Пасторе о 1812 годе // РА. 1900. Т. 3. С. 531–533.
- Цит. по: Кутузов : Pro et contra. С. 394.
- ¹⁶⁸ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 176.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 164, 172 ; *Васильев А.А.* Сражение за Малоярославец 12 октября 1812 года : От Тарутино до Малоярославца. К 190-летию Малоярославского сражения : сб. статей. Калуга, 2002. С. 67.
- ¹⁷⁰ *Богданович М.И.* История ... С. 487.
- ¹⁷¹ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 170.
- ¹⁷² *Епанчин Ю.Л.* Битва за Малоярославец : тактическое поражение и стратегический успех // Эпоха Наполеоновских войн : люди, события, идеи. Материалы X Международной научной конференции. М., 2007. С. 78.
- «Те, кого мы берём в плен, радуются этому» (*Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях ... С. 310).
- ¹⁷³ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 196.
- ¹⁷⁴ Воспоминания генерала Ван-Дедема о кампаниях 1812 и 1813 г. // ИВ. 1900. № 7. С. 233.

- Цит. по: *Безотосный В.М.* Россия в Наполеоновских войнах ... С. 365.
- ¹⁷⁵ *Попов А.И.* Великая армия ... С. 30.
- ¹⁷⁶ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 184.
- «Русские видели целую, правильно лежащую прямой линией цепь трупов русских пленных с одинаково размозжёнными, очевидно прикладом, головами» (*Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию ... С. 233). Отстающих пленных французов казаки хлестали нагайками, а обессиленных прикалывали пиками (*Флиз Д., де ла.* Поход Наполеона ... С. 81).
- ¹⁷⁷ «Я, уверенный в вашей гибели, не хотел жертвовать для сего ни одним из своих солдат... через каждые три дня я даю им роздых», – говорил М.И. Кутузов М.Л. Пюибиуску (Фельдмаршал Кутузов : документы ... С. 431).
- ¹⁷⁸ *Соколов О.В.* Армия Наполеона. С. 325–328, 510.
- ¹⁷⁹ *Грачёв В.И.* Письма французского офицера из Смоленска в 1812 году. Смоленск, 1911. С. 11–15. Цит. по: *Безотосный В.М.* Россия в Наполеоновских войнах ... С. 372.
- ¹⁸⁰ В войне 1812 г. число казаков выросло с 40860 чел. до 48437 чел. (*Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М. ; СПб., 2012. С. 354–355). Стендаль видел, как двадцать два казака «обратили в бегство конвойный отряд в пятьсот французов» (*Стендаль.* Итальянские хроники ... С. 438).
- ¹⁸¹ От Смоленска до Борисова «холод был сносный, мы ночевали на поле, без крыш». Под Смоленском «французы жрали одни других... один ещё был жив и мучился в кончине; лядьв (ляжка. – *В.А.*) его голая лежала при огне и была обожжена, а другой, тоже в агонии, приполз к нему и рвал оную зубами, как собака» (Записки Крейца. С. 81).
- ¹⁸² *Епанчин Ю.Л.* Красный // Отечественная война 1812 года : Энциклопедия. М., 2004. С. 380.
- ¹⁸³ *Бургонь А.-Ж.-Б.* Пожар Москвы ... С. 163.
- Кутузов в то время намеренно давал знать, что «расстройство неприятеля почти невероятно», у него «исчез воинский дух» и при соединении с армией П.В. Чичагова «гибель Наполеона неизбежна» (М.И. Кутузов – П.В. Чичагову 6 ноября и Витгенштейну 6 и 7 ноября 1812 г. См.: *Харкевич В.И.* Березина. Военно-историческое исследование. СПб., 1893. Прил. С. 1–2, 12, 73).
- ¹⁸⁴ Кутузов якобы сказал, что «французы ... с каким-то бешенством устремлялись против пушек, разносивших их». Такой была похвальба Бургона (*Бургонь А.-Ж.-Б.* Пожар Москвы ... С. 153 ; *Попов А.И.* Военнопленные русские // Отечественная война 1812 года : Энциклопедия. М., 2002. С. 138).
- ¹⁸⁵ *Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 214–216, 220–222.
- ¹⁸⁶ *Давыдов Д.В.* Партизанский дневник ... С. 176.
- Презиравшую всех гвардию ненавидели. Её снабжали хорошей пищей, отварным рисом, вином и бульонами. Но в её рядах уже не было ни победных песен, ни шуток, ни смеха (*Флиз, де ла Д.* Поход Наполеона ... С. 35, 51).
- ¹⁸⁷ Полученных «только в Смоленске, Копыси и даже в Вильно» (*Троцкий Н.А.* Фельдмаршал ... С. 298).
- ¹⁸⁸ Так ложно писал А. Бертье 1 (13) ноября 1812 г. (*Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях ... С. 216).
- ¹⁸⁹ Из переписки М.А. Волковой и В.И. Ланской. С. 71.
- ¹⁹⁰ *Местр Ж., де.* Петербургские письма. С. 226.
- ¹⁹¹ «Если жители этой страны возьмутся за оружие... на создавшееся положение придётся смотреть как на развёртывание неприятельских сил вдоль всей коммуникационной линии» (*Клаузевиц К.Ф.Г., фон.* О войне. Т. 2. С. 195).
- ¹⁹² Рассказы из истории 1812 года // РА. 1868. № 7–12. С. 1870 ; *Кузьмин А.К.* Из подлинных записок ... С. 98 ; *Вильсон Р.Т.* Повествование о событиях ... С. 211–213.
- ¹⁹³ Боеспособных было 26–27 тысяч (*Соколов О.В.* Армия Наполеона. С. 410).
- ¹⁹⁴ «Французы дрались отчаянно, конница их отличалась мужеством и расторопностью; действуя в лесу весьма редком, она нанесла нам большой вред» (Из записок кн. А.Г. Щербатова // 1812 год в дневниках ... Вып. 4. С. 57–58).
- ¹⁹⁵ *Попов А.И.*: 1) Судьба русских военнопленных в 1812 г. // Исторические исследования. Самара, 1998. Вып. 2. С. 27–41 ; 2) Великая армия ... С. 33 ; 3) Военнопленные русские // Отечественная война 1812 года : Энциклопедия ... С. 138 ; *Соколов О.В.* Березинская переправа // Там же. С. 62–65.
- ¹⁹⁶ *Он же.* Армия Наполеона. С. 411.
- ¹⁹⁷ Записки С.С. Малиновского // 1812 год в дневниках ... Вып. 4. С. 87.
- ¹⁹⁸ «Как дикари, сильные грабили слабых; они сбегались к умирающим, часто не дожидаясь даже их последнего вдоха. Когда падала лошадь, то могло показаться, что вокруг неё показалась голодная стая волков: они окружали её, разрывали на куски, из-за которых спорили между собой, как лютые собаки!.. Были даже такие, которые подтаскивали к себе... обугленные пламенем [людские] тела и – это правда – решались поднести ко рту эту отвратительную пищу!» (*Сегюр Ф.-П., де.* Поход ... С. 273, 274).
- ¹⁹⁹ Там же. С. 270–278 ; *Ложье Ц.* Дневник ... С. 322.
- ²⁰⁰ Там же. С. 346, 352.
- ²⁰¹ *Попов А.И.* Великая армия ... С. 35 ; Записки Бенкендорфа ... С. 84.

И.Г. Дуров

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АРМЕЙСКИХ И ФЛОТСКИХ КАВАЛЕРОВ РОССИЙСКИХ ОРДЕНОВ в XVIII веке

У истоков наградной системы Российской империи стоял Пётр Великий. Для её введения он творчески изучил многолетний иностранный опыт, «примеры, от стран и народов [нам] чуждых заимствуемые» при посещении государств Западной Европы в 1697–1698 годах. В русскую традиционную практику пожалования военнотружущих за проявленные ими храбрость и героизм в сражениях, наряду с поместьями, деньгами, сукном, «шубами с царского плеча», были введены и наградные знаки.

В 1698 г. Пётр I учредил первый орден будущей Российской империи — Св. апостола Андрея Первозванного, покровителя Руси. Он являлся высшей наградой для отличившихся государственных и военных деятелей.

Девиз ордена: «За веру и верность».

Первым кавалером ордена Св. апостола Андрея Первозванного стал 10 марта 1699 г. государственный деятель и сподвижник Петра Ф.А. Головин. В списке первых кавалеров ордена и сам Пётр I, «бомбардирский капитан», и поручик лейб-гвардии Преображенского полка, генерал-губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Меншиков, удостоенные наградой 10 мая 1703 г. «за взятие двух неприятельских кораблей» в устье Невы. Воинский орден Св. апостола Андрея Первозванного возложил на монарха в походной церкви генерал-адмирал Ф.А. Головин «яко первый того ордена кавалер». Затем и А.Д. Меншиков был также «учинён кавалером речённого (названного. – *И.Д.*) ордена»¹.

5 апреля 1797 г. император Павел I высочайше утвердил «Установление о российских императорских орденах», которое объявило орден Св. апостола Андрея Первозванного высшей наградой Российской империи и орденом 1-го ранга в иерархии отечественных орденов².

Второй российский орден — Св. великомученицы Екатерины, который являлся высшей наградой для «особ женского пола» царской (императорской) крови и фамилии и знатного рода, учредил Пётр I в честь своей супруги 24 ноября 1713 г. В день её тезоименитства в церкви было оглашено объявление «О возложении ордена Св. великомученицы Екатерины на государыню царицу Екатерину Алексеевну». Монарх этим орденом награждал только свою супругу, следующие награждения произошли уже после его смерти.

Основные положения, связанные с пожалованием и награждением, представлены в Уставе ордена Св. Екатерины, другое название которого орден Освобождения³.

Девиз ордена: «За любовь и Отечество».

В соответствии с «Установлением о российских императорских орденах» великие княжны знаки ордена Св. великомученицы Екатерины получали при их Святом Крещении, а княжны крови императорской — по достижении установленного для них законодательством совершеннолетия. Класс ордена Св. Екатерины разделялся на две степени: «большой крест» — для особ царской крови и «малый крест», или кавалерственный, — для дворянок высшего сословия. Награждённые именовались соответственно «дамами большого креста» и «кавалерственными дамами»⁴.

Третий орден — Св. князя Александра Невского, задуманный и фактически учреждённый ещё Петром (40 орденских знаков изготавливались в Москве в 1722 г.), впервые был пожалован (12 пожалований) 21 мая 1725 г., уже после смерти императора, в день свадьбы Анны Петровны и Голштинского герцога Карла Фридриха, Екатериной I. По статусу данный орден был ниже, чем орден Св. апостола Андрея Первозванного, и предназначался для награждения лиц, имевших чин не ниже генерал-майора. Порядок ношения ордена был определён Анной Иоанновной в 1736 г.⁵

Вместе с тем «класс ордена российского, именуемый Святого Александра Невского, следуя в общем порядке за вышепомянутым именованием Святыя Екатерины, должен почитаться для особ мужескаго пола вторым»⁶.

Девиз ордена: «За труды и Отечество».

Орден Св. Анны (по имени праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы) был учреждён герцогом Шлезвиг-Гольштейн-Готторпским Карлом Фридрихом в 1735 г. в память о покойной супруге Анне Петровне, старшей дочери Петра Великого. Орденский праздник отмечался 3 февраля, в день рождения Анны Петровны. С приездом в 1742 г. её сына, будущего императора Петра III, орден оказался в России⁷. После смерти Петра III право на награждение перешло к его сыну, цесаревичу Павлу, который своим сторонникам и почитателям «раздавал секретно [тайно от матери] орден Святой Анны. Кавалеры ордена получали значительное [денежное] содержание»⁸.

Первыми кавалерами этого ордена стали персоны императорской фамилии.

16 апреля 1797 г., в день коронации императора Павла I, орден Св. Анны был причислен к государственным орденам Российской империи и разделён на три степени, причём орден 3-й степени крепился к чашке шпаги⁹. Сверх того, под статьёй ордена Св. Анны был «ещё разряд в пользу заслуженных воинов, устанавливаемый на таком основании, что все унтер-офицеры и рядовые, которые в войсках наших выслужили безпорочно и безотлучно 20 лет, приобретают тем право к получению знака отличия, состоящего на ленте Святыя Анны, в петлицу, к которой привешена серебряная медаль, вызолоченная, с изображением в ней орденскаго креста»¹⁰.

Девиз ордена: «Любящим правду, благочестие и верность».

При императрице Екатерине II первым знаком военного отличия для офицеров армии и флота стал учреждённый 26 ноября 1769 г. военный орден Св. великомученика и Победоносца Георгия четырёх классов¹¹. По замыслу монархини учреждение данного ордена должно было явиться мобилизующим фактором и моральным стимулом для особо отличившихся в сражениях офицеров армии и флота в начавшейся русско-турецкой войне (1768–1774). С целью повышения в обществе значимости воинской награды в этот же день самодержица изволила возложить на себя знаки «сего ордена гросмейстерство» I-го класса.

Однако возложение для преемников трона на себя знаков ордена Св. Георгия не стало традицией: этим орденом, как и орденом Св. Владимира (его описание изложено ниже), могли быть награждены исключительно «за верность присяге, чести и долгу своему». Это

оговаривалось при учреждении орденов, и их не могли получить ни наследник престола, ни великий князь («высокая порода»), как императором по нормативно-законодательному акту жаловались прочие российские ордена, в том числе и Святого апостола Андрея Первозванного.

После воцарения Павел I попытался отменить ордена Св. Георгия и Св. Владимира, учреждённые его матерью. Возможно, одной из причин этого был категорический отказ монархини наградить его военным орденом Св. Георгия за участие в русско-шведской войне в кампанию 1788 г. в Финляндии¹².

Девизом ордена Св. Георгия было: «За службу и храбрость».

Штаб- и обер-офицерам орден жаловался прежде всего «за особливый мужественный поступок». К ним по статуту ордена Св. Георгия относились: командир подразделения (воинской части), который, личным примером воодушевляя подчинённых и руководя ими, взял на abordаж корабль или захватил батарею «или другое какое занятое неприятелем место»; стойко выдержал осаду превосходящих сил противника, периодически делая смелые вылазки из крепости, в результате чего добился победы «или способы подавал к приобретению оной»; за выполнение особого задания высшего командования («опасное предприятие»); а также «ежели кто людей своих паки соединит», соблюдая установленный уставами и наставлениями порядок и укрепляя воинскую дисциплину — «душу военной службы»¹³. Кроме того, орденом награждали офицеров за личное мужество, доблесть, смелость, героизм, проявленные в сухопутных и морских сражениях, «ежели кто был первый на приступе [крепости] или на неприятельской земле при высаживании людей из судов [на берег]»¹⁴.

Среди генералов русской армии награждали только тех военачальников, «кои, в войне [полевом] действительно служа, противу неприятеля отменную храбрость или военное отличное искусство показали».

Ежегодно после завершения кампании, разоружения судов и ухода на зимние квартиры и Военная, и Адмиралтейская коллегии подавали через Правительствующий Сенат и Государственный совет монархине именной список офицеров армии и флота, отобранных кандидатами на награждение орденом Св. Георгия, которые отличились в сухопутных и морских сражениях, прописав по каждому из них кондуит «поведения и дела»¹⁵. В представлении отражались: 1) подробное описание «храброго подвига», дающего законное основание на включение в именной список («роспись»); 2) «собрание достаточных доказательств ко утверждению сего описания»; 3) «разсмотрение, нет ли недостатка в доказательствах».

Кроме пожалования за проявленный героизм, орденом Св. Георгия 4-го класса (до 1855 г.) по статуту также награждали армейских высших, старших и младших офицеров за 25 лет полевой службы, начатой в обер-офицерском чине и при условии участия хотя бы в одном сражении¹⁶.

В качестве примера можно привести рапорт генерал-аншефа графа Рымникского А.В. Суворова к генерал-фельдмаршалу графу П.А. Румянцеву-Задунайскому: «Поданное на высочайшее Ея Императорскаго Величества имя прошение, дошедши ко мне по команде Херсонскаго гренадерскаго полку от секунд-майора и кавалера Михаила Зыбина, о награждении его за двадцатипятилетнюю от обер-офицерскаго чина службу военным орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия при сём вашему сиятельству с формулярным списком представить честь имею»¹⁷.

Прошение, поданное по команде, подписывали штаб-офицеры и генералы соединения (объединения), у которых офицер был в прямом подчинении и которые своими личными подписями свидетельствовали о добросовестной службе кандидата и подтверждали, что он никогда не был наказан разжалованием в воинском чине по приговору военного суда.

Кроме армейских офицеров с 25-летней полевой воинской выслугой, орденом Св. Георгия награждали и флотских офицеров за совершённые ими 18 морских кампаний¹⁸. Начало срока офицерской службы для получения ордена в Военной и Адмиралтейской коллегиях рассчитывалось начиная с 16-летнего возраста¹⁹.

Генералы (адмиралы), штаб- и обер-офицеры, пожалованные данным военным орденом, назывались «кавалерами Святого Георгия». В официальной переписке указывался воинский чин, фамилия, для высших ещё и имя, отчество, титул и непременно приписывалось: «кавалер»²⁰.

Точное количество кавалеров в списке кандидатов от Военной и Адмиралтейской коллегий заранее не определяли, «ибо в оный принимано будет столько [офицеров], сколько достойными себя окажут».

Специального орденового костюма кавалеры не имели, однако был определён порядок ношения знаков всех степеней. По статуту предписывалось:

а) крест 1-й степени, большой, носить на шёлковой ленте «о трёх чёрных и двух жёлтых полосах», «через правое плечо на камзоле и звезду на кафтане, на левой стороне»;

б) крест 2-й степени, большой, — «звезду на кафтане, на левой стороне», на ленте на шее — крест;

в) крест 3-й степени, малый, — на ленте (уже первой) на шее;

г) крест 4-й степени, малый, — «в петлице на кафтане».

Эта высокая награда ни при каких обстоятельствах не снималась с военного или морского мундира. Статут предписывал: «Сей орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается».

К ордену Св. Георгия в соответствии со статутом и указами монарха жаловались также особые постановления, преимущества и материальные льготы.

Приоритет в награждении орденом отдавался офицерам прежде всего «из уважения к их долговременной службе, понесённым в войне тяжким трудам, а особливо — бывшим в жестоких употреблении на поощрение другим... преимущественно при равных достоинствах, по претерпении ран и болезней против желания отставляемых от службы»²¹.

Важно отметить, что орденом Св. Георгия офицера обычно награждали только после награждения младшим по статуту орденом Св. Владимира²², однако довольно часто бывали и исключения из установленных правил²³.

Офицер, кавалер²⁴ ордена Св. Георгия, при выходе в полную отставку от службы, как правило, имел больший приоритет при пожаловании военной пенсии²⁵, чем офицер, не имеющий этой награды. Орден высоко почитался офицерами армии и флота, в том числе и иностранцами, находившимися на русской военной службе по контрактам.

Кавалер ордена Св. Георгия 1-го и 2-го класса имел при императорском дворе, во всех публичных местах и торжествах «вход с генерал-майорами», а кавалеры 3-го и 4-го класса — «с полковниками».

Награждение офицера военным орденом объявлялось высочайшим указом по армии (флоту). Так, 26 августа 1771 г. в Адмиралтейств-коллегию был доставлен высочайший указ императрицы Екатерины II: «Всемиловнейше пожаловали мы флота капитан-поручика Карташёва кавалером военного нашего ордена Св. великомученика и Победоносца Георгия в 4-й класс. Адмиралтейская коллегия имеет по тому помянутого кавалера внести в кавалерский список и пенсию ему производить по "Установлению" нашему»²⁶. Право представления к награждению орденом предоставлялось президентам Военной и Адмиралтейской коллегий, командующему флотом (армией), эскадренному командиру, находившемуся с линейными кораблями и военными судами в отдельном от других сил флота плавании²⁷.

Награждение орденом 1-го и 2-го класса зависело от императорской воли, а 3-го и 4-го класса — от определения Военного или Морского ведомства. В статуте особо оговорено: «Ни высокая порода, ни полученные пред неприятелем раны не дают права быть пожалованным сим орденом, но даётся оный тем, кои не только должности свои исправляли во всём по присяге, чести и долгу своему, но, сверх того, отличили ещё себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для нашей воинской службы полезные советы»²⁸.

Первыми георгиевскими кавалерами стали: подполковник Ф.И. Фабрициан, получивший 8 декабря 1769 г. крест 3-го класса за умелое командование отрядом гренадёр, разгромивших турок под Галацем, численность которых была в четыре раза больше русских; генерал-аншеф граф П.А. Румянцев — 27 июля 1770 г. крест 1-го класса за победу над турками, одержанную в том же году 7 июля при Ларге; генерал-поручик П.Г. Племянников, князь Н.В. Репнин, генерал-квартирмейстер Ф.В. Баур — 27 июля 1770 г. крест 2-го класса за мужество и неустранимость в поражении турок при Ларге; премьер-майор Рейнгольд фон Паткуль — 3 февраля 1770 г. крест 4-го класса²⁹.

В соответствии со статут ордена Св. Георгия, высочайше утверждённого Екатериной II 27 ноября (статут учреждён на следующий день после возложения знака на императрицу) 1769 г., старшим из кавалеров по каждому классу предоставлялось право получать ежегодные пенсии. Пенсии назначались кавалерам 1-го класса 700, 2-го — 400, 3-го — 200, 4-го — 100 руб. Указ объявлял, что «сии пенсии каждый кавалер по смерти свою получать будет, хотя кто из них [ещё] и особое жалованье имел».

На выплату вышеуказанных пенсий ежегодно из доходов Коллегии экономии выделялось для кавалеров 1-го класса 8 тыс. 400 руб., 2-, 3- и 4-го классов — по 10 тыс. руб. каждому; всего — 38400 руб.³⁰.

Выделенные пенсионные суммы кавалерам ордена Св. Георгия всегда учитывались в Книге учёта наличия и расхода денежных средств отдельно по четырём классам. Вместе с тем в исключительных случаях пенсионная сумма из казны ордена могла выплачиваться офицеру, получившему увечья и уволенному в отставку «в чистую» по состоянию здоровья. К примеру, 1 января 1790 г. в Адмиралтейств-коллегии был объявлен высочайший указ: «Флота лейтенанта Ивана Головачёва за полученные им в сражении с неприятелем раны, немогущаго продолжить службы, всемиловнейше увольняем от оной с награждением чина капитан-лейтенантского, повелевая при том производить ему по смерти полное его настоящее жалованье (207 рублей 47½ копеек в год³¹. — И.Д.) из экономической суммы военного нашего ордена Святого Георгия»³².

Кавалеры каждого класса (от 4-го до 1-го) ордена Св. Георгия поступали на вакансии пенсионеров по старшинству пожалования их той или иной степенью ордена. Если же кто из кавалеров, получавших пенсию по 4-му классу, удостоивался орденом Св. Георгия 3-го класса, то право его на пенсию по 4-му классу предоставлялось тому, кому оно по старшинству следовало. А пенсию по 3-му классу он получал только тогда, когда ему по последнему классу по учёту «очищалась пенсионерская вакансия», то есть когда уже получавший пенсию кавалер ветеран армии (флота) уходил из жизни.

Казначей, он же секретарь военного ордена Св. Георгия, выбранный из заслуженных и авторитетных кавалеров данного ордена, находился при Военной (Адмиралтейской) коллегии. На него возлагался приём средств, выделенных на пенсии, а также их выдача. Ему предписывалось приходно-расходные операции производить в шнурованной, заверенной подписями членов Военной коллегии Книге учёта денежных средств. Жалованье секретарю-казначею полагалось 400 руб. в год. На прочие расходы по ордену Св. Георгия казна выделяла 1200 руб. Общая сумма на выплату пенсий и на текущие расходы по ордену составляла 40

тыс. руб. и отпускалась по третям финансового года³³. Пенсионная сумма, оставшаяся после выдачи денег кавалерам, передавалась в Дворянский банк «для приращения процентов». Без высочайшего повеления её не употребляли ни на какие расходы³⁴.

16 января 1777 г. состоялся приговор Правительствующего Сената, предписавший Банковой конторе по завершении каждого года, в первом месяце вновь наступившего, представлять в Военную коллегия сведения о состоянии казны военного ордена Св. Георгия³⁵.

26 января 1771 г. Адмиралтейств-коллегия на заседании рассмотрела сложившуюся на практике ситуацию, связанную с пожалованием пенсией, и уточнила методику её начисления офицерам, находившимся в составе русского военно-морского флота, проводившего систематические боевые действия в 1770 г. против турецких вооружённых сил в Первой архипелагской экспедиции в Средиземном море.

Это при условии, что офицер уже был награждён военным орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия или мог быть представлен к нему, как за проявленные мужество и героизм в сражении и как достигший на корабельной службе 18 морских кампаний, продолжительностью не менее 6 месяцев каждая, проведённых при плавании в Балтийском (Северном) море.

Так, по «должности оной коллегии в 4 главе, в 20 пункте "о производстве пенсий", повелено: производить оную с доклада Ея И. В. тем, которые не менее 16-ти кампаний в Балтийском море сделали. Уравнение кампаний так расположено, что Средиземного моря против 4-х, в здешнем (Балтийском. – *И.Д.*) море на своих кораблях сделанных, счислять повелено. А в Статуте ордена Св. Георгия Победоносца, в 5 артикуле, сказано: не исключать от получения сего ордена и тех, кои в морской службе 18 кампаний офицерами служили.

А как многие из находящихся ныне во флоте Ея И.В. молодых морских офицеров кампании делали в оном Средиземном море для обучения и на щедром иждивении Ея И. В., которым буде сие их сделанные кампании почитать по узаконению, то есть против 4-х в здешнем море, то не только, в великую обиду и гораздо скорее старшему своему, они назначенной за 16 кампаний пенсия, но и орден Св. Георгия Победоносца получить могут.

И для того приказали: Ея И. В. поднести всеподданнейший доклад, в котором представить, не повелит ли Ея И. В. оный пункт в Адмиралтейском регламенте прибавлением к оному переменить и Средиземного моря кампании, как так и все в прочих в морях сделанные, счислять в сравнении с кампаниями города Архангельска, то есть противу 2-х в здешнем море сделанных, но и то только тем, которые на кораблях Ея И. В. будут или в чужестранной службе, а не тем, которые для обучения и иждивении Ея И. В. посланы и посланы будут, которым онаго никак не зачислять»³⁶.

Таким образом, кампанию продолжительностью 6 месяцев в Средиземном море при подсчёте пенсионного стажа офицера предложили засчитывалась за две, как при переходе из балтийских портов в Архангельск. Императрица Екатерина II согласилась с предложением Адмиралтейств-коллегии по методике начисления пенсий морякам при нахождении экипажей русских кораблей в длительных плаваниях³⁷.

К примеру, кавалер капитан-лейтенант Иван Дмитриевич Дуров³⁸, участник 25 морских кампаний (из них 24 проведены в обер-офицерских чинах) и Первой архипелагской экспедиции русского флота в Средиземном море, был пожалован императрицей Екатериной II в 1775 г. военной пенсией в 150 руб. в год (половина должностного оклада)³⁹. При этом должностное окладное жалование флота капитан-лейтенанта майорского ранга с 1764 г., с учётом вычетов на содержание адмиралтейских госпиталей и покупку медикаментов, составляло 311 руб. 21 коп. в год⁴⁰. Кроме того, отставной флота капитан-лейтенант И.Д. Дуров, уволенный из плавсостава в штатскую службу, получал ещё и пенсию как кавалер ордена

Св. Георгия 4-го класса. Об этом в ЦАНО хранится «Справка, учинённая в 3-й экспедиции [Нижегородской казённой палаты]», датированная 20 декабря 1784 г. В ней изложено, что по донесению Нижегородского наместнического правления советнику Палаты гражданского суда и во исполнение именного Её Императорского Величества соизволения отставному флота капитан-лейтенанту и кавалеру ордена Св. Георгия 4-й степени Ивану Дурову следует выдать кавалерское пенсионное жалованье «за весь нынешний [1]784 год». Всего к выдаче ветерану по ведомости причиталось 99 руб. 99³/₄ коп.⁴¹. Про таких отличившихся корабельных офицеров, как капитан-лейтенант И.Д. Дуров, говорили не только в конторах Адмиралтейств-коллегии, но и нижние чины с искренним уважением, так как он не только «был на [Балтийском] море, [но] и за морем [Северным]»⁴².

Такой же размер пенсии был назначен и капитану 2 ранга Василию Пояркову⁴³ (17 кампаний), проходившему, как И.Д. Дуров, корабельную службу с 1769 по 1773 г. в Архипелаге, но не получившего ордена Св. Георгия 4-го класса. Корабельного офицера предписывалось представлять к награждению орденом, как выше отмечалось, только при совершении им 18 морских кампаний, продолжительностью не менее 6 месяцев каждая.

Престижность ордена была столь велика, что некоторые офицеры писали «челобитье в оригинале», лично, в Адмиралтейств-коллегия с просьбой о награждении их орденом «Святого великомученика Георгия»⁴⁴.

Однако 22 ноября 1773 г. через Военную коллегия был объявлен именным указ, который разрешал приём прошений о пожаловании орденом Св. Георгия не позже, чем через два года после окончания кампании: «...а кто по истечении двух лет с просьбою предстанет — таковым отказывать, потому что такое истечение времени затмевает многия обстоятельства, кои к утверждению заслуженного деяния необходимо требуются...»⁴⁵.

26 января 1795 г. эти правила, регулировавшие приём прошений, распространили и на пожалование орденом Св. Владимира⁴⁶.

3 декабря 1773 г. монархиня повелела именовать 3-й кирасирский полк Кирасирским полком военного ордена Св. великомученика и Победоносца Георгия и определить в полк штаб- и обер-офицеров «из кавалеров сего ордена, а состоящих ныне распределить по другим полкам». Тем же указом вице-президенту Военной коллегии генерал-аншефу Г.А. Потёмкину предписывалось изготовить образцы военной формы и амуниции «соответственно цветам онаго ордена», а также подготовить именной список офицеров кавалеров ордена и представить самодержице «на апробацию»⁴⁷.

26 ноября 1775 г. Адмиралтейская коллегия получила именным указ Екатерины II, в котором предписывалось представлять к награждению военным орденом Св. Георгия 4-го класса офицеров, выслуживших на море 18 кампаний, полагая каждую не менее 6 месяцев, «не считая тут ни мест, ни разстояния, но одну [лишь] долговременность»⁴⁸.

В феврале 1776 г. монархиня потребовала от командующих армиями аттестовать подчинённых им штаб- и обер-офицеров, подавших прошения к получению военного ордена Св. Георгия, в соответствии с его статутом⁴⁹.

22 сентября 1782 г. был издан Манифест «Об установлении Кавалерской думы для военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия». Кавалерской думе, или Капитулу, было разрешено иметь свою печать, вблизи Санкт-Петербурга, в Чесме, при церкви Святого Иоанна Крестителя, казённый дом, архив и орденскую казну, предназначенную для выплаты пенсий и оплаты текущих расходов.

На Кавалерскую думу были возложены обязанности по рассмотрению прав офицеров армии и флота на получение ордена Св. Георгия, которые исполнялись ранее в советах Военной и Адмиралтейской коллегий⁵⁰.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

26 февраля 1784 г. монархиня объявила указ президенту Военной коллегии генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Г.А. Потёмкину-Таврическому «О признании заслуженных солдат», которым Кавалерская дума ежегодно выделяла по 5 тыс. руб. из накопившихся средств военного ордена Св. Георгия. Деньги предназначались для пенсионного обеспечения нижних военных и морских чинов, «кои были в деле против неприятеля и по долговременной и трудной службе достойны воздаяния, а по неимуществу, ранам и изнурению заслуживают [нашего] признания»⁵¹.

В 1785 г. Екатерина II повелела, чтобы из числа пребывающих в северной столице георгиевских кавалеров в орденской думе находились все кавалеры 1-го и 2-го класса, а из кавалеров 3-го и 4-го классов участвовали в заседаниях думы только старшие по награждению орденом, по 12 чел. каждого⁵².

В русско-шведскую войну за мужество, отвагу и героизм, проявленные русской эскадрой под командованием адмирала С.К. Грейга в сражении со шведским флотом (западнее острова Гогланд) 6 июля 1788 г., ряд морских офицеров были награждены орденами Св. Георгия 2-, 3- и 4-го класса⁵³.

В указанном и следующем году награждения орденами Св. Георгия и Св. Анны⁵⁴ среди офицеров пехотных и кавалерийских полков русской регулярной армии, воевавшей в Финляндии со шведскими войсками, были скромнее: там происходили в основном оборонительные сражения⁵⁵.

Монархиня прекрасно осознавала, какой мощный нравственный заряд, какие духовные импульсы и материальные стимулы к выполнению служебного долга вызывали награждения офицеров орденами за подвиги⁵⁶.

Так, в высочайшем рескрипте Екатерины II от 29 апреля 1789 г. командующему корабельным Балтийским флотом адмиралу В.Я. Чичагову предписывалось: «Буде кто из флагманов и прочих чинов генеральскаго, штаб- и обер-офицераго чина в деле против неприятеля (шведского флота. — *И.Д.*) окажет себя отличным храбростию и искусством и по установлениям нашим об орденах военном Св. великомученика и Победоносца Георгия и Св. равноапостольнаго князя Владимира достойных сея почести... представлять нам, описывая их подвиги на основании статуты»⁵⁷.

Многие офицеры армии и флота, отличившиеся при взятии турецких крепостей Очаков, Измаил, в морских сражениях в Средиземном море и на Балтике в русско-шведскую (1788–1790) и русско-турецкую войну (1787–1791), были удостоены ордена Св. Георгия⁵⁸ (*Табл. 1*).

Таблица 1

Именной список офицеров Балтийского гребного флота, пожалованных орденами и вышестоящими воинскими чинами за победу в сражении 13 августа 1789 года при Роченсальме со шведским армейским флотом⁵⁹

Воинский чин, фамилия офицера	Пожалование		Другие награды
	орденом	воинским чином	
Генерал-майор			
Пётр Турчанинов	Св. Анны	—	6000 рублей
Иван Балле	Св. Анны	—	—
Делит	Св. Георгия 3-го класса	контр-адмирал	золотая шпага

I. ARTICLES

Бригадир			
Кушелев ⁶⁰ Фёдор Буксгевден ⁶¹	Св. Георгия 3-го класса	—	—
Врангель Ртищев кн. Василий Мещерский	—	—	золотая шпага
Капитан 1 ранга			
Пётр Слизов	Св. Георгия 4-го класса	капитан бригадирского ранга	—
Девинтер	—		2000 рублей пособия; 600 рублей в год пенсии сверх жалованья
Андрей Денисов	Св. Георгия 4-й класса	—	—
Гвардии капитан			
Иван Болотников	Св. Георгия 4-го класса	—	золотая шпага
Васильчиков Борисов Рачинский Митусов Дохтуров князь Долгоруков	—	—	
дежурный офицер Девараж при вице-адмирале К. Нассау-Зигене	Св. Георгия 4-го класса	—	
Капитан 2 ранга			
Хрущёв Николай Зиновьев Павел	Св. Георгия 4-го класса	—	золотая шпага

Кроме того, орденом Св. Георгия 4-го класса были пожалованы три капитана артиллерии, четыре майора, шесть капитан-лейтенантов флота, два лейтенанта, генерал-адъютант, гвардии поручик, инженер-поручик. Награждены воинскими чинами «капитан-лейтенанта» пять лейтенантов, «лейтенанта» — четыре мичмана, «мичмана» — двенадцать гардемаринов.

Также 3 декабря 1789 г. приказом главнокомандующего русской армией в Финляндии генерал-аншефа графа В.П. Мусина-Пушкина за проявленный героизм в сражении со шведским флотом 13 августа 1789 г. были повышены в чинах: два лейтенанта в капитан-лейтенанты, четыре мичмана в лейтенанты; морской артиллерии: три лейтенанта в капитан-лейтенанты, унтер-лейтенант в лейтенанты, констапель в унтер-лейтенанта⁶².

И всё же аналитическое исследование архивных материалов, опубликованных в историях полков Русской Императорской армии, показало, что награждение офицеров военным орденом Св. Георгия было довольно редким, и это являлось неординарным событием в полку и даже в дивизии, корпусе (*Табл. 2*).

К 1791 г. только в южной группировке русских войск и сил Черноморского флота, подчинённых наместнику Новороссии генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Г.А. Потёмкину-Таврическому, проходили службу 240 кавалеров ордена Св. Георгия различных классов⁶³.

Вместе с тем офицеры, бывшие на штурме Очакова, но не получившие за проявленное мужество и героизм орден Св. Георгия, указом Екатерины II от 14 апреля 1789 г. награждались золотыми знаками отличия, которые давали им право получить награду на три года раньше, чем принятого по закону срока по выслуге 25 календарных лет⁶⁴.

Таблица 2

Список штаб- и обер-офицеров лейб-гвардии Измайловского пехотного полка, награждённых за военные подвиги орденом Св. Георгия в царствование императрицы Екатерины II⁶⁵

Гвардейский, армейский воинский чин	Титул, имя, отчество, фамилия кавалера	Краткое описание военных подвигов кавалеров ордена Св. Георгия, дата пожалования
1-го класса		
подполковник, генерал-аншеф	князь Николай Васильевич Репнин	За умелое командование войсками, разгромившими турецкую армию «за Дунаем, при Мачине». 28 июня 1791 года
2-го класса		
секунд-майор, генерал-поручик	граф Валериан Александрович Зубов ⁶⁶	За усердную службу и мужественные подвиги, за взятие войсками под его командованием города Дербента. 10 мая 1796 года
3-го класса		
секунд-майор, бригадир	Иван Иванович Кушелев	За усердную службу, мужественные подвиги и храбрость, оказанные им 15 августа 1789 года при сражении галерного флота со шведским армейским флотом
4-го класса		
поручик	Сергей Александрович Хотяинцев	За отличную храбрость и мужественные подвиги, оказанные им в случившемся 1770 года сентября 21 (при Килии) против неприятеля жестоком бое на земле и на воде
	князь Дмитрий Михайлович Волконский	За проявленное мужество и героизм, когда он 13 августа 1789 года, командуя двумя кайками, овладел крупным шведским судном и затем, под огнём преследуя противника, захватил и другие суда
	князь Иван Алексеевич Гагарин	В уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную им при взятии приступом города и крепости Измаила 11 декабря 1790 года, с истреблением там бывшей турецкой армии

Через два года эти же монаршие милости были дарованы офицерам армии генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического и генерал-аншефа графа А.В. Суворова за взятие мощно укрепленной турецкой крепости Измаил. Такие же золотые знаки отличия были даны офицерам, отличившимся при взятии Праги (предместье польской столицы) и покорении Варшавы 25 октября 1794 г. войсками А.В. Суворова⁶⁷.

16 ноября 1795 г. Адмиралтейств-коллегия заслушала доклад обер-секретаря Канцелярии по письму генерал-прокурора Правительствующего Сената А.Н. Самойлова с разъяснением высочайшей воли о представлении Коллегии к военному ордену Св. Георгия и впредь в рамках установленных законоположений, которые были ещё раз зачитаны на заседании. После обсуждения Коллегия представила на высочайшее рассмотрение свои предложения. Так, в статье 5-й Статута ордена Св. Георгия изложено, что поскольку «не всегда всякому верному сыну Отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может», то Коллегия просит оставить право награждать орденом тех офицеров, которые в полевой службе находились 25 лет, а в морской провели 18 кампаний начиная с первого обер-офицерского чина. По силе статьи 5-й Статута морские офицеры до 1775 г. представлялись к всемилостивейшему пожалованию орденом за совершённые 18 кампаний. По Морскому регламенту кампания засчитывалась корабельному офицеру, выслужившему на море более одного месяца. При этом кампании на архангелогородских и на иностранных кораблях для пожалования засчитывались как две балтийских, а кампания в Средиземном море — как четыре в Балтийском море, на своих, отечественных кораблях совершённых, тогда как ост-индские и вест-индские кампании — как четыре архангелогородских.

В 1777 г. всемилостивейшая государыня благоугодно указала Адмиралтейств-коллегии впредь представлять к пожалованию орденом Св. Георгия только тех офицеров, которые действительно выслужили 18 морских кампаний, не принимая более во внимание ни расстояние, ни климатогеографические районы плавания. Продолжительность морской кампании была установлена в шесть месяцев, а каждый месяц — 30 дней. С тех пор в Кавалерскую думу представлялись только те офицеры, которые выслужили 18 шестимесячных кампаний, полагая месяц в 30 дней. Однако в 1720 г. в Уставе морском (Кн. 4, гл. 5, п. 1) продолжительность морского месяца была определена в 28 дней.

Но поскольку теперь орден Св. Георгия мог быть пожалован только тем морским офицерам, которые выслужили 18 шестимесячных кампаний, полагая месяц в 30 дней, к примеру, «кои имели счастье служить во флоте, одержавшим знаменитую победу в Архипелаге (Чесменское сражение 24–26 июня 1770 г. – *И.Д.*), ибо, находясь они там сряду 5 или по 6 лет и бывая по целому году на море, вдруг заслужили 10 или 12 шести месячных кампаний», то остальные офицеры, хотя ежегодно находившиеся в кампании, по небольшой её продолжительности не могли быть представлены к награждению орденом. Обычно кампания флота в мирное время начиналась с навигацией, с первых чисел мая, а заканчивалась к 15 сентября. Поэтому Коллегия просила Её И. В. разрешить представлять к пожалованию орденом Св. Георгия офицеров, которые выслужили 18 четырёхмесячных кампаний, на основании Устава морского 1720 г. считая продолжительность морского месяца в 28 дней.

29 ноября 1795 г. в Военной и Адмиралтейской коллегиям был объявлен высочайший указ, разрешивший президентам представлять к пожалованию орденом Св. Георгия офицеров, которые выслужили 18 шестимесячных кампаний, полагая продолжительность морского месяца в 28 дней. Вместе с тем, сохраняя память о героических подвигах флота в русско-шведскую войну (1788–1790) и русско-турецкую войну (1787–1791), всем морским офицерам, которые в офицерских чинах действительно участвовали в баталиях (на Балтийском море — 6 июля 1788 г. при Гогланде; 13 августа 1789 г. при Роченсальме; 1790 г. 2 мая при Ревеле, 23 мая при Сескаре, 22 июня при Выборгской бухте; на Чёрном море — в кампании 1788 г. на Лимане) в кампаниях 1789–1791 г. «в разных действиях черноморских наших флотов, убавлено было за каждое вышепомянутых дел по одной кампании из 18-ти, по статуту установленных; а офицерам морских батальонов и сухопутных войск наших, на флотах в сражениях употреблённых, также по одному году за каждое из положенных 25 лет»⁶⁸.

За выдающиеся подвиги и героизм, проявленные офицерами армии и флота, с 1769 г. до вступления на российский трон императора Павла I 6 ноября 1796 г. военным орденом Св. Георгия наградили: 1-го класса 8 чел.; 2-го — 33 чел.; 3-го — 120 чел.; 4-го — 1287 чел.⁶⁹.

Всего же кавалерами ордена Св. Георгия 1-го класса в XVIII в. императрица Екатерина II пожаловала четырём генерал-фельдмаршалам, трём генерал-аншефам, одному адмиралу, 2-го класса — тридцать четыре военных и морских чинов.

Среди 1-го класса: в 1770 г. — генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский; генерал-аншефы графы А.Г. Орлов-Чесменский и П.И. Панин; в 1771 г. — князь В.М. Долгоруков-Крымский; в 1778 г. — генерал-фельдмаршал светлейший князь Г.А. Потёмкин-Таврический; в 1789 г. — генерал-фельдмаршал граф Рымникский А.В. Суворов; в 1790 г. — адмирал В.Я. Чичагов; в 1791 г. — генерал-фельдмаршал князь Н.В. Репнин (у всех вышеперечисленных кавалеров, кроме А.В. Суворова, указаны последние чины и владетельные, родовые, а также пожалованные титулы)⁷⁰.

К 1796 г. в Российской империи были живы 2476 кавалеров всех российских орденов, в том числе военного ордена Св. Георгия: 1-го класса — пять, 2-го — двадцать два, 3-го — семьдесят, 4-го — семьсот десять человек⁷¹.

Анализ опубликованных и выявленных нами архивных делопроизводственных материалов показывает, что некоторым кавалерам пенсия по ордену Св. Георгия производилась сверх получаемого окладного жалования или военных (штатских) пенсий и по день их ухода из жизни. Так, 8 декабря 1796 г. монарх объявил указ Сенату: «Правления нашего Государственного ассигнационного банка советника Матвея Олсуфьева по слабости его здоровья, приключившейся во время военных подвигов, всемилостивейше увольняем от службы, повелевая производить ему в пенсию из сумм, государственным казначействам принадлежащих, ныне получаемое им жалование по две тысячи рублей на год, сверх прежде определённых на выдачу ему из [Кавалерской] думы военного ордена [Св. Георгия] трёхсот шестидесяти рублей»⁷².

Однако в «Российский кавалерский орден» Павел I военный орден Св. Георгия, впрочем, как и орден Св. Владимира, не включил⁷³.

Между тем 5 апреля 1797 г. он повелел, чтобы «суммы на содержания орденов Святого Георгия и Святого Владимира, прежде определённые и от остатков накопившиеся, кои и должны тотчас вступить под управление Российского кавалерского ордена, силою сего статута учреждаемого, с тем чтоб действительно ныне получающие пенсии пользовались ими по смерти их, на вакансии же вновь не помещая [кандидатов], обратить все остающиеся суммы на сие наше установление»⁷⁴. Через пять дней самодержец именованным указом, объявленным через Правительствующий Сенат, предписал отпускать из казны на орден Св. Георгия определённую денежную сумму и осуществлять из неё выплату пенсии кавалерам данного ордена в соответствии с его статутом⁷⁵.

14 апреля 1797 г. высочайше было объявлено, что орден Св. Георгия «оставлен... на прежнем основании»⁷⁶, то есть производить выплаты пенсий как находившимся на действительной военной службе, так и уволенным в отставку по состоянию здоровья, увечьям и преклонного возраста офицерам⁷⁷.

Если до 1801 г. на выплату пенсий кавалерам орденов Св. Георгия и Св. Владимира отпускалось из государственных статных казначейств 120 тыс. руб., то на 1802 г., вероятно из-за уходов ветеранов из жизни, лишённых наград по указам монарха, запрета постановления кандидатов на освободившиеся пенсионные вакансии, было запланировано 85 тыс. руб.⁷⁸.

Достоверно установлено, что при правлении Павла I знаками военного ордена Св. Георгия никого из офицеров армии и флота не награждали, хотя к началу его царствования

из жизни ушли 3 кавалера 1-го класса, 12 кавалеров 2-го, 50 кавалеров 3-го, 577 кавалеров 4-го классов⁷⁹. Тем не менее ходатайства офицеров армии и флота о получении ордена за выслугу календарных лет поступали в Капитул, что подтверждает ответ, данный 20 ноября 1797 г. генерал-майору Б.Ф. Кноррингу: «Не получая прежде ордена Святого Георгия, теперь ещё менее иметь его вы можете, по той причине, что оный более не даётся»⁸⁰.

И во время войны Российской империи в составе Второй коалиции против Французской республики в 1798–1800 г. награждения сухопутных и морских офицеров военным орденом Св. Георгия не производились. И только император Александр I Манифестом от 12 декабря 1801 г. восстановил военный орден Св. Георгия «во всей его силе и пространстве»⁸¹. Первое заседание Думы, в составе 36 кавалеров, состоявшееся 1 сентября 1802 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца под председательством генерал-фельдмаршала графа И.П. Салтыкова, принесло монарху от всех награждённых орденами Св. Георгия верноподданнейшую благодарность, и ими было выражено пожелание, чтобы «для знаменитости носимого ими ордена» знаки его были украшены «возложением на священную особу всеавгустейшаго возстановителя ордена»⁸².

В соответствии со статутом кавалерам орденский крест позволялось использовать в дворянских гербах и печатях⁸³. После умерших кавалеров орденские знаки передавались (присылались) наследникам в Военную или Адмиралтейскую коллегию (в зависимости от службы усопшего в армии или флоте), Кабинет Её Императорского Величества⁸⁴, а с 1782 г. — в Кавалерскую думу для награждения других лиц. После смерти пенсионера, находившегося в законном, то есть церковном браке, его вдова пользовалась пенсией, определённой кавалеру, ещё один год после ухода мужа из жизни⁸⁵.

Лишение офицера военного ордена Св. Георгия осуществлялось согласно статуту и оформлялось на основании указа монарха. К примеру, в июле 1799 г. император Павел I издал указ: «Полковник Робассоми, кавалер военного ордена Св. Георгия 4 класса, исключён из списка кавалеров»⁸⁶.

Через 13 лет после введения ордена Св. Георгия для военных и морских чинов, 22 сентября 1782 г., в годовщину своего коронавания, императрица Екатерина II учредила для поощрения военных, морских и гражданских чинов за усердную службу государыне и Отечеству орден Св. равноапостольного князя Владимира четырёх степеней⁸⁷. В статуте ордена было прописано: «Императорский орден Св. равноапостольского князя Владимира установлен в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы, и в воздаяния трудов, для пользы общественной подъяемых». Пожалованные знаком ордена имели право называться кавалерами Св. Владимира. Орденом награждали «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности», кроме того — за 35 лет безупречной службы. Предписывалось «сей орден никогда не снимать, ибо трудами оный приобретается». Точного количества кавалеров ордена не устанавливалось, в него принималось столько лиц, сколько оказывалось достойных по личным качествам и неусыпному труду.

Порядок ношения знаков всех степеней ордена Св. Владимира был установлен следующий:

а) кавалеры ордена 1-й степени, или класса большого креста, носили шёлковую ленту «о трёх полосах равной ширины, крайняя чёрная, а средняя красная», через правое плечо «на кафтане», если не было другого российского ордена; при старшем по статусу ордене место уступалось ленте старшего ордена; звезда — на левой стороне мундира;

б) кавалеры ордена 2-й степени, также класса большого креста ленту носили на шее, звезду — на левой стороне груди;

- в) кавалеры ордена 3-й степени — малый крест на шее;
 г) кавалеры ордена 4-й степени — малый крест в петлице мундира.
 Девиз ордена: «Польза, честь и слава».

Орден Св. Владимира монархиня жаловала чаще и более массово, чем орден Св. Георгия. Кавалерам ордена Св. Владимира каждой степени устанавливались ежегодные пенсии: 1-й степени по 600 руб., 2-й — по 300 руб., 3-й — по 200 руб., 4-й — по 100 руб. на год.

Пенсии кавалерам выплачивались по третям года.

Нами выявлена «Справка, учинённая в 3-й экспедиции Нижегородской казённой палаты по сообщению Главного кригс-комиссариата, о выдаче [обер-коменданту Нижегородского Новгорода] господину полковнику Карлу Этко по имеющему у него ордену Святого равноапостольского князя Владимира четвёртой степени пенсионного жалованья со дня пожалования того ордена, 1783 году сентября 22 дня, по 1 мая 1784 года 60 рублей 72³/₄ копейки из наличной комиссариатской суммы, к выдаче достаточной»⁸⁸.

В делопроизводственных материалах ЦАНО также сохранилось описание выдачи пенсии из Кавалерской думы ордена Св. князя Владимира в размере 100 руб., которая была выплачена кавалеру 2-й степени генерал-поручику И.С. Белавину за «майскую треть» 1796 г. Пенсию выплатили из денежных средств, предназначенных для пересылки из доходов Нижегородской казённой палаты в Санкт-Петербургское казначейство для остаточных сумм⁸⁹.

Повелением самодержицы для выплаты пенсий на каждую степень было определено по 6 тыс. руб., всего на четыре степени — 24 тыс. руб. Учёт сумм выплат кавалерам разных степеней вёлся раздельно, их никогда не объединяли, не замещали суммами другой. Вышеуказанные пенсии каждый кавалер получал до кончины и независимо от того, имел ли ещё и «особливое жалованье». Названная пенсионная сумма отпускалась в ежегодную казну вместе с жалованьем для казначей-секретаря и с суммой на прочие расходы по ордену (всего 26 тыс. руб.). Пенсии выплачивались по старшинству получения ордена. В последующие годы пенсионная сумма в связи со значительным ростом награждённых орденом Св. Владимира была существенно увеличена (Табл. 3).

Таблица 3

Установленные размеры пенсий кавалерам ордена Св. князя Владимира⁹⁰

Количество кавалеров, степени ордена Св. Владимира	Размеры пенсии (рублей в год)	Сумма, выделенная на выплату пенсии (рублей)
25 – 1-я степень	600	15000
50 – 2-я степень	300	15000
100 – 3-я степень	150	15000
150 – 4-я степень	100	15000
Итого 325 чел.		60000

Каждый кавалер ордена 1-й и 2-й степеней имел при императорском дворе, во всех публичных местах и торжествах вход четвёртого класса по Табелю рангов 1722 г., 3-й и 4-й степени — шестого класса.

Ежегодно к 8 сентября Сенат, Военная, Адмиралтейская и Иностранная коллегии представляли монархине список кандидатов на награждение орденом Св. Владимира, «прописав в оной каждого поведения и дела», и обязательно: 1) подробное описание подвига, дающего право на внесение в роспись, 2) собранные доказательства и свидетельства подвига, а также: 3) возможные неубедительные доказательства и свидетельства.

После 35 лет службы на кандидата, находившегося в действительном чине и должности, следовало присылать прошения по командам со свидетельствами начальства о том, что «присящий безпрерывно прилежен, безпорочен, в отправлении должности ревностен и усерден... и что во всю службу не бывал в таких погрешениях, за которые разжалован был чином».

Список кандидатов на награждения орденом Св. Владимира отсылался в Кавалерский того ордена капитул, или думу, для последующего рассмотрения 14 членами из кавалеров двух 1-й степени, по четыре 2-, 3- и 4-й степеней. Впредь в Кавалерской думе состояли все кавалеры ордена Св. Владимира, находившиеся «налицо» в столице. Кавалерской думе дозволялось иметь при Вознесенском (Софийском) соборе в Софии⁹¹ дом, архив, печать и особую казну. После рассмотрения списков кандидатов председатель представлял реестры удостоенных, заверенные членами Думы, монарху⁹².

В январе 1787 г. Правительствующий Сенат потребовал присылать подробное описание в представлениях к награждению орденом Св. Владимира всех совершённых подвигов, которые позволяют получить орден⁹³. Через три года от Кавалерской думы потребовали разбирать представления на основании статута и отобранные списки направлять на монаршее усмотрение, чтобы достойным чиновникам пожаловать орден⁹⁴. 26 ноября 1789 г. был объявлен именной указ, данный Кавалерской думе ордена Св. Владимира, «О пожаловании золотых знаков отличия офицерам, бывшим на штурме очаковском».

Награждённым золотыми знаками на три года сокращался временной срок, положенный «для заслужения ордена военного, и по происшествии сего должен он получить тот орден, яко за подвиг». Такой же срок уменьшался для пожалования орденом Св. Георгия тех офицеров, которые за штурм Очакова были награждены кавалерами ордена Св. Владимира 4-й степени. Все получившие знаки ордена Св. Владимира 4-й степени за воинские подвиги «носили оные в петлицах с бантом»⁹⁵.

Золотые знаки ордена Св. Владимира 4-й степени были пожалованы 31 марта 1792 г. офицерам, отличившимся при взятии города и крепости Измаил, а 1 января 1795 г. — при штурме предместья Варшавы Праги⁹⁶.

Недостойные поступки, совершённые кавалером ордена Св. Владимира, могли привести его к исключению из состава орденской думы.

В связи с ростом числа награждённых правительство изыскивало средства для выплаты им пенсий. Так, 23 сентября 1786 г. монархиня повелела Сенату накопить сумму на нужные по ордену Св. Владимира расходы из поступавших в казну штрафных денег до 150 тыс. руб.⁹⁷. 13 мая 1787 г. Сенат приговорил отчислять казёнными палатами штрафные деньги и пени в капитал ордена Св. Владимира⁹⁸. К 20 ноября 1792 г. сумма 150 тыс. руб. в казну Кавалерской думы ордена Св. Владимира поступила, поэтому все «штрафные деньги» по указу Екатерины начали перечислять к общим государственным доходам⁹⁹.

Всего кавалерами ордена Св. Владимира 1-й степени со дня его учреждения в XVIII в. стали 64 высших военных и морских чинов, гражданских и придворных сановников¹⁰⁰, которые жаловались и другими российскими орденами. К примеру, 24 ноября 1792 г. императрица пожаловала начальнику Черноморского адмиралтейского правления вице-адмиралу Н.С. Мордвинову орден Св. Александра Невского, а 8 сентября 1793 г. — орден Св. Владимира 1-й степени¹⁰¹.

Ещё при своём восшествии на престол монархиня в своих пожалованиях была не против допущения к управлению высшего дворянства. По её собственным словам, она «чувствовала великую склонность чтить древние роды», желала восстановить их блеск пожалованием орденов, назначением на должности старших в роду, если они имели достоинства, «а также раздачею пенсий и даже поместий смотря по надобности и заслугам»¹⁰².

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

После умерших кавалеров орденские знаки передавали или высылали в Кавалерскую думу для дальнейших награждений¹⁰³.

Как уже выше отмечалось, 5 апреля 1797 г. было опубликовано «Высочайше утверждённое установление о российских императорских орденах». К императорским орденам были отнесены ордена по старшинству (классам) таким образом: Святого апостола Андрея Первозванного, Святой великомученицы Екатерины, Святого князя Александра Невского, Святой Анны¹⁰⁴. Всем кавалерам вышеназванных орденов предусматривались пенсии, имения и прочие льготы, для чего Павел I предписал выделить из государственных экономических имений часть земель и крестьян для составления «командорственных имений» кавалерам российских орденов¹⁰⁵ (Табл. 4).

Таблица 4

Размеры пенсионных награждений кавалеров в соответствии с Установлением российских императорских орденов, введённого в действие 5 апреля 1797 года¹⁰⁶

Количество кавалеров орденов, размеры наград (норма душ, руб.) ¹⁰⁷	Наименование российских императорских орденов			
	Святой апостол Андрей Первозванный (итого душ)	Святая великомученица Екатерина (итого душ)	Святой князь Александр Невский (итого душ)	Святая Анна (итого душ, руб.)
3 по 1000	3000	–	–	–
4 по 800	3200	–	–	–
5 по 700	3500	–	–	–
Итого 12 ¹⁰⁸	9700	–	–	–
		кавалеры большого креста		
1 по 800	–	800	–	–
1 по 700	–	700	–	–
1 по 600	–	600	–	–
1 по 500	–	500	–	–
2 по 400	–	800	–	–
Итого 6 ¹⁰⁹	–	3400	–	–
		кавалеры малого креста		
3 по 300 ¹¹⁰	–	900	–	–
4 по 200	–	800	–	–
6 по 150	–	900	–	–
7 по 100	–	700	–	–
Итого 20 ¹¹¹	–	3300 ¹¹²	–	–
6 по 600	–	–	3600	–
8 по 500	–	–	4000	–

I. ARTICLES

10 по 400	–	–	4000	–
Итого 24 ¹¹³	–	–	11600	–
				1-й степени
10 по 400	–	–	–	4000
10 по 300	–	–	–	3000
10 по 250	–	–	–	2500
12 по 200	–	–	–	2400
Итого 42 ¹¹⁴	–	–	–	11900
				2-й степени
13 по 150	–	–	–	1950
20 по 120	–	–	–	2400
29 по 100	–	–	–	2900
Итого 62 ¹¹⁵	–	–	–	7250
36 по 250	–	–	–	9000
				3-й степени
30 по 200	–	–	–	6000
50 по 150	–	–	–	7500
50 по 120	–	–	–	6000
50 по 100	–	–	–	5000
Итого 180	–	–	–	24500

Для выплат наград Павел I выделил кавалерам вышеперечисленных орденов деревни Дворцовой конторы «особо данным... Сенату... указом» 50 тыс. душ мужского пола и 54 тыс. руб. «из государственных... доходов»¹¹⁶.

Пожалование рядового состава и младших командиров осуществлялось также на основании «Установления российских императорских орденов», введённого 5 апреля 1797 г.

12 ноября 1796 г. был заслушан высочайший приказ монарха, отданный при пароле, «Об учреждении знака "Святая Анна" в петлицу для унтер-офицеров и рядовых, выслуживших безпорочно 20 лет, и об освобождении получивших сей от телесного наказания». Приказ предписывал подать списки кандидатов на пожалование знаком «Святая Анна» из лейб-гвардейских полков, затем и из Военной и Адмиралтейской коллегий по мере поступления их из войск полевой армии и флотов¹¹⁷.

В октябре 1797 г. был объявлен указ Военной коллегии, потребовавший доставить из полков в канцелярию именные списки (по приложенным формам) всех унтер-офицеров и рядовых, которые беспорочно выслужили 20 лет для представления их к знаку ленты Св. Анны¹¹⁸.

19 марта 1798 г. самодержец при пароле отдал высочайший приказ инспекторам и шефам полков о контроле в представлении нижних чинов к получению ордена Св. Анны 4-го класса соответственно нормативно-законодательным актам¹¹⁹. В Орденскую канцелярию командиры полков были обязаны сообщать сведения об отставке нижних чинов, «коим следуют знаки отличия за двадцатилетнюю безпорочную службу»¹²⁰, с указанием места проживания.

Лишение знака отличия ордена Св. Анны отставных нижних чинов, совершивших уголовные преступления и затем арестованных, осуществлялось по решению Капитула российских орденов¹²¹.

Офицерам армии и флота предоставлялось право ношения нагрудного знака отличия Св. Анны, полученного ими будучи в унтер-офицерских чинах¹²². Нижние чины и унтер-офицеры, удостоенные за безупречную службу знаков ордена Св. Анны, имели право на получение пенсии в размере своего должностного оклада либо после выслуги «узаконенных (25. — И.Д.) лет, или по увечью от ран»¹²³. Всего на выплату пенсий нижним чинам армии и флота было выделено 50 тыс. руб. на год от доходов командорских имений¹²⁴.

Таким образом, с 5 апреля 1797 г. награждение военных и морских чинов за отличие в службе, за проявленное мужество и героизм в сражениях осуществлялось по «Установлению о российских императорских орденах».

Организацию пожалования российскими орденами офицеров и матросов рассмотрим на примере эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Для участия в составе Второй коалиции против Французской республики в Средиземное море в августе 1798 г. была направлена российская эскадра под флагом вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова (6 линейных кораблей, 7 фрегатов, 3 вспомогательных судна, экипаж 7406 чел.)¹²⁵. Главной боевой задачей Ф.Ф. Ушаков считал освобождение Ионических островов, которые являлись ключевой позицией в Средиземном море наряду с островом Мальта. Умелыми действиями он начал поэтапное освобождение островов, входивших в состав Ионического архипелага. И заслуженные награды русских военных моряков не заставили себя ждать.

Так, 28 ноября 1798 г. Павел I, получив рапорт от вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова о взятии корабельным десантом на о. Цериго в Средиземном море двух французских крепостей, наградил флотоводца бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невского¹²⁶. Умело командовавший в бою командир десанта капитан-лейтенант Шостак и активно стрелявший со стороны моря навесными ядрами капитан-лейтенант Г.Г. Белли были награждены орденом Св. Анны 2-го класса. Проявившие храбрость и отвагу в боевых действиях майор Дандри, флота лейтенанты фон Бакман, Тизенгаузен, Навроцкий, капитан Никонов, артиллерии лейтенант Ганфельд были пожалованы орденом Св. Анны 3-го класса и шпагами, капитан Кирко — орденом и саблей. Для бывших в корабельном десанте нижних чинов монарх пожаловал 300 нагрудных знаков ордена Св. Анны, «коих возложение на отличившихся [матросов] и поручено высочайше... вице-адмиралу [Ф.Ф. Ушакову]»¹²⁷. За мужество и героизм, проявленные при освобождении от французов стратегически важных островов Св. Мавры и Кефалонии, два офицера эскадры под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова были удостоены орденом Св. Анны 2-го класса, восемь — 3-го класса¹²⁸.

Освобождение русским флотом о. Корфу, Римской области и победы над французами в Неаполитанском королевстве вызвали новые награждения орденами Российской империи офицеров, унтер-офицеров и матросов¹²⁹.

Однако наиболее щедро император Павел I, традиционно за службу, награждал орденами высший командный состав армии и флота. К примеру, он пожаловал кавалерами орденов: 28 июня 1799 г. Св. Андрея Первозванного — адмирала графа Г.Г. Кушелева; 29 июня Св. князя Александра Невского — генерал-интенданта и генерал-лейтенанта Г.Г. Белли; Св. Анны 1-го класса — вице-адмирала П.В. Пустошкина, 2-го класса — капитана над Кронштадтским военным портом С.Н. Телепнёва, начальника Морской типографии генерал-майора И.Т. Смирнова. Были отмечены орденом Св. Анны 3-го класса советник Адмиралтейств-коллегии П. Киселёв, знаменитый корабельный мастер С.А. Сарычев, эскадр-майор М.М. Муравьёв и подполковник флота Семивский¹³⁰. Этим же орденом был пожалован капитан 1 ранга Сукин — «за провод счастливый пяти [архангелогородских] кораблей чрез бар»¹³¹.

6 июля 1800 г. монарх подписал указ о вычете единовременных денег из жалования военных и штатских чиновников за пожалованные им ордена. Из сумм для кавалеров ордена

Св. апостола Андрея Первозванного удерживали по 400 руб., Св. князя Александра Невского — 200 руб., Св. Анны 1-го класса — 100 руб., 2-го класса — 60 руб., 3-го класса — 30 руб., которые пересылались в Капитул российского кавалерского ордена¹³².

На специальной пенсии, пожалованной морякам императрицей Екатериной II по особому указу за участие в секретной Северной экспедиции, остановимся более подробно, поскольку в её составе находились офицеры, награждённые ещё в процессе корабельной службы «обыкновенным пенсионом» и получавшие также пенсию как кавалеры военного ордена Св. Георгия.

Указом от 14 мая 1764 г. совету Адмиралтейств-коллегии монархиней было повелено снаряжать морскую экспедицию для прохождения по морям Северного Ледовитого океана к Камчатскому полуострову; при подготовке похода соблюдать глубочайшую секретность, не ставя в известность до определённого времени даже членов Правительствующего Сената. Официально же она в высочайшем указе называлась «Экспедиция о возобновлении китовых и других звериных и рыбных промыслов». Конечной же целью секретной экспедиции, подготовленной по проекту М.В. Ломоносова¹³³, было обнаружение морского пути из Архангельска для перехода на Камчатку. Для практической реализации цели экспедиции в Архангельске под руководством корабельного мастера Ламбе Ямеса были построены в 1764 г. три судна. Они были приспособлены для экстремальных условий плавания в Северном Ледовитом океане. Суда после постройки в сентябре того же года перешли в Колу, где и остались для зимовки.

Начальником экспедиции и командиром военного судна, длиной 90 футов, был назначен капитан 1 ранга В.Я. Чичагов, будущий адмирал, командирами двух других судов, длиной 82 фута каждое, — капитан 2 ранга Н.Д. Панов и капитан-лейтенант В.М. Бабаев. В помощь командирам судов были направлены лейтенанты П.А. Борноволоков, Ф. Озеров, П.М. Поярков¹³⁴. На техническое оснащение секретной Северной экспедиции и для заготовок припасов выделили 20 тыс. руб. из Государственного казначейства.

Начальник экспедиции, два капитана других судов, назначенные в помощники лейтенанты, штурманы, подштурманы, штурманские ученики, боцманматы, квартирмейстеры, матросы и канониры 2 статьи были повышены в следующие воинские чины, однако предписывалось учитывать старшинство и выплачивать жалованье по новым окладам с 1 июля 1764 г. Всем прочим морским служителям (в связи с затруднительной ситуацией: боцманы стали бы обер-офицерами, а матросы 1 статьи унтер-офицерами) было определено повысить только жалованье, но на усмотрение капитанов судов.

В указе объявлялось, что при достижении цели секретной экспедиции, то есть перехода к Камчатке, всем офицерам будут присвоены новые воинские чины, а по возвращении в Архангельск им были обещаны, с учётом «усердия, повышения по службе», а также и «в пенсион по смерти настоящих чинов окладное жалованье, не считая того, что в продолжение своей службы впредь по чину получать будут». Если же «кому приключится смерть во время путешествия того, жене и детям положено в пенсию половинное жалованье, первой — до [нового] замужества или кончины, последним — до совершеннолетия»¹³⁵.

В 1765–1766 г. капитан 1 ранга В.Я. Чичагов предпринял два плавания, в первом — достиг 80° северной широты¹³⁶, во втором — 80° 30', но далее его три судна не смогли продвигаться из-за появления сплошных полей арктических льдов и вынуждены были возвратиться в Архангельск. Однако императрица Екатерина II высоко оценила мужество русских военных моряков, наградив их вышестоящими чинами и назначив всем пожизненную пенсию при дальнейшем прохождении флотской службы. Пенсия вышеназванным шести морским офицерам, участникам секретной экспедиции в Северном Ледовитом океане под командованием В.Я. Чичагова, была пожалована по особому именному указу от 22 декабря 1766 г.¹³⁷

Какие же конкретные общие пенсии получили участники этой экспедиции?

Рассмотрим это на примере командира экспедиции. Капитану 1 ранга В.Я. Чичагову с 1 января 1767 г. была пожалована пенсия 400 руб. в год за участие в экспедиции. Пенсия выдавалась наряду с должностным жалованьем при нахождении его на военной службе. Выплата данной пенсии осуществлялась ему ещё в течение 31 года, но это несколько не послужило препятствием к получению военной пенсии после увольнения от службы по состоянию здоровья в «вечную» отставку¹³⁸. За перевод трёх линейных кораблей Четвёртой русской эскадры в 1772 г. с Балтики в Средиземное море (порт Ливорно) контр-адмирал В.Я. Чичагов был награждён орденом Св. Анны¹³⁹. 26 ноября 1773 г. — орденом Св. Георгия 4-й степени за совершение 20 морских кампаний. За разгром шведского флота 22 июня 1790 г. В.Я. Чичагов был также пожалован 2417 душами крестьян в Белоруссии, в Могилёвском наместничестве, и награждён орденом Св. Георгия 1-й степени¹⁴⁰. 14 сентября 1797 г. адмирал В.Я. Чичагов после 55 лет службы был уволен в отставку по личному прошению именованным указом императора Павла I с правом ношения военно-морского мундира и с военной пенсией в размере должностного окладного жалованья (3600 руб. в год)¹⁴¹. Таким образом, адмирал В.Я. Чичагов, находясь в отставке, получал три пенсии: как командир секретной Северной экспедиции, как кавалер российских императорских орденов¹⁴² и военную пенсию по окладу адмирала.

Выводы: Пенсионное обеспечение кавалеров российских орденов в XVIII столетии осуществлялось на основе добротного разработанного законодательно-правовых актов. Кроме глубокого морального удовлетворения, обусловленного пожалованием ордена и повышением социального статуса в российском обществе, кавалеру 1–4-х классов орденов Св. Георгия и Св. Владимира полагалась выплата ежегодной пенсии.

Выплата орденской пенсии законодательно не являлась препятствием для пожалования ещё и военной (штатской) пенсией или дополнительной пенсией, назначенной по особому высочайшему именованному указу.

«Установление о российских императорских орденах», высочайше подписанное 5 апреля 1797 г. новым императором — Павлом I, объединило все российские ордена в степени единого российского кавалерского ордена. К императорским орденам по старшинству (классам) были отнесены ордена Св. апостола Андрея Первозванного, Св. великомученицы Екатерины, Св. князя Александра Невского, Св. Анны.

Всем кавалерам вышеназванных орденов предусматривались имения, пенсии и прочие материальные льготы по закону, что успешно воплощалось в жизнь в ходе практических действий высшей власти. Лучшим подтверждением этого являются воспоминания современника, кавалера российских орденов генерала С.А. Тучкова, писавшего, что «офицер, награждённый командорским орденом Святой Анны, получал к ордену и имение, в частности, орденом Святой Анны 2 класса — 150 душ»¹⁴³.

Награждён Екатериной I 5 февраля 1727 г., включён в официальные списки кавалеров.

⁵ *Бассевич Г.Ф.* Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 423; [*Берхгольц Ф.В.*] Дневник камерюнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца (1721–1725) // Неистовый реформатор. М., 2000.

С. 283; *Добровольская М.А.* Наградная система // Три века Санкт-Петербурга : Энциклопедия. Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 2 : Н–Я. С. 12. ПСЗ. Т. XXIV. № 17908. С. 573.

⁷ *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007. С. 47–49.

⁸ Из записок майора фон Веделя : об убиении императора Павла I // Царевубийство 11 марта 1801 года : Записки участников и современников. Изд. 2-е, доп. СПб., 1908. С. 159.

⁹ *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1883. Т. I. С. 338.

¹⁰ ПСЗ. Т. XXIV. № 17908. С. 573.

¹¹ Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 483–484; Там же. Т. XVIII. № 13387. С. 1020–1024; Архив графов Мордвиновых / примеч. и предисл. В.А. Бильбаова. СПб., 1901. Т. II. № 537. С. 49; Письма императрицы Екатерины Великой к фельдмаршалу графу Петру Семёновичу Салтыкову : 1762–1771 : (с подлинников, хранящихся в библиотеке Петра Ивановича Мятлева) // РА. 1886. Кн. 3, вып. 9. № 146. С. 81.

¹² *Чичагов Л.М.* Адмирал Павел Васильевич Чичагов // РС. 1883. Т. XXXVIII, май. С. 494; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 62; Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 15. С. 136; [*Рибопьер А.И.*] Записки обер-камергера графа Александра Ивановича Рибопьера / вступ. ст., примеч. А.А. Васильчикова // РА. 1877. Кн. 1, вып. 4. С. 484.

¹³ ПСЗ. Т. XVIII. № 13387. С. 1023.

¹⁴ Ахматов, Фёдор Антонович // РБС. СПб., 1900. Т. [2] : Алексинский–Бестужев-Рюмин. С. 362–363; Базин, Алексей Осипович // Там же. С. 416–417; Белли (Белле), Генрих // Там же. С. 681–682; Буксгевден, Фёдор Фёдорович // Там же. СПб., 1908. Т. [3] : Бетанкур – Бякстер. С. 449–450; Гагарин, князь Василий Андреевич // Там же. М., 1914. Т. [4] : Гааг–Гербель. С. 58–59; Гагарин, князь, Фёдор Сергеевич // Там же. С. 95; Герман, Иван Иванович // Там же. М., 1916. Т. [5] : Герберский – Гогенлоэ. С. 45–48; Гибс, Самойло Самойлович // Там же. С. 170–171; Глазов, Павел Михайлович // Там же. С. 263–264; Давыдовский, Яков Яковлевич // Там же. СПб., 1905. Т. [6] : Дабелов – Дядьковский. С. 9–10; Долгоруков (Долгорукий), князь, Василий Владимирович // Там же. С. 510–511; Зорич, Семён Гаврилович (Неранчик) // Там же. Т. [7] : Жабокритский–Зяловский. С. 465–468; Игельстром, граф, Иосиф Андреевич // Там же. СПб., 1897. Т. [8] : Ибак – Ключарёв. С. 43–44; Ильин, Дмитрий Сергеевич // Там же. С. 97–98; Кнорринг, Богдан Фёдорович // Там же. СПб., 1903. Т. [9] : Кнаппе – Кюхельбекер. С. 3–4; Корнилов, Алексей Михайлович // Там же. С. 260–261; Голенищев-Кутузов – Смоленский // Там же. С. 631; Позняков, Александр Андрианович // Там

же. СПб., 1905. Т. [14] : Плавильщиков – Примо. С. 270; Поливанов, Юрий Игнатьевич // Там же. Т. [14]. С. 343–344; Рек, фон, Иван Григорьевич (Reck) // Там же. СПб., 1913. Т. [16] : Рейтерн – Рольцберг. С. 45; Ржевский, Степан Матвеевич // Там же. С. 164; Суворов, Александр Васильевич // Там же. СПб., 1912. Т. [20] : Суворова–Ткачёв. С. 43; Татищев, граф, Николай Алексеевич // Там же. С. 358; Тимашов, Алексей Иванович // Там же. С. 516–517; Тимченко, Григорий // Там же. С. 556–557; Хметевский, Степан Петрович // Там же. СПб., 1901. Т. [21] : Фабер – Цявловский. С. 369–370; Шешуков, Николай Иванович // Там же. СПб., 1911. Т. [23] : Шебанов – Шютц. С. 270; Яшвиль, князь, Лев Михайлович // Там же. СПб., 1913. Т. [25] : Яблоновский – Фомин. С. 210; Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I : Совет в царствование императрицы Екатерины II-й : (1768–1796 гг.), ч. I : Протоколы Совета в царствование Екатерины II. Отд. историческое. Стб. 42, 63, 77, 89, 91, 95, 101, 131, 137, 153, 184, 196, 254, 261, 273, 367, 381, 711; Архив Раевских / изд. П.М. Раевский; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1908. Т. I. С. 8; МИРФ. СПб., 1886. Ч. XI. № 288. С. 574; СПб., 1888. Ч. XII. № 37. С. 74–75; № 127. С. 296; № 144. С. 332; № 179. С. 358; СПб., 1890. Ч. XIII. № 287. С. 311; № 293. С. 315–316; № 318. С. 334; № 512. С. 536–537; СПб., 1893. Ч. XIV. № 91. С. 87–88; № 189. С. 185–186; № 261. С. 298–299; Сб. РИО. СПб., 1867. Т. I. С. 59; Там же. СПб., 1876. Т. 19. С. 469–471; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли, содержащий в себе жизнь и деяния знаменитых полководцев, министров и мужей государственных, великих иерархов Православной Церкви, отличных литераторов... изданный Александром Ширяевым. М., 1836. Т. II. С. 272–281, 307–327, 401–404; То же. Т. III. С. 114–118, 225, 284, 303, 353, 375, 384; То же. Т. IV. С. 48, 93–94, 116, 126, 193, 194, 200, 203, 211, 288, 303, 310, 312, 360; То же. Т. V. С. 8, 26, 62, 190, 200, 201, 230, 275; Гренадерское слово // ОЗ. 1820. Ч. III, кн. VIII. Смес. С. 278–283; Русский богатырь при стенах Дербента // Там же. 1821. Ч. VII, кн. XV (1). Смес. С. 123–124; [*Грейс С.К.*] Первый поход российского флота в Архипелаг, описанный адмиралом Грейгом : (из собственной его рукописи) // Там же. 1823. Ч. XIII, кн. XXXIV. С. 205; Сведения о частной жизни и деяниях по гражданской и военной части графа Петра Александровича Румянцова-Задунайского, извлечённые из высочайших рескриптов и собственноручных его писем // Там же. 1823. Ч. XV, кн. XLI. С. 296; Сын Отечества. 1813. Ч. 6. № XX. Раздел V. С. 39; Биография Александра Васильевича Суворова, им самим писанная в 1786 году / сообщ. Д.П. Голохвастов // ЧОИДР. 1847. Год третий. № 9.

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 1931. С. 216.

² Там же. Т. XXIV. № 17908. С. 569–570.

³ Там же. Т. V. № 2860. С. 129–133.

⁴ Там же. Т. XXIV. № 17908. С. 569–570, 571–572; Т. XXV. № 18687. С. 402–403.

Единственным мужчиной-кавалером ордена стал обер-камергер Александр Александрович Меншиков (1714–1764), сын Александра Даниловича.

Отд. II. С. 552; *Бодянский О.М.* Грамоты, дипломы и письма, поданные вместе с очерком жизни своей Александром Васильевичем Суворовым в Московскую дворянскую опеку 1786 года // Там же. 1848. Год четвёртый. № 1. Отд. II. С. 9, 10, 25, 25–26; Письма императрицы Екатерины II к разным государственным сановникам // Там же. 1863. Кн. 3, июль–сент. Отд. V. С. 159; *Ермолов П.Е.* Записки артиллерии полковника Ермолова с объяснением по большей части тех случаев, в которых он находился, и военных происшествий того времени. Ч. I: Записки Алексея Петровича Ермолова // Там же. 1864. Кн. 3, июль–сент. Отд. II. С. 6; Приложения к запискам А.П. Ермолова. Ч. I: 1801–1812 // Там же. 1865. Кн. 3, июль–сент. Отд. II. С. 2–3; Архив Военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. II. 1770–1774 г. // Там же. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. II. С. 57, 108–110; [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная: 1764–1805. В 3 ч. Ч. 2: 1788–1790 // Там же. 1885. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. I. С. 143–144; *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка: 1731–1848. СПб., 1849. Ч. IV: Полный список шефов, полковых командиров и офицеров лейб-гвардии конного полка с 1731–1848 год. С. 99; *Семёнов П.Н.* Биографические очерки сенаторов по материалам, собранным П.И. Барановым // ЧОИДР. 1886. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. I. С. 91; Письмо императрицы Екатерины II к князю Долгорукову-Крымскому от 17 июля 1771 года // РА. 1871. Кн. 2, вып. 9. Стб. 1348–1350; *Голомбевский А.А.* Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский: (1735–1807) // Там же. 1904. Кн. 2, вып. 8. С. 511–512; Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосалова // Там же. 1905. Кн. 1, вып. 1. С. 140; Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Л.-Ф. Сегюра: (1785–1789) // Там же. 1907. Кн. 3, вып. 11. С. 375; *Шильдер Н.К.* Дипломат поневоле // ИВ. 1896. Т. LXIV, июнь. С. 822; Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потёмкина и П.А. Румянцева: 1787–1789 гг.: (Кинбурн–Очаковская операция) / под. ред. Д.Ф. Масловского // Сб. ВИМ. СПб., 1893. Вып. IV. С. 36, 206–207, 208–209.

В продолжение темы см.: ПСЗ. Т. XXIV. № 17833. С. 357; *Морохин А.В.* Великая княгиня Наталья Алексеевна (1755–1776). СПб., 2013. С. 150–151.

¹⁵ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I, ч. II: Протоколы Совета в царствование Екатерины II. Отд. юрид. Стб. 53–58; *Орлов Ф.Ф.* История С.-Петербургского гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка: (1726–1890). СПб., 1892. С. 26; Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 427–428.

¹⁶ ПСЗ. Т. XXIII. № 17308. С. 653–654; Гине, Яков Егорович // РБС. Т. [5]. С. 217–218; Глазенап, Григорий Иванович // Там же. С. 258–261; Пущин, Николай Николаевич // Там же. СПб., 1910. Т. [15]:

Притвиц–Рейс. С. 337; Реми, Гавриил Павлович // Там же. Т. [16]. С. 52; Репнинский, Яков Николаевич // Там же. С. 52; Роден, фон Франц Францович // Там же. С. 290.

¹⁷ *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб., 1899. Т. 2: 1725–1801 гг. Прил. II. С. 16.

¹⁸ МИРФ. СПб., 1895. Ч. XV. № 737. С. 500; Быченский, Филипп Тимофеевич // РБС. Т. [3]. С. 581–582; Галл, Роман (Роберт) Романович // Там же. Т. [4]. С. 177–178; Завадовский, Иван Иванович // Там же. Т. [7]. С. 135–136; Одинцов, Естафий Степанович // Там же. СПб., 1905. Т. [12]: Обезьянинов–Очкин. С. 112–113; Степанов, Иван Григорьевич // Там же. СПб., 1909. Т. [19]: Смеловский–Суворина. С. 387; ОДАММ. СПб., 1898. Т. VIII. С. 388; *Замысловский Е.Е.* Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденов статуты. СПб., 1891. С. 16–22, 132–167; *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия. СПб., 1846. Ч. I. С. 83; Петербург в 1781–1782 гг.: Письма Пикара к князю А.Б. Курякину / пер. с фр. // РС. 1870. Т. I, янв.–июнь. С. 145; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных ... Т. IV. С. 146; *Беляев А.П.* Воспоминания о пережитом и пережитом: с 1803 года // Там же. 1880. Т. XXIX, сент.–дек. С. 838.

¹⁹ Безусловно, были достойны представления к награждению орденом Св. Георгия 4-го класса по выслуге лет проходившие службу в Охотском порту корабельного флота капитан-лейтенант Василий Хметевский и шкипер 1 ранга Андрей Юрлов. 20 июня 1771 г. Адмиралтейств-коллегия рассмотрела их донесения, в которых они просили за безупречную и продолжительную службу (В. Хметевский с 1721 г., а А. Юрлов с 1735 г.) повысить их чином. Просители в своих донесениях указывали, что в нынешних воинских чинах они находятся с 1756 с 1757 г. соответственно. Основанием для повышения в чинах, по их мнению, было нахождение «в разных вояжах в Камчатской экспедиции» ихождение службы «в тамошнем отдалённом, безлюдном и многотрудном против российских городов месте» продолжительное время (МИРФ. Ч. XI. № 330. С. 725; ПСЗ. Т. XXIV. № 17931. С. 584–585). 31 декабря 1776 г. капитан 2 ранга Василий Хметевский в возрасте 78 лет на основании Манифеста о вольности дворянства 1762 г. был уволен в отставку от военной службы. Монархиня присвоила ему чин «капитана 1 ранга», пожаловала пенсией как находившемуся в офицерском чине 35 лет и в честь «тамошнего долговременного бытия» на Камчатке (41 год) (МИРФ. Ч. XII. № 177. С. 350–351). В качестве компенсации за отдалённость и с учётом подорожания продовольственных и промышленных товаров военным и морским чинам, проходившим

военную службу в Охотске и участвовавшим в северо-восточной «географической и астрономической экспедиции» под руководством капитана 1 ранга И.И. Биллинга, выплачивалось двойное окладное денежное жалованье. Один должностной оклад выплачивался их сумм Адмиралтейств-коллегии, а второй, «прибавочный», из доходов Сибирской губернии (ПСЗ. Т. VIII. № 6291. С. 1011–1012; МИРФ. СПб., 1880. Ч. VIII. № 234. С. 657; Ч. XI. № 139. С. 289, 290–291, 303; Ч. XIII. № 162. С. 194; Ч. XIV. № 396. С. 487–488; Сб. РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. С. 525; Там же. СПб., 1906. Т. 124. С. 104; Сенатский архив. СПб., 1904. Т. XI: Протоколы Правительствующего Сената 1759 г. С. 407–411). Кроме того, срок военной службы предписывалось считать «удвоенной кампаниею» (Стогов, Иван Петрович // РБС. Т. [19]. С. 430). В продолжение темы см.: ПСЗ. Т. VIII. № 5813. С. 520–524; МИРФ. СПб., 1879. Ч. VII. № 35. С. 81; № 134. С. 450–451; № 181. С. 511–512, 518, 520; № 237. С. 756; СПб., 1883. Ч. X. № 103. С. 165–168; № 138. С. 246–247; № 145. С. 286–287; № 250. С. 459; № 317. С. 543–547; Ч. XIII. № 502. С. 529–530; Сб. РИО. СПб., 1905. Т. 120. С. 124, 300; Там же. Юрьев, 1899. Т. 106. С. 61; Там же. Т. 114. С. 525; Там же. Т. 124. С. 104, 152–153; Материалы для истории Северо-Восточной Сибири // ЧОИДР. 1864. Кн. 3, июль–сент. Отд. V. С. 62–93; Шмалёв, Тимофей // РБС. СПб., 1911. Т. [23]. С. 348–349.

²⁰ *Дубровин Н.Ф.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения: 1775–1777 гг. СПб., 1885. Т. I. С. 112, 116, 122, 125, 131, 136, 149, 153, 171, 180, 181, 210, 211, 234, 241, 244, 251, 254, 255, 261, 272, 297, 302, 309, 316, 321, 333, 342, 352, 379, 383, 397, 408, 409, 410, 425, 428, 436, 441, 444, 445, 447, 449, 469, 470, 471, 472, 478, 479, 480, 481, 482, 484, 486, 489, 491, 503, 505, 506, 516, 517, 520, 529, 530, 531, 534, 543, 545, 546, 548, 549, 550, 555, 557, 561, 562, 567, 574, 604, 605, 606, 607, 608, 613, 628, 635, 642, 645, 649, 659, 670, 678, 681, 683, 686, 761, 792, 793, 794, 796, 797, 801, 807, 811, 813, 814, 818, 820, 824, 825, 826, 828, 830, 839, 846, 848, 860; СПб., 1888. Т. II. С. 37, 155, 209, 214, 217, 226, 232, 233, 261, 277, 298, 430, 458, 459, 480, 493, 526, 554, 556, 586, 603, 608, 618, 639, 641, 656, 657, 686, 705; Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества: 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 346; Прил.: Протоколы Кабинета в царствование императрицы Екатерины I // Там же. С. 37.

²¹ [*Румянцев-Задунайский П.А.*] Мысли графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского о воинской части // ОЗ. 1824. Ч. XVIII, кн. L. С. 382.

²² Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 215–216; ПСЗ. Т. XXI. № 15515. С. 671–675; Т. XXII. № 16470-а. Прил. С. 1–2; *Грибовский А.М.* Записки об императрице Екатерине Великой полковник, состоявшего при

её особе статс-секретарём. Изд. 2-е, доп. М., 1864. С. 57–58, 86, 92; Архив Раевских. С. 1, 7; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных ... Т. IV. С. 255; Гинцель, фон, Карл Крестьянович (Христианович) // РБС. Т. [5]. С. 223–224; Пустошкин, Павел Васильевич // Там же. Т. [15]. С. 147–148.

²³ Сб. РИО. Т. 27. С. 284–285; *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова: 1766–1808. СПб., 1908. С. 112, 118; *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. III. С. 353; МИРФ. Ч. XI. № 287. С. 572; № 288. С. 574; *Семёнов П.Н.* Биографические очерки ... С. 95–96; Апраксин, Степан Степанович // РБС. Т. [2]. С. 240–241; Кроун (Кровн, Струн), Роман Васильевич // Там же. Т. [9]. С. 450–451; Лелли, Фёдор Пантелеевич // Там же. СПб., 1914. Т. [10]: Лабзина – Ляшенко. С. 183; Лобанов-Ростовский, князь, Дмитрий Иванович // Там же. С. 521–522.

²⁴ [*Афанасьев-Чужбинский А.С.* Очерки прошлого. Прапорщик Сафьянчиков // ВС. 1862. Т. XXIII, № 2. Отд. II. С. 506; *Смирнов Г.В.* Собрание русских военных рассказов. СПб., 1853. С. 47, 119; РГА ВМФ. Ф. 173 (Канцелярия адмирала С.И. Мордвинова, г. Санкт-Петербург (1764–1777)). Оп. 1. Д. 215. Л. 220; Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 129; Там же. Т. 19. С. 66–69; *Сумароков П.И.* Обзорение царствования и свойств Екатерины Великой. СПб., 1832. Ч. I. С. 220; *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. С. 99, 112; Архив Раевских. С. 5.

²⁵ *Дренякин А.М.* Максим Дренякин, один из воинов великого Суворова // РС. 1892. Т. LXXIII, янв.–март. С. 193–194; *Винницкий Ф.Н.* Рассказы из былого времени // ЧОИДР. 1874. Кн. 1, янв.–март. Отд. V. С. 71–73.

²⁶ МИРФ. Ч. XI. № 319. С. 672.

В продолжение темы см.: Там же. Ч. XII. № 15. С. 13; № 39. С. 125; № 58. С. 145; № 74. С. 166; № 77. С. 187–188; № 144. С. 332.

²⁷ *Борисов В.Е., Сыцяно А.И.* Походы 64-го пехотного Казанского его императорского высочества Михаила Николаевича полка. СПб., 1888. С. 166, 173–174; Архив Государственного совета. Т. I, ч. II. Стб. 53, 54, 55, 56, 57; *Зимин В.В.* История 22-го пехотного Нижегородского полка: 1700–1800. СПб., 1900. С. 295, 298.

²⁸ ПСЗ. Т. XVIII. № 13387. С. 1021; *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках ... Прил. II. С. 14.

²⁹ *Зимин В.В.* История 22-го пехотного ... С. 281; *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках ... Прил. II. С. 15–16; *Судравский В.К.* История лейб-гвардии Гренадерского полка 1756–1906 гг. СПб., 1906. Т. I. С. 150; *Тударев А.И.* Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. Калуга, 1892. С. 187–188; *Правиков Р.А.* Краткая история 10-го гренадерского Малороссийского

- полка. Моршанск, 1889. С. 24–25; *Смитт Фридрих*. Суворов и падение Польши. СПб., 1866. Ч. I. С. 280, 281; Люди Екатерининского времени. СПб., 1882. С. 21, 83; *Чечулин Н.Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II : 1762–1774. СПб., 1896. С. 335, 342, 350; Сб. РИО. Т. 10. С. 425–427.
- ³⁰ ПСЗ. Т. XVIII. № 13387. С. 1020–1024; *Замысловский Е.Е.* Исторический очерк ... С. 65.
- ³¹ ПСЗ. Т. XLIV : Книга штатов, ч. I. Отд. второе : Штаты по морской части. К № 12069, № 12235. С. 121.
- ³² МИРФ. Ч. XIV. № 4. С. 5–6.
- ³³ ПСЗ. Т. XVIII. № 13394. С. 1028.
- ³⁴ Там же. Т. XIX. № 13633. С. 293.
- ³⁵ Там же. Т. XX. № 14560. С. 483.
- ³⁶ МИРФ. Ч. XI. № 330. С. 700.
- В продолжение темы см.: Там же. Ч. XII. № 179. С. 358.
- ³⁷ Там же. № 139. С. 304–305.
- ³⁸ ОМС. СПб., 1885. Ч. II. С. 122–123; ОДАММ. Т. VIII. С. 409–410.
- ³⁹ РГА ВМФ. Ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршала И.Г. Чернышёва, г. С.-Петербург (? – 1797)). Оп. 1. Д. 136. Л. 180.
- ⁴⁰ ПСЗ. Т. XLIV. К № 12069 и № 12235 от 4 марта 1764 г. С. 95, 120–123.
- ⁴¹ ЦАНО. Ф. 60 (Нижегородская казённая палата). Оп. 239-а. Д. 11. Л. 1573.
- ⁴² Пословицы русского народа : сборник В.И. Даля : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 428; МИРФ. Ч. XI. № 330. С. 746.
- ⁴³ В то же время, вероятно, старший брат Василия, Пётр Михайлович Поярков, также участник Архипелагской экспедиции, имел право на получение награды. Он совершил 18 морских кампаний в офицерском чине, гардемарин с 7 марта 1757 г., мичман с 24 апреля 1758 г. 29 апреля 1776 г. П.М. Поярков был уволен в отставку с чином капитана 1 ранга и военной пенсией в 210 руб. в год (ОМС. С. 340–342).
- ⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 220.
- ⁴⁵ ПСЗ. Т. XIX. № 14072. С. 864.
- ⁴⁶ Там же. Т. XXIII. № 17299. С. 641.
- ⁴⁷ Там же. Т. XIX. № 14223. С. 1056–1057.
- ⁴⁸ Там же. Т. XX. № 14401. С. 315.
- ⁴⁹ Там же. № 14443. С. 355.
- ⁵⁰ Там же. Т. XXI. № 15516, 15772. С. 675, 965–966.
- ⁵¹ Там же. Т. XXII. № 15941. С. 58.
- ⁵² Кавалеры ордена Св. Георгия, награждённые с 1774 по 1804 год // Сб. сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаков отличий казачьих войск / сост. А.Л. Гизетти, под ред. генерал-майора В.А. Потто. Тифлис, 1901. С. 1–5.
- ⁵³ *Головачёв В.Ф.* Действия русского флота во время войны России со Швецией в 1788–[17]90 годах : Кампания 1788 года (с приложением плана). СПб., 1870. С. 60–61.
- ⁵⁴ Екатерина II во время войны со Швецией : Письма и повеления графу Мусину-Пушкину. 1788–1789 гг. // РС. 1887. Т. LIII, янв. – март. С. 568–569, 570; Там же. Т. LIV, апр. – июнь. С. 61, 62.
- ⁵⁵ *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т. III. С. 366–367, 391, 413; Сб. РИО. Т. 15. С. 140, 143, 144, 146–147; *Сумароков П.И.* Обзорение царствования... Ч. III. С. 24; *Барсуков Н.П.* Дневник А.В. Храповицкого : 1782–1783. СПб., 1874. С. 107, 111, 116, 119; *Шишков А.С.* Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствующаго над оным адмирала Чичагова. СПб., 1826. С. 32.
- ⁵⁶ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. I. № 146. С. 206–207; № 147. С. 208–213; МИРФ. Ч. XV. № 626. С. 408.
- ⁵⁷ Там же. Ч. XIII. № 472. С. 513.
- ⁵⁸ Там же. Ч. XV. № 397. С. 212–213; № 584. С. 373; № 748; Извлечение из сборников ВИМ (Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического : 1788–1789 гг.) / под ред. Н.Ф. Дубровина // МИРФ. СПб., 1895. Ч. XV. № 56. С. 539; Русская армия в год смерти Екатерины II : (состав и устройство Русской армии) / сообщ. Н.К. Шильдер // РС. 1895. Т. LXXXIII, апр. – июнь. С. 169, 175–176; *Цебриков Р.М.* Вокруг Очакова : 1788 год : (Дневник очевидца) // Там же. Т. LXXXIV, сент. С. 170; *Шишков А.С.* Военные действия ... С. 152–153, 255–257; *Бильбасов В.А.* Исторические монографии. Т. IV. С. 543; *Брикнер А.Г.* Осада Очакова в 1788 году // ЖМНП. 1873. Ч. CLXVIII, [отд. наук]. С. 419; Архив графов Мордвиновых. Т. I. С. 402–403, 424–425, 430–431, 481–482, 556–557; Переписка Екатерины II с князем Потёмкиным. 1787 г. // РС. 1876. Т. XVI, май–авг. С. 254–255; Екатерина II и князь Потёмкин : Подлинная переписка. 1787 г. // Там же. С. 474, 475, 477–478; То же. 1788 г. // Там же. С. 571, 577, 578; Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. 1788–1789 гг. // Сб. ВИМ. СПб., 1894. Вып. VII. С. 65.
- ⁵⁹ Таблица составлена нами по данным (подсчёты наши): МИРФ. Ч. XIII. № 613. С. 667–678. В продолжение темы награждения орденом Св. Георгия см.: В память столетнего юбилея военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия : (1768–1869 г) // сост. В.С. Степанов и Н.И. Григорович. СПб., 1869. С. 1, 3–7, 8–11, 23–50.
- ⁶⁰ Гвардии секунд-майор.
- ⁶¹ То же.
- ⁶² МИРФ. Ч. XIII. № 613. С. 668–679.
- ⁶³ *Барсуков Н.П.* Дневник А.В. Храповицкого. С. 384; Манифест Екатерины II о смерти Потёмкина // ЧОИДР. 1862. Кн. 1, янв.–март. Отд. V. С. 173; *Афанасьев Д.М.* К истории Черноморского флота. 1768–1816 годы // РА. 1902. Кн. 1, вып. 2. С. 221.

- В продолжение темы награждения см.: [*Гарновский М.А.*] Записки Михаила Гарновского : двор императрицы Екатерины II : 1786–1790. 1787 г. / сообщ. А.И. Левшин // РС. 1876. Т. XV, янв.–апр. С. 472–473; Сб. РИО. Т. 27. С. 438–440, 441, 501, 503, 513. Только на Черноморском корабельном флоте по состоянию на 7 августа 1788 г. на «37 военных судов разных наименований» (всего 1192 орудий) проходила службу 9098 чел. экипажей (Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 349. С. 446–447).
- ⁶⁴ ПСЗ. Т. XXIII. № 16756. С. 18–19; № 17036. С. 322–323; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 138. С. 198–199; Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потёмкина и П.А. Румянцева. № 509. С. 206–207; № 513. С. 208–209.
- В продолжение темы см.: Письма императрицы Екатерины II к разным государственным ... С. 180–181.
- ⁶⁵ Составлено нами по данным: *Висковатов А.В.* Историческое обозрение лейб-гвардии Измайловского полка : 1730–1850. СПб., 1851. Прил. № III. С. 1–2; *Зноско-Боровский Н.А.* История лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1882. С. 30, 33, 35.
- ⁶⁶ Лейб-гвардии секунд-майор, бригадир В.А. Зубов за усердную службу и отличную храбрость, оказанную им при взятии города и крепости Измаила 11 декабря 1790 г. «и мужественного завладения, не смотря на сильное сопротивление [турок]... батареи», был награждён орденом Св. Георгия 4-го класса. Лейб-гвардии секунд-майор, генерал-майор В.А. Зубов 6 июля 1794 г., при Выгоде командуя авангардом русских войск, разгромил польских мятежников, «взял многих пленных и пушку». За мужество и проявленный героизм он был награждён орденом Св. Георгия 3-го класса.
- ⁶⁷ В память столетнего юбилея ... С. 23.
- ⁶⁸ ПСЗ. Т. XXIII. № 17409. С. 817–818; Т. XXIV. № 17917. С. 591; МИРФ. Ч. XIV. № 411. С. 518–522; ОДАММ. СПб., 1882. Т. III. С. 698; В память столетнего юбилея ... С. 23–24.
- ⁶⁹ Там же. С. 1, 3–7, 8–11, 23–50.
- ⁷⁰ ЦАНО. Ф. 2013 (Коллекция документов Нижегородской губернской учёной архивной комиссии). Оп. 602. Д. 1278-а. Л. 1–1 об.; Список георгиевским кавалерам первых двух степеней от учреждения ордена // Списки замечательных лиц русских, составленные П.Ф. Карабановым и дополненные князем П.В. Долгоруковым // ЧОИДР. 1860. Кн. 1, янв. – март. Отд. V. С. 184–189; Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. II : 1770–1774 г. // Там же. 1865. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. II. С. 108–110; Люди Екатерининского времени. С. 189, 447; Потёмкин-Таврический // Военный энциклопедический лексикон. 2 изд. СПб., 1856. Т. X. С. 561–567.
- ⁷¹ *Сумароков П.И.* Обзорение царствования ... Ч. II. С. 155–160.
- ⁷² Сенатский архив. СПб., 1888. Т. I : Именные указы императора Павла I. С. 28.
- ⁷³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17908, п. 3. С. 570.
- ⁷⁴ Там же. № 17908, п. 24. С. 575.
- ⁷⁵ Там же. № 17913. С. 590; № 17917. С. 591; Сенатский архив. Т. I. С. 170; *Карнович Е.П.* Служебные, должностные и сословные знаки отличий в России // ИВ. 1885. Т. XXII, дек. С. 575–576; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 124.
- ⁷⁶ ПСЗ. Т. XXIV. № 17917. С. 591.
- ⁷⁷ Там же. № 17913. С. 590.
- ⁷⁸ Там же. Т. XXVI. № 19903, п. 3. С. 681–682.
- ⁷⁹ Подсчитано нами по данным: *Сумароков П.И.* Обзорение царствования ... Ч. II. С. 155–160; В память столетнего юбилея ... С. 1, 3–7, 8–11, 23–50.
- ⁸⁰ *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках ... Прил. II. С. 17.
- ⁸¹ *Замысловский Е.Е.* Исторический очерк ... С. 16, 17; ПСЗ. Т. XXVI. № 20074. С. 860–862.
- ⁸² *Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках ... Прил. II. С. 18.
- ⁸³ Архив Государственного совета. Т. I, ч. II. Стб. 57.
- ⁸⁴ Прил. : Протоколы Кабинета в царствование ... // Там же. С. 39.
- ⁸⁵ *Замысловский Е.Е.* Исторический очерк ... С. 163–164; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 130, 189.
- ⁸⁶ Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / сост. А. Гено, Томич. СПб., 1901. С. 264.
- ⁸⁷ ПСЗ. Т. XXI. № 15515. С. 671–675; № 15524. С. 685–686; Сб. РИО. Т. 27. С. 215–216; Письма императрицы Екатерины II к разным государственным сановникам ... С. 163.
- ⁸⁸ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 1014.
- ⁸⁹ Там же. Д. 230. Л. 289, 384.
- ⁹⁰ Таблица составлена нами по данным: Сб. РИО. Т. 27. С. 215–216. В продолжение темы см.: [*Гарновский М.А.*] Записки Михаила Гарновского ... // РС. 1876. Т. XV, янв. – апр. С. 258–259.
- ⁹¹ Образцовый уездный город основан по указу Екатерины II в 1780 г. В 1808 г. по указу Александра I София потеряла статус самостоятельного поселения, стала частью вновь учреждённого города Царское Село (до 1918 г.; Детское Село до 1937 г.).
- ⁹² ПСЗ. Т. XXI. № 15515. С. 671–675; № 15524. С. 685–686; № 15587. С. 752; № 15690-а. С. 1083.
- ⁹³ Там же. Т. XXII. № 16501. С. 802–803.
- ⁹⁴ Там же. Т. XXIII. № 16830. С. 108–109.
- В продолжение темы см.: Там же. № 17385. С. 773.
- ⁹⁵ Там же. № 16819. С. 96.
- ⁹⁶ Там же. № 17036. С. 322–323; № 17287. С. 614–615.
- ⁹⁷ Там же. Т. XXII. № 16483. С. 768.
- ⁹⁸ Там же. № 16540. С. 849–850.
- ⁹⁹ Там же. Т. XXIII. № 17083. С. 380–381.
- ¹⁰⁰ Кавалеры Св. Владимира 1-й степени со дня учреждения ордена до апреля 1851 года // Списки замечательных лиц ... С. 194–198.

- В продолжение темы пожалований см.: Материалы об Иване Ивановиче Бецком. Письма, рескрипты и указы императрицы Екатерины II Бецкому // ЧОИДР. 1863. Кн. 4, окт. – дек. Отд. V. С. 90–91.
- ¹⁰¹ Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 150. С. 218–219; № 443. С. 550; МИРФ. Ч. XV. № 646. С. 423–425; *Мордвинова Н.Н.* Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове и о семействе его. Записки дочери его, графини Н.Н. Мордвиновой. СПб., 1873. С. 15–16, 19.
- 13 января 1788 г. орденом Св. Владимира 1 степени был пожалован адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов (МИРФ. Ч. XIII. № 429. С. 430).
- ¹⁰² *Щеглов В.Г.* Государственный совет в России, в особенности в царствование Александра Первого. Ярославль, 1891. Т. I. С. 664.
- ¹⁰³ ПСЗ. Т. XXIII. № 17306. С. 652.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. XXIV. № 17908. С. 569–587; Т. XXVI. № 19915. С. 697–698.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. XXIV. № 17925. С. 592–593; № 17945. С. 599–600; Т. XXV. № 18687. С. 402–403.
- ¹⁰⁶ Там же. Т. XXIV. № 17908. С. 569–587.
- В продолжение темы см.: Сенатский архив. Т. I. С. 171; Гессе, Иван Крестьянович (Христианович) // РБС. Т. [5]. С. 144; ПСЗ. Т. XXIV. №. 18225. С. 781–785; Там же. Т. XXV. № 18444. С. 168–169; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 130, 189; Письмо императора Павла I генерал-майору князю Горчакову о награждении его орденом Святого Александра Невского с алмазными украшениями за мужество при атаке горы Сен-Готар 29 октября 1799 года и в других операциях в Швейцарии // ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
- ¹⁰⁷ Канцлеру российского кавалерийского ордена 13 января 1788 г. – 1000 душ, обер-церемониймейстеру – 600, казначею орденскому – 500, каждому из трёх церемониймейстеров по 250 душ крестьян.
- ¹⁰⁸ В каждой части по одной духовной особе, итого 3 духовных и 9 светских.
- ¹⁰⁹ То же.
- ¹¹⁰ В источнике опечатка: должно быть 3, а не 4.
- ¹¹¹ В числе 20 кавалерственных дам малого креста пять духовных и 15 светских.
- ¹¹² В источнике опечатка: должно быть 3300, не 3000.
- ¹¹³ В том числе пять духовных и 19 светских.
- ¹¹⁴ В том числе восемь духовных и 34 светских.
- ¹¹⁵ В том числе десять духовных и 52 светских.
- ¹¹⁶ ПСЗ. Т. XXIV. № 17908. С. 575.
- В продолжение темы выплат наград кавалерам орденов, пожалования земель из фонда Дворцовой канторы гвардейским офицерам за заслуги перед Престолом и Отечеством императором Павлом I в потомственное владение в командорских имениях в Нижегородской губернии см.: ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 81. Л. 1–1 об.; Ф. 2045 (Первый департамент Правительствующего Сената). Оп. 1881. Д. 57. Л. 1–4.
- ¹¹⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 17547. С. 5.
- ¹¹⁸ Там же. № 18229. С. 785–788.
- ¹¹⁹ Там же. Т. XXV. № 18447. С. 170.
- ¹²⁰ Там же. № 18609. С. 330.
- В продолжение темы см.: Там же. № 19223. С. 915.
- ¹²¹ Там же. Т. XXVI. № 19405. С. 148; № 19903, п. 8. С. 681–682.
- ¹²² Там же. № 19265. С. 31–32.
- ¹²³ Там же. Т. XXIV. № 17908. С. 586.
- ¹²⁴ Там же. Т. XXVI. № 19903, п. 5. С. 681–682.
- ¹²⁵ Морской атлас. М., 1959. Т. III, ч. I. С. 384.
- ¹²⁶ За победу, одержанную 31 июля 1791 г. у Калиакрии Черноморским корабельным флотом под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова над турецким флотом, морские офицеры были повышены в воинских чинах, награждены золотыми шпагами и орденами. Ф.Ф. Ушакову был пожалован орден Св. князя Александра Невского (Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 146. С. 206–207; № 147. С. 208–213; МИРФ. Ч. XV. № 626. С. 408).
- ¹²⁷ Там же. СПб., 1902. Ч. XVI. № 453. С. 278–279.
- ¹²⁸ Подсчёты наши (Там же. № 622. С. 448).
- ¹²⁹ Там же. № 622. С. 455–459, 467; № 626. С. 481–482.
- ¹³⁰ Там же. № 547. С. 377; № 622. С. 464–465.
- ¹³¹ Там же. № 372. С. 246.
- ¹³² ПСЗ. Т. XXVI. № 19474. С. 197.
- ¹³³ Ломоносов, Михаил Васильевич // РБС. Т. [10]. С. 606.
- В 1759 г. М.В. Ломоносов написал статью «Разсуждение о большей точности морского пути». 20 сентября 1763 г., в день рождения великого князя Павла Петровича, М.В. Ломоносов прочёл доклад «Краткое описание путешествий по северным морям и показание возможного проходу Северным океаном в Восточную Индию» (*А.П. К.* Ломоносов как историк // РА. 1911. Кн. 3, вып. 12. С. 565).
- ¹³⁴ МИРФ. Ч. XI. № 58. С. 64–65; № 87. С. 151, 164; № 100. С. 201; № 126. С. 246; *Хотинский М.С.* Исторический очерк экспедиций в северо-полярные страны // ЖМНП. 1848. Ч. LIX, отд. II. С. 145–147.
- ¹³⁵ *Соколов А.П.* Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб., 1854. С. XI, XIV–XV.
- ¹³⁶ *Вейдемейер А.И.* Двор и замечательные люди ... СПб., 1846. Ч. II. С. 65.
- ¹³⁷ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178; Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 55; МИРФ. Ч. XI. № 125. С. 240–241; № 139. С. 289; Чичагов, Василий Яковлевич // РБС. СПб., 1905. Т. [22]: Чаадаев – Швитков. С. 420–422.
- ¹³⁸ [*Чичагов П.В.*]: 1) Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра / сообщ. Л.М. Чичагов // РС. 1886. Т. L–LI, май – авг. С. 225–226; 2) Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал: Предварительные и необходимые сведения // Там же. С. 473.

- ¹³⁹ МИРФ. Ч. XII. № 37. С. 119, 120, 123.
- ¹⁴⁰ Там же. Ч. XIV. № 261. С. 308; *Барсуков Н.П.* Дневник А.В. Храповицкого. С. 338; *Шишков А.С.* Военные действия ... С. 245.
- По сведениям А.С. Шишкова, В.Я. Чичагову пожалованы 2 тыс. душ, в другом источнике – 1388 душ, однако это – первое пожалование, за победу над шведами в Ревельском бою 2 мая 1790 г. (МИРФ. Ч. XIV. № 47. С. 53; № 261. С. 298–299).
- ¹⁴¹ ОМС. С. 475–478; *Сумароков П.И.* Обзорение царствования ... Ч. III. С. 55.
- ¹⁴² Адмирал В.Я. Чичагов был награждён орденами Святого апостола Андрея Первозванного, Святого князя Александра Невского, Святой Анны, военным орденом Святого великомученика и Победоносца Георгия 1-го класса (Список всем российским генерал-адмиралам, адмиралам, президентам и вице-президентам Государственной Адмиралтейств-коллегии от основания флотов по октябрь 1827 года. 2 изд. СПб., 1828. С. 9).
- ¹⁴³ *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. С. 140.

И.Г. Дуров

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОТСТАВНЫХ ВОЕННЫХ И МОРСКИХ ЧИНОВ
при правлении Петра III, Екатерины II и Павла I

«Дайте армии предложенный закон о пенсиях, если вы хотите, чтобы она выполняла своё назначение, если вы желаете видеть свою армию сильной и всегда проникнутой бодрым духом»¹.

В рыночных условиях на нынешнем этапе состоявшийся переход современных вооружённых сил РФ на военно-профессиональную контрактную основу требует решения многих практических задач по социальной защите военнослужащих армии и флота, в том числе и заслуженного пенсионного обеспечения после их увольнения в запас (отставку) от военной службы по состоянию здоровья, увечья, выслуги лет, переосмысления установленных нормативно-законодательных актов.

Следует отметить, что в силу масштабности проблем степень изученности (прежде всего экономических вопросов развития и функционирования пенсионного обеспечения) отстает от потребностей практики. Это замедляет оперативность решения насущных вопросов и не обеспечивает необходимый уровень теоретических знаний для разработки её оптимальных направлений реформирования. В связи с этим мы в последние годы обратились к изучению отечественного исторического опыта начиная с периода становления и развития пенсионного обеспечения личного состава вооружённых сил Российского государства в XVIII столетии, когда государство, уверенно ведомое «неистовым реформатором» к преодолению технологической отсталости от передовых западноевропейских стран, перешло к строительству вооружённых сил на регулярной основе, к новой системе комплектования войск армии и спешно создаваемого военно-морского флота, что в результате превратило его в великую мировую державу — Российскую империю.

Длительная Северная войны (1700–1721) способствовала введению пенсионных нормативно-законодательных актов, разработанных в первую очередь для обеспечения неимущих отставных военных и морских чинов, уволенных после медицинского освидетельствования врачебной комиссией от службы по увечьям, болезням и физической немоци, а также их вдов и сирот, потерявших основного кормильца семьи. Выплаты офицерских, «вдовских» и сиротских пенсий и содержание нижних чинов армии и флота в монастырях и богадельнях со временем стали одной из основных государственных задач, решение которых требовало

от властей всех уровней много усилий, а самое главное — внимания к рациональному расходованию значительных денежных и материальных средств, источником которых по негибкой воле Петра I являлись частичные доходы Русской Православной Церкви и суммы, оставшиеся в бюджете Военной (Адмиралтейской) коллегии от некомплекта личного состава в армии и флоте.

Преемники Петра Великого особых коренных изменений в пенсионном законодательстве не осуществили. Более того, императрица Анна Иоанновна значительно сократила пенсии военным и морским чинам, содержащимся в монастырях².

Существенный вклад в развитие пенсионного обеспечения отставных офицеров армии и флота внесла императрица Екатерина II, что в результате усилило их социальную защищённость. Эти положения будут рассмотрены в настоящей статье.

Екатерина II, совершив 28 июня 1762 г. при поддержке гвардии переворот, свергла занявшего после смерти императрицы Елизаветы престол Петра III, заключившего с Пруссией в 1762 г. союз, который она расторгла в том же году, но войну не возобновила.

Семилетняя война (1756–1763 г.; участие России в 1756–1762) с лучшей западноевропейской армией того времени потребовала напряжения сил, а блестящие военные победы, достигнутые русской армией совместно с союзниками, в войне с Пруссией достались дорогой ценой. Российская империя долгое время ощущала тяжкое бремя этой продолжительной войны, стоившей ей более 30 млн. руб.³, но самое главное, невосполнимые людские потери россиян в составили 60 тыс. чел.⁴. По свидетельству очевидцев⁵, от императрицы Елизаветы, вступившей в эту войну, скрывали «число убитых и раненых на этой войне и никто из последних не смел пред нею показываться»⁶.

Вероятно, под впечатлением этих больших безвозвратных и санитарных потерь М.В. Ломоносов написал эти стихотворные строки, обращаясь к монархине: «Воззри на плач осиротевших, // Воззри на слёзы престаревших, // Воззри на кровь рабов твоих; // К тебе, любовь и радость Света // В сей день зовёт, Елизавета: // Низвергни брань с концов земных»⁷.

Победа над войсками Фридриха II была достигнута главным образом усилиями русской армии; Балтийский флот, бывший в далеко не лучшем состоянии из-за запущенности кораблей и слабой подготовленности команд, решал вспомогательные задачи содействия войскам, действовавшим на приморском направлении, и блокады датских проливов. Основная причина столь нерешительных боевых действий флота заключалась в том, что не было в Семилетнюю войну над адмиралами, штаб- и обер-офицерами и в целом над Морским ведомством того великого царствующего моряка, кто в былые времена наводил на кораблях и берегу чёткий порядок «тростью и железной рукой»⁸.

16 февраля 1762 г. император Пётр III был вынужден своим указом учредить Комиссию о российских флотах, которой вменялось в обязанность выработать практические меры, способные «сделать такой флот, который надёжно превосходил [бы по боевой мощи] флоты прочих на Балтийском море владычествующих держав»⁹.

В отношении армии на заседании «учреждённого при дворе собрания» (Императорский совет; учреждён 18 мая 1762 г.) тайным секретарём Д.В. Волковым было зачитано Его И. В. повеление: «...чтоб армия всегда в хорошем состоянии была и никакого недостатка не претерпевала...»¹⁰.

То, что после Семилетней войны Морскому ведомству требовались кадровые перестановки в высшем руководстве и увольнения престарелых офицеров в отставку из корабельного и галерного флота, Пётр III хорошо сознавал и поэтому начал действовать. Так, указ монарха от 16 февраля 1762 г. предписывал членам Комиссии о российских флотах определить пригодность морских и адмиралтейских офицеров к исполнению обязанностей на военной

службе. Комиссия предписала начальникам контор — Адмиралтейской, Артиллерийской, Генерал-кригс-комиссариатской, Обер-сарваерской — представить к 1 марта 1762 г. сведения, «сколько по оным конторам по флотам, портах и адмиралтействах по штату положено каких чинов и ныне налицо и в комплекте... а наличным офицерам, во всех местах находящимся, списки с показанием вступления каждого в службу и какими чинами происходили, не был ли кто в суде, аресте и штрафе, и ныне в каком кандуите, и не просит ли кто в отставку»¹¹.

Принято считать, чтобы выиграть войну с сильным государством (коалицией стран), нельзя жалеть пенсий для старых генералов (адмиралов) и офицеров. Так, именным указом от 10 апреля 1762 г. был уволен в «вечную отставку» после 59 лет военной службы, начатой ещё в юности при Петре I, престарелый президент Адмиралтейств-коллегии, 81-летний генерал-адмирал князь М.М. Голицын. Его уволили «с положенным ему чину [пенсионным] жалованьем из флотской суммы», хотя генерал-адмирал ещё в 1757 г. фактически отошёл от дел Морского ведомства из-за старческой немощи и появившихся болезней¹².

Однако по результатам исследования работы Комиссии о российских флотах нами обнаружен указ Петра III, датированный 30 апреля 1762 г., об увольнении от военной службы в отставку адмиралов, впервые вступивших на палубы кораблей ещё учениками Московской математико-навигационной школы и гардемаринами Морской академии, учреждённых Петром Великим. К указу также приложен список молодых, но обладающих опытом морской службы и поэтому потенциально перспективных офицеров (многие впоследствии стали адмиралами и флотскими генералами), произведённых в новые воинские чины¹³. В тот же день, 30 апреля 1762 г., именным указом императора Петра III З.Д. Мишуков был отставлен от службы, в которой пробыл 64 года (!), причём без подачи им личного прошения, без последней аудиенции у монарха, и уволен без пенсии¹⁴ — беспрецедентный случай в истории Морского ведомства с заслуженным и престарелым адмиралом. В этот же день были уволены адмирал А.И. Головин¹⁵, генерал-кригс-комиссар в ранге вице-адмирала князь Б.В. Голицын¹⁶ (уволен в чине адмирала), контр-адмирал Д.Я. Лаптев, произведённый при отставке в вице-адмиралы с назначением половинной по его воинскому чину военной пенсией, однако выплачиваемой из доходов Штатс-конторы.

Высочайший указ от 21 марта 1763 г. изменил организацию выплаты пенсии: «Уволенному от службы вице-адмиралу Дмитрию Лаптеву повелеваем со дня отставки его производить половинное по чину его жалованье из оной Адмиралтейской коллегии из суммы, остающейся от неполнаго комплекта [личного состава флота], по смерти его»¹⁷.

Также был уволен после продолжительной морской службы на линейных кораблях и военных судах капитан-командор Ф. Игнатъев¹⁸, причём при отставке в качестве награды и поощрения пожалован монархом в воинский чин контр-адмирала. Наряду с ними, был уволен повторно в отставку адмирал князь Б.В. Голицын¹⁹, который в 1718 г. поступил на службу гардемаринном Санкт-Петербургской морской академии. Прослужив во флоте 42 года, он 11 сентября 1760 г. подал рапорт в Адмиралтейств-коллегию, где просил об увольнении по болезни и назначении пенсии для детей, «потому что не имеет во владении ни одной души и ни четверти земли». Пользовавшегося протекцией своего высокопоставленного родственника, генерал-адмирала князя М.М. Голицына²⁰, обедневшего аристократа Б.В. Голицына в 1762 г. вновь уволили в отставку от службы с полной адмиральской пенсией (3600 руб. в год)²¹.

По данному указу (от 30 апреля 1762 г.) были уволены от военной службы в отставку капитан 1 ранга Иван Сенявин, капитан 2 ранга Алексей Сенявин²², награждённые повышением в воинский чин на один ранг. Капитанам 2 ранга Вилиму Адамсу и Алексею Яромирову, капитану 3 ранга Никите Пушкину при увольнении в отставку было назначено единовременное денежное вознаграждение в размере годового должностного окладного жалованья, и все они

повышены в воинский чин на один ранг. Капитану 3 ранга Вилиму Катнёву была пожалована пенсия с половинным по его чину окладным жалованьем. Также майор, два флота капитан-лейтенанта, четыре лейтенанта, унтер-лейтенант, мичман были награждены при увольнении от военной службы в полную отставку с повышением в воинский чин на один ранг²³.

Анализ указа Петра III от 30 апреля 1762 г. показал, что присвоение новых воинских чинов, увольнение в отставку, пожалование пенсии происходило по Адмиралтейскому регламенту 1722 г. (Гл. I, арт. 44) и Уставу морскому 1720 г. (Кн. 4, гл. IV, арт. 7).

У вышеперечисленных высших, штаб- и обер-офицеров физические, а у некоторых и нравственные силы были ослаблены расстройством здоровья и старческой немощью, и они не могли с должной энергией и прежним успехом осуществлять воспитание и обучение своих подчинённых. А от присутствия таких лиц среди высшего начальствующего состава страдала боевая готовность линейных кораблей и военных судов. Об этом, к примеру, свидетельствует неуверенное командование силами Балтийского корабельного флота в Семилетнюю войну престарелого адмирала З.Д. Мишукова.

Это приводило к невыполнению поставленных Конференцией боевых задач в большинстве кампаний и отсутствию чёткого взаимодействия с войсками русской регулярной полевой армии, наступавшей на приморском направлении по территории Пруссии. Вместе с тем монарх не забыл, что эти адмиралы и штаб-офицеры посвятили военно-морской службе лучшие годы жизни, потеряли здоровье и фактически состарились на кораблях. Они своими трудами и старанием приобрели известное общественное положение, но в связи с упадком физических и нравственных сил уже были не способны взяться после увольнения в отставку за какое-либо другое дело в учреждениях. И поэтому Петра III позаботился об обеспечении их в материальном отношении, пожаловал тем высшим и штаб-офицерам, которые не имели поземельной собственности и других источников дохода, пенсии. Исключением стал адмирал З.Д. Мишуков.

Таким образом, вопрос о пенсиях для военных и морских чинов выступил на первый план, когда потребовалось посредством отставки омолодить как высший командный состав, так уволить и других представителей офицерского корпуса, чтобы поддерживать в нём на возможно высоком уровне умственные и физические силы²⁴.

Пётр III в указе от 16 февраля 1762 г. напомнил Морской комиссии, «что сила и знатность флота не в одном великом числе кораблей, матросов и корабельных пушек состоит и что, в[о]-первых и главнейшее, потребны искусные флагманы и офицеры»²⁵.

Так, в протоколе ГАК от 7 мая 1762 г. записано, что Его И. В. за ревностную службу пожаловал: вице-адмирала В.Ф. Люиса в адмиралы, контр-адмирала В.И. Ларионова в генерал-кригс-комиссары ранга вице-адмирала²⁶, контр-адмирала князя С.М. Мещерского и С.И. Мордвинова в вице-адмиралы, капитан-командора А.И. Нагаева и капитана 1 ранга Г.А. Спиридова в контр-адмиралы, капитана 1 ранга П. Андерсона в капитан-командоры, капитанов 2 ранга М. Жидовикова, А. Секерина и А. Шельтинга в капитаны 1 ранга. Указ также содержит большой список обер- и штаб-офицеров, пожалованных из лейтенантов в капитан-лейтенанты, из капитан-лейтенантов в капитаны 2 ранга²⁷.

Следует также отметить, что Пётр III только за одну неделю своего правления уволил от службы в отставку более 170 чел. разных чинов лейб-гвардии Преображенского, Семёновского, Измайловского пехотного и Конного полков до капитана включительно с производством их, в виде поощрения, на один ранг. Таким образом, отставка для лейб-гвардейцев являлась наградой за безупречную службу и давалась, без всякого сомнения, по нижайшим просьбам офицеров, желавших оставить армию²⁸. Затем 18 февраля 1762 г. Петром III был издан Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству».

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

«Свободы и вольности», как гласил данный законодательный акт, состояли в следующих положениях.

1) Все дворяне, на какой бы службе они не находились, могли продолжать её или выйти в отставку с такими ограничениями: военнотружачие не могли просить отставки или отпуща как во время кампании, так и за три месяца до начала её. Дворяне, состоявшие на военной службе в нижних чинах менее обер-офицерского, могли увольняться, если прослужили в нижних чинах 12 лет, остальные же для получения права на отставку должны были служить до получения первого офицерского чина. Они увольнялись президентом Военной (Адмиралтейской) коллегии. Все дворяне, находившиеся на военной или гражданской службе, при условии беспорочности и срока службы в одном чине более одного года, награждались вышестоящим рангом. Переходившие из военной службы в гражданскую повышались на один ранг только тогда, когда прослужили три года в прежнем чине.

2) Если дворяне при выходе в отставку или при переходе в гражданскую службу вновь желали поступить на военную, то таковые, если показали себя достойно, принимались с теми же чинами, в которых они состояли.

3) Если дворянин, уволенный от службы, пожелал уехать за границу, Иностранная коллегия выдавала ему паспорт беспрепятственно, но с обязательством, чтобы он возвратился в Россию по первому требованию правительства, и под угрозой штрафа и секвестра его имени. Пребывающий же в чужих краях дворянин мог поступить там на военную службу и затем с тем же чином, на который предъявлял иностранный патент, в праве был перейти на русскую службу²⁹.

Пётр III, как абсолютный монарх, также продолжал курс своих предшественников на российском троне на пожалование пенсий, чьи размеры противоречили положениям руководящих документов по пенсионному обеспечению военных и морских чинов.

Так, например, император пожаловал своего дядюшку, голштинского принца Георга, генерал-фельдмаршалом и полковником лейб-гвардии Конного полка с должностным жалованьем 48 тыс. руб. в год, выплачиваемого из воинской суммы, что было почти в 5 раз больше оклада генерал-фельдмаршала (10 тыс. руб.), происходившего из природных россиян³⁰.

Или: 28 декабря 1761 г. император назначил капитану столичного гарнизона Ватицкому ежегодную пенсию сверх его окладного жалованья в 300 руб.³¹. Анализ показал, что фактически Ватицкому была пожалована пенсия, которая вместе с его жалованьем равна пенсии флота капитана 1 ранга бригадирского ранга³².

Неоднократно вместо пенсий самодержец жаловал недвижимую собственность и крепостных крестьян³³. Основное количество пожалований пришлось на его близкое окружение. И прежде всего это касалось лиц, прибывших с ним в Российскую империю из Голштинии³⁴. Процесс монарших милостей для вышеназванного контингента усилился, когда после смерти императрицы Елизаветы Пётр III занял российский трон (Табл. 1).

Таблица 1

Пожалования императором Петром III пожизненных пенсий, поземельной и подушной собственности во время его правления³⁵

Наименование титула, чина, занимаемой должности, фамилия и имя, дата пожалования	Наименование пожалований			
	Вышестоящий воинский (статский) чин	Пенсия (руб. в год)	Мыза	Крестьяне (душ)

I. ARTICLES

генерал-поручик Ф. Багреев 11 марта 1762 года	генерал от инфантерии	половина оклада	–	–
голлштинский камергер А. де Брасан (Бресан) 31 декабря 1761 года	бригадир ³⁶ , российский дворянин	–	–	1094 ³⁷
обер-егермейстер Бредаль 18 июня 1762 года	–	–	Уллилия ³⁸	–
надворный советник С. Волчков 20 апреля 1762 года	коллежский советник	1200	–	47 ³⁹
камердинер П. Евреинов 9 января 1762 года	бригадир, дворянин ⁴⁰	–	–	741 ⁴¹
камергер Румберг (Румберх) 16 января 1762 года	полковник	1000	–	–
камергер М. Измайлов 28 января 1762 года	–	–	–	1805 ⁴²
генерал-поручик И.В. Гурьев 31 января 1762 года	генерал-аншеф	в размере оклада	–	–
полицмейстер Т. Евреинов (Еврейнов) 5 марта 1762 года	полковник	в размере оклада армейского полковника	–	–
подпоручик Иван Елагин 8 марта 1762 года	надворный советник	в размере оклада ⁴³	–	–
сержант Фёдор Стрижов (Стрижѳв) 8 марта 1762 года	титулярный советник	В размере оклада ⁴⁴	–	–
отставной полковник А.Н. Квашнин-Самарин 9 марта 1762 года	церемониймейстер	2000	–	–
генерал-поручик Скворцов 9 марта 1762 года	генерал-аншеф	в размере оклада	–	–
генерал-поручик, действительный камергер В.И. Чулков 9 марта 1762 года				
вдовствующая принцесса Фридерика Голштейн-Бекская 23 марта 1762 года	–	10000	Лакт, Заге, Малла, Аррокиль ⁴⁵	–

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

голлштинской службы генерал-аудитор и кригсрат Селгорст 3 апреля 1762 года	–	–	Оттенгоф ⁴⁶	–
голлштинской службы генерал Брек 4 апреля 1762 года	–	5000	–	–
генерал-поручик действительный камергер граф И.С. Гендриков 4 апреля 1762 года	генерал-аншеф	в размере оклада	–	–
генерал-аншеф граф Дуглас 20 апреля 1762 года	–	–	Торваст ⁴⁷	–
генерал-поручик А.П. Мельгунов	–	–	–	1000 ⁴⁸
генерал-поручик Г.М. фон Паленбах 24 апреля 1762 года	–	–	Игаст или Геринггоф ⁴⁹	–
принцесса Екатерина Голштейн-Бекская 9 июня 1762 года	–	3000	–	–
генерал-фельдмаршал граф А.И. Шувалов 9 июня 1762 года	–	–	–	2000 ⁵⁰

После дворцового переворота, совершённого 28 июня 1762 г., большинство голштинцев были отправлены домой («водою» из Кронштадта и Ревеля). Некоторым офицерам, имевшим большую выслугу лет и у которых были конфискованы имения, была назначена пенсия. К 1763 г. в России осталось всего 15 голштинцев, которые не пожелали возвращаться на свою родину, а обратились с просьбами к императрице Екатерине II принять их на службу в полевую армию и гарнизонные полки, а также в полицию или гражданские учреждения на различные штатские чиновничьи должности⁵¹.

Екатерина II указом от 9 апреля 1763 г. подтвердила размеры пенсий, назначенных Петром III, отставному полковнику Ромбергу (1000 руб. в год), надворному советнику И. Елагину (300 руб. в год), титулярному советнику Ф. Стрижёву (150 руб. в год) по их смерти. Пенсии выплачивались из собственных вотчинных доходов самодержицы⁵².

Некоторые заслуженные отставные офицеры вместо пенсии жаловались крепостными крестьянами. К примеру, 12 октября 1762 г. состоялся указ монархини: «Всемиловейше жалуюм мы отставному капитану Якову Челееву пятьдесят душ крестьян в вечное и потомственное владение»⁵³. Другим отставным чинам, вероятно беспоместным и бескрестьянным офицерам, до учреждения новой военной комиссии решением самодержицы отпускаясь разовая сумма, а пенсии жаловались позже⁵⁴.

Одновременно в армии и во флоте увольнялись в «вечную отставку» без выплаты пенсий даже особенно нуждающиеся штаб- и обер-офицеры, которые своими неблагоприятными поступками дискредитировали высокое офицерское звание в обществе, имевшие за время военной службы серьёзные дисциплинарные взыскания, многочисленные штрафы за систематическое «пьянство, шумство и невоздержанность»⁵⁵. Так, 26 марта 1762 г. состоялось

I. ARTICLES

правительственное постановление, дозволившее Адмиралтейской коллегии увольнять морских чинов от военной службы за пьянство, не представляя их для доклада Герольдмейстерской конторе Правительствующего Сената⁵⁶.

Увольнение офицера из рядов вооружённых сил Российской империи за проступки без подачи им рапорта по команде считалось в офицерской среде позорным явлением. К примеру, В.Н. Татищев, который при Петре Великом сам находился в войсках регулярной армии 16 лет, отечески предупреждал сына Евграфа: «Весьма остерегайся того, чтоб тебя без прошения от службы не отставили; сие для честнаго и благороднаго человека великой стыд и поношения: одни только скоты сего наказания не ощущают»⁵⁷.

Этот непрекращающийся очищающий процесс по удалению из армии, флота и гвардии горьких пьяниц и злостных дебоширов в штаб- и обер-офицерских чинах, уволенных в отставку «за шумства и другие непотребные их поступки», «дурное поведение», «продерзости», «непорядки», «нерадение к службе», «худые поступки», «за лихоимство», «за незнанием морского искусства», «за неодобрением от начальства», «за многие непорядочные поступки, взятки и слабое взыскание недоимок», «по краже», «по худой аттестации», «за лжесвидетельство», «за беспокойные поступки по команде и уважение ябед» и за прочие уголовные и дисциплинарные нарушения, а также выгнанных «из службы за неспособностью», «незнание службы», «понеже в подлежащей к морской службе науке быть негодны», целеустремлённо начался ещё при Петре I⁵⁸ и продолжался при его преемниках на российском императорском троне.

Особенно преуспел в этом император Павел I, ежедневно наказывая (как правило, в запальчивости и сильном гневе) высших, штаб- и обер-офицеров армии и флота. Приведем примеры некоторых речевых оборотов из его письменных приказов, собранных современным исследователем А.М. Песковым: «за дурное поведение», «развратное поведение», «непристойное поведение», «пьянство», «лень», «нерадение», «неспособность к службе», «дерзновенное прошение», «ложный рапорт», «ложный донос», «упущение по службе», «упущение по службе подчинённых», «ослушание команды».

Наказание виновных осуществлялось (независимо от их сословия, возраста, здоровья, занимаемой должности и чина) «громким криком», «устным выговором», «кратковременным арестом», «долговременным арестом», «отставкой из службы с правом ношения прежнего мундира», «отставкой из службы без права ношения мундира», «выключкой из службы без права поступать в службу снова», «взысканием денег», «переводом в отдалённый гарнизон», «лишением дворянства»⁵⁹. Также законодательство Российской империи предусматривало возможность лишения права на пенсию в качестве одного из дополнительных видов наказания за совершение грубых воинских дисциплинарных проступков. Совершение уголовных и воинских преступлений, влекущих за собой отстранение от занимаемой должности либо её понижение, разжалование в рядовые, понижение в воинском чине по решению офицерского суда чести, содержание под стражей без срока давности, уничтожало право на получение военной пенсии⁶⁰.

История поощрений и взысканий за период службы отражалась в специальном разделе «послужной сказки» офицера: «Кто когда и за какие вины имянно по суду в штрафах был, и что ему за то учинено, и не производится ли над ним ныне следствия или кригсрехтов»⁶¹.

Даже малейшие нарушения воинской дисциплины и существующего порядка среди офицерского состава армии и флота, в том числе и отставных чинов⁶², чиновников государственных учреждений и канцелярий (контор) армейского (адмиралтейского) тыла, учащих военно-учебных заведений, жёстко, последовательно и бескомпромиссно пресекались⁶³. К нарушителям применялись дисциплинарные взыскания и уголовные наказания, в исключительных случаях — смертная казнь⁶⁴.

Всего за 1586 дней царствования Павла I Генерал-аудиториатской экспедицией были осуждены 532 высших, старших и младших офицера, в том числе 44 генерала, 83 штаб-офицера, 405 обер-офицеров. В Тайной экспедиции было заведено 721 секретное дело, взято под стражу и для допросов около тысячи лиц, подозреваемых в заговорах и измене⁶⁵. А их командующие (начальники) предупреждались о дисциплинарной, уголовной и материальной ответственности, наказывались путём наложения денежных штрафов, увольнения от службы «с отобранием патентов», конфискаций недвижимого имущества за невыполнение приказов или нормативно-законодательных актов Российской империи⁶⁶. Также увольнялись от военной службы в «вечную отставку» с лишением воинского чина, с изъятием офицерского патента и публичным позором («политическая смерть») с последующим остракизмом в российском обществе⁶⁷ офицеры, сдавшие «на аккорд» гарнизон крепости (корабль)⁶⁸ при имеющихся в наличии достаточных сил и средств для её успешной защиты, но не оказавшие из-за проявленной ими растерянности, малодушия, трусости перед врагом никакого сопротивления⁶⁹.

Для проведения дознания к подследственному приставлялся часовой (часовые) из состава караула, причём во время самой процедуры допроса в некоторых случаях не исключалось применение физических пыток и телесных наказаний⁷⁰. И при всяких пересылках в города для вызова на допрос и необходимых отлучках его сопровождал конвой⁷¹. Подследственный флотский офицер обычно содержался в ведении Кронштадтской генеральной комиссии фергера⁷² и кригсрехта⁷³, также в Адмиралтейств-коллегии, а армейский офицер — в Военной коллегии («Генеральный войсковой суд») или полковой канцелярии⁷⁴, при ведении боевых действий — в военно-полевом суде при командующем армией (корпуса)⁷⁵, офицер лейб-гвардии отсылался «на военный суд в гвардию»⁷⁶.

С 30 декабря 1796 г. кригсрехт (полковой суд)⁷⁷ в Санкт-Петербурге указом императора Павла I был расформирован, подсудимые отсылались для суда в ордонанс-гауз (канцелярия военного коменданта)⁷⁸.

В особых случаях офицера (чиновника) допрашивали и судили специально назначенной комиссией в Правительствующем Сенате (Верховном Тайном совете)⁷⁹, а офицеров, находившихся на должностях прокурора, казначея, контролёра, цалмейстера и уличённых в своих преступлениях, арестовывали и направляли в Сенат для военного суда в сопровождении двух депутатов Адмиралтейств-коллегии⁸⁰. При нахождении под арестом генералам, штаб- и обер-офицерам армии (флота, гвардии), в том числе и отставным, а также штатским чиновникам, бывшим «под счётом», «под начётом», выплачивалась только половина должностного жалованья (пенсии)⁸¹, а если под судом, то жалованье не производилось (указ Павла I от 25 февраля 1800 г.)⁸². В случае прощения военного и штатского чиновника, в том числе и уволенного от военной (штатской) службы в отставку, по именному указу монарха ему возвращалась честь (приказ «прикрыть его знаменем»)⁸³ и прежний воинский (статский) чин, полное окладное денежное жалованье и другие виды табельного довольствия. Под страхом гнева Его (Ея) Императорского Величества и взыскания с клеветника штрафа в размере по рангу запрещалось попрекать его прежним преступлением, о чём во все коллегии, конторы, канцелярии, приказы, губернии и провинции (уезды) посылались указы. Кроме того, лично офицеру (чиновнику) в Канцелярии Правительствующего Сената (Военной, Адмиралтейской коллегии) обер-секретарём (при нахождении в губернии — военным губернатором) зачитывался монарший указ (издавался приказ по флоту или армии) о его прощении, который доводился до него под личную роспись⁸⁴. Однако офицеров, которые по долгу службы были связаны с денежной казной, материальными средствами и уличённых в злоупотреблениях, даже после прощения запрещалось назначать на материально-ответственные должности⁸⁵.

7 июля 1762 г. был издан Манифест о воцарении Екатерины II⁸⁶. Восстановив в армии после кончины Петра III порядки, введённые Петром I и Елизаветой Петровной, Екатерина II собрала Комиссию Военной коллегии, которая видоизменила некоторые уставные положения, исходя из «опыта войны с Пруссией»⁸⁷. Вполне естественно, что Екатерина II несколько не была удовлетворена и представленным на её высочайшее монаршее рассмотрение докладом Комиссии о российских флотах, которая была ранее создана по указу её покойного супруга. Она повелела 17 ноября 1763 г. учредить новую, Морскую российских флотов и Адмиралтейского правления комиссию для тщательного рассмотрения реального состояния российского военно-морского флота. Комиссии была сформулирована главная задача: выработка практических рекомендаций по совершенствованию адмиралтейского управления⁸⁸ и представление верховной власти предложений по усилению социальной защищённости морских чинов. Императрица, сознавая особую значимость для страны воинского труда моряков, особо отметила в указе: «...флотская морская служба знатна и хороша, то всем известно, но, насупротив того, столь же трудна и опасна, почему более монаршую нашу милость и попечение заслуживает»⁸⁹.

Екатерина II, ознакомившись с докладом Комиссии, 3 декабря 1763 г. утвердила её предложения по преобразованию управления Морским ведомством и объединила многочисленные снабженческие конторы в экспедиции⁹⁰. 4 марта 1764 г. её указом был введён в действие штат Адмиралтейств-коллегии с управлением и экспедициями (Комиссариатская, Интендантская, Артиллерийская, Казначейская, Счётная)⁹¹.

29 марта 1764 г. Екатериной II было утверждено штатное расписание морских чиновников и нижних чинов, «по флоту полагаемых»⁹², а 30 марта — штаты корабельного и галерного флотов⁹³. 5 августа 1764 г. она утвердила доклад Морской комиссии с приложением штата и расписаниями⁹⁴. Штат устанавливал численность и ранги (воинские чины и должности) моряков, которых следовало содержать в мирное и военное время в корабельном и галерном флотах, по трём различным назначениям численности линейных кораблей и военных судов⁹⁵.

Комиссия, представив императрице доклад, обращала её внимание, что на флоте имелось большое количество штаб- и обер-офицеров, служивших «с похвальным усердием и ревностью», однако по старости и состоянию здоровья они не могли далее продолжать военную службу на кораблях и даже на береговых должностях. Наличие таковых не позволяло молодым достойным офицерам баллотироваться на вышестоящие должности. Члены Морской комиссии пришли к единому мнению, что только введение новых нормативно-правовых актов о пенсионном законодательстве позволит разрешить эту сложную военно-кадровую и социальную проблему офицерского состава флота.

Сама же императрица в ряду экстренных мер по укреплению боеспособности и боеготовности личного состава армии и флота считала назначение пенсий отставным военным и морским чинам важнейшим делом. Поэтому она приняла нормативно-законодательные акты, детально регулировавшие обязательный «приют для инвалидов и пенсии всем, кто более не в состоянии служить государству и кому нечем жить [после увольнения в отставку]»⁹⁶. Ведь только установление юридически выверенных законодательных правил об обеспечении пенсиями уволенных в отставку лиц предоставляло возможность своевременно, без нарушений чьих-либо частных интересов и с соблюдением должностной справедливости удалять из вооружённых сил офицеров, которые физически и нравственно ослабли (в целом ослабление могло быть либо вследствие болезненного состояния организма, или при достижении преклонного возраста). И это непрерывное обновление было необходимо армии и флоту, чтобы офицерский корпус не старился, а состоял из должностных лиц, у которых умственные и физические силы полностью сохранились для решения поставленной высшим командованием любой боевой задачи и оперативного её выполнения⁹⁷.

Кроме того, из-за отсутствия вакансий и их незначительного количества молодые офицеры не могли получать вовремя очередные воинские чины. Так, в списке морских чинов корабельного флота в 1764 г. числились: генерал-адмирал, адмирал, четыре вице-адмирала, три контр-адмирала, три капитан-командора, одиннадцать капитанов 1 ранга; восемь капитанов 2 ранга, тридцать два капитан-лейтенанта, шестьдесят девять лейтенантов, тридцать два унтер-лейтенанта, тридцать восемь корабельных секретарей. В списке галерного флота: два капитана 1 ранга, капитан 2 ранга, четырнадцать капитанов 3 ранга, шесть капитан-лейтенантов, семь лейтенантов⁹⁸. Всё это у молодых более, «чем у прочих... охоту от столь многотрудной [морской] службы» отбивало и вызывало глубокое разочарование и стойкое убеждение в бесперспективности и бесполезности дальнейшего служения флоту. Комиссия особо отметила: из-за редких повышений в новые чины в корабельном и галерном флоте «всё дворянство Вашего Императорского Величества, от оной [морской службы] избегая, в сухопутную службу записываются, где гораздо скорее случай имеют выслужиться и чины получить»⁹⁹.

После смерти императора Петра I его любимое детище — военно-морской флот, а вместе с ним и знаменитая Санкт-Петербургская морская академия, куда при великом монархе принимались только представители дворянского сословия¹⁰⁰, пришли в упадок¹⁰¹.

Государственные ассигнования из года в год на военно-морской флот урезались, и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу П.И. Северсу пришлось составить новый штат Морской академии, включавший в 1731 г. всего 150 учеников вместо 350¹⁰². А после учреждения в 1732 г. Сухопутного шляхетного корпуса¹⁰³ приток знатных дворян в Морскую академию резко сократился. В связи с этим, а прежде всего с тем что морская и адмиралтейская служба в послепетровском военно-морском флоте утратила прежнюю привлекательность и привилегированность, в Академию, полностью на казённый кошт, стали поступать недоросли из бедных российских дворянских семей¹⁰⁴, тогда как Сухопутный шляхетный корпус — привилегированный питомник офицерских кадров русской регулярной армии — целиком состоял из детей знатных дворян. К.Р. Бёрк, посетивший через три года после открытия Сухопутный корпус, свидетельствует, что в нём училось 360 кадет возрастом от 12 до 20 лет (три роты) и они представляли почти все старые княжеские и боярские роды. Также среди них было несколько молодых людей, происходивших из лифляндских дворян¹⁰⁵.

Императрица Елизавета была вынуждена подвергнуть военно-морские учебные заведения реорганизации. По её указу от 15 декабря 1752 г. Московская математико- навигацкая школа, а также Морская академия и Морская артиллерийская школа в столице были упразднены, вместо них открылся Морской шляхетный кадетский корпус. Штат Морского корпуса был определён в 360 учащихся¹⁰⁶. В него принимались исключительно дворяне, однако они поступали туда весьма и весьма неохотно. Поэтому 23 мая 1753 г. последовало повеление монархини о представлении Правительствующему Сенату на высочайшее рассмотрение поимённой ведомости о численности определённых на морскую службу детей знатного дворянства и генералитета «со времени последнего именного указа по сему предмету»¹⁰⁷.

В 1757 г. Сенатом было решено «оба корпуса [Сухопутный и Морской] наполнить уравниательно» поступившими дворянскими недорослями¹⁰⁸.

В 1758 г. правительство приговорило «для скорейшего укомплектования Морского кадетского корпуса всех являющихся недорослей, кроме онаго корпуса, пока наполнится, в другия ни в какие службы не определять, а отсылать в тот корпус».

Все эти меры были связаны с тем, что служба во флоте за пределами Санкт-Петербурга не давала дворянам тех материальных выгод и льгот, которые сулила служба в гвардии на виду у императорского двора¹⁰⁹.

За время правления императрицы Екатерины II, с 1762 по 1796 г., из Морского шляхетного кадетского корпуса в военно-морской флот было выпущено 1843 мичмана¹¹⁰.

Император Павел I уделял развитию Морского корпуса много внимания, сил и средств. Он перевёл его из Кронштадта в столицу, выделил деньги на благоустройство, становление материально-технической базы, налаживание учебного процесса, комплектование профессорско-преподавательским и командным составом; учредил в Кронштадте Инженерное (корабельной архитектуры) и Штурманское училища¹¹¹.

Вместе с тем большинство среднепоместных и очень богатых дворян знатного происхождения, получив домашнее образование и закрепив его учёбой в Сухопутном шляхетном корпусе, начинали военную службу в привилегированных полках, быстро продвигались по служебной лестнице и, не обременяя себя продолжительной службой, находили немало возможностей и путей для досрочного выхода в отставку¹¹². Дальнейшее развитие Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, чей штат учащихся в результате его объединения с Первым и Артиллерийским корпусами был увеличен до 920 чел., связано с деятельностью его первого генерал-директора И.И. Бецкого¹¹³. 25 октября 1762 г. был учреждён Артиллерийский и Инженерный шляхетный кадетский корпус с открытием при нём Школы художеств для солдатских детей¹¹⁴.

Таким образом, военное поприще в русской армии, особенно в привилегированных лейб-гвардейских полках, независимо от Манифеста Петра III «О даровании вольности и свободы...»¹¹⁵, по-прежнему продолжало оставаться наиболее достойным и престижным занятием для знатных представителей дворянского сословия. Так, княгиня Е.Р. Дашкова, будущий президент Академии наук и Российской академии, в письме В. Робертсону, ректору Эдинбургского королевского университета, подчеркнула, что для русского дворянина «военно-служебная карьера... считается самой почётной в России»¹¹⁶.

Как упомянуто выше, наиболее престижной считалась служба дворянина в лейб-гвардейских полках. Так, граф Е.Ф. Комаровский, начавший службу в лейб-гвардии Преображенском полку, в своих воспоминаниях с удовлетворением отметил: «Какой шаг давал в царствование императрицы [Екатерины II] чин гвардии офицера!»¹¹⁷. Первый российский военно-морской министр адмирал П.В. Чичагов в своих записках особо отметил: «Военный чин — единственное мерило уважения, должного как мужчинам, так и женщинам»¹¹⁸.

Престижность профессии офицера-дворянина определялась высокой социальной значимостью воинского труда в российском обществе, ростом уровня профессионального мастерства командного состава, связанным с прохождением службы в полках, покрывших себя воинской славой, в армии, привыкшей побеждать своих врагов. Это было особенно подтверждено в ходе Семилетней войны¹¹⁹. Русские офицеры в Семилетнюю войну военным мастерством навеки посрамили прусского короля Фридриха II, писавшего, что «русских нечего опасаться, так как у них мало хороших генералов и войска их никуда негодны», а русская армия — «недисциплинированная толпа»¹²⁰. Однако эта армия прошла через немецкие земли, заняла Берлин и всерьёз угрожала самому существованию прусского государства. М.В. Ломоносов с сарказмом обратился к многократно побитому русской армией незадачливому немецкому монарху со следующими словами: «Парящий слыша шум орлицы, // Где пышный дух твой, Фридерик? // Прогнанный за свои границы, // Ещё ли мнишь, что ты велик?»¹²¹.

Императрица Екатерина II хорошо знала о военно-кадровых проблемах в вооружённых силах и, чтобы не оставить на Балтийском флоте линейные корабли без молодых образованных и перспективных офицеров, энергично принимала практические меры по поднятию престижности морской профессии¹²². Так, 8 января 1764 г. она подписала указ о порядке

баллотирования к производству во флотские офицеры и флагманы¹²³, а 22 января утвердила доклад Комиссии «О штатном числе кораблей российского флота по мирному и военному положению»¹²⁴. Всего по штатному расписанию в корабельном и галерном флотах, Санкт-Петербургском адмиралтействе предписывалось содержать 26385 штаб- и обер-офицеров, младших командиров, матросов, канониров и солдат морской пехоты¹²⁵. 29 января 1764 г. Сенат обязал Военную и Адмиралтейскую коллегии ежемесячно представлять рапорты о наличии в полках, на кораблях и берегу вакансий¹²⁶.

Нами обнаружен протокол ГАК от 25 сентября 1766 г., в котором предписывалось начальникам Комиссариатской, Интендантской и Артиллерийской экспедиций, главным командирам военных портов, Тавровского адмиралтейства, Московской и Казанской адмиралтейской конторам «учинить ведомость», содержащую четыре графы: «положено по штату», «ныне налицо», «тому потребно в добавку», «сверх штата излишествует»¹²⁷. После поступления из учреждений ведомостей в конце года составлялась сводная ведомость, которая представлялась в Сенат для принятия мер по доукомплектованию кораблей и береговых частей морскими и адмиралтейскими чинами¹²⁸. С тех пор эта сводная ведомость стала составляться два раза в год — «при начатии и окончании кампании», что позволяло осуществлять чинопроизводство офицерского состава¹²⁹.

К примеру, в протоколе ГАК от 4 октября 1767 г. записано: «Приказали экспедициям Комиссариатской, Интендантской и Артиллерийской: застарелых и немощных морских и адмиралтейских служителей по силе "Коллежской должности", главы восемь, артикула три, рассмотреть и, кто по тому рассмотрению за старостию и дряхлостию и за другими болезнями явится к службе быть не способен, тем по силе упомянутой "Коллежской должности" предстать в Адмиралтейскую коллегию немедленно».

В экспедиции из Канцелярии Морского ведомства посылались экстракты, а указы, согласно архивной «расчёт-рассылки», отправлялись главным командирам Кронштадского и Ревельского порта, командиру Архангельского, Астраханского и Рижского портов, Московской и Казанской адмиралтейским конторам, Тавровскому адмиралтейству, главному командиру галерного флота, начальнику Партикулярной верфи¹³⁰.

Среди делопроизводственных материалов в фондах РГА ВМФ сохранился рапорт адмирала С.И. Мордвинова от 4 октября 1767 г., где он писал, что ещё до получения указа послал ордера в военные порты и адмиралтейства с требованием составить «формулярные списки неспособных к службе нижних чинов и желающих уволится штаб- и обер-офицеров в отставку и их прислать ему в конце сего месяца непременно»¹³¹.

В декабре в ГАК поступали рапорты командиров военных портов и других учреждений Морского ведомства с приложенными формулярными списками морских и адмиралтейских чинов, представленных к увольнению от военной службы в отставку¹³².

Вероятно, не всё в производстве в следующие флотские воинские чины только по баллотированию устраивало корабельных офицеров, и более всего штаб-офицеров. Поэтому по просьбе Адмиралтейств-коллегии Екатерина II 2 марта 1764 г. утвердила новый порядок производства флотских капитанов «из втораго в первый ранг по старшинству в чин», но не по баллотированию: присвоение чина лейтенанта из мичмана следовало производить только после проведения экзамена по специальности¹³³. 15 апреля 1764 г. монархиня всемилостивейше пожаловала морякам воинские чины соответственно сухопутным: капитанам 1 ранга — полковничьи, капитанам 2 ранга — подполковничьи, капитан-лейтенантам — майорские, лейтенантам — капитанские, мичманам — поручика.

В соответствии со штатным расписанием 1764 г. в корабельном и галерном флоте содержалось восемнадцать капитанов 1 ранга, в том числе три в генерал-майорском чине,

шесть в бригадирском. Капитан-командоры и капитаны 3 ранга, если не повышались в новые чины, дослуживали в прежних чинах и жаловании. Капитанов 2 ранга имелось пятнадцать, капитан-лейтенантов — пятьдесят два, лейтенантов — девяносто семь.

Принятие нового штатного расписания корабельного и галерного флота позволило осуществить массовое чинопроизводство офицеров. Так, десять вакансий капитанов 1 ранга заполнили восемь капитанов 2 ранга и два капитана 3 ранга, а двенадцать вакансий капитанов 2 ранга — шесть капитанов 3 ранга «да за неимением более 3 ранга» достойные из капитан-лейтенантов — 6 чел. Тридцать вакансий капитан-лейтенантов были предоставлены лейтенантам корабельного флота, а семьдесят вакансий лейтенантов — тридцати одному корабельному секретарю и тридцати девяти унтер-лейтенантам.

Всем офицерам, пожалованным в следующие воинские чины, был под подпись объявлен высочайший указ, и их в верности службы монархини привели к присяге¹³⁴.

Таким образом, это массовое чинопроизводство позволило активизировать человеческий фактор на линейных кораблях и военных судах, стимулировать моральную и материальную мотивацию к морской службе. Чинопроизводство, осуществлённое на добротной разработанной нормативно-законодательной базе, стало важнейшей ступенью корабельных и галерных офицеров на пути к желанному командирскому мостику. Однако армейскому, морскому и адмиралтейскому офицеру для получения новых воинских чинов было необходимо постоянно совершенствовать теоретические знания, практические навыки, умение и повышать своё профессиональное мастерство.

Повышение окладов стало существенной прибавкой к семейному бюджету офицеров, особенно из беспоместных и бескрестьянных дворян, живущих только на казённое жалованье, так как «Ея И. В. морским офицерам чины преимущественно против армейских соизволила пожаловать апреля 15 числа [1764 г.]» (Табл. 2).

Таблица 2

Именной список штаб- и обер-офицеров Балтийского корабельного и галерного флота, переведённых на береговые должности и уволенных в отставку от военной службы 15 апреля 1764 года¹³⁵

Принадлежность к флоту, имя, фамилия, чин	Воинский чин, полученный при отставке, резолюция	Должностной оклад или военная пенсия, пожалованные при отставке
корабельный флот		
капитан 1 ранга Алексей Секерин ¹³⁶	капитан-командор, исключён из флотского списка «за старостию лет», «по способности к Адмиралтейству написать»	жалованье по воинскому чину капитан-командора
капитан 1 ранга Иван Спиридов	капитан-командор, исключён из флотского списка по преклонному возрасту, «вечный пенсион»	половина жалованья капитана 1 ранга
галерный флот		
капитан 1 ранга Андрей Жохов капитан 1 ранга Максим Лебядников ¹³⁷	прежние чины, исключены из флотского списка «по старости лет», направлены для определения в Адмиралтейство	прежнее жалованье

корабельный флот капитан 2 ранга Дмитрий Граблёнов капитан 3 ранга Григорий Нечаев	уволен «по старости лет», капитан 1 ранга	уволен без пенсии
галерный флот капитан 3 ранга Фёдор Неклюдов капитан 3 ранга Филипп Пивов	уволены «по старости лет», капитан 2 ранга	половина жалованья капитана 3 ранга
корабельный флот лейтенант Филипп Плещеев лейтенант Спиридон Потулов	уволены «по старости лет», капитан-лейтенант	половина жалованья лейтенанта

15 апреля 1764 г. последовал указ, определивший организацию баллотирования флотских офицеров. Морского офицера, «кто по баллам исключается из службы, а служил двадцать лет, того отставлять с повышением чина»¹³⁸. Данный закон фактически повторял предыдущее положение, когда офицеры, прослужившие двадцать и более лет, но не сдавшие экзамен по морской специальности, дававшего им право на присвоение очередного воинского чина, увольнялись из флота¹³⁹. Также в армии офицеры с низкими деловыми и моральными качествами вынуждены были уходить в отставку.

К примеру, генерал-фельдмаршал граф А.П. Румянцев-Задунайский в мае 1777 г. представил доклад Екатерине II, в котором писал, что «изнемогшие и не хотящие [офицеры] тяготят весьма службу; и [так] как трудно узнать из двух точную причину, то отставка по исканию, особливо последним, коих исправление безнадёжно, чем ранее последует, тем для службы полезнее»¹⁴⁰.

Для беспоместных офицеров, забаллотированных на экзаменах по специальности («Список при баллотировании персон»)¹⁴¹ и по этой причине отставленных от службы, к тому же не имеющих собственного пропитания после увольнения, Адмиралтейств-коллегия принимала частные определения по их пенсионному обеспечению¹⁴².

Высочайший указ от 15 апреля 1764 г. предписывал Адмиралтейств-коллегии составить списки офицерского состава (офицеров, которые должны быть представлены к очередному чинопроизводству; подлежащих к отставке от военной службы с награждением пенсией; назначенных к увольнению и отставке) с указанием года вступления каждого на службу и того, сколько кто за собой имеет крепостных душ мужского пола.

В чинопроизводстве предписывалось соблюдать прежнее старшинство по равным баллам. Тех, кто из баллотированных офицеров при комплектовании штатного расписания корабельного и галерного флотов оставались в прежних чинах, следовало в именных списках писать по старшинству, как они состояли до баллотирования комиссией¹⁴³.

Иногда офицера, забаллотированного комиссией и уволенного из флота на инвалидное содержание, через некоторое время вновь призывали на морскую службу, присваивая ему столь желанный воинский чин.

К примеру, Я.М. Качалов, который начал службу 2 марта 1746 г. учеником Морской академии, 1 января 1748 г. был произведён в гардемарины. В процессе службы получил воинские чины мичмана и лейтенанта. 15 марта 1764 г. при баллотировании из чина лейтенанта в чин капитан-лейтенанта был забаллотирован комиссией, поэтому исключён из списков личного состава флота и определён после увольнения в вынужденную отставку на инвалидное содержание (вероятно, как не имеющий собственного пропитания). 7 января 1778 г., почти

через 14 лет фактического нахождения в запасе на инвалидном содержании, Я.М. Качалов был, вместо полной отставки, произведён в капитан-лейтенанты с одновременным определением в Таганрогский военный порт¹⁴⁴.

Одна из причин, когда престарелых отставных офицеров назначали состоять «для пропитания» при Казанском, Тавровском, Новопавловском адмиралтействах, Архангельском, Астраханском, Азовском, Таганрогском военных портах, — это начавшийся ещё в ходе Семилетней войны существенный рост цен на продовольствие, поставляемое для армии и флота, и традиционная дороговизна жизни в районе Петербурга¹⁴⁵. Екатерина II, взойдя на российский императорский трон, запретила вывоз хлеба за границу, что быстро и значительно остановило резкий взлёт розничных цен на хлеб в столице. Кроме того, она снизила цены на пищевую соль (на 10 коп. с каждого пуда)¹⁴⁶.

30 марта 1766 г. монархиня утвердила доклад Адмиралтейств-коллегии о производстве в воинские чины офицеров галерного флота по общему положению прохождения военно-морской службы «наравне» с офицерами корабельного флота¹⁴⁷.

31 марта 1766 г. Сенат обязал при определении на военную службу дворян обязательно предъявлять командованию документальные доказательства о дворянском происхождении, представленные из Герольдмейстерской конторы¹⁴⁸. Отсутствие доказательств о дворянском происхождении создавало многочисленные сложности и преграды перед юными соискателями офицерских чинов в дальнейшем росте карьеры, а после увольнения от службы в отставку — для пожалования пенсией.

К примеру, будущий флота капитан генерал-майорского ранга М.Г. Кожухов 24 мая 1758 г. при поступлении был записан не в кадеты, а в штурманские ученики Морского кадетского корпуса¹⁴⁹ «за не доказательством дворянства»¹⁵⁰. Его родителям пришлось постараться, чтобы доказать в Герольдмейстерской конторе, что их род и фамилия относятся к дворянскому сословию. После предъявления документов 7 сентября того же года штурманский ученик стал кадетом, 30 апреля 1759 г. — гардемарином, затем служил на кораблях¹⁵¹. 24 ноября 1783 г. в Адмиралтейств-коллегии был объявлен высочайший указ: «Флота капитана генерал-майорского ранга Михаила Кожухова всемилостивейше увольняем из службы [в отставку] с узаконенною пенсией»¹⁵². Также пришлось другому главе заслуженной семьи обращаться в Герольдмейстерскую контору для подтверждения «в дворянском достоинстве фамилии Апрелевых»¹⁵³.

Или: ученик Морского кадетского корпуса Кондратий Карпов не смог вовремя предъявить документы о том, что он дворянин, и Адмиралтейств-коллегия отказала ему в продолжение учёбы. И только после того, как его отец представил из Герольдмейстерской конторы документальные свидетельства и грамоты на жалованное дворянство, он в марте 1761 г. был восстановлен в Морском кадетском корпусе¹⁵⁴.

17 мая 1777 г. Военная коллегия потребовала от командиров полевых и гарнизонных полков представить сведения о дворянском происхождении молодых дворян, определяемых в военную службу, для чего предписывалось взять им в Герольдмейстерской конторе Сената справку с отражением следующего: 1) следовало указать родословие, в котором фамилия дворянина была бы доведена до деда, с расписанием военной или штатской службы каждого предка; 2) подтверждение дворянского происхождения либо от их соседей-однодворцев, проживающих с ними в одном уезде, или штаб- и обер-офицерами; 3) при определении на службу командиру полка следовало предъявлять либо грамоты, или заверенные копии пожалования российскими государями дворянства; 4) из Вотчинной коллегии следовало представить справку с указанием наличия деревень или поместных земель, их адреса, в каких писцовых книгах они записаны; 5) если штаб- и обер-офицерские дети-недоросли будут

проситься об определении на военную службу, но их отцы происхождением не из дворян, а «жалованы дворянством» после первого офицерского чина, то им, кроме перечисленных документов, следовало также предъявить заверенные копии патентов на воинские чины отцов.

Военная коллегия солдат и сержантов дворянского происхождения также обязала, как и вновь определяемых в военную службу, представить следующие справки: от Герольдмейстерской конторы; от городских канцелярий по удостоверению их личности; по засвидетельствованию их родственников тех городов и уездов дворян, состоявших в штаб- и обер-офицерских чинах. Кроме того, для доказательства дворянства они должны были предъявить пожалованные грамоты российских монархов. Штаб- и обер-офицерские дети, как отмечалось ранее, должны были предъявить ещё и патенты на воинские чины отцов¹⁵⁵, сообщить сколько им лет от роду, в которых уездах они имеют деревни и их количество, владеют ли родовыми именами или только купленными и сколько за ними числятся крепостных душ мужского пола. Военная коллегия предупреждала командиров пехотных (кавалерийских) полков, в случае если эти перечисленные сведения не будут отражены в послужных списках, то таких солдат и сержантов впредь не будут именовать дворянами¹⁵⁶.

Особое отношение было к дворянским детям, рождённым вне брака, если их отцы ходатайствовали о разрешении монарха на усыновление и передачу им всех законных прав. После удовлетворения прошения объявлялся указ самодержца о пожаловании детям дворянского достоинства с правом законного наследования собственности своего отца¹⁵⁷.

Таким образом, служебное положение русского дворянина в сложной системе иерархии господствующего политического сословия определялось воинским (статским, придворным) чином и способом его получения, что предполагало его качественное различие отношение с определённым уровнем государственной власти, вследствие чего губернские родословные книги включали шесть основных частей: 1) дворянство жалованное, получившее это достоинство по именному царскому указу за выдающиеся заслуги или длительную беспорочную службу; 2) военное дворянство, имеющее как минимум за службу обер-офицерский чин; 3) дворянство, полученное за гражданскую службу, «осмиклассное дворянство»; 4) иностранные дворянские роды; 5) титулованное дворянство; 6) древние благородные дворянские роды нетитулованные, не имеющие родовых титулов, таких как князь, граф, барон и т. п.¹⁵⁸.

Указ Екатерины II от 16 февраля 1774 г. требовал от губернаторов один раз в полугодие представлять в Герольдмейстерскую контору ведомости установленной унифицированной формы с основными сведениями о дворянах, их жёнах и детях, об отставных штаб- и обер-офицерах и их семьях, а также о приказных служителях¹⁵⁹. 18 мая 1788 г. Сенат приговорил не причислять к потомственному дворянству отставленных от службы с обер-офицерским чином, но в этом чине не служивших¹⁶⁰. 23 февраля 1793 г. правительство предписало представлять из присутственных мест в Сенат сведения (абшиды и аттестаты) об отставных штаб-офицерах, поступающих в казённые учреждения в гражданские чины восьмого класса и у которых нет убедительных документальных свидетельств об их дворянском происхождении¹⁶¹.

15 июня 1794 г. состоялся приговор Сената, предписывающий ежегодно к 1 января доставлять в Герольдмейстерскую контору послужные списки чинов (составленные по старшинству от первого до восьмого класса) по прилагаемой форме и «с изъяснением всей их службы»¹⁶².

В ЦАНО хранится дело, материалы которого подтверждают дворянское происхождение и имущественное положение П.А. Веселовского: «1799 году <...> дня мы, нижеподписавшие, благородное общество Нижегородской губернии дворяне, дали сие свидетельство жителствующего в городе Арзамас губернского секретаря Петра Алексея сына Веселовского сыну ево Павлу, желающему определиться в военную службу, в том, что оной Павел

точно именованного губернского секретаря Петра Веселовского сын родной, в обер-офицерстве рождённый, и поэтому действительно из обер-офицерских детей, от роду ему ныне семнадцать лет, российской грамоте читать и писать умеет, а сверх того, арифметике обучен. Дворовых людей за отцом ево Петром и за матерью Марией Ивановой дочерью Веселовской при арзамасском их доме состоит мужского пола восемнадцать душ, да недвижимого имения Нижегородской губернии Ардатовской округи в селе Ездокове и деревне Стукалове пашенной земли по 35 четвертей в поле, да две по тому ж, да Владимирской губернии Гороховецкого округа в деревне Талолиманове восемь душ с жёнами и детьми, с пашенной землёй, с лесом и санными покосы.

В достоверности всё вышеписанном свидетельствуем мы, подписывая, Арзамасского благородного дворянства предводитель М.А. Аргамаков, подполковник М.Ф. Бессонов, майор П.И. Симанский, капитан И.В. Ульянин, прапорщик П.С. Бутурлин, надворный советник А.В. Бабушкин, флота капитан 1 ранга А.В. Бабушкин, бригадир И.И. Танеев, бригадир П.А. Чемоданов, артиллерии капитан Д.И. Жуков»¹⁶³.

Екатерина II, чтобы пресечь стремление плавсостава уходить с линейных кораблей на береговые должности, 28 июня 1782 г. издала именным указом, адресованным президенту Адмиралтейств-коллегии, который устанавливал приоритет производства корабельных офицеров в воинских морских званиях: «Повелеваем впредь различать служащих во флотах наших от прочих Ведомства адмиралтейского чинов, дабы первые по службе и старшинству своим на положенные по штату вакансии всегда производимы были; что же касается до других адмиралтейских чинов, оные по мере трудов и заслуг своих нашего все милостивейшего воззрения удостоены будут»¹⁶⁴.

Льготные преимущества в чинопроизводстве плавсостава были компенсацией за экстремальные условия быта корабельных офицеров, для которых морская служба являлась суровой школой жизни, воспитывавшая у них предприимчивость, находчивость и смелость, которые им были так необходимы в сражении. Морской офицер, который расторопно и благоразумно управлял кораблём во время бури или бедствия, вне всякого сомнения, без раздумий первый шёл на abordаж вражеского судна или штурм крепости. Опытные моряки, месяцами находясь на палубах линейных кораблей в длительном плавании в различных климатогеографических районах, мужественно преодолевали повседневные опасности военно-морской службы, на которой постоянно рисковали не только ухудшением своего здоровья, но и самой жизнью¹⁶⁵.

Так, 24 сентября 1787 г. командующий Черноморским корабельным флотом контр-адмирал М.И. Войнович в Николаев из Севастополя направил рапорт начальнику Черноморского адмиралтейского правления контр-адмиралу Н.С. Мордвинову: «Это чудо, Николай Семёнович, как мы спаслись, поверить не можете нашему несчастью и как всё манкировало: в один час корабли и фрегаты сделались как решето, течь преужасная и чуть мой корабль не потонул. Этакого страха и опасности никогда не предвидел... Корабль "Мария Магдалина" ещё не пришёл, о котором надеюсь, что спасётся, но ветры противные стоят, а фрегат "Крым", думаю, что потонул, ибо оный во время шторма палил из пушек и требовал помощь... Качки такой я никогда вообразить не мог, это страх. Мы всё потеряли, что имели, я остался без всего, кабинет мой сброшен с прочими вещами в море, все потеряли деньги, тут и казённые, даже и табакерка, пожалованная [Екатериной II], и та пропала». В этот же день М.И. Войнович направил рапорт светлейшему князю Г.А. Потёмкину-Таврическому, где писал: «...с лишком 20 лет, в[аша] св[ветлость], как хожу на море и по всем морям был, но такого несчастья и предвидеть не мог, и как спаслись, одному Богу известно»¹⁶⁶. Однако спаслись не все. Линейный корабль «Мария Магдалина» 8 сентября 1787 г. во время шторма потерял

все мачты и румпель. 13 сентября 1787 г. полузатопленный корабль был прибит к Босфору и захвачен турками. Фрегат «Крым», под командованием капитан-лейтенанта Селивёрстова, пропал без вести со всем экипажем в Чёрном море¹⁶⁷.

Исследование и анализ именных офицерских списков показал, что практически многие будущие отставники были либо бескрестьянные, беспоместные, или мелкопоместные дворяне. Они не имели в наличии денежных сбережений, накопленных на старость («никакого пропитания [не имея] или имел, но столь малое»), так что без государственной поддержки после увольнения от службы не могли, не задолжав, содержать себя и свою семью¹⁶⁸. Поэтому адмиралы просили государыню ежегодно выделять престарелым и больным офицерам, отставленным от корабельной и береговой службы, определённую, именованным указом фиксированную пенсионную сумму по примеру регулярной армии.

Пенсии армейским офицерам были установлены Екатериной II в 1763 г. В зависимости от выслуги лет в полевой армии и гарнизонных полках и по другим причинам они разграничивались на полные, половинные и назначаемые за сокращённые сроки службы в связи с тяжёлыми ранениями или потерей здоровья¹⁶⁹.

21 марта 1763 г. Екатерина II потребовала от генерал-прокурора А.И. Глебова сообщить о деньгах, положенных на выплату пенсий: «Александр Иванович. По новому опробованному от меня военному учреждению отставным и прочим сверхкомплектным положено пенсии всего 34528 руб. 35 коп. Я желаю знать, можно ли оную сумму без отягощения ассигновать на Штатс-контору». В тот же день А.И. Глебов «ответствовал, что ассигновать на Штатс-контору можно с тем, чтобы и на несколько лет упомянутую сумму отпускать из новоположенных денег, которые ещё никуда не ассигнованы»¹⁷⁰.

Однако только в Москве и Санкт-Петербурге, по состоянию на 2 мая 1763 г., по разным пенсионным окладам офицерским вдовам и их сиротам выплачивалось 29445 руб. 54¹/₄ коп. в год, «а сколько в [других] городах [выплат] производится, о том де за неполучением рапортов познать не можно»¹⁷¹. Основная причина неосведомленности о размерах пенсионной суммы и точном количестве пенсионеров заключалась в том, что общей системы в стране по сбору доходов и их расходования при Екатерине II не было создано до 1769 г., а государственные доходы складывались в казну из многих и разных источников, включая и местные сборы¹⁷².

Морская комиссия, изучив опыт пожалования пенсий отставным армейским чинам, всеподданнейше внесла на рассмотрение самодержицы «следующий распорядок в определении оных пенсионов» при отставке от военной службы во флоте¹⁷³. В основу пожалования пенсий уволенным в отставку офицерам был положен принцип: «по рассмотрению [их] службы пенсионы [им] определены будут»¹⁷⁴. Императрица утвердила предложения, рассудив: «...сделав единожды за всегда такое определение [по назначению пенсии] с теми, которые по прилежности к службе, искусству и достойны, но уже по старости лет и слабости своего здоровья более продолжать не могут, дабы и будущие [офицеры] по них, видя такое матернее о достойных попечение и награждение за прилежную, ревностную и многолетнюю службу, жребии свои знали и получать [пенсии] могли»¹⁷⁵. Это решение Екатерины II не отличалось от нормативно-законодательных актов, регулировавших пенсии военных и морских чинов армий и флотов западноевропейских стран, вынужденных отставить службу по состоянию здоровья, ранения или увечья¹⁷⁶.

Таким образом, назначение верховной властью пенсий военным морякам стало возможным прежде всего в связи с выделением морской службы в системе вооружённых сил Российской империи как особого вида профессиональной деятельности. Поэтому устанавливалась материальная ответственность государства не только за потерю трудоспособности на службе, но и с учётом последствий влияния вредных для здоровья и опасных специфических

условий внешней среды для жизни на военных судах, то есть ответственность за профессиональные заболевания. Вместе с тем принятый законодательный акт назначал пенсию исключительно по усмотрению верховного главы российского государства.

Немецкий юрист Л. Штейн пришёл к принципиальному выводу, что только когда пенсионное содержание отставных подданных в государстве утрачивает особый характер «всемилостивейшего пожалования» за службу, тогда оно становится всеобщим правом¹⁷⁷.

Общие теоретические положения, накопленный отечественный и зарубежный опыт свидетельствуют, что основными образующими элементами сложившейся и устойчивой системы пенсионного обеспечения в государстве являются: 1) штатная и списочная численность личного состава Военного и Морского ведомств; 2) исторически сложившаяся организация комплектования войск регулярной армии и экипажей линейных кораблей и военных судов командным составом и нижними чинами; 3) минимальный возраст, ограниченный законом, в котором военные и морские чины поступают на действительную военную службу; 4) временной законодательный срок несения обязательной военной службы; 5) минимальный и максимальный возраст, в котором военнослужащие разных категорий, воинских чинов (званий), видов и родов вооружённых сил увольняются в полную отставку и выходят на пенсию; 6) средняя продолжительность жизни пенсионеров, то есть время, которое они могут состоять прижизненно на пенсионном обеспечении; 7) размеры пенсионного окладного жалования, достаточного по покупательной способности для безбедного проживания ветеранов на всей территории страны; 8) нормативно-законодательные акты, введённые в действие правительством, регламентирующие право участия вдов и сирот, других родственников-наследников в пенсионных льготах, установленных для отставных военных и морских чинов; 9) гарантированные государством основные и дополнительные источники денежных средств, которые были созданы для удовлетворения законных материальных потребностей военных пенсионеров; 10) главные практические цели социальной защищённости, которые преследует правительство при введении, формировании и совершенствовании пенсионного обеспечения инвалидов вооружённых сил, вдов и сирот.

Критерием эффективности пенсионной системы является то, в какой степени пенсионные меры (прежде всего материальные стимулы) могут привлекать военных и морских чинов к продолжению несения службы и надёжно удерживать их от стремления более раннего избавления от её тягостей и лишений. Этот вопрос напрямую зависит от уровня поддержания боеготовности и боеспособности армии и флота, социального ожидания всех сословий в обществе. От фактического уровня его разрешения на практике достигается: а) большее или меньшее удовлетворение цели правительства при создании системы пенсионного обеспечения; б) пределы будущей пенсионной статистики в отношении численности пенсионеров и денежной расходной суммы, для них необходимой¹⁷⁸.

Русский юрист В.А. Лебедев (1833–1909), специализировавшийся в финансовом праве, утверждал, что «общего [пенсионного] закона не было, всё зависело от царского усмотрения. Впрочем, принимались в соображение заслуги [ушедшего из жизни] лица, также и недостаточность средств к существованию оставшегося после него семейства»¹⁷⁹.

К примеру, Екатерина II, находясь в Москве после своей коронации (22 октября 1762 г.), направила записку статс-секретарю А.В. Олсуфьеву о пожаловании в качестве поощрения военным и морским чинам денежных сумм на покупку имений, наделении земельными наделами и назначении пенсий отставным высшим, штаб- и обер-офицерам, уволенным по состоянию здоровья и по возрасту от военной службы.

Указом от 8 апреля 1763 г. по высочайше утверждённому докладу 21 марта повелевалось отпускать ежегодно из Штатс-конторы 50 тыс. руб. на пожалование пенсий

отставному «генералитету», причём резолюцией было предписано: «...без моего ведения никому пенсии не определять»¹⁸⁰. 7 июня 1764 г. на пенсии статским чиновникам монархиня назначила 25 тыс. руб. из сумм Коллегии экономии; и вновь резолюция Сенату: «...пенсии не определять без доклада нам»¹⁸¹. Так, бригадир Неведомский был высочайшим указом пожалован в генерал-майоры. Кроме того, ему и генерал-майору Я. Толстому было отпущено из казны 6 тыс. руб. на покупку деревень. Бригадир Я. Ангелар также был произведён в генерал-майоры, и до получения в аренду имения (третий на очереди) ему назначалась пенсия в размере должностного окладного жалования бригадира. Генерал-поручик Я. Фаст был уволен в отставку полным генералом, ему было отпущено из казны 10 тыс. руб., он получил в Остзейских губерниях имение с земельным участком в 10 гаков (четвёртый на очереди)¹⁸².

В годы правления императора Павла I пожалование пенсией при отставке от военной и штатской службы всецело зависело от расположения самодержца, поскольку он считал, что «увольнение с пенсионом неоспоримо принадлежит к монаршей милости»¹⁸³. По его словам, каждый военный и морской чин, «служба [Престолу и Отечеству] и за службу получая честь, безропотно сносить должен и тягости, с нею сопряжённые»¹⁸⁴. Служба — это всё, а вне службы не должно быть существенного. Весь смысл жизни офицера заключается только в военной службе, и причём в службе «государской». К примеру, «отставному полковнику Баумгартену, просящему за службу пенсиона, отказано с замечанием, что если б он не поспешил отставить службу, то, дошед до генерал-майорского ранга, мог бы ныне иметь команду и место»¹⁸⁵.

20 ноября 1796 г. самодержец повелел Сухопутному и Морскому ведомству «в отставках от службы поступать по узаконению и выслуживших безпорочно в настоящем чине год отставлять Коллегии с награждением следующим чином»¹⁸⁶.

Отставки военных, статских, придворных чинов в начале правления 42-летнего монарха были немногочисленные, в основном при необходимости освободить штатное место, в первую очередь «гатчинцам», слугам и друзьям нового государя¹⁸⁷.

Император Павел I в своих указах подчёркивал, что главная обязанность русского дворянина — добросовестная служба «государю и государству», тем самым принося пользу «Отечеству своему». Так, 12 января 1797 г. монарх издал следующий указ: «Спросить штаб-ротмистра Шувалова, желает ли он служить, ибо Е. И. Величество может обойтись и без него»¹⁸⁸. Самодержец категорически был убеждён, что «нерадивые» и «ленивые» военные и морские чины на службе не могут находиться. Павел I знал о повсеместном недовольстве офицеров новыми жёсткими условиями прохождения военной службы, возросшей требовательностью командования и разрешал желающим выйти в отставку. Исключённых же в отставку из службы с лишением чинов, с отобранием патентов и орденов, но упорно просящих «вторично пенсию... повелено оставить без уважения и ответа».

Вместе с тем услуги «истинного сына Отечества» должны быть востребованы и соответственно морально и материально вовремя вознаграждены. Исходя из этого, по приказу самодержца были проверены и некоторые офицерские послужные списки тех отставных чинов, военная служба которых в годы правления Екатерины II, по мнению Павла I, незаслуженно забыта и должным образом никак не оценена, и только он их по достоинству наградил своей высочайшей милостью¹⁸⁹. Поэтому и пожалование пенсии отставным военным и морским чинам было связано особыми правоотношениями, установленными между российским монархом и его подданными, находившимися на действительной военной или штатской службе.

Это убедительно доказывают пожалования пенсиями, пособиями и именными, произведённые при вступлении на престол самодержцем в течение первых месяцев правления. Все личные прошения на высочайшее имя изучались статс-секретарями, для доклада

представлялись только краткие экстракты, в которых отражалась конкретная суть дела. Они же записывали словесные резолюции монарха на экстракты и отсылали их для исполнения в соответствующие учреждения¹⁹⁰.

При Павле I назначение пенсий отставным военным чинам либо игнорировалось монархом, или она рассматривалась как милость, оказанная за достойную и продолжительную службу. К примеру, по прошению 2 декабря 1775 г. с формулировкой в указе: «навсегда от всякой службы» — был уволен Екатериной II богатейший помещик, ежегодно имевший с имений 100 тыс. руб. дохода¹⁹¹, генерал-аншеф, 38 (40)-летний граф А.Г. Орлов-Чесменский, которому ещё пожалована и пенсия. Однако после своего вступления на трон император Павел I отменил выплату пенсии, и, «несмотря на настойчивые письменные просьбы о ней» графа, постоянно проживавшего в Лейпциге, чиновники канцелярии Его Императорского Величества «отвечали на них молчанием»¹⁹². Или, в указе монарха от 24 июня 1799 г. говорилось: «Прощение исключённого из службы прапорщика Василья Уткина о принятии паки в службу или пожалования ему половинного пенсиона оставлено [нами] без уважения, потому что подобная милость оказывается только тем [офицерам], кои оную заслужат»¹⁹³.

Однако, по свидетельству полковника лейб-гвардии Конного полка Н.А. Саблукова, который многократно по вопросам военной службы выполнял различные поручения самодержца, император Павел I был «весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги, причём в этих случаях отличался истинно царскою милостью»¹⁹⁴. Другой современник, майор фон Ведель, отметил, что рьяное стремление к пожалованию пенсиями появилось тогда, когда Павел Петрович был ещё наследником российского трона, но категорически не разделял политику Екатерины II, и для создания «себе сторонников в борьбе с матерью он назначил множество денежных пенсий своим фаворитам из разных слоёв населения и даже секретно раздавал орден Св. Анны. Кавалеры ордена получали значительное [денежное] содержание»¹⁹⁵. Придворный врач Джон (Иван Самойлович) Роджерсон писал, что у Павла I «милости, отличия и награды сыпались на его подданных уж не дождём, а ливнем»¹⁹⁶.

Монарху после ухода из жизни его матери-императрицы достались высокопрофессиональные военные кадры, привыкшие к победам над врагами. Исходя из опыта Семилетней войны, Екатерина II знала, что русской армии и флоту требовался профессиональный военный контингент, обладающий известной научно-практической подготовкой, полученной в Сухопутном и Морском шляхетных кадетских корпусах, а также офицеры, прошедшие длительную стажировку (плавание) в передовых иностранных армиях и на флотах развитых западноевропейских стран¹⁹⁷.

В корпусах, помимо качественной военной подготовки, у будущих офицеров воспитывались и важнейшие гражданские качества, такие как верность военной присяге, любовь и преданность Отечеству и государю; именно эти идеи служения Родине должны были прививать нижним чинам и унтер-офицерам в полках и на кораблях. Честь русского офицера в обществе ценилась высоко, поэтому офицерам никогда не прощали трусости, особенно проявленной в сражении. Так, командующий Лиманской гребной флотилией контр-адмирал принц К. Нассау-Зиген в письме жене в Варшаву писал о победе над турецким флотом 7 июня 1788 г. неподалёку от Очакова: «Мы сражались с 7 ч. утра до полудня и одержали полную победу... Нет большого удовольствия, как содействовать успеху сражения. Но с русскими я буду часто иметь это удовольствие. Офицеры, бывшие под моей командою, солдаты, матросы, все оказались героями. Нет никого храбрее руссаго»¹⁹⁸. Военный советник генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического принц Шарль-Жозеф де Линь, сам неоднократно отличавшийся личным героизмом в сражениях, также признал, что «русское войско только тогда не одерживает победы, когда его [офицеры] не ведут в бой»¹⁹⁹.

Дважды заключавшийся Павлом I в Петропавловскую крепость и содержавшийся там «как преступник», а затем находившийся в ссылке в Костромской губернии под надзором полиции, будущий знаменитый генерал А.П. Ермолов писал в своих воспоминаниях, что, когда он после смерти монарха получил свободу и был объявлен невиновным, только «одна была мысль: посвятить жизнь на службу государю (Александру I. – *И.Д.*) и усердию моему». Кавалер двух орденов А.П. Ермолов прибыл в столицу, около двух месяцев обивал пороги Военной коллегии, «наскучив всему миру секретарей и писцов». Он вспоминал: «Наконец доклад обо мне вносится государю и я принят в службу. Мне отказан чин, хотя принадлежащий мне по справедливости, отказано старшинство в чине, конечно не с большею основательностью... С трудом получил я роту конной артиллерии...»²⁰⁰.

Бывший генерал-адъютант императора Павла I, отставной генерал-лейтенант Н.О. Кутлубицкий, писал своему сыну Николаю: «Я не отнимаю от тебя твоей воли насчёт службы. Служи где хочешь, в гвардии или армии, это твоё дело, но *служить всякому дворянину должно!* В деревне есть зайцев кому гонять и без вас, молодцов. Есть дворяне *дармоеды*, тысячами они в разных губерниях душат бедных зайцев пуще, чем французов, то-то рыцари! А служить нет охоты, тут сразу все немощи найдутся»²⁰¹.

Ведь только для офицера военная служба остаётся поприщем постоянной профессиональной деятельности. Именно в патриотически настроенном офицерском корпусе заключена нравственная сила армии и флота. Только офицеры сохраняют и передают от одного поколения к другому священное сокровище военного духа народа²⁰². Поэтому Екатерина II, чтобы сохранить собственные властные полномочия в неприкосновенности²⁰³, учитывая глобальные интересы Российской империи в мировой политике²⁰⁴, просто была обязана дать армии и флоту наиболее подготовленный в военном отношении офицерский состав. С целью придания престижности офицерской службы в российском обществе, она должна была осуществить целый комплекс практических действенных мер по его социальной защите (признанию) как при нахождении офицера на действительной службе, так и при увольнении в отставку. Важно отметить, что императрица подтвердила получение пенсий и званий отставным военным и морским чинам, пожалованных им в прежние правления²⁰⁵.

При назначении пенсий русским офицерам военно-политическим руководством страны также во внимание принимались установленные размеры пенсий отставленного от службы офицерского состава армий и флотов ведущих западноевропейских стран²⁰⁶.

Для пожалования пенсией офицер подавал по команде челобитье установленной формы²⁰⁷ (рапорт, прошение) на имя монарха²⁰⁸. В 1786 г. указом Екатерины II было запрещено употреблять в рапортах военных и морских чинов слова «челобитье» и «раб». «Челобитье» было приказано в делопроизводстве заменить и называть рапортами, «письма» — просьбами, «раб» — подданный («верноподданный», «всеподданнейший»)»²⁰⁹.

После занятия трона Павел I разрешил подавать прошения на его имя и обещал сам лично отвечать на просьбы и жалобы подданных. 30 июня 1797 г. самодержец своим указом повелел всем подданным при изложении просьб к нему «подписываться настоящими чинами и означать место своего пребывания», а также на пакетах (письмах) обязательно писать почтовый адрес, фамилию, имя и отчество²¹⁰.

В прошении офицера вышестоящему командованию особое внимание обращалось на беспорочность, добродетельность, отсутствие «фергеров», «кригсрехтов», «штрафов» и «подозрений», продолжительность кампаний, в которых он принимал участие, также указывались тяготы и лишения, выстраданные при несении им военной службы в различных районах со сложными климатогеографическими условиями, из-за чего пришло в сильное расстройство его здоровье, в результате чего появилась «слабость», «старческая немощь».

Перечислялись тяжёлые болезни, «за которыми в службе быть им невозможно»²¹¹, а также полученные в сражениях ранения и увечья²¹², наступившее «великое изнурение» при нахождении в плену, «под крепким караулом»²¹³, указывался фактический возраст просителя пенсии²¹⁴. К примеру, 30 ноября 1770 г. генерал-майор граф И.М. Подгоричани подал с театра военных действий русско-турецкой войны, из города Яссы, прошение на высочайшее имя об увольнении его от службы. Он просил увольнения «за наступающей старостью и дряхлостью, за имеющимися от долговременной конной службы во всём корпусе разными болезнями, а особливо в глазе и за переморозением в прошлую зиму ног»²¹⁵.

Часто в высочайшем указе повелевалось отставного чина «причислить к Герольдии... от которой ожидать определения к месту»²¹⁶. Тем самым подчёркивалась его физическая непригодность для занятия должностей в учреждениях после увольнения и перевода в штатскую службу через Герольдмейстерскую контору Сената.

Генерал-фельдмаршал граф А.П. Румянцев-Задунайский в мае 1777 г. направил доклад Екатерине II, где обратил внимание, что «военная служба по одной своей тяготе, не говоря о частных переменах климата и пищи, производит болезни чрезвычайныя»²¹⁷. Особый упор в рапорте делался на стеснённость в денежных средствах офицера и его семейств после увольнения в отставку, появившуюся из-за полного расстройств хозяйственных дел в имении²¹⁸ за время нахождения во флоте или в полевой армии.

Беспоместные и бескрестьянные штаб- и обер-офицеры, «не имея совсем деревень»²¹⁹, указывали на отсутствие при нахождении в отставке от военной службе денежных средств для собственного пропитания, к примеру: «других у меня доходов также нет»²²⁰, а полученное при заключении церковного брака приданное жены доходов, достаточных для самостоятельного пропитания в отставке без выплаты пенсии, тоже не приносит. В рапорте указывалось количество душ мужского пола, которое числилось в Герольдмейстерской конторе отдельно, а именно как приданое жены и как собственность отставного офицера до заключения брака. С 1784 г. в Сенат представлялись справки губернских казённых палат с уведомлением, сколько душ числится за офицером²²¹.

По мнению историка В.Н. Татищева, материальное богатство российских дворян создавалось в течение длительного времени следующими легитимными средствами и противозаконными способами: 1) монаршим награждением за службу, 2) наследством, 3) супружеством, 4) а также «всяким Богу противным злодеянием»²²².

Практически чуть ли не каждый написанный рапорт армейского и морского офицера об отставке от военной службы традиционно заканчивался примечательными словами: «прошу по моему чину наградить пенсионом» и чином, «пожаловать... противу прочих его братьев, пенсию»²²³; изредка встречается: наделить деньгами, так как в течение службы «пришёл в убожество и [влез] в долги»²²⁴.

Так, наш современник исследователь И.И. Белоусов выявил в фондах АВПРИ большое количество прошений офицеров и генералов русской регулярной армии на высочайшее имя самодержавного монарха и на имя канцлеров и вице-канцлеров, в которых излагаются просьбы генералов и офицеров о награждении за долгую военную службу («повышением в чине или назначением губернатором», «оказанием денежной помощи для погашения долгов или наградить деревней», «пенсией или мызой в Лифляндии», «повышением в чине и награждением... деревней» и др.)²²⁵.

Офицеры, обладающие недвижимой собственностью, достаточной для достойного проживания после увольнения от военной службы, просили отставки с последующим убытием «в дом», обязуясь находиться «на собственном пропитании», письменно отказываясь от помощи, обещая не «просить [призрения] нигде»²²⁶.

Некоторые офицеры Морского ведомства, проходившие ранее службу на кораблях, а затем и на берегу, ссылаясь на полученные на службе болезни²²⁷, преклонный возраст, пролили «оставить по их способностям при нынешних местах, вместо отставки»²²⁸.

При правлении Екатерины II и Павла I продолжилась традиция, зародившаяся ещё при Петре Великом²²⁹, когда, вместо выплаты пенсии, предписывалось назначать отставных обер- и штаб-офицеров плавсостава на различные береговые должности. Однако на береговые должности корабельный офицер определялся только после медицинского освидетельствования и заключения врачебной комиссии Медицинской коллегии с выводом, что «по болезни в море ходить не может»²³⁰.

3 марта 1771 г. Адмиралтейств-коллегия приказала: «В разсуждении здесь крайняго во флотских офицерах недостатка находящагося в Онежском порте капитан-лейтенанта Немтинова взять в С.-Петербург, а на его место на отправление туда выбрать из престарелых (офицеров, подавших рапорта на увольнение от службы в отставку по состоянию здоровья и преклонного возраста. – *И.Д.*) и представить Коллегии»²³¹. Так, выполняя приказ Адмиралтейств-коллегии, 23 мая 1771 г. в Онежский порт был определён по физической неспособности продолжать далее службу в плавсоставе шкипер Куковьякин, «котораго [предписывалось] отправить туда немедленно»²³². Или: 3 января 1773 г. в Адмиралтейств-коллегии «слушали высочайший указ о всемилостивейшем пожаловании морской артиллерии капитана 2 ранга Василья Елагина, обер-секретаря Лариона Нижегородцева и корабельнаго мастера подполковничья чина Ивана Афанасьева в полковники; капитанов 2 ранга Алексея Мусина-Пушкина, Петра Аничкова, Симона Дурова, Михаила Клеопина и Степана Жемчужникова в капитаны 1 ранга; из них Дурова, вместо отставки, капитаном над портом в галерный порт»²³³.

Прошение об отставке от военной службы морскому и адмиралтейскому офицеру предписывалось подавать только в ноябре–декабре, после окончания кампании флота²³⁴. В соответствии с Уставом воинским 1716 г. офицеру запрещалось просить абшид, когда войско вышло из зимних квартир на полевые тактические занятия, направилось в поход против неприятеля или офицер был откомандирован для выполнения задания командования «к какому делу или работе»²³⁵. Устав морской 1720 г. требовал, чтобы «никто из чужестранных, обретающихся в нашей службе», не просил «апшита пред начинанием кампании даже до окончания оной под штрафом ссылкой на галеру и отнятия имения (эта мера применялась только для природных русских. – *И.Д.*) по силе прегрешения»²³⁶.

30 марта 1724 г. состоялось определение Адмиралтейств-коллегии: «Объявить, ежели являются в болезнях служители и подлежат быть к отставке, и таких для свидетельства представлять в Адмиралтейств-коллегию по окончанию года, а именно в ноябре–декабре месяце, неотложно, а не так, как ныне [в любое время] представляютца»²³⁷. Все последующие указы российских монархов и приказы президента Адмиралтейств-коллегии по флоту только подтверждали это требование²³⁸. Исключительное право увольнения из флота от службы в отставку морских и адмиралтейских чинов принадлежало только президенту Адмиралтейств-коллегии²³⁹.

Однако при правлении Екатерины II наблюдались исключения. Увольнения в отставку начались практически сразу после совершения ею дворцового переворота 28 июня 1762 г. В указах встречается следующая категорическая формулировка: «Ея Императорское Величество повелевает быть ему в отставке»²⁴⁰.

22 марта 1770 г. Екатерина II именным указом повелела «при подносимых Ея И. В. от оной коллегии докладах о таковых, которые по законам получить пенсию заслужили, Коллегии приобщать своё мнение, достойны ли они той высочайшей Ея И. В. милости»²⁴¹. Адмиралы, флотские и армейские генералы, штаб-офицеры увольнялись в отставку от военной

службы только высочайшим указом²⁴². Морские и адмиралтейские офицеры в обер-офицерских чинах увольнялись приказом президента Адмиралтейств-коллегии²⁴³. Также право на увольнение военных чинов в отставку (независимо от того, в каких ведомствах они проходили службу) постановлением правительства от 7 апреля 1768 г. возлагалось на Военную коллегию («без позволения оной в отставку не увольнять»)»²⁴⁴.

24 августа 1769 г. Государственный совет, рассмотрев представления командующего полевой армией на Украине генерала князя А.М. Голицына, который докладывал, как поступать с офицерами, требовавшими отставки от службы, предписал, что он сам мог бы своей властью увольнять раненых и больных офицеров (ниже чина «майора»). Тех офицеров, которые будут просить увольнения, на основании Манифеста о вольности дворянства от 18 февраля 1762 г. следовало представлять в Государственный совет²⁴⁵. В указе об увольнении объявлялось, какие из штаб- и обер-офицеров отставлены с повышением воинского чина и кто из них остался в прежнем и по какой причине²⁴⁶. Именной список офицеров, уволенных в отставку от службы по болезни по заключению врачебной комиссии, публиковался в указе отдельно²⁴⁷. Как правило, обер- и штаб-офицеры, увольняемые в отставку по болезни или с формулировкой «за слабостию здоровья и болезнями», повышались на один чин²⁴⁸.

Иногда в указ добавлялось: уволить по болезни, на основании Манифеста о вольности дворянства от 18 февраля 1762 г. «от морской службы отставить вечно и наградить чином». Или: уволить от службы «от всех дел» по болезни и старости и за длительную и беспорочную службу наградить повышением воинским чином и пенсией²⁴⁹.

Адмиралтейский регламент 1765 г. требовал от должностных лиц: «Всех, кто службы понести не может, кроме явно увечных, в одно время рассматривать, и того ради об отставках прошения принимать и Коллегии представлять по окончании компании, чтоб от частых в том рассмотрении другим делам помешательства не было»²⁵⁰.

Лица, получившие ранения и увечья на службе²⁵¹, не позволявшие им исполнять свои служебные обязанности, после лечения и медицинского освидетельствования представлялись для увольнения в отставку, «дабы содержанием их напрасно и бесплодно места занимаемы не были и тем в службе и работе остановки не приключилось»²⁵².

К примеру, 20 января 1791 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии «слушали высочайший указ от 18 числа сего месяца, коим всемилостивейше повелено уволить от службы: капитана бригадирскаго ранга Андрея Денисова с производством пенсии половиннаго жалованья, Адмиралтейской коллегии экзекутора чина полковничья Дмитрия Сонины; флота капитанов 2 ранга Петра Хомутова, князя Николая Вяземскаго и капитан-лейтенантов Богдана Штерлинга, Николая Тутолмина, Андрея Чеглокова и Николая Тимирязева; флота капитан-лейтенанта Сергея Сенявина и морской артиллерии капитана 3 ранга Каспера Вильфинга. Как тяжело раненые и затем не могут более продолжать службу, уволить от службы первого с награждением чина [капитана 2 ранга] и с производством обоим по смерти в пенсию полное их жалованье»²⁵³.

Современный исследователь Г.П. Дегтярёв, ссылаясь на данные указа Екатерины II от 8 января 1764 г., утверждает, что обычный размер пенсий отставным офицерам армии и флота был определён в половину окладного жалованья по последнему воинскому чину («обыкновенный пенсион»)»²⁵⁴. Суждение это действительно верно²⁵⁵. Так, 10 июля 1775 г. монархиня уволила от всех дел в отставку контр-адмирала Николая Ивановича Сенявина с производством в вице-адмиралы и с награждением его «обыкновенным пенсионом»²⁵⁶.

Как уже выше отмечалось, 8 января 1764 г. на докладе Морской комиссии была наложена высочайшая конфирмация. Самодержица соизволила пожаловать Адмиралтейств-коллегии на выплату пенсий ежегодно 25 тыс. руб. и «указала те пенсии определять,

докладывая Ея И. В., при отставке против положённого окладного жалованья в полы того ранга, в котором действительно службу свою производили, в том числе которые в береговой и морской службе 32 года были»²⁵⁷.

Под «пенсиями» подразумевались как пенсии в современном значении слова, так и всякие ежегодные выдачи, пожалованные российскими самодержцами отдельным должностным лицам, в том числе предназначенные и на воспитание детей²⁵⁸. Поэтому указ Екатерины II от 8 января 1764 г. не мог учитывать назначение пенсии: по «высочайшему конфирмованию»²⁵⁹ (конфирмации); по особым именным высочайшим указам; «за сделанные на море 30 кампаний» и за то, что служит ещё со времён Петра Великого «да поместья за собой не имеет»; пожаловать «пенсией по смерти» и в других многих конкретных случаях²⁶⁰, что в 1,5–2 раза увеличивало величину обычной военной пенсии с назначенным половинным размером должностного окладного жалованья по последнему воинскому чину перед увольнением в отставку от полевой военной службы (плавсостава)²⁶¹.

Анализ выявленных нами архивных источников и изучение опубликованных руководящих документов по организации социальной защиты отставных военных чинов показали, что это была пенсия, жалованная офицеру монаршей милостью за его особые заслуги перед Престолом и Отечеством: «по нынешнему чину в рассуждении 36 [морских] кампаний»; пенсия (полностью окладное жалованье или частичное), которая назначалась после его смерти в бою или на действительной морской службе в длительном плавании (на берегу), выплачиваемая вдове и детям-сиротам; или в несколько раз по размерам превосходящая обычную пенсию, установленную Уставом морским 1720 г.²⁶²; пенсия с некоторыми добавлениями и изменениями, объявленной в высочайшем указе: «не в образец другим»; «пожалован вечным пенсионом»; «не в пример другим», «за бытность на Шпицбергене», «пенсия 1000 рублей сверх жалованья», «сверх обыкновенного жалованья по 2000 р. в год пенсиону». Также пенсии для тех беспоместных и бескрестьянных офицеров из природных россиян, «у которых пропитания никакого нет»; пенсия для офицеров-иностранцев, служивших по контрактам в русской армии и военно-морском флоте и оставшихся после увольнения с семьёй проживать в Российской империи: «в рассуждении их бедности и чужестранства» назначалась «пенсия в 200 рублей за прежние заслуги». Иногда вместе с пенсией с целью поощрения к службе офицеру-иностранцу выплачивалась весомая разовая «прибавка» к должностному окладному жалованью²⁶³.

Отмечены пожалования пенсией за проявленные мужество и героизм, совершённые офицером в сражении, личное участие в морской (армейской) операции, существенно изменившей стратегическую обстановку в пользу русских войск (флота) на театре военных действий. При этом офицер продолжал находиться на действительной военной службе ещё многие годы до выхода в полную отставку²⁶⁴. Изредка заслуженному беспоместному и бескрестьянному офицеру самодержицей присваивался вышестоящий воинский чин и назначалась конкретная сумма пенсии, причём несколько не связанная с размером получаемого должностного оклада. К примеру, подполковник Кронштадтского гарнизонного полка И.И. Деколер, «гамбургской нации», прослуживший в русской регулярной армии 55 лет и имевший многочисленные увечья, полученные в сражениях, с должностным окладом 234 руб., был произведён Екатериной II в полковники и пожалован пенсией 500 руб. в год²⁶⁵. Также иностранцу, перешедшему из католичества в православие и вступившему в русское подданство, при отставке от военной службы жаловались не только пенсия, но и хлебное жалованье в размерах, которые он получал по последнему воинскому чину²⁶⁶.

Иногда пенсия выплачивалась временно, до официального получения пожалованного уволенному от службы офицеру недвижимого имущества или аренды мызы в Прибалтике.

Так, 25 июля 1762 г. был объявлен высочайший указ: «Поручику, отставному и раненому, Клопману аренду дать в Лифляндии в генваре [1763 г.], а до тех пор полное жалованье произвести [вместо пенсии]»²⁶⁷. Также пенсия жаловалась лишь на срок до определения уволенного военного чина на штатскую должность в учреждение Российской империи, который «без места и пенсии содержать себя чем не имеет» и по состоянию здоровья и достижении преклонного возраста более способен к несению в конторе «заседательной, а не к [полевой] службе» или «имеет довольную способность и к статской службе». К примеру, в экстракте об офицерах, исключённых из армейского именного списка по разным обстоятельствам и назначенных к штатским делам, 6 июня 1763 г. представленном Сенатской комиссией, в отношении полковника Петра Познякова изложено: «Представляется об определении к статской службе с производением при исключении его из полевой в сравнении обошедших его в чин ген[ерал]-майорский. Но как он собственного содержания без жалованья не имеет, то дабы до определения в статскую службу не претерпел бедности, то в том повергается он в высочайшее милосердие о определении ему пенсии»²⁶⁸.

Опубликованные архивные документы также свидетельствуют, что при правлении Екатерины II значительные суммы денежных средств из Кабинета Ея И. В. трагично тратились на выплату «секретных пенсий», вероятно, для содержания русских агентов за границей. К примеру, 15 января 1770 г. была пожалована неизвестному лицу и начата выплата пенсии в размере 2 тыс. руб., 18 июля того же года — 3 тыс. руб.; это показано в ведомостях под служебным грифом «секретно». 11 января 1776 г., очевидно, назначено несколько пенсий на общую сумму 75 тыс. руб., 14 марта 1781 г., 28 февраля и 22 августа 1783 г., 12 сентября 1784 г. — по 2 тыс. руб., что составило за 1786 г. 47 % от суммы всех пожалованных пенсий (86 тыс. руб. от всей пенсии агентам 189376 руб. 20 коп.)²⁶⁹.

Кроме вышеназванных пенсий, также имелись пенсии, выплачиваемые кавалерам в соответствии со статутами российских орденов, пожалованные после достижения установленных законодательством сроков военной и штатской службы, особые — за выдающиеся заслуги перед Престолом и Отечеством, участникам переворотов при возведении Елизаветы Петровны и Екатерины II на императорский трон²⁷⁰.

Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Активному участнику переворота 28 июня 1762 г. А.Г. Орлову-Чесменскому, будущему генерал-аншефу и графу, был пожалован «секретный пенсион» в 25 тыс. руб. в год, по смерти его выплачиваемый из денежных сумм Кабинета Ея И. В. Кроме того, 12 марта 1776 г. А.Г. Орлову было дополнительно пожаловано ещё 4682 руб. 17½ коп. Пенсия же младшему его брату Фёдору, как генерал-майору, составляла 2160 руб. в год (указ от 10 июля 1775 г.)²⁷¹. Однако их брат, покинувший в 1771 г. «пост фаворита» императрицы Екатерины II, генерал-фельдцейхмейстер князь Григорий, наряду с другими поражающими воображение монаршими милостями, в качестве отступного утешительного приза был пожалован бывшей августейшей любовницей огромной пенсией — 150 тыс. руб. в год, что равнялось шести пенсионным суммам (25 тыс. руб.)²⁷² для отставных моряков и адмиралтейских служителей, или отставным статским чинам (тоже 25 тыс. руб.)²⁷³, или трём пенсиям всему отставному армейскому «генералитету» (50 тыс. руб. в год)²⁷⁴.

Всего же лицам, особо нуждающимся в государственном призрении, указом императрицы Екатерины II от 26 февраля 1764 г. из бюджета было выделено немногим более 250 тыс. руб. в год. Указ объявлял, что «из [доходов] Коллегии экономии определили на пенсии верно и долговременно служившим и без пропитания оставшимся офицерам, на инвалидов, на госпитали, богадельни и на многия по смерти временные дачи, такожде вдовам и сиротам [погибших военных и морских чинов]»²⁷⁵.

Возникает законный вопрос: почему размер обычной военной пенсии был предложен Морской комиссией и установлен Екатериной II в размере половинного окладного жалования флотского и армейского офицера, проходившего военную службу в корабельной и галерной солдатской команде или в подразделении морской пехоты?

По нашему мнению, которое подтверждается опубликованными и выявленными нами архивными источниками²⁷⁶, это был основной, традиционно минимальный размер пожалованной пенсии вышедшим в отставку морякам, утверждённый ещё в годы правления Петра Великого и существовавший до вступления на российский престол Екатерины II.

Исключение составляли лишь пенсии абсолютного большинства российских адмиралов (капитан-командоров), армейских и флотских генералов (бригадиров), которые выходили после длительной и беспорочной военной или штатской службы²⁷⁷ в «вечную» отставку «по престарелости», «слабости здоровья», и иностранцев, принесших большую пользу в поддержании боеготовности и боеспособности военно-морского флота. Наибольшую продолжительность службы в русском флоте, нанятые по контрактам и получившие адмиральские чины в России, имели: шаятбенахт Ян ван Гофт — 23 года, адмирал К. Крюйс — 29 лет, контр-адмирал Тран Тенис и адмирал П. Сиверс — 36 лет, контр-адмирал М. Гослер — 37 лет, капитан-командор И. Круз — 41 год, вице-адмирал Дж. Кеннеди — 43 года, адмирал В.Ф. Люис — 50 лет, вице-адмирал П. Бредаль — 53 года.

Из «природных россиян» в отечественном флоте имели большой стаж контр-адмирал И.А. Сенявин (28 лет), капитан-командор И.К. Муханов (29 лет), вице-адмиралы В.Я. Римский-Корсаков и П.И. Лежнев (по 40 лет), вице-адмиралы Д.Я. Лаптев и Ф.С. Милославский (по 44 года), вице-адмирал П.Г. Кашкин и адмирал С.М. Мещерский (по 47 лет), вице-адмирал Я.С. Барш (48 лет), адмирал В.И. Ларионов (49 лет), флота генерал-поручик И.С. Рамбург, адмиралы Г.А. Спиридов и И.А. Талызин (по 50 лет), контр-адмирал И.Г. Черевин и адмирал А.И. Головин (по 51 году), вице-адмирал И.П. Зиновьев (52 года), адмирал В.А. Мятлев (54 года), адмирал М.М. Голицын (59 лет), вице-адмирал Ф.М. Селиванов и адмирал А.И. Нагаев (по 60 лет), адмиралы С.И. Мордвинов (62 года) и З.Д. Мишуков (64 года). Они милостивейше жаловались пенсией, как правило, в размере своего должностного оклада по воинскому чину (перевод «жалования в пенсию»), увольнялись в полную отставку с подобными формулировками в Указе: «с жалованием вместо пенсионера», «производить ему по смерти ево получаемое им ныне полное жалование» по последней штатной должности²⁷⁸.

Из адмиралтейских чинов право на пенсию имели прослужившие во флоте на берегу 32 года²⁷⁹, а из морских чинов — совершившие 16 кампаний на кораблях в Балтийском, Северном море продолжительностью каждой не менее шести месяцев в год²⁸⁰. Лица, не выслужившие вышеназванные временные сроки, пенсию не получали.

Так, высочайшим указом от 22 сентября 1797 г. флота капитан бригадирского ранга П.В. Чичагов в возрасте 30 лет был отставлен от службы с тем же воинским чином без пожалования пенсии «по молодости лет». Кроме того, императором Павлом I ему было предписано отправиться из северной столицы к отцу, отставному адмиралу и кавалеру В.Я. Чичагову, на постоянное жительство в родовую деревню²⁸¹.

Важно отметить, что установленное время для выслуги морскими, адмиралтейскими и военными чинами на получение пенсии было более коротким, чем введённый с 1764 г. для гражданских чиновников указной срок службы в 35 лет, так как в центральных, губернских, провинциальных и уездных учреждениях Российской империи работающий там канцелярский персонал никогда не претерпевал столь больших трудностей, нравственных и физических лишений, как личный состав армии и флота, находившийся на полевой военной службе и в плавсоставе²⁸².

Издrevле среди моряков сложилось мнение, что «кто в море не бывал, тот (досыта) Богу не маливался (тот горя не видал)». Или: «жди горя с моря, беды от воды»²⁸³.

Так мичман А.С. Шишков в отчаянии писал: «...я... должен находить себя несколько месяцев заключённым на маленьком судёнушке, быть на просторном море игрою сердитых ветров, не видеть ничего, кроме ярых волн и угрюмых небес, трудиться непрестанно почти без отдохновения, терпеть всякое беспокойство, дождь, холод, бессоницу и, напоследок, ежеминутно опасаться погибели»²⁸⁴. Вышеприведённые строки письма офицера ещё раз подтверждают, как справедлива поговорка о том, что «не море топит корабли, а ветры»²⁸⁵.

А.С. Шишков окончил Морской кадетский корпус в 1772 г. и был произведён в первый обер-офицерский чин мичмана. С 1776 г. он находился в трёхлетнем заграничном плавании, во время которого был произведён в чин лейтенанта. Даже в его любовных стихах к женщине подчёркивается опасность и тяжесть морской службы²⁸⁶.

Так, военная служба офицеров на линейных кораблях, переходивших из Архангельска вокруг Скандинавии в российские порты на Балтике и обратно, и служба русских моряков на иностранных кораблях «в сих же морях» засчитывались в пенсионный стаж как две обычные морские кампании. В расчёт принималось, что в Северном Ледовитом океане на организм человека влияет низкая температура, ледяной покров моря, высокая влажность, сильные ветры, частые туманы, а в осенне-зимнее время ослепляющая пурга, длительная по времени полярная ночь, недостаточная солнечная инсоляция, что в результате приводит к переохлаждению. Выполнение экипажами линейных кораблей и военных судов своих функциональных обязанностей при несении вахт также было связано с физическими и нервно-эмоциональными перегрузками, что способствовало появлению у служащих различных заболеваний, прежде всего простудных, а также цинги и сопутствующих ей болезней. Для предотвращения заболеваний команде дополнительно к матросской пищевой порции с учётом «дальних вояжей» отпускались: хлебное вино, пиво с хреном, солодяные сухари для приготовления кваса, сбитень, толокно, копчёная говядина, лук, чеснок, шавель и морощка²⁸⁷. Для больных на камбузе предписывалось приготавливать увеличенные мясные порции. Несмотря на принимаемые меры, плавание из Архангельска вокруг Скандинавии и затем переход к Кронштадту (или Ревелю) и обратно часто приводило к смертельным случаям среди морских служащих в связи с длительным нахождением линейных кораблей и военных судов из-за противных ветров в арктических водах²⁸⁸, многие моряки в длительных суровых походах заболели и преждевременно, будучи молодыми людьми, уходили из жизни.

Так, 7 октября 1771 г. Адмиралтейств-коллегия, «слушав из Архангелогородской конторы над портом рапорта, коим объявляет о прибывших к тому порту под командою флота капитан-лейтенантов Дурова и Арсеньева пинков "Гогланд" и "Лев" сентября 9 и 10, на которых, по рапортам тех командиров, будучи в кампании, то есть с 26 и 27 мая, померло служащих на пинке "Гогланд" — 30, да больных доведено 50, в том числе трудных 18 человек, да и сам командир капитан-лейтенант Дуров со шканечными служителями, как то: обер- и унтер-офицерами и гардемаринами, от матросской работы имелись в крайней слабости здоровья; а на пинке "Лев" из нижних чинов померло 39 да больных прибыло 42 человека, а затем оставалось здоровых только командир капитан-лейтенант Арсеньев с офицерами и гардемаринами да 2-мя унтер-офицерами, квартирмейстер один, матрос 4 человека, да и те в самом слабом здоровье, приказали: приобщить [рапорт] к наряду»²⁸⁹.

Источниковедческий анализ показал, что некоторым офицерам армии и флота по различным причинам приходилось дожидаться военной пенсии многие годы. Так, 15 января 1768 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ: «Всемилоостивейше повелеваем отставленному в 1741 году от службы флотскому капитану Ивану Неклюдову, который

служил в оном [Балтийском] флоте лейтенантом, не в образец другим, производить по его смерть [пенсию] по 150 рублей в год»²⁹⁰. Тогда как лейтенант Василий Тарбеев выбыл в отставку до 1769 г. с награждением чином капитан-лейтенанта и пожалованием половинной пенсии по должностному окладу лейтенанта, имея выслуги всего 13 календарных лет.

С 11 июня 1755 г. он кадет Морского шляхетного кадетского корпуса, в 1756 г. гардемарин. С 1755 по 1759 г. ежегодно находился в кампаниях в Балтийском море и по приказу вышестоящего командования сделал переход из Кронштадта в Архангельск и обратно в Кронштадт. 18 марта 1758 г. был произведён в воинский чин «мичмана» унтер-офицерского ранга. 18 мая 1759 г. ему присвоили первый обер-офицерский чин унтер-лейтенанта. Затем он командовал пакетботом «Сокол», на котором по поручению командования ходил с почтой от Кронштадта до Данцига. В 1760–1762 г. был в кампаниях флота на Балтийском море и участвовал в Кольбергской десантной операции. 31 октября 1762 г. послан в Англию стажироваться на линейных кораблях для совершенствования английского языка и получения практики в морской службе²⁹¹. В 1763 г. отправлен из Англии в Северную Америку волонтером на британском военном корабле. 20 апреля 1764 г. произведён Адмиралтейств-коллегией баллотированием в лейтенанты. 20 июня 1765 г. возвратился из Англии в Россию, где продолжил военную службу на линейных кораблях и фрегатах Балтийского корабельного флота вплоть до увольнения 12 марта 1768 г. в полную отставку «с пожалованной военной пенсией»²⁹².

Служба русских моряков на отечественных и иностранных судах, ходивших в длительные плавания, потребовала от верховной власти разработать методику подсчёта военной пенсии офицерам, для чего следовало для её исчисления достоверно установить количество морских кампаний при нахождении в различных акваториях Мирового океана.

Правительствующий Сенат постановил при расчёте военной пенсии моряка, совершившего плавание в Средиземное море, Адмиралтейств-коллегии его «кампании почитать... против четырёх, в Балтийском море сделанных». По данной методике, к примеру, была рассчитана пенсия капитану 2 ранга Дмитрию Ильину, в чине лейтенанта командовавшему брандером в Чесменском морском сражении 25–26 июня 1770 г. и направившему горящий брандер на корабль турецкого флота. На службе Д. Ильин находился с 1761 г., в чине лейтенанта с 26 июня 1770 г. Имел гардемаринском три, а офицером 17 кампаний — итого 18²⁹³ (организацию подсчёта см. ниже).

Преимущество в продолжительности службы в Средиземном море над плаваниями из Архангельска в балтийские порты и обратно в соотношении два к одному было установлено в положении «не для того, чтоб она труднее или большим опасностям подвержена была, но в разсуждении туда столь дальнего многими морями прохода».

Однако Екатерина II в высочайшем рескрипте от 8 января 1770 г. к генералу графу А.Г. Орлову хотя и выражала монаршее удовлетворение, что эскадра адмирала Г.А. Спиридова из Балтики пришла в Средиземное море, но и отметила: «О том только жалею, что они так долго замешкались, а можно бы им прийти из Кронштадта в 6-ть недель в Гибралтар, ибо Гибралтар 200 вёрст ближе от Кронштадта, нежели водою до города Архангельска, откуда ходу 6-ть недель или 2 месяца, какова погода продолжается. Но сей путь известен, Гибралтар же нашим казался конец света, и так в знакомых местах и портах мешкали Бог весть для чего... Но что же делать, впредь умнее будут»²⁹⁴.

Службу офицера, проходившего на торговых и военных судах Ост-Индской и Вест-Индской кампаний²⁹⁵ по заданию Адмиралтейств-коллегии, следовало в Казначейской экспедиции «считать противу четырёх кампаний, к городу Архангельску сделанных»²⁹⁶. При подсчёте пенсионного стажа учитывалась зависимость организма человека от возникающих трудностей несения службы в субтропических и тропических районах длительного

плавания. К ним относились: высокое нервно-психическое и физическое напряжение при несении корабельных вахт (у моряков возникала слабость, вялость, бессонница в ночные и сонливость в дневные часы); изнуряющее действие бортовой и килевой качки на организм человека, ограниченное размерами боевых постов жизненное пространство при наличии тяжёлых физических нагрузок; длительное сосредоточение внимания на малых объектах и быстрота реакции на малейшие изменения обстановки, что буквально выматывало моряков. Плавание судов проходило при повышенной температуре окружающей среды, высокой влажности воздуха, избыточного ультрафиолетового излучения; это нередко вызывало у морских и военных чинов тепловые поражения, солнечные ожоги, нарушения белкового, липидного, углеводного, витаминного и водно-солевого обменов в организме.

К примеру, 29 августа 1780 г. командир эскадры (в составе пяти линейных кораблей и двух фрегатов) контр-адмирал И.А. Борисов, по указу самодержицы шедший в Средиземное море для поддержки вооружённого нейтралитета, объявленного Российской империей, в письме-докладе вице-президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-аншефу графу И.Г. Чернышёву писал, что, «будучи в пути от Кап-Финистерра до Лиссабона, имели время самое дурное и превеликия зыби, от чего на кораблях сделалось много больных, а по большей части больные все из новонабранных нынешний год рекрут, которые не привыкли к такой качке и воздуху [столь] жаркому»²⁹⁷.

По подсчётам И.В. Меркулова, за период с 1762 по 1807 г. стажировку и обучение за границей прошли 140 моряков, при этом 64,83 % из них были корабельными офицерами и 33,79 % являлись воспитанниками Морского кадетского корпуса. Большинство моряков (88,28 %) проходили стажировку на кораблях британского флота²⁹⁸.

Однако абсолютное большинство флотских офицеров начинали свою военную службу ещё с петровских времён, находясь в морских кампаниях гардемаринами. Затем они участвовали несколько лет в плавании мичманами унтер-офицерского ранга²⁹⁹, прежде чем (исходя из установленного законодательством временного, а несколько десятилетиями позже и плавающего цента) быть произведёнными в первый обер-офицерский чин «унтер-лейтенанта» в период с 1701 по 1732 г., или «мичмана».

Срок пребывания унтер-офицера в чине мичмана законодательно устанавливался в семь лет. Для мичманов, произведённых в чин из гардемарина Морской академии, предусматривался пятилетний срок, но только с согласия капитана корабля³⁰⁰. Звание мичмана было в 1713–1732 и 1751–1758 г. унтер-офицерским чином. С 1732, исключая период 1751–1758 годов, это первый обер-офицерский чин³⁰¹.

К примеру, капитану 2 ранга Петру Басманову указом Екатерины II от 1 января 1766 г. была назначена пенсия в размере 150 руб. в год. Всего он был в морских кампаниях: гардемаринском в пяти (считались как одна обер-офицерская кампания); затем мичманом обер-офицерского ранга также в пяти; в обер- и штаб-офицерских чинах — 11. По подсчётам, произведённым в Казначейской экспедиции Адмиралтейств-коллегии, общее количество морских кампаний равнялось семнадцати. Такое же соотношение кампаний было и у капитан-лейтенанта Данилы Хомутова, которому аналогичным образом подсчитали срок службы для получения пенсии (100 руб. в год)³⁰².

Больные и увечные морские, адмиралтейские и военные чины, не выслужившие по состоянию здоровья установленных временных сроков (16 кампаний или 32 года) и не имевшие взысканий, могли получить при увольнении от службы в отставку пенсию³⁰³.

Например, Сергей Лопухин 3 августа 1758 г. поступил в Морской корпус кадетом, 30 апреля 1759 г. стал гардемаринском. В дальнейшем служил в обер-офицерских чинах на кораблях Балтийского флота. В 1-ю архипелагскую экспедицию в составе экипажей линейных

кораблей и военных судов перешёл в Средиземное море. 30 апреля 1772 г. он участвовал в Патрасском сражении с турками и лишился ноги. В этом же году из-за увечья был эвакуирован из Архипелага в итальянский порт Ливорно, откуда по суше прибыл в Санкт-Петербург. 11 ноября 1773 г. был уволен от службы с награждением чином «капитана 2 ранга» и пожалованной пенсией в 300 руб. в год³⁰⁴.

Или: после тяжёлой и продолжительной болезни, приобретённой на службе в 1-й архипелагской экспедиции, капитан 2 ранга и кавалер военного ордена Св. Георгия 4-й степени Ефим Лупандин, имея 23 морские кампании, в 1773 г. был уволен в отставку с пожалованием воинского чина капитана 1 ранга и пенсией по выслуге кампаний. Излечившись, через два с лишним года он подал рапорт, где просил вновь принять его на военную службу. По ходатайству Адмиралтейств-коллегии императрица Екатерина II приняла его на береговую службу. 15 декабря 1783 г. капитан Конторы над галерным портом флота, капитан бригадирского ранга Е. Лупандин получил повышение по службе. Его назначали капитаном Конторы над Кронштадтским военным портом³⁰⁵.

Так, за мужество и личный героизм по «высочайшей конфирмовании», наложенной на докладе Адмиралтейств-коллегии, 13 января 1775 г. военная пенсия 300 руб. в год была пожалована флота капитану бригадирского ранга Михаилу Клеопину. Подсчёт пенсионного стажа показал, что у него кампаний до получения первого обер-офицерского чина имелось восемь. Все они считались как одна офицерская, тогда как в обер- и штаб-офицерских чинах четырнадцать, т. е. всего пятнадцать, и он уволен в отставку от военной службы по состоянию здоровья. Пик флотской карьеры М. Клеопина, начавшего службу в 1746 г. учеником Санкт-Петербургской Морской академии³⁰⁶, пришёлся на активные систематические боевые действия русских эскадр против турецкого флота в Архипелаге в Средиземном море³⁰⁷. Во всеподданнейшем докладе Адмиралтейств-коллегии императрице Екатерине II отмечалось, что М. Клеопин проявил «особливое бытие в Архипелаге, где командовал фрегатом "Африкою", как должно быть морскому капитану». Далее подчёркивались его личная храбрость, отвага и мужество, проявленные в сражениях против неприятеля³⁰⁸.

К срокам морской (16 кампаний) и береговой службы (32 года), установленным в указе Екатерины II от 8 января 1764 г., дающим право на получение пенсии, Адмиралтейский регламент 1765 г. уточнил для подсчёта пенсионного стажа продолжительность кампании флота для офицеров при нахождении в экзерции³⁰⁹. Кампания засчитывалась только тогда в пенсионный стаж, когда экзерции линейных кораблей и военных судов продолжались более одного месяца плавания. Такой же период времени учитывался, когда линейные корабли и фрегаты уходили для осуществления «вояжа в чужих водах», то есть для проведения официальных и неофициальных визитов (деловых заходов) в морские порты иностранных государств, заблаговременно согласованных с их правительствами по дипломатическим каналам.

Продолжительность кампании на Балтике для моряков, проходивших службу на брандвахтенных и ластовых судах (пакетботах, флейтах, гукогах и прочих транспортных судах), которые посылались с различными поручениями командования в Гданьск, Любек, Данциг, Кёнигсберг, Киль, Стокгольм, Копенгаген, засчитывалась не по количеству совершённых рейсов, сколько бы их там не было, а только как одно за «всё лето»³¹⁰.

Срок фактической выслуги календарных лет считался с момента поступления на военную службу во флот (армию), так как время пребывания на учёбе в Морском или Сухопутном кадетском корпусе в пенсионный стаж офицера не засчитывалось. Не засчитывалось также в пенсионный стаж отставника его нахождение на учёбе и в предшественнике Морского шляхетного кадетского корпуса — Санкт-Петербургской Морской академии, а также и Московской математико-навигационной школы. Военная служба засчитывалась морским и

адмиралтейским служащим в пенсионный стаж при условии, если были «они произведены из академий в гардемарины, в солдаты или в штурманские ученики или в другие при Адмиралтействе службы»³¹¹. Причём началом засчитываемого вероятного пожалования монархом пенсии считался день поступления на военную службу, а окончанием — день отдания высочайшего указа об увольнении офицера от флота (из армии) в отставку.

Гардемарин через 5–7 лет практического плавания на линейных кораблях и военных судах³¹² мог быть произведён после завершения курса теоретического обучения навигации³¹³ и сдачи других выпускных экзаменов в первый обер-офицерский чин — «мичмана». Однако сколько бы он до этого не участвовал в кампаниях, в его стаж засчитывалась только одна, и она считалась как «на Балтийском море сделанном»³¹⁴.

При плавании из Кронштадта в Архангельск время производства из гардемарина в воинский чин «мичмана» по решению командования сокращалось³¹⁵. В практических плаваниях линейных кораблей и военных судов гардемарины находились первоначально в звании младшего, а затем и старшего гардемарина Морского кадетского корпуса³¹⁶. Однако гардемаринские кампании в море могли быть засчитаны Адмиралтейств-коллегией в соотношении одна к одной при преждевременном выходе офицера в полную отставку и при «милостивейшем пожаловании» ему монархом пенсии в исключительных случаях. Основанием для пожалования такой пенсией являлись только «крайняя слабость их здоровья или приключившиеся им в службе нашей какая несчастья»³¹⁷.

5 июня 1767 г. Екатерина II повелела представлять гардемарин Морского кадетского корпуса, показавших за период обучения хорошие успехи в учёбе и успешно сдавших выпускные экзамены, к присвоению первого обер-офицерского чина — мичмана. Обязательными требованиями были участие гардемарина в двух-трёх практических морских кампаниях и его минимальный возраст на день пожалования 17 лет³¹⁸.

Положение о пенсионном обеспечении военных и морских чинов продолжало совершенствоваться в связи с воссозданием русского флота на южных рубежах страны. Так, 12 апреля 1771 г. Екатерина II утвердила всеподданнейший доклад Адмиралтейств-коллегии о методике зачёта морских кампаний штаб- и обер-офицерам, проходившим службу на военных судах и брандвахтах в Азовском море.

К началу войны с Турцией в 1768 г. у России не было флота на Чёрном и Азовском море. В ноябре 1768 г. началось строительство военных судов для Донской (Азовской) флотилии, командующим которой был назначен контр-адмирал А.Н. Сенявин. К весне 1769 г. были восстановлены Тавровская и Икорецкая верфи, учреждённые ещё Петром I. К 1770 г. были созданы Новохопёрская и Новопавловская верфи. Всего с 1769 по 1774 г. на Дону русские корабли построили 132 военных судна³¹⁹.

Самодержица согласилась с предложениями Адмиралтейств-коллегии о том, что переходы от восстановленных и вновь созданных верфей по Дону до Азова и Таганрога «тем [офицерам], кои прошлый [1769] и нынешний [1770] год плавали, в разсуждении труда, который имели при заведении верфи и проводки судов (без установленного навигационными знаками фарватера. — *И.Д.*), почесть за [одну морскую] кампанию». Однако следующие кампании на Азовском море засчитывались против балтийских одна к одной для штаб- и обер-офицеров, проходивших службу на брандвахтах и судах только в военное время, а в мирное время в соотношении две кампании ко одной³²⁰.

Введение нормативно-правовых актов о порядке зачёта морских кампаний позволяло при подсчёте пенсионного стажа учитывать напряжённость корабельной службы, сложность климатических и географических районов плавания, их особые различия как во внутренних морских (речных) бассейнах, так и в Мировом океане.

Выявлено, что на размеры пенсии не влияли дополнительные выплаты жалования.

Так, 22 сентября 1764 г. монархиня повелела офицерам фрегата «Надежда благополучия», шедшего с товарами в Средиземное море, «дабы они пищу и прочим во время пребывания их в иностранных местах могли себя содержать исправно и безбедно, пожаловать не в зачёт один раз годовое по окладам их жалование из суммы, определённой для посылки в иностранные же места морских офицеров, из 5000 рублей»³²¹.

Или: в 1772 г. Государственный совет постановил разместить в городах Крымского ханства гарнизоны русских войск в составе двух батальонов и «для чинения движений две лёгкие полевые команды» под командованием генерал-майора и двух полковников. Жалование им установили: генерал-майору сверх оклада 150 руб., полковникам — двойное и всему остальному личному составу — по должностным окладам полевой армии³²².

Столкнувшись с многочисленными просьбами уволенных в отставку ветеранов, Адмиралтейств-коллегия на высочайшее рассмотрение императрицы предложила «пенсии производить и таковым [офицерам], которых не столько кампаний [находились] на море, ниже столько лет [военной] службы производить не могли, но воспрепятствовала им в том крайняя слабость их здоровья или приключившаяся им в службе... какие несчастья, которых в продолжении оной их неспособными сделали, стараясь притом только о том, чтобы оные пенсии всемилостивейше определённой суммы никогда не превосходили»³²³.

К примеру, мичман Никита Полубояринов, направленный в ноябре–декабре 1762 г. в составе группы русских волонтеров на стажировку в британский флот, по прибытии в Лондон вместе с унтер-лейтенантом Тимофеем Козляниновым³²⁴ был назначен на 26-пушечный корабль «Спикер» Ост-Индской компании. 28 апреля 1763 г. корабль вышел в море в Восточную Индию, в Бомбей. После трёх лет службы на английских кораблях в 1766 г. Н. Полубояринов возвратился в Россию и был произведён в лейтенанты. Однако длительные изнурительные плавания в тропиках подорвали его здоровье, он был определён на берег в Петербургскую военную команду, затем назначен капитаном яхты «Петергоф», ходившей из Кронштадта в Ревель. В 1770 г. Н. Полубояринова послали в дунайскую экспедицию (под командованием капитана 1-го ранга И.И. Нагаткина) для «описи реки Прут». В феврале 1780 г. он уволился со службы в чине капитана 1 ранга с пенсией 300 руб. в год³²⁵.

Таким образом, раны, тяжёлые увечья и расстроенное на военной службе здоровье офицера значительно сокращали временные сроки на получение военной пенсии. Основными расстройствами здоровья, дающими право на получение пенсии, ещё со времён Петра Великого считались всякие виды травматических повреждений и заразные болезни, полученные либо в военное, или мирное время по причине исполнения служебных обязанностей в полевых условиях (в море или на берегу)³²⁶. Обстоятельства такого рода делали офицера непригодным к дальнейшей военной службе, а нижний чин вообще неспособным даже к сильному физическому труду.

При правлении императора Павла I, если нижний чин на военной службе получил тяжёлое увечье, происшедшее по вине офицера, то пенсия ему выплачивалась за счёт личных средств начальника, который своей нераспорядительностью, халатностью либо некомпетентностью допустил частичную или полную потерю физической трудоспособности и урон здоровью подчинённого.

28 июня 1799 г. самодержец объявил по армии и флоту: «По случаю происшедшего от неисправности команды мариентальскаго гарнизона канониру Лихачову во время пальбы увечья, определён он на инвалидное содержание на счёт командовавшего им лейб-гвардии артиллерийскаго батальона Ставискаго, и предписывается впредь в подобных сему приключениях всех таковых же увечных, оставляя же на инвалидное содержание, содержать на счёт тех командиров, в ведомстве котораго сие случится»³²⁷.

Выявлено, что повышенные размеры пенсии офицеру жаловались верховной властью за полученные в сражении раны и физическую неспособность при условии, если он был изувечен во время боевых действий (потерял конечности, впал в беспомощное состояние по причине утраты рассудка, при потере слуха, зрения на оба глаза, при наличии падучей болезни или паралича) или получил увечье в мирное время с потерей полной или частичной трудоспособности при исполнении своих служебных обязанностей³²⁸.

Екатерина II согласилась с доводами Морской комиссии и наложила на её доклад «Об уравнении морской службы в производстве чинами противу офицеров сухопутнаго войска и об определении суммы пенсионов флотским офицерам» следующую резолюцию: «Оные пенсии определять, докладывая мне»; а затем: «Быть по сему; из Коллегии экономии ежегодно 25000 рублей на помянутый здесь пенсион». Адмиралы высоко оценили монаршую милость и заботу «о действительно служащих и признании в старости о всех, должным усердием и ревностно в оной служивших»³²⁹.

Все вышеперечисленные положения по пенсионному обеспечению отставных офицеров затем полностью вошли в утверждённый 24 августа 1765 г. Екатериной II «Регламент об управлении адмиралтейств и флотов...». Данный нормативно-правовой акт сменил и дополнил, с учётом происшедших перемен в Морском ведомстве за более чем за 40-летний период действия, параграфы и статьи петровского Регламента 1722 г. В новом Регламенте была чётко прописана финансовая основа и заложен важный материальный стимул для карьеры и, как следствие, получения будущей высокой пенсии: «...отставным от службы производить пенсион против положенного окладного жалования вполы того ранга, в котором действительную службу свою [офицер] производил». Таким образом, был установлен главный принцип признания отставного военного, морского и адмиралтейского офицера: пенсия определялась «каждому по его службе».

В XIX в. немецкий юрист Х. Цёпфель, изучая принципы общего и германского конституционного права, обоснованно пришёл к выводу, что пенсионная система многих стран создавалась по подобию законов германских государств. Именно будущая пенсия по старости, её окончательный размер, назначенный за выслугу лет, собственно, и вызывает основной материальный интерес государственного служащего, стимулируя его к безукоризненному выполнению своих функциональных обязанностей, постоянному повышению квалификации, способствует карьерному росту с целью занятия в учреждении престижной и высокооплачиваемой должности³³⁰.

Не менее важным моральным и материальным стимулом для посвящения себя военной карьере была твёрдая уверенность гардемарин и кадетов в будущем: по прошествии многих лучших лет жизни, когда молодой офицер был силён умственно и физически, если честно служил Престолу и Отечеству, после увольнения в отставку гарантированно имел обеспеченную старость. Также офицер русской армии и флота не будет несколько бояться за участь своей семьи, зная, что в случае его преждевременной смерти при несении военной службы о его жене и детях должно позаботится российское правительство³³¹.

По мнению В.Н. Татищева, «военная служба отвечает молодости, когда человек начинает ощущать в себе силу и бодрость, между 18 и 25 годами»³³².

Кроме того, материальная заинтересованность в беспорочной военной службе обеспечивалась не только высоким социальным статусом офицера и должностным окладом, но и перспективой пожалования монархом большего размера пенсии. Возможность пожалования государственной пенсии при увольнении от службы в отставку давало мощный импульс к добросовестной службе и стремлению к военной карьере, особенно мелкопоместным, беспоместным и бескрестьянным офицерам.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

При этом размеры пенсий, выплачиваемых иностранцам, служившим по контрактам в русской регулярной армии и флоте, отличались от размеров пенсий, выплачиваемых военным и морским чинам, происходившим от природных россиян (Табл. 3).

Таблица 3

Перечень нормативно-законодательных актов по пожалованию пенсий отставным офицерам, их вдовам и сиротам, которые не имеют своего пропитания, до введения императрицей Екатериной II нового положения о пенсионном обеспечении³³³

Контингент пенсионеров	Нормативно-законодательные акты, регламентирующие пожалования и выплату пенсий
Генералы, штаб- и обер-офицеры иноземцы	Указ Петра I от 15 декабря 1707 года ³³⁴
Оставшиеся вдовы и дети-сироты убитых и умерших на военной службе офицеров-иноземцев	Указ Петра II от 9 июня 1728 года ³³⁵ «О даче в пенсион жалования вдовам умерших в военной службе иноземцев по Морскому уставу». На основании Устава морского 1720 г. вдовам старше 40 лет или моложе, но больным до нового замужества или пожизненно выдавать $\frac{1}{8}$ долю годового окладного жалования мужа; вдовам моложе 40 лет временно выплачивать годовой оклад жалования мужа; сыновьям до 10 лет, а дочерям до 15-летнего возраста выдавать каждому $\frac{1}{12}$ долю годового жалования отца ³³⁶
Штаб-, обер-, унтер-офицеры и рядовые из природных россиян	Указ Анны Иоанновны от 31 января 1731 года ³³⁷ . Пропитание в монастырях. Жалование против окладов войск московского гарнизона «двухтретное». Вдовы и дети на основании Устава морского 1720 года
Офицеры, унтер-офицеры и рядовые гусарских полков, сформированных из южных славян, «кои в России в вечном подданстве быть обяжутся»	Конфирмованный приговор Сената 1748 года. Вдовам и детям $\frac{1}{8}$ доля годового окладного жалования «полного с порциями и рациями каждому» ³³⁸
Офицеры из природных россиян, участники сражения с пруссаками 19 августа 1757 года у деревни Гросс-Егерсдорф	Пенсия в размере гарнизонного окладного жалования остзейского. Вдовы и дети: на основании Устава морского 1720 года «жалование давать против иноземцев гарнизонное остзейское» ³³⁹

Важно отметить, что размеры должностных окладов русских офицеров превосходили оклады офицеров английского, датского и шведского флотов, это позволяло нанимать их на военную службу не только в имеющихся воинских чинах англичан на день приёма, а офицеров вышеназванных иностранных флотов даже на один ранг ниже³⁴⁰.

Таблица 4

Размеры окладов по воинским чинам (должностям) офицеров русского военно-морского флота в соответствии со штатным расписанием 1764 года³⁴¹

Воинский чин (должность)	Размеры годовых должностных окладов
Президент Адмиралтейств-коллегии, генерал-адмирал ³⁴²	6924 рубля 79 копеек
Вице-президент Адмиралтейств-коллегии, адмирал ³⁴³	3672 рубля
Адмирал	3584 рубля 84 $\frac{1}{4}$ копейки
Вице-адмирал	2168 рублей 37 копеек
Контр-адмирал	1804 рубля 89 $\frac{1}{2}$ копейки

I. ARTICLES

Капитан 1 ранга генерал-майорского ранга ³⁴⁴	1122 рубля 39 $\frac{1}{2}$ копеек
Капитан 1 ранга бригадирского ранга	823 рубля 65 $\frac{3}{4}$ копейки
Капитан 1 ранга полковничьего ранга	622 рубля 42 копейки
Капитан 2 ранга подполковничьего ранга	434 рубля 44 $\frac{3}{4}$ копейки
Капитан-лейтенант майорского ранга	311 рублей 21 копейка
Лейтенант ранга сухопутного капитана	207 рублей 47 $\frac{1}{2}$ копеек
Унтер-лейтенант, мичман	123 рубля 23 $\frac{1}{2}$ копеек
Солдатская команда по корабельному и галерному флоту	
Премьер-майор	370 рублей 61 копейка
Секунд-майор	299 рублей 42 $\frac{1}{2}$ копейки
Капитан	234 рубля 47 $\frac{1}{4}$ копейки
Поручик	144 рубля 83 $\frac{1}{2}$ копейки
Подпоручик	119 рублей 93 $\frac{1}{2}$ копейки
Артиллерийская команда	
Обер-цейхмейстер ³⁴⁵	1804 рубля 89 $\frac{1}{2}$ копейки
Цейхмейстер ³⁴⁶	862 рубля 65 $\frac{3}{4}$ копейки
Советник	622 рубля 42 копейки
Капитан 2 ранга	375 рублей 94 $\frac{3}{4}$ копейки
Капитан 3 ранга	311 рублей 21 копейки
Капитан-лейтенант	246 рублей 47 $\frac{1}{4}$ копейки
Лейтенант	181 рубль 73 $\frac{1}{2}$ копейки
Унтер-лейтенант	123 рубля 23 $\frac{1}{2}$ копейки

Следует отметить, что фактические размеры пенсий были меньше установленного «положенного окладного жалования вполы того ранга, в котором действительную службу свою [офицер] производил». Они округлялись до «целых сотен», «целых десятков» рублей и причём довольно существенно, особенно для штаб-офицеров, в сторону уменьшения. Также округлялись пенсии офицера, которые жаловались в полном размере положенного окладного жалования за особые заслуги перед Престолом и Отечеством.

К примеру, годовое окладное жалование капитана 2 ранга подполковничьего ранга Василия Бабаева составляло 434 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп. (Табл. 4), государственная военная пенсия ему была пожалована в 210 руб.; или, к примеру: команды морской артиллерии капитана 3 ранга Михаила Кувшинова жалование 311 руб. 21 коп., а пенсия в половину меньше — 150 руб.; лейтенанту ранга сухопутного капитана Василию Тарбееву годовое окладное жалование выплачивалось в размере 207 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп., а пенсия — 100 руб.³⁴⁷. При выходе в отставку капитану 2 ранга В. Бабаеву, капитану 3 ранга М. Кувшинову, лейтенанту В. Тарбееву в качестве морального поощрения за беспорочную морскую службу на линейных кораблях и фрегатах были присвоены вышестоящие воинские чины, соответственно капитан 1 ранга, капитан 2 ранга, капитан-лейтенант. Вместе с тем пенсию они, за исключением В. Бабаева, которому дополнительно выплачивали ещё 210 руб. за участие в секретной Северной экспедиции в 1765–1766 г., получали в половину меньше от прежних размеров должностного окладного жалования. При этом каютные, столовые и порционные деньги, денежные награждения за храбрость в сражении (успехи по службе) при подсчёте пенсии не учитывались³⁴⁸.

Именно установленные Екатерины II в 1763–1764 г. размеры окладного жалования осуществляли дифференцированное регулирование пенсий высшим, штаб- и обер-офицерам армии и флота. Выявленные нами и другие архивные делопроизводственные материалы, отложившиеся в фондах РГА ВМФ³⁴⁹, полностью подтверждают наши выводы.

В течение пяти лет русско-турецкой войны (1769–1774) было послано из балтийских портов в Средиземное море, к Архипелагу, 20 линейных кораблей, 5 фрегатов, бомбардирский корабль и 26 вспомогательных судов. Для усиления боевой мощи пяти русских эскадр за границей было куплено 11 фрегатов и 2 бомбардирских корабля.

Известно, что экспедиция в Архипелаг готовилась в нервной обстановке³⁵⁰. Высшие чиновники, да и сама Екатерина II, мало верили в успех Первой эскадры Балтийского флота. «Когда вы, — писала императрица к адмиралу Г.А. Спиридову, — в пути съедите всю провизию, тогда вся экспедиция ваша обратиться в стыд и бесславие ваше и моё... Прошу вас для самого Бога соберите силы душевные и не допускайте до посрамления перед целым светом. Вся Европа на вас и вашу экспедицию смотрит»³⁵¹.

С оперативной точки зрения использование лучшей части сил Балтийского флота для борьбы с Османской империей в Средиземном море было вполне возможно. Благодаря принятым после Семилетней войны практическим мерам русский флот значительно усилил свой корабельный состав. На флоте выросли опытные кадры, линейные корабли и военные суда получили, согласно Адмиралтейскому регламенту 1765 г., более мощное артиллерийское вооружение, улучшилась организация морской службы, целеустремленно и настойчиво устранялись в портах недостатки в материально-техническом обеспечении. Поэтому русские моряки в процессе труднейшего, впервые в истории флота длительного плавания эскадр в Средиземное море совершенствовали своё боевое мастерство³⁵², что позволило им разгромить превосходящие силы турок по количеству кораблей и пушек в Чесменском морском сражении (24–26 июня 1770 г.)³⁵³. Вполне заслуженно Екатерина II писала в высочайшем рескрипте (19 июля 1770 г.) генерал-аншефу графу А.Г. Орлову-Чесменскому, главнокомандующему русским флотом и сухопутными войсками в Архипелаге: «Европа вся дивится нашему великому подвигу и с любопытством обращает теперь на вас, исполнителя оною, свои взоры»³⁵⁴.

После подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (10 июля 1774 г.) в Россию возвратились 13 линейных кораблей, 15 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, в том числе захваченные и купленные суда. В 1-й архипелагской экспедиции потеряли 3 линейных корабля и 4 вспомогательных судна, к тому же 4 линейных корабля, бомбардирский корабль и вспомогательное судно были сданы на слом в связи с плохим состоянием³⁵⁵. Всего в составе пяти отправленных в Архипелаг эскадр было 12200 морских и военных чинов, не возвратилось 4516 чел.³⁵⁶, некоторые были ранены и изувечены.

Екатерина II понимала, что морских и армейских офицеров, ставших неспособными к службе из-за полученных ран и увечий, казне полагается обеспечивать «приличным службе содержанием независимо от выслуги [лет]». К примеру, морской артиллерии капитан-лейтенант Михаил Прокшин, герой Чесменской баталии, был пожалован монархиней военной пенсией в размере 90 руб. в год. Пенсия была рассчитана от половины положенного должностного окладного жалования лейтенанта артиллерийской морской команды — 181 руб. 73½ коп. (Табл. 4). Однако он был пожалован «не по кампаниям, а за весьма храброй и порядочной ево поступок на корабле "Европа" во время [баталии] с неприятельском турецком флотом в 1770 году и что за болезнью службы продолжать не в состоянии»³⁵⁷.

Следует отметить, что пенсии корабельным и адмиралтейским офицерам жаловались не только по выслуге установленных сроков (16 морских кампаний или 32 года), но и за время нахождения в обер- и штаб-офицерском чине («числа офицерских лет»).

Так, в «Ведомости, кто сколько получает пенсиона в год, по каким высочайшим Ея Императорскаго Величества повелениям и за что» в отношении цейхмейстера Василия Маленкова имеется следующая запись: «Хоть и сделал во время своей службы на море 26 кампаний, но в офицерском чине [был] только 11 лет...»³⁵⁸. Далее излагается, что пенсиона он не заслужил по закону, «но награждён оным в разсуждении пятидесятилетней беспорочной и действительной против неприятеля службы». Пенсия 300 руб. в год была пожалована цейхмейстеру В.В. Маленкову с 1 января 1766 г.³⁵⁹. Или: 24 марта 1774 г. Екатерина II направила рескрипт генерал-аншефу А.Г. Орлову-Чесменскому: «Находившагося при вас в Архипелагской экспедиции у письменных дел майора Ивана Миловскаго мы всемилостивейше увольняем по прошению его за старостию и болезнью от всех дел, повелевая за его службу производить ему по смерти пенсии из статс-конторских доходов по пяти сот рублей на год»³⁶⁰.

Таким образом, основаниями для назначения государственной пенсии являлись инвалидность и стойкая нетрудоспособность, принимались во внимание старость и физическая немощь, установленная нормативно-правовыми актами продолжительность военной службы и время нахождения в офицерском чине. Обязательно учитывались неблагоприятные климатические условия, продолжительность и районы плавания в Мировом океане, специфические условия воинского труда и вид боевой деятельности.

Непосредственно стаж службы (32 года на берегу или 16 морских кампаний) устанавливал право на пожалование пенсии и в ограниченных пределах определял её минимальный размер. Важно отметить, что впервые в российском законодательстве было отражено, что пенсия могла быть пожалована отставному офицеру не только по старости, немощи и утрате здоровья, но и по установленной выслуге лет (морских кампаний).

В связи с окончанием Семилетней войны с Пруссией (1756–1762) и введения Манифеста 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» количество пенсионеров в Морском и особенно в Военном ведомстве постоянно возрастало, и денежных средств на выплату им пожалованных пенсий из доходов Штатс-конторы стало не хватать. Поэтому после всеподданнейшего доклада Правительствующего Сената государыне (1 февраля 1765 г.) ею было принято решение использовать на выплату пенсий военным и морским чинам из сумм Коллегии экономии, собранных с духовных имений. Одновременно было решено уточнить количество военных и штатских пенсионеров, упорядочить их очерёдность на получение пенсионного жалования после отставки от службы, чтобы не было в их жизни и членов семьи «от не получения [пенсии] крайняя бедности» (Табл. 5).

Таблица 5

О производстве пенсий и жалования из-за недостатка в Штатс-конторе доходов из сумм Коллегии экономии (по состоянию на 1 февраля 1765 года)³⁶¹

Виды пенсий, пожалованных военным и статским чинам	Наименование и количество военных и статских чинов, получавших пенсионное жалование	Общая сумма пенсий
состоящие на военной службе и получающие по особым указам пенсионное жалование	генерал-поручик 2 ³⁶² , лейб-гвардии капитан ³⁶³	5932 руб. 73 коп.
находившиеся в отставке, получавшие пенсии или жалование свыше тех окладов, которые определены военным чинам	генерал-аншеф ³⁶⁴ , генерал-лейтенант ³⁶⁵ , бригадир ³⁶⁶ , полковник 4 ³⁶⁷ , подполковник артиллерии ³⁶⁸ майор ³⁶⁹ , премьер-майор 2 ³⁷⁰ , секунд-майор 4 ³⁷¹ , капитан 2 ³⁷² , подпоручик ³⁷³ , лейб-гвардии сержант ³⁷⁴	7269 руб. 81¼ коп.

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

находившиеся в отставке, получавшие пенсии и жалование выше тех окладов, которые статским чинам определены	генерал-аншеф ³⁷⁵ , действительный тайный советник 2 ³⁷⁶ , обер-гофмейстер ³⁷⁷ , тайный советник ³⁷⁸ , действительный статский советник ³⁷⁹ , коллежский советник ³⁸⁰ , надворный советник 5 ³⁸¹	18869 руб. 30 коп.
нынешнее Военной комиссии подтвержденное Пенсионное положение	генерал-поручик ³⁸² ; генерал-майор ³⁸³ ; бригадир — 4 ³⁸⁴	3540 руб.
отставные лейб-компанейцы, пожалованные в Кавалергардский корпус и получавшие половинную пенсию	всего 251 военный чин	24228 руб.
отставные военные чины, получавшие пенсию до введения в действие Военной комиссии подтвержденного Пенсионного положения	генерал-майор ³⁸⁵ , бригадир ³⁸⁶ , полковник 3 ³⁸⁷ , подполковник 6 ³⁸⁸ , премьер-майор 3 ³⁸⁹ , секунд-майор 7 ³⁹⁰ , капитан 6 ³⁹¹ , поручик ³⁹²	2166 руб. 69½ коп.
Итого пенсионное жалование на сумму		84161 руб. 45 коп.

Одним из источников финансирования пенсий ветеранам армии и флота являлись доходы Кабинета Ея И. В. (Табл. 6). Кабинетная сумма на время прихода Екатерины II к власти достигла 1 млн. 200 тыс. руб., что составляла 1/13 часть государственного бюджета. Так, директор Кабинета Ея И. В. А.В. Олсуфьев подал монархине 10 июля 1762 г. учётную ведомость, где излагалось: «Годовые комнатные Вашего Императорского Величества доходы суть следующие: соляного сбора — 1000000 руб.; из таможи наддаточных сверх откупной суммы — 150000 руб.; полковничья жалованья от полков гвардии — 10345 руб. 4 коп.; годовой пенсии великому князю Павлу Петровичу из Статс-конторы — 30000 руб. Итого — 1190345 руб. 4 коп.»³⁹³.

Таблица 6

Пенсии, выплаченные отставным военным и морским чинам из денежных сумм Кабинета Ея Императорского Величества в 1786 году³⁹⁴

Воинский чин, фамилия	Размеры пенсии (руб.)	Воинский чин, фамилия	Размеры пенсии (руб.)
полковник Г. Цвейфель ³⁹⁵	500	отставные из полков лейб-гвардии унтер-офицеры и армейские обер-офицеры	40 (всего 71 чел.; итого 2840 руб.) ³⁹⁶
генерал граф А.Г. Орлов-Чесменский	25000 («по смерть его») ³⁹⁷	бригадир Герздорф ³⁹⁸	600
капитан Коробьин ³⁹⁹	200	поручик Фитингоф ⁴⁰⁰	100
генерал граф Ф.Г. Орлов ⁴⁰¹	2160	генерал-поручик граф Ф.Е. Ангальт ⁴⁰²	2000
бригадир Линден	300 («вдобавок к получаемым от комиссариата» пенсии) ⁴⁰³	генеральный консул в Архипелаге (1779 – 1788) полковник граф И. Войнович	1000 (сверх жалования, по месту консульскому, в штате назначенному) ⁴⁰⁴

I. ARTICLES

Анализ показал, что в области призерения пенсионное законодательство практически не учитывало семейное положение офицера, уволенного в отставку. Пенсия для офицеров, находившихся в равных воинских чинах, назначалась в одинаковых размерах независимо от того, был ли офицер холост, а другой обременён большой семьёй, состоящей из малолетних и нетрудоспособных детей. Однако при условии отсутствия у многолетнего отставного офицера или у жены недвижимого имущества по челобитной (рапорту), представлению высших органов управления и по усмотрению монарха ему могла быть пожалована пенсия не в половинном, а в полном размере должностного окладного жалования.

Вот что писал профессор Николаевской академии Генерального штаба Русской Императорской армии генерал-майор Н.И. Соловьёв в своей монографии: «Выходящие в отставку офицеры, как семейные, так и холостые, везде, кроме хлебного жалования, получали пенсии по одному и тому же расчёту. Правительство как бы ни замечает семейства военнослужащего или отставного с пенсией до тех пор, пока он сам жив. Но со смертью такого лица государство принимает большее или меньшее участие в семье, лишившейся своего главы и в большинстве случаев кормильца»⁴⁰⁵.

Так, к примеру, была пожалована пенсия вдове и детям-сиротам адмирала В.А. Мятлева, скончавшегося в 1762 г., который до назначения в 1757 г. в Адмиралтейств-коллегию много лет являлся губернатором Сибирской губернии. По тексту прошения супруги Праксавии Яковлевны в Морское ведомство в 1762 г. видно, что у покойного адмирала остались сыновья Алексей 12 лет и Пётр 9 лет и дочери Наталия 7 лет, Мария 2 лет, Екатерина 6 месяцев. Пенсия в размере 2 тыс. руб. была пожалована от должностного жалования адмирала 3600 руб. в год, что от оклада составляет 56 %⁴⁰⁶.

Материальное положение офицеров, уволенных в отставку, но не выслуживших установленных лет для пожалования пенсии и не имевших поземельной собственности, других источников дохода, было тяжёлым, и они были вынуждены изыскивать любые возможности получить должность на штатской службе, чтобы прокормить себя и свою семью. К примеру, капитан Алексич, прибывший в Санкт-Петербург из Венеции, после 10 лет своего ревностного служения Российской империи во флоте и сухопутной армии был вынужден по причине расстроенного здоровья из-за тяжёлой и длительной болезни преждевременно выйти в отставку. Он надеялся опять поступить на военную службу, если здоровье позволит сделать это. Выйдя в отставку, он со своей семьёй поселился в Курляндии. Однако состояние здоровья отставного офицера несколько не улучшалось и не позволяло ему вновь поступить на военную службу. Алексич претерпевал бедность и нужду, постоянно искал вакантную должность в государственных учреждениях для содержания себя и своего семейства. Он обратился за поддержкой в Интендантскую экспедицию при Адмиралтейств-коллегии для определения его в Ведомство Лесного департамента в Курляндии. В Лесном департаменте он был экзаменован и найден способным исполнять должность смотрителя корабельных лесов. Однако действовал указ Павла I относительно отставных офицеров, запрещал принимать их в учреждения Адмиралтейств-коллегии⁴⁰⁷, поэтому он 21 января 1801 г. написал прошение императору, который «высокомонарше соблагволили определить его в просимую должность»⁴⁰⁸ в порядке исключения.

В прошении могли отказать. Так, указом Павла I «отставному прусской службы штабс-капитану фон Гильденеру, просившему места или пенсионера, объявляется, что первое может он искать сам собою, а на требование последнего не имеет никакого права»⁴⁰⁹.

Офицерам, которым в поощрение за беспорочную службу при выходе в отставку был присвоен очередной чин выше их штатной должности, часто пенсия назначалась по предыдущему воинскому чину, о чём объявлялось в указе монарха⁴¹⁰.

Павел I с детских лет любил военное дело, ценил достоверность фактов, краткость формулировок в документах, чёткость в ответах, точность и правдивость донесений⁴¹¹. Поэтому эти предложения, изложенные в проекте доклада Адмиралтейств-коллегии, с приложенными послужными списками офицеров⁴¹² поступали на утверждение генерал-адмирала цесаревича Павла, который накладывал соответствующие резолюции.

23 июля 1774 г. 19-летний генерал-адмирал потребовал от Адмиралтейств-коллегии: «...впредь как в определении офицеров, равно и в производстве их представлять ко мне списки на рассмотрение»⁴¹³. К примеру, в январе 1775 г.⁴¹⁴ перед каждой фамилией в именном списке морских и адмиралтейских офицеров, представленных к отставке от военной службы, он написал: «*Клеопин* (здесь и далее курсив наш. – И.Д.) кампаний не выслужил, но [пенсия] берётся службою его в Архипелаге [Средиземном море] и болезнь[ю]; *Салтанов* выслужил кампаний, [пенсии] достоин; *Шмаков* по поведению своему [пенсии] недостоин; *Реутов*, будучи по баллам обойдён, к награждению чина не следует, а по выслуге кампаний и аттестации пенсионера достоин; *Картаишев* по всему обеих милостей [повышению в следующий чин и пенсии] достоин⁴¹⁵; *Бахметьев* — согласен с Коллегией; *Дуров* по числу кампаний пенсионера достоин, а по упомянутому поступку чина [капитана 2 ранга] не достоин⁴¹⁶; *Поярко*в достоин обоих награждений; *Вяземский* — согласен с Коллегией; *Веленбахов* — отставить согласно с мнением Коллегии; *Васильев* [уволить] подполковником [а не капитаном 2 ранга], ибо он не служил по флоту [и не выходил на кораблях в море]; *Василий Култышев* — не следует ему получать пенсии и чин; *Снаксарёв* — отставить, по мнению [Коллегии]; *Жуков* — тоже», а в заключение: «В прочем с Коллегией во всём согласен. Павел»⁴¹⁷.

Далее доклад Адмиралтейств-коллегии с резолюциями генерал-адмирала представлялся на подпись императрице. После «всемиловитивейшей высочайшей конфирмовании» доклада в адрес Морского ведомства (Черноморского адмиралтейского правления)⁴¹⁸ поступал указ императрицы Екатерины II, объявлявший об отставке морских и адмиралтейских чинов от службы с присвоением новых воинских чинов и награждением их «пенсионами и [увольнения в отставку] без пенсионов». По дате получения указа он регистрировался секретарём в журнале входящих документов, далее в Канцелярии составлялся протокол, который подписывали все её члены, присутствующие на заседании (обычно семь-восемь адмиралов и флотских генералов)⁴¹⁹.

К примеру, в протоколе ГАК от 22 января 1767 г. имеется запись, что отставлены от службы по высочайшей милости Ея Императорского Величества Интендантской экспедиции советник полковничьего ранга Емельян Родичев с пожалованным воинским чином бригадира и пенсионом, капитан 2 ранга Матвей Бунков с воинским чином капитана 1 ранга и пенсионом, капитан-лейтенанты Савва Телешев и Демьян Рукин с воинским чином капитана 2 ранга, а Рукин ещё и уволен с пенсионом⁴²⁰.

Предписывалось офицеров, получивших новые воинские чины, вызвать в Адмиралтейскую коллегия, довести до них текст указа императрицы, привести к присяге⁴²¹, осуществить вычет денежных сумм на содержание адмиралтейских госпиталей и покупку медикаментов⁴²². Вычеты производились в соответствии с постановлением Правительствующего Сената от 16 апреля 1764 г. за повышение чинами по новым штатам корабельного и галерного флотов и при награждении при выходе в отставку (но не у всех увольняемых офицеров)⁴²³ следующим воинским чином по новому окладному жалованью⁴²⁴.

В архивном деле сохранился любопытный рапорт морской артиллерии капитана 2 ранга Филиппова от 16 декабря 1788 г., поданный вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышёву: «Сиятельный граф, милостивый государь и щедрый отец Иван Григорьевич! От вашего высокографского сиятельства письмо от 13 декабря получил, в оном

написано, что принадлежит до производства меня в полковничий чин, то как Адмиралтейств-коллегия определила отказать мне от награждения оным чином, потому что якобы я находился в Ревеле за старостию и болезненными припадками...». Далее Филиппов убеждает И.Г. Чернышёва, что это неправда и что письмо нанесло его «благополучию печальное и слёзное известие, а потому состарило дух». «Доношу: припадков не имею... справляю военную службу рачительно и добропорядочно, без всякого порока 46 год, кто написал ложно о моих болезнях, я не знаю». После подтверждения непосредственным начальником беспорочной службы морского артиллериста желанный воинский чин «капитан 1 ранга» капитану 2 ранга Филиппову перед увольнением в отставку был благополучно присвоен⁴²⁵.

«По силе законов», то есть в соответствии с параграфами и статьями Регламента 1765 г., офицерам, уволенным от службы с одновременным повышением чина, после вычетов или внесения суммы за повышение чина должны были напечатать патенты⁴²⁶ (Табл. 7), изготовить абшиды для проезда «в дома»⁴²⁷ и представить им из Адмиралтейской или Военной коллегии паспорта⁴²⁸ за подписью президента (вице-президента), и лишь потом уволенный мог рассчитывать на полный расчёт (по прежнему жалованью) по день отставки.

Таблица 7

Расписание, сколько следует получать в казну с патентов на воинские чины пошлин⁴²⁹

Наименование воинских чинов высших, штаб- и обер-офицеров	Размеры пошлин за изготовление оттисков государственной печати, стоимость бумаги и воска ⁴³⁰		Доходы типографии Военной коллегии			
			Пошлины за изготовление патентов		За употребляемый пергамент	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
генерал-фельдмаршал	200	50	10	—	2	50
генерал-аншеф	100	50	8	—	2	50
генерал-поручик	80	50	6	—	2	50
генерал-майор	60	50	4	—	2	50
бригадир	40	50	3	—	2	50
полковник	10	50	3	—	1	20
подполковник	6	50	2	—	1	20
премьер-майор	6	50	2	—	1	20
секунд-майор	2	50	2	—	1	20
капитан	2	50	1	50	—	60
поручик	1	—	1	—	—	60
подпоручик	1	—	—	50	—	60
прапорщик	1	—	—	50	—	60

В протоколе ГАК было записано, что пенсии отставному советнику бригадирского ранга Е. Родичеву, капитану 1 ранга М. Бункову и капитану 2 ранга Д. Рукину будут производиться из пенсионной суммы, определённой Екатериной II, на Морское ведомство.

Адмиралтейский Регламент 1722 г. требовал, если уволенный в отставку остаётся для постоянного проживания в Российской империи, «то [он] должен явиться и записаться у генерал-полицеймейстера». Если же отпущенный в отставку желал покинуть пределы страны, то Адмиралтейств-коллегия посылала письмо генерал-полицеймейстеру, «дабы

осведомился о том отпущенном, нет ли до него какого дела или долгу на нём, которой должен о том осведомляться три дни». Если нет, тогда генерал-полицеймейстер направлял письмо в Коллегию иностранных дел с уволенным в отставку, чтобы ему выдали паспорт, который должны были оформить в течение трёх дней. После получения паспорта уволенный в отставку обязан был в течение семи дней убыть из страны. При задержке он обязывался заявить об этом в Адмиралтейств-коллегии или там, где задержался, «взять письмо для свидетельства, что мешкал для какой причины»⁴³¹. Обер-секретарю Адмиралтейской и Военной коллегий предписывалось подать в Академию наук сведения об исключении офицеров из именных списков личного состава флота и армии для размещения публичных объявлений в академической типографии (издававшей с 1728 г. газету «Санкт-Петербургские ведомости»⁴³², в последующие годы вплоть до 1917 г. — военную газету «Русский инвалид»)⁴³³.

15 декабря 1799 г. император Павел I указал, «чтоб всякой выезжающий из города (Санкт-Петербурга. — *И.Д.*) куда бы то ни было публиковался в газетах 3 раза сряду»⁴³⁴. Объявления в газетах об увольнении в отставку печатались для того, чтобы офицеры, статские чины или их вдовы, уезжающие либо в отпуск в собственные имения, или для временного (постоянного) проживания за границу, могли заблаговременно произвести оплату наделанных долгов и осуществить денежные расчёты по просроченным векселям.

К примеру, коллежский советник Расходной части Экспедиции о государственных доходах Правительствующего Сената Р.Г. Державин по приказу графа А.А. Безбородко 15 февраля 1784 г. был отпущен в отпуск. Державин, отправив свои домашние вещи зимним путём на санях до Твери, а оттуда на речных судах по Волге в Казань к матери, прожил в Санкт-Петербурге ещё несколько недель, так как долго «искав занять валовую сумму до 18 тысяч рублей на расплату мелочных долгов, кои его обременяли и без удовлетворения которых он не мог выехать из столицы»⁴³⁵.

Для оплаты наделанных долгов должники могли занять средства и в государственных банках. После правления Елизаветы Петровны Екатерине II остались государственные банки Дворянский и Купеческий, также Медный банк, основанный в 1758 г. для содействия денежному обращению в стране, и две банковые конторы вексельного производства между городами, выдававшие ссуды под переводные векселя. Кроме того, на капитал медной монетой, перечеканенной в 1760 г. из пушек, основан был с той же целью Банк Артиллерийского и Инженерного корпусов. При Екатерине II капиталы заёмных банков были значительно увеличены. Но слабый контроль в администрации, отсутствие налаженного бухгалтерского учёта, частая выдача необеспеченных залогами ссуд привели к совершенному их упадку, а затем и закрытию вначале Купеческого (1782 г.), затем и Дворянского заёмного банка (1786 г.). На смену им в том же 1786 г. был основан новый, Государственный заёмный банк, капитал которого был составлен из оставшихся капиталов упразднённых банков и, сверх того, 33 млн. руб., полученных путём выпуска государственных ассигнаций. Из этой суммы 22 млн. руб. предназначались для выдачи ссуд дворянству, а 11 млн. руб. — купечеству. Позже указом (от 18 декабря 1797 года) Павел I к этому банку присоединил «Банк вспомогательный для дворянства», выдававший ссуды особыми банковыми билетами с принудительным курсом.

Для мелкого кредита были учреждены в 1772 г. ссудные и сохранные казны при опекунских советах. Кроме того, в 1775 г. производство кредитных операций было разрешено приказом общественного призрения, в ведение которых после увольнения от военной службы попадало некоторое количество отставных военных и морских чинов⁴³⁶.

Расчёты должники из отставных офицеров в большинстве случаев осуществляли с Государственным заёмным банком (Банк для дворянства⁴³⁷, его конторы были в Петербурге и Москве) по «заёмным деньгам» с обязательным закладыванием недвижимых имений⁴³⁸ как

под гарантии поручителей, так и по казённым векселям⁴³⁹. Векселя выдавались по службе от командующего флотом (отдельной эскадры, находившейся в Средиземном море), из контор (экспедиций) Военной (Адмиралтейской) коллегии и губернских учреждений⁴⁴⁰, а также от русских посольств за границей⁴⁴¹.

В случае внезапной смерти офицера, как и ранее уволенного в отставку, его наличные долги, в том числе и поручительские, выплачивали ближайшие родственники⁴⁴². Кроме того, по ранее осуществлённым и текущим долгам⁴⁴³ должен был расплатиться уволенный в отставку от военной службы офицер или его жена⁴⁴⁴. Это, прежде всего, с владельцами магазинов, трактирщиками и хозяевами лавок, поставлявших им на дом провизию и другие товары повседневного спроса, так как офицеры, особенно из знатных российских родов⁴⁴⁵, служившие в северной столице традиционно в лейб-гвардейских полках и, как часто бывало, погрязшие «в роскоши и мотовстве»⁴⁴⁶, жили по принципу: «денег чистых мало, но кредит всегда хорош»⁴⁴⁷. Выдача кредита осуществлялось с составлением письменного долгового обязательства под тройное поручительство. Выплата долга гарантировалась Вексельным уставом⁴⁴⁸. Кроме того, требовалось погасить текущую задолженность по зарплате воспитателям и учителям-иностранцам их детей, семейным докторам («за деньги всегда найдёшь врача»)⁴⁴⁹, уплатить денежные суммы за аренду съёмной городской квартиры или летней дачи, булочникам, кондитерам, портным, сапожникам, парикмахерам и т. д.

Канцелярия конфискации в столичных и московских газетах три раза подряд опубликовывала сведения о конфискованных имениях, чтобы поставить в известность Государственный банк для дворянства, кредиторов, которые предоставили заёмщикам денежные ссуды с процентами под залог их собственности и под гарантии поручителей, для возмещения расходов и получения законной денежной прибыли⁴⁵⁰. Прежде чем предоставить займы, государственные банки проверяли хозяйственную составляющую имения («наводили справки») на наличие надёжных гарантий своевременного возврата взятой под залог ссуды⁴⁵¹.

Премьер-майор А.С. Пишчевич, уволенный в 1797 г., писал в своих воспоминаниях: в течение службы «мне надобно входить в долги и безпрестанно мыслить, как занять у одного, дабы отдать другому. Выйдя в отставку, я имел их 7000 рублей»⁴⁵². Это при должностном окладном жаловании 299 руб. 42½ коп. в год⁴⁵³. Однако, имея в личной собственности имение в Новороссийской губернии и в Белоруссии, завещанное ему по духовной покойного отца, генерал-майора С.С. Пишчевича, он смог с братом и двумя незамужними сёстрами с большим трудом, при жёсткой экономии собственных расходов погасить эти огромные долги⁴⁵⁴.

Вот что писал в сентябре 1800 г. в своём дневнике отставной плац-майор И.Г. Андреев, завершивший 43-летнюю службу в войсках Сибирского корпуса в Семипалатинской крепости. «Отставлен в отставку камендант князь Ураков Василий Егорович. Он в бытность свою довёл полк в весьма хороший порядок и обучил, но напротив того — человек в жизни без порядка, имел ушников (доносителей. — *И.Д.*), входил в разные дела, много завёл следствий [на комиссаров и провиантмейстеров], грабил [нижних чинов] сколько можно и безчестно посылал по ночам подслушивать [разговоры офицеров], с честными людьми обхождения не имел, пил по ночам со своею партией; *уехавши не простясь, увёз много долгов у разных людей* (выделено нами. — *И.Д.*), а видно, что старался только набогатиться; увёз с собою старуху, канцелярскую жену и с дочерью; и многия при нём происходили неприятности, гонения офицеров и штабов, что все были рады, что сия его отставка постигла; лукав, и он что ни говорил, а другое мыслил; поступок его весь был алгвазила (*alguaciл исп.* — жандарм; в переносном смысле — "мошенник", "разбойник", "пират" и т. п.)»⁴⁵⁵.

Отставной офицер обязан был заплатить долги, взятые им в солдатской (матросской) артели (Рекрутской канцелярии)⁴⁵⁶, чтобы затем после «отвальной» с однополчанами мог с чистой совестью сказать самому себе: «Слава тебе, Господи: и сыт, и пьян, и никому не должен»⁴⁵⁷.

Однако, несмотря на объявления в газетах, у некоторых офицеров оставались неоплаченные счета. Так, 3 октября 1784 г. кредитор С. Ликв в Копенгагене обратился к российскому посланнику при датском дворе: «Покорнейше прошу его превосходительство господина барона [К.И. Остен-]Сакена сильным своим представительством сыскать следующие деньги», — и представил ему список должников.

Капитан бригадирского ранга Никифор Палибин, отставленный 28 июня 1784 г.⁴⁵⁸, задолжал 1353 руб. Капитан (ранг не указан) фон Гревинс взял в долг в Архангельске 120 руб., будучи в капитан-лейтенантском чине. Также капитан-лейтенантом занял в Ревеле 100 руб. и капитан фон Штейнгель. Штаб-лекарь Борнеманн имел долгу 164 руб. Административным расследованием было установлено, что штаб-лекарь Борнеманн в то время во флоте служил лекарем, отставлен 13 ноября 1777 г. Лекарь Б. Кризеус также имел долг 165 руб., служил на кораблях русского флота, бывшем в 1-й архипелагской экспедиции в Средиземном море, затем находился в командировке в итальянском городе Ливорно. Капитан Бухарин⁴⁵⁹ — 131 руб.; бригадир Мельников⁴⁶⁰ занял в Кронштадте 42 руб., будучи ещё в капитанском чине; капитан Н. Бодиско 131 руб. занял в Ливорно, находясь тогда в чине лейтенанта⁴⁶¹; там же взял в долг 290 руб. капитан (ранг не указан) С. Телепнёв, но капитан-лейтенантом; эскадренный секретарь Р. Адамс — 130 руб.; капитан Пенс — 76 руб. Должник капитан (ранг не указан) Пенс утонул при плавании «новоманирных» судов Донской военной флотилии, деньги были взяты в долг, когда он состоял в капитан-лейтенантском чине⁴⁶².

Чтобы не допустить явлений с невозвращёнными долгами по кредитным векселям, позорящих офицеров, Верховный Тайный совет, Кабинет Ея И. В., Сенат, Военная и Адмиралтейская коллегии, прочие ведомства предписывали своим подчинённым учреждениям заблаговременно выявлять должников («учинять справку об векселях»)⁴⁶³ и принимать надлежащие меры по своевременному возврату долгов сослуживцам, отечественным купцам и торговым иностранцам. Между тем правительство предписывало русским послам (посланникам, консулам, торговым агентам) за границей собирать подробные сведения о торговых людях и комиссарах, за которыми числилась денежная недоимка перед русской казной, и принуждать их по закону к полной оплате долгов⁴⁶⁴.

Одной из основных причин долгов у офицеров была карточная игра, когда проигрывалось не только должностное жалованье, но и родовые имения. Российские законы не признавали карточного долга, он потому назывался «долгом чести» и юридическому взысканию не подлежал. Правительство пыталось законодательно запретить карточные «раззорительные» игры, высылая за границу приехавших играть «карточных академиков»-иностранцев, а наиболее рьяных картёжников из россиян планировалось поимённо печатать в газетах, но игры продолжались. Не помогали и экономические меры, принимаемые против картёжников. Так, 7 декабря 1765 г. от Комиссии о коммерции поступил всеподданнейший доклад, в котором предлагалось наложить «на иностранные карты для игры пошлин по 2 рубля за дюжину да на каждую игру карт, здешних и привозных, по гривне за клеймо»⁴⁶⁵.

А.С. Пушкин описал карточную игру ротмистра гусарского полка И.И. Зурина и П.А. Гринёва в Симбирске, по пути последнего на службу в Оренбургскую губернию в крепость Белогорскую. И.И. Зурин, воспользовавшись неопытностью П.А. Гринёва, напоив спиртными напитками до помутнения разума, обыграл его, повесил на юношу карточный долг и рано утром прислал посыльного из трактира с запиской: «Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах. Готовый к услугам Иван Зурин»⁴⁶⁶.

7 ноября 1798 г. император Павел I приказал генерал-лейтенанту Ф.В. Растопчину передать сведения «Г.Л. Кологривову [о том], что у него в полку офицеры играют в карты, между прочими — князь Волконский и что государь взыщет на шефе [полка]»⁴⁶⁷.

18 января 1800 г. монарх объявил указ Сенату: «По делу, производившемуся в Генерал-аудиториате касательно проигранных в карты казённых денег мушкетёрского Меркулова полку аудитором Хорошавиным в Москве, повелеваем: его, Хорошавина, и всех с ним в оном участвовавших, а именно: отставного регистратора Швецова, отставного капитана артиллерии Шапилова, отставного майора Лынского, отставного кадета Белецкаго, купца Зарубина, в доме которого они играли, отставного капитана Дмитриева и отставного же капитана князя Бибарсова, лиша чинов и дворянства всех тех из них, кои их имели, всех вообще в сём указе написанных послать в Нерчинск вечно, на каторгу»⁴⁶⁸.

Воинский устав 1796 г. содержит главу LXX «О долгах офицерских», написанную, судя по стилю изложения материала, императором Павлом I: «Непорядочное поведение многих офицеров довело до долгов, для предупреждения которых повелевается всем субалтерн-офицерам (обер-офицерам. — *И.Д.*) не делать оных, не занимать [деньги] или не брать товары в кредит...». Устав требовал долг обер-офицера удерживать из его должностного окладного жалованья. Вычеты из жалованья командиру полка следовало производить по особому указу с таким расчётом, чтобы обер-офицер из оставшейся суммы имел возможность приобрести в случае необходимости новые предметы военной форменной одежды. Если же размеры долга были велики и не представлялась возможность их выплатить, обер-офицера предписывалось арестовать и использовать всё жалованье для погашения долга. Если же задолжали унтер-офицер или солдат (матрос), то за них долги Военным (Морским) ведомством не выплачивались. Унтер-офицера подлежало разжаловать в рядовые, а солдата прогоняли сквозь строй полка и направляли в гражданский суд⁴⁶⁹. Если обыватель, частное лицо, дал деньги в долг офицеру и от того понёс материальные потери, «то должен будет причесть оный собственной своей вине». Данное положение для ознакомления с ним подлежало обязательной публикации во всех издаваемых газетах Российской империи.

19 декабря 1800 г. по указанию монарха был введён в действие в Российской империи Устав о банкротах⁴⁷⁰, основной целью которого, по словам Р.Г. Державина, было «воздержать дворянство от мотовства и делания долгов, и для того доверенность к ним сжать в теснейшие пределы»⁴⁷¹. В случае банкротства офицера, взявшего ссуду⁴⁷² или совершившего кражу (трату) денежных и материальных средств при нахождении на военной службе, его долги выплачивали близкие родственники (наследники) или те должностные лица, которые являлись поручителями⁴⁷³. Также оставшиеся долги умершего офицера (чиновника) его кредиторам или взятые под отчёт казённые денежные и материальные средства выплачивали родственники, в том числе «из жениных деревень», и даже малолетние дети «за усмотрением родственников и душеприказчиков их (опекунов⁴⁷⁴. — *И.Д.*)», используя при этом средства, вырученные от продажи недвижимого имущества⁴⁷⁵ или предоставленный по указу монарха беспроцентный кредит из Государственного банка для дворянства под залог недвижимого имущества (душ мужского пола) на индивидуально установленный срок (от 1 до 20 лет), с вычетом ежегодно определённой денежной суммы из полученных доходов⁴⁷⁶.

Так, княгиня Е.Р. Дашкова, овдовев в 20 лет (командир лейб-кирасирского полка, полковник князь М.И. Дашков умер в 1764 г., в 28 лет), крайне стеснённая в денежных средствах и, по сути, отринутая родными и близкими, которые не простили ей активное участие в незаконном свержении императора Петра III, проявила удивительную способность противостоять навалившимся на неё бедам. Имея на руках двух малолетних детей, почти на пять лет она удалилась в своё калужское имение Троицкое, где отказывая себе во всём, кроме самого необходимого для личного быта, принялась хозяйствовать на земле, копить деньги для оплаты огромных долгов, сделанных её покойным мужем. Перед отъездом из Санкт-Петербурга Е.Р. Дашкова отдала трём основным кредиторам мужа часть своих драгоценностей и почти

всё столовое серебро, оставив себе лишь вилки и ложки на четыре куверта. Она уезжала в Москву с твёрдым намерением оплатить долги князя М.И. Дашкова, не прибегая к помощи казны и не продавая родовые поместья, предназначенных по праву наследства для её детей (сына и дочери). В своих «Записках», княгиня отметила: «Если бы до моего замужества мне сказали, что, воспитанная в роскоши и расточительная, в свои 20 лет я буду отказывать себе во всём, кроме самой простой одежды, я бы не поверила». Расплатившись с долгами покойного мужа, Дашкова в конце 1769 г., с трудом получив на то разрешение Екатерины II, оформив паспорт, вместе с дочерью и сыном выехала в продолжительное путешествие по странам Западной Европы⁴⁷⁷.

Однако были случаи, когда долги военного чина прощались, и Екатерина II принимала судьбоносное решение не в пользу кредиторов, а в пользу просителя.

Так, 4 сентября 1762 г. на прошение сироты, кадета Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Никиты Бачманова, пришедшего в нужду и бедность, монархиня наложила резолюцию: «Начёт упустить, а описанное имение возвратить»⁴⁷⁸. 10 ноября 1764 г., после более 50 лет службы, был уволен в отставку от всех дел тайный действительный советник и сенатор И.И. Неплюев. Ему на оплату наданных долгов было пожаловано из казны самодержицей всероссийской 20 тыс. руб.⁴⁷⁹. 11 ноября 1764 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ: «Из выданных в [1]755 году покойному адмиралу [А.И.] Полянскому 6000 рублей, оставших на нём по майскую сего года треть, повелеваем с наследников его не взыскивать»⁴⁸⁰. Другой пример: имения генерал-поручика И. Хорвата, допустившего служебные злоупотребления и воровство казённых средств, отпущенных на финансирование переселенцев-сербов, многократно бравшего взятки от соплеменников, были описаны Канцелярией конфискаций и взяты на баланс Дворцовой конторы. 31 августа 1773 г. монархиня именным указом, объявленным из Военной коллегии, повелела удерживать с конфискованных деревень по 2,5 тыс. руб. ежегодно «для выплаты долгов казённых и партикулярных», из них на содержание самого И. Хорвата отпускать 500 руб.⁴⁸¹. Огромные долги умершего в 1791 г. генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического были заплачены непосредственно Екатериной II⁴⁸². Однако Павел I, люто ненавидевший светлейшего князя, потребовал от родственников покойного оплатить его долги⁴⁸³.

В большинстве же случаев власти прилагали усилия, чтобы выданные заёмщикам кредиты были в течение определённого времени возвращены законным владельцам или их наследникам. Как правило, наследникам умершего должника разрешалось продавать городской дом, часть имения или даже всё, чтобы расплатиться с долгами⁴⁸⁴. Лица, которые не могли выплатить в указанные в векселях сроки взятые кредиты, арестовывались⁴⁸⁵ и помещались по решению суда в долговое отделение тюрьмы⁴⁸⁶.

Чтобы оплатить долги покойного отца, поручик Василий Анненков обратился к императрице Екатерине II с нижайшей просьбой о помощи, которую он написал в стихах: «...Будь ты нам премилосердна, / Всеблагая россос мать. / Просим мы тебя усердно / Нас, упавших, поддержать. / Повели взять в Банк заёмный / Всё имение от нас / И двенадцать тысяч долгу / Повели отдать за нас, / А с имения доходы / На уплату обратить, / Чтоб в различные мы годы / Долг могли весь заплатить. / Призри щедротой твоею / На страдания сии / И на нашу семью слезну, / о монархиня, воззри»⁴⁸⁷. О дальнейшей судьбе прошения поручика В. Анненкова нам ничего неизвестно.

19 июля 1784 г. правительство своим постановлением предписало производить вычеты из окладного жалованья или пенсии у находившихся на действительной военной службе и у отставных офицеров по наложенным на них денежным взысканиям в той расчётной кассе учреждения, откуда выдача жалованья или пенсии им осуществляется⁴⁸⁸.

При увольнении в отставку проверялись приговоры Военной и Адмиралтейств-коллегии в отношении военных и морских чинов, у которых имелись невыплаченные долги и денежные начёты, наложенные за недостачи военного имущества и прочие упущения по службе при нахождении их на материально-ответственных должностях⁴⁸⁹.

Особое внимание при приёмке-сдаче дел и должности, депутатском смотре, ревизиях, при плановой и внезапной проверке хозяйственной деятельности традиционно обращалось на материально-ответственных лиц флотского и войскового тыла (то есть находившихся на должностях корабельных и береговых комиссаров, секретарей, провиантмейстеров, экипажмейстеров, квартирмейстеров, баталеров, боцманов, артельщиков, магазин-вахтёров, шкиперов), а также и на других содержателей материальных и денежных средств, как то: писарей, канцеляристов, отставных лейб-гвардии унтер-офицеров-присяжных при казне в уездных казначействах и казённых палатах, лекарей, аптекарей, бывших «у приходов и расходов», а также воевод и военных комендантов. Эти должностные лица в отдалённых, на вновь учреждаемых на новозавоеванных землях, адмиралтействах (военных портах, крепостях) на юге страны часто были в некомплекте, поскольку на эти места правительством предписывалось командованию армии и флота назначать только «достойного и пожиточного человека»⁴⁹⁰.

Всем материально-ответственным лицам ещё со времён великого реформатора России категорически запрещалось «в дома от адмиралтейства никаких материалов и корабельных припасов ни за деньги и без денег не отпускать, кроме домов Е. Ц. В.»⁴⁹¹.

Также проверялась хозяйственная деятельность командующих армиями и флотами (эскадренных командиров, находившихся в плавании), чиновников адмиралтейских и военных экспедиций, командиров пехотных и кавалерийских полков (линейных кораблей и военных судов), главных командиров и капитанов контор над военными портами, совершавших приходно-расходные операции, связанные с покупками и подрядами. Для чего сверялись денежные суммы, взятые ими в аванс для оплаты поставляемых (закупаемых) материальных средств, а также поступление материалов по срокам, их количество и качество. На материальные средства, приобретённые ими за плату для личного пользования, при ревизиях, сдаче дел и должности они должны были предъявлять ревизору счета, акты, квитанции и прочие оправдательные отчётные документы.

Ежегодно в Ревизион-коллегию секретари всех коллегий, контор и канцелярий представляли для проверки ревизорам денежные счета в указанные законодательством сроки. Традиционно ежемесячно, «по происшествии каждого месяца в третий день», в правительство (в течение XVIII в. Правительствующий (Высокий) Сенат, Верховный Тайный совет, Кабинет министров Ея И. В.) подавались ведомости о приходе и расходе денежной казны из Сената, Синода, коллегий, канцелярий и контор.

Устав морской 1720 г. требовал, «когда командир на корабле переменяться будет, то ему прежде с корабля не съезжать, пока не отдаст все щеты (счета. – *И.Д.*) и росписи [в книгах] тому, кто его сменять будет, под лишением [воинского] чина»⁴⁹². Эти жёсткие требования были сохранены и в Уставе военного флота 1797 г.⁴⁹³. Командир полка при увольнении в отставку от военной службы был обязан представить в Военную коллегию для проверки книги учёта материальных средств с приложением к ним приходно-расходных документов, которые велись в полку⁴⁹⁴.

Основная причина усиления контроля — всё увеличивающиеся злоупотребления командиров полков, вступавших в сговор с провиантмейстерами и комиссарами.

Генерал-поручик С.М. Ржевский утверждал, возможно, несколько сгущая краски, что эти злоупотребления полковых командиров были распространены во всех полевых и гарнизонных полках русской армии, «а прочие же развратности меньшей важности, так

многочисленны, что написать их не можно, и оне всякий день произрастают»⁴⁹⁵. По свидетельству другого современника, князя И.М. Долгорукова, писавшего, что когда он «был в Пензе вице-губернатором, [полковник Д.М.] Тараканов командовал там же карабинерным полком; известно, что тогда [из предпочтений и материальных льгот, которую давала должность полкового командира] это стоило [по доходам] вотчины»⁴⁹⁶.

Другой очевидец, капитан А.С. Пишчевич, проходивший службу сверх комплекта в Ростовском карабинерном полку командиром эскадрона, отметил, что полковой командир «получал в год (доходов. — И.Д.) от полка около тридцати тысяч рублей»⁴⁹⁷. Он же писал о злоупотреблениях командира Нарвского карабинерного полка полковника Елчанинова, который рассматривал полк как средство, чтобы «обогатить себя как можно скорее, но смерть ускорила прекратить его жизнь прежде события сего намерения». Сменивший его полковник фон Бринкен «был человек уже лет немолодых, недостаточный и обременённый семейством, и потому положил потихоньку набивать карман; карабинерный полк подавал к тому случай, [по доходам] равнявшийся с посредственной деревней». Нисколько не отличались от него офицеры-соплеменники, которых в полку было большинство⁴⁹⁸ (природных русских только пять человек): «Сотоварищи мои, господа немцы (командиры эскадронов — И.Д.), расположившись по квартирам, показали себя, сколь оны были гораздо набивать свои карманы, и, не выезжая никуда, изобретали средства к лучшему себя обогащению»⁴⁹⁹. Немцы же, «если сидели на местах, где можно было попользоваться на счёт ближнего [сослуживца], там они всегда, бывало, перешеголяют русского»⁵⁰⁰. Так подполковник фон Спаниенберг утверждал, «что для полковничей прибыли квартирование [полка] внутри России был золотой источник и что г-ну Бринкену, как пожилому человеку, надлежало помышлять о деньгах, которыми [можно распоряжаться по своему усмотрению, чтобы] остатки своих дней проводить [на курортах и в кругу семьи]»⁵⁰¹.

Французский посол при русском дворе граф Л.-Ф. Сегюр писал в воспоминаниях, что «полковые командиры наживались так, что даже не скрывали этого и считали делом совершенно естественным и законным получать таким способом от 20 до 25 т[ыс. руб.] ежегодной прибыли»⁵⁰².

Екатерина II о злоупотреблениях, жалобах и массовых «неисправностях по части комиссариатской»⁵⁰³ о высокопоставленных лихоимцах, «кои рыбу ловили в мутной воде»⁵⁰⁴, хорошо знала и всячески пыталась уменьшить размеры, нанесённого ими материального ущерба, однако ей не хватало настойчивости и целеустремлённости. Так, 10 марта 1785 г. Екатерина II писала из Москвы в Ригу генерал-губернатору Лифляндской губернии графу Ю.Ю. Броуну: «Как только ваше письмо попало мне в руки, я немедленно приказала впредь платить больше генералитету и войскам, дабы им не было надобности помышлять о ненавистных подрядах и откупках»⁵⁰⁵. Однако командный состав российских эскадр, крейсировавших для поддержки вооружённого нейтралитета в 1780–1783 г., при деловых заходах в порты иностранных государств наделал столько долгов, что погашением их была вынуждена заниматься лично монархиня. Так, 1 мая 1783 г. Адмиралтейств-коллегия приговорила: «...из бывших прежде на эскадрах в иностранных местах морских офицеров и служителей некоторые, тамошним жителям задолжав и не заплатя денег, оттуда отбыли; по дошедшему ж сюда известию, угодно было Ея И. В. по сим долгам надлежащее взыскания учинить и деньги туда переслать, а начальникам эскадр, в чужие края отправляемым, предписывать, дабы таковы должники всегда прежде отъезда своего долгам своим удовлетворяли, вследствие чего и рекомендовать ему, дабы офицеры эскадры его в иностранных местах не токмо в долги впадать могли, но и до того же не были допускаемы, в чём за ними иметь строгое смотрение, и командирам кораблей и фрегатов подтвердить [получение приказа]»⁵⁰⁶.

Адмирал П.В. Чичагов отметил в своих записках, что «содержание военных в России вообще очень недостаточно, и это одна из причин, заставляющая некоторых заниматься взыточничеством в продолжение почти всей службы за неимением собственных своих средств. Недостаточность их особенно присуща русским морякам... Жертвы и лишения, которым подвергаются поступающие в морскую службу, не получают соразмерного вознаграждения. Поэтому-то люди поблагоразумнее кончают тем, что, замечая это, отвращаются от своего ремесла и бросают его при первой возможности пристроится куда-нибудь получше. Из этого следует, что на службе остаются лишь люди бедные или недалёковидные»⁵⁰⁷.

6 ноября 1796 г. и следующие дни царствования Павла I воистину стали чёрными для военных и штатских хапуг, так как «наступил конец золотого века грабителей»⁵⁰⁸.

Декабрист подполковник барон В.И. Штейнгель, участник длительных плаваний, морская служба (девяти лет от роду, в 1792 г., был помещён в Морской кадетский корпус) которого началась в последние годы правления императрицы Екатерины II, вспоминал: «команда корабля бывала таже [родовая] деревенька для капитана!.. Сказать это обо всех: были исключения, вспоминаем большинство, массу»; «капитаны любили бражничать»; «в порте был во всё недостаток, и воровство было непомерное как в Адмиралтействе, так и на кораблях». Однако с началом царствования Павла I «на корабли стало доходить [до матросов] всё положенное по штату [нормам и табелям] с совершенною точностию. Команды обратились к настоящей службе только. Барщине был положен решительный конец и навсегда... В этом отношении строгость его принесла великую пользу»⁵⁰⁹. Существенно при правлении Павла I улучшилось и питание нижних чинов в полках, до солдат начали доводить полностью установленную норму продовольственного пайка. Самодержец сам несколько раз питался с рядовым составом войск столичного гарнизона и всегда был доволен количеством и качеством приготовленной пищи. Более того, по свидетельству современника, генерала графа Л.Л. Беннигсена, активного участника царевубийства 11 марта 1801 г.: «Император приказывал при каждом случае [нижним чинам] щедро раздавать мясо и водку в петербургском гарнизоне»⁵¹⁰. «Начиная с Павла, — свидетельствует другой современник, генерал А.Ф. Ланжерон, — довольствие всегда выдавалось точно и даже до срока. Полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам»⁵¹¹.

12 января 1797 г. монарх подписал именной указ, предписывающий государственному казначею «О обревизовании счетов о приходах и расходах, на воинские потребности производимых, в своих департаментах посредством особых счётных экспедиций, при Военной и Адмиралтейской коллегиях учреждённых»⁵¹². И положительные результаты жёсткого контроля за расходованием денежных и материальных средств в армии и на флоте сказались в самое ближайшее время.

Так, в 1797 г. генерал-провиантмейстер П.Х. Обольянинов сэкономил на подрядных поставках провианта армии 1 млн. 700 тыс. руб., при этом обеспечил текущие потребности войск и создал необходимые неприкосновенные запасы продовольствия. Император остался доволен его умелыми и добросовестными действиями, поставил в пример другим генералам и наградил П.Х. Обольянинова высоким орденом Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками, а ведущего специалиста коллежского советника Провиантской экспедиции Д.Б. Мертваго — орденом Св. Анны 2-й степени. В 1798 г. Д.Б. Мертваго был пожалован воинский чин генерал-майора⁵¹³.

Император Павел I организацию увольнения обер- и штаб-офицера от военной службы в отставку возложил на шефа полка, который затем представлял документы вышестоящему командованию для направления дела в Канцелярию Военной коллегии⁵¹⁴. Как при назначении военного чина на должность, так и при сдаче её Сенат, Военная (Адмиралтейская)

коллегия требовали от подчинённых им структур отчёта, «не был ли он у приходу и расходу какого [материального средства] и, буде был, сочтён ли». До того как материально-ответственное лицо не было «сочтено», денежное жалование ему не выплачивалось.

Исследуя архивные делопроизводственные материалы, А.И. Филиппов пришёл к выводу, что в коллегиях и конторах данное негласное положение «вошло как бы в обычай, особенно в тех должностях, которые имели прямое отношение к денежным сборам, интересам казны и пр., не выдавать жалования впредь до благополучной сдачи своей должности данным лицом или до окончания расчётов с казною; это, конечно, ставило служащих в весьма затруднительное положение»⁵¹⁵.

Лица, нанесшие своей служебной деятельностью казне материальный ущерб, возмещали его из своего жалования вплоть до полной его выплаты. Если же на погашение долга у офицера не хватало денежного жалования, то должник арестовывался, а весь причитавшийся ему должностной оклад шёл на погашение взятого обязательства⁵¹⁶. Кроме того, подвергались аресту и затем описывались Канцелярией конфискацией, с соблюдением установленных нормативно-законодательных актов («ежели за утрату казённых денег у военнослужащих по суду отписаны будут») ⁵¹⁷, их имения, пожитки, личное имущество, а затем продавались на открытых торгах. Так, 29 декабря 1800 г. Павел I объявил указ Сенату: «...за оказавшийся недостаток суммы при сдаче полка бывшего имени генерал-майора Повалошвейковского 2-го, повелеваем имение его, в пример другим, конфисковать в казну»⁵¹⁸. Также из пенсий, кроме тех, что получали нижние чины армии и флота, отставные военные чины, проживающие постоянно за границей, делались такие же размеры денежных вычетов, как из окладного должностного жалования штаб- и обер-офицеров.

Система удержаний из пенсий отставных военных и морских чинов была введена ещё при правлении Петра Великого, не отменяли её и его преемники на российском троне⁵¹⁹.

С целью удовлетворения казённых взысканий было постановлено: из пенсий, получаемых из Казначейства, по третям финансового года удерживать половину денежной суммы за материальный ущерб, нанесённый государству (частному лицу)⁵²⁰, вплоть до полной выплаты долга, а из пенсий же, получаемых из присутственных мест, — по усмотрению непосредственного начальства⁵²¹. При этом, с тем чтобы не подвергнуть сомнению правильность и достоверность денежных взысканий за нанесённый ущерб, Цалмейстерская (Казначейская), Подрядная, Контролёвская конторы (экспедиции) обязаны были показывать долги, числившиеся за материально-ответственными лицами⁵²².

При увольнении отставных офицеров от службы в отставку обер-секретарь Адмиралтейств-коллегии сообщал ордерами о присвоении им новых воинских чинов и произведённых вычетах на морской госпиталь главным командирам и командирам военных портов, в Московскую, Казанскую, Тавровскую адмиралтейские конторы, направлял экстракты в экспедиции Морского ведомства, контролировал получение от них присланных рапортов о фактическом исполнении положений данного высочайшего указа.

Для подготовки приказа президента Адмиралтейств-коллегии об исключении отставного офицера из списков личного состава и снятия со всех видов табельного довольствия предварительные действия проводили канцеляристы приказного повытья.

Оформление комплекта документов, требуемых для получения пенсий уволенным в отставку офицерам, осуществляла канцелярия Адмиралтейств-коллегии совместно с Казначейской экспедицией. Прежде всего, отставные офицеры писали рапорта, где указывали населённый пункт, избранный ими для постоянного проживания⁵²³ после увольнения от службы («где будут иметь жительство») ⁵²⁴, и называли государственное учреждение, откуда они желали бы получить назначенное им пенсионное жалование.

Так, 24 января 1767 г. подканцелярист приказного повытья Канцелярии Адмиралтейств-коллегии С. Федорцов доложил своему начальнику, что «отставленный от службы флота капитан 1 ранга Матвей Бунков объявил, что пожалованный от Ея Императорского Величества пенсион получать желает от Новоторжской воеводской канцелярии», а «капитан 2 ранга Демьян Рукин... от Московской адмиралтейской конторы».

7 февраля 1767 г. повытье вооружения и разоружения флота направило в приказное повытье Канцелярии Адмиралтейств-коллегии сообщение о том, что бригадиру Емельяну Родичеву под роспись объявлен указ императрицы о его отставке. После чего он, по установленной традиции для военных и штатских служащих Российской империи, принёс присягу при повышении в чине («клятвенное обещание») ⁵²⁵. Всего лишь неделя ему понадобилась на раздумье, в результате он пожелал получать пенсионное жалование от Устюжна-Железнопольской провинциальной канцелярии. Ему было выплачено заслуженное денежное жалование включительно по день увольнения от военной службы, произведены денежные вычеты на содержание госпиталя и покупку медикаментов, вручены абшид и паспорт.

Анализ справки, представленной из Казначейской экспедиции в приказное повытье Канцелярии Адмиралтейств-коллегии, показал, что заслуженное жалование бывшему советнику Интендантской экспедиции Емельяну Родичеву произвели по полковничьему окладу. Размер его оклада составлял 50 руб. в месяц. С 1 января по 20 января 1767 г. (день выхода по указу Екатерины II в отставку) ему полагалось за 19 дней из полного месячного окладного жалования 30 руб. 64 коп. Кроме того, ему выплатили за 19 дней жалование на содержание шести денщиков (из расчёта 52 коп. в месяц на каждого). Из вышеуказанной суммы произвели вычеты на покупку медикаментов по 1½ коп. с одного рубля (46½ коп.) и на содержание госпиталя по 1 коп. с одного рубля (30¾ коп.). Также ему полагались 1 руб. 91½ коп. на денщиков (с учётом удержания с них на медикаменты 2 коп.). Общая сумма выплаты заслуженного жалования на день отставки от службы советника полковничьего ранга Емельяна Родичева составила 31 руб. 78¼ коп.

Методика расчётов заслуженного денежного жалования на день отставки офицера, уволенного от военной службы, была установлена при императоре Петре Великом. Его преемники на российском троне оставили её практически без особых изменений⁵²⁶. С 30 июня 1790 г. правительство предписало не выплачивать отставным офицерам жалование на денщиков — денежную компенсацию, положенную по их воинскому чину, и рационов, если об этом в указе об увольнении от военной службы не упомянуто⁵²⁷. Введённый 25 февраля 1797 г. указом Павла I Устав военного флота увеличил количество денщиков, полагаемых высшим, штаб- и обер-офицерам согласно Уставу морского 1720 г. («у кого сколько надлежит слугам на жалование Его Величества»): генерал-адмиралу 18 денщиков (было 15), адмирал 16 (11), вице-адмиралу 12 (9), контр-адмиралу 10 (7), капитан-командору 8 (5), капитану 1 ранга 6 (4), капитану 2 ранга 4 (3), капитан-лейтенанту 3 (2), лейтенанту 2 (1), мичману 1, двум гардемаринам 1 (трём 1). Если же денщик из матросов заменялся офицером собственным слугой, его зачисляли на линейном корабле на котловое пищевое довольствие, обеспечивали морским мундиром за государственный счёт, а его хозяину выплачивали ещё и 50 руб., за то что он вместо очередного рекрута назначил слугой своего крепостного крестьянина⁵²⁸.

Важнейшим моментом при оформлении пенсии отставного офицера армии и флота являлось определение её размера, так как не во всех выявленных нами указах Екатерины II назывались размеры конкретной денежной суммы пенсионного жалования⁵²⁹. Обычно императрица накладывала резолюцию такого содержания, как 13 января 1765 г. на выписке из челобитной отставного морской артиллерии капитана 3 ранга Пасынкова: «Отослать в Адмиралтейств-коллегию для определения пенсии»⁵³⁰.

Пожалование пенсии, как уже отмечалось, производилось и в размере половинного положенного окладного жалования последнего воинского чина, в котором офицер проходил свою действительную военную службу. Пожалование пенсии в размере полного окладного жалования по старому или новому воинскому чину, произведённому при отставке⁵³¹, отражалось либо в именном высочайшем указе⁵³² или высочайше подтверждалось Ея И. В. на докладе Военной (Адмиралтейской) коллегии⁵³³.

Так, 10 июня 1763 г. объявлен указ Сенату: «Бригадир Андрей Чернышов всеподданнейше просил нас об увольнении его от службы, которой он за болезнь свою нести не может. И мы, всемилостивейше соизволяя быть ему вечно свободным от военной и гражданской службы, жалую притом генерал-майором и повелеваем производить ему вместо пенсии полное бригадирское жалование из воинской пенсионной суммы»⁵³⁴. К примеру, именным указ императрицы Екатерины II от 1 апреля 1766 г. об увольнении в полную отставку по состоянию здоровья и возрасту члена Правительствующего Сената генерала князя Я.П. Шаховского, находившегося более 46 лет на военной и штатской службе, объявлял ему высочайшую монаршую милость: «...за долговременную его верную и усердную нам и Отечеству службу повелеваем вместо *пенсии* (здесь и ниже выделено нами. – *И.Д.*) производить по смерти *нынешнее* [сенаторского] *его жалование*»⁵³⁵. Или, 28 июня 1782 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ, повелевающий «всемилостивейше» уволить «из службы нашей капитана генерал-майорского ранга Петра Бешенцова, генерал-майора и обер-экипажмейстера Андрея Тишевского с полным их нынешним жалованием; капитана чина бригадирского Никифора Палибина — с чином генерал-майора и *обыкновенною пенсией*»⁵³⁶.

Иногда в указе объявлялась причина увольнения в отставку от службы, заслуги ветерана, пожалованного окладным жалованием (пенсией), а также источник выплаты пенсии. К примеру, 21 апреля 1785 г. высочайший указ повелевал «генерал-майора и флота обер-интенданта Ивана Ильина за болезнями его всемилостивейше» уволить «от всех дел и в разсуждении долговременной его службы» производить «ему по смерти из флотской суммы *нынешнее его жалование*»⁵³⁷.

1 января 1787 г. Екатерина II направила в Адмиралтейств-коллегию именным указ: «По докладу... всемилостивейше увольняем из службы нашей генерал-майора и капитана надпортом галерным Тараса Воронова и присутствующего в Адмиралтейской казанской конторе капитана 2 ранга Александра Сукина, указав производить им по смерти *нынешнее их жалование* из Казначейства, покуда они по старшинству их пенсионную сумму, для Морского департамента определённую, помещены быть могут»⁵³⁸.

28 июля 1788 г. высочайшим указом при увольнении был отмечен вклад адмирала А.Н. Сенявина в развитие флота: «По прошению нашего адмирала Сенявина за болезнями его всемилостивейше увольняем его от всех дел и в разсуждении долговременной и усердной его службы повелеваем по смерти его *производить ему полное жалование, ныне им получаемое* (выделено нами. – *И.Д.*)»⁵³⁹. Выплата ему пенсионного жалования производилась из выделенной флоту общей адмиралтейской суммы⁵⁴⁰. Или, высочайший указ направленный Адмиралтейств-коллегии 14 апреля 1789 г.: «По прошению генерал-поручика и флота нашего генерал-цейхмейстера Фёдора Пасынкова за старостию и слабостию здоровья всемилостивейше увольняем его от всех дел, повелевая производить ему по смерти *нынешнее его [должностное] жалование*»⁵⁴¹.

К примеру, 1 января 1790 г. Адмиралтейств-коллегия получила именным указ, который предписывал уволить «флота капитанов 1 ранга Петра Карцова, 2 ранга Павла Зиновьева, морских баталионов майора Алексея Першина и артиллерии морской капитана 3 ранга Евграфа Дурново по прошению их за слабостию здоровья и болезнями... от всех дел с награждением

из них: Зиновьева чином капитана 1 ранга, а Першина подполковничьим, и при том... Карцову и Зиновьеву производить в пенсию половинное их жалование из пенсионной суммы; флота же капитан-лейтенантов Василия Глебова и Ивана Смирнова за неодобрением от начальства исключить от службы теми же чинами»⁵⁴².

В ЦАНО хранятся делопроизводственные материалы о назначении пенсии в апреле 1796 г. бывшему правителю Нижегородского наместничества генерал-поручику И.С. Белавину. Указ Правительствующего Сената объявлял, что «по имянному Ея Императорского Величества указу, данному на имя господина действительного тайного советника генерал-прокурора и кавалера сего ж марта в 13-й день за собственноручным Ея Величества подписанием, в котором изображено: "Граф Александр Николаевич! Генерал-поручикам правителям наместничеств Пензенского Ивану Ступишину и Нижегородского Ивану Белавину, уволенным от службы, повелеваем производить по смерти в пенсию *нынешнее их жалование*". Правительствующий Сенат приказали: о сём высочайшем Ея Императорского Величества соизволении дать знать вам господину генерал-поручику и кавалеру от Сената указом. Ассигнование же суммы потребной на произвождение вам во исполнение онаго высочайшаго повеления пенсию предоставить с Экспедиции о государственных доходах. Марта 20-го дня 1796-го года. На подлинном подписано тако: Екатерина. Обер-секретарь Иван Талицын, секретарь Иван Богаевский. Регистратор Иван Кияничев». Указ был направлен в Нижегородское наместническое правление из Первого департамента Правительствующего Сената, получен 8 апреля 1796 г., зарегистрирован в журнале под номером 2034⁵⁴³.

Так же в делах пожалования военных пенсий достойным офицерам поступал и Павел I. К примеру, 14 сентября 1797 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии зачитали записку, поданную генерал-адъютантом монарха Г.Г. Кушелевым: «Его И. В., исходя на прошения Балтийского корабельного флота адмирала Василия Чичагова и вице-адмирала Лариона Повалишина, всемилостивейше соизволил уволить их по желаниям от службы с ношением мундиров, высочайше повелевая производить им полное их жалование»⁵⁴⁴. Или ещё пример. 27 сентября 1798 г. Адмиралтейств-коллегия определила: «Слушали высочайший указ Его И. В., отданный сего месяца 26 числа при пароле, которым повелено отставить от службы главного командира Казанской адмиралтейской конторы генерал-лейтенанта Жемчужникова *с жалованием* (здесь и ниже выделено нами. – *И.Д.*) и с позволением носить мундир, на место коего быть Балтийского корабельного флота капитан-командору Оболянинову»⁵⁴⁵. Также 31 января 1799 г. Адмиралтейств-коллегия на очередном заседании приговорила: «Его И. В. отданным сего января 29 числа при пароле приказом высочайше соизволил повелеть отставить от службы вице-адмиралов Скуратова *с половинным жалованием* и Сипягина, контр-адмиралов Шишкина, Престона и Кумани *с половинным жалованием* и с позволением всем им носить мундир, контр-адмирала же Киленина — ко определению по гражданской службе»⁵⁴⁶.

14 ноября 1800 г. император Павел I уволил в отставку от военной службы по старости лет и хроническим болезням адмиралов И.А. Баскакова и Е.И. Лупандина с полным жалованием; генерал-майоров Гусева и Алабина с пожалованием им чина генерал-лейтенанта и должностного жалования; генерал-майоров Скрябина, Козлянинова, Карпова, Киреевского и Наумова, советников Пущина, Бардевика и морской артиллерии капитана 1 ранга Невельского «теми же чинами с половинным жалованием»⁵⁴⁷.

Если же при правлении императора Павла I высший командный состав армии и флота увольнялся в отставку, как правило, с повышением в следующий воинский чин, с ношением мундира, с половинной или полной пенсией (жалованием по последней занимаемой штатной должности), то для штаб- и обер-офицеров такие привилегии были редки, так как монарх считал, что эти милости они должны были ещё заслужить⁵⁴⁸ (Табл. 8).

Таблица 8

Именной список высших, штаб- и обер-офицеров Военно-морского флота, уволенных указом императора Павла I от военной службы в отставку 25 сентября 1797 года⁵⁴⁹

Наименование воинских чинов и их количество	Воинский чин при отставке от военной службы	Численность офицеров, уволенных в отставку с пенсией и без пенсии (чел.)
Балтийский корабельный флот. Дивизия белого флага		
капитан 2 ранга ⁵⁵⁰	капитан 1 ранга	один
лейтенант — 6 ⁵⁵¹	«Теми же чинами»	один ⁵⁵²
Балтийский корабельный флот. Дивизия синего флага		
капитан бригадирского ранга ⁵⁵³	«Тем же чином»	«без пенсионера по его молодости»
капитан 1 ранга ⁵⁵⁴	«Тем же чином»	без пенсии
лейтенант — 6 ⁵⁵⁵	«Теми ж чинами»	без пенсии — шесть
мичман ⁵⁵⁶	«Тем же чином»	без пенсии
Балтийский корабельный флот. Дивизия красного флага		
капитан-лейтенант — 2 ⁵⁵⁷	«Теми же чинами»	один ⁵⁵⁸
лейтенант — 9 ⁵⁵⁹	«Теми же чинами»	без пенсии — девять
Балтийский гребной флот		
капитан 2 ранга ⁵⁶⁰	«Тем же чином»	один ⁵⁶¹
капитан-лейтенант — 4 ⁵⁶²	«Теми же чинами»	один ⁵⁶³
лейтенант — 5 ⁵⁶⁴	«Теми же чинами»	без пенсии — пять
мичман ⁵⁶⁵	«Тем же чином»	без пенсии
Каспийская флотилия		
капитан генерал-майорского ранга ⁵⁶⁶	«Тем же чином»	без пенсии
капитан 2 ранга ⁵⁶⁷	«Тем же чином»	без пенсии
капитан-лейтенант — 2 ⁵⁶⁸	«Теми же чинами»	без пенсии
Лейтенант — 2 ⁵⁶⁹	«Теми же чинами»	без пенсии
Черноморский флот		
капитан 2 ранга ⁵⁷⁰	«Тем же чином»	один
капитан-лейтенант ⁵⁷¹	«Тем же чином»	без пенсии
лейтенант ⁵⁷²	«Тем же чином»	без пенсии
мичман — 2 ⁵⁷³	«Тем же чином»	без пенсии

Таким образом, пенсия отставного офицера назначалась по предложению Адмиралтейской или Военной коллегии, утверждалась монархом в основном в половинном размере, определённом по нормативно-правовым актам, ограничивалась максимумом, т. е. положенным полным окладным жалованием по старому или новому чину.

Однако бывало начисление размера пенсии и по другому, особому варианту. К примеру, 8 июня 1787 г., находясь в Полтаве, Екатерина II направила приказ Г.А. Потёмкину-Таврическому: «Князь Григорий Александрович. Повелеваем два черноморские полевые батальоны обратить в егерские и с прибавкою к оным рекрут составить четырёх-батальонный

егерский корпус, именуя оный Екатеринославским и определяя к оному шефом бригадира барона Меендорфа, которому производить жалование генерал-майорское и делаемую тем прибавку к окладу полковничьему обратить ему в пенсию»⁵⁷⁴.

Для подготовки проекта протокола заседания Военной (Адмиралтейской) коллегии об установлении размера пенсии отставному офицеру канцеляристы приказного повьяты направляли ведение в Казначейскую экспедицию, где запрашивали, по какой срок и в каких размерах было выплачено заслуженное жалование и из какого должностного оклада по чину, прежнего или пожалованного при увольнении, исчислять пенсию.

Так, подканцелярист С. Федорцов 3 марта 1767 г., чтобы подготовить проект протокола заседания ГАК, запрашивал сведения из Казначейской экспедиции, как «при сём подписать бывшему Интендантской экспедиции советнику Емельяну Родичеву денежное жалование по какому окладу производить и в которое число в дачу произведено, и по день отставки его от службы по состоянию какого числа в заслуге, и, буде есть его за счёт оного, сколько останется по отпуску за повышением пожалованного ему бригадирского ранга». Экстракт из протокола ГАК от 5 марта 1767 г., направленный в Казначейскую экспедицию, предписывал бухгалтеру пенсию бригадиру Емельяну Родичеву производить по смерти, исходя из жалования по советничьему чину полковничьего ранга, по 300 руб. в год, а за вычетом по 1 коп. с каждого рубля на адмиралтейский госпиталь — 297 руб. Пенсию следовало пересылать в Устюжна-Железнопольскую провинциальную канцелярию к началу январской, майской и сентябрьской третей финансового года.

По такой же методике было рассчитано жалование капитана 1 ранга Матвея Бункова и капитана 2 ранга Демьяна Рукина: на день отставки от службы определены размеры их пенсий соответственно 210/207 руб. 90 коп. и 150/148 руб. 50 коп. в год. В справке от 2 апреля 1767 г., представленной в Канцелярию Адмиралтейств-коллегии из Казначейской экспедиции, излагалось, что от определённой «на произвождение пенсионеров годовой суммы двадцать тысяч [руб.]» за выплатой «ныне господам генералитету и штаб-офицерам от сего 1767 году состоит в остатке 727 рублей 43³/₄ копейки»⁵⁷⁵. Таким образом, отставные бригадир Е. Родичев, капитан 1 ранга М. Бунков и капитан 2 ранга Д. Рукин могли получить свои пенсии, так как их общая сумма пенсионного жалования составляла 653 руб. 40 коп., что не превышало остаток пенсионной суммы Морского ведомства. Если бы она превысила остаток, тогда им пришлось бы в порядке установленной очереди по старшинству воинских чинов⁵⁷⁶ дожидаться «упалых мест», то есть пенсионных вакансий⁵⁷⁷, появившихся после скончавшихся в отставке пенсионеров, относившихся по военной службе к Адмиралтейств-коллегии (Табл. 9). Важно отметить особенность выплаты вышеуказанной назначенной военной пенсии отставным офицерам Е. Родичеву, М. Бункову и Д. Рукину — её периодичность и регулярность выплаты в каждую треть года.

Задержки в выплате пенсии происходили редко, только из-за экстремальной ситуации. Так, 23 июля 1764 г. в Кронштадте случился большой пожар, в котором сгорели более тысячи дворов, казармы и другие служебные помещения. Адмиралтейств-коллегии на своём заседании определила «на все надобные починки и пристройки... до получения денег употребить из пенсионной на первый случай суммы хотя до 10000 [рублей]»⁵⁷⁸.

В 1775 г. в Морском ведомстве ушли из жизни следующие заслуженные отставные высшие и штаб-офицеры: флота генерал-майор Алексей Пахомов, контр-адмирал Иван Голенищев-Кутузов, действительный статский советник Адмиралтейств-коллегии Борис Никитин, флота капитан бригадирского ранга Фёдор Кослицов, флота капитаны 2 ранга Фёдор Неклюдов и Филипп Пивов. После их смерти в окладных учётных книгах появились пенсионные вакансии на сумму 2640 руб., что позволило, по мере поступления донесений

из губернских и провинциальных канцелярий Московской, Казанской, Тавровской адмиралтейских контор и от командиров военных портов (с 1787 г. — кригс-комиссариатов) о скончавшихся ветеранах, начать постепенную, группам по 2–3 человека, выплату пенсий.

Таблица 9

Список отставных высших и штаб-офицеров, определённых на пенсию, которую повелено производить по высочайшему подтверждению Её Императорского Величества на докладе Государственной Адмиралтейской коллегии от 20 февраля 1774 года, как только появится вакантная пенсионная сумма⁵⁷⁹

Воинский чин, фамилия и имя	Размеры пенсии (руб.)	За какие заслуги перед Престолом и Отечеством пожалована пенсия
генерал-майор Семён Неелов ⁵⁸⁰	420	За выслугу в офицерских чинах 33 года и из-за старости и слабого здоровья
флота капитан бригадирского ранга Михаил Клеопин	300	За долговременную службу, за участие на море в 15 кампаниях, особое пребывание в Архипелаге и из-за слабого здоровья
капитан 1 ранга Пётр Степанов	210	За участие на море в 16 кампаниях и службу в Архипелаге с 1769 по июнь 1773 года ⁵⁸¹
капитан 1 ранга Герасим Борисов	210	«Не по кампаниям, а из-за приключившейся в службе глазной болезни» ⁵⁸²
капитан 1 ранга Осип Салтанов	210	За участие на море в 17 кампаниях
капитан 2 ранга и кавалер Пётр Карташёв	150	За участие на море в 23 кампаниях и службу в Архипелаге с 1769 по 1772 год
капитан 2 ранга Василий Поярков	150	За участие на море в 17 кампаниях
секунд-майор Влас Станицев	100	«Не по кампаниям, а из-за болезни, приключившейся в службе и приведшей к отнятию руки»
капитан-лейтенант и кавалер Иван Дуров	150	За участие на море в 25 кампаниях и службу в Архипелаге с 1769 по 1773 год
капитан-лейтенант Никифор Реутов	150	За участие на море в 16 кампаниях
морской артиллерии капитан-лейтенант Михаил Прокшин	90	«Не по кампаниям, а за весьма храброй и порядочной его поступок на корабле "Европа"... из-за болезни службы продолжать не в состоянии» ⁵⁸³
Итого 11 офицеров	2140 рублей ⁵⁸⁴	

Чаще всего сообщения о скончавшихся ветеранах были следующего содержания.

Так, в протоколе от 4 января 1751 г. записано: «Слушано из Ростовской воеводской канцелярии доношение, что отпущенный из Государственной адмиралтейской коллегии для исправления нужд в дом (по прошению перед увольнением в отставку сроком на один год. — *И.Д.*) в Ростовский уезд, Верхосуецкий стан, село Деревенки, нынешнего 1751 году по 1 марта комиссар [Комиссариатской экспедиции] Григорий Костюрин прошлого 1750 году декабря 6 дня волею Божией умре, а данной ему паспорт прислан при сём доношении. Приказали онаго комиссара Костюрина из списка [личного состава флота] выключить и паспорт сообщить (приобщить. — *И.Д.*) к наряду. Обер-секретарь Борис Никитин»⁵⁸⁵.

В 1775 г. в Морском ведомстве 11 отставных флотских штаб-офицеров (общая сумма пенсий 2140 руб.) ожидали после высочайшей подтверждения Екатериной II доклада ГАК от 20 февраля 1774 г. своей установленной по старшинству очереди⁵⁸⁶ на выплату пожалованного пенсионного жалования (*Табл. 9*). Однако оказалось, что «сия сумма в раздачу [всем 11 пенсионерам] ещё не расписана, потому что некоторые рапорта об умерших только что ныне получены. Из оставшейся от них суммы следует ныне в додачу, как то: Степанову (капитану 1 ранга Петру Степанову 210 руб. — *И.Д.*) и Борисову (капитану 1 ранга Герасиму Борисову 210 руб. — *И.Д.*), по их пенсионам производить велено с 7 августа 1774 года, как стало известно о сумме [в 420 руб.], оставшейся от [скончавшегося] Пахомова (флота генерал-майор Алексей Игнатьевич Пахомов. — *И.Д.*)»⁵⁸⁷.

Очередность ветеранов в получении военной пенсии объявлялась в указе. Так, 11 февраля 1783 г. в Адмиралтейств-коллегии был зачитан высочайший указ: «Прилагая при сём для сведения и надлежащего исполнения копию указа нашего, данного нашему действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому, об отпуске с первого января сего года на пенсии уволенным из службы флота капитанам генерал-майорского ранга Бешенцову и Коняеву (по 1122 руб. каждому в год. — *И.Д.*), генерал-майору Тишевскому (1048 руб. — *И.Д.*) и вице-адмиралу [генерал-кригс-комиссару] барону Черкасову (2168 руб. — *И.Д.*) по 5460 рублей на год, покуда они за помещением прежде их уволенных могут и сами определены быть на вакансии в сумме для пенсии служивших во флоте нашем назначенной, повелеваем на остальную от сей сумму поместить тех [офицеров в очередь], коим по старшинству их отставки следует»⁵⁸⁸.

Следует отметить, что хотя на выплату пенсий отставным морякам и адмиралтейским служителям Екатерина II 8 января 1764 г.⁵⁸⁹ повелела отпускать из доходов Коллегии экономии⁵⁹⁰ ежегодно по 25 тыс. руб. (по этому указу выделялось также 5 тыс. руб. на удвоение денежного жалования морякам при деловых заходах кораблей в иностранные порты)⁵⁹¹, однако реальная пенсионная сумма составляла 20 тыс. руб.⁵⁹² 19 января 1764 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии был заслушан указ Правительствующего Сената, «по которому, во исполнение высочайшей Ея И. В. подтверждения на подданном от Комиссии российских флотов и Адмиралтейского правления докладе о пожалованной флотским офицерам на пенсион из Коллегии экономии сумме ежегодно 25000 рублей, велено ту пожалованную от Ея И. В. на пенсию сумму как на нынешний 1764 год из Коллегии экономии отпустить в морскую, Адмиралтейскую контору, так и впредь по требованию Адмиралтейской коллегии отпускать [ежегодно]»⁵⁹³.

На самом деле деньги для Морского ведомства на пенсии перечислялись в основном из доходов Московской губернии. Так, 20 февраля 1783 г. Адмиралтейств-коллегия приказала «из назначенных по росписанию Экспедиции о государственных доходах губерний денежную казну доставлять» в Санкт-Петербург, Москву, Казань, Астрахань и пр. на необходимые расходы по Ведомству, а «из Московской губернии почитать пенсионной 25000 р., в том числе и на вояжирующих 5000 р., а как пенсионеры определённое им жалование почти все получают в провинциях из адмиралтейской суммы, то показанные 25000 р. особо не отлагать, а записывать их в приход с прочею адмиралтейскою суммою»⁵⁹⁴. Однако с 1787 г. «пенсионеры [по роду служебной деятельности, относившиеся к флоту] определённое им жалование все получают из адмиралтейской суммы...»⁵⁹⁵.

Архивные источники свидетельствуют, что фактически пенсионное жалование учитывалось по двум ведомостям — в Казначейской и Счётной экспедициях, причём по первой пенсионной ведомости деньги отпускались увольняемому «за морскую службу».

Пожалованные пенсии именитым и заслуженным особам⁵⁹⁶, а также награждения вдовам покойных адмиралов и генералов были в несколько раз больше вдовского жалования,

установленного Уставом морским 1720 г.⁵⁹⁷. Таких лиц, к примеру, на 1775 г. было всего 15 чел. (сумма пенсий 15401 руб. 50 коп.)⁵⁹⁸, учитывали по второй: «Ведомость, кто получает пенсии в год по особым именным Ея Императорского Величества указам, последовавшим без доклада Адмиралтейской коллегии».

Мы согласны с мнением И.В. Фаизовой, что в Российской империи по-прежнему «продолжал действовать и другой традиционный фактор: необходимость поощрять пенсионным содержанием представителей высших разрядов чиновничества и генералитета»⁵⁹⁹. Причём пенсии и значительные денежные суммы сверх должностного окладного жалования жаловались лицам, несколько в них не нуждающимся, поскольку они, как правило, владели родовыми именьями, приносящими им большие доходы⁶⁰⁰. Высшим военным, статским и придворным чинам 1 и 2 класса⁶⁰¹ государственная пенсия назначалась именными указами, и российский монарх лично им подписывал абшид на увольнение от военной (штатской, придворной) службы в отставку⁶⁰².

На выплату им пенсий из российской казны тратились огромные средства. Так, особая «Добавочная генеральная ведомость к Табели 1782 г.» фиксирует перерасход выплаты пенсий свыше установленных монархиней 25 тыс. руб. в сумму 494203 руб. 32½ коп.⁶⁰³ К примеру, канцлеру Российской империи графу М.Л. Воронцову при отставке от государственной службы в 1765 г. была назначена пенсия 12 тыс. руб. в год⁶⁰⁴. Также Ф.И. Соймонову, начавшему морскую службу ещё при Петре Великом (при правлении императрицы Анны Иоанновны арестован по делу кабинет-министра А.П. Волынского и сослан в Охотск, при Елизавете Петровне вернули офицерскую честь, назначен сибирским губернатором), сенатору Екатерины II, уволенному в 1766 г. её указом от военной и штатской службы в возрасте 74 лет в «вечную» отставку действительным тайным советником, назначили «полный пенсион»⁶⁰⁵.

Наряду с назначением пенсии, генералитету и высшим чиновникам жаловались и льготы. Так, 1 марта 1781 г. генерал-поручик И.И. Давыдов по прошению был уволен в отставку от военной службы «с оставлением по смерти того жалования, которое он получал на службе, и, кроме того, дано было ему единовременно 6000 руб.»⁶⁰⁶. Нами установлено, что при отсутствии средств в выделенной ежегодной пенсионной сумме верховной властью изыскивались различные способы обеспечения достойного жизненного уровня беспоместного и бескрестьянского высшего и старшего офицера армии и флота, уволенного в отставку из-за подорванного военной службой здоровья или по преклонному возрасту.

24 ноября 1770 г. монархиня именным указом уволила от военной службы и всех дел по поданному прошению генерал-аншефа П.И. Панина, болевшего продолжительное время подагрой, назначив ему пенсию в размере должностного окладного жалования⁶⁰⁷.

Изредка увольняемому в отставку высшему офицеру выплачивалась вместо пенсии единовременная денежная сумма. Так, самодержица всероссийская «на прошение генерал-поручика, сенатора и кавалера Алексея Семёновича князя Козловского именным своим данным Правительствующему Сенату от 3 числа сего месяца [мая 1772 года] указом, всемилоостивейше увольняя его от службы и похвалая пятидесятилетнее его верное и безпорочное в оной поведении, высочайше повелела выдать ему десять тысяч рублей»⁶⁰⁸. Не были забыты и заслуженные обер-офицеры. Так, 18 февраля 1780 г. высочайшим указом был пожалован пенсией в размере должностного окладного жалования (123 руб. 23½ коп. в год) за безупречную 64-летнюю службу унтер-лейтенант морской артиллерии Тарас Балакирев, начавший её ещё канониром петровского флота⁶⁰⁹.

Монархиня продолжала жаловать и именья, которые являлись для беспоместных и бескрестьянных военных и морских чинов эквивалентом пенсии, становились материальной базой для пропитания семьи после увольнения их от службы в отставку⁶¹⁰.

К примеру, 10 декабря 1771 г. Екатерина II пожаловала за успешные боевые действия против турецких войск генерал-майору русской армии Отто Адольфу Вейсману фон Вейсенштейну вместо военной пенсии мызы в Венденском дистрикте⁶¹¹. В 1774 г. был уволен в отставку от военной службы «по расстроеному здоровью» инженер-генерал-поручик Р.Н. Гербель, за безупречную и продолжительную службу в армии ему была пожалована мыза Коложица Ямбургского уезда с 700 душами крестьян⁶¹². В этом же году щедрые пожалования от самодержицы в виде богатых имений в вечное и потомственное владение получил генерал-фельдмаршал З.Г. Чернышёв⁶¹³.

Указом от 10 июля 1775 г. генерал-майор И. Якоби и полковник Петерсон за военные заслуги были пожалованы деревнями в Белоруссии по 500 душ каждому⁶¹⁴. В феврале 1777 г. адмирал С.И. Мордвинов по собственному поданному прошению об увольнении в отставку по болезни и старости именным высочайшим указом был уволен от военной службы. За долговременную и безупречную службу в военно-морском флоте (62 года) ему были пожалованы «в вечное и потомственное владение Полоцкой губернии Велижского староства части серденскую и домановскую со всеми к ним принадлежащими угодьями» с 2 тыс. крепостных душ⁶¹⁵.

8 июля 1788 г. в ставку генерал-фельдмаршала Г.А. Потёмкина-Таврического поступил указ, в котором за победу над турецким флотом жаловалось командующему Лиманской гребной флотилии, вице-адмиралу принцу К.Г. Нассау-Зигену 3020 душ в деревнях Могилёвской губернии с принадлежащими землями и угодьями в вечное и наследственное пользование, а его заместителю контр-адмиралу П. Алексиано — 610 душ⁶¹⁶. За разгром шведского галерного флота на Балтике в августе 1789 г. вице-адмирал принц Нассау-Зиген был пожалован монархиней пожизненной пенсией в 3 тыс. руб., назначаемой обычно «иностранным владетельным принцам, служившим России»⁶¹⁷. 30 октября 1794 г., после подачи второго рапорта, высочайшим указом командующий Балтийским гребным флотом адмирал принц К.Г. Нассау-Зиген был уволен от морской службы. Екатерина II объявила Адмиралтейской коллегии: «По прошению нашего адмирала принца Нассау-Зиген, вторично нам принесённого, увольняем его от службы нашей и в изъявление особливаго нашего благоволения к его усердию, трудам и мужественным подвигам противу неприятелей наших повелеваем по смерти его производить ему полное содержание, каковое получал он во время служения нам, и именно: из казначейств по 9984 р. да из Кабинета по 2000 рублей на год»⁶¹⁸.

Уроженец австро-венгерской провинции, сербский дворянин С.С. Пишчевич за длительную и беспорочную военную службу на новой родине был пожалован по протекции генерал-фельдмаршала светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического императрицей Екатериной II вне очереди (по старшинству полковников) воинским чином генерал-майора и награждён 1000 душ крестьян в Могилёвском наместничестве⁶¹⁹.

Великий русский полководец А.В. Суворов пользовался особой благосклонностью российской императрицы, которая своими пожалованиями за его выдающиеся виктории сделала его генералом, а затем генерал-фельдмаршалом и богатейшим помещиком. Если в 1785 г. в личной феодальной собственности А.В. Суворова находилось 2626 крепостных душ мужского пола, проживавших в восьми вотчинах европейской части Российской империи, то к 1799 г. их численность возросла до 15 тыс. душ⁶²⁰.

Флотоводец адмирал Ф.Ф. Ушаков по рескрипту Екатерины II от 16 сентября 1790 г. за разгром турецкого флота на Чёрном море получил в вечное и потомственное пользование 500 душ мужского пола в Могилёвской губернии (Гомельское староство)⁶²¹.

Значительное количество государственных крестьян и земельных участков было пожаловано военным и морским чинам армии и флота и императором Павлом I⁶²². К примеру, 12 июня 1797 г. объявлен указ самодержца всероссийского из Правительствующего Сената

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Нижегородской губернии Казённой палате. Его Императорское Величество собственноручно написал: «Указом нашим апреля 16-го дня сего года мы нашей гвардии артиллерийскаго баталиона подполковнику, что ныне полковник, Гессе — сто пятьдесят душ; Измайловскаго полку подпорутчику, что ныне поручик, Гессе — сто душ; которое число назначаем им к отдаче Нижегородской губернии Ардатовскаго дворцоваго ведомства: первому — деревню Колебаки (ныне районный центр Кулебаки. — *И.Д.*), сто тридцать девять да в деревне Новосёлках одиннадцать, а второму — деревню Теряевку, сто душ с принадлежащею по дачам землёю, санными покосами, лесами, мельницами, рыбными ловлями и со всеми угодьями и с имеющеюся при деревне Колебаках оброчную землю, заключающею в себе мерою одну десятину с саженьями, повелевая Сенату нашему изготовить на сие имение жалованные грамоты и поднести к нашему подписанию, оброчную же статью по миновании найму срока из оброка исключить»⁶²³.

Или, 14 декабря 1799 г. монарх довёл численность крепостных крестьян до 100 душ мужского пола (ранее было 69) в имении полковника барона фон Ремера, расположенном в Нижегородской губернии, Ардатовском уезде, в деревне Ковлей⁶²⁴. В 1800 г. император Павел I пожаловал генерал-лейтенанту П.Ф. Левшину при его повторной отставке от военной службы 5 тыс. десятин земли в Саратовской губернии⁶²⁵. 6 марта 1800 г. в Правительствующий Сенат поступил рапорт из Нижегородской казённой палаты, в котором сообщалось, что генералу от инфантерии и кавалеру разных орденов А.А. Беклешову самодержец всероссийский пожаловал из оброчных земель, находившихся в разных уездах Нижегородской губернии, 2143 десятины и 836 саженьей⁶²⁶.

Таким образом, назначение пенсий, имений и отдельных земельных участков по особым именным Ея (Его) И. В. указам⁶²⁷ нисколько не зависело от усмотрения членов Адмиралтейской (Военной) коллегии и никак не предполагало оценку заслуг соискателя, обычно обсуждавшихся в установленном дискуссионном порядке с последующим оформлением протокола заседания в Морском (Военном) ведомстве. Однако в связи с выплатой пенсий по особым именным указам количество отставных офицеров, получавших пенсию и ожидавших пенсионные вакансии, имеющийся в кассе остаток и расход пенсионной суммы за год уточнялись Казначейской и Счётной экспедициями, эти сведения сообщались в Канцелярию обер-секретарю для доклада президенту, вице-президенту и членам Адмиралтейств-коллегии⁶²⁸ (*Табл. 10*).

Таблица 10

Список отставных высших, штаб- и обер-офицеров, вдов и дочерей покойных адмиралов, которым пожалованы пенсии по повелениям Ея Императорского Величества Екатерины II (по состоянию на 1775 год)⁶²⁹

Наименование воинского чина, фамилия и имя	Размеры пенсии (руб.)	Дата выхода в отставку	За какие заслуги пожалована пенсия
Господа адмиралы и кавалеры, уволенные в отставку по особым именным указам			
Иван Талызин	3600	22.02.1765	за долговременную и беспорочную службу и особое к Ея И. В. верность и услуги
Ч. Ноулз (Нольс, Нолис, Ноульс, Кновлес) ⁶³⁰	3600	31.05.1774	по монаршему к нему благованию и за оказанные им усердие и верность к службе Ея И. В.
Григорий Спиридов	3600	27.11.1773	во уважение его долговременной и беспорочной службой Ея И. В. и Отечеству

I. ARTICLES

вице-адмирал Пётр Андерсон	1111 руб. 50 коп.	13.09.1770	за добropорядочную его 35-летнюю службу ⁶³¹
Высшие и штаб-офицеры, уволенные по высочайшему подтверждению на докладе ГАК			
адмирал князь Степан Мещерский	1080	4.05.1764	по старости его лет, и за долговременную усердную и беспорочную службу
генерал-поручик Иван Рамбург	900	1.01.1766	за 50-летнюю добropорядочную и усердную службу
генерал-майор Пётр Пантелеев	420	1.01.1766	по выслуге в обер-офицерском чине 36 лет
генерал-интендант Евсигней Лаптев	420	5.06.1767	за долговременную и беспорочную 47-летнюю службу во флоте и Адмиралтействе
генерал-кригс-комиссар Михаил Лебядников	420	19.01.1769	за 19 кампаний и из-за болезней, за которыми службы продолжать нельзя
контр-адмирал Василий Чичагов ⁶³²	400	22.12.1766	по особому именному указу за бытие в секретной экспедиции
капитан-командор Иван Секерин	420	22.09.1764	в честь его старых лет и долговременной с 1717 года службы, и что он на море 36 лет
капитан-командор Матвей Резнер ⁶³³	420	9.04.1765	по особой высочайшей подтверждению на его челобитной
капитан-командор Михаил Борисов	300	9.04.1765	за сделанные им на море 16 кампаний
бригадир Василий Головцын	300	22.09.1764	за долговременную с 1718 года службу ⁶³⁴
цейхмейстер Василий Маленков	300	1.01.1766	за 50-летие беспорочной и действительной против неприятеля службы
флота капитан бригадирского ранга Никифор Панов	300	22.12.1766	по особому именному указу за бытие в секретной экспедиции
капитан 1 ранга Матвей Бунков	210	22.12.1766	за сделанные им на море офицером 17 кампаний
капитан 1 ранга Василий Бабаев	420 ⁶³⁵	22.12.1766	по особому именному указу за бытие в секретной экспедиции, и за сделанные им на море 18 кампаний
полковник Иван Шенин	450	10.11.1765	за ревностную и усердную службу, которую он из-за лишения зрения продолжать был не в состоянии
Флота капитаны 2 ранга			
Игнатий Хотяинцев	150	1.01.1765	за сделанные на море 15 кампаний, и из-за падучей болезни
Пётр Басманов	150	1.01.1766	за сделанные на море 17 кампаний
Пётр Борноволоков	150	22.12.1766	по особому именному указу за бытие в секретной экспедиции

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Демид Рукин	150	1.01.1766	за сделанные на море 16 кампаний
Иван Неклюдов	150	15.01.1768	по особому именному указу, «не в образец другим»
Иван Шильников	150	22.02.1771	по болезни, проявившийся в службе, и что своего пропитания не имеет
Сергей Лопухин	300	12.11.1773	за сделанные на море 20 кампаний и лишением во время баталии ноги
морской артиллерии капитан 2 ранга Михаил Кувшинов	150	1.01.1765	за сделанные на море 30 кампаний, и что служит с 1717 года, да и поместья за собой не имеет
подполковник князь Михаил Ухтомский	150	22.02.1771	за выслугу в офицерских чинах 35 лет
Флота капитан-лейтенанты			
Данила Хомутов	100	1.01.1766	за сделанные на море 17 кампаний
Пётр Поярков	150	22.12.1766	По особому именному указу за бытие в секретной экспедиции ⁶³⁶
Василий Тарбеев	100	11.03.1768	в разсуждении, что он будучи на кораблях Ея И. В. был в Англии с 1762 по 1769 год и находился в плавании в море полтора года
Забаллотированные лейтенанты			
Василий Мертвицкий	20	5.08.1764	деньги, выделенные к инвалидному содержанию из пенсионной суммы по высочайшим Ея И. В. повелениям
Яков Сколков	20	5.08.1764	—
Степан Фролов	20	5.08.1764	—
Иван Коробов	20	5.08.1764	—
Афанасий Борцев	20	5.08.1764	—
Алексей Голосов	20	5.08.1764	—
Забаллотированные корабельные секретари			
Федот Гафидов	10	5.08.1764	—
Пётр Басов	10	5.08.1764	—
Вдова адмирала В.Ф. Люиса Елизавета	1000	6.10.1772	по особому именному Ея И. В. указу
три дочери вице-адмирала Г.А. Кейзера	500	28.02.1771 ⁶³⁷	—
Итого 43 человека	На выплату пенсии всем отпускалось 22161 руб. 30 коп., с учётом денежных вычетов на содержание адмиралтейских госпиталей и покупку медикаментов для морских аптек		

I. ARTICLES

Таким образом, пенсию в 1775 г. получали только 43 человека, в том числе: четыре адмирала, вице-адмирал и три флота генерала вице-адмиралского ранга, контр-адмирал, генерал-майор, три капитан-командора, бригадир, флота капитан бригадирского ранга, цейх-мейстер, два капитана 1 ранга, полковник, восемь капитанов 2 ранга, подполковник, три капитан-лейтенанта, забаллотированных шесть лейтенантов и два корабельных комиссара, вдова адмирала и три дочери-сироты покойного вице-адмирала.

Именной указ самодержицы всероссийской от 16 февраля 1774 г. повелевал президенту Адмиралтейств-коллегии докладывать в Сенат о произведённой выплате пенсионного жалования каждую треть года «и писать [в донесении] каждого [отставного морского, адмиралтейского и военного чина, вдову и сироту] порознь»⁶³⁸.

В 1775 г., по справке, представленной Адмиралтейств-коллегией по запросу в правительство, ежегодная сумма, отпускаемая из казны на денежное жалование морским чинам (за исключением не имеющих обер-офицерских чинов), по штатному расписанию устанавливалась в 336798 руб. 10½ коп., а фактически на списочную численность при некомплекте офицеров было выплачено только 305572 руб. 98 коп.⁶³⁹ Таким образом, пенсия составляла от суммы жалования по штатному расписанию 7,4 % (25 тыс. руб. от 336798 руб. 10½ коп.) и 7,3 % (22161 руб. 30 коп. от 305572 руб. 98 коп.) от списочной численности.

Анализ таблицы 10 показал, что воинский чин «капитан-лейтенанта майорского ранга» являлся первым в ряду штаб-офицерских чинов, которым жаловались пенсии, однако их численность среди пенсионеров Морского ведомства всегда была небольшой.

Причина в том, что руководство страны было заинтересовано в длительной и беспорочной службе офицера. Поэтому в пенсионных именных ведомостях абсолютное большинство уволенных в отставку от службы представлено высшими и штаб-офицерами армии и флота; см., например: «Список, учинённый в Главном кригс-комиссариате, о поступивших вновь на очистившиеся от умерших сей пенсионной суммы вакансии к производству жалования пенсионерам [Нижегородского наместнического правления в 1790 г.], и именно: бригадир и кавалер Алексей Куроедов, полковники Отто де Марин, Иван Бегичев, Илья Титов, Пётр Юркевич, Пётр Милутинов, Алексей Евреинов, Михаил Внуков, подполковник Георгий Кондондин»⁶⁴⁰.

Вместе с тем даже пожалование монархом пенсии для капитан-лейтенанта не всегда гарантировало её получение из-за отсутствия денежной суммы и длительной очереди⁶⁴¹.

По данным И.В. Фаизовой, основанных на архивных материалах, отложившихся в РГАДА в фонде «Герольдмейстерская контора», за первые десять лет действия Манифеста, объявленного 18 февраля 1762 г., «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» с 1762 по 1771 годы от государственной службы уволились в отставку 7496 чел. Из них 5802 военных и 636 чиновников уволились на своё собственное пропитание.

688 дворян, уволенных от военной службы в отставку, были переведены в государственные учреждения. 31 отставной чиновник выразил желание служить в полках действующей полевой армии, 114 чел. были определены на пропитание к мужским и женским монастырям, и только 125 чел. за заслуги были отставлены с пенсиями. При этом большую часть отставных чиновников от государственной службы (87,9 %) составляли бывшие военные русской армии. Именно военные воспользовались правом дворянина, которое предоставил им Манифест, чтобы больше не служить в армии.

Если в 50-е годы XVIII в. из военной службы в среднем ежегодно увольнялось в отставку 250 чел., то в 60-е годы происходят существенные изменения. Количество уволенных от службы значительно возрастает: в 1762 г. — 473, 1763 г. — 708, 1764 г. — 820, 1765 г. — 917, 1766 г. — 1010, 1767 г. — 754, 1768 г. — 322, 1769 г. — 141, 1770 — 619, 1771 г. — 135⁶⁴².

10 сентября 1771 г. из ставки действующей армии в Молдавии генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский послал императрице Екатерине II письмо-доклад, где с возмущением сообщал, что ему стыдно «за своих многих земляков, которые в настоящее военное время, быв обязаны к службе своими [воинскими] чинами и взысканы милостями великодушной монархини, уклоняются от поля [битвы] на домашний покой под претекстами доселе [для дворян] необычными»⁶⁴³.

Правом, предоставленным Манифестом, воспользовались и некоторые морские и адмиралтейские чины⁶⁴⁴. В фондах РГА ВМФ сохранились рапорта главных командиров военных портов. В них, наряду с изложением вопросов боевой подготовки, вооружения и разоружения судов после окончания кампании, о перемещении личного состава по службе, сообщается и о челобитных офицеров, изъявивших желание уволиться в «вечную» отставку на основании положений Манифеста от 18 февраля 1762 г.⁶⁴⁵.

Анализ данных, представленных в таблицах 9 и 10 показал, что, кроме увольнения в отставку на основании положений Манифеста, основными причинами отставки офицерами военной службы являлись: старость, известное число выслуженных лет, морских кампаний, приобретённые при исполнении служебных обязанностей болезни, полученные ранения и увечья, прочие обстоятельства и другие уважительные причины, дающие основание жаловать пенсию за меньший срок службы или в большем размере.

Анализ размеров пенсий отставных военных и морских чинов и розничных цен на основные продовольственные и промышленные товары, предоставляемые услуги позволяет сделать вывод о достаточности пенсии в начале – середине 60-х годов XVIII в. даже у беспоместного и бескрестьянного обер-офицера армии и флота для безбедной жизни.

Так, аршин английского сукна стоил 4–5 руб., готовый военный мундир с галуном для обмундирования офицера лейб-гвардии полка 60 руб., фрак 25 руб. Бутылка вина «Портер» и десять апельсинов продавались за 25 коп., куль ржаной муки (четверть муки — восемь пудов весом) 2 руб., фунт говядины 2–3 коп., курица 10–15 коп., половина телёнка 50–80 коп., индейка 1–1 руб. 20 коп., 10 яиц 5 коп., сажень берёзовых дров 1 руб. 20 коп., пуд сена 10 коп. За 6 руб. можно было в Санкт-Петербурге на месяц нанять постоянного слугу, за 3 руб. сезонного работника⁶⁴⁶.

Однако в 1766 г. из-за неурожая зерновых культур и овощей в стране «возвысились значительно в цене не только все продукты крестьянской работы, но и увеличились всякие заработки, и вообще заработная плата на всякий [физический] труд поднялась в цене»⁶⁴⁷. Поэтому цены на продукты питания в столице находились под жёстким контролем императрицы.

Наша современница, исследовательница О.И. Елисеева, сообщает, что первым рано утром к императрице ежедневно заходил санкт-петербургский обер-полицмейстер и докладывал о происшествиях, случившихся в городе, о въехавших и выехавших иностранцах и россиянах, средних розничных ценах на продукты питания на рынках. Иногда монархиня считала, что цена на тот или другой продовольственный товар несколько завышенная, и приказывала рыночными методами уменьшить её размер.

К примеру, однажды из-за недостаточного пригона крупного рогатого скота из центральных и южных губерний говядина подорожала с двух копеек за фунт мяса до четырёх. Самодержица повелела Правительствующему Сенату закупить партии скота в губерниях на казённые деньги, пригнать его в столицу, забить на бойнях и продавать мясо на рынках, отчего розничная цена на него постепенно сократилась до прежних величин⁶⁴⁸.

Однако в 1770 г. в стране вновь начался рост розничных цен, прежде всего, на продовольственные товары и преимущественно в обеих столицах и губернских городах. На это обратила внимание самодержица, и 26 июня 1772 г. последовало распоряжение Сената об

учреждении особого комитета из четырёх сенаторов (А.П. Мельгунов, Н.И. Чичерин, князь С.В. Гагарин, Г.Н. Теплов) для исполнения её именного указа от 23 апреля 1772 г. «для изыскания пристойных средств к отвращению дороговизны»⁶⁴⁹.

Вместе с тем рост цен продолжался. Если в 1760 г. четверть ржи стоила 86 коп., в 1763 г. 95 коп., то в 1773 г. — 2 руб. 19 коп., а в 1787 г. — 7 руб.⁶⁵⁰. Повышение цен на хлеб более чем в три раза произошло в связи с неурожаем в 1785 и 1786 г., а также с усилением вывоза хлеба за границу (объёмы вывоза пшеницы из главных портов, кроме находившихся в остзейских губерниях, в 1779 г., например, превысили объёмы вывоза того же продукта в 1766 г. более чем в девять раз), что, очевидно, содействовало повышению цен на хлеб, которые с 60-х годов возросли втрое⁶⁵¹. В 1787 г. сильные морозы повредили озимые, что привело к уменьшению сбора зерновых. Во многих губерниях бедствие приняло обширные размеры, из-за чего в провинциальных и уездных городах среди малоимущего населения из-за растущей дороговизны провизии начался голод, что вызывало недовольство и волнение людей.

Росли цены и на промышленные товары и услуги. Так, 4 апреля 1789 г. монархиня озабочено писала статс-секретарю А.В. Храповицкому: «Сказывают, что в городе (Санкт-Петербурге. — И.Д.) и в лавках офицерское сукно, как то: зелёное, синее, красное, жёлтое, — по 10 и 11 рублей аршин. Спросите, делается ли на Ямбургской фабрике таковых цветов и доброты сукно, и прикажите сюда прислать и пустить в продажу за обыкновенную цену, и то что скорее, то лучше. Также прикажите в Финляндию послать на продажу»⁶⁵².

Высокие цены на предметы потребления стали чувствительны для армии и флота настолько, что правительство было вынуждено увеличивать должностные оклады военнослужащим из-за «дороговизны и повышения цен на все припасы»⁶⁵³. Особенно тяжёлое положение сложилось в недавно завоёванном Новороссийском крае. При дороговизне на юге, куда большинство продовольственных и промышленных товаров привозилось из центральных губерний, офицеры армии и флота нуждались в элементарных предметах быта, даже терпели голод, а нижние чины из-за мизерных окладов ходили в рваном обмундировании, а некоторые и без форменных рубах⁶⁵⁴. Так, главнокомандующий войсками, дислоцированными в Малороссии, генерал-фельдмаршал граф П.А. Румянцев-Задунайский, находясь в Петергофе, ещё в мае 1777 г. представил императрице Екатерине II доклад, где предлагал «окладное жалование определить, коль можно, для полевых и гарнизонных войск сразмерно с тягостию, которая больше других нести должны, и ценами мест их пребывания, с тем всегда наблюдением, чтоб от оскудения в потребном войско не терпело, а неравенственною платою не было угрожаемо». Он также доложил, что обнищание и низкое жалование «нередко производят трудности во удержании дисциплины»⁶⁵⁵.

С 12 ноября 1796 г. указом монарха, очевидно не только в целях экономии и усиления контроля над денежными средствами в ведомстве, но и в целях дисциплинарного контроля, Черноморское адмиралтейское правление, командующее корабельным и галерным флотом на Чёрном море, переподчинили Адмиралтейств-коллегии⁶⁵⁶.

16 июня 1797 г. из-за дороговизны продовольствия в стране Павел I утвердил таксу на съестные припасы и потребовал от губернских властей контролировать цены⁶⁵⁷.

Резительно отличались высокие цены на продукты питания, сложившиеся в основных пунктах базирования Черноморского флота, от цен не только в районе Петербурга, но и в Астрахани и Архангельске, где в этих военных портах наблюдалась относительная дешевизна. Так, по рапорту главного командира Архангелогородского порта в феврале 1797 г. в городе платили: за пуд мяса говяжьего 1 руб. 50 коп., коровьего масла 6 руб. 50 коп.; за четверть гороха 1 руб. 33 коп., крупы овсяной 1 руб. 50 коп., гречневой 1 руб. 24 коп., солода ячневое 4 руб. 25 коп., солода ржаного 7 руб. 35 коп.; за ведро уксуса 60 коп., вина хлебного 2 руб. 85 коп.⁶⁵⁸.

Однако южное море и тёплый климат, наличие свободных земельных участков, изобилие дешёвых фруктов и морской рыбы, возможность построить жильё из местных строительных материалов, отдалённость от столичного начальства способствовало тому, что часть офицеров, включая и отставных, несмотря на дороговизну жизни, не особенно стремились убыть с Черноморского флота, основываясь с семьями надолго и обстоятельно.

Многие отставные штаб- и обер-офицеры, служившие в крепостях Сибирского корпуса, после увольнения от военной службы переезжали с семьями в Тобольск, Омск, Тюмень, Томь⁶⁵⁹. При наличии других доступных доходов военная пенсия позволяла им и их семьям достойно встретить наступившую старость.

На основании дневниковых записей капитана И.Г. Андреева, мелкопоместного дворянина, после раздела с братьями имения отца владевшего 15 крепостными душами, начавшего в 1757 г. после учёбы служить солдатом и за 43 года службы на различных унтер-офицерских и офицерских должностях, сменившего более десяти отдалённых гарнизонов⁶⁶⁰, мы можем сравнить розничные цены на основные продовольственные и промышленные товары, живой скот, жилые дома, оказываемые ремесленниками услуги с ценами в европейской части Российской империи. После своей женитьбы в 1768 г. И.Г. Андреев начал подробно записывать, кроме прочего, стоимость услуг, цены как на продаваемые товары непосредственно по месту прохождения службы, так и на товары, привозимые по заказу купцами из Ирбитской и Макарьевской ярмарок и Китая.

Например, цены на хлеб, выращенный в зоне рискованного земледелия, даже в урожайные годы были примерно в 1,5–2 раза выше, чем в Казанской и Пермской губерниях. Вместе с тем лошади, крупный и мелкий рогатый скот продавались «киргизцами» значительно дешевле. Дёшево в Сибири стоили домашняя птица и свиньи. К примеру, 21 июля 1795 г. им был куплен поросёнок за 20 коп., а мясо (всего 2 пуда), привезённое в январе 1796 г. от крестьян, было оценено по 60 коп. за пуд. Реки и озёра Сибири изобиловали всевозможной рыбой. В дневнике отставного майора есть запись: «В сие-то время продавалась красная рыба по множеству, и, как оную все ловили без изъятия, вольно, такие осетры, из коего вынималось икры 30 фунтов, [стоили на рынке] от 6 до 10 коп.»

Традиционно из-за плеча подвоза купцами в гарнизонах крепостей Сибирского корпуса были дешевле и товары, ввозимые в Россию из Китая (чай, рис, специи, пряности, ткани, жемчуг). Цены же на продовольственные и промышленные товары, привозимые из Ирбитской и Макарьевской ярмарок, судя по записям, возрастали. Вместе с тем в новых крепостях, «заводимых» на колонизируемых русскими землях, наблюдалась дороговизна, возникающая, прежде всего, из-за дальности подвоза материальных средств для обеспечения дислоцируемых там войск и переселенцев, неразвитой местной продовольственной базы, враждебности коренного населения.

Весомую прибавку к офицерскому бюджету, а затем и к пенсии И.Г. Андреева (164 руб. 88 коп. в год) составляли доходы, получаемые от его заимки, которую обрабатывали крестьяне (3 двора) и наёмные люди, а также ежегодно проводимые сезонные заготовки рыбы, грибов, ягод и фруктов, кедровых орехов, дров, сена, лекарственных трав. Однако обильные урожаи зерновых и огородных культур часто сменялись неурожаями, основными причинами были резко-континентальный климат, природные катаклизмы, эпидемические заболевания людей и эпизоотии домашних животных. В дневнике И.Г. Андреев в июле 1796 г. сделал запись: «29 число; пасмурно от туманов; в городе (Омске. – *И.Д.*) снимали по засухе арбузы и дыни, но не более набрали 50 п[удов]; все овощи худы, сколько за ними хожено не было»; в августе того же года: «2-го числа съехали от избушки; с покосу 3 человека поставили в три недели 163 копны; травы худы, собирали по колкам»⁶⁶¹.

Дешёвая жизнь наблюдалась и в Барнауле среди офицеров батальона Кольвано-Воскресенских горных заводов. Так, в 1783 г. фунт ржаной муки стоил 3 коп., пшеничной — 7 коп., за четверть овса платили 50 коп., а за копну сена и фунт мяса — 2 коп.⁶⁶²

В провинции были приемлемы цены для отставных чинов при покупке дворов или отдельных жилых строений. К примеру, в 1765 г. в Уфимском уезде Оренбургской губернии «дом господский на каменном фундаменте, из соснового леса и хорошей работы», можно было приобрести за 570 руб., конюшню с 18 стойлами и всеми принадлежностями — 80 руб., дом, в котором ранее жил священник, — 40–45 руб. (для сравнения: двор в Оренбурге был оценён в 65–70 руб.), избу крестьянскую с сениями — 10–20 руб., баню — 2–8 руб. Дёшево стоили дрова из местных лесов: за одну сажень платили 33–42 коп.⁶⁶³

Анализ опубликованных⁶⁶⁴ и выявленных нами архивных материалов показал, что ежегодно одному-двум офицерам, не состоявшим в штатном расписании Адмиралтейств-коллегии, именным указом Ея И. В. жаловалась пенсия из пенсионной суммы, предназначенной морским и адмиралтейским чинам. Также вдове и сиротам адмирала (флотского генерала), при явном монаршем игнорировании положений Устава морского 1720 г. и Регламента 1765 г., милостивейше назначалась высокая пенсия⁶⁶⁵.

Если отставной военный чин при увольнении от службы начинал получать пенсию не с 1 января текущего года, то ему производился перерасчёт за оставшиеся месяцы.

Например, адмирал Г.А. Спиридов, фактически командовавший русским военноморским флотом в Архипелаге⁶⁶⁶, победитель турок в Чесменской битве, по собственному прошению из-за ухудшившегося здоровья⁶⁶⁷ 26 ноября 1774 г. был уволен императрицей Екатериной II в полную отставку.

После получения монаршего указа, доставленного прямо во флотилию в Средиземном море, 27 февраля 1774 г. адмирал Г.А. Спиридов⁶⁶⁸ сдал дела и должность командующего флотом в Архипелаге вице-адмиралу А.В. Елманову и через Ливорно (Италия) убыл по суше в Санкт-Петербург.

В Канцелярии Адмиралтейств-коллегии, получив копию указа об увольнении адмирала Г.А. Спиридова в отставку и пожаловании ему пенсии в размере окладного жалования 3600 руб. в год, затребовали от Казначейской экспедиции справку о наличии остатка свободной пенсионной суммы. Справка требовалась, чтобы подготовить проект протокола об увольнении Г.А. Спиридова в отставку, для выплаты ему пенсии за 1774 г. После получения пенсионной справки оказалось, что «на господина адмирала Спиридова к числящейся сумме недоставало 1201 руб. 50 коп., кои повелено получать ежегодно от Коллегии экономии, и на 1774 год она [Морским ведомством] принята».

Таким образом, уволенный в отставку адмирал Г.А. Спиридов официально находился на службе по 1 мая 1774 г. Это был день его прибытия в северную столицу. Положенное за служенное должностное окладное жалованье за январскую треть (1200 руб.) он получил ещё на флоте, находившемся в Архипелаге в Средиземном море, вследствие чего «Адмиралтейская коллегия почла... вышеписанную сумму 1201 рубль 50 копеек... употребить в раздачу тем [отставным офицерам], кто [ещё] в 1774 году пенсии не получили по расчислению против полученного жалования»⁶⁶⁹. 5 апреля 1777 г. отставной адмирал Г.А. Спиридов за проявленные «подвиги своих морских сил» в Архипелаге был награждён денежной суммой 15500 руб. 73³/₄ коп.⁶⁷⁰

Отставные чины, оставшиеся после увольнения для постоянного места проживания в Санкт-Петербурге и Кронштадте, других военных портах, а также вдовы и сироты положенное им пенсионное жалованье получали в расчётных кассах Казначейской экспедиции Морского ведомства и её отделений в основных пунктах базирования флота.

2 мая 1763 г. Сенат представил всеподданнейший доклад, где просил «к удовольствию заслуженных в воинской службе отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых и оставшихся после таковых убитых и умерших в службе вдов и детей, не имеющих своего пропитания весьма нужное, и чтоб им по разным присутственным местам в получении того жалования волокиты не было... И. В-во высочайше повелеть препоручить для выдачи такого жалования одному присутственному месту»⁶⁷¹.

Так, в конце января 1769 г. Канцелярия представила президенту Морского ведомства очередной доклад по определениям Адмиралтейств-коллегии, в котором «велено определённое по высочайшим Ея Императорского Величества указам отставленным от службы нижеписанным чинам пенсионное жалование производить из положенной суммы здесь от Казначейской экспедиции, которого они в сентябрьскую 1768 году треть не получали» (Табл. 11).

Таблица 11

Список отставных высших и штаб-офицеров, получавших пенсию в расчётной кассе Казначейской экспедиции Адмиралтейств-коллегии по третям в 1768–1769 годах⁶⁷²

Наименование воинских чинов, специальности, фамилия и имя	Размеры пенсионного жалования (руб.)	
	Пожалованного по указам Ея Императорского Величества	С учётом вычетов на госпиталь и медикаменты
адмирал и кавалер Иван Талызин	1200	1188
адмирал и кавалер Вилим Люис ⁶⁷³	1200	1188
генерал-поручик Иван Рамбург	300	297
генерал-интендант Евстигней Лаптев	140	138 руб. 60 коп.
капитан-командор Матвей Резнер	140	35/34 руб. 65 коп. ⁶⁷⁴
капитан 1 ранга Донкон Вилисон ⁶⁷⁵	66	65 руб. 34 коп.
бригадир Василий Голицын	100	99
цейхмейстер Василий Маленков	100	99
полковник Иван Шенин	150	75/74 руб. 25 коп. ⁶⁷⁶
капитан 1 ранга Василий Бабаев ⁶⁷⁷	70	69 руб. 30 коп.
морской артиллерии капитан 2 ранга михаил Кувшинов	50	49 руб. 50 коп.
майор Иван Долгополов	33 руб. 33½ коп.	16 руб. 66½ коп./ 16 руб. 49¾ коп. ⁶⁷⁸
парусный мастер подполковник Ефрем Сырохнев ⁶⁷⁹	36 руб. 66½ коп.	36 руб. 29¾ коп.
вдова галерного мастера бригадирского ранга Марфа Андреевна Алатченинова	66 руб. 66 коп.	65 руб. 99 коп.

Итоговая пенсионная сумма за сентябрьскую треть 1768 г. на вышеперечисленных четырнадцать лиц составила 3456 руб. 65 коп. / 3422 руб. 7½ коп. и была выплачена после распоряжения руководства Морского ведомства, когда 5 января 1769 г. была отправлена ассигнация⁶⁸⁰ из Адмиралтейской коллегии в Казначейскую экспедицию. В ней говорилось, что по Ея И. В. указу адмиралы постановили выплатить отставным от службы генералитету

и штаб-офицерам определённое по высочайшим Ея И. В. указам пенсионное жалование за прошедшую сентябрьскую 1768 г. треть с вычетом положенной суммы. К ассигнации был приложен именной список на выплату пенсии 14 претендентам на общую сумму 3388 руб. 74 коп. Подписали ассигнацию адмирал С.И. Мордвинов и семь членов Адмиралтейств-коллегии. Казначейской экспедиции предписывалось 8 января 1769 г. доложить рапортом о произведённых выплатах пенсионного жалования.

Выдача пенсии контролировалась Счётной экспедицией путём записей в специальную книгу учёта⁶⁸¹. Кроме того, некоторая часть военных пенсионеров, вдов и сирот, отставных чинов, находившихся на инвалидном содержании, обеспечивалась через финансовые органы Московской, Казанской и Тавровской, действовавшей до 1775 г., адмиралтейских контор⁶⁸². Это делалось по установившейся традиции, чтобы отставным офицерам, находившимся после увольнения от военной службы «в отлучных Ведомства адмиралтейского местах... от тех переписок и продолжений туне затруднений, а наипаче тем вдов и сиротам волокит и в пропитании крайней нужды не было»⁶⁸³.

Отставные офицеры, уехавшие для постоянного проживания в провинциальные и уездные города, как уже упоминавшиеся бригадир Е. Родичев и капитан 1 ранга М. Бунков, а также в собственные имения в сёла и деревни, получали пенсии либо в Казённых палатах губерний⁶⁸⁴, или в провинциальных⁶⁸⁵ уездных казначействах⁶⁸⁶, губернских⁶⁸⁷ и воеводских канцеляриях⁶⁸⁸. Таким образом, выплата пенсии связывалась с особыми правоотношениями между монархом и отставными офицерами-пенсионерами.

К примеру, из Новгородской губернской канцелярии после увольнения в отставку 4 мая 1764 г. адмирал князь С.М. Мещерский-Старшой⁶⁸⁹, начиная с гардемарина Морской академии в 1717 г. и вплоть до ухода из жизни прослуживший 47 лет, каждую треть года получал пенсию в размере 356 руб. 40 коп. по половинному окладному жалованию вице-адмирала.

Или: лейтенант Василий Тарбеев при увольнении в отставку в 1768 г.⁶⁹⁰ был награждён чином капитан-лейтенанта и пенсией в размере половины окладного жалования по чину лейтенанта (100 руб. в год). После увольнения от службы отставной капитан-лейтенант В. Тарбеев уехал из Кронштадта в своё родовое имение, расположенное в сельце Патрикеево Белосельской волости Пошехонского уезда. Полагающуюся ему государственную военную пенсию он по третям года получал от Пошехонской воеводской канцелярии, которая была приписана Правительствующим Сенатом на финансовое довольствие к Ярославской провинциальной канцелярии.

Общая пенсионная сумма, отпускаемая казной через Коллегию экономии Ярославской провинциальной канцелярии, составляла 3 тыс. руб. в год⁶⁹¹, в том числе для выплаты отставным морякам, вдовам офицеров и их сиротам 1032 руб. 19¼ коп.⁶⁹².

В некоторых случаях губернаторы получали именные указы монарха о порядке доставки пенсии именитому пенсионеру в место его пребывания «по удобности»⁶⁹³. Так, контр-адмиралу Ивану Голенищеву-Кутузову чин был пожалован при увольнении в отставку 12 января 1769 г. Пенсия (1800 руб. в год) была в порядке исключения назначена по окладному жалованию контр-адмирала (как правило, капитана 1 ранга), её он по третям года получал от Великолукской провинциальной канцелярии⁶⁹⁴.

В архивном деле «О производстве пенсионного жалования отставленных от службы чинам» за 1769–1770 г. сохранились прошения отставного полковника Ивана Шенина, флота генерал-поручика Ивана Рамбурга и вице-адмирала И.П. Зиновьева. Так, полковник И. Шенин в мае 1769 г. (конкретная дата не указана) направил прошение члену Адмиралтейств-коллегии адмиралу С.И. Мордвинову, в котором просил выдать пенсию за майскую треть (май–август) секретарю Коллежской канцелярии Лазарю Баженову («которому в приёме,

так и в росписи верю»). Разрешение было получено. С аналогичной просьбой обратился в ГАК также в мае, а затем ещё и в августе, чтобы получить за сентябрьскую треть 1769 г., и отставной флота генерал-поручик И. Рамбург. Он, в связи с предстоящим отъездом из Санкт-Петербурга в провинцию, просил, чтобы его пенсионное жалование выдали советнику Счётной экспедиции подполковнику Ивану Болотникову («которому как [при] взятии денег, так и росписке верю»)⁶⁹⁵.

3 июля 1769 г. отставной вице-адмирал И.П. Зиновьев обратился в Адмиралтейств-коллегию с «доношением», в котором писал, что по высочайшему Ея И. В. именному указу он уволен от морской службы⁶⁹⁶ и ныне имеет желание на некоторое время отъехать из Санкт-Петербурга в свои собственные деревни в Новгородском уезде, расположенные около города Порхова, постоянным местом жительства будет усадище⁶⁹⁷ Красково. И.П. Зиновьев просил вместо пенсии выдавать его жалование (как за прошедшую майскую треть, так и впредь будущие выплаты) в столице под «росписку сыну... морских солдатских батальонов поручику Александру Зиновьеву»⁶⁹⁸.

Указ Екатерины II разрешал производить отставным офицерам выплату вместе с пожалованной им пенсией по смерти последнее по воинскому чину жалование из Казначейства. Выплаты производились до тех пор, пока по очереди, по старшинству, и в пенсионную сумму, определённую для Морского ведомства, могли быть помещены.

Контр-адмиралу И.П. Зиновьеву при увольнении от службы в полную отставку 20 декабря 1768 г. были пожалованы воинский чин вице-адмирала и пенсия «по смерти» в размере положенного окладного жалования по чину контр-адмирала (1800 руб. в год). 10 июля 1769 г. И.П. Зиновьев направил ещё один рапорт в Адмиралтейскую коллегию, где просил его паспорт и абшид переслать с нарочным в усадище Красково. 12 сентября из Новгородской губернской канцелярии в Адмиралтейскую коллегию пришло сообщение о том, что отставной вице-адмирал И.П. Зиновьев прибыл в свои деревни и остановился для постоянного проживания в родовом помещичьем доме. Через год по заданию ГАК Порховская воеводская канцелярия проверила физическое состояние И.П. Зиновьева, по-прежнему проживавшего в усадище Красково. По докладу порховского воеводы⁶⁹⁹, надворного советника Варакина, понятно, что на здоровье престарелый отставной вице-адмирал, отдавший флоту 52 года жизни⁷⁰⁰, нисколько не жаловался и чувствовал себя для своего возраста хорошо. Адмиралтейская коллегия предписывала порховскому воеводе регулярно, в каждую треть года, докладывать о самочувствии заслуженного ветерана и интересоваться, сколько времени он ещё пробудет в своих деревнях до предполагаемого отъезда в северную столицу.

В архивном деле содержатся несколько сообщений, посланных Порховской воеводской канцелярией в канцелярию Морского ведомства, мы выделим из них только одно, от 31 декабря 1770 г., с краткой констатацией: «Зиновьев благополучен»⁷⁰¹.

Подобные доклады о самочувствии пожилых и не совсем здоровых отставных офицеров, получавших пенсии и проживавших после увольнения в своих имениях в деревнях⁷⁰², Правительствующий Сенат предписывал регулярно делать всем губернским и провинциальным канцеляриям и присылать рапорта по служебной принадлежности в Военную или Адмиралтейскую коллегию. Это делалось с целью не допустить переплаты пенсионной суммы в случае неизвестной и неустановленной для властей даты смерти ветерана, когда по выданной им доверенности (расписке) деньги в расчётной кассе определённое время мог продолжать получать либо доверенное лицо, или его родственник.

С 19 мая 1775 г. правительство предписало всем уездным воеводским канцеляриям, где стояли на учёте отставные офицеры армии и флота, в обязательном порядке вести аттестаты, куда должны были записывать и сведения о том, «какие кто болезни имеет»⁷⁰³.

Поэтому всякий случай неполучения пенсии отставному офицеру в установленные сроки в расчётной кассе губернской (провинциальной) или уездной канцелярии немедленно расследовался, к нему в имение или на городскую квартиру направлялся посыльный, и затем этот факт письменно докладывался по команде.

Стоило упоминавшемуся выше капитан-лейтенанту Василию Тарбееву (причины нами не выяснены) не получить пенсию за сентябрьскую треть 1768 г. в установленный срок (с 1 по 7 января 1769 г.), как Пошехонская воеводская канцелярия немедленно об этом направила донесение («пенсии не взял, уехал в деревню») в Адмиралтейств-коллегию. Однако как только Василий Тарбеев получил 11 января 1769 г. пенсию, в Морское ведомство об этом было экстренно направлено новое донесение⁷⁰⁴. Ведь отставник, не явившийся в течение года за получением пенсии, решением президента Военной (Адмиралтейской) коллегии исключался из пенсионных книг учёта, и на его место определялся другой уволенный от службы офицер. В случае явки первого, он тогда зачислялся кандидатом на первую открывшуюся пенсионную вакансию⁷⁰⁵.

Кроме того, отставной офицер, уволенный от службы по состоянию здоровья и преклонному возрасту и прибывший в деревню на постоянное место жительства, подавал земскому исправнику письменные доказательства, что он по слабости организма ни в какое присутственное место назначен (избран) быть не может. Также одновременно отставник представлял данные о земельной собственности своей жены, количестве крепостных душ, размерах доходов в рублях, составе семьи, где он ранее проходил военную службу, и в заключение донесения обязательно указывал, что «сказал сухую правду»⁷⁰⁶.

Запись в родословную дворянскую книгу рассмотрим на примере капитана В.А. Повалишина, который в 1792 г. после отставки подал «высокоблагородному» и почтенному Арзамасской округи благородного дворянства предводителю Ф.С. Панютину, бывшему уездному казначею⁷⁰⁷, прошение и приложил к нему по установленной форме сведения для принятия на учёт (Табл. 12) с просьбой «внести в список с прочими Арзамасской округи дворянами и представить на собрании господ [Нижегородского] губернского правления».

Таблица 12

Сведения об отставном капитане Василии Алексеевиче Повалишине⁷⁰⁸

№ п/п 1	Имя и прозвание дворянина, в том уезде имением владеющего, и его лета	Василей Алексеев сын Повалишин, 54 года
2	Холост или женат и на ком или вдов	Женат на дворянке Анне Ивановой по отцу Ульяниной
3	Много ли детей мужского или женского пола и их имена и лета	Детей имею двух сыновей: от первой жены Петра 29 лет, от второй Гаврилу 26 лет. Пётр в Нижегородском наместничестве, в Арзамасском нижнем земском суде, [служит] заседателем. Гавриил поручик того же наместничества в городе Лукоянове, пристав
4	Сколько за ним по последней ревизии наследственной, или купленной, или вновь пожалованной, или приданное обо его пола душ ныне состоит в сёлах, слободах или деревнях	Недвижимаго имения за мной наследственного Тамбовского наместничества Ефремской округи в сельце Микольской и Резаново тож мужского 15, женского 16. Рязанского наместничества Егорьевской округи в сельце Марковской мужского 5, женского 4. Покупные Нижегородского наместничества, Арзамасской округи в сельце Маговилове мужского 5, женского 4. Собственные жены моей Нижегородского наместничества Лукояновской округи в сельце Мостовье мужского 31, женского 35

		В Ардатовском округе в деревне Звереве мужеского 12, женского 12. Всего во всех местах мужеского 68, женского 71
5	В уезде живет тот дворянин или в отлучке	Жительство имею в Нижегородском наместническом правлении в городе Лукоянове
6	Какого он чина	От армии капитан
7	В какой имянно службе или отставке	На штатской службе в Нижегородском наместническом правлении в городе Лукоянове уездным казначеем

При переезде в другое место жительства отставник был обязан сообщать местным властям новый адрес. К примеру, в сентябре 1777 г. лейб-гвардии Семёновского полка отставной поручик П.Я. Бекетов, помещик сёл Архангельского и Головина, в поданном донесении в Арзамасскую провинциальную канцелярию объявил, что с ноября месяца будет постоянно проживать с семьёй в селе Отрада Царицынского уезда⁷⁰⁹. Он, в соответствии с законодательством Российской империи, мог получать пенсию по новому месту жительства.

Другой пример. В марте 1781 г. начальник Нижегородской казённой палаты докладывал рапортом в Нижегородское наместническое правление, что отставному капитану Антону Ахматову пожалована военная пенсия 60 руб. в год. Однако отставник был «написан в расписании Симбирского наместничества по городу Алатырь. Капитану Антону Ахматову пенсия произведена для того, что деревня ево [по новому административному делению] вошла в Нижегородское наместничество и сам он выбыл в служение по сему ж наместничеству, следовательно, кажется, нужно вперёд сию выдачу производить ему из Нижегородской казённой палаты»⁷¹⁰.

Однако довольно часто отставной офицер покидал своё место жительства, не сообщая начальству о своих поездках или перемены места жительства. Обычно они относились к хроническим должникам, которые, взяв по векселю заёмные деньги под заклад недвижимого имущества и не уплатив в указанные временные сроки долги, скрывались от кредиторов, переезжая с места на место, вынуждая власти без их участия описывать земли, леса, покосы, имение и крепостные души⁷¹¹. Поэтому в 1780 г. Сенат предписал губернаторам ежемесячно представлять ведомости в Санкт-Петербургский и Московский банки для дворянства со сведениями о собственниках заложенных имений и их поручителях, а также по судным делам⁷¹².

15 июня 1797 г. Павел I издал указ (напечатан 20 июня): «Усмотрев вкравшиеся злоупотребления, во вред коммерции и общему доверию клонящиеся, что имеющие разные торги и дела по званию своему во избежание платежа долгов перекрепляют имении и капиталы свои жёнам, детям, родственникам, а не редко и людям посторонним; повелеваем праву сему поставить такие границы, дабы таковы акты почитались действительными те только, кои сделаны прежде числа данных ими векселей и обязательств»⁷¹³.

Учёт пенсионеров был точным, всесторонним и перекрёстным. Кроме учёта в Военной (Адмиралтейской) коллегии, с 22 октября 1778 г. Коллегия экономии каждую треть года представляла в Герольдмейстерскую контору ведомости учёта отставных чинов, получавших пенсии⁷¹⁴. В октябре 1784 г. губернским казённым палатам запретили выплачивать пенсии, если в наличии не было документов, подтверждающих разрешение на выплату (как то: указов высочайших именных монарших, Правительствующего Сената), а также наличие денежных ассигнований, поступивших от Главного кригс-комиссариата⁷¹⁵. Кроме того, в казённых палатах губерний, в уездных воеводских канцеляриях учитывались офицерские пенсии, вдовские, сиротские и инвалидные пособия (Табл. 13).

Ведомость, в каких местах и кому имянно производится пенсионное, вдовское, сиротское и инвалидное жалованье и сколко в каждом месте на [1781] год исходной суммы ниже сего⁷¹⁶

Название губернского и провинциального города	Величина пенсионного жалованья (рублей)			
	Офицерская пенсия	Вдовское	Сиротское	Инвалидное
Вологда ⁷¹⁷	347 руб. 52 коп.	–	–	–
Кострома ⁷¹⁸	250	210 руб. 52½ коп.	79 руб. 80 коп.	–
Чебоксары ⁷¹⁹	–	–	528 руб. 44½ коп.	1596 руб. ¾ коп.
Великий Новгород ⁷²⁰	2245	251 руб. 86 коп.	24 руб. 99 коп.	–
Нижний Новгород ⁷²¹	113 руб. 35 коп.	–	–	–
Пенза ⁷²²	150	–	–	–
Псков ⁷²³	420	297 руб. 75 коп.	–	–
Рязань ⁷²⁴	870	–	–	–
Тверь ⁷²⁵	1950	–	16 руб. 62 коп.	100
Ярославль ⁷²⁶	697	233 руб. 22¼ коп.	101 руб. 97 коп.	–
Выборг ⁷²⁷	–	–	–	454 руб. 82¼ коп.
Итого (рублей)	7042 руб. 87 коп.	993 руб. 35¾ коп.	748 руб. 82½ коп.	2150 руб. 83 коп.

Расчёты свидетельствуют, что доля офицерской пенсии, выплаченной в казённых палатах губерний или провинциальных и уездных воеводских канцеляриях, составила в 1781 г. только 35 % от общей пенсионной суммы (20 тыс. руб.), отпускаемой ежегодно из текущих денежных доходов Коллегии экономии в Морское ведомство.

К 1782 г. к губерnskим и провинциальным городам, где осуществлялись выплаты из суммы, ассигнованной на Адмиралтейскую коллегию штаб- и обер-офицерских пенсий, вдовского, сиротского и инвалидного жалованья, добавился Симбирск⁷²⁸.

4 августа 1780 г. в Первопрестольной и Петербурге были учреждены казначейства для остаточных сумм⁷²⁹, а 20 октября того же года там же — казначейства для штатных сумм⁷³⁰. На 2-ю экспедицию («расходная») казначейства для штатных сумм возложили выплачивать «пенсии статами»⁷³¹ (т. е. Уставом морским 1720 г. назначенными и именными. — И.Д.), указами монархии [определёнными]⁷³².

С 9 ноября 1782 г. в связи принятием нового штатного расписания линейных кораблей и военных судов Морского ведомства⁷³³ решением Екатерины II увеличили сумму на содержание морских, солдатских, артиллерийских и адмиралтейских чинов⁷³⁴.

23 февраля 1783 г. императрица потребовала от статс-секретаря А.В. Олсуфьева: «Я желаю иметь [именной] реестр, кто пенсии получает и много [ли] по сие число осталось [отставных военных и морских чинов в очереди ожидания пенсии]»⁷³⁵.

24 июня 1788 г. указом монархии устанавливалась штатная численность линейных кораблей и военных судов в российском флоте на военное время. Корабельный флот должен был содержаться из 48 кораблей, а галерный — 100 морских галер⁷³⁶.

Наряду с выплатой пенсий через губернские казённые палаты и уездные казначейства, с 1781 г.⁷³⁷, также с 16 февраля 1787 г. военные пенсии начали выдаваться и через кригс-комиссариаты. Положенные суммы пенсионного жалования, рассчитанные в Казначейской экспедиции Военного и Морского ведомства на установленное количество пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот, проживающих в конкретном населённом пункте губернии, ассигновались по третям года в Комиссариатскую канцелярию⁷³⁸. Для получения пенсии отставной офицер представлял в комиссариат именной указ монарха о пожаловании его пенсией⁷³⁹. О назначении пенсии по месту постоянного жительства пенсионера публиковались сведения в местной прессе, а выписки из высочайшего указа делались во все уездные учреждения, «в части их касающиеся»⁷⁴⁰.

10 сентября 1787 г. состоялся приговор Сената «О причислении пенсий, оставшихся после пенсионеров, для получения оных не явившихся, к суммам остаточных казначейств»⁷⁴¹.

В январе 1788 г. был объявлен указ из Военной коллегии «О возложении довольствования пенсионеров, инвалидов, вдов и сирот жалованием на обер-комендантов и коммендантов». Комендантам из Главного кригс-комиссариата были высланы инструкции об организации выплаты пенсий вышеназванным лицам⁷⁴². Так как кригс-комиссариаты были открыты не во всех провинциальных и уездных городах, то отставным военнослужащим, вдовам и сиротам приходилось затрачивать много времени и средств, чтобы добраться на перекладных экипажах до соседнего города, куда они были приписаны на пенсионное обеспечение. Иногда приходилось добираться даже до города другой губернии, чтобы получить положенное пенсионное жалование.

К примеру, в ПСЗ содержится постановление правительства, датированное 9 июля 1790 г., разрешающее пенсионерам Орловской губернии получать пенсии через Казённую палату этой губернии. Издание данного нормативного акта было вызвано жалобами и просьбами, поступившими в Правительствующий Сенат от отставных военных чинов, вдов офицеров и сирот, проживавших в Орловской губернии. Они, чтобы получить свои пенсии, были вынуждены ездить за ними в Кригс-комиссариат Воронежской губернии.

Поездки особенно в осенне-зимнее время, дальность и продолжительность путешествия, неудобства и плохое обслуживание на станционных дворах, очень влияли на самочувствие и здоровье ветеранов и вдов, большинство из которых были дряхлы и в весьма преклонном возрасте. Отставные нижние чины и унтер-офицеры, которые находились на инвалидном содержании, из-за незначительных размеров годового пенсионного жалования не могли нанять на станциях конные экипажи для поездки (нанятая четверка ямских лошадей стоила 50–60 руб. в месяц)⁷⁴³, а состояние расстроенного на военной службе здоровья ветеранов не позволяло совершать столь длительные и утомительные для пожилого возраста пешие переходы. Так что выплата пенсий отставным военным, вдовам и сиротам через казённые палаты не только в Орловской губернии, но и в других российских губерниях, где отсутствовали кригс-комиссариаты⁷⁴⁴, стала выходом из положения.

К 1795 г. выплата пенсий производилась в казначейских палатах уже 41 российской губернии и Таврической области и двух штатных казначействах (Санкт-Петербургское и Московское). Кроме губернских, повсеместно были учреждены и уездные казначейства⁷⁴⁵.

Анализ расходной ведомости показал, что основные суммы отставным военным и морским чинам, вдовам и сиротам, гражданским чиновникам выплачивались через Московское и Санкт-Петербургское казначейства: соответственно 116076 руб. 32¹/₄ коп. и 399584 руб. 17¹/₂ коп. от общей суммы пенсии 670667 руб. 15³/₄ коп.⁷⁴⁶

Пенсионеры, желавшие получать пенсии не в той губернии, в которой до этого получали, обязаны были обращаться с прошениями во 2-ю экспедицию государственных расходов в июле и октябре каждого года.

Пенсию ветеранов, вдов и сирот могли получать по их письменному прошению в финансовый орган довольствующего учреждения по выданной ими доверенности, засвидетельствованной военными властями или воеводами провинций (уездов), их доверенные лица, а также родственники⁷⁴⁷.

С 1791 г. в Морском кадетском корпусе императрицей Екатериной II по ходатайству президента Адмиралтейств-коллегии была «положена [в течение года отдельная] сумма на пенсион престарелым отставным от корпуса, долговременно и с пользою служившим, и после умерших — жёнам и вдовам и детям в сравнении Сухопутного и Инженерного корпусов»⁷⁴⁸.

Как уже выше отмечалось, пенсии некоторые высокопоставленные отставные военные и морские чины получали не из штатной пенсионной суммы, определённой монархиной к выплате из Коллегии экономии на Морское ведомство, а по особым именованным указам Екатерины II. Однако иногда эти выплаты задерживались на годы.

К примеру, к ним относится и история с пенсией известного корабельного мастера Василия Алексеевича Селянинова, уволенного из флота с присвоением воинского чина «генерал-майор» после 44 лет службы⁷⁴⁹. Его вдова 8 апреля 1801 г. обратилась с прошением к императору Александру I о пожаловании ей пенсии. Она писала, что её покойный муж вышел в полную отставку в 1784, но вплоть до своей смерти, наступившей в 1788 г., пожалованной по особому именованному указу Екатерины II военной пенсии нигде не получал⁷⁵⁰.

Если же пенсия была назначена особым именованным указом, выплата была не из штатной пенсионной суммы, и если получатель в течение двух лет не являлся за деньгами, то было приказано делать об этом публикации в газетах. Если по истечении третьего года разыскиваемый так и не явился за пенсией, то деньги отсылались в Казначейство⁷⁵¹. Исключение допускалось только для военных пенсионеров, вдов и сирот, постоянно проживающих за границей⁷⁵². Поэтому пенсия в отдельных случаях выплачивалась одновременно за прошедшее время, за период задержки, а также при выезде уволившегося офицера-иноземца по окончании срока службы в русской армии (флоте), указанного в контракте.

При правлении Павла I у иностранцев, остающихся после увольнения от военной службы на вечное проживание в Российской империи, брался реверс. Так, 6 декабря 1799 г. монарх издал указ: «Уволен от службы капитан-командор Биллинг, обязавшийся реверсом на вечное пребывание в России, с пенсионом получаемого им жалования»⁷⁵³.

В 1783 г. из кораблей Азовской и Днепровской военных флотилий был создан Черноморский флот. Главной базой флота стал Севастополь, основанный 3 июня 1783 г. Черноморский флот бурно развивался, оснащался новыми кораблями, построенными на созданных верфях Таганрога, Николаева и Херсона. Туда, на юг страны, с Балтики переводились как бывалые моряки, имевшие опыт службы, накопленный в длительных плаваниях в Средиземном море, в Архипелаге, так и выпускники Морского кадетского корпуса. Все они получали большие возможности для карьерного роста⁷⁵⁴.

29 января 1788 г. Екатерина II выделила 10 тыс. руб. для назначения пенсий морским и адмиралтейским чинам, служившим на Черноморском флоте. В её указе говорилось: «В определении же оной [пенсионной суммы] повелеваем поступать по Регламенту и узаконениям, для управления прочих флотов и Адмиралтейств наших изданных»⁷⁵⁵.

Фактически пенсии морякам Черноморского флота назначал всесильный наместник обширного Новороссийского края генерал-фельдмаршал светлейший князь Г.А. Потёмкин-Таврический, пользовавшийся неограниченным доверием монархини, представлявший на высочайшее рассмотрение доклады, которые всегда утверждались⁷⁵⁶. Ходатайства же о пожаловании пенсий, деревень и прочих наград направлял по подчинённости начальник Черноморского адмиралтейского правления⁷⁵⁷ (Табл. 14).

Таблица 14

Именной список высших и штаб-офицеров, представленный вице-адмиралом Н.С. Мордвиновым 6 августа 1792 года через графа П.А. Зубова императрице Екатерине II, для награждения отличившихся в русско-турецкой войне 1787–1791 годов и обустройстве системы базирования и тылового обеспечения Черноморского флота⁷⁵⁸

Воинский (штатский) чин, должность, фамилия и имя	Предлагаемая награда	Воинский (штатский) чин, должность, фамилия и имя	Предлагаемая награда
Капитан генерал-майорского ранга Гаврил Голёнкин	Рекомендация в чинопроизводство по флоту	Капитан бригадирского ранга Никита Баскаков ⁷⁵⁹	В генерал-майоры ⁷⁶⁰ , назначить столовые деньги
Капитан бригадирского ранга Павел Пустошкин	Рекомендация в чинопроизводство по флоту ⁷⁶¹	Обер-интендант Семён Афанасьев	За долговременную службу отставить с пенсией и чином
Обер-штер-кригс-комиссар Михаил Фалеев	В генерал-майоры ⁷⁶² и «переманить крест» ⁷⁶³	Капитан бригадирского ранга Иван Овцын ⁷⁶⁴	В генерал-майоры ⁷⁶⁵ , назначить столовые деньги
Капитан 1 ранга Прокофий Дмитриев ⁷⁶⁶	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁶⁷	Капитан 1 ранга Фома Прокофьев ⁷⁶⁸	Пожаловать деревни ⁷⁶⁹
Капитан 1 ранга Дмитрий Доможиров ⁷⁷⁰	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷¹ , назначить столовые деньги	Капитан 1 ранга Пётр Радилов	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷²
Корабельный мастер премьер-майор Иван Должников	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷³	Блоковый мастер капитан Кузьма Федотов	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷⁴
Инженер-полковник Иван Князев ⁷⁷⁵	Пожаловать деревни ⁷⁷⁶	Секунд-майор Асон Струговщиков	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷⁷
Корабельный мастер полковник Александр Касатонов	Наградить орденом Св. Владимира ⁷⁷⁸	Профессор земледелия, титулярный советник Михаил Ливанов	Пенсия 1000 руб. в год и сумма на его лечение от болезни ⁷⁷⁹

Отставные нижние чины армии и флота государственные военные пенсии получали только при наличии инвалидности, наступившей в результате тяжких увечий, ранений, болезней, старческой немощи и слабости, случившихся на военной службе. Выплаты им пенсий (матрос 1 статьи — 21 руб. 66 коп., матрос — 2 статьи 18 руб. 16 коп., инвалидное содержание армейского унтер-офицера было 13–15 руб., а у солдата и равного чина — 10 руб. в год)⁷⁸⁰ производились в инвалидных городах, предназначенных для проживания после отставки от службы, и отдельных инвалидных ротах, караульных командах, в ветеранских палатах госпиталей и рабочих инвалидных командах, до 1764 г. — также и из доходов мужских и женских православных монастырей.

Военные пенсии были установлены не для всех нижних чинов и младших командиров, а для незначительной их части, только тем, кто за безупречную 20-летнюю службу был награждён знаком воинского отличия, учреждённым императором Павлом I, — орденом Св. Анны 4-й степени. С этим знаком была сопряжена пожизненная пенсия, размером равным должностному окладному жалованью по последнему воинскому чину⁷⁸¹.

Однако пенсии выплачивались отставным рядовым только тогда, когда в военном комиссариате появлялась пенсионная вакансия. Часто ожидание пенсии кандидатом в очереди отставников растягивалась на годы, а иногда даже и на десятилетия.

Так, находившийся в последние годы XVIII в. на военной службе в московском гарнизоне, вероятно на пенсионном содержании в инвалидной роте, «семидесятилетний, почти старик, отставной унтер-офицер Фёдор Ермолаев», прошедший через три войны, имевший государственные награды, решил возвратиться на постоянное место жительства в свою родную деревню, в семью младшего брата, с которым не виделся более 25 лет. Он говорил своим землякам-сельчанам: «Я задумал дожить свой век на родине. Деньжонки у меня есть свои кой-какие, да пенсия буду получать — так с меня и довольно»⁷⁸².

Другой отставной суворовский солдат, инвалид И.О. Попадичев, уволившийся в 1814 г. в возрасте 61 год, получил пенсию через 27 лет, когда ему исполнилось 88 лет. Он вспоминал: «...подавал в 1841 году прошение, но мне из Департамента ответили, что унтер-офицер Попадичев состоит на очереди кандидатом и когда придёт его очередь, тогда получит пенсию». Однако И.О. Попадичеву очень «повезло»: на Кавказе, в Пятигорске, куда он переехал со своими детьми в 1835 г., он встретил офицера его бывшего полка, который стал высокопоставленным военным, и тот помог протекцией. Попадичев сразу подал документы, через полтора месяца «и пенсия вышел, [дан] билет, по которому должен получать [деньги] в Ставропольском казначействе»⁷⁸³.

Анонимный автор, скрывавшийся за псевдонимом «Энский Фёдор», вероятно офицер, так был осведомлён о внутреннем механизме и изнанке армейской жизни, писал, что русский солдат из крестьянской общины, «отслужив свой срок, вышел в отставку, но связь с землёй порвана, и он после 25-летней службы (срок с 1793 г. — И.Д.) искал со своей семьёй заработка в больших городах, заработок его долго поддерживал, он просил по закону пенсии, на которую не то что семья, один прожить не мог бы и в которой после всяких проволочек отказали или от того, что полиция не признала его беспомощным, или от того, что [медицинская] комиссия при губернском воинском начальнике признала в нём по освидетельствованию способность до 70 лет к труду»⁷⁸⁴.

Только командир Северского конно-егерского полка полковник С.Р. Лепарский добился, что «ни один солдат его полка не выходил в отставку не обеспеченным [пенсией] для дальнейшего своего существования»⁷⁸⁵. Однако это было исключение из общих правил, установленных в вооружённых силах Российской империи по вопросам пенсионного обеспечения уволенных в отставку рядовых и младших командиров.

Некоторые отставные нижние чины возвращались для пропитания с их письменного согласия («указное свидетельство») к своим бывшим помещикам⁷⁸⁶. Тем самым не допускалось «хождение по миру» ветеранов для прошения милостыни⁷⁸⁷.

Незначительная часть из них, имевших собственный двор и находившихся для своего возраста в относительно удовлетворительном физическом состоянии, занимались либо традиционной «крестьянскою работою», «хлебопашеством» (по-прежнему «в своём крестьянском житие и на пашне нахожусь»)⁷⁸⁸, или, будучи «в своём доме, пропитание снисковали от [другой] работы», либо имели индивидуально только «свою работу» и пропитание получали тогда «от волжаной работы»⁷⁸⁹, или пропитание имели «рукоделием

своим, плотничным мастерством», или кормились «рукоделием своим, портным мастерством», («сапожным мастерством», «кирпичным мастерством»)⁷⁹⁰, то есть выполняли по устным договорам различные многочисленные ремесленные заказы и бытовые услуги для соседей-сельчан и даже уездных и губернских горожан⁷⁹¹.

В 1800 г. Павел I установил срок подачи военными и морскими чинами прошений об увольнении в отпуск и отставку от службы. Высочайшим распоряжением предписывалось дворянам в прошениях об отставке указывать действительные причины оставления службы или просить об увольнении исключительно по Манифесту о вольности дворянства, не прибегая к ложным заявлениям о болезни, и в представлениях об увольнении в отставку по болезни лиц недворянского происхождения указывать, кем были выданы медицинские свидетельства об их болезнях⁷⁹².

Анализ показал, что к началу 80-х годов XVIII в. ежегодная сумма на выплаты пенсий только отставным военным и морским чинам, вдовам и сиротам достигла 300 тыс. руб.⁷⁹³.

«Примерное расписание государственных доходов и расходов, сочинённое 17-го февраля 1786 года», извлечённое из архивных бумаг канцелярии министра финансов Российской империи свидетельствует, что на выплату всех пенсий было выделено 500 тыс. руб.⁷⁹⁴. Вероятно, размеры этой суммы в течение 3–4 лет являлись относительно стабильными.

Так, 4 января 1788 г. монархиня, знакомясь с поданной Казначейством ведомостью всех внутренних пенсий, которые выплачивались непосредственно её подданным (совокупная сумма составила около 500 тыс. руб. в год), сказала личному секретарю А.В. Храповицкому: «Тут убавить нечего, хотя бы и нужно было»⁷⁹⁵. Эта сумма фактически совпадает со сметной суммой на выплату пенсий (500 тыс. руб.), предложенной цесаревичем Павлом в 1786 г.⁷⁹⁶. Однако в 1786 г. доходы составили несколько больше: 43 млн. 500 тыс. руб. серебром вместо планируемых 41 млн. руб.⁷⁹⁷.

В последнее десятилетие XVIII в. ежегодно наблюдался рост пенсии, выплачиваемой из штатных казначейств (1792 — 580 тыс.; 1793 — 652 тыс.; 1794 — 676 тыс.; 1795 — 715 тыс. руб.). В процентах составляло: 1792 — 9,7; 1793 — 10,0; 1794 — 10,9.

Рост денежных сумм на выплату пенсионерам и из доходов Кабинета Ея И. В. подтверждают статистические данные за 1785 и 1786 г. (Табл. 15).

Таблица 15

Пенсионные суммы, выплаченные из доходов Кабинета Ея Императорского Величества в 1785–1786 годах⁷⁹⁸

Пенсионная сумма, определённая на 1785 год	Пенсии, отменённые по причине ухода из жизни, достижения сиротами юношеского возраста, повторного замужества вдов в 1785 году	Пенсии, вновь пожалованные в течение 1785 года	Пенсионная сумма, определённая на 1786 год
188668 рублей 13 копеек	6116 рублей 93 копейки	6825 рублей	189376 рублей 20 копеек

Если в 1781 г. пенсионерам из бюджетных сумм, расходовавшихся на призрение непосредственно в губерниях, было выплачено 1,9 %, то в 1792–1795 г. уже 4,1 %. То есть и в провинции в течение 24 лет наблюдался рост пенсий почти в 2,2 раза⁷⁹⁹.

Ежегодно дополнительно из казны выделялась денежная сумма «на пенсии, вновь пополнявшиеся в нынешнем году (1790. — И.Д.), и на прибавочное жалованье». К примеру, на 1790 г. данная сумма составила 21627 руб. 11 коп.⁸⁰⁰.

Причина выделения ежегодных дополнительных денежных сумм на выплату пенсий уволенным военным чинам в отставку заключалась в существенном росте списочной численности русской регулярной армии в царствование Екатерины II. Если при её восшествии на престол в 1762 г. численность полевой армии составляла 174724 военных чинов всех рангов, то через 30 лет, в 1792 г., она достигла 571682, то есть фактически увеличилась в 3,27 раза⁸⁰¹. В целом текущие расходы с 1763 г. по 1796 г. на содержание императорского двора увеличились более чем в пять раз, государственного аппарата в шесть раз, вооружённых сил в три раза.

Общая сумма военных и штатских пенсий, с учётом выплаченных в 1794 г. пенсий и жалованья уволенным от службы сверх 25000 руб., достигла 711720 руб. 34³/₄ коп.⁸⁰², в 1795 г. составила несколько меньше: 670667 руб. 15³/₄ коп.⁸⁰³. Но даже эта значительная пенсионная сумма оказалась недостаточной для обеспечения всех пенсионных выплат из-за постоянно увеличивавшейся численности отставных чинов армии и флота, вдов и сирот, гражданских чиновников, выдачи повышенных пенсий высшему командному составу армии и флота, высокопоставленным вельможам императорского двора. Поэтому в государстве были задействованы различные бюджетные денежные средства для исполнения социальных обязательств монархии перед подданными, которых уволили в отставку⁸⁰⁴.

2 сентября 1793 г. Екатериной II был издан Манифест «О разных дарованных народу милостях». Манифест подвёл итоги победоносных для Российской империи войн со Швецией, Турцией и подавления антирусских мятежей в Польше. Сенату, президентам Военной и Адмиралтейской коллегии повелевалось: «Всем офицерам и нижним чинам, которые в сражении с неприятелем получили тяжёлые раны и, оными будучи изувечены, службу более продолжать не могут, производить по отставке их пенсию по смерти, полное их жалованье, из процентов, получаемых от капитала военного ордена [Св. Георгия]»⁸⁰⁵. Данный Манифест узаконил имевшуюся практику пожалования пенсий военным и морским чинам, получившим ранения, которые не позволяли им продолжать далее полноценно военную службу по состоянию здоровья.

Так, 1 января 1790 г. последовал высочайший указ Адмиралтейств-коллегии, повелевавший: «Флота лейтенанта Ивана Головачёва, за полученными им в сражении с неприятелем ранами не могущаго продолжать службы, всемилостивейше увольняем от оной с награждением чина капитан-лейтенантскаго, повелевая притом производить ему по смерти полное его настоящее жалованье из экономической суммы военного нашего ордена Святаго Георгия»⁸⁰⁶.

Или: 1 января 1796 г. в Адмиралтейств-коллегии был объявлен высочайший указ об увольнении флота капитанов полковничьего ранга Флегонта Палицына и Лариона Сумарокова, капитанов 2 ранга Филиппа Морацо, капитан-лейтенантов Ивана Лупандина, Михаила Панафидина, Джорджа Левиса, Ивана Френёва, Петра Тауха, Якова Нилуса, Ивана Бачманова, Ивана Огорокова и Ивана Певцова, секунд-майора Александра Жедринского, просившихся от службы «за слабостями здоровья» и хроническими болезнями. Офицеры Палицин, Сумароков, Лупандин, Панафидин, Френёв, Таух, Нилус, Бачманов, Огороков, Жедринский были повышены в воинском чине на один ранг. Выслужившим определённое количество морских кампаний Палицыну, Сумарокову, Лупандину, Френёву, Тауху, Нилусу, Огорокову повелевалось «производить узаконенную пенсию», Марацо — выплачивать «полное жалованье», а Левису — «половинное» из адмиралтейских сумм, «Бачманову же — полный оклад, им получаемый, из процентов, приобретаемых думою военного ордена от капиталов его, о чём той думе указ наш дан»⁸⁰⁷.

На обстоятельства выплаты пенсий повлияло то, что за несколько лет до кончины императрицы Екатерины II курс российской валюты крайне снизился и резко упал, так что иностранные банки принимали за рубль не более 60 коп. или ещё меньше, а серебро внутри государства

I. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

сделалось так дорого, что лаж⁸⁰⁸ на серебряные рубли, постоянно увеличиваясь, достиг уже до 45 коп., а на медные к 1796 г. — 31½ коп.⁸⁰⁹. Как результат финансовой нестабильности в стране, «цена на все вещи поднялась и всё вздорожало»⁸¹⁰.

Современница графиня В.Н. Головина свидетельствует, что в начале царствования Екатерины II номинальная стоимость русского рубля равнялась 5 французским франкам, а к её концу правления упала до 2 франков. Основная причина падения стоимости российской валюты произошла «от злоупотреблений выпуском кредитных билетов»⁸¹¹.

Подавляющую часть доходов государственного бюджета составлял подушный налог и питейный доход. Внешний долг к 1796 г. достиг 41,4 млн. руб. ассигнациями⁸¹².

Бюджет на 1797 г. был составлен лично императором Павлом I из расчёта расходов на 31,5 млн. руб. По согласованию с коллегиями он был уточнён и значительно увеличен — до 80 млн. руб., в том числе с расходом на оборону 34 млн. и с дефицитом в 8 млн. руб.⁸¹³.

18 декабря 1797 г. Павел I повелел увеличить штатную сумму пенсии для отставных: военных чинов до 360 тыс. руб., морских чинов до 75 (80) тыс. руб.⁸¹⁴, гражданских чиновников до 120 тыс. руб. — всего до 560 тыс. руб. в год. Новым военным, морским и штатским пенсионерам начали выплачивать пенсии с 1 января 1798 г.⁸¹⁵.

Однако (с явной подачи военного губернатора Санкт-Петербурга генерала от кавалерии графа П.А. фон дер Палена, умело плодившего в столичном обществе множество врагов Павла I, недовольных его действиями) полиция, которая непосредственно подчинялась Палену, вошла в коррупционное соглашение с торговцами, чтобы искусственно резко повысить цены на основные съестные припасы, причём манипулировали так ловко, что император, постоянно занятый обучением войск столичного гарнизона по прусскому образцу, этого и не заметил (*Табл. 16*). Ведь он, замкнув все кадровые вопросы назначения и увольнения военных и статских чиновников в государстве на себя, систематически ежедневно на плац-параде умножая многочисленные приказы и вскоре отменяя большинство из них, просто физически не успевал в них детально разобраться и принять верные решения⁸¹⁶.

Таблица 16

Такса на продовольственные товары и фураж в Санкт-Петербурге в период с 14 по 19 июля 1797 года⁸¹⁷

Наименование продукта	Единица измерения	Цена	Наименование продукта	Единица измерения	Цена
Мука ржаная	куль	6 руб. 85 коп., 6 руб. 40 коп., 6 руб.	Мука пшеничная	пуд	2 руб. 60 коп., 2 руб. 26½ коп.
Масло топленое	пуд	5 руб. 60 коп., 5 руб. 45 коп.	Масло чухонское	пуд	7 руб. 50 коп., 5 руб. 15 коп.
Масло конопляное	пуд	3 руб. 10 коп.	Рожь	четверть	6 руб. 70 коп.
Ячмень	четверть	5 руб., 4 руб. 75 коп.	Овёс	четверть	4 руб. 20 коп., 3 руб. 40 коп.
Говядина	пуд	2 руб. 40 коп., 2 руб., 1 руб. 70 коп.	Ветчина копчёная	пуд	4 руб. 80 коп.

I. ARTICLES

Телята	сорт / штука	1-й – 15 руб. 75 коп. 2-й – 10 руб. 3-й – 8 руб. 4-й – 4 руб.	Бараны	сорт / штука	1-й – 5 руб., 2-й – 3 руб., 3-й – 2 руб. 50 коп.
Поросята	штука	1 руб. 40 коп., 80 коп., 60 коп.	Сало	фунт	7½ коп.
Икра	пуд	8 руб., 6 руб. 5 руб. 75 коп.	Сено	пуд	30 коп.

По высочайшим указам императора Павла I к ежегодному отпуску из казны были определены «на статные пенсии» в 1799 г. следующие денежные суммы: 1) Военной коллегии на служащих на военной службе, на вдов и сирот и инвалидные дома — 360 тыс. руб.; 2) Адмиралтейской коллегии морским и адмиралтейским чинам — 80 тыс. руб.; 3) Коллегии иностранных дел — 11 тыс. 810 руб.; 4) Ассигнационному и Заёмному банкам — 20 тыс. руб.; 5) Медицинской коллегии — 10 тыс. руб.; 6) Статским чинам, служившим в гражданской службе, — 120 тыс. руб.⁸¹⁸.

Однако огромные денежные издержки разного рода, в том числе пожалование правящему политическому классу высоких должностных окладов, выплаты им больших размеров пенсий сверх жалования при нахождении на службе, так расстроили финансы, что правительство было вынуждено прибегать к непопулярным мерам, что негативно сказывалось на экономике страны и существенно влияло на общественное мнение.

Для исполнения указов самодержца Сенат был вынужден «трогать и смешивать без строгого соответствия суммы различных департаментов и обращать их в кассы, где они более требовались» (*Табл. 17*). А наиболее в денежных средствах нуждались Кригс-комиссариат (армия) и императорский двор, где расходы увеличивались из-за дня на день.

Таблица 17

Суммы пенсий, выплаченные в годы правления императора Павла I (руб.)⁸¹⁹

1796	1797	1798	1799	1800
Пенсия штатная / временная				
1221762 / 1673000	1330164 / 1390118	721810 / 1620000	455610 / 1500000	670192 / 1560000

Усиленный выпуск ассигнаций был особенно вредной и опасной мерой, потому что покупательная стоимость и соответственно их ценность значительно понизились к невыгоде не только казны, но и благосостояния военных и штатских чиновников беспоместных и бескрестьянных, живших исключительно на должностное жалованье или пенсию.

В результате волонтаристских решений императора государственные финансы были полностью расстроены, необеспеченных ассигнаций с начала его царствования было выпущено на несколько миллионов рублей, долгов в иностранных банках было набрано примерно столько же. Так ко времени его смерти, к марту 1801 г., казённые расчётные кассы были не только полностью пусты, но уже были истрачены бюджетные денежные суммы, ассигнованные на весь 1801 год⁸²⁰. На 1801 г. было ассигновано: штатной пенсии 658 тыс. 500 руб. и 1 млн. 464 тыс. 492 руб. 84½ коп. сверхштатной⁸²¹. Поэтому утверждение Г.П. Дегтярёва, что к концу правления Павла I общие расходы на штатные государственные пенсии составили не менее 750 тыс. руб. в год, мы считаем несколько завышенным⁸²².

Важно отметить, что этот волонтаристический курс в отношении распоряжения финансов, наиболее проявился в первые три недели правления Павла I (*Табл. 18*).

Таблица 18

Ведомость о суммах по поступившим Вашего Императорского Величества указам ноября с 6-го по 1-е число декабря сего 1796 года, что в оные выплачено и затем осталось платить, а именно⁸²³

Даты пожалования	Основания для пожалования	Пожалованная сумма (руб.)	Выплаченная сумма (руб.)	Остаточная сумма к платежу (руб.)
9, 11, 13, 16–26, 28, 29 декабря	Высочайшие указы за собственноручным подписанием	1 млн. 98 тыс. 935 руб. 61 коп.	255 тыс. 705 руб. 61 коп.	843 тыс. 230 руб.
6, 7, 9, 11–14, 16–18, 20–24, 26, 28, 30 декабря	Устные повеления, объявленные через должностных лиц	106 тыс. 125 руб. 75½ коп.	106 тыс. 125 руб. 75½ коп.	—

Недаром современник майор фон Ведель отметил, что император Павел I «деспотизм проявлял в своих финансовых операциях»⁸²⁴. П.Х. Оболянинов говорил о его действиях так: «...превышение меры и здесь производило вред своего рода. Нередко чрезмерные милости считались свыше заслуги и царская награда теряла своё значение»⁸²⁵.

В стране хронически не хватало денежных средств. С целью покрытия дефицитов впервые стали прибегать систематически как к внутренним, так и внешним займам, что привело к долгам более чем на 200 млн. руб., это почти равнялось трём годовым бюджетам. Для сокращения дефицитов было постановлено собирать пошлину с ввозимых из-за границы товаров иностранной золотой и серебряной монетой, по установленному Советом Его И. В. курсу рубля к иностранной валюте. Также Павел I приказал сжечь на площади перед дворцом бумажных денег на 5 млн. 316 тыс. 665 руб.⁸²⁶.

В российском законодательстве была прописана организация повторного приёма уволенных отставных военных и морских чинов на военную и штатскую службу. Бывшие отставные офицеры, как правило, «поступали в полк с прежним старшинством» по воинскому чину⁸²⁷ в соответствии с нормативно-законодательными актами, введенными в действие императрицами Елизаветой Петровной и Екатериной II⁸²⁸.

Так, 12 июля 1762 г. Екатерина II предписала Правительствующему Сенату: «Находящегося в отставке нашего генерала полного (генерал-аншефа. – *И.Д.*) кн[язя] Семёна Волконского приняли мы опять в действительную службу и повелеваем ему быть членом в Военной коллегии с [должностным окладным] жалованьем по чину его»⁸²⁹.

Или, 13 марта 1763 г. последовал указ Сенату: «Иностранной коллегии отставного секретаря маиорского ранга Андреяна Позднякова повелеваем: то его к нам всеподданнейшему о том прошению принять по-прежнему в нашу службу, жалую его при том всемилостивейше сим нашим указом в коллежские советники (полковничьего ранга. – *И.Д.*), и быть ему у дел до точного его места при Духовной комиссии в Счётной экспедиции, а жалованья ему определяем по 600 р. на год, которые навсегда, и выдавать ему повелеваем из синодальных экономических доходов. Екатерина»⁸³⁰.

18 августа 1763 г. монархиня утвердила доклад Правительствующего Сената «О производстве жалованья определяемым к делам из отставных, получающих пенсии». Отставным офицерам, определённым к штатской службе, «сверх пенсии в жалованье производить в год столько же, сколько [им] пенсионера положено»⁸³¹.

24 марта 1764 г. самодержица всероссийская приняла снова на военную службу бывшего вице-президента Военной коллегии генерал-аншефа графа З.Г. Чернышёва, причём «с награждением его теми же преимуществами, какими он имел перед отставкой»⁸³².

Нередко она направляла рапорт отставного военного и морского чина, претендующего на получение должности, соответствующей его чину, с резолюцией: «отослать в Сенат для определения по способности»⁸³³ или: «если дело подлинно так состоит и способность в нём есть, то определить его [на вышестоящую должность]»⁸³⁴. Вместе с тем именно при Екатерине II утвердилось общественное мнение, что «лёгкая весьма отставка отводит молодого офицера от службы; ибо он... ни какой себе препоны в том не видит; в дополнение же сего урона, который в потере достойного офицера служба уже понесла; возвращаются из отставки в службу обыкновенно недостойные и ленивые офицеры своим пронырством и случаями и тем самым службе двойной вред делают». Вновь принятый на службу офицер возвращался с воинским чином, полученным при отставке, чем вызывал досаду и обиду сослуживцев, которые до его увольнения просто игнорировали его («брезговали» им) в полку, а теперь оказалось, что они ему подчинены стали, а он по морально-деловым качествам не мог ими командовать⁸³⁵. Извещённая о подобных нездоровых настроениях в офицерской среде, 31 июля 1775 г. самодержица издала указ, в котором повелела Военной и Адмиралтейской коллегиям при вторичной отставке офицера его вышестоящим воинским чином не награждать⁸³⁶.

Как уже выше отмечалось, в указе о приёме отставного офицера на военную и штатскую службу объявлялось учреждение, которое ему затем выплачивало жалованье. Так, 11 декабря 1785 г. адмирал С.К. Грейг получил высочайший рескрипт, повелевавший «отставного подполковника Матвея Лемана определить к будущему строению... пушечного завода с жалованьем с 1 сентября сего года по 600 рублей в год, производя оное из суммы, которая впредь на сооружение того завода будет назначена»⁸³⁷. Или такой пример: 1 января 1794 г. генерал-фельдцейхмейстер граф П.А. Зубов направил письмо вице-адмиралу графу Н.С. Мордвинову, где извещал, что «Ея И. В. повелеть соизволила отставного флота капитана 2 ранга Всеволода Тулубьева принять по-прежнему в службу с сохранением всемилостивейше пожалованного ему, по высочайшему Ея В. Манифесту, во 2 день сентября 1793 г. изданному, при отставке его пенсиону»⁸³⁸.

Одна из причин повторного приёма на военную службу офицера, уволенного в отставку по состоянию здоровья, — бедность, вызванная размерами пенсии. К примеру, Ф.Ф. Эртель (1767–1825), бывший офицер прусской службы, за храбрость в боях со шведами в русско-шведскую войну (1788–1790) неоднократно получал повышения в воинских чинах, за год, начав службу поручиком, дорос до секунд-майора. Только тяжёлое ранение вынудило Ф.Ф. Эртеля выйти в отставку, но скромная пенсия, недостаточная для нормального существования заслуженного офицера, и пожар, уничтоживший в 1791 г. всё его имущество, вновь заставили возвратиться на военную службу в гатчинские войска, которыми командовал цесаревич Павел Петрович. Далее было активное участие в Отечественной войне 1812 г., награждение орденом Св. Георгия 4-й степени за проявленное мужество и храбрость в сражении с французами. Закончил военную службу Ф.Ф. Эртель генерал-полцимейстером русской армии⁸³⁹.

При императоре Павле I были упорядочены правила начисления окладного должностного жалованья для вторично поступивших на службу офицеров, уволившись в отставку по собственному желанию, указу самодержца за воинские проступки и вновь принятых по воле монарха⁸⁴⁰, а также и для военных и штатских пенсионеров⁸⁴¹.

28 апреля 1798 г. был объявлен данный Сенату указ монарха «О правилах производства пенсионера служащим и неслужащим военным и гражданским чиновникам». Указ в преамбуле объяснял, что «во отвращение недоразумений, встречающихся при определении вновь к должностям получающих за усердную и долговременную службу пенсионеры, соизволяя

постановить единообразное и общее правило, повелеваем: 1) всем, как военным, так и гражданским чиновникам, получающим пенсион, если произвольно вступят они в службу и когда жалованье, на которое начально определяются, менее будет их пенсион, недостающее в оном число дополнять из получаемого прежде пенсион; а буде бы оное при самом определении или в продолжение настоящей их службы превышало пенсион, то производство сего последнего останавливается; 2) со времени увольнения таковых пенсионеров от вторичной службы возобновлять им выдачу пенсион, если они не подвергнутся в прехождении оной какому-либо гласному пороку и осуждению, которое лишает их права пользоваться им; 3) буде кому в продолжение службы из нашей милости пожалован будет пенсион, то таковому пользоваться оным и по увольнении его от службы, не требуя на то новаго указа; а если сверх того ещё и оставлен будет с жалованьем или пенсионом, то получать ему оба сии пенсион; 4) кто же из сих последних пенсионеров призвётся на службу по нашей воле, или по предписанию Правительства, или по своей просьбе определён будет, тому пожалованным в продолжение службы пенсионом пользоваться ненарушимо; определённый же при окончании оной другой пенсион заменять жалованьем, сравнивая его с оным, буде б оно было ниже пенсион; не воспящая⁸⁴², однако ж, им отнюдь и высших окладов, буде окажутся по службе того достойными; и 5) пенсионерам, входящим в службу по выборам дворянским, получать как пенсион, с которыми они были отставлены, так и жалованье из дворянской суммы, на каковое по выборам поступят»⁸⁴³.

Таким образом, при правлении Павла I, если пенсия офицера, принятого вновь на военную службу, была ниже окладного денежного жалованья, то выдавалось последнее. В противном случае к жалованью прибавлялась из пенсий недостающая часть суммы⁸⁴⁴. Исключение из этого правила было сделано для военных, которым по указу прекращали выдачу пенсий, полученных ими при отставке от военной службы, в случае вторичного поступления на службу при обязательном условии: если увольнение из рядов вооружённых сил или от штатской службы произошло по их собственной инициативе⁸⁴⁵. Поэтому несколько не прав Н.П. Хитрово, утверждавший, что «в кратковременное царствование императора Павла I никаких особенных распоряжений по отношению к обеспечению воинских чинов при отставке не последовало»⁸⁴⁶.

К примеру, 14 сентября 1797 г. указом монарха в отставку с сохранением морского мундира и должностного окладного жалованья в виде пенсии был, по прошению от флотской службы, уволен вице-адмирал И.А. Повалишин, участник длительных плаваний, который «надеялся восстановить здоровье своё в [пожалованных] белорусских деревнях, в кругу семейства... однако скончался там же 4 апреля 1799 г., на 60-м году жизни»⁸⁴⁷. Но бывали и исключения. К примеру, на два прошения были наложены следующие резолюции самодержца: «Отставным капитану Исаевичу и поручику Баранову, просившимся паки в службу, отказано, поелику оставили оную добровольно»⁸⁴⁸. При приёме отставного офицера вновь на службу в указе объявлялся его прежний или вышестоящий чин, полк (учреждение) (Табл. 19).

Таблица 19

Увольнение императором Павлом I офицеров от военной службы за совершённые дисциплинарные проступки и их восстановление в 1797 году⁸⁴⁹

Дата указа	Наименование воинского чина, фамилия офицера	Формулировка условий при приёме из отставки на военную службу
1 мая	отставной майор князь Горчаков	тем же воинским чином в свиту Его И.В.
13 августа	отставной Инженерного корпуса полковник Слудин	определяется тем же чином по-прежнему в Инженерный корпус

18 августа	отставной поручик Бурдо	Санкт-Петербургский гренадерский полк
	Гарнизонного Булгакова полка унтер-офицер Сарматов	пожалован в поручики и определён на инвалидное содержание в Смоленск

Вместе с тем многим исключённым из военной службы обер- и штаб-офицерам, генералам, адмиралам и прочим военным и морским чинам, просившим «о даче настоящей отставки (абшида) с награждением чином и пенсионом», а также ношением военного (морского) мундира, объявлялось, что «прозбы» их вздорны, не заслуживают никакого уважения и отправляются обратно «яко не дельные».

Недоверчивый и подозрительный монарх со времени восшествия на российский престол уволил или исключил из придворной, гражданской и военной служб всех тех должностных лиц, которые, по его мнению, были привязаны к его матери, покойной императрице Екатерине II, и пользовались её благосклонностью и милостями.

Число уволенных за четыре года и четыре месяца его правления достигло несколько тысяч человек (только из армии и флота было отставлено 7 фельдмаршалов, 333 генерала, 2156 штаб- и обер-офицеров, при численности тогдашней русской армии 390 тыс. чел.)⁸⁵⁰, что привело в отчаянное положение многие военные семьи, лишённые не только средств к существованию, но и убежища, ведь никто не решался принимать высланного из столицы чиновника из-за страха навлечь на себя подозрение самодержца.

Но более всего приводило подданных в уныние и страх то, что даже при полной невиновности не могут рассчитывать на безусловное действие российских законов, исполнение которых полностью зависело от личного решения, каприза государя, которые зачастую объявлялись судам в виде указов о приговорах и немедленно должны были быть приведены в исполнение. Павел I был убеждён, что не дело гражданского или военного суда разбираться с виновностью лица, которого он повелел судить.

Эти беззаконные деяния производили тягостные впечатления на общественное мнение. Сложившаяся суровая система таких действий, особенно в столице, где ежедневно это случалось, когда и преступник, и невинный законопослушный подданный могли потерять благосостояние, свободу и честь без суда и следствия (Табл. 20).

Таблица 20

Количество военных и статских чинов находившихся в заключении и ссылке при правлении императора Павла I (по состоянию на 11 марта 1801 года)⁸⁵¹

Генералы	Чиновники первых четырёх классов	Военные V – VII классов	Чиновники V – VIII классов	Обер-офицеры
14	6	44	17	78 ⁸⁵²

Мистически настроенный монарх верил всяким предсказаниям о своей судьбе. Ему было предсказано, что если после четырёх лет в его царствование ничего не произойдёт, тогда нечего будет бояться и оставшаяся часть жизни пройдёт в славе и благополучии. Самодержец так глубоко верил этому предсказанию, что когда 4-х летний срок правления истёк, он издал особый указ, в котором благодарил подданных за оказанную верность и в доказательство своей благодарности объявил прощение всем исключённым или уволенным от службы, а также дворянам, сосланным в собственные деревни. Он приглашал их явиться в Санкт-Петербург, чтобы снова определиться на службу. В отдалённые гарнизоны были направлены представители императора, получившие от него полномочия по приёму на службу уволенных в отставку офицеров.

Так, 31 декабря 1800 г. современник отставной майор И.Г. Андреев написал в дневнике, что в омском гарнизоне монархом, через прибывшего из столицы шефа Томского пехотного полка генерал-майора князя С.С. Вяземского, «разрешены все выключенные из службы принятием оным по-прежнему, а не желающим дать пачпорты в отставку»⁸⁵³.

Многие из уволенных, влчивших жалкое существование и страдавших от хронического безденежья, явились по призыву Павла I в северную столицу и были приняты без всяческого разбора на службу. Однако вскоре количество прибывших увеличилось настолько, что в коллегиях и канцеляриях чиновники не знали, что делать с таким наплывом людей, и власти были вынуждены отослать их обратно, причём без выдачи денежных средств к пропитанию, что вызвало в российском обществе новые поводы к острому недовольству необъяснимых деяний монарха⁸⁵⁴.

Полуголодное существование офицеров, не имевших достаточных средств, военный губернатор Санкт-Петербурга П.А. фон дер Пален сваливал на безумные поступки императора, которому будто бы надоело принимать прощённых, и он приказал их гнать. Продуманными действиями Пален создавал недовольство, повсюду умножая врагов императора⁸⁵⁵.

После смерти отца император Александр I вынужден был решать эту сложную социальную проблему. Общая численность военных и штатских чинов, возвратившихся на службу или получивших прежние права по его указу, достигла до 12 тыс. чел.⁸⁵⁶, а по другим данным и более этого числа⁸⁵⁷.

Все желавшие вступить в службу были без затруднения в неё приняты, исключая действительно порочных и виновных лиц. Сотням пожалованным, а потом фактически выброшенным из вооружённых сил генералам невозможно было сразу дать должность по воинскому чину: им было велено, в ожидании назначения на должность, числиться по армии сверх комплекта за штатным расписанием и жалованьем. Также во всех полках удвоилась, а в некоторых даже утроилась численность штаб- и обер-офицеров⁸⁵⁸.

Основные выводы. Государственные пенсии, пожалованные военным и морским чинам в годы правления Петра III, Екатерины II и Павла I, в соответствии с законодательством Российской империи фактически относились к разделу служебных наград, устанавливаемых за долговременное и беспорочное несение военной службы. Пенсии жаловались монархами «в награду трудов, подъемлемых на службе воинскими чинами, сверх различных почестей и окладов жалованья»⁸⁵⁹. Пенсии являлись привилегированной формой материального обеспечения и морального удовлетворения представителей правящего политического класса, прежде всего офицеров-дворян. Вместе с тем это было и в высшей степени социально справедливо, так как именно на армейских и морских офицеров ложилась колоссальная работа по воспитанию и подготовке к войне личного состава вооружённых сил страны.

Русская армия и флот традиционно комплектовались рядовым составом в основном из представителей феодально-зависимых сословий, которых следовало вылупить в короткие сроки, из лиц, практически не подготовленных к несению военной службы и призванных на неё принудительно, по решению крестьянской (посадской) общины.

По сути, военная и особенно морская служба была связана с постоянным профессиональным риском: либо потерять жизнь, или подорвать своё здоровье.

Именно учреждение пенсии после объявления Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» с 1762 г. позволяло привлечь при наличии таких обстоятельств подходящие кадры офицерских чинов из беспоместных и бескрестьянных дворян. В 1773 г. Екатерина II могла констатировать тот непреложный факт,

что «большинство дворян живёт в своих поместьях»⁸⁶⁰. Появившаяся гипотетическая вероятность пожалования военной пенсии неимущим офицерам являлась своего рода страхованием в известной степени жизни и здоровья как для себя лично, так и членов семьи в случае полной или частичной утраты ими на службе работоспособности.

Прежде всего, именно отставные штаб- и обер-офицеры, относившиеся к мелкопоместным, беспоместным и бескрестьянным дворянам и у которых военная служба полностью отнимала свободное время и способность самостоятельно поддерживать достойное материальное существование, имели право на пенсионное обеспечение, чтобы не зависеть от нужды и лишений. Для них вероятность пожалования пенсии в старости являлась мощным материальным стимулом к беспорочной и продолжительной службе, к стремлению сделать блестящую карьеру. Кроме того, для мелкопоместных, беспоместных и бескрестьянных офицеров, не имевших иных источников доходов, пенсия, как и денежное жалованье, являлась основным и постоянным источником существования их лично и членов семьи.

Пенсии учреждались независимо от возраста, но с определёнными сроками продолжительности службы, установленной нормативно-правовыми актами, и с учётом состояния здоровья и трудоспособности. Пенсии являлись исключительной прерогативой и высочайшей милостью монарха, назначались (по представлению высших органов власти: Сената, Военной и Адмиралтейской коллегии) и утверждались только по его усмотрению.

Типичной чертой пенсионных правоотношений при обеспечении по старости, инвалидности, по случаю потери кормильца являлось применение к ним монархом принципа «фамильяризации», то есть дифференциации размеров пенсий в зависимости от семейно-имущественного положения и заслуг отставного военного и морского чина.

Именно верховная власть определяла право на государственную пенсию и устанавливала соискателю её размер. Наименьшей размер пенсии рассчитывался (исходя из установленного окладного жалованья) в половину того ранга, в котором офицер перед увольнением в отставку проходил службу, наибольший — когда в пенсию обращалось всё получаемое им жалованье. Однако допускались и отступления от установленных правил.

Общими критериями, определявшими право на назначение пенсии и влиявшими на её величину (безусловно не без волеизъявления монарха), являлись, прежде всего, вид и род вооружённых сил, затем рассматривались особые условия: 1) для моряков — особенности прохождения службы на кораблях или на берегу; 2) причины отставки от военной службы; 3) установленный законом срок выслуги лет (для плавсостава — количество кампаний); 4) величина окладного жалованья по последнему воинскому чину; 5) отсутствие дисциплинарных взысканий и штрафов в послужном списке офицера.

Пенсия за выслугу лет была учреждена для военных и морских чинов, у которых из-за специфики профессии физические и нравственные силы в процессе службы были ослаблены расстройством здоровья и немощью, поэтому они не могли с должной энергией и прежними успехами осуществлять воспитание и обучение своих подчиненных. Посредством отставки от службы и назначением особого денежного вознаграждения за безупречную службу «по смерти» действующее пенсионное законодательство позволяло систематически омолаживать офицерский корпус, прежде всего в полках полевой армии и плавсоставе, чтобы постоянно поддерживать в нём на возможно высоком уровне умственные и физические силы.

Пенсии назначались по воинским чинам или по разрядам должностей отставных лиц, уволенных от военной и штатской службы. Пенсионные оклады по воинским чинам определялись: 1) генералам (адмиралам), штаб- и обер-офицерам, состоявшим на военной службе в войсках и на флоте; 2) генералам (адмиралам), штаб- и обер-офицерам, служившим в управлениях и учреждениях Военного и Морского ведомства.

При назначении военной пенсии во внимание принимались наличие и размеры недвижимого имущества у кандидата, количество крепостных крестьян мужского пола, другие источники доходов, увольняемого в отставку офицера либо у его жены.

На пенсионное обеспечение офицеров, которые оставляли службу по выслуге установленных лет, в бюджетах Военного и Морского ведомств назначалась пенсионная сумма и определялся перечень должностных лиц, имевших право представлять монарху доклад на это обеспечение. В зависимости от обстоятельств, в случае ранений и увечий офицера пенсия назначалась при более коротком сроке службы.

До правления Екатерины II пенсии назначались из тех же финансовых источников, из которых шло финансирование армейских и флотских чинов, а для выплат пенсий использовались суммы, остающиеся от некомплекта личного состава по армии и флоту. С 1764 г. на их выплату в бюджеты Военного и Морского ведомств перечислялись суммы из Коллегии экономии, куда они собирались из монастырских доходов.

Увечья и раны, полученные на войнах или при исполнении служебных обязанностей, тесно увязывались с пожизненной помощью потерпевшему независимо от прослуженных лет. В этих случаях пенсия выплачивалась несколько в увеличенном размере. Именно раны и увечья, полученные на войне или при исполнении служебных обязанностей, давали особые права на повышенную пенсию. И это было в высшей степени справедливо, поскольку если глава семейства, в связи с ранением и последовавшими затем болезнями, утрачивал здоровье и работоспособность, то это не могло не отразиться на материальном положении семьи отставного офицера, а отсутствие пенсии неминуемо привело бы её к бедности и нужде.

Для пожалования пенсии на льготных условиях — а в случае ранения и увечья на военной службе и в льготных размерах — учитывалась также продолжительность морских кампаний в неблагоприятных климатогеографических условиях плавания. Это — плавания, проходившие из балтийских российских военных портов в Архангельск и обратно, вояжи, начавшиеся в 1-ю архипелагскую экспедицию русского флота, служба на иностранных линейных кораблях и фрегатах и длительные походы на торговых и военных судах Ост-Индской и Вест-Индской кампаний.

Нами установлено, что при Екатерине II государственные пенсии в Морском ведомстве, даже с учётом назначенной отдельной пенсионной суммы для учреждённого Черноморского флота (10 тыс. руб. в год), получали всего несколько десятков высших, штаб- и обер-офицеров, вдов и несовершеннолетних детей покойных адмиралов и флотских генералов (в 1775 г. 43 чел.). Эта цифра флотских пенсионеров в другие годы несколько менялась, но незначительно, и то только в пределах определённой Екатериной II в 1764 г. Адмиралтейской коллегии пенсионной суммы в 25 тыс. руб. В Военном ведомстве в разные годы правления Екатерины II находилось несколько сотен пенсионеров. По данным И.В. Фаизовой, по состоянию на 1771 г. их было 125 чел. Численность военных пенсионеров в этих ведомствах существенно возросла, когда в конце декабря 1797 г. император Павел I увеличил для каждого из них пенсионную сумму примерно втрое, соответственно должно было возрасти и количество соискателей, подавших по подчинённости рапорта с прошениями на пожалование пенсии.

По нашим подсчётам, доля пенсий отставных адмиралов и флотских генералов в общей пенсионной сумме, назначенной Екатериной II Морскому ведомству, в 1775 г. составляла 70 %, а с учётом пенсий капитан-командоров, бригадиров, флота капитанов бригадирского ранга, цейхмейстеров, вдов и дочерей умерших адмиралов достигала 86 %. Таким образом, пенсии штаб- и обер-офицеров в общей пенсионной сумме Морского ведомства составляли устойчивое меньшинство. Однако эти пенсии для большинства вышеуказанных лиц являлись практически единственной формой материального обеспечения их жизненных потребностей в период увольнения в отставку, когда они — в силу своего неудовлетворительного физического состояния, инвалидности, дряхлости, старческой немощи, а также установленной выслуги лет (морских кампаний) — полностью прекратили военную службу и перешли на иждивение государства. Вместе с тем военные пенсионеры и в общей численности офицеров армии и флота, увольняемых от службы в отставку, составляли незначительное количество.

Кроме общих, «штатных» пенсий, некоторым военным и морским чинам назначались персональные пенсии по особым именным указам монарха. Как правило, к ним относились адмиралы и генералы, традиционно уволенные в «вечную отставку» с полной пенсией (адмирал З.Д. Мишуков — особый случай), когда в неё обращалось всё получаемое ими должностное окладное жалованье по последнему воинскому чину, изредка это была половинная пенсия — для лиц, обладавших большой феодальной поземельной собственностью или по другим личным причинам. Иногда такие пенсии выдавались адмиралам, генералам, штаб- и обер-офицерам, ещё продолжительное время находившихся на военной службе. Причём выплата персональных пенсий, получаемых офицерами по особой высочайшей милости, ни в каком случае не прекращалась и не служила для соискателя препятствием к получению пожалованной государственной пенсии по действующему пенсионному законодательству Российской империи при увольнении от военной службы в полную («вечную») отставку. В целом же пенсии увольняемым от военной службы в отставку морским и военным чинам жаловались верховной властью редко, а для штаб- и обер-офицеров ещё и в незначительных размерах. При отсутствии у них дополнительных доходов при растущей дороговизне жизни им приходилось с большими трудностями и сложностями содержать на пенсию себя и семью в столичных и губернских городах.

В отличие от XVI–XVII в., когда в случае ранения на войне или получения травмы на службе с потерей трудоспособности военному чину царь обычно жаловал прожиточное имение или полностью поместье, переводя его (или только часть) в вотчину, пенсия в XVIII в. выплачивалась в большинстве случаев только в денежной форме. Это давало возможность военному пенсионеру самостоятельно рассчитывать свой семейный бюджет и приобретать предметы материального потребления в соответствии со своими индивидуальными потребностями и пожеланиями членов семьи.

В случае смерти кормильца вдова, особенно с малолетними детьми, получая вдовскую пенсию в размере восьмой доли от окладного жалованья покойного мужа, а дети — сиротское в размере двенадцатой доли оклада отца, семейство без оказания материальной помощи от государства быстро приходило в беспросветную бедность и нищету. Офицерские вдовы, которым не была назначена пенсия, занимали жалкое и беспомощное положение в обществе, опускаясь во всё более низкие социальные страты.

В Российской империи в XVIII в. не представлялось нетрудоспособным и престарелым военным и морским чинам право на государственное пенсионное обеспечение. Пенсионное обеспечение для большинства отставных чинов армии и флота

либо игнорировалось властями (иногда, впрочем, офицерам, обладающим крупной поземельной феодальной собственностью, в нём не было никакой надобности), или государственная пенсия рассматривалась как высочайшая милость русского монарха. Основная же часть отставных нижних чинов армии и флота, не имевших родственников и собственного пропитания, после учреждения инвалидов домов и рот (штатных команд) могла рассчитывать (в порядке установленной очереди) только на содержание в казённых богадельнях и богадельнях, открытых при архиерейских домах.

Таким образом, в развитие уже существовавшего пенсионного законодательства Екатерина II привнесла существенные изменения новыми законами о государственных пенсиях: в 1763 г. для военных чинов, в 1764 г. для морских, адмиралтейских чинов и гражданских лиц. В результате введения пенсионного законодательства появились два существенных нововведения: 1) если прежде пенсии назначались только семьям убитых на войне или умерших при исполнении служебных обязанностей, а самому офицерскому составу — только в том случае, если увечья и болезни не позволяли им продолжать военную службу, теперь вводилось общее начало — выслуга установленных законом лет; 2) на выплату пенсий была назначена общая определённая сумма из разных источников. Однако это привело к следующим последствиям: несмотря на её скорое добавление (примерно в 2,4 раза Екатериной II, Павлом I в 2,5), вследствие значительного увеличения количества военных пенсионеров отставным штаб- и обер-офицерам, попавшим в пенсионный комплект Военного и Морского ведомств, приходилось продолжительное время ждать своей очереди по воинским чинам на получение пенсии.

Пенсия являлась особой формой материального обеспечения отставных военных, морских и адмиралтейских чинов, уволенных от службы по старческой немощи и дряхлости, неизлечимым болезням, ранениям и увечьям, приведшим к частичной или полной нетрудоспособности, и в других, индивидуальных случаях. Она выплачивалась пожизненно; в январскую, майскую и сентябрьскую треть в течение первой декады следующей трети текущего года; в разные годы через различные учреждения: губернские, провинциальные и уездные канцелярии и казначейства, кригс-комиссариаты, губернские казённые палаты. Были установлены правила прекращения выплаты пенсий при поступлении отставного офицера вновь на военную службу. Также прекращение пенсии обуславливалось смертью пенсионера, лишением подданства, решением суда за совершённые тяжкие преступления, выездом за границу без дозволения правительства.

В заключение можно утверждать, что законодательство о государственных пенсиях отставных военных и морских чинов в Российской империи при правлении Петра III, Екатерины II и Павла I окончательно не сложилось. Здесь имеются в виду введения тех законодательных актов, в силу которых у увольняемых отставных военных и морских чинов возникало бы юридическое право на пенсию при наличии утверждённых общих условий и правил, в отличие от назначения пенсий по усмотрению главы государства по представлению высших органов управления.

Именно отсутствие всеобщности и массовости в назначениях пенсий — главная особенность военно-пенсионного законодательства Российской империи в XVIII столетии. Где-то в 1767–1768 г. Екатерина II сделала записи в своём дневнике о том, что ей наконец удалось стабилизировать финансовую систему в государстве, что позволило учредить «инвалидный дом и пенсии для всех тех, кто уже не в состоянии служить и кто не имеет средств к жизни»⁸⁶¹.

Однако волонтаризм Павла I при пожаловании пенсий привёл к расстройству уже налаженной, хотя и слабо, пенсионной системы. Недаром именным указом императора Александра I от 24 июня 1801 г., объявивший «О учреждении Военной комиссии для рассмотрения положения войск и устройства оных», содержал 11 пункт, в котором излагалось: «При сём внутреннем устройстве войск Комиссия не оставит помыслить и сделать положение об пенсиях военным служащим и вдовам их, на определение коих доселе постоянных и подробных [единых] нет правил»⁸⁶².

Вышеизложенное позволяет сделать главный вывод, что пенсия в XVIII в. — это пожалованный монархом и только им установленный размер денежных средств от должностного окладного жалования, полученный в основном как поощрение и высочайшая милость за длительную и достойную службу военного (морского) чина.

Пенсия являлась компенсацией взамен должностного окладного жалования или была социальным пособием, выплачиваемым по преклонному возрасту (старости), за выслугу установленных лет, за увечье (инвалидность), за утраченное здоровье, при нахождении ветерана на действительной полевой военной и гарнизонной службе.

Успешное решение национальной задачи на юге (выход к Чёрному морю, освобождение и освоение исконно русских земель, расширение территории страны на западе, умелое руководство войсками и флотом) привело к пожалованию генералам и адмиралам повышенных пенсий за особые заслуги перед Престолом и Отечеством.

Елизавета Петровна, Пётр III, Екатерина II, Павел I, вступив на престол, своими указами освобождали бывших высших должностных лиц, являвшихся, по их мнению, жертвами политических репрессий прежнего правящего режима. Они восстанавливали их в чинах, возвращали снятые ордена и конфискованные недвижимые имущества, выплачивали денежные компенсации и большие по размерам пожизненные пенсии.

При императоре Павле I появилась пенсия в виде страховой выплаты по инвалидности как денежное возмещение вреда здоровью, нанесённого им нижнему чину неумелыми и непрофессиональными действиями, связанными как не соблюдением на учениях техники безопасности, так и по неосторожности и бесконтрольности за служебной деятельностью, подчинённого офицером из собственных доходов.

В течение XVIII столетия вдовам и сиротам военных, морских и адмиралтейских чинов выплачивалась пенсия по утери кормильца. Эти страховые выплаты обязательно предусматривались в бюджетах Военной и Адмиралтейской коллегий.

Таким образом, каждый военный и морской чин, оставивший военную службу по выслуге определённого законодательством срока, за исключением преждевременного увольнения по болезни и ранению, продолжительностью (минимум 32 года или 16 морских кампаний), и ставший по физическим причинам неспособным к дальнейшему её продолжению, фактически не имел никакого юридического права на то, чтобы государство обеспечило материальные потребности его лично и членов семьи.

Более того, офицеры, посвятив военной службе продолжительное время, затратив на неё свои лучшие годы жизни и физические силы, достигнув преклонного возраста, а иногда и ранее, по расстроенному здоровью должны были оставлять службу. При этом какие-либо побочные заработки, которые были возможны для штатских лиц, решительно не мыслились для военных и морских чинов. Многие из отставных офицеров армии и флота были совершенно не подготовлены к другому роду и виду хозяйственной деятельности, которая могла бы дать им денежные средства к безбедному материальному существованию, соответствующему их высокому положению в российском обществе.

В последующие годы система пенсионного обеспечения отставных военных и морских чинов успешно развивалась, верховная власть, заинтересованная в укреплении позиций правящего политического класса и стабильности в российском обществе, меняла взгляды по повышению материального уровня отставных чинов в зависимости от экономического строя государства и реорганизации вооружённых сил в новых условиях.

- ¹ Речь генерал-фельдмаршала графа Х.К.Б. фон Мольтке на заседании германского парламента 28 февраля 1886 года (*Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам и их семействам в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. С. 4).
- ² *Дуров И.Г.*: 1) Пенсионное обеспечение морских чинов при правлении Петра Великого // Меншиковские чтения – 2007 : Сб. науч. ст. СПб., 2007. Вып. 5. С. 7–32 ; 2) Становление и развитие пенсионного обеспечения военнослужащих в России при Петре Великом // Вестник государственного социального страхования. 2008. № 1. С. 70–80 ; № 2. С. 75–80 ; № 3. С. 74–80 ; 3) Пенсионное обеспечение военнослужащих армии и флота после кончины Петра Великого и до начала правления императрицы Елизаветы Петровны // Там же. 2009. № 1. С. 70–80 ; № 2. С. 75–80 ; № 3. С. 74–80 ; 4) Пенсионное обеспечение военнослужащих армии и флота при правлении императрицы Елизаветы Петровны // Там же. 2010. № 1. С. 70–80 ; № 2. С. 70–80 ; № 3. С. 65–80 ; 5) Пенсионное обеспечение отставных военнослужащих в военных и адмиралтейских генеральных госпиталях в первой четверти XVIII века // Нижегородская старина. 2009. Вып. 19–20. С. 87–105 ; 6) Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской Православной Церкви в первой четверти XVIII века // Меншиковские чтения – 2010 : научный альманах. 2010. № 1 (8). С. 20–54 ; 7) Ветераны армии и флота Петра Великого на инвалидном содержании при Петре III, Екатерине II и Павле I // Там же. 2011. № 2 (9). С. 9–38 ; 8) Медицинское освидетельствование военных и морских чинов при увольнении в отставку от военной службы при правлении Петра Великого // Там же. 2012. № 3 (10). С. 21–75 ; 9) Организация военного чинопроизводства в русской регулярной армии и военно-морском флоте в эпоху Петра Великого // Там же. 2013. № 4 (11). С. 71–124 ; 10) Пенсии, пожалованные Петром Великим неимущим отставным офицерам, обеспечивали ветеранам достойную старость // Там же. 2014. № 5 (12). С. 78–123 ; 11) Самодержавие и его политика в отношении браков военных чинов : (первая половина XVIII века) // Там же. 2015. № 6 (15). С. 57–84 ; 12) Пенсионное обеспечение отставных военных и статских чинов, служивших в центральных, губернских и уездных учреждениях Российской империи в XVIII веке // Там же. 2016. № 7 (17). С. 42–102.
- ³ *Вейдемейер А.И.* Царствование Елизаветы Петровны. СПб., 1834. Ч. II. С. 108 ; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. II. С. 29, 32 ; *Куломзин А.Н.* Финансовое управление в царствование Екатерины II. СПб., 1870. С. 1, 6, 11.
- ⁴ *Урланис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XVIII вв. : (Историко-статистическое исследование). СПб. ; М., 1998. С. 58 ; Записки императрицы Екатерины Второй : (1751–1758) // ИВ. 1906. Т. CV, июль. С. 48.
- ⁵ Записки императрицы Екатерины Второй // РС. 1906. Т. 128. Окт. С. 13.
- ⁶ Записки И.А. Греча // РА. 1873. Кн. 3. Стб. 251 ; *Шумигорский Е.С.* Императрица Елисавета Петровна : (Опыт характеристики) // ИВ. 1903. Т. XCI, февр. С. 548 ; *Тимирязев В.А.* Дочь Петра Великого // ИВ. 1900. Т. LXXXI, сент. С. 853 ; Там же. Окт. С. 126, 133.
- ⁷ Цит. по: *Сементковский Р.И.* Родоначальник нашей патриотической литературы // ИВ. 1894. Т. LVII, авг. С. 381.
- ⁸ *Дыгало В.А.* Откуда и что на флоте пошло. Флот государства Российского. М., 1993. С. 240.
- ⁹ Несколько малоизвестных указов и писем императора Петра III см.: Указ вице-адмиралу Льювису, контр-адмиралу Мордвинову, контр-адмиралу Милославскому и капитан-командору Нагаеву // Памятники новой русской истории : Сб. ист. статей и материалов. СПб., 1872. Т. 2, отд. II. С. 9 ; ПСЗ. СПб., 1830. Т. XV. № 11442. С. 910–911.
- ¹⁰ Цит. по: *Бржеский Н.К.* Государственные долги России : Историко-статистическое исследование. СПб., 1884. С. 48.
- ¹¹ Архив графов Мордвиновых / предисл., примеч. В.А. Бильбасова. СПб., 1901. Т. I. № 75. С. 110–111.

- ¹² МИРФ. СПб., 1883. Ч. X. № 158. С. 303–304 ; № 326. С. 600.
- ¹³ РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия. 1717–1827). Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 1–24, 29–29 об., 37–38 об., 51–53.
- ¹⁴ Там же. Ф. 212. Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 1–1 об.
- ¹⁵ ОМС. СПб., 1885. Ч. I. С. 103–104 ; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1759 г. Д. 22. Л. 93–96 об.
- ¹⁶ МИРФ. Ч. X. № 324. С. 587.
- ¹⁷ РБС. СПб., 1914. Т. [10] : Лабзина–Ляшенко. С. 75–77 ; МИРФ. Ч. X. № 350. С. 663 ; СПб., 1886. Ч. XI. № 40. С. 52.
- ¹⁸ ОМС. Ч. I. С. 160–161.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 14 об.
- ²⁰ *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1834. Ч. III. С. 38.
- ²¹ ОМС. Ч. I. С. 100–101 ; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1759 г. Д. 22. Л. 89–92.
- ²² ОМС. СПб., 1885. Ч. II. С. 378–379 ; МИРФ. Ч. XI. № 104. С. 228 ; № 127. С. 249 ; № 170. С. 361.
- ²³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 14 об. ; МИРФ. Ч. X. № 351. С. 663–664.
- ²⁴ *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам ... С. 4.
- ²⁵ Несколько неизвестных указов ... С. 10 ; Архив графов Мордвиновых. Т. I. С. 5 ; МИРФ. Ч. X. № 348. С. 659–661 ; Сб. РИО. СПб., 1876. Т. 18. № 50. С. 240–243.
- ²⁶ МИРФ. Ч. XI. № 60. С. 103 ; № 87. С. 126.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 10–10 об. ; МИРФ. Ч. X. № 352. С. 664 ; № 353. С. 665 ; № 354. С. 665–666.
- ²⁸ *Порай-Кошица И.А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862–1796. СПб., 1874. С. 162–163 ; Указ об отставке 1762 года // РС. 1897. Т. 92, нояб. С. 404 ; *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I. С. 462–463.
- ²⁹ ПСЗ. Т. XV. № 11444. С. 912–919 ; Сб. РИО. Т. 18. № 23. С. 93–94 ; № 49. С. 239.
- ³⁰ Подсчитано нами по данным: ЦАНО. Ф. 1 (Нижегородская губернская канцелярия). Оп. 2. Д. 79. Л. 45 ; Д. 80. Л. 21-а.
- ³¹ Архив Правительствующего Сената. Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век / собрание П.И. Баранова. СПб., 1878. Т. III : 1740–1762. С. 472.
- ³² Рассчитано и сравнено по данным: РГА ВМФ. Ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейской коллегии генерал-фельдмаршала И.Г. Чернышёва). Оп. 1. Д. 136. Л. 179–180 ; ОДАММ. СПб., 1898. Т. VIII. С. 473 ; ПСЗ. Т. XVI. № 11898. С. 336 ; 200-летие Кабинета Его Императорского Величества : 1704–1904. Историческое исследование. СПб., 1911. С. 378.
- ³³ *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка : 1731–1848. СПб., 1849. Ч. IV. С. 17.
- ³⁴ Записки императрицы Екатерины Второй : (1729–1751) // РС. 1906. Т. 127. Июль. С. 7–9 ; Император Пётр Третий. № I // РА. 1909. Кн. 2. С. 518–526.
- ³⁵ Таблица составлена нами по данным: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 21–21-а об. ; 47, 48, 133, 228, 251–251 об. ; Архив Правительствующего Сената. Т. III. С. 481, 483, 487, 588, 494, 496, 499, 500, 509, 510.
- ³⁶ Был назначен президентом Мануфактур-коллегии. Указ Правительствующему Сенату был получен 9 июня 1762 г. (О назначении бригадира де Бресана президентом Мануфактур-коллегии // РС. 1903. Июль. Т. 115. С. 106 ; РБС. СПб., 1908. Т. [3] : Бетанкур – Бякстер. С. 348 ; *Кобеко Д.Ф.* Из истории французской колонии в Петербурге // ЖМНП. 1883. Ч. ССХХVII. Отд. II. С. 62–63).
- ³⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 32–32 об.
- Крестьяне находились в деревнях Новгородского уезда.
- ³⁸ Коронная мыза в Лифляндии, 20 гаков, в вечное и потомственное пользование.
- ³⁹ Сельцо Хмылино, Рузский уезд.
- ⁴⁰ Указ о производстве в воинский чин бригадира и пожалования российского дворянства был подписан императором Петром III 20 января 1762 г.
- ⁴¹ Крестьяне были пожалованы из деревень дворцовой Трясовской волости Новгородского уезда в вечное и потомственное владение.
- ⁴² РБС. СПб., 1897. Т. [8] : Ибак – Ключарёв. С. 68.
- Крестьяне пожалованы из деревень дворцовых волостей Новолодожского, Новгородского и Московского уездов в вечное и потомственное владение.
- ⁴³ 300 рублей в год (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 47). Однако в Сб. РИО (СПб., 1871. Т. 7. С. 128) напечатано, что пенсионный оклад надворного советника И. Елагина составлял 1000 руб. в год.
- ⁴⁴ 150 руб. в год.
- ⁴⁵ Коронные мызы были пожалованы в Эстляндии в вечное и потомственное владение.
- ⁴⁶ Мыза в Лифляндии была передана Селгорсту и его жене на арендное содержание сроком на 16 лет.
- ⁴⁷ Мыза, находившаяся в Перновском уезде, была передана в пожизненное владение.
- ⁴⁸ Ладожские Рядки и Порожская волость в вечное и потомственное владение.
- ⁴⁹ Ранее мызы находились в Дерптском уезде в собственности умершей матери.
- ⁵⁰ Крестьян пожаловали из дворцовых волостей в вечное и потомственное владение «в тех местах, где они сами выбрать пожелают».
- ⁵¹ Сб. РИО. Т. 7. С. 121, 122, 127 ; *Бильбасов В.А.*: 1) Последние «голлштинцы» : (1763-й год) // Исторические монографии. СПб., 1901. Т. III. С. 223–228 ; 2) История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. II. С. 705–708.

- ⁵² Сб. РИО. Т. 7. С. 277.
- 7 ноября 1762 г. указом Екатерины II отставному полковнику П. Горюшкину была пожалована пенсия 500 руб. в год «по смерти», выплачиваемая из доходов Кабинета Ея И. В. (Там же. Т. 7. С. 177).
- ⁵³ Там же. С. 168.
- ⁵⁴ Там же. С. 170, 177.
- ⁵⁵ Архив князя Воронцова. Кн. 6 : Царствование Елизаветы Петровны / сост. П.И. Бартев. М., 1873. С. 256 ; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I : Жизнь и царствование. СПб., 1907. С. 129, 132–133 ; Письма из эпохи 1812–1815 годов : Повеление великого князя Павла Петровича (22 октября 1774 г.) // РА. 1871. Вып. 1. Стб. 149–150 ; ЦАНО. Ф. 2013 (Коллекция документов Нижегородской губернской учёной архивной комиссии). Оп. 602-а. Д. 53. Л. 1–30 ; Д. 57. Л. 1–75.
- ⁵⁶ ПСЗ. Т. XV. № 11486. С. 957.
- ⁵⁷ *Попов Н.А.* В.Н. Татищев и его время : Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 225.
- ⁵⁸ ПСЗ. Т. IV. № 2179. С. 399 ; Т. V. № 2671, п. 5, 6. С. 25 ; № 2726. С. 63 ; № 3006. С. 333 ; Т. VI. № 3756. С. 368 ; № 3807. С. 410 ; № 4063. С. 753 ; ПБИПВ. М., 1964. Т. 11, вып. 2 : (Июль–дек. 1711 г.). № 4860. С. 232 ; МИРФ. СПб., 1865. Ч. I. № 1169 ; С. 692–693 ; Ч. II. № 1602. С. 212 ; № 1658. С. 237 ; № 2280. С. 551 ; СПб., 1886. Ч. III. № 20. С. 13–14 ; № 182. С. 138 ; № 355. С. 369 ; СПб., 1867. Ч. IV. С. 382, 405, 425, 449, 452, 492, 649, 663 ; СПб., 1875. Ч. V. № 194. С. 309–310 ; № 257. С. 542 ; № 292. С. 596 ; Д. и П. СПб., 1880. Т. I. № 467. С. 326 ; ОМС. Ч. I. С. 178–179, 350–351, 486 ; РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого и его продолжение). Отд. II. Д. 71. Л. 629–630.
- ⁵⁹ ОМС. Ч. I. С. 72–73, 84–85 ; Ч. II. С. 420. С. 421 ; 454–455, 498 ; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1742 г. Д. 51. Л. 24 ; Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 17–17 об., 19 ; РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. Д. 99. Л. 387 об. ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 84 ; Ф. 4 (Нижегородское наместническое правление). Оп. 1. Д. 1235. Л. 1–2 ; Д. 2619. Л. 1–5 об. ; Ф. 60 (Нижегородская казённая палата). Оп. 239-а. Д. 6. Л. 192–192 об., 263–264 ; Д. 11. Л. 1004 ; Ф. 2013. Оп. 2. Д. 17. Л. 1 об.–2 ; Оп. 602. Д. 1127. Л. 1–1 об. ; ОДАММ. СПб., 1882. Т. III. С. 358, 672, 677 ; СПб., 1888. Т. V. С. 442 ; СПб., 1895. Т. VII. С. 698 ; Т. VIII. С. 409 ; Архив Правительствующего Сената. СПб., 1875. Т. II : 1725–1740. С. 218, 450, 496 ; Т. III. С. 203.
- ⁶⁰ *Хитрово Н.П.* Реальная попытка к улучшению положения отставных пенсионеров всех ведомств, при помощи сгруппирования их в обществе : (с историей исследования положения служивых людей в отставке с древнейших времён у нас в России). М., 1903. С. 25 ; Письмо полковника Дурова к графу Воронцову // Архив князя Воронцова. С. 190–192 ; МИРФ. СПб., 1888. Ч. XII. № 209. С. 455 ; № 394. С. 693–694 ; Пенсии // Военная энциклопедия. М., 1915. Т. 18. С. 338–339 ; *К.О.* Пенсии и единовременныя пособия // Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. СПб., 1856. Т. X. С. 205–207 ; Книга Устав Морской. СПб., 1763. С. 113–157.
- ⁶¹ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1901. Т. II. № 549. С. 84.
- ⁶² ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 77. Л. 312 ; Д. 80. Л. 226–227 ; Д. 95. Л. 308 ; Д. 107. Л. 125–126 ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 1004 ; Ф. 115 (Нижегородский губернский магистрат). Оп. 34-а. Д. 307. Л. 2–4 ; Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 47-а. Л. 3 об., 159, 209, 221, 225, 230 ; ПСЗ. Т. XXIV. № 18201. С. 766–767 ; Письма императрицы Екатерины II к разным государственным сановникам // ЧОИДР. 1863. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. 178 ; *Долгорукий И.М.* Каплице моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни // ЧОИДР. 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 33 ; Сб. РИО. Юрьев, 1902. Т. 114. № 66. С. 207–209 ; № 139. С. 429–430.
- ⁶³ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 259 ; Д. 81. Л. 239–240 об. ; Д. 96. Л. 256 ; Д. 95. Л. 368 ; Д. 98-а. Л. 142 ; Д. 99. Л. 227 ; Д. 105. Л. 39 ; Ф. 4. Оп. 1. Д. 329. Л. 1–2 ; Ф. 570 (Нижегородская духовная консистория, духовные правления и церкви Нижегородской епархии). Оп. 554, 1763 г. Д. 68. Л. 2 об., 4–4 об. ; Д. 72. Л. 1 ; Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 47-а. Л. 159, 209, 221, 225, 230 ; Светлые минуты императора Павла 1796–1801 // ИВ. 1886. Т. XVI, окт. С. 137–138 ; Сб. РИО. СПб., 1868. Т. 2. С. 419–424 ; Бумаги князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического. 1788–1789 гг. // Сб. ВИМ. СПб., 1894. Вып. VII. № 128. С. 96–97.
- ⁶⁴ ПСЗ. Т. VI. № 3756. С. 368 ; Т. IX. № 6416. С. 142 ; Т. XVI. № 12287. С. 970 ; Т. XVII. № 12728. С. 945–947 ; Т. XXIV. № 18070. С. 665 ; № 18099. С. 686 ; № 18140. С. 734 ; ПБИПВ. М., 1951. Т. 8, вып. 2 : (Июль–дек. 1708 г.). Примеч. к № 2946. С. 1069–1071 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 84, 226–227, 259 ; Д. 97. Л. 132, 160 ; Д. 98-а. Л. 15 ; Сенатский архив. СПб., 1888. Т. I : Именные указы императора Павла I. С. 9–10, 20, 40, 41, 575 ; Там же. СПб., 1904. Т. XI. С. 310–311 ; Там же. СПб., 1907. Т. XII. С. 140–141, 289, 298–307, 309–310, 499–500 ; Император Павел Петрович. Приказы по войскам : 1797 г. // РС. 1873. Т. VIII, июль–дек. С. 969, 971.
- ⁶⁵ *Песков А.М.* Павел I. 4-е изд. М., 2005. С. 58.
- ⁶⁶ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1127. Л. 1 ; Оп. 602-а. Д. 47-а. Л. 29, 77 об. ; ПСЗ. Т. IX. № 6514. С. 240–242 ; Т. XI. № 8799. С. 926 ; Т. XVI. № 12287. С. 970 ; Сб. РИО. Т. 7. С. 225–227 ; СПб., 1873. Т. II. Отд. XV. С. 263 ; СПб., 1875. Т. 15. № 19. С. 217–219 ; СПб., 1881. Т. 34. № 23. С. 100 ; № 69. С. 218–219.
- ⁶⁷ ПСЗ. Т. V. № 2701. С. 48, 49 ; № 3456. С. 756 ; Т. VI. № 3810. С. 411–412 ; № 3874. С. 478 ; Т. XIII. № 10101. С. 838–839 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 7. Л. 46 ; РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 161. Л. 19 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97. Л. 184.
- ⁶⁸ МИРФ. СПб., 1879. Ч. VII. № 212. С. 611–612 ; № 224. С. 618 ; № 237. С. 706, 717–718, 737–738 ; СПб., 1880. Ч. VIII. № 57. С. 64–65 ; № 236. С. 717 ; № 237. С. 718–721 ; № 238. С. С. 721–722.
- ⁶⁹ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I : Совет в царствование Екатерины II : (1768–1796 гг.). Ч. I : Протоколы Совета в царствование Екатерины II. Отделение историческое. Стб. 127 ; *Бильбасов В.А.* Шведская война : 1788–1789. Екатерина II во время войны со Швецией // Исторические монографии. Т. III. № 5. С. 362 ; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 405. С. 415–416.
- ⁷⁰ ПСЗ. Т. XXIV. № 17916. С. 590–591 ; *Л. Б.* Русские пытки : Исторический очерк // РА. 1867. Вып. 7. Стб. 1139–1167 ; РБС. Пг., 1918. Т. [17] : Романова – Рясковский. С. 739–741.
- ⁷¹ ПСЗ. Т. XXV. № 19056. С. 741 ; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2720. Л. 1–5 об. ; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1127. Л. 2–2 об. ; МИРФ. Ч. IV. С. 405 ; Ч. VII. № 22. С. 47 ; № 62. С. 207 ; Ч. VIII. № 234. С. 702–703, 704, 711–712 ; СПб., 1881. Ч. IX. № 273. С. 644 ; Ч. X. № 92. С. 121 ; № 213. С. 387 ; № 216. С. 414–415 ; СПб., 1902. Ч. XVI. № 94. С. 61 ; Сб. РИО. Т. 11. Отд. XV. № 7. С. 187 ; СПб., 1878. Т. 25. № 135. С. 109 ; № 338. С. 399–400 ; Т. 34. № 107. С. 319 ; СПб., 1886. Т. 55. № 187. С. 333 ; 1905. Т. 120. № 43. С. 230–231 ; Юрьев, 1899. Т. 106. № 86. С. 352–353, 354 ; СПб., 1901. Т. 111. № 115. С. 279 ; Т. 114. № 23. С. 68 ; № 53. С. 167 ; № 55. С. 173 ; № 66. С. 207–209 ; 1906. Т. 124. № 20. С. 125, 129–130 ; № 21. С. 134 ; № 34. С. 224 ; № 47. С. 321 ; № 75. С. 476 ; СПб., 1907. Т. 126. № 32. С. 213 ; № 52. С. 361–362 ; № 57. С. 391.
- ⁷² ПСЗ. Т. XVII. № 12728. С. 946 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 95. Л. 172–174 ; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1127. Л. 2. Фергер – искажённое от нем. Das Verhör (допрос). Как установил профессор Ю.Н. Беспятых, при Петре I в документах военного (военно-морского) суда слово писали так: «фергер».
- ⁷³ ПСЗ. Т. V. № 3241. С. 595–596 ; Т. XV. № 10788. С. 142 ; МИРФ. Ч. VII. № 237. С. 732, 734–736 ; Ч. X. № 216. С. 419–420 ; ОМС. Ч. I. С. 391–392 ; Сб. РИО. Т. 25. № 258. С. 285 ; 1884. Т. 40. № 31. С. 83–84 ; 1887. Т. 56. № 95. С. 150–159 ; 1889. Т. 69. № 445. С. 775 ; № 478. С. 818 ; № 520. С. 905.
- ⁷⁴ ПСЗ. Т. XXIV. № 18017. С. 636–637 ; № 18067. С. 664 ; Сб. РИО. Т. 34. № 119. С. 348 ; № 121. С. 353 ; Т. 55. № 27. С. 63 ; Т. 56. № 93. С. 135–145 ; № 96. С. 160 ; СПб., 1888. Т. 63. № 322. С. 688–682 ; № 326. С. 697 ; Т. 69. № 201. С. 330 ; № 514. С. 894–897 ; Т. 106. № 2. С. 10, 12–16 ; № 24. С. 78–79 ; № 28. С. 92 ; № 73. С. 301 ; № 80. С. 328 ; СПб., 1900. Т. 108. № 14. С. 22 ; Т. 111. № 133. С. 322 ; № 200. С. 537 ; Т. 114. № 128. С. 390 ; № 141. С. 439 ; № 171. С. 556 ; Письма Павла Петровичу к графу И.П. Салтыкову. 1781–1801 // РА. 1899. Кн. 3, вып. 9. С. 8 ; *Арсеньев А.В.* «Непристойные речи» : (Из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII века) // ИВ. 1897. Т. LXIX, июль. С. 70–80 ; Сенатский архив. Т. XII. С. 353–354, 357–358.
- ⁷⁵ Сб. РИО. Т. 25. № 147. С. 117–118 ; № 181. С. 141 ; Атака Гданьска фельдмаршалом графом Минихом 1734 года : сб. реляций графа Миниха, составленный Генерального штаба полковником Д.Ф. Масловским // ЧОИДР. 1888. Кн. 2. Отд. I. № СХIV. С. 209 ; № СХVII. С. 211 ; ЦАНО. Ф. 116 (Нижегородский городской магистрат). Оп. 1. Д. 96. Л. 1, 2–2 об., 4–5 ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 765–765 об.
- ⁷⁶ Императрица Екатерина II и кн. Потёмкин. Подлинная переписка : (Из сборника профессора Николаевской академии Генерального штаба П.С. Лебедева). 1788 г. // РС. 1876. Т. 16, июль. С. 447.
- ⁷⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 17696. С. 258 ; Архив графа Игельстрема // РА. 1886. Кн. 3, вып. 12. С. 491 ; Выговор императора Павла I генерал-аудиториату // РС. 1901. Т. CVII, вып. 7. С. 239–240.
- ⁷⁸ Письма Павла Петровичу к графу И.П. Салтыкову. С. 16 ; Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2007. Вып. 17. С. 72 ; Указ и два письма князю И.А. Шаховскому // РА. 1908. Кн. 3, вып. 11. С. 367 ; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 82.
- ⁷⁹ ПСЗ. Т. XVIII. № 13041. С. 415 ; Сб. РИО. Т. 34. № 121. С. 353 ; № 136. С. 390 ; 1884. Т. 40. № 31. С. 83–84 ; № 32. С. 89 ; Мнение адмирала Мордвинова по делу отставного поручика Рыбусова // ЧОИДР. 1859. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. V. С. 8 ; О правах и обязанностях Сената // Там же. 1862. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. V. С. 94–101 ; Спор Правительствующего Сената с Военной коллегией в 1753 году // Там же. 1865. Кн. I, янв. – март. Отд. V. С. 1–36.
- ⁸⁰ ПСЗ. Т. VI. № 3937. С. 543.
- ⁸¹ Сб. РИО. Т. 7. С. 294–295 ; Т. 55. № 151. С. 285–286 ; № 160. С. 296 ; МИРФ. Ч. VII. № 22. С. 65, 73 ; РБС. СПб., 1911. Т. [23] : Шебанов – Шютц. С. 85–86 ; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 443 об.–444.
- ⁸² ПСЗ. Т. XXVI. № 19296. С. 53–54.
- ⁸³ Там же. Т. VI. № 3635. С. 233–234 ; № 4083. С. 767–768 ; Т. XVII. № 12728. С. 945–947 ; Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27. С. 410 ; МИРФ. Ч. IX. № 102. С. 212.
- ⁸⁴ ОМС. Ч. I. С. 402–403 ; МИРФ. Ч. V. № 111. С. 152 ; № 292. С. 596 ; Ч. VII. № 22. С. 59 ; № 62. С. 113, 266 ; № 130. С. 348–349, 419 ; № 237. С. 711, 726–727, 732, 739 ; Ч. VIII. № [91]. С. 205–206, 273–

- 274 ; № 121. С. 303–304 ; № 146. С. 445 ; № 234. С. 693 ; Ч. IX. № 102. С. 207 ; № 107. С. 263–264 ; № 180. С. 327 ; Ч. X. № 366. С. 677 ; Ч. XI. № 116. С. 235 ; № 297. С. 638, 639–640 ; № 330. С. 708–709 ; Ч. XII. № 128. С. 296–297 ; № 179. С. 378.
- ⁸⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 28 ; Д. 95. Л. 284.
- ⁸⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 11598. С. 12–13.
- ⁸⁷ Михневич Н.П. История военного искусства. М., 2008. С. 347–348 ; Ключков М.В. Россия, Австрия, Пруссия в середине XVIII века // ИВ. 1915. Т. СХХХХХ, март. С. 853–854, 855 ; Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12, 2-й полутом. С. 520.
- ⁸⁸ МИРФ. Ч. XI. № 60. С. 102–103 ; № 87. С. 131 ; № 127. С. 256 ; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 76. С. 116–117.
- ⁸⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 11970. С. 422–425.
- ⁹⁰ Там же. № 11982. С. 437–445.
- ⁹¹ Там же. № 12006. С. 484–488.
- ⁹² Там же. № 12102. С. 688.
- Это штатное расписание действовало до 2 ноября 1777 г., когда указ Екатерины II предписал Адмиралтейств-коллегии содержать по штатам корабельного и галерного флотов неполный комплект личного состава в мирное время (Там же. Т. XX. № 14674. С. 569).
- ⁹³ Там же. Т. XVI. № 12115. С. 691.
- Указом Екатерины II от 2 ноября 1777 г. вводились в действие новые штаты корабельного и галерного флотов на мирное и военное время (Там же. Т. XX. № 14673. С. 569).
- ⁹⁴ Там же. Т. XVI. № 12006. С. 484–488.
- ⁹⁵ Там же. Т. XLIV. Ч. I. Отд. II. К № 12235. С. 121–122.
- ⁹⁶ Письма к разным лицам, заметки и наброски мыслей государыни императрицы Екатерины II-й // РА. 1866. Вып. 1. Стб. 62.
- ⁹⁷ Соловьёв Н.И. Пенсии военным офицерским чинам ... С. 3 ; ВС. 1870. № 1. Отд. I. С. 110, 136 ; МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 154–156 ; Ч. XVI. № 609. С. 404–404.
- ⁹⁸ Берх В.Н. Жизнеописание первых российских адмиралов ... СПб., 1831. Ч. I. С. 35–39.
- ⁹⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 12069. С. 598.
- ¹⁰⁰ Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом : дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02. СПб., 1999. С. 599.
- ¹⁰¹ МИРФ. Ч. V. № 125. С. 202 ; № 301. С. 762, 767–768 ; Ч. VII. № 62. С. 146–147 ; Ч. VIII. № 121. С. 335, 356, 357, 373–374 ; № 146. С. 437–438 ; № 153. С. 489–482 ; № 192. С. 531, 538–539, 546, 579–580 ; № 234. С. 699–700 ; Ч. IX. № 102. С. 208–209 ; № 182. С. 401–403, 411 ; № [230]. С. 506–509, 512–513, 534–538 ; № 253. С. 580–581 ; № 273. С. 648 ; Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. № 148. С. 249–250 ; № 150. С. 253–254 ; ПСЗ. Т. VII. № 5106. С. 813–815 ; ОЗ. 1830. Ч. XLI. Кн. СХVII. С. 77, 78, 88.
- ¹⁰² МИРФ. Ч. VII. № 62. С. 223 ; № 71. С. 277–278 ; № 72. С. 278–279.
- ¹⁰³ ПСЗ. Т. VIII. № 5811. С. 519 ; № 6050. С. 812–813.
- ¹⁰⁴ Сб. РИО. СПб., 1899. Т. 105. № 62. С. 222 ; Т. 114. № 148. С. 465 ; МИРФ. Ч. X. № 18. С. 14 ; Чичагов П.В. Записки Павла Васильевича Чичагова, адмирала и первого морского министра // РС. 1886. Т. L–LI, июнь. С. 478–480 ; Елисеева О.И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины. М., 2008. С. 346.
- ¹⁰⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 89. Л. 142 ; Берк Р.И. Путевые заметки о России // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях : Введение. Тексты. Комментарии. СПб, 1997. С. 228.
- Другой современник, Педер фон Хавен, писал, что в Кадетской академии воспитывалось несколько сот кадет из природных русских, а также дети иностранных граждан. «Учреждение академии достойно похвалы» (Хавен П., фон. Путешествие в Россию // Там же. С. 356). Примерно о 400 кадетах, являющихся сыновьями знатных дворян, сообщает и англичанин Фрэнсис Дэшвуд (*Дэшвуд Ф.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // Там же. С. 57).
- ¹⁰⁶ МИРФ. Ч. XI. № 29. С. 34, 39, 43–44 ; *Веселого Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса, с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С. 35–84, 115.
- ¹⁰⁷ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. III. С. 272.
- ¹⁰⁸ ПСЗ. Т. XIV. № 10730. С. 767–768.
- ¹⁰⁹ Семёнова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга : (XVIII век). М., 1998. С. 40–41 ; К биографии графа М.М. Сперанского // РС. 1902. Т. 109, февр. С. 293–295.
- ¹¹⁰ МИРФ. Ч. XVI. № 63. С. 30.
- ¹¹¹ Там же. Ч. XII. № 175. С. 350 ; Ч. XVI. № 291. С. 173, 187 ; № 307. С. 216 ; № 437. С. 272 ; № 465. С. 306–307, 322–324 ; *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007. С. 12 ; Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. СПб., 1901. С. 175–176 ; *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины : Император Павел I. Его жизнь, царствование и смерть. 1754–1801. По новым, большею частью неизданным документам. СПб., 1914. С. 282.
- ¹¹² Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 81.
- ¹¹³ Материалы об Иване Ивановиче Бецком // ЧОИДР. 1863. Кн. 4, окт. – дек. Отд. V. С. 131–137, 143–145.
- ¹¹⁴ Сенатский архив. Т. XI. С. 277.
- ¹¹⁵ [*Чарторыйский А.*] Русский двор в конце XVIII и в начале XIX столетия : (записки князя Адама Чарторыйского) // РС. 1907. Т. 132, окт. С. 108.

- ¹¹⁶ Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самой. Лондон, 1859. С. 339.
- ¹¹⁷ [*Комаровский Е.Ф.*] Записки графа Е.Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 38.
- ¹¹⁸ Чичагов П.В. Записки Павла ... С. 468.
- О снижении престижности военной службы в последние годы царствования императрицы Екатерины II см.: *Скоробогатов А.В.* Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2004. С. 148.
- ¹¹⁹ РБС. СПб., 1900. Т. [2] : Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 697, 721–722 ; Там же. Т. [3]. С. 16–20, 28 ; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 175. Л. 1 ; Оп. 602. Д. 1198. Л. 1.
- ¹²⁰ Моран П. Павел I до восшествия на престол : (1754–1796 гг.) / пер. с фр. М., 1912. С. 9.
- ¹²¹ Цит. по: *Сементковский Р.И.* Родоначальник ... С. 382.
- ¹²² МИРФ. Ч. XI. № 60. С. 81–82, 165–166.
- ¹²³ ПСЗ. Т. XVI. № 12007. С. 488–489.
- ¹²⁴ Там же. № 12020. С. 506.
- ¹²⁵ МИРФ. СПб., 1877. Ч. VI. № 276. С. 273.
- ¹²⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 12027. С. 508–509.
- ¹²⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 4. Л. 1, 23 об.–24 об.
- ¹²⁸ Там же. Л. 13–32.
- ¹²⁹ МИРФ. Ч. XI. № 139. С. 296–299, 308.
- ¹³⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 4. Л. 2–11, 33.
- ¹³¹ Там же. Л. 12–12 об.
- ¹³² Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 321. Л. 68–68 об. ; Ф. 173 (Канцелярия адмирала С.М. Мордвинова). Оп. 1. Д. 215. Л. 213 об.
- ¹³³ ПСЗ. Т. XVI. № 12063. С. 576–577.
- ¹³⁴ МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 138–140.
- В источнике опечатка: вместо 39 – 29 человек.
- ¹³⁵ Таблица составлена нами по данным: МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 140.
- ¹³⁶ А. Секерин попросил дозволения у Адмиралтейств-коллегии подать челобитную об отставке, поясняя, что из-за преклонных лет и состояния здоровья он не может нести службу. 23 сентября 1764 г. А. Секерин был уволен в отставку от военной службы с пожалованием пенсии в половину должностного оклада по воинскому чину «капитан-командора» (МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 154, 166).
- ¹³⁷ М. Лебядников был назначен советником оберштер-кригс-комиссара полковничьего ранга (МИРФ. Ч. XI. № 127. С. 255).
- ¹³⁸ ПСЗ. Т. XVI. № 12130. С. 714.
- ¹³⁹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1742 г. Д. 51. Л. 12–13 об., 23, 25, 25 об. ; МИРФ. Ч. IX. № 273. С. 645.
- ¹⁴⁰ ОЗ. 1824. Ч. XVIII. Кн. L. С. 389.
- ¹⁴¹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 137.
- ¹⁴² ПСЗ. Т. XVI. № 12130. С. 714 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 178–178 об.
- ¹⁴³ МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 140–141.
- ¹⁴⁴ ОМС. Ч. II. С. 169–170.
- ¹⁴⁵ Там же. Ч. I. С. 272–273, 385, 406–407, 430–431 ; Ч. II. С. 112–113, 169–170, 369 ; ПСЗ. Т. XLIV : Кн. штатов, ч. I. Отд. второе : Штаты по морской части. С. 165 ; МИРФ. Ч. XI. № 91. С. 176–187.
- ¹⁴⁶ *Милов Л.В., Зырянов П.Н., Боханов А.Н.* История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1998. С. 182.
- ¹⁴⁷ ПСЗ. Т. XVII. № 12607. С. 629 ; МИРФ. Ч. XI. № 103. С. 226–228 ; № 106. С. 229–230.
- ¹⁴⁸ ПСЗ. Т. XVII. № 12610. С. 631–632 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 99. Л. 235 ; Ф. 641 (Арзамасский уездный предводитель дворянства Нижегородской губернии). Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4 ; Д. 18. Л. 1–3 ; Д. 25. Л. 1–1 об. ; Д. 38. Л. 1–33.
- ¹⁴⁹ В штурманский класс Морского кадетского корпуса принимались разночинцы. Это положение сохранилось в Николаевском училище навигации, учреждённом светлейшим князем Г.А. Потёмкиным-Таврическим, а также и в Таганрогской штурманской роте (Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 400. С. 507 ; РБС. СПб., 1896. Т. [1] : Аарон – Император Александр II. С. 92).
- ¹⁵⁰ ПСЗ. Т. XVIII. № 12851. С. 61.
- ¹⁵¹ ОМС. Ч. II. С. 181–183.
- ¹⁵² МИРФ. СПб., 1890. Ч. XIII. № 42. С. 18 ; № 45. С. 45.
- ¹⁵³ ОДАММ. Т. VII. С. 543.
- ¹⁵⁴ *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов ... Ч. III. С. 29.
- ¹⁵⁵ ПСЗ. Т. VI. № 3705. С. 290 ; Бисмарк, русский главноначальствующий Южною (Украинскою) армиею в 1747 году // ЧОИДР. 1871. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. 63.
- ¹⁵⁶ ПСЗ. Т. XX. № 14612. С. 526–528 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 83. Л. 38, 76 ; Д. 88. Л. 152 ; Д. 99. Л. 235 ; Ф. 641. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4 ; Д. 25. Л. 1–1 об. ; Д. 38. Л. 1–33 ; Д. 139-а. Л. 1–2 об., 9 ; *Щербатов М.М.* Размышления о ущербе торговли, происходящем выхождением великого числа купцов в дворяне и офицеры // ЧОИДР. 1860. Кн. 1, янв. – март. Отд. II. С. 135–140.
- ¹⁵⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 159–159 об. ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 301, 380, 476 ; Ф. 1988 (Курмышский городской магистрат (г. Курмыш Симбирской губернии)). Оп. 1. Д. 7. Л. 147, 153, 280, 433 ; Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1798 г. // РС. 1875. Т. XIII, вып. 6. С. 457–458 ; Там же. 1882. Т. XXXV, вып. 9. С. 653–654.
- ¹⁵⁸ ПСЗ. Т. XVI. № 12029. С. 509–510 ; Т. XIX. № 13690. С. 359–361 ; № 14063. С. 856 ; Т. XXII. № 16187. С. 344–358 ; Т. XXIV. № 17598. С. 214 ; № 17749. С. 298–299 ; № 17881. С. 513–514 ; № 18081. С. 671–672 ; Т. XXV. № 18333. С. 41–43 ; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 1634. Л. 1–2 ; Ф. 641. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4 ; Д. 18. Л. 1–3 ; Д. 25. Л. 1–1 об. ; Д. 38. Л. 1–33 ; *Марасникова Е.Н.* Социология элиты

- российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 10 ; *Бодянский О.М.* Грамоты, дипломы и письма, поданные вместе с очерком жизни своей Александром Васильевичем Суворовым в Московскую дворянскую опеку 1786 года // *ЧОИДР.* 1848. Кн. 1. Отд. II. С. 1–27, 29–30.
- ¹⁵⁹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 100.
- ¹⁶⁰ ПСЗ. Т. XXII. № 16667. С. 1077–1078 ; Т. XXIV. № 17749. С. 298–299.
- ¹⁶¹ Там же. Т. XXIII. № 17105. С. 406–407 ; *Титов А.А.* Указы императрицы Екатерины Великой генерал-майору М.А. Яковлеву : (1763–1767 гг.) // РА. 1893. Кн. 2, вып. 5. С. 5–9.
- ¹⁶² ПСЗ. Т. XXIII. № 17216. С. 518–519.
- ¹⁶³ ЦАНО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1 об.
- ¹⁶⁴ МИРФ. Ч. XII. № 363. С. 664 ; ПСЗ. Т. XXI. № 15448. С. 615.
- ¹⁶⁵ *Броневский В.Б.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. Изд. 2-е. СПб., 1836. Ч. I. С. 69 ; *Чичагов Л.М.* Павел Васильевич Чичагов и его записки // РС. 1886. Т. L, май. С. 225–226.
- ¹⁶⁶ МИРФ. СПб., 1895. Ч. XV. № 109. С. 57–58 ; № 110. С. 58–59.
- ¹⁶⁷ *Данилов А.М.* Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 208–209, 242–243 ; МИРФ. Ч. XV. № 114. С. 63–65 ; № 118. С. 67.
- ¹⁶⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–186 об. ; Д. 307. Л. 349–350, 352 ; Д. 308. Л. 30, 144, 145 об., 147, 148, 162 ; Ф. 212. Оп. 1767 г. Д. 12. Л. 1, 2, 4, 12, 14, 15, 16–17 об., 18, 20–24 об. ; Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2, 5, 6–9 об., 16–16 об., 19, 21, 22, 26–28, 31, 52–56, 59–60 об., 62–64 об., 66, 68–69 об., 71, 72, 76–81 об., 86–89 об., 93, 94, 97, 98, 100, 101 об.–103, 106–109, 117–118 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 96. Л. 65–66 ; МИРФ. Ч. XI. № 160. С. 340.
- ¹⁶⁹ *Лобко П.Л.* Записки военной администрации для военных училищ. СПб., 1912. С. 125–129.
- ¹⁷⁰ Сб. РИО. Т. 7. С. 266.
- ¹⁷¹ Сенатский архив. Т. XII. С. 396–397.
- ¹⁷² Материалы для истории финансов в России : Сведения о государственных доходах и расходах прошлого времени // Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1867. Т. I, кн. I. С. 45 ; Первый опыт общей росписи государственных доходов России за (1769 год) // Там же. СПб., 1866. Т. III, кн. X. С. 23 ; Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. I : Введение. Краткий исторический очерк развития финансовых учреждений в XVIII столетии. С. 14.
- ¹⁷³ ПСЗ. Т. XVI. № 12006. С. 487.
- ¹⁷⁴ Сб. РИО. Т. 7. С. 170.
- ¹⁷⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 11970. С. 423.
- ¹⁷⁶ ВС. 1887. Т. CLXXXIII. № 1. Отд. I. С. 121–123.
- ¹⁷⁷ *Штейн Л.* Учение о военном быте, как часть науки о государстве. СПб., 1875. С. 384.
- ¹⁷⁸ *Ачаркан В.А.* Государственные пенсии. М., 1967. С. 3–165 ; *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам ... С. 9–15, 336–337 ; *Греков А.П.* Правовое положение армии в государстве. СПб., 1908. С. 123–127 ; ВС. 1887. № 1. Т. CLXXXIII, отд. I. С. 121–123 ; *Лебедев В.А.* Финансовое право. Изд. 2-е, перераб. СПб., 1889. Т. I, вып. I : Краткий исторический обзор развития государственных пенсий в России. С. 273, 279–287 ; Труды высочайше учреждённой комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб., 1871. Т. I. С. 1–23 ; Исследование о преобразовании пенсионных положений для нижних чинов Морского ведомства. СПб., 1861. С. 273–274 ; *Пецуров А.* О пенсиях нижних чинов английского флота // МС. 1860. № 2. Ч. неофиц. С. 671–674 ; Пенсии Морского ведомства в Швеции // Там же. С. 630–637.
- ¹⁷⁹ *Лебедев В.А.* Финансовое право. Т. I. С. 279.
- В подтверждение см.: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 90–91, 139, 140.
- ¹⁸⁰ ПСЗ. Т. XVI. № 11788. С. 211–212 ; Сенатский архив. СПб., 1910. Т. XIV. № 350. С. 468.
- ¹⁸¹ ПСЗ. Т. XVI. № 12175. С. 790–791.
- В продолжение темы пожалования пенсий и присвоении воинского чина капитана монархиней израненному подпоручику П. Иванову 22 мая 1778 г. см.: Сб. РИО. Т. 27. С. 151–152.
- ¹⁸² Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. 1762–1763 // РА. 1863. № 2. Стб. 86.
- ¹⁸³ Из бумаг графа Николая Петровича Шереметева // РА. 1897. Кн. 2, вып. 8. С. 514, 518.
- ¹⁸⁴ П. Император Павел в его деяниях и приказах // РС. 1897. Т. ХСII, нояб. С. 293.
- ¹⁸⁵ Павел I. Собрание анекдотов ... С. 241.
- ¹⁸⁶ ПСЗ. Т. XXIV. № 17570. С. 11–12.
- ¹⁸⁷ *Валлиевский К.* Сын Великой Екатерины. С. 112.
- ¹⁸⁸ Извлечение из приказов по армии отданных императором Павлом I. Со дня вступления его на престол до 1 января 1801 года // Исторический сборник 1861 год. Кн. 2. М., 1971. С. 13.
- ¹⁸⁹ *Шулигорский Е.С.* Император Павел I. С. 91, 136, 170–171, 172 ; *Валлиевский К.* Сын Великой Екатерины. С. 117 ; *Скоробогатов А.В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 13, 148 ; Павел I. Собрание анекдотов ... С. 148–149, 226, 227, 246.
- ¹⁹⁰ Первые просители в царствование императора Павла I // ИВ. 1881. Т. IV, янв. С. 216–220.
- ¹⁹¹ Мемуары графини Головиной, урождённой графини Голицыной : (1766–1821). СПб., 1911. С. 160.
- ¹⁹² РБС. СПб., 1905. Т. [12] : Обезьянинов–Очкин. С. 322–330. (Цит. на С. 329).
- ¹⁹³ Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства в 1799 г. // РС. 1884. Т. XLI, дек. С. 621.

- ¹⁹⁴ Записки Н.А. Саблукова // Царевичество 11 марта 1801 года : Записки участников и современников. Изд. 2-е, доп. СПб., 1908. С. 30.
- ¹⁹⁵ Из записок майора фон Ведела : Об убиении императора Павла I // Там же. С. 159.
- ¹⁹⁶ *Валлиевский К.* Сын Великой Екатерины. С. 113.
- ¹⁹⁷ *Козлов С.А.* Путевые заметки Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна 1793–1800. Предыстория первого путешествия россиян вокруг света. СПб., 2007. (Б-ка Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова ; Рус. путешественник эпохи Просвещения, т. 3). С. 7 ; РБС. СПб., 1901. Т. [21] : Фабер–Цявловский. С. 3 ; Там же. СПб., 1913. Т. [25] : Яблоновский – Фомин. С. 56–57, 490 ; Воспоминания суворовского солдата. СПб., 1895. С. 9, 10, 16, 18 ; ЦАНО. Ф. 2045 (1 департамент Правительствующего Сената). Оп. 1881. Д. 17-а. Л. 3.
- ¹⁹⁸ *Бильбасов В.А.* Принц Нассау-Зиген в России // Исторические монографии. СПб., 1901. Т. IV. С. 542 ; МИРФ. Ч. XV. № 255. С. 131–132 ; № 256. С. 132–134 ; № 270. С. 143–148 ; № 278. С. 151–152.
- ¹⁹⁹ *Бильбасов В.А.* Принц Нассау-Зиген ... С. 549.
- ²⁰⁰ [*Ермолов А.П.*] Записки Алексея Петровича Ермолова с прил. Ч. I : 1801–1812 г. // ЧОИДР. 1864. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 5–6 ; Прил. к запискам А.П. Ермолова. Ч. I : 1801–1812. // Там же. 1865. Кн. 3, июль–сент. Отд. II. С. 1–7 ; Новые подробности из молодой жизни А.П. Ермолова // РА. 1878. Кн. 2, вып. 8. С. 475–482.
- ²⁰¹ Николай Осипович Кутлубицкой : (из архива Н.А. Кутлубицкаго) / сообщ. И. Бронский // РА. 1913. Кн. 1, вып. 1–6. С. 504–505.
- ²⁰² *Блондель А.Л.* Взгляд на обязанности и дух военного звания. СПб., 1836. С. 12.
- ²⁰³ «Наказ» императрицы Екатерины II. СПб., 1770. Гл. II. С. 8–10.
- ²⁰⁴ *Державин Г.Р.* Сочинения. М., 1985. С. 430.
- ²⁰⁵ Сенатский архив. Т. XII. С. 298, 311 ; Там же. СПб., 1909. Т. XIII. № 300. С. 392–394.
- ²⁰⁶ ВС. 1863. № 9 ; МС. 1860. № 2. Неофиц. часть. С. 630–676 ; Исследование о преобразовании пенсионных положений ... С. 1–372 ; Инвалиды // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1854. Т. VI. С. 49–51 ; Инвалидные дома и военные богадельни // Военная энциклопедия. М., 1912. Т. 10. С. 603–605.
- ²⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 220. Л. 15–15 об. ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 347, 349, 375, 376, 378 ; Ф. 2013. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 ; Сб. РИО. Т. 63. № 246. С. 562 ; ПСЗ. Т. IV. № 1899. С. 189 ; Т. XXIV. № 17635. С. 230–232.
- ²⁰⁸ Сенатский архив. Т. XII. С. 490–491 ; Дневник поручика Васильева с предисловием Е. Щепкиной // Памятники древней письменности. СПб., 1896. Т. СХIХ. С. 74 ; Архив князя Вяземского : Князь Андрей Иванович Вяземский. М., 1881. Предисл. С. III ; *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. С. 183–184 ; Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове и о семействе его. Записки дочери его графини Н.Н. Мордвиновой. СПб., 1873. С. 6, 17 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 87. Л. 211 об. ; Д. 89. Л. 58.
- ²⁰⁹ Письмо адмирала Мордвинова к государю императору об увольнении // ЧОИДР. 1861. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. V. С. 200 ; *Сумароков П.И.* Обзорение царствования и свойств Екатерины Великия. СПб., 1832. Ч. II. С. 189–190 ; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 95. Л. 1 ; *Елисеева О.И.* Повседневная жизнь ... С. 102–107 ; *Песков А.М.* Павел I. С. 198–199.
- ²¹⁰ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 94 ; Именные указы императора Павла I // ИВ. 1881. Т. VI, сент. С. 205 ; *Песков А.М.* Павел I. С. 29–31.
- ²¹¹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 141 ; Ф. 4. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–2 ; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 62. Л. 2–3 ; *Семёнов П.Н.* Биографические очерки сенаторов по материалам // ЧОИДР. 1886. Кн. 2. Отд. I. С. 96.
- ²¹² Сб. РИО. СПб., 1867. Т. I. С. 166–167 ; 1874. Т. 13. С. 182 ; 1876. Т. 19. № 155 (№ 38). С. 330 ; Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. Ч. II : 1770–1774 г. // ЧОИДР. 1865. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. II. С. 54, 86, 114–115, 142 ; РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 191–191 об., 212 об.–213 ; Ф. 172. Оп. 1. Д. 349. Л. 51 ; МИРФ. Ч. VI. № 436. С. 414–415 ; № 441. С. 418 ; № 567. С. 515 ; № 569. С. 516 ; № 571. С. 517–518 ; № 577. С. 521 ; № 666, 667. С. 584–586 ; Ч. XV. № 737. С. 500 ; Ч. XVI. № 546. С. 376–377.
- ²¹³ Сенатский архив. Т. XII. С. 355.
- ²¹⁴ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 6 ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 176 ; РБС. СПб., 1912. Т. [24] : Щапов – Юшневский. С. 218–219.
- ²¹⁵ Там же. СПб., 1905. Т. [14] : Плавильщиков – Примо. С. 186–188 (Цит. на С. 188).
- ²¹⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 82 ; [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная : 1764–1805. В трёх частях. Ч. 3 : 1795–1805 // ЧОИДР. 1885. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. I. С. 244.
- ²¹⁷ ОЗ. 1824. Ч. XVIII. Кн. L. С. 379.
- ²¹⁸ Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М., 1867. С. 3–4 ; МИРФ. Ч. VI. № 667. С. 585–586 ; РБС. Т. [14]. С. 186–188.
- ²¹⁹ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом : (по авторской рукописи). СПб., 2001. С. 148–149.
- ²²⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1759 г. Д. 22. Л. 90 об. ; Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 1 ; Сенатский архив. Т. XII. С. 372–373. В продолжение темы прощения пенсий см.: Записки Михаила Гарновского : двор императрицы Екатерины II : (1786–1790) // РС. 1876. Т. 16, июль. С. 424–425.
- ²²¹ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича ... Ч. 2 : 1788–1794 // ЧОИДР. 1885. Кн. 2, апр.–июнь. Отд. I. С. 181 ; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 254. Л. 4 об.–5 ; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 972.
- ²²² *Поносов Н.А.* В.Н. Татищев и его время. С. 224.

- ²²³ РГА ВМФ. Ф. 198 (Канцелярия адмирала графа Г.Г. Кушелева). Оп. 1. Д. 68. Л. 175; ЦАНО. Ф. 641. Оп. 1. Л. 139-а. Л. 2–2 об.; РБС. Т. [25]. С. 55–56; Сенатский архив. Т. XIV. № 17. С. 17–18; № 21. С. 23; № 227. С. 299; № 228. С. 299–300.
- ²²⁴ Там же. Т. XIII. № 252. С. 335–336.
- ²²⁵ Белоусов И.И. Кадровая политика российского государства в армии и на флоте в XVIII веке: автореферат дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Военный университет. М., 2008. С. 30.
- ²²⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97. Л. 181–182; Д. 99. Л. 181–181 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–29; Ф. 2013. Оп. 1. 145. Л. 1–1 об.
- ²²⁷ РБС. СПб., 1905. Т. [22]: Чаадаев–Швитков. С. 88; РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 191–191 об.; МИРФ. Ч. XII. № 81. С. 228.
- ²²⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 308. Л. 145 об.
- ²²⁹ МИРФ. Ч. I. № 410. С. 272; Ч. III. № 166. С. 126.
- ²³⁰ Там же. Ч. VI. № 526. С. 491; Ч. XI. № 87. С. 130; Ч. XV. № 430. С. 246; № 556. С. 339.
- Цит. по: Архив графов Мордвиновых. Т. I. С. XXV.
- ²³¹ МИРФ. Ч. XV. № 330. С. 705.
- ²³² Там же. С. 718.
- ²³³ Там же. Ч. XII. № 77. С. 183.
- ²³⁴ МИРФ. Ч. III. № 181. С. 137; Ч. XV. № 748 (Извлечения из сборников ВИМ. № 61). С. 542.
- ²³⁵ ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 340.
- ²³⁶ Книга Устав Морской. С. 133; МИРФ. Ч. IX. С. 610.
- ²³⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1724 г. Д. 68. Л. 64.
- ²³⁸ Там же. Оп. 1759 г. Д. 20. Л. 6–7; МИРФ. Ч. V. № 29. С. 34; Ч. IX. № 182. С. 355; Ч. XI. № 127. С. 246–247; Ч. XII. № 210. С. 481; № 352. С. 658; Ч. XIII. № 2. С. 1; № 3. С. 1; Ч. XVI. № 243. С. 136; № 252. С. 139; ПСЗ. Т. XVII. № 12459. С. 257.
- ²³⁹ Там же. Т. XI. № 8361. С. 390–392; МИРФ. Ч. XI. № 101. С. 205; Ч. XII. № 258. С. 534–535.
- ²⁴⁰ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 379.
- ²⁴¹ МИРФ. Ч. XI. № 297. С. 609.
- ²⁴² Бумаги князя Григория Александровича ... № 185. С. 140; Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. Стб. 105; МИРФ. СПб., 1893. Ч. XIV. № 194. С. 188; Ч. XV. № 616. С. 399; Сенатский архив. Т. XIII. № 390. С. 489; Там же. СПб., 1913. Т. XV. № 452. С. 987–989.
- ²⁴³ МИРФ. Ч. XIV. № 308. С. 347–348.
- ²⁴⁴ ПСЗ. Т. XVIII. № 13094. С. 502–503; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 95. Л. 328; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1221. Л. 1–1 об.; Д. 1320. Л. 1; Д. 1479. Л. 1.
- ²⁴⁵ Архив Государственного совета. Т. I, ч. I. Стб. 24; А.В. Суворов. По его письмам и распоряжениям / сост. П. Юдин // РА. 1914. Кн. 2, вып. 5–8. С. 207.
- ²⁴⁶ МИРФ. Ч. XII. № 37. С. 61.
- ²⁴⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97. Л. 181–182; Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 177. Л. 1; РБС. Т. [12]. С. 112–113; Там же. СПб., 1913. Т. [16]: Рейтерн – Рольцберг. С. 208–209.
- ²⁴⁸ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–1 об.; Анненков И.В. История лейб-гвардии Конного полка. С. 50, 51, 52, 53, 54, 56, 58, 59, 60, 61, 62, 64, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 74, 76, 83, 84, 104, 113, 138, 145, 147, 159.
- ²⁴⁹ МИРФ. Ч. XI. № 60. С. 99, 101, 103; № 87. С. 173, 174; № 101. С. 205, 217; № 127. С. 246–247, 250, 256, 274; № 139. С. 318; Ч. XII. № 194. С. 401; № 307. С. 601–602; Ч. XIII. № 87. С. 84, 85; № 116. С. 118; № 429. С. 435; № 463. С. 509; № 613. С. 651; Ч. XIV. № 5. С. 6; № 308. С. 354, 372; № 360. С. 428; № 378. С. 480; № 412. С. 523.
- ²⁵⁰ ПСЗ. Т. XVII. № 12459. С. 257.
- ²⁵¹ РБС. Т. [2]. С. 508–509; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97. Л. 181, 182; РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 38. Л. 180–182 об.
- ²⁵² ПСЗ. Т. XVII. № 12459. С. 257.
- ²⁵³ МИРФ. Ч. XIV. № 308. С. 347.
- ²⁵⁴ Дегтярёв Г.П. Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в XVIII–XIX веках: исторические вехи // Пенсия. 1997. № 10 (13). С. 60.
- ²⁵⁵ ПСЗ. Т. XVII. № 12642. С. 689–691.
- Реализацию указа см.: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 48; МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 166; Ч. XIII. № 464. С. 509; Сенатский архив. Т. I. С. 327.
- ²⁵⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 109. Л. 146 об.
- ²⁵⁷ МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 154.
- ²⁵⁸ 200-летие Кабинета ... С. 369.
- ²⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179–180.
- ²⁶⁰ РБС. Т. [1]. С. 113–114; Данилевский Г.П. Секретная комиссия в Холмогорах // РА. 1879. Кн. 2, вып. 5–8. С. 139–140; Сенатский архив. Т. I. С. 31, 65, 98, 256, 336, 435, 492.
- ²⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178; Сенатский архив. Т. I. С. 504. Подсчёты наши.
- ²⁶² Книга Устав Морской. С. 109–110.
- ²⁶³ МИРФ. Ч. VII. № 237. С. 673, 675; Ч. XI. № 285. С. 570; Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу Чернышёву // РА. 1871, вып. 6–9. Стб. 1329–1330; Сенатский архив. Т. I. С. 484; Там же. СПб., 1889. Т. II. С. 558; 200-летие Кабинета ... С. 378.
- ²⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178 об.; РБС. Т. [23]. С. 368–369.
- ²⁶⁵ Сенатский архив. Т. XI. С. 229–231. Подсчёты сроков службы наши.
- ²⁶⁶ Там же. СПб., 1890. Т. III. С. 81; Там же. Т. XIV. № 127. С. 158–160.
- ²⁶⁷ Там же. Т. XI. С. 208.
- ²⁶⁸ Там же. Т. XII. С. 464, 465, 466, 467.
- ²⁶⁹ Подсчёты наши: 200-летие Кабинета ... С. 376, 377, 378.
- ²⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 2; ОМС. Ч. II. С. 3–4, 55, 200–201, 283, 286–287; ОДАММ. Т. III. С. 552, 553; Т. VIII. С. 195; МИРФ. Ч. XI. № 140. С. 318; РБС. СПб., 1905. Т. [6]: Дабелов –

- Дядьковский. С. 376; Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. Стб. 85; Письма графа П.И. Панина к брату его к графу Никите Ивановичу во время первой турецкой войны при Екатерине Великой и осаде Бендер. 1769–1770 годы // РА. 1888. Кн. 3, вып. 11. С. 317; Карнович Е.П. Служебные, должностные и сословные знаки в России // ИВ. 1885. Т. XXII, нояб. С. 237; ПСЗ. Т. XVI. № 11654. С. 61.
- ²⁷¹ Голомбиевский А.А. Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735–1807) // РА. 1904. Кн. 2, вып. 8. С. 504, 519.
- Пенсия назначена и подтверждена Высочайшими указами от 23 августа 1766 г., 12 марта 1776 г., 13 февраля 1783 г. (200-летие Кабинета ... С. 375, 377).
- ²⁷² РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178 об. Подсчёты наши.
- ²⁷³ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 6 об., 66–66 об.; Сенатский архив. Т. XIV. № 350. С. 467–474. Подсчёты наши.
- ²⁷⁴ Елисеева О.И. Повседневная жизнь ... С. 66. Подсчёты наши.
- ²⁷⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 553; Фаузова И.В. Освобождение дворянства и практика дворянской службы в первое десятилетие правления Екатерины II // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв. Международная конференция «Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина». Тезисы докладов. М., 1994. Ч. II. С. 141.
- ²⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2, 16–16 об., 19, 21–21 об.; Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 14–14 об.; Архив Правительствующего Сената. Т. III. С. 315; МИРФ. Ч. VI. № 104. С. 78–79; Ч. VII. № 181. С. 551; Ч. X. № 145. С. 295–296; Ч. XI. № 87. С. 166; ПСЗ. Т. XI. № 8799. С. 926; Сенатский архив. Т. XI. С. 256, 270–271; Там же. Т. XIV. № 235. С. 321–323.
- ²⁷⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 92. Л. 139 об.; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 176, 184, 193, 275; Ф. 116. Оп. 1. Д. 71. Л. 1–2; РБС. Т. [24]. С. 250–251; Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1891. Ч. I. С. 58; Сенатский архив. Т. XIII. № 390. С. 489.
- ²⁷⁸ ОМС. Ч. I. С. 102–103, 132–133, 168–169, 171–174, 195–196, 205–210, 223–224, 231–234, 251–252, 271–272, 281–282, 300, 325, 337–338, 403, 430–431; Ч. II. С. 6–7, 42–44, 82–85, 97–98, 253–255, 283–284, 321–322, 357–358, 370–371, 405–406, 443–445; РГА ВМФ. Ф. 177 (Приказ Военного морского флота). Оп. 1. Д. 16. Л. 78; Ф. 233. Оп. 1. Д. 154. Л. 76; Ф. 212. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 10; Ф. 218 (Обер-сарваерская контора при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 1. Д. 127. Ч. I. Л. 38; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 79. Л. 65; Д. 109. Л. 146 об.; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 96, 121; МИРФ. Ч. XII. № 179. С. 363; № 259. С. 535; Берх В.Н. Жизнеописание первых российских адмиралов ... Ч. I. С. 215–216, 239, 253, 254, 256, 265, 295–296, 298, 328, 339–340; Там же. СПб., 1832. Ч. II. С. 185, 201–202, 362–363; Там же. Ч. III. С. 64–65, 244, 250, 279; Ден Д. История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. С. 157, 159, 160–162, 164, 165, 167, 173, 175, 176, 178, 179, 182, 184, 190; Мотпе О., де ла. Из «Путешествия...» // Бесплатных Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 233, 235, 236, 249; Сенатский архив. Т. I. С. 265, 299–300, 450; Там же. Т. XI. С. 245.
- ²⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 131–132.
- ²⁸⁰ МИРФ. Ч. XI. № 101. С. 202–203; ПСЗ. Т. XVI. № 12282. С. 964–965.
- ²⁸¹ Семёнов П.Н. Биографические очерки ... С. 96.
- ²⁸² 13 июня 1719 г. Пётр I писал с линейного корабля «Ингерманланд», стоявшего на якоре в бухте острова Готланд, президенту Адмиралтейств-коллегии графу Ф.М. Апраксину: «Господин адмирал, объявляю вашей милости, что мы скоро противной ветр получили, третью дни чрез надлежащий страх от липенаредных (ветер с мокрым снегом. – Ред.) день лавировали, но ни полторы мили аванжировали (не прошли. – И.Д.), к тому зело пасмурной воздух по вся дни, того ради принуждены здесь дожидатца способного ветра...» (Копии с писем блаженных и вечной славы достойных памяти государя императора Петра Великого с 1700 по 725-й год // ЧОИДР. 1881. Кн. 4, окт. – дек. Ч. II. С. 17).
- ²⁸³ Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд. стереотипное. М., 2000. С. 149, 390, 440; Пословицы русского народа: сборник В.И. Даля. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 380.
- ²⁸⁴ Русский путешественник прошлаго века за границею: (Собственноручные письма А.С. Шишкова 1776–1777 гг.). 1776 год // РС. 1897. Т. 91, июль. С. 212.
- В продолжение темы опасности морской службы для здоровья и жизни человека см.: МИРФ. Ч. X. № 250. С. 474–475, 476; Ч. XIV. № 411. С. 518–522; Сб. РИО. Т. 40. № 11. С. 26.
- ²⁸⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа // ЧОИДР. 1861. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. II. С. 177.
- ²⁸⁶ Шишков А.С. Объяснение в любви моряка: (1809 г.) // РС. 1883. Т. XL. Окт. С. 154–156.
- ²⁸⁷ МИРФ. Ч. VI. № 309. С. 310–311; Ч. VII. № 7. С. 3–4; № 17. С. 8–9; № 22. С. 34, 40–41; № 62. С. 162; № 130. С. 404–405; № 159. С. 469; № 181. С. 548; Ч. IX. № 102. С. 205–206, 236; Ч. X. № 70. С. 62; № 92. С. 103; № 131. С. 221; № 145. С. 276–277, 288–289; № 163. С. 316–317; № 216. С. 419; № 219. С. 424; № 347. С. 646–647; Рескрипты и указы императрицы Екатерины II-й к А.Н. Сенявину // РА. 1871. Вып. 9. № 16. Стб. 1364–1365; Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потёмкина и П.А. Румянцева: 1787–1789 гг. // Сб. ВИМ. Вып. IV. СПб., 1893. № 449. С. 185.

- ²⁸⁸ ПСЗ. Т. VIII. № 5897. С. 570–571 ; № 5939. С. 621 ; Т. XXIV. № 17833. С. 443–447, 461–463 ; МИРФ. Ч. I. Отд. I. № 673. С. 423–424 ; № 767. С. 480 ; № 1152. С. 684 ; № 1157. С. 686 ; № 1179. С. 699 ; № 1190. С. 703 ; Ч. II. № 1220. С. 15 ; № 1324. С. 66–67 ; Ч. VII. № 61. С. 96–97, 98 ; Ч. VIII. № 16. С. 20 ; № [91]. С. 192 ; № 145. С. 415 ; Ч. IX. № 101. С. 195 ; № 167. С. 317–318 ; № 177. С. 324–325 ; № 182. С. 389 ; № 202. С. 432 ; № 245. С. 558–559 ; Ч. X. № 20. С. 35–36 ; № 92. С. 103 ; № 366. С. 679 ; Ч. XII. № 228. С. 491–492 ; № 229. С. 492 ; № 230. С. 492 ; № 233. С. 493–494 ; № 238. С. 496 ; № 239. С. 496–497 ; № 241. С. 497–498 ; № 244. С. 500 ; № 248. С. 502–503 ; № 252. С. 530–531 ; № 253. С. 532–533 ; № 254. С. 533 ; № 307. С. 583–585, 596 ; № 350. С. 630 ; № 351. С. 637–639 ; Ч. XIII. № 87. С. 96–98 ; Ч. XIV. № 433. С. 530 ; Ч. XVI. № 601. С. 396 ; // РБС. СПб., 1914. Т. [11] : Нааке-Накенский – Николай Николаевич Старший. С. 7 ; Там же. Т. [12]. С. 80–81 ; Там же. СПб., 1910. Т. [15] : Притвиц – Рейс. С. 65, 148–150 ; Сенатский архив. Т. XI. С. 238–239.
- ²⁸⁹ МИРФ. Ч. XI. № 330. С. 746.
- ²⁹⁰ Там же. № 140. С. 318.
- ²⁹¹ Там же. № 24. С. II.
- ²⁹² ОМС. Ч. II. С. 420–421 ; МИРФ. Ч. XI. № 139. С. 318 ; № 160. С. 340.
- ²⁹³ Из Архипелага Д. Ильин убыл на Балтийский флот в 1774 г. после медицинского освидетельствования врачебной комиссией, обнаружившей у него заболевание падуцей болезнью. Был представлен Адмиралтейств-коллегией к высочайшему докладу для пожалования пенсией, как совершивший 18 кампаний. Екатериной II награждён военным орденом Св. Георгия 4-й степени за геройство и мужество, проявленные им лично в Чесменском морском сражении (МИРФ. Ч. XII. № 177. С. 350–351).
- ²⁹⁴ МИРФ. Ч. XI. № 242. С. 527–528.
- ²⁹⁵ *Ефимов А.В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 14 ; *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике ... С. 634–635 ; *Меркулов И.В.* Российский морской офицерский корпус в царствование Екатерины II : социальные аспекты комплектования командного состава флота : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2005. С. 219–220 ; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 6. Л. 75 об.
- ²⁹⁶ ПСЗ. Т. XVI. № 12006. С. 487 ; Т. XVII. № 12459. С. 249–250.
- ²⁹⁷ МИРФ. Ч. XII. № 286. С. 551.
- ²⁹⁸ *Меркулов И.В.* Российский морской офицерский корпус ... С. 20–21.
- ²⁹⁹ Сб. РИО. Т. 34. № 29. С. 116 ; № 30. С. 116–117.
- ³⁰⁰ Книга Устав Морской. С. 49, 50.
- ³⁰¹ Морской атлас. М., 1959. Т. III, ч. I. С. 940.
- ³⁰² РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 177 об.–178 ; МИРФ. Ч. XI. № 127. С. 246–247.
- ³⁰³ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178 об. ; *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 235.
- ³⁰⁴ ОМС. Ч. II. С. 237–238 ; МИРФ. Ч. XII. № 28. С. 31 ; № 77. С. 221–222 ; РБС. Т. [10]. С. 687.
- ³⁰⁵ МИРФ. Ч. XII. № 246. С. 501–502 ; Ч. XIII. № 45. С. 45 ; Ч. XIV. № 261. С. 316.
- ³⁰⁶ ОМС. Ч. II. С. 178–179.
- ³⁰⁷ МИРФ. Ч. XI. № 239. С. 435 ; № 329. С. 687 ; Ч. XII. № 144. С. 318.
- ³⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179 об.
- В феврале 1773 г. М. Клеопину Екатерина II за добросовестную службу пожаловала в качестве поощрения 2 тыс. руб. (Сб. РИО. Т. I. С. 90).
- ³⁰⁹ МИРФ. Ч. II. № 1633. С. 226–227 ; Ч. IV. С. 508, 646, 719–720 ; Ч. V. № 43. С. 31 ; № 70. С. 47 ; № 72. С. 48 ; № 76. С. 53 ; № 78. С. 55 ; № 79. С. 55–56 ; Ч. VII. № 21. С. 16, 17 ; № 22. С. 34 ; № 37. С. 82 ; № 62. С. 109, 131 ; № 69. С. 276–277 ; № 95. С. 301–303 ; № 113–№ 114. С. 315 ; № 129. С. 333, 336 ; № 130. С. 388–389, 402 ; № 180. С. 482, 487 ; № 181. С. 548 ; Ч. VIII. № 102. С. 286 ; № 163. С. 497 ; № 164. С. 497–499 ; № 191. С. 518 ; № 192. С. 557–558 ; № 222. С. 620 ; № 321. С. 627 ; Ч. IX. № 101. С. 178, 181 ; № 193. С. 421 ; № 201. С. 427–428 ; № 202. С. 430 ; № 203. С. 451–452, 456 ; № 205. С. 472–473 ; № 208. С. 474 ; № 209. С. 474 ; № [230]. С. 499 ; № 235. С. 553 ; № 237. С. 554–555 ; № 239. С. 555 ; № 242. С. 557 ; № 252. С. 567–568 ; № 258. С. 625 ; № 260. С. 627 ; № 263. С. 628 ; № 271. С. 633 ; № 273. С. 648 ; Ч. X. № 7. С. 4 ; № 15. С. 9–10 ; № 19. С. 23 ; № 70. С. 62–63, 73 ; № 72. С. 81–82 ; № 87. С. 94 ; № 92. С. 110 ; № 93. С. 123–124 ; № 97. С. 125–126 ; № 103. С. 141–142 ; № 105. С. 175–176 ; № 106. С. 176 ; № 108. С. 176 ; № 124. С. 203 ; № 131. С. 221 ; № 132. С. 230 ; № 133. С. 239 ; № 140. С. 262–263 ; № 141. С. 263 ; № 144. С. 267 ; № 145. С. 284–285 ; № 151. С. 299 ; № 155. С. 301–302 ; № 355. С. 666 ; Ч. XI. № 29. С. 45 ; № 60. С. 71, 83 ; № 70. С. 109 ; № 87. С. 175 ; № 92. С. 187 ; № 101. С. 204–205, 210, 211, 214 ; № 115. С. 234 ; № 117. С. 235 ; № 119. С. 235 ; № 120. С. 436 ; № 121. С. 436–437 ; № 122. С. 266–267 ; № 139. С. 292, 296 ; № 143. С. 327 ; № 146. С. 323 ; № 160. С. 346 ; № 279. С. 563 ; № 280. С. 564 ; № 297. С. 627–628, 632 ; № 313. С. 667–668 ; № 321. С. 673 ; № 329. С. 689 ; № 330. С. 704–705, 722–724 ; Ч. XII. № 4. С. 6 ; № 11. С. 11 ; № 37. С. 90, 108 ; № 46. С. 133–134 ; № 48. С. 135–136 ; № 77. С. 199–200 ; № 88. С. 230–231 ; № 103. С. 246 ; № 106. С. 247 ; № 120. С. 269–270, 274–278, 285 ; № 126. С. 295–286 ; № 144. С. 324–325, 328 ; № 183. С. 390–391 ; № 186. С. 391–392 ; № 188. С. 393 ; № 194. С. 409, 426–427 ; № 201. С. 440–441 ; № 202. С. 441 ; № 205. С. 442 ; № 209. С. 466–468 ; Ч. XIII. № 32. С. 15 ; № 34. С. 15–16 ; № 38. С. 17 ; № 39. С. 17 ; № 44. С. 20–21 ; № 105.

- С. 109–110 ; № 116. С. 134, 139–140 ; № 133. С. 151–152 ; № 134. С. 152 ; № 136. С. 152–153 ; № 143. С. 165–166, 169–171, 172 ; № 144. С. 183–184 ; № 145. С. 184 ; № 146. С. 184–185 ; № 159. С. 193 ; № 177. С. 223–224, 226 ; № 208. С. 259–260 ; Ч. XIV. № 240. С. 219–224 ; № 311. С. 373–374 ; № 318. С. 376 ; № 323. С. 377–378 ; № 335. С. 383 ; № 336. С. 398 ; № 364. С. 445 ; № 365. С. 445–446 ; № 366. С. 446 ; № 378. С. 460 ; № 411. С. 510 ; № 416. С. 524 ; № 434. С. 530 ; № [443]. С. 563 ; Ч. XVI. № 516. С. 363.
- ³¹⁰ Там же. Ч. VII. № 61. С. 100, 101.
- ³¹¹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1759 г. Д. 20. Л. 24–24 об., 30 об. ; МИРФ. Ч. VIII. № 234. С. 683.
- ³¹² ПСЗ. Т. XV. № 10857. С. 237–239 ; МИРФ. Ч. X. № 250. С. 469–471 ; Ч. XI. № 124. С. 237–240 ; № 127. С. 265.
- ³¹³ РГА ВМФ. Ф. 174 (Канцелярия адмирала А.И. Нагаева). Оп. 1. Д. 14. Л. 88 ; МИРФ. Ч. XI. № 127. С. 273 ; № 139. С. 294, 315–316.
- ³¹⁴ ОМС. Ч. II. С. 407 ; ПСЗ. Т. XVI. № 12282. С. 964 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179–180 ; РБС. М., 1916. Т. [5] : Герберский – Гогенлоэ. С. 170–171.
- ³¹⁵ Там же. Т. [15]. С. 331–332 ; Там же. СПб., 1904. Т. [18] : Сабанеев – Смыслов. С. 205–206.
- ³¹⁶ МИРФ. Ч. VII. № 22. С. 72 ; № 40. С. 83 ; РБС. Т. [4] : Гааг – Гербель. С. 193–194.
- ³¹⁷ ПСЗ. Т. XVII. № 12459. С. 249–250.
- ³¹⁸ МИРФ. Ч. XI. С. 307 ; РБС. Т. [3]. С. 226–227.
- ³¹⁹ Морской атлас. С. 306 ; МИРФ. Ч. VI. № 257–№ 263. С. 259–262 ; № 265 – № 266. С. 263 ; № 267. С. 263–264 ; № 268. С. 264–268 ; № 287. С. 285–287 ; № 298. С. 299–301 ; № 300. С. 303 ; № 305. С. 308–309 ; № 309. С. 310–311 ; № 310. С. 311–313 ; № 366. С. 357–358 ; № 367. С. 358 ; № 413. С. 399 ; № 632. С. 561 ; Ч. XV. № 220. С. 114 ; Ч. XVI. № 170. С. 106–107 ; Сб. РИО. Т. 13. С. 201–202, 362, 393 ; Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу ... Стб. 1327–1329 ; *Афанасьев Д.М.* К истории Черноморского флота : 1768 – 1816 годы // РА. 1902. Кн. I, вып. 1–4. С. 195–197.
- ³²⁰ ПСЗ. Т. XIX. № 13395. С. 264–265 ; МИРФ. Ч. VI. № 312. С. 314–315 ; № 321. С. 322–323 ; № 327. С. 327–328 ; № 329. С. 330–331 ; № 335. С. 336–337 ; № 336. С. 338 ; № 359. С. 352–353 ; № 373. С. 365–367 ; Архив Государственного совета. Т. I, ч. I. Стб. 341–342, 343, 344.
- ³²¹ МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 166–167 ; № 101. С. 220.
- ³²² Архив Государственного совета. Т. I, ч. I. Стб. 217.
- ³²³ ПСЗ. Т. XVI. № 12006. С. 487–488.
- ³²⁴ Контр-адмирал Т.Г. Козлянинов в 1762–1764 годах, будучи гардемаринном, проходил практику в Англии.
- ³²⁵ *Козлов С.А.* Путевые записки ... С. 8–10 ; ОМС. Ч. II. С. 332–334.
- ³²⁶ ПСЗ. Т. XXIII. № 17149. С. 458 ; МИРФ. Ч. XIV. № 4. С. 5–6 ; № 308. С. 347 ; № 330. С. 379–380 ; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия князя А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 480. Л. 1–1 об. ; Д. 489. Л. 1–16 об. ; Д. 3889. Л. 1–3 об. ; Д. 3890. Л. 1–5 ; Д. 3891. Л. 1–3 ; Д. 5460. Л. 1–2 об. ; Д. 5789. Л. 1–2 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 349. Л. 96, 171–172, 262–264 ; Ф. 212. Оп. 1742 г. Д. 51. Л. 7–7 об. ; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 4. Л. 749–751 ; Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 2. Кн. 28. Л. 179, 623–623 об. ; Кн. 29. Л. 269–269 об., 275–275 об. ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2, 1734 г. Д. 12. Л. 56.
- ³²⁷ Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства в 1799 г. // РС. 1884. Т. XLI, дек. С. 621.
- ³²⁸ *Греков А.П.* Правовое положение ... С. 124–127 ; *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам ... С. 28 ; ОДАММ. Т. III. С. 678, 828 ; РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1759 г. Д. 22. Л. 90.
- Подобные положения действовали и в английском, французском, нидерландском и шведском флоте (Исследование о преобразовании пенсионных положений ... С. 30–32, 59, 90–91, 200–202, 229).
- ³²⁹ ПСЗ. Т. XVI. № 12006. С. 487–488.
- ³³⁰ *Zoepfl H.* Grundsätze des allgemeinen und deutschen Staatsrechts. Zweiter Teil, IV Ausgabe. Leipzig und Heidelberg, 1856. S. 784.
- ³³¹ *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам ... С. 2–3.
- ³³² *Понов Н.А.* В.Н. Татищев и его время. С. 218.
- ³³³ Таблица составлена нами по данным: Сенатский архив. Т. XII. С. 396–398.
- ³³⁴ ПСЗ. Т. IV. № 2174. С. 397.
- ³³⁵ Сб. РИО. СПб., 1900. Т. 107. № 172. С. 489 ; ПСЗ. Т. VIII. № 5283. С. 47 ; Протоколы Верховного Тайного совета 1726–1730 годов // ЧОИДР. 1858. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 80.
- ³³⁶ Книга Устав Морской. С. 109–110.
- ³³⁷ ПСЗ. Т. VIII. № 5688. С. 377.
- ³³⁸ Сенатский архив. Т. XII. С. 396.
- ³³⁹ Там же.
- ³⁴⁰ МИРФ. Ч. XI. № 309. С. 662–665.
- ³⁴¹ ПСЗ. Т. XLIV, ч. I. К. № 12069, 12235. С. 95, 120–123. Должностной оклад генерал-кригс-комиссара, генерал-интенданта, генерал-цейхмейстера, генерал-контролёра, генерал-казначей Адмиралтейств-коллегии – 1996 руб. 80 коп. в год. Размеры окладного жалованья даны – за вычетом денежных сумм на содержание адмиралтейских госпиталей. Денежное жалованье по новому должностному окладу выплачивалась со дня присвоения следующего воинского чина (МИРФ. Ч. XI. № 186. С. 377). При переводе на постоянную службу в другие военные порты морским и военным чинам выплачивалась денежная сумма на подъём в размере полугодового окладного жалованья (МИРФ. Ч. VI. № 149. С. 123 ; Сб. РИО. Т. 114. № 178. С. 580).

- ³⁴² 31 октября 1798 г. Павел I назначил вице-президента адмирала И.Л. Голенищева-Кутузова президентом Адмиралтейств-коллегии, «которому, однако же, не быть генерал-адмиралом, высочайше повелевая при том производить ему жалование по чину» (МИРФ. Ч. XVI. № 445. С. 274; ЦАНО. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 52). 1 ноября 1798 г. ему были пожалованы столовые деньги по 1000 руб. в месяц, что в полтора раза превышало жалование по штатной должности (МИРФ. Ч. XVI. № 465. С. 332). Для сравнения: на период кампании флота флагманам выплачивалось следующее количество столовых денег в рублях: адмиралу – 300; вице-адмиралу – 200; контр-адмиралу – 100 «на месяц во всё то время, доколе возвратятся к портам» (Там же. № 361. С. 242). Подсчёты наши (на данную тему см.: МИРФ. Ч. X. № 250. С. 466–467; № 292. С. 528; Ч. XI. № 67. С. 108; Ч. XIII. № 5. С. 2; ЦАНО. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 9).
- Эти суммы использовались на содержание адмиральского стола, где столовались приглашённые офицеры (Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове ... С. 24). Кроме того, императрица Екатерина II, продолжая традиции своих предшественников на троне, из сумм Кабинета Ея И. В. или из чрезвычайных сумм, определённых на корабельный или гребной флот, систематически выдавала от 1000 руб. (также и в валюте) и более, исходя из чина эскадренного командира, шедшего в длительное плавание или при ведении боевых действий, вплоть до их окончания. Наибольшие суммы столовых денег (12 тыс. руб. в год) были пожалованы: главнокомандующему морских и сухопутных сил в Архипелаге генерал-аншефу графу А.Г. Орлову-Чесменскому, командующему Балтийским гребным флотом адмиралу принцу К. Нассау-Зигену, генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Г.А. Потёмкину-Таврическому и главнокомандующему Балтийским корабельным флотом адмиралу В.Я. Чичагову (14522 руб. в год) (Сб. РИО. Т. 1. С. 98, 338; МИРФ. Ч. XIV. № 259. С. 235; № 316. С. 375). Также столовые деньги жаловались и армейским генералам (Сб. РИО. Т. 13. С. 373; ПСЗ. Т. XXIV. № 17588. С. 124; № 17684. С. 253–254; № 17713. С. 268–269; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 93. Л. 159). 22 февраля 1780 г. Екатерина II предписала правителям наместничеств вместо оброка, получаемого по должности от 600 душ, выдавать из штатс-конторских доходов по 1200 руб. в год на их столовое содержание (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 33–33 об.; Д. 6. Л. 98–98 об.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–4).
- ³⁴³ 16 декабря 1790 г. Екатерина II пожаловала вице-президенту Адмиралтейств-коллегии генерал-аншефу графу И.П. Чернышёву дополнительно к 6 тыс. руб. столовых денег ещё 6 тыс. руб. в год (МИРФ. Ч. XIV. № 259. С. 236).

- президентом Адмиралтейств-коллегии адмирал И.Л. Голенищев-Кутузов был назначен 11 июля 1797 г. (МИРФ. Ч. XVI. № 201. С. 120; Из архива Н.О. Кутлубицкого // РА. 1912. Кн. 2, вып. 5. С. 67–68).
- ³⁴⁴ 13 мая 1796 г. Адмиралтейств-коллегия получила высочайший указ: «Всемилоостивейше повелеваем флота капитана генерал-майорского ранга Амандуса Берга поместить на имеющуюся в Адмиралтействе нашем вакансию оберштер-кригс-комиссара, производя ему по окладу контр-адмиральское жалование» (МИРФ. Ч. XIV. № 420. С. 525). В продолжение темы см.: Там же. № 422. С. 526.
- ³⁴⁵ Обер-цейхмейстеру (генерал-цейхместеру) был пожалован должностной оклад «в сравнение флотских контр-адмиралов» (МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 174).
- ³⁴⁶ 24 ноября 1783 г. был объявлен высочайший указ в Адмиралтейств-коллегии: «Всемилоостивейше повелеваем прибавить к получаемому ныне жалованию генерал-майорам: флота цейхмейстеру Фёдорову Пасынкову, обер-интенданту Ивану Ильину, оберштер-кригс-комиссару Ивану Болотникову – каждому по 700 рублей на год; бригадирам и того ранга: корабельному мастеру Ламбе Ямесу по 500 руб., Лариону Нижегородцеву, Степану Жемчужникову, Борису Воронову, Алексею Голостену, Алексею Кургановскому и Матвею Сипягину по 300 руб. – каждому на год, произведя сии пожалованные прибавки из суммы, остающейся от некомплекта по флоту» (МИРФ. Ч. XIII. № 41. С. 18; № 45. С. 45). Высочайшим указом от 14 апреля 1789 г. капитану над Кронштадтским портом флота капитану генерал-майорского ранга Е.И. Лупандину и флота капитану генерал-майорского ранга и обер-интенданту И.П. Балле повелевалось Адмиралтейств-коллегии выплачивать по 1800 руб. в год, «включая в то число получаемое ими ныне жалование» (МИРФ. Ч. XIII. № 466. С. 510).
- ³⁴⁷ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1 об., 16–16 об., 64–64 об.; МИРФ. Ч. XI. № 160. С. 340.
- ³⁴⁸ Архив Государственного совета. Т. I, ч. I. Стб. 378; МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 143; Ч. XIII. № 177. С. 222.
- ³⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 128–129, 185; Д. 69. Л. 82–87; Д. 70. Л. 198–200; Ф. 212. Оп. 1760 г. Д. 15. Л. 1–9; Оп. 1762 г. Д. 42. Л. 1–1 об., 2, 3–3 об., 4, 5, 7, 8, 10–10 об., 14; Оп. 1766 г. Д. 4. Л. 49 об., 53 об.; Оп. 1767 г. Д. 12. Л. 1–20; Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 2–9 об., 19, 21, 22, 26, 27, 28, 31, 52–52 об., 53, 54, 55, 56, 59–60 об., 66, 71, 86, 87, 97, 98, 100, 101, 103, 106, 108, 109; Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–186 об.; Д. 307. Л. 349–350, 352; Д. 308. Л. 30, 144, 148, 162 и др.
- ³⁵⁰ МИРФ. Ч. XI. № 168. С. 360; № 179. С. 363–364; № 180. С. 364; № 181. С. 365; № 182. С. 365–366; № 183. С. 366–376; № 185. С. 376–377; № 191.

- С. 378–379; № 192. С. 379; № 193. С. 380; № 195. С. 380–382; № 200. С. 388; № 201. С. 388–389; № 202. С. 389–391; № 203. С. 391; № 205. С. 391–392; № 206. С. 392; № 207. С. 392; № 208. С. 393–394; № 210. С. 395–396; № 213. С. 405–406; № 214. С. 406; № 215. С. 406–407; № 216. С. 407–408; № 217. С. 408–409; № 218. С. 409–410; № 232. С. 424–426; № 235. С. 427–428; № 236. С. 428–430; № 240. С. 498–499; № 242. С. 527–529.
- ³⁵¹ *Веселаго Ф.Ф.* Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 168.
- ³⁵² Сб. РИО. Т. 1. С. 119–123; Т. 19. № 20 (№ 39). С. 53–54; № 34. С. 79–81; № 35. С. 81–92; № 39. С. 97–100; ОЗ. 1823. Ч. XIII. Кн. XXXV. С. 203–243; Ч. XIV. Кн. XXXVII. С. 174–193; Ч. XV. Кн. XXXIX. С. 73–80; РБС. Т. [3]. С. 229–230; Собственноручные письма императрицы Екатерины II-й к графу Ивану Григорьевичу ... Стб. 1335–1341.
- ³⁵³ РБС. СПб., 1903. Т. [9]: Кнаппе – Кюхельбекер. С. 461–464; МИРФ. Ч. XI. № 275. С. 558–560; № 276. С. 569–561; № 278. С. 561–563; № 297. С. 636–638; Сб. РИО. Т. 19. № 43 (№ 64). С. 105–108; № 46 (№ 67). С. 111; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. IV. С. 42–45; ОЗ. 1820. Ч. III. Кн. V. С. 33–81; Кн. VI. С. 184–216; Кн. VII. С. 67–88.
- ³⁵⁴ МИРФ. Ч. XI. № 281. С. 565.
- ³⁵⁵ Морской атлас. С. 314; МИРФ. Ч. XII. № 142. С. 305–309.
- ³⁵⁶ *Тарле Е.В.* Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. 1769 – 1774. М.; Л., 1945. С. 102.
- ³⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179.
- ³⁵⁸ В.В. Маленков поступил на военную службу во флот в 1717 г., но только 7 ноября 1751 г., после 34 лет службы на матросских и унтер-офицерских должностях на кораблях, был произведён в унтерлейтенанты морской артиллерии. 4 апреля 1755 г. он стал лейтенантом, 21 января 1758 г. его произвели в фейерверкеры, в 1760 г. в капитаны 2 ранга, 22 сентября 1763 г. в капитаны 1 ранга, и он был определён в присутствие Кронштадтской морской артиллерийской команды. 1 января 1766 г. В.В. Маленков был уволен со службы в отставку с награждением ранга «цейхмейстера» (ОМС. Ч. II. С. 247; МИРФ. Ч. XI. № 60. С. 98; № 87. С. 171; № 127. С. 246–247).
- ³⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 177.
- ³⁶⁰ Сб. РИО. Т. 1. С. 95.
- ³⁶¹ Таблица составлена по данным: Сенатский архив. Т. XV. № 60. С. 89–123.
- ³⁶² По именному указу от 3 марта 1763 г. Московский комендант генерал-поручик грузинский царевич Афанасий, жалование выплачивалось по полковничьему окладу в сумме 751 руб. 98 коп., пенсия 1248 руб. 2 коп. По именному указу от
- 11 июля 1751 г. вместо деревень царевичу Афанасию было пожаловано 800 руб. Всего жалования, пенсии и денежной компенсации за деревни 2800 руб. в год.
- По указу Сената от 2 мая 1756 г. Генерал-поручик князь Кантемир. Общий размер его пенсии и должностного оклада, выплачиваемого по генерал-майорскому рангу, составил 2132 руб. 73 коп.
- ³⁶³ По именному указу от 30 декабря 1760 г. Лейб-гвардии Преображенского полка капитан князь Иона Дундуков. Общий размер его жалования и пенсии 1 тыс. руб.
- ³⁶⁴ По именному указу от 10 февраля 1763 г. Генерал-аншеф Гурьев, жалование по чину генерал-поручика с рационами и суммой, отпускаемой на содержание денщиков, 2530 руб. 30 коп.
- ³⁶⁵ Сведения о нём в источнике отсутствуют.
- ³⁶⁶ По именному указу от 25 декабря 1755 г. Бригадир Иван Рудаков получал жалование по чину лейб-гвардии капитана 354 руб. 60 коп., компенсация за 15 рационов 99 руб. 75 коп., сумма на содержание четырёх денщиков 24 руб. 60 коп., компенсация за хлебное жалование денщиков 16 руб. 13 коп. Общий размер его пенсии 495 руб. 8 коп.
- ³⁶⁷ По именному указу от 10 января 1756 г. Алексей Дурново, пенсия 381 руб. 32 коп.
- По именному указу от 23 февраля 1763 г. Георгий Цвейфель, пенсия в размере 500 руб. выплачивалась только при нахождении его в пределах Российской империи.
- По указу Сената от 16 февраля 1763 г. Отто Рейнгольт Таубе, 460 руб. 18½ копеек.
- По указу Сената от 8 июня 1760 г. Мек, 400 руб.
- ³⁶⁸ По именному указу от 6 июня 1749 г. Фон Фильстер, пенсия 200 руб.
- ³⁶⁹ По именному указу от 30 декабря 1760 г. Майор князь Алексей Дундуков, служивший в Сухопутном кадетском корпусе, 1 тыс. руб.
- ³⁷⁰ По именному указу от 8 ноября 1760 г. Кирхнер, пенсия 200 руб.
- По именному указу от 17 сентября 1759 г. фон Френгольц, 228 руб. 90 коп.
- ³⁷¹ Именные указы: от 27 апреля 1759 г. Ганц Врангель – 132 руб.; от 8, 14, 28 июня 1760 г. Билингсгаусен, Лен, фон Эттинген – 120 руб.
- ³⁷² Именные указы: 3 июля 1759 г.; 23 июня 1760 г. Фон Бремсен, Отто Вольдемар Стакельберг – по 120 руб.
- ³⁷³ Именной указ от 19 июня 1742 г. Фёдор Миляков, пожалованный из придворных лакеев, 80 руб.
- ³⁷⁴ Именной указ от 3 сентября 1762 г. Лейб-гвардии Измайловского полка сержант Алексей Луханин, 61 руб. 83¼ копейки.
- ³⁷⁵ Именной указ от 22 августа 1762 г. Генерал-аншеф, камергер и кавалер Скворцов, жалование по чину генерал-поручика, с рационами и суммой, отпускаемой на содержание денщиков, 2530 руб. 30 коп.

- ³⁷⁶ Именной указ от 15 января 1764 г. Обер-церемониймейстер граф Сантий, 3 тыс. руб. Именной указ от 8 августа 1762 г. Бывший первый лейб-медикус граф Лесток, 7 тыс. руб.
- ³⁷⁷ Именной указ от 22 сентября 1762 г. Обер-гофмейстер барон Миних, 2 тыс. руб.
- ³⁷⁸ Именной указ от 21 октября 1762 г. Тайный советник и кавалер Фёдор Веселовский, 2 тыс. руб.
- ³⁷⁹ Именной указ от 10 декабря 1763 г. Действительный статский советник Матвей Козмин, 600 руб.
- ³⁸⁰ Именной от 5 февраля 1764 г. Коллежский советник Пётр Чекалевский, 300 руб.
- ³⁸¹ Именной указ от 10 декабря 1747 г.; от 19 июня 1756 г.; от 6 ноября 1746 г.; от 20 октября 1750 г. Надворные советники, получавшие пенсии: Юрий Томазин – 500 руб.; фон Тгульт – 279 руб.; проживавший в Киеве швейцарец из Базеля Исаак Монган – 300 руб.; Грек Декабрий Стакет – 300 руб.; Указ Сената от 22 января 1756 г. толмач Павел Иот вместо пенсии получал 60 руб. в год.
- ³⁸² Именной указ от 16 сентября 1758 г. Генерал-поручик Шиллинг – 1080 руб.
- ³⁸³ Именной от 16 августа 1760 г. Генерал-майор Яков Павлуцкий – 900 руб.
- ³⁸⁴ Именной указ 15 декабря 1757 г. Указ Сената от 12 декабря 1752 г. Бригадир фон Штейн, Андроник Ремизов, Николай Ифлант – по 420 руб. Именной указ от 10 октября 1762 г. Бригадир Александр Туглубьев – 300 руб.
- ³⁸⁵ Именной указ от 25 октября 1756 г. Генерал-майор фон Роден – 420 руб.
- ³⁸⁶ Именной указ от 21 сентября 1749 г. Бригадир фон Фенихбир – 120 руб.
- ³⁸⁷ Указы Сената: от 23 августа 1756 г. и 19 сентября 1757 г. Полковники Клейман и фон Шведин – по 120 руб.; от 21 октября 1762 г. – Филипп Креницын – 232 руб. 5 коп.
- ³⁸⁸ Указы Сената. От 21 марта 1756 г. Подполковник Берк Вакзин – 120 руб. От 20 декабря 1756 и 1763 г., 21 марта 1756 г., 13 марта 1758 г., 1 апреля 1758 г. Подполковники Михельсон, Бантист фон Бинау, Гасфорт, Време, Ломан – по 60 руб.
- ³⁸⁹ Указы Сената. От 3 ноября 1759 г. Премьер-майоры: фон Гак – 68 руб. 52 коп. От 28 ноября 1756 г. и 14 июня 1761 г. фон Гиршендом и фон Тилин – по 50 руб.
- ³⁹⁰ Указы Сената. От 23 августа 1759 г. Секунд-майоры: Клинг – 100 руб., от 16 ноября 1760 г. и 10 апреля 1761 г. фон Трас и Миллер – по 50 руб., от 10 июля 1762 г. Иван Воробьев, Беренд Шурман, Иван Глю – по 46 руб. 66½ коп., от 18 апреля 1762 г. Андрей Малер – 30 руб.
- ³⁹¹ Указы Сената: от 10 июля 1762 г., капитаны: Карп Кривской, 33 руб. 33 коп.; от 10 июля и 24 августа 1762 г., 17 апреля 1755 г., 21 мая 1758 г., 7 октября 1759 г. 6 ноября 1760 г. Устин Гирс, Иван Колер, Тудоров, Иоганн Мессер, фон Тульцельман, по 30 руб.
- ³⁹² Указ Сената от 10 января 1744 г. Поручик Гендрих Густав Шмидт – 12 руб. 80 коп.
- ³⁹³ *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. II. С. 206.
- ³⁹⁴ Таблица составлена нами по данным: 200-летие Кабинета ... С. 375–379.
- ³⁹⁵ Указ от 23 октября 1763 г.
- ³⁹⁶ Указы от 2 августа 1771 г., от 4 июня 1774 г., от 8 сентября 1779 г.
- ³⁹⁷ Генералу А.Г. Орлову-Чесменскому 12 марта 1776 г. добавлено к пенсии 4682 руб. 17½ коп.
- ³⁹⁸ Указ от 19 января 1773 г.
- ³⁹⁹ Указ от 10 сентября 1773 г.
- ⁴⁰⁰ Указ от 7 августа 1774 г.
- ⁴⁰¹ Указ от 10 июля 1775 г.
- ⁴⁰² Указ от 29 октября 1783 г.
- ⁴⁰³ Указ от 17 декабря 1782 г.
- ⁴⁰⁴ Указ от 17 января 1783 г.
- ⁴⁰⁵ *Соловьёв Н.И.* Пенсии военным офицерским чинам ... С. 13.
- ⁴⁰⁶ *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов ... Ч. III. С. 164, 175.
- Подсчёты наши.
- ⁴⁰⁷ ОДАММ. Т. VIII. С. 705.
- ⁴⁰⁸ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 131–132.
- ⁴⁰⁹ Павел I. Собрание анекдотов ... С. 252.
- ⁴¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 1760 г. Д. 15. Л. 1–6; Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2, 66, 71.
- ⁴¹¹ *Соколовский М.К.* Из русской военно-уголовной старины: (Высочайшие подтверждения императора Павла I по военно-судным делам) // РС. 1904. Т. 119, авг. С. 353–368; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 45, 56, 65, 66, 70, 71, 87–88, 91, 92, 98, 129, 136–138, 192; *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. Стб. 23–25, 51, 83, 118, 275, 278, 286, 307, 309, 322, 325, 326, 337; *П.* Император Павел. Очерк развития его личности // РС. 1901. Т. CVII, июль – сент. С. 515–516, 517, 521, 524; Павел I. Собрание анекдотов ... С. 3–4, 9, 56–60, 61.
- ⁴¹² Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 467. С. 593; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179.
- ⁴¹³ ПСЗ. Т. XIX. № 14170. С. 973.
- ⁴¹⁴ Высочайший указ был подписан 13 января, а офицеры были уволены от военной службы в отставку, исключены из списков и табелей 15 января 1775 г. (МИРФ. Ч. XII. № 144. С. 318).
- ⁴¹⁵ Пётр Евстафьевич Карташев, удостоенный «обеих милостей» от государыни Екатерины II, 3 марта 1749 г. поступил на службу матросом. Далее служил гардемаринном, в процессе службы занимал обер-офицерские должности на кораблях и на берегу, в том числе служил и в провиантском магазине. Участник Первой архипелагской экспедиции русского флота. Всего совершил на морях 23

- кампании. Награждён военным орденом Св. Георгия 4-й степени. 13 января 1775 г. был уволен в отставку с присвоением чина «капитана 2 ранга» и с пенсией (ОМС. Ч. II. С. 162–163; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179–180).
- ⁴¹⁶ Отставного капитан-лейтенанта и кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени И. Дурова в тот же год назначили воеводой в Коломну, а затем перевели воеводой в Арзамас (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 109. Л. 177).
- ⁴¹⁷ ОДАММ. Т. VIII. С. 409–410.
- ⁴¹⁸ Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 422. С. 539.
- ⁴¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 5.
- ⁴²⁰ МИРФ. Ч. XI. № 139. С. 289.
- ⁴²¹ ПСЗ. Т. XVI. № 11601. С. 15–16; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 5, 103, 104; Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 2636. Л. 1–1 об.; Сенатский архив. Т. II. С. 145–146.
- ⁴²² ПСЗ. Т. XXI. № 15221. С. 243.
- ⁴²³ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 308. Л. 30, 144, 148.
- ⁴²⁴ ПСЗ. Т. XVI. № 12131. С. 714; Т. XXI. № 15221. С. 243; Т. XXII. № 16537. С. 846–847.
- ⁴²⁵ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 349. Л. 147–148.
- ⁴²⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 5; Д. 107. Л. 14, 15; Ф. 4. Оп. 1. Д. 252. Л. 1–2; Оп. 1-а. Д. 1564. Л. 1–2; Оп. 1. Д. 940. Л. 1–2; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1199. Л. 1; Д. 1478. Л. 1–1 об.; Оп. 602-а. Д. 176. Л. 1; ПСЗ. Т. XXIII. № 16767. С. 28–29; Т. XXVI. № 19669. С. 413–414.
- ⁴²⁷ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 981. Л. 1–2; Д. 1037. Л. 2–3; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1320. Л. 1; Д. 1479. Л. 1; Оп. 602-а. Д. 177. Л. 1.
- ⁴²⁸ ПСЗ. Т. XI. № 9753. С. 279; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 415. Л. 1–1 об.; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1133. Л. 1–1 об.; Д. 1198. Л. 1.
- ⁴²⁹ Таблица составлена нами по данным: ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 216. (В названии таблицы сохранена орфография источника).
- ⁴³⁰ ГКУ ГАНО. Ф. 1 (Арзамасское уездное казначейство). Оп. 1. Д. 25. Л. 35, 37.
- ⁴³¹ ПСЗ. Т. VI. № 3937, п. 85. С. 540.
- ⁴³² Петербург в конце XVIII и в начале XIX века: (По бумагам графа Франца-Габриэля де Брэ) // РС. 1902. Т. 109, янв. – март. С. 587; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 100, 117; ПСЗ. Т. VIII. № 5267. С. 36; Газета «Санкт-Петербургские ведомости» XVIII века: 1) Указатели к содержанию 1756–1760 годов. Объявления об отъезжающих из Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 38, 86, 561, 584; 2) Указатели к содержанию 1774 г. Объявления об отъезжающих. Л., 1987. С. 35, 207.
- ⁴³³ Офиц. отд. Высочайшие приказы по Военному и Морскому ведомству // Русский инвалид. Военная газета. 1912. № 156. 17 июля, вторник. С. 1; № 158. 19 июля, четверг. С. 1.
- ⁴³⁴ Император Павел Петрович и его время. 1798–1801 // РС. 1884. Т. XLI, янв. – март. С. 373.
- ⁴³⁵ *Державин Г.П.* Сочинения. С. 394–395.
- ⁴³⁶ Министерство финансов. С. 16.
- ⁴³⁷ Банковская контора для дворянства была учреждена в 1754 г.: *Иванов П.И.* Описание Государственного архива старых дел. Историческое обозрение мест и учреждений. М., 1850. С. 57–60.
- ⁴³⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 100. Л. 3–6, 81–86; Д. 101. Л. 15, 16; Д. 103. Л. 29, 78; Д. 104. Л. 24–25 об., 197; Д. 109. Л. 23 об.; Д. 110. Л. 111–112; Ф. 4. Оп. 1. Д. 444. Л. 1–5; Д. 470. Л. 1–37; Д. 770. Л. 1–39; Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 22. Л. 57–57 об.; Д. 234. Л. 1–5; Д. 249. 2–7; Д. 283. Л. 2–6; Д. 309. Л. 58–58 об.; Оп. 34-б. Д. 10. Л. 2–9; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 234; Д. 246. Л. 39; Ф. 116. Оп. 34-а. Д. 25. Л. 1–2 об.; Ф. 125 (Нижегородский словесный суд). Оп. 1038. Д. 1. Л. 8; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 99; Сенатский архив. Т. XII. С. 568–569; *Боровой С.Я.* Кредит и банки России. Середина XVII в. – 1861 г. М., 1958. С. 46, 47.
- ⁴³⁹ Сенатский архив. Т. I. С. 33.
- ⁴⁴⁰ Д. и П. Т. I. № 221. С. 184; *Короленко В.Г.* К истории отживших учреждений. 1768–1771 гг. // РС. 1892. Т. LXXIV, апр. – июнь. С. 255–270; Русская жизнь XVIII в. по романам и повестям // РС. 1905. Т. 126, апр. – июнь. С. 389; *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова. 1766–1808. СПб., 1908. С. 155–156; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 121. С. 175–177; Сочинения императрицы Екатерины II ... Т. 12, 2-й полутом. С. 517.
- ⁴⁴¹ Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. М., 1863. № 276. С. 108; № 339. С. 135–136.
- ⁴⁴² ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1-б. Д. 34. Л. 2–10 об.; Записки княгини Е.Р. Дашковой ... С. 96, 97, 98, 243; Сенатский архив. Т. XII. С. 564–565; Там же. Т. XIII. № 202. С. 284–285.
- ⁴⁴³ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–4; Д. 1093. Л. 1–11; Ф. 115. Оп. 34-б. Д. 10. Л. 2–9; Д. 309. Л. 58–58 об.; Ф. 125. Оп. 1038. Д. 15. Л. 2–2 об., 4, 40; Записки Василия Семёновича Хвостова // РА. 1870. Вып. 1–6. Стб. 576–578; Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой // РА. 1889. Кн. 1, вып. 1–4. С. 41; Николай Осипович Кутлубицкой. С. 497, 502–503; Сенатский архив. Т. I. С. 305–306; Там же. Т. XII. С. 554–556.
- ⁴⁴⁴ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1249. Л. 1–1 об.; Из бумаг Николая Петровича Архарова. Письма к нему Екатерины II, императоров Павла Петровича и Александра Павловича и некоторых правительственных лиц // РА. 1864. Т. 2, вып. 1–12. Стб. 429; К Михаилу Михайловичу Измайлову (Писано ещё великим князем) / Письма императора Павла Петровича к московским главнокомандующим // Там же. 1876. Кн. I, вып. 1–4. С. 10–17, 22–23, 26; *Долгорукий И.М.* Капище моего сердца ... // ЧОИДР. 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 44–45.
- ⁴⁴⁵ Павел I. Собрание анекдотов ... С. 101.

- ⁴⁴⁶ *Скоробогатов А.В.* Цесаревич Павел Петрович. С. 148 ; П.П. «Покорная и верная жена» : (Один из типов русской женщины XVIII века) // ИВ. 1888. Т. XXXIII, июль. С. 99 ; *Дашкова Е.Р.* Записки. М., 1987. С. 79–82 ; [*Комаровский Е.Ф.*] Записки графа ... С. 38–42 ; Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове ... С. 26 ; Царевубийство ... Предисл. С. XIX–XX ; Мемуары графини Головиной ... С. 27.
- ⁴⁴⁷ *Долгорукий И.М.* Капище моего сердца ... // ЧОИДР. 1873. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. II. С. 243, 270–271 ; ЦАНО. Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 283. Л. 2–6 ; Ф. 125. Оп. 1038. Д. 1. Л. 8 ; Два неизданных стихотворения Пушкина // ИВ. 1883. Т. XI, февр. С. 468 ; *Михневич В.О.* Замечательныя русския женщины. Графиня М.А. Румянцева : (1698 – 1788 г.) // ИВ. 1897. Т. LXVII, янв. С. 127 ; *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 57.
- ⁴⁴⁸ *Берк К.Р.* Путевые заметки о России. С. 219.
- ⁴⁴⁹ *Долгорукий И.М.* Капище моего сердца ... // ЧОИДР. 1873. Кн. 2, апр. – июнь. Отд. II. С. 298, 319–320 ; Там же. Июль – сент. Отд. II. С. 331–332.
- ⁴⁵⁰ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 77. Л. 88–89 об. ; Д. 81. Л. 249–251 ; Д. 106. Л. 53, 74–76 ; Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 1892. Л. 1–3 об. ; ГКУ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 103 ; Сенатский архив. Т. XV. № 36. С. 52 ; *Андреевский И.Е.* Канцелярия конфискации : 1729–1780 : (Очерк по неизданным материалам) // РС. 1881. Т. XXXI, май – июль. С. 167–186.
- ⁴⁵¹ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–2.
- ⁴⁵² [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная ... Ч. 3. С. 262.
- В продолжение темы долгов офицера см.: Письмо М.А. Алисова к супруге // РА. 1914. Кн. 2, вып. 5–8. С. 5–6.
- ⁴⁵³ ПСЗ. Т. XLIV, ч. I. К. № 12069, 12235. С. 95, 120–123. Оклад с учётом выплаты денег на содержание военных госпиталей и лазаретов.
- В продолжение темы офицерских долгов см.: Николай Осипович Кутлубицкой. С. 489–493 ; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1135. Л. 1–2.
- ⁴⁵⁴ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича ... Ч. 3. С. 254, 255, 258, 259–261, 263, 264–270.
- В продолжение темы долгов офицера в полку см.: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 36.
- ⁴⁵⁵ Домовая летопись Андреева по роду их, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 году. Начата в Семипалатинске // ЧОИДР. 1870. Кн. 4, окт. – дек. Отд. V. С. 170–171.
- Благодарю Ю.Н. Беспятых за разъяснение выражения «альгвазила».
- ⁴⁵⁶ *Ланжерон А.-Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // РС. 1895. Т. LXXXIII, апр. С. 168 ; Там же. Май. С. 189–191, 199, 201 ; Сб. РИО. Т. 69. № 116. С. 207–212.
- В продолжение см.: ВС. 1862. № 1. Т. XXIII. Неофиц. отдел. С. 183–184 ; Сб. РИО. Т. 124. № 56. С. 360 ; Воспоминания суворовского солдата. С. 18, 51.
- ⁴⁵⁷ *Даль В.И.* Пословицы ... // ЧОИДР. 1861. Кн. 4, окт. – дек. Отд. II. С. 584.
- ⁴⁵⁸ Н.Л. Палибин был уволен от службы не в 1784, а в 1782 г. и с награждением чином генерал-майора и высочайшим пожалованием пенсией (ОМС. Ч. II. С. 311–312).
- ⁴⁵⁹ Мы не смогли установить личность капитана Бухарина. В «Общем морском списке» имеются Бухарин Иван и Бухарин Степан. Однако И. Бухарин из списков личного состава флота выбыл в 1764 г., то есть за 20 лет ранее до подачи списка должников, а С. Бухарин – в 1766 г. (ОМС. Ч. II. С. 61–62).
- ⁴⁶⁰ Капитан бригадирского ранга Михаил Мельников 14 апреля 1789 г. уволен из-за болезни от военной службы с половинным окладным жалованьем по смерти (ОМС. Ч. II. С. 253–255).
- ⁴⁶¹ РБС. Т. [3]. С. 160.
- ⁴⁶² Там же. Т. [12]. С. 400 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 306. Л. 227.
- ⁴⁶³ Сенатский архив. Т. XII. С. 618–621 ; Там же. Т. XV. № 213. С. 418 ; № 438. С. 937–938 ; ЦАНО. Ф. 115. Оп. 34-б. Д. 10. Л. 2–9 ; Ф. 125. Оп. 1038. Д. 15. Л. 2–2 об., 4, 40.
- ⁴⁶⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1762 г. Д. 28. Л. 1–2 ; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1093. Л. 1–11 ; МИРФ. Ч. VII. № 62. С. 268 ; Сб. РИО. Т. 55. № 62. С. 143–144 ; № 74. С. 167–168 ; № 187. С. 333 ; № 188. С. 334–335 ; Т. 56. № 151. С. 308 ; № 152. С. 309 ; Т. 69. № 334. С. 525–528 ; № 369. С. 592 ; Т. 106. № 38. С. 127, 128 ; № 46. С. 165, 166 ; *Дубасов И.И.* Былые добрые люди Тамбовского края // ИВ. 1895. Т. LXI, сент. С. 663 ; *Захаров В.Н.*: 1) Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 192–206, 311 ; 2) Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 28, 422–423, 504–508, 542, 544–545, 656–660.
- ⁴⁶⁵ Сенатский архив. Т. XV. № 428. С. 925.
- ⁴⁶⁶ Цитата на С. 235: *Пушкин А.С.* Капитанская дочка // Соч. В 3 т. Т. 3 : Проза. М., 1986. С. 233–235.
- ⁴⁶⁷ *Соколовский М.К.* Дневник царедворца императора Павла I // ИВ. 1903. Т. XCIV, окт. С. 188.
- ⁴⁶⁸ Сенатский архив. Т. I. С. 586–587, 630.
- ⁴⁶⁹ ПСЗ. Т. XXIV. № 17588. С. 207.
- В продолжение темы долгов см.: Дело о взыскании с поручика Василия Копеечкина 495 рублей 36 копеек за растрату казённых денег при покупке холста для армии (ЦАНО. Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 38. Л. 1–4).
- ⁴⁷⁰ ПСЗ. Т. XXVI. № 19692. С. 440–474.
- ⁴⁷¹ *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 173.
- ⁴⁷² ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Л. 158–159 ; Архив Раевских. СПб., 1908. Т. I. С. 18 ; Сб. РИО. Т. 120. № 40. С. 184–186.
- ⁴⁷³ ПСЗ. Т. XIX. № 13561. С. 217–219 ; Т. XXIV. № 17643. С. 237–238 ; № 18074. С. 666 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98-а. Л. 142 ; Д. 99. Л. 227 ; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 606–607 об. ; О имени и долгах поручика Николая Новикова / сообщ. В.Н. Рогожин //

- РА. 1900. Кн. 1, вып. 1–4. С. 488–490 ; Сенатский архив. Т. I. С. 261, 512–513 ; Там же. Т. II. С. 87, 227, 231, 232, 233, 373–374, 393 ; Там же. Т. XII. С. 338–339, 369, 601–603.
- ⁴⁷⁴ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2 ; Д. 979. Л. 1–10 ; Ф. 653 (Ардатовская дворянская уездная опека). Оп. 129-а. Д. 1. Л. 43–43 об., 56–57, 73–73 об. ; Оп. 129-б. Д. 5. Л. 1–1 об., 8–16 об., 21 ; Сенатский архив. Т. XII. С. 375–376 ; Там же. Т. XV. № 45. С. 56 ; [*Комаровский Е.Ф.*] Записки графа ... С. 2.
- ⁴⁷⁵ ПСЗ. Т. VIII. № 5462. С. 225–226 ; Т. XXII. № 16203. С. 396–397 ; Т. XXIV. № 17698. С. 268–269 ; № 18001. С. 664–665 ; № 18090. С. 680–681 ; № 18098. С. 685 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 81. Л. 7–8, 162–163 ; Д. 95. Л. 148 ; Ф. 622 (Нижегородская крепостная контора). Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 11–11 об. ; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 606–607 ; Ф. 2013. Оп. 602. Д. 1480. Л. 1–17 об. ; МИРФ. Ч. IV. С. 678 ; Ч. V. № 111. С. 105–106 ; Сб. РИО. Т. 120. № 40. С. 186–187 ; № 77. С. 381 ; № 91. С. 479 ; СПб., 1898. Т. 101. № 31. С. 91–92 ; № 39. С. 102 ; № 50. С. 140–141 ; Т. 106. № 2. С. 11, 18 ; № 13. С. 44 ; № 18. С. 61 ; № 58. С. 198 ; № 83. С. 340–342 ; Т. 111. № 135. С. 327 ; № 183. С. 480–481 ; Т. 114. № 20. С. 62–63 ; № 32. С. 95–96 ; № 55. С. 172 ; № 56. С. 173 ; № 86. С. 267–268 ; № 135. С. 422–423 ; № 150. С. 474 ; Т. 124. № 4. С. 32 ; Т. 126. № 4. С. 22 ; № 31. С. 208 ; № 60. С. 418–421 ; № 72. С. 522 ; № 78. С. 554, 558 ; К графу Я.А. Брюсу // Письма и рескрипты Екатерины II-й к московским главнокомандующим // РА. 1872. Кн. 18, вып. 1–4. Стб. 264 ; К Михаилу Михайловичу ... С. 5 ; *Круглый А.О.* Братья Потёмкины // РА. 1879. Т. 39. Кн. 2, вып. 5–8. С. 184–185 ; К биографии П.В. Завадовского. Заметки В.В. Голубцова // РА. 1887. Т. 62, кн. 1, вып. 1–4. С. 120–121 ; Из семейных бумаг А.Н. Корсакова // РА. 1894. Т. 105, кн. 2, вып. 58. С. 106 ; Сенатский архив. Т. XII. С. 238–239 ; Там же. Т. XV. № 46. С. 57–58 ; № 314. С. 616–617.
- ⁴⁷⁶ Там же. Т. XII. С. 255–256, 271, 276, 289 ; Записки Дмитрия Борисовича Мертвого. 1760–1824. М., 1867. Стб. 76.
- ⁴⁷⁷ *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 87–91.
- ⁴⁷⁸ Сб. РИО. Т. 7. С. 153.
- ⁴⁷⁹ Там же. С. 391 ; ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 96 ; Сенатский архив. Т. XIV. № 396. С. 521.
- ⁴⁸⁰ МИРФ. Ч. XI. № 84. С. 120.
- ⁴⁸¹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 105. Л. 9.
- ⁴⁸² *Грибовский А.М.* Записки об императрице Екатерине Великой, полковника, состоявшего при ея особе в статсе-секретарём. Изд. 2-е, доп. М., 1864. С. 98 ; *Брикнер А.Г.* Князь Г.А. Потёмкин : (По запискам графа Ланжерона, хранящимся в Парижском архиве) // ИВ. 1895. Т. LXII, дек. С. 836, 838 ; *Шумигорский Е.С.* Из галереи исторических силуэтов : Графиня А.В. Браницкая // ИВ. 1900. Т. LXXXIX, янв. С. 183–184 ; *Пескова А.М.* Павел I. С. 340.
- ⁴⁸³ *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 137.
- ⁴⁸⁴ ЦАНО. Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 99 ; С.-Петербург в 1782 году. Письма Пикара к князю А.Б. Куракину // РС. 1878. Т. XXII. С. 49, 51 ; Награда за целование ножки императора Павла I / сообщ. А. Успенский // РС. 1904. Т. 117, янв. – март. С. 341–342 ; Архив Правительствующего Сената. Т. III. С. 218 ; Сб. РИО. Т. 120. № 42. С. 211–214 ; Т. 114. № 24. С. 72 ; № 25. С. 73 ; № 26. С. 78 ; Т. 126. № 57. С. 393–395 ; № 64. С. 473–475 ; № 66. С. 481–482 ; Сенатский архив. Т. I. С. 523.
- ⁴⁸⁵ *Булаков Ф.И.* Интимный журнал шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907. С. 15 ; [*Винский Г.С.*] Записки Винского, малороссиянина, времён Екатерины II // РА. 1877. Т. 32, кн. 1, вып. 1–4. С. 96–97, 104–105, 107 ; Стихи Н.Ф. Павлова в московской долговой яме : (1852) // РА. 1885. Т. 56, кн. 1, вып. 1–4. С. 142.
- ⁴⁸⁶ Тюрьмы и госпитали в России в 18-м веке, по наблюдениям Уильяма Кокса // РС. 1907. Т. 131, июль. С. 41–42.
- ⁴⁸⁷ Прошение в стихах на имя Екатерины II / сообщ. Н.Л. // РС. 1908. Т. 136, нояб. С. 265–266 ; Отчёт Императорской публичной библиотеки за 1900 и 1901 годы. СПб., 1905. С. 171.
- ⁴⁸⁸ ПСЗ. Т. XXII. № 16035. С. 189.
- ⁴⁸⁹ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1-б. Д. 63. Л. 1–6 ; ОДАММ. Т. V. С. 151 ; Записки Якова Ивановича де Санглена. 1776–1831 гг. // РС. 1882. Т. XXXVI, нояб. С. 449 ; *Филиппов А.И.* История Сената в правление Верховного Тайного совета и Кабинета. Ч. I : Сенат в правление Верховного Тайного совета. Юрьев, 1895. С. 220 ; Указ о наказании офицера, не объявившего об оставшихся у него деньгах от казённой покупки. 1734 г. // Два указа о военных наказаниях в XVIII веке // РС. 1889. Т. LXII–LXIII, вып. 8. С. 702.
- ⁴⁹⁰ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 97. Л. 134–135 ; Ф. 4. Оп. 1-б. Д. 32. Л. 1–1 об. ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 353 ; Д. 231. Л. 4–4 об., 74 об. ; ПСЗ. Т. X. № 7726. С. 692 ; Т. XV. № 10788. С. 141–154 ; МИРФ. Ч. VI. № 311. С. 313–314 ; № 423. С. 406 ; Ч. X. № 70. С. 62 ; № 103. С. 145–146 ; Письма Его Императорского Величества, государя императора Павла Петровича к генерал-лейтенанту и екатеринославскому военному губернатору Бердяеву // ЧОИДР. 1858. Кн. 1, янв. – март. Отд. V. С. 120 ; [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича ... Ч. 2. С. 152–153 ; Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосалова // РА. 1905. Кн. 1, вып. 1–4. С. 135–136 ; К истории Московского военного госпиталя. Письма голландца доктора Бидлоу к Петру Великому // РА. 1907. Кн. 3, вып. 9–12. С. 455–459 ; Записки барона В.И. Штеингеля // ИВ. 1900. Т. LXXX, май. С. 439–440 ; Сенатский архив. Т. II. С. 97–98, 627.

- ⁴⁹¹ МИРФ. Ч. IV. С. 462 ; РГА ВМФ. 212. Оп. 1723 г. Д. 19. Л. 382 об.–384.
- ⁴⁹² Книга Устав Морской. С. 48.
- В продолжение темы взяточничества и корыстолюбия см.: *Чичагов П.В.* Записки Павла ... С. 467.
- ⁴⁹³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17833. С. 363–370.
- ⁴⁹⁴ Там же. Т. XV. № 10788. С. 141–142 ; Т. XXIV. № 18024. С. 643 ; Сб. РИО. Т. 111. № 179. С. 459–460 ; № 184. С. 482 ; Т. 114. № 2. С. 5.
- ⁴⁹⁵ [*Ржевский С.М.*]. Разные замечания по службе армейской, от чего она в упадок приведена и не лестно хорошим офицерам продолжать оную, и о полковниках // ЧОИДР. 1864. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. 110–111 ; РБС. Т. [16]. С. 164–165.
- ⁴⁹⁶ *Долгорукий И.М.* Капище моего сердца ... // ЧОИДР. 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 44.
- ⁴⁹⁷ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная ... Ч. 2. С. 160.
- ⁴⁹⁸ Если полковой командир был немцем по национальности, то в части непременно вскоре появлялись офицеры, его соплеменники по крови, и тогда они «образовали свою колонию» (ВС. 1862. Т. XXVII. № 9. Неофиц. отд. С. 171).
- ⁴⁹⁹ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича ... Ч. 2. С. 188, 190, 193 ; То же. Ч. 3. С. 206–207.
- ⁵⁰⁰ ВС. 1862. Т. XXVII. № 9. Неофиц. отд. С. 173.
- ⁵⁰¹ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная ... Ч. 3. С. 200.
- ⁵⁰² [*Сегор Л.-Ф.*] Пять лет в России при Екатерине Великой : (Записки графа Л.-Ф. Сегора) : (1785–1789) // РА. 1907. Кн. 3, вып. 9–12. С. 72.
- ⁵⁰³ Записки Михаила Гарновского // РС. 1876. Т. 16, май. С. 14 ; *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Т. II. С. 579 ; Сб. РИО. Т. 27. С. 331–332.
- ⁵⁰⁴ Сочинения императрицы Екатерины II ... Т. 12, 2-й полум. С. 520.
- ⁵⁰⁵ Заботы Екатерины Великой о Лифляндской губернии. Пять писем ей к рижскому генерал-губернатору графу Ю.Ю. Броуну // РА. 1907. Кн. 3, вып. 9–12. С. 7–8.
- ⁵⁰⁶ МИРФ. Ч. XIII. № 45. С. 30.
- ⁵⁰⁷ *Чичагов П.В.* Записки Павла ... С. 478, 479.
- ⁵⁰⁸ Цитата по: *Эйдеман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. М., 1986. С. 132 ; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 90 ; ПСЗ. Т. XXIV. № 17706. С. 260.
- ⁵⁰⁹ *Штейнгель В.И.*: 1) Сочинения и письма : в 2 т. Иркутск, 1985. Т. I. С. 97–98 ; 2) Вариации на тему Кронштадт // РА. 1913. Кн. 1, вып. 1–6. С. 724, 727.
- ⁵¹⁰ Из записок графа Беннигсена // Царевубийство ... С. 119.
- ⁵¹¹ Из записок графа Ланжерона // Там же. С. 133.
- В продолжение темы заботы императора Павла I о довольствии нижних чинов см.: *Брикнер А.Г.* Смерть Павла I. СПб., 1907. С. XXVIII, XXX, 88.
- ⁵¹² ПСЗ. Т. XXIV. № 17727. С. 273–274.
- ⁵¹³ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760 – 1824. Стб. 97, 105, 109.
- ⁵¹⁴ ПСЗ. Т. XXIV. № 17706. С. 260 ; *Шелехов Ф.П.* История 145-го пехотного Новочеркасского императора Александра III полка. 1796–1896. СПб., 1896. С. 7.
- ⁵¹⁵ *Филиппов А.И.* История Сената в правление Верховного Тайного совета ... С. 322–323, 373–374.
- ⁵¹⁶ Сенатский архив. Т. I. С. 269 ; Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 79. № 261. С. 462–463 ; ПСЗ. Т. XV. № 10788. С. 124, 148–149 ; *Шелехов Ф.П.* История ... С. 23.
- ⁵¹⁷ ПСЗ. Т. XV. № 10789, гл. IV, ст. 9–10. С. 127.
- В продолжение темы описи недвижимых имений за долги и нанесённый казне материальный и денежный ущерб см.: ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 100. Л. 3–6, 81–86 об., 182 ; Д. 103. С. 78 ; Ф. 4. Оп. 1. Д. 444. Л. 1–5 ; Д. 470. Л. 1–37 ; Д. 770. Л. 1–39 ; Д. 1235. Л. 1–15 ; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 99.
- ⁵¹⁸ Сенатский архив. Т. I. С. 699.
- ⁵¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 95 (Документы по истории русского флота). Оп. 2. Д. 34. Л. 14, 15–15 об.
- ⁵²⁰ ПСЗ. Т. XV. № 10788. С. 124 ; Сб. РИО. Т. 7. С. 294–295.
- ⁵²¹ *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение ... С. 60.
- ⁵²² Архив СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 1. Д. 11. Л. 305–342 ; Д. 23. Л. 147 об.–148.
- ⁵²³ *Берк К.Р.* Путевые заметки о России. С. 200.
- ⁵²⁴ 6 ноября 1767 г. отставленный от военной службы вице-адмирал Н.Г. Лопухин объявил в Канцелярии Адмиралтейств-коллегии, «что жительство будет иметь [по очереди] в Нижегородской, Арзамасской и Саранской провинции» (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 94. Л. 26 ; Д. 96. Л. 137).
- ⁵²⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 377 ; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 30–30 об.
- ⁵²⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 34. Л. 5.
- ⁵²⁷ ПСЗ. Т. XXIII. № 16680. С. 140–143.
- ⁵²⁸ Там же. Т. XXIV. № 17853. С. 453–454 ; Книга Устав Морской. С. 103–104.
- ⁵²⁹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1767 г. Д. 12. Л. 1, 2, 4–8, 10–13 ; Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 185 ; Сенатский архив. Т. XV. № 182. С. 287–288.
- ⁵³⁰ ОДАММ. Т. III. С. 557.
- ⁵³¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 66 ; ОМС. Ч. II. С. 228–229.
- ⁵³² ЦАНО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 71. Л. 2 ; МИРФ. Ч. XII. № 165. С. 347 ; № 194. С. 401 ; Ч. XIII. № 1. С. 1 ; Московские письма. От Н.Н. Батыш-Каменского к князю А.Б. Куракину // РА. 1876. Кн. III. С. 388, 394 ; Сб. РИО. Т. 7. С. 297–298.
- ⁵³³ МИРФ. Ч. XI. № 46. С. 57 ; № 86. С. 126 ; № 139. С. 294 ; Ч. XII. № 37. С. 61 ; № 144. С. 318 ; № 179. С. 364–365 ; № 194. С. 401 ; № 246. С. 501–502.
- ⁵³⁴ Сб. РИО. Т. 7. С. 298.
- ⁵³⁵ Деяния князя Шаховского // Записки князя Якова Петровича Шаховского, полицмейстера при

- Бироне, обер-прокурора Святейшаго Синода ... 1705–1777. СПб., 1872. С. VIII.
- ⁵³⁶ МИРФ. Ч. XII. № 366. С. 665 ; № 383. С. 672.
- ⁵³⁷ Там же. Ч. XIII. № 97. С. 107.
- ⁵³⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 308. Л. 147 ; ОМС. Ч. II. С. 84–85.
- ⁵³⁹ МИРФ. Ч. XIII. № 299. С. 321.
- ⁵⁴⁰ Там же. № 429. С. 472.
- ⁵⁴¹ Там же. № 461. С. 509.
- ⁵⁴² Там же. Ч. XIV. № 5. С. 6.
- ⁵⁴³ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2560. Л. 1.
- ⁵⁴⁴ МИРФ. Ч. XVI. № 252. С. 139.
- ⁵⁴⁵ Там же. № 465. С. 328.
- ⁵⁴⁶ Там же. № 622. С. 450.
- ⁵⁴⁷ Там же. № 748. С. 587.
- ⁵⁴⁸ Там же. Ч. XV. № 737. С. 500.
- ⁵⁴⁹ Таблица составлена нами по: МИРФ. СПб., 1902. Ч. XVI. № 291. С. 205.
- ⁵⁵⁰ Князь Григорий Долгорукий.
- ⁵⁵¹ Арсений Бакалановский, Алексей Слизов, Алексей Мякинин, Пётр Демьянов, Алексей Окуньков, Пётр Лисцов.
- ⁵⁵² Алексея Мякинина уволить в отставку «с жалованьем по смерти из капитала военного ордена [Св. Георгия], за раны полученные в сражении».
- ⁵⁵³ Павел Чичагов.
- ⁵⁵⁴ Василий Чичагов.
- ⁵⁵⁵ Иван Кислинский, Николай Токмачёв, Семён Жердинский, Фридрих фон Вартман, Андрей Сухогин, Никита Унковский.
- ⁵⁵⁶ Пётр фон Клостерман.
- ⁵⁵⁷ Афанасий Еремеев, барон Егор фон Беллов.
- ⁵⁵⁸ Пенсия пожалована барону Егору фон Беллову.
- ⁵⁵⁹ Алексей Ставицкий, князь Иван Путятин, Алексей Косоговский, Николай Феофилачев, Густав Майдель, Георгий фон Фрейдерберг, Василий Мистров, Алексей Баршевитенов, Яков Перелешин.
- ⁵⁶⁰ Степан Филатов.
- ⁵⁶¹ Капитан 2 ранга Степан Филатов.
- ⁵⁶² Дмитрий Ознобишин, Илья Бестуже, Яков Пенсумия, Иван Кошелев.
- ⁵⁶³ Пенсия пожалована капитан-лейтенанту Дмитрию Ознобишину.
- ⁵⁶⁴ Герман Давыдов, Пётр Мякинин, Иван Масалов, Василий Сульменов, Степан Бачманов.
- ⁵⁶⁵ Яков Челяев.
- ⁵⁶⁶ Фёдор Ахматов.
- ⁵⁶⁷ Николай Чупрасов.
- ⁵⁶⁸ Гавриил Ватроваль, Афанасий Геннейкен.
- ⁵⁶⁹ Василий Языков, Пётр Ивков.
- ⁵⁷⁰ Иван Лавров.
- ⁵⁷¹ Николай Стромиллов.
- ⁵⁷² Василий Демидов.
- ⁵⁷³ Алексей Головачёв-Большой, Андрей Полетик.
- ⁵⁷⁴ Сб. РИО. Т. 27. С. 414.
- ⁵⁷⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1767 г. Д. 12. Л. 14, 15, 16–17 об., 19, 20.
- ⁵⁷⁶ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 308. Л. 147.
- ⁵⁷⁷ ОДАММ. Т. III. С. 650 ; Т. VIII. С. 388 ; Сенатский архив. Т. XII. С. 398.
- ⁵⁷⁸ МИРФ. Ч. XI. № 73. С. 111.
- ⁵⁷⁹ Таблица составлена нами по данным: РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179–180.
- ⁵⁸⁰ Пенсию предписывалось выплачивать из отпускаемой ежегодно Коллегией экономии пенсионной суммы в Морское ведомство (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179–179 об.).
- ⁵⁸¹ МИРФ. Ч. XII. № 120. С. 269.
- ⁵⁸² РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 248.
- ⁵⁸³ Морской атлас. С. 314–316 ; МИРФ. Ч. XI. № 296. С. 587–589 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179.
- ⁵⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 180.
- ⁵⁸⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 47. Л. 40.
- ⁵⁸⁶ ОМС. Ч. II. С. 204, 283–284, 318, 321–322 ; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 178 об., 186–186 об.
- ⁵⁸⁷ Там же. Л. 180.
- ⁵⁸⁸ МИРФ. Ч. XIII. № 14. С. 6.
- Подсчёты наши, на основании: ПСЗ. Т. XLIV, ч. I. К № 12069, 12235. С. 95, 120–123.
- ⁵⁸⁹ В другом источнике записано ошибочно «14 января 1764 г.» (МИРФ. Ч. XII. № 394. С. 701).
- ⁵⁹⁰ Екатерина II 5 октября 1772 г. подписала очередной «указ нашей Канторе экономии»: «Повелеваем отпустить в нашу Адмиралтейскую коллегию 56142 рубля 23¾ копейки медной монетой» (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 308. Л. 4).
- ⁵⁹¹ ПСЗ. Т. XVI. № 12006. С. 488 ; МИРФ. Ч. XII. № 394. С. 701.
- ⁵⁹² РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1767 г. Д. 12. Л. 20.
- ⁵⁹³ МИРФ. Ч. XI. № 87. С. 129.
- ⁵⁹⁴ Там же. Ч. XIII. № 45. С. 26.
- ⁵⁹⁵ Там же. № 177. С. 243 (Цит.) ; № 613. С. 644, 679–680 ; Ч. XIV. № 261. С. 318 ; № 378. С. 457 ; № [443]. С. 547–548.
- ⁵⁹⁶ Там же. Ч. XI. № 87. С. 129.
- ⁵⁹⁷ Книга Устав Морской. С. 109–110.
- ⁵⁹⁸ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 179 об., 184–184 об., 186–186 об.
- ⁵⁹⁹ *Фаизова И.В.* «Манифест о вольности» ... С. 155.
- ⁶⁰⁰ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 80. Л. 329–329 об. ; Д. 81. Л. 29–29 об., 71–71 об. ; Д. 86. Л. 15–15 об., 261 ; Д. 93. Л. 146 ; Д. 102. Л. 168, 187 ; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 121 ; Сб. РИО. Т. 27. С. 5, 42–43, 137.
- ⁶⁰¹ 200-летие Кабинета ... С. 375–379 ; *Дашкова Е.Р.* Записки. С. 145–146 ; Записки об императрице Екатерине Великой полковника ... С. 6–11, 18–21.
- ⁶⁰² *Семёнов П.Н.* Биографические очерки ... С. 3.
- ⁶⁰³ Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 250.
- ⁶⁰⁴ Там же. Т. 12. № 127. С. 203 ; *Батыш-Каменский Д.Н.* Словарь ... М., 1836. Ч. I. С. 352–363.
- ⁶⁰⁵ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 88. Л. 141 ; *Абрамов Н.А.* Несколько сведений о Фёдоре Ивановиче Соимонове, бывшем сибирском губернаторе, 1740–

- 1763 г. // ЧОИДР. 1865. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. 191–196; РБС. 1909. Т. [19]: Смеловский – Суворина. С. 44–48; Из записок Ф.И. Соймонова // МС. 1888. Т. ССХVII, № 9. С. 94–103.
- Сердечно благодарю Г.В. Губенкову за любезно переданные мне материалы о жизненном пути Ф.И. Соймонова.
- ⁶⁰⁶ Анненков И.В. История лейб-гвардии Конного полка. С. 65–66.
- ⁶⁰⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98-а. Л. 290; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь ... Ч. IV. С. 117.
- ⁶⁰⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 102. Л. 168.
- ⁶⁰⁹ МИРФ. Ч. XII. № 258. С. 535.
- ⁶¹⁰ Листки из записной книжки «Русской старины». Александр Васильевич Суворов / сообщ. К.А. Висковатов // РС. 1876. Т. XV. С. 215–215.
- ⁶¹¹ Архив Государственного совета. Т. I. Ч. I. Стб. 130.
- ⁶¹² РБС. Т. [4]. С. 493–494.
- ⁶¹³ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 106. Л. 43–44.
- ⁶¹⁴ Там же. Д. 109. Л. 146.
- ⁶¹⁵ МИРФ. Ч. XII. № 194. С. 404; Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове ... С. 6.
- ⁶¹⁶ *Цебриков Р.М.* Вокруг Очакова: 1788 год: (Дневник очевидца) // РС. 1895. Т. LXXXIV, сент. С. 170; *Брикнер А.Г.* Осада Очакова в 1788 году // ЖМНП. 1873. Ч. CLXVIII. С. 394, ссылка 4-я.
- ⁶¹⁷ *Бильбасов В.А.* Принц Нассау-Зиген ... С. 563.
- ⁶¹⁸ МИРФ. Ч. XIV. № 375. С. 449.
- ⁶¹⁹ [*Пишчевич А.С.*] Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная ... Ч. 1: 1764–1787 // ЧОИДР. 1885. Кн. 1, янв. – март. Отд. I. С. 17.
- ⁶²⁰ *Рыбкин Н.* Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. По вновь открытым источникам за 1783 и 1797 годы и местным преданиям его вотчин. М., 1874. С. 18–19, 100; Биография Александра Васильевича Суворова, им самим писанная в 1786 году // ЧОИДР. 1847. Год третий. № 9. Отд. II. С. 534–536; *Ю.Б.* Автобиография А.В. Суворова, писанная в 1786 году // РА. 1900. Кн. 2, вып. 5. С. 5; РБС. Т. [17]. С. 566; *Алексеев В.А.* Суворов в Кобрине. (История и предания) // ИВ. 1911. Т. СХХVI, дек. С. 1045–1048.
- ⁶²¹ МИРФ. Ч. XV. № 580. С. 371–372.
- ⁶²² *Бороздин А.К.* К характеристике императора Павла // ИВ. 1888. Т. XXXII, июнь. С. 645–646; РБС. Т. [15]. С. 342–346; Сенатский архив. Т. I. С. 172–173; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 337, 338, 533–533 об.; Д. 258. Л. 1–7; Из писем князя Андрея Ивановича Вяземского к графу Александру Ивановичу Воронцову // РА. 1911. Кн. 3, вып. 12. С. 490.
- ⁶²³ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 17–17 об.; Сенатский архив. Т. I. С. 244.
- ⁶²⁴ ЦАНО. Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 71. Л. 1–4.
- ⁶²⁵ РБС. Т. [10]. С. 165–166.
- ⁶²⁶ ЦАНО. Ф. 2045. Оп. 1881. Д. 67. Л. 11–12.
- ⁶²⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 98. Л. 2; РБС. Т. [15]. С. 151; Письма И.И. Шувалова и графа М.Л. Воронцова // РА. 1870. Вып. 8–9. Письмо II. Стб. 1397–1401.
- ⁶²⁸ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 53–54, 103–109.
- ⁶²⁹ Таблица составлена нами по данным: РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 176–178 об.
- ⁶³⁰ МИРФ. Ч. XI. № 320. С. 672; № 330. С. 706, 707; Ч. XII. № 77. С. 208; № 89. С. 231; Архив Государственного совета. Т. I. Ч. I. Стб. 146, 165, 167, 171, 233, 346, 349–351; Сб. РИО. Т. 13. С. 113, 216, 218–220; Т. 19. № 62 (№ 82). С. 151–152; № 147 (№ 18). С. 313; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 130. С. 189–190.
- ⁶³¹ Кроме пожалованной пенсии в размере половины окладного жалования, вице-адмиралу П.П. Андерсону «по чужестранству» были оставлены часть денщиков, половина «против ныне у него имеющихся, на которых и содержание производить по положению» (МИРФ. Ч. XI. № 285. С. 570).
- ⁶³² Пенсию в размере 400 руб. в год В.Я. Чичагов получал за участие в секретной Северной экспедиции. Выплата данной пенсии осуществлялась ещё в течение 36 лет и насколько не послужила помехой к получению военной пенсии после увольнения от службы в «вечную» отставку.
- ⁶³³ РБС. Т. [16]. С. 142.
- ⁶³⁴ В другом источнике так: «с 1719 года» (МИРФ. Ч. XI. № 240. С. 447).
- ⁶³⁵ В том числе пенсия в 210 руб., пожалованная по особому именному указу от 22 декабря 1766 г. за участие в секретной Северной экспедиции, а остальные 210 руб. – по указу Екатерины II от 16 марта 1768 г.
- ⁶³⁶ За участие в секретной Северной экспедиции Петру Пояркову дополнительно выплачивалось 210 руб. Общая сумма пенсии составляла 360 руб. в год. (РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 307. Л. 350).
- ⁶³⁷ МИРФ. Ч. XI. № 304. С. 657.
- ⁶³⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 99.
- ⁶³⁹ МИРФ. Ч. XII. № 144. С. 325.
- ⁶⁴⁰ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.
- ⁶⁴¹ *Ламанский В.И.* Евдоким Михайлович Кравков, дворянин-старовер // Памятники новой русской ... СПб., 1871. Т. I, отд. I. С. 36–48; РБС. Т. [9]. С. 399.
- ⁶⁴² *Фаизова И.В.* Освобождение дворянства и практика ... Ч. II. С. 141.
- ⁶⁴³ Архив военно-походной канцелярии графа П.А. Румянцева-Задунайского. С. 134.
- В продолжение темы см.: ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Д. 145. Л. 1–1 об.
- ⁶⁴⁴ МИРФ. Ч. XI. № 127. С. 274; Ч. XII. № 177. С. 350–351.
- ⁶⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 215. Л. 191–191 об.
- ⁶⁴⁶ *Сумароков П.И.* Обзорение ... Ч. II. С. 81–82.

- ⁶⁴⁷ *Куломзин А.Н.* Финансовое управление в царствование Екатерины II. Эпоха первая. 1762–1769 годы. С. 11.
- ⁶⁴⁸ *Елисеева О.И.* Повседневная жизнь ... С. 100.
- ⁶⁴⁹ ПСЗ. Т. XIX. № 13836. С. 542–543.
- ⁶⁵⁰ Записки Михаила Гарновского. // РС. 1876. Т. 15, апр. С. 717–718, 719; Императрица Екатерина II и кн. Потёмкин. С. 448, 450–451, 453; Собственноноручные письма и записки Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. 1783–1793. М., 1872. № 37. С. 21; Письма и записки императрицы Екатерины Второй к графу Никите Ивановичу Панину. № 62. С. 31–32.
- ⁶⁵¹ *Латно-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 19.
- ⁶⁵² Собственноноручные письма и записки Екатерины II-й к А.В. Храповицкому. № 108. С. 47.
- ⁶⁵³ ПСЗ. Т. XXIV. № 17753. С. 300; *Бржеский Н.К.* Государственные долги России. С. 72.
- ⁶⁵⁴ МИРФ. Ч. XIII. № 59. С. 51; Ч. XV. № 226. С. 116–117; № 231. С. 118; *Брикнер А.Г.* Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году // ЖМНП. 1873. Ч. CLXVIII. Отд. II. С. 160, 163–164; [*Сегур Л.-Ф.*] Пять лет в России при Екатерине Великой. С. 209.
- ⁶⁵⁵ ОЗ. 1824. Ч. XVIII. Кн. II. С. 200–201.
- ⁶⁵⁶ МИРФ. Ч. XVI. № 4. С. 2.
- ⁶⁵⁷ ПСЗ. Т. XXIV. № 18003. С. 665.
- ⁶⁵⁸ МИРФ. Ч. XVI. № 114. С. 69.
- ⁶⁵⁹ Домовая летопись Андреева ... С. 82.
- ⁶⁶⁰ Крепости и города в Сибири: Святой Пётр, Петропавловск, Полудённая, Усть-Каменогорск, Железинская, Барнаул, Бийская (Бийск), Кузнецкая (Кузнецк), Семипалатинск, Омская (Омск), Томск, Тобольск, Ямышинская, Тюмень, Ялуторовск и др.
- ⁶⁶¹ Домовая летопись Андреева ... С. 79, 91, 94–95, 100, 102, 110–114, 117, 119–120, 122–127, 129–130, 132–135, 140–147, 151, 153–167, 169, 170, 174.
- ⁶⁶² Записки Василия Семёновича Хвостова. Стб. 574.
- ⁶⁶³ Сенатский архив. Т. XV. № 54. С. 76, 77, 78, 80.
- ⁶⁶⁴ ОМС. Ч. II. С. 3–4, 200–201.
- ⁶⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 2; Ф. 172. Оп. 1. Д. 307. Л. 349, 350.
- ⁶⁶⁶ Официально главнокомандующим всех пяти корабельных эскадр, действовавших против турок в Средиземном море, Екатерина II назначила кавалерийского генерала-аншефа графа А.Г. Орлова. Он поднял свой кайзер-флаг генерал-адмирала на линейном корабле «Гри Иерарха» в июне 1770 г. (МИРФ. Ч. XI. № 291. С. 576; № 296. С. 585, 586, 587; Сб. РИО. Т. I. С. 51; *Грейг С.К.* Собственноноручный журнал капитан-командора С.К. Грейга в Чесменский поход // Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма. М., 1994. С. 111.
- ⁶⁶⁷ МИРФ. Ч. XII. № 19. С. 15; № 23. С. 17–18; № 49. С. 135–136; № 72. С. 165; № 77. С. 217; № 120. С. 279; Материалы для истории Морейской экспедиции: 1770 год // РА. 1864. Вып. 1–12. Стб. 552–561; Записки Якова Ивановича ... С. 447–448.
- ⁶⁶⁸ ОМС. Ч. II. С. 127–128; Сб. РИО. Т. I. С. 17; МИРФ. Ч. XII. № 99. С. 237–245; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь ... М., 1836. Ч. V. С. 85–89.
- ⁶⁶⁹ РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 136. Л. 180–180 об.
- ⁶⁷⁰ МИРФ. Ч. XII. № 194. С. 420–421.
- ⁶⁷¹ Сенатский архив. Т. XII. С. 398.
- ⁶⁷² Таблица составлена нами по данным: РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 1–2, 31.
- ⁶⁷³ Сенатский архив. Т. XIII. № 390. С. 489.
- ⁶⁷⁴ Пенсия получена за вычетом ранее выданной части жалования, испрошенного, вероятно, «по нужде». В архивном деле содержится рапорт от 5 февраля 1769 г., поданный в Адмиралтейств-коллегию отставным капитан-командором М. Резнером. В рапорте он сообщает, что пенсия им за сентябрьскую треть 1768 г. была получена, но «понеже я ныне имею в деньгах крайнюю и необходимую нужду», прошу заранее выдать пенсию и за январскую треть (янв.–апр.) 1769 г. Адмиралы с пониманием отнеслись к просьбе заслуженного отставного капитан-командора и кавалера, и ему ранее установленного временного срока были выплачены деньги за январскую треть (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 26–28). Это была сложившаяся практика обращений офицеров и их жён в Адмиралтейств-коллегию с просьбами о выплате раньше срока жалования и пенсий, к примеру, требуемых на строительство дома в Санкт-Петербурге, уплату долгов, на переезд с семьёй в другой военный порт и на прочие хозяйственные нужды (Архив ССПИИ РАН. Кол. 95. Оп. 2. Д. 34. Л. 7; РГА ВМФ. Ф. 173. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–1 об.).
- ⁶⁷⁵ Получал инвалидную пенсию, то есть треть последнего должностного окладного жалования. Находясь на службе, Донкон Вилисон систематически пьянствовал на корабле, находившемся в кампании флота в Балтийском море, за что в 1761 г. адмиралом З.Д. Мишуковым был подвергнут вычету в размере месячного жалования с объявлением в ордеру, что если впредь замечен будет в пьянстве, то «выбит будет [со службы] без апшита». Первоначально при увольнении от военной службы в отставку Донкон Вилисон был удостоен единовременным денежным пособием в размере годового оклада (ОМС. Ч. II. С. 74–75).
- ⁶⁷⁶ Пенсия получена с учётом ранее выданной по его просьбе части жалования.
- ⁶⁷⁷ Кроме того, капитан I ранга В. Бабаев получал ещё 210 руб. пенсии, назначенной за бытность его в секретной Северной экспедиции в 1765–1766 г. (РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 64–64 об.).

- ⁶⁷⁸ Пенсия получена за вычетом ранее выданного части жалованья.
- ⁶⁷⁹ МИРФ. Ч. XI. № 139. С. 294.
- ⁶⁸⁰ Ассигнация – бумажный знак; кредитный билет (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1903. Т. I: А–З. Стб. 67).
- ⁶⁸¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 5, 8–9 об.
- Установленная выплата пенсий отставным военнослужащим, вдовам и сиротам повторялась каждую треть года, как и неуклонно увеличивалась численность ветеранов, получающих деньги через расчётную кассу Казначейской экспедиции Адмиралтейской коллегии в Санкт-Петербурге (Там же. Л. 6–7, 59–60 об., 62, 63–63 об., 68, 69–69 об., 88–89 об., 92, 93–94, 117–118).
- ⁶⁸² ОДАММ. Т. VIII. С. 549.
- В Тавровском адмиралтействе содержалась инвалидная команда (Архив СПбИИ РАН. Ф. 95. Оп. 2. Д. 47. Л. 13). В соответствии с высочайше утверждённым докладом Адмиралтейской коллегии от 5 мая 1757 г. предписывалось, «таковых престарелых и немощных служителей, кои никакой службы понести не могут, а собственного своего пропитания никакого не имеют... для сохранения казны, по дешёвости хлебных припасов содержать в Таврове (располагался 7 вёрст от Воронежа. – *И.Д.*)» (ПСЗ. Т. XLIV, ч. I. К. № 10725 от 5 мая 1757 г. С. 86).
- В 1775–1776 г. адмиралтейство перевели из Таврова в Новопавловск Воронежской губернии.
- ⁶⁸³ МИРФ. Ч. VIII. № 121. С. 343.
- ⁶⁸⁴ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 1 об.–2, 7–7 об., 19.
- ⁶⁸⁵ ОДАММ. Т. VIII. С. 549; Сенатский архив. Т. XV. № 358. С. 710–711.
- ⁶⁸⁶ ГКУ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 67; Д. 22. Л. 39; Д. 23. Л. 22, 24; Д. 25. Л. 38, 41; Д. 31. Л. 32; Описание города Колы в Российской Лапландии: (Из записок флота лейтенанта Рейнеке). СПб., 1830. С. 8.
- ⁶⁸⁷ Сенатский архив. Т. XIV. № 291. С. 396–398.
- ⁶⁸⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 95. Л. 440.
- ⁶⁸⁹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 52–52 об.; ОМС. Ч. I. С. 244–245.
- ⁶⁹⁰ Там же. Ч. II. С. 420–421.
- ⁶⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 16–16 об., 19, 21–22.
- ⁶⁹² Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 307. Л. 350.
- По состоянию на 1781 г. Подсчёты наши.
- ⁶⁹³ Сб. РИО. Т. 27. С. 410.
- ⁶⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 100–100 об.
- ⁶⁹⁵ Там же. Л. 55, 86, 87.
- ⁶⁹⁶ Высочайший указ от 20 декабря 1768 г. (МИРФ. Ч. XI. № 160. С. 352–353).
- ⁶⁹⁷ Усадище (усада, усадьба) – господский дом на селе с садом и огородом (*Даль В.И.* Толковый словарь ... М., 1909. Т. IV: С–V. Стб. 1065).
- ⁶⁹⁸ К примеру, пенсию отца отставного артиллерии фюрера Анисима Русинова 25 руб. в год получал
- в столице по доверенности его сын Иван (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 230. Л. 58–58 об.).
- ⁶⁹⁹ Чаще всего воеводами провинциальных городов и уездов, а также губернаторами губерний (позже наместничеств) в Российской империи в XVIII в. назначали из действующих или из уволенных в отставку офицеров армии и флота (*Гольцев В.А.* Законодательство и нравы в России XVIII века. Изд. 2-е. СПб., 1896. С. 75–76; *Берх В.Н.* Жизнеописание первых российских адмиралов ... Ч. III. С. 75; *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 35–36; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 245. Л. 1–6 об.).
- ⁷⁰⁰ ОМС. Ч. I. С. 152–153.
- ⁷⁰¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 69, 71, 72, 76, 77, 78, 79, 80–81.
- ⁷⁰² Там же. Л. 106–109; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 5.
- ⁷⁰³ ПСЗ. Т. XX. № 14325. С. 142.
- ⁷⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1769 г. Д. 1. Л. 19, 21–21 об.
- ⁷⁰⁵ ПСЗ. Т. XXI. № 15255. С. 286–288; *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение ... С. 60.
- ⁷⁰⁶ ЦАНО. Ф. 641. Оп. 1776-а. Д. 6. Л. 1–10.
- ⁷⁰⁷ Там же. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 10. Л. 121, 571–571 об.; ГКУ ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 5, 7, 8–8 об., 12, 13, 14, 16–17 об., 19, 23, 25, 26–28, 30, 32, 34, 37, 41, 42, 46, 50–50 об., 53, 56, 58, 61, 69, 71, 72; Д. 3. Л. 4, 6, 9, 14, 19, 21, 24, 25; Д. 4. Л. 8, 10–10 об.
- ⁷⁰⁸ Таблица составлена нами данным: ЦАНО. Ф. 641. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3. В вопросах и ответах в таблице сохранена орфография источника.
- ⁷⁰⁹ ЦАНО. Ф. 641. Оп. 1776-а. Д. 1. Л. 2 об.–3.
- ⁷¹⁰ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 8. Л. 77 об. (Цит.); *Головченко Н.П., Кочетков В.Д.* На рубеже веков. Город Алатырь и Алатырский уезд в конце XVIII – XIX вв. Чебоксары, 2012. С. 25.
- ⁷¹¹ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 95. Л. 321–321 об.; Д. 100. Л. 3–6, 81–86 об.; Д. 103. Л. 29, 78; Д. 104. Л. 24, 25–25 об., 197; Д. 106. Л. 102–103; Д. 107. Л. 121–123 об.; Ф. 4. Оп. 1. Д. 470. Л. 1–37; Д. 579. Л. 1–29; Д. 770. Л. 1–39; Д. 940. Л. 1–2; Оп. 1-а. Д. 275. Л. 2–6 об.; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 245. Л. 19, 29, 31, 37, 51, 55; Ф. 115. Оп. 34-а. Д. 283. Л. 2–6; Ф. 643 (Васильский уездный предводитель дворянства Нижегородской губернии). Оп. 129-б. Д. 16. Л. 5; Ф. 1988. Оп. 1. Д. 7. Л. 556–562 об., 606–607 об.
- ⁷¹² Там же. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 81.
- ⁷¹³ ПСЗ. Т. XXIV. № 1801. С. 664–665; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 244. Л. 49.
- ⁷¹⁴ ПСЗ. Т. XX. № 14811. С. 755–756.
- Кроме того, в соответствии с указом императрицы Екатерины II от 16 февраля 1774 г. губернаторы ежемесячно высылали в Сенат именные ведомости на отставных офицеров, вдов, малолетних

- детей, получавших военные, вдовские и сиротские пенсии (ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 110. Л. 76, 97, 100; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 2. Л. 78).
- ⁷¹⁵ Там же. Д. 11. Л. 866–867 об.
- ⁷¹⁶ Таблица составлена по данным РГА ВМФ (Ф. 172. Оп. 1. Д. 307. Л. 349–350), в её названии сохранена орфография источника. Подсчёты наши.
- ⁷¹⁷ В Вологде пенсии получали штаб-офицер и два боцманмата.
- ⁷¹⁸ В Костроме пенсии получали два штаб-офицера, три вдовы и две дочери штаб-офицеров.
- ⁷¹⁹ В Чебоксарах пенсионные деньги отпускались на содержание инвалидной команды и сиротского дома. Престарелые отставные чины, уволенные от службы на инвалидное содержание и не имевшие своего пропитания, и несовершеннолетние сироты определялись в Чебоксары, как в одно из благоприятных местностей по урожайности зерновых и «где хлеб дешевле», на основании постановления Сената от 26 февраля 1764 г., а также положения Регламента 1765 г. (ПСЗ. Т. XVI. № 12060. С. 567–569; Т. XVII. № 12459. С. 257).
- ⁷²⁰ В Великом Новгороде пенсии получали бригадир, двенадцать штаб-офицеров, вдова контр-адмирала, вдова и малолетний сын штаб-офицера.
- ⁷²¹ В Нижнем Новгороде пенсия выдавалась шхимону.
- ⁷²² В Пензе пенсию получал один штаб-офицер.
- ⁷²³ В Пскове пенсию получали два капитана 1 ранга, вдовы вице-адмирала и капитана 2 ранга.
- ⁷²⁴ В Рязани пенсию получал капитан-командор и ещё три штаб-офицера.
- ⁷²⁵ В Твери пенсию получали десять штаб-офицеров, вдова капитана солдатской команды на своих малолетних детей; один капитан-лейтенант находился на инвалидном содержании.
- ⁷²⁶ В Ярославле пенсию получали четыре штаб-офицера, две вдовы капитанов и вдова констапеля, сироты обер-фискала и унтер-лейтенанта.
- ⁷²⁷ В Выборге пенсионные деньги отпускались на содержание брандвахтенной инвалидной команды (РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 161).
- ⁷²⁸ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 307. Л. 352.
- ⁷²⁹ ПСЗ. Т. XX. № 14957. С. 892–906; № 15039. С. 965–968; *Куломзин А.Н.* Финансовое управление в царствование Екатерины II. Эпоха третья. От 1775 до 1796 года. С. 10.
- ⁷³⁰ ПСЗ. Т. XX. № 15075. С. 997–1002; ЦАНО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 49. Л. 1, 2–2 об., 4; Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 9. Л. 611; *Куломзин А.Н.* Финансовое управление в царствование Екатерины II. Эпоха третья. С. 11.
- ⁷³¹ Статут – устав, уложение (*Даль В.И.* Толковый словарь ... Т. IV. Стб. 516).
- ⁷³² ЦАНО. Ф. 411 (Балахнинское уездное казначейство Нижегородской губернии). Оп. 761. Д. 1. Л. 439 (Цит.), 445 об.
- ⁷³³ ПСЗ. Т. XLIV, ч. 1. № 15453. С. 169.
- ⁷³⁴ Там же. Т. XXI. № 15584. С. 750.
- ⁷³⁵ Письма Екатерины II-й к А.В. Олсуфьеву. Стб. 291.
- ⁷³⁶ ПСЗ. Т. XXII. № 16678. С. 1081.
- ⁷³⁷ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 11. Л. 267–267 об., 706, 742, 1004; Д. 231. Л. 4–4 об., 74 об., 120–122; Д. 245. Л. 61–62 об.; Ф. 411. Оп. 761. Д. 6. Л. 10–13, 17–20; Д. 17. Л. 3, 5 об.; ПСЗ. Т. XX. № 14392, п. 163. С. 243; № 14435. С. 348–350; Т. XXI. № 15694. С. 888; Т. XXVI. № 19636. С. 372–373.
- ⁷³⁸ Там же. Т. XXII. № 16505. С. 807; *Якунин И.* Арест и ссылка поручика Богданова (Молоканина) // РА. 1876. Кн. 2, вып. 5–8. С. 237–240.
- ⁷³⁹ Записки отставного генерал-майора ... С. 155.
- ⁷⁴⁰ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 4–4 об.
- ⁷⁴¹ ПСЗ. Т. XXII. № 16570. С. 889–890.
- ⁷⁴² Там же. № 16620. С. 1025–1026.
- ⁷⁴³ *Сумароков П.И.* Обзорение ... Ч. II. С. 81.
- ⁷⁴⁴ ПСЗ. Т. XXIII. № 16881. С. 143–145.
- ⁷⁴⁵ ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 932. Л. 1–2.
- ⁷⁴⁶ Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 28. С. 478.
- ⁷⁴⁷ ПСЗ. Т. XXI. № 15192. С. 203; № 15747. С. 934–935; ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–1 об.; Ф. 116. Оп. 1. Д. 150. Л. 1, 2, 4; *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение ... С. 60.
- ⁷⁴⁸ МИРФ. Ч. XIV. № 308. С. 371.
- ⁷⁴⁹ ОМС. Ч. II. С. 515; *Данилов А.М.* Линейные корабли ... С. 48–51, 60–61, 64–69, 138–141.
- ⁷⁵⁰ РГА ВМФ. Ф. 198. Оп. 1. Д. 68. Л. 181.
- ⁷⁵¹ ПСЗ. Т. XXI. № 15255. С. 286–288; Т. XXII. № 16570. С. 889–890.
- ⁷⁵² *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение ... С. 60; ПСЗ. Т. XXIII. № 16772. С. 35–36.
- ⁷⁵³ Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства в 1799 г. // РС. 1885. Т. XLVII, авг. С. 344.
- ⁷⁵⁴ МИРФ. Ч. VI. № 608. С. 547–548; Ч. XIII. № 45. С. 35; № 117. С. 146; № 177. С. 217, 237; № 445. С. 449; № 699. С. 603; Ч. XV. № 21. С. 11; № 22. С. 12; № 24. С. 12; № 29. С. 17; № 45. С. 22–23; № 46. С. 23; № 50. С. 25–26; № 63. С. 32–33; № 119. С. 67; № 187. С. 97; № 407. С. 233; № 473. С. 268; Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 132. С. 191–192; *Скальковский А.А.* Занятие Крыма в 1783 году: Материалы для истории Новороссийского края // ЖМНП. 1841. Ч. XXX, отд. II. С. 1–44; Бумаги князя Григория Александровича ... № 23. С. 13–14.
- ⁷⁵⁵ ПСЗ. Т. XXII. № 16618. С. 1025; Сб. РИО. Т. 27. С. 470.
- ⁷⁵⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 138. С. 198–199; № 165. С. 85; № 169. С. 86; № 257. С. 368–371; № 263. С. 374; № 265. С. 375–376; № 377. С. 468; ПСЗ. Т. XXIII. № 16953. С. 219–220; МИРФ. Ч. VI. № 509. С. 479–480; № 510. С. 480–481; Ч. XII. № 373. С. 668; № 394. С. 719–720; Ч. XIII. № 107. С. 110; № 143. С. 161–162; Ч. XV. № 588. С. 374; № 589. С. 374; Сб. РИО. Т. 27. С. 470; *Марасинова Е.Н.* Психология элиты ... С. 80.

- ⁷⁵⁷ Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 525. С. 685–687; МИРФ. Ч. XV. № 737. С. 500.
- ⁷⁵⁸ Таблица составлена нами по: Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 409. С. 520–524; МИРФ. Ч. XV. № 645. С. 421–423.
- ⁷⁵⁹ Капитан над Таганрогским военным портом.
- ⁷⁶⁰ В 1793 г. пожалован в капитаны генерал-майорского ранга.
- ⁷⁶¹ В 1793 г. пожалован в контр-адмиралы.
- ⁷⁶² За построение города Николаева и порта и за выполнение различных должностей и поручений покойного светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического.
- ⁷⁶³ Наградить орденом Св. Георгия 3-й степени.
- ⁷⁶⁴ Капитан над Николаевским военным портом.
- ⁷⁶⁵ В 1793 г. пожалован в капитаны генерал-майорского ранга.
- ⁷⁶⁶ В 1793 г. пожалован в капитаны бригадирского ранга.
- ⁷⁶⁷ «Начальствуя в Керченском порте, оказывал усердие скорым вооружением судов и приготовлением их против неприятеля».
- ⁷⁶⁸ Капитан над Херсонским военным портом.
- ⁷⁶⁹ «Прилежен к должности, усерден, беден и честен» (Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 408. С. 520; № 409. С. 522).
- ⁷⁷⁰ В 1793 г. пожалован в капитаны бригадирского ранга.
- ⁷⁷¹ В 1793 г. награждён орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-й степени (за проведённые 18 кампаний).
- ⁷⁷² «За труды, понесённые при снабжении флотов».
- ⁷⁷³ «Генерал-майор де Рибас и бригадир Пустошкин похваляют его в рачительном и поспешном исправлении гребного флота на Дунае».
- ⁷⁷⁴ «За неусыпное трудолюбие, усердие и ревность».
- ⁷⁷⁵ «По начертаниям его и учреждениям» производилось сооружение города Николаева и порта.
- ⁷⁷⁶ «Прилежен к должности, усерден, беден и честен» (Архив графов Мордвиновых. Т. I. № 408. С. 520; № 409. С. 523).
- ⁷⁷⁷ «За сооружение в Херсоне на собственном своём иждивении литейного завода, устроенного с отличным искусством и послужившего в военное время к великой пользе черноморских флотов».
- ⁷⁷⁸ «За введение многих правил, полезных при построении, служащих к твёрдости и прочности кораблей, чем отличил он себя и в С.-Петербургском адмиралтействе».
- ⁷⁷⁹ «За открытие драгоценное для сего края уголья земляного и за труды, понесённые в различных поручениях, возлагаемых покойным светлейшим князем, выполняя которые утратил он и своё здоровье».
- ⁷⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1766 г. Д. 36. Л. 3–4, 27; ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 214. Л. 72; Д. 230. Л. 82; Д. 246. Л. 206, 208.
- ⁷⁸¹ [Реймерс Г.] Петербург при императоре Павле Петровиче в 1796 – 1801 гг. / извлечение из рукописи Гейнриха Реймерса // РС. 1883. Т. XXXIX, июль – сент. С. 455; *Сумароков П.И.* Обозрение ... СПб., 1832. Ч. III. С. 146.
- ⁷⁸² Отставной унтер-офицер Фёдор Ермолаев, или О том, что православный русский человек должен думать и делать как в мирное, так и военное время: современное и поучительное сказание в двух главах. М., 1856. С. V, 20, 22.
- ⁷⁸³ *Н.И.Н.* Отставка. Воспоминания суворовского солдата. Изд. 2-е. СПб., 1903. С. 5, 14, 16–17, 32, 33.
- ⁷⁸⁴ *Энский Фёдор.* Отставные солдаты. СПб., 1873. С. IX.
- ⁷⁸⁵ РБС. Т. [10]. С. 258.
- ⁷⁸⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 85. Л. 277–277 об., 323; Д. 88. Л. 113.
- 24 июля 1800 г. был объявлен указ из Военной коллегии «О предписании всем инспекторам войск, дабы они о всех нижних чинах, которые отставлены будут на собственное пропитание, давали знать тем губернским правлениям, куда они на жительство отпущены будут» (ПСЗ. Т. XXVI. № 19491. С. 242–243).
- В продолжение данной темы см.: ПСЗ. Т. XXVII. № 20175. С. 69.
- ⁷⁸⁷ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 86. Л. 146–146 об.; Ф. 4. Оп. 1-а. Д. 413. Л. 1–1 об.; ПСЗ. Т. IX. № 6406. С. 128–131.
- ⁷⁸⁸ ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 214. Л. 61, 67, 68, 69, 70, 291.
- В продолжение темы см. также: 30 января 1797 г. Высочайше утверждённый доклад Сената «О положении в оклад отставных от воинской службы, возвратившихся на прежние свои жилища однодворцев, способных к хлебопашеству, и об освобождении неспособных к полевой работе от всяких податей» (ПСЗ. Т. XXIV. № 17771. С. 306–308).
- ⁷⁸⁹ Так в источнике (ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 214. Л. 75).
- ⁷⁹⁰ Там же. Ф. 570. Оп. 554, 1764 г. Д. 57. Л. 2 об., 4–4 об.
- ⁷⁹¹ Там же. Ф. 60. Оп. 239-а. Д. 214. Л. 47–57, 52, 53, 54, 56, 59–61, 64, 66, 72, 73, 76. (Цитаты на Л. 56, 64); Ф. 570. Оп. 554 (1763 г.). Д. 58. Л. 29; Д. 72. Л. 2; Д. 224. Л. 1–2 об.; Оп. 554 (1764 г.). Д. 57. Л. 1–9; ПСЗ. Т. XXIV. № 18185. С. 760.
- В продолжение темы см.: Паспорт балахнинского мещанина И.Г. Киселёва для отъезда в работу для прокормления, датированный 1 ноября 1783 г. (ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 2. Д. 26. Л. 1).
- ⁷⁹² ПСЗ. Т. XXVI. № 19376. С. 130; № 19625. С. 365–366; № 19626. С. 366; ОДАММ. Т. III. С. 870; Т. VIII. С. 714; *Юркевич Е.И.* Военный Петербург эпохи Павла I. С. 198–200.
- ⁷⁹³ Пенсии // Военная энциклопедия. Т. 18. С. 339.

- ⁷⁹⁴ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. СПб., 1865. Т. II. № 5. С. 22–23.
- ⁷⁹⁵ *Барсуков Н.П.* Дневник А.В. Храповицкого. 1782–1783. 1-е изд. СПб., 1874. С. 60; *Чистович И.А.* Историческая записка о Совете в царствование Екатерины II. СПб., 1870. С. 69.
- ⁷⁹⁶ «Примерное краткое назначение о государственных расходах, полагая, что государственный доход в 1786 г. не превышает 41 млн. руб.» (Цесаревич Павел Петрович. Исторические материалы, хранящиеся в Библиотеке дворца города Павловска. IV. Примерное краткое назначение о государственных расходах, полагая, что государственный доход в 1786 г. не превышает 41 млн. руб. // РС. 1874. Т. X, вып. 5–8. С. 70).
- ⁷⁹⁷ Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов. Т. II. № 5. С. 22–23.
- ⁷⁹⁸ Таблица составлена нами по данным: 200-летие Кабинета ... С. 387.
- ⁷⁹⁹ *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II // ЖМНП. (Новая серия). 1906. Ч. II. Отд. I. С. 98, 101, 102, 103, 107.
- ⁸⁰⁰ Сб. РИО. Т. I. С. 339.
- ⁸⁰¹ Подсчёты наши по: Известие о начале, учреждении и состоянии легулярного войска в России с показанием перемен, какая по временам и обстоятельствам в оном производимы были // ЧОИДР. 1874. Кн. 3, июль – сент. Отд. V. С. 52.
- ⁸⁰² Сб. РИО. Т. I. С. 331.
- ⁸⁰³ Там же. Т. 28. С. 478.
- ⁸⁰⁴ ПСЗ. Т. XXV. № 19051. С. 737; № 19052. С. 737–738; Сб. РИО. Т. I. С. 318, 332; РБС. Т. [17]. С. 254.
- ⁸⁰⁵ ПСЗ. Т. XXIII. № 17149. С. 458.
- ⁸⁰⁶ МИРФ. Ч. XIV. № 4. С. 5–6.
- ⁸⁰⁷ Там же. № 412. С. 523.
- ⁸⁰⁸ Лаж – доплата при обмене одной валюты на другую, ассигнаций на серебро или золота, также при оплате товаров иностранной валютой (*Даль В.И.* Толковый словарь ... Т. I. Стб. 602).
- ⁸⁰⁹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики ... С. 57.
- ⁸¹⁰ *Песков А.М.* Павел I. С. 31–32.
- ⁸¹¹ Мемуары графини Головиной ... С. 194.
- В продолжение темы см.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк внутренней политики ... С. 55–57; *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит: (1769–1899). В 3 т. Харьков, 1899. Т. I. С. 6–16; Воспоминания суворовского солдата. С. 73.
- ⁸¹² *Боровой С.Я.* Кредит и банки ... С. 43.
- ⁸¹³ *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 115.
- ⁸¹⁴ Фактически на выплату пенсий отставным морским чинам было назначено 80 тыс. руб. (МИРФ. Ч. XVI. № 465. С. 302, 338; № 748. С. 591).
- ⁸¹⁵ ПСЗ. Т. XXIV. № 18276. С. 845; Сенатский архив. Т. I. С. 331; Пенсии // Военная энциклопедия. Т. 18. С. 339; Именные указы, объявленные
- Святейшему Правительствующему Синоду и не помещённые в «Полном собрании законов Российской империи» / сост. Н.И. Григорович // РА. 1906. Кн. I, вып. 1–4. С. 54–55.
- ⁸¹⁶ *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины. С. 145, 152; *Шумигорский Е.С.* Император Павел I. С. 126.
- ⁸¹⁷ Таблица составлена нами по данным: Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства. 1797 г. // РС. 1874. Т. XI, дек. С. 589.
- ⁸¹⁸ Из прошлого: Сумма пенсий, отпускаящихся в 1799 году / сост. М.Д. Хмыров // ИВ. 1881. Т. VI, нояб. С. 677.
- ⁸¹⁹ Таблица составлена нами по данным: Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 45. С. 74, 76, 77, 80, 82, 85.
- ⁸²⁰ Два письма // ИВ. 1917. Т. CXLVIII, май – июнь. С. 549–550.
- ⁸²¹ Сб. РИО. Т. 45. С. 88.
- ⁸²² *Дегтярёв Г.П.* Пенсионное обеспечение ... С. 60–61.
- ⁸²³ Таблица составлена нами по данным (сохранена орфография источника): Расходы императора Павла I в первые его три недели царствования: 1796 г. / сообщ. Н.Н. Мурзакевича // РС. 1873. Т. VIII, июль – дек. С. 99–105.
- ⁸²⁴ Из записок майора фон Веделя. С. 160.
- ⁸²⁵ Листки из записной книжки «Русской старины». Исторические рассказы и анекдоты. Рассказы П.Х. Оболянинова об императоре Павле // РС. 1874. Т. XI, сент. С. 165.
- ⁸²⁶ ПСЗ. Т. XXV. № 18326-а. С. 33–39; *Клочков М.В.* Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916. С. 100–101, 171.
- ⁸²⁷ *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка. С. 114, 123, 130, 131, 148, 151, 152; ПСЗ. Т. XXIV. № 17898. С. 519–521; Т. XXV. № 18502. С. 221–222; Записки Филиппа ... С. 167–168.
- ⁸²⁸ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 86. Л. 144; МИРФ. Ч. X. № 124. С. 197; № 132. С. 226; Ч. XI. № 60. С. 103; Ч. XII. № 246. С. 500–501; Ч. XIII. № 429. С. 447; № 475. С. 514; № 613. С. 662; Ч. XIV. № 367. С. 446–447; Сб. РИО. Т. 7. С. 336–338; ПСЗ. Т. XVIII. № 13360. С. 993; Т. XXI. № 15140. С. 82; *Семёнов П.Н.* Биографические очерки ... С. 99–109; Письма и записки князя италийского, графа А.В. Суворова-Рымникского: 1787 – 800 // РА. 1866. Кн. 6, вып. 7–12. Стб. 976–979; *Афанасьев Д.М.* К истории Черноморского флота: (1768–1816) // Там же. 1902. Кн. I, вып. 1–4. С. 222, 227.
- ⁸²⁹ Сенатский архив. Т. XI. С. 203.
- ⁸³⁰ Там же. Т. XII. С. 346.
- ⁸³¹ ПСЗ. Т. XVI. № 11898. С. 336; Сенатский архив. Т. XIII. № 149. С. 213.
- ⁸³² Там же. Т. XIV. № 108. С. 135–136.
- В продолжение темы повторного принятия на военную службу см.: Воспоминания об адмирале графе Николае Семёновиче Мордвинове ... С. 19.

- ⁸³³ Сенатский архив. Т. XV. № 136. С. 219–220 ; № 167. С. 268–269 ; № 278. С. 524–525.
- ⁸³⁴ Там же. № 357. С. 709–710.
- ⁸³⁵ [Ржевский С.М.]. Разные замечания по службе армейской ... С. 112.
- Цит. по: Анненков И.В. История лейб-гвардии Конного полка. С. 61 ; РБС. Т. [24] . С. 211, 250–251.
- ⁸³⁶ ЦАНО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 109. Л. 150.
- ⁸³⁷ МИРФ. Ч. XIII. № 114. С. 113.
- ⁸³⁸ Там же. Ч. XV. № 671. С. 442–443.
- ⁸³⁹ Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. С. 40–41, 46.
- ⁸⁴⁰ Сенатский архив. Т. I. С. 3, 28, 29, 421 ; Соколовский М.К. Дневник царедворца ... С. 187 ; Император Павел Петрович. Приказы ... С. 959–974.
- ⁸⁴¹ Сенатский архив. Т. I. С. 398.
- ⁸⁴² Воспящать – обращать вспять, препятствовать (Даль В.И. Толковый словарь ... Т. 1. Стб. 613).
- ⁸⁴³ ПСЗ. Т. XXV. № 18502. С. 221–222.
- ⁸⁴⁴ ОДАММ. Т. VIII. С. 549, 660 ; Долгорукий И.М. Капище моего сердца ... // ЧОИДР. 1872. Кн. 3, июль – сент. Отд. II. С. 49–50 ; Записки отставного генерал-майора ... С. 148.
- ⁸⁴⁵ МИРФ. Ч. XVI. № 70. С. 36 ; № 291. С. 173, 183–184 ; № 622. С. 472 ; Петербургская старина. Новости, объявления и распоряжения правительства в 1799 г. // РС. 1883. Т. XL, окт. С. 452 ; Письма Павла Петровича к графу И.П. Салтыкову. С. 16–17.
- ⁸⁴⁶ Хитрово Н.П. Реальная попытка к улучшению положения отставных пенсионеров ... С. 20.
- ⁸⁴⁷ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь ... Ч. IV. С. 152.
- ⁸⁴⁸ Павел I. Собрание анекдотов ... С. 253.
- ⁸⁴⁹ Таблица составлена нами по данным: Император Павел Петрович. Приказы ... С. 959–974.
- ⁸⁵⁰ Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича : (1796–1801) // РС. 1877. Т. XVIII, янв. – апр. С. 584.
- ⁸⁵¹ Таблица составлена нами по данным: Эйдельман Н.Я. Грань веков. С. 101–111 ; Песков А.М. Павел I. С. 58.
- ⁸⁵² Обер-офицеры вместе с унтер-офицерами из дворянского сословия.
- ⁸⁵³ Домовая летопись Андреева ... С. 174.
- ⁸⁵⁴ Два письма. С. 547, 549, 553 ; Никонов Б.П. Из нравов Павловского времени // ИВ. 1905. Т. С, апр.–июнь. С. 917–918, 923, 924 ; Записки Н.А. Саблукова. Записки о времени императора Павла и его кончине // ИВ. 1906. Т. СIII, февр. С. 440–441, 449, 452–453, 454, 456–457, 458–459 ; [Беннигсен Л.Л.] Кончина императора Павла I : (извлечение из мемуаров графа Беннигсена) // Там же. 1906. Т. CIV, апр. – июнь. С. 74–76, 78–80, 85 ; [Ливен Д.Х.] Кончина императора Павла : Из записок княгини Д.Х. Ливен / сост. В.И. фон Штейн. // Там же. С. 416–432.
- ⁸⁵⁵ Царевубийство ... Предисл. С. XXVIII.
- ⁸⁵⁶ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2. С. 16 ; Брикнер А.Г. Смерть Павла I. С. 41.
- ⁸⁵⁷ Елисеева О.И. Повседневная жизнь ... С. 44.
- ⁸⁵⁸ Записки Филиппа ... С. 181.
- ⁸⁵⁹ К.О. Пенсии и единовременная ... С. 205.
- ⁸⁶⁰ Корф С.А. Дворянство ... С. 5.
- В продолжение темы см.: Карцов П.П. История лейб-гвардии Семёновского полка. 1685–1854. СПб., 1854. Ч. II : Прил. № 2. С. 4 ; Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1883. Т. I. С. 281 ; Голубев А.А. Сыскной приказ. М., 1884. С. 18–21 ; Щеглов В.Г. Государственный совет в России, в особенности в царствование Александра Первого. Ярославль, 1891. Т. I. С. 507 ; Сб. РИО. Т. 7. С. 249.
- ⁸⁶¹ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб, 1907. С. 583–584.
- ⁸⁶² ПСЗ. Т. XXVI. № 19926. С. 705.

П.А. Кротов, Е.Ф. Подсобляев

ОБ ОПЕРАЦИИ КАК ФОРМЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА МОРЕ

В отечественной историографии принято считать, что операция, как форма ведения боевых действий на море, зародилась в ходе Русско-японской войны 1904–1905 г. и окончательно оформилась уже в ходе Первой мировой войны. Связывается этот вывод с превращением флота в объединение разнородных сил.

Определения «морской операции» в официальной справочной литературе едины. Это — «совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени морских сражений, боёв и ударов, проводимых группировками разнородных сил флота самостоятельно или во взаимодействии с объединениями (соединениями, частями) других видов вооружённых сил по единому замыслу и плану в отдельном районе (зоне) океанского (морского) театра военных действий». В зависимости от цели и решаемых задач выделяются морские операции по нарушению (срыву) перевозок по морю, по обороне районов базирования и морских коммуникаций, по разрушению наземных объектов противника, по разгрому военно-морских сил противника в закрытых и прилегающих к побережью открытых морях и районах океана. В промежутках между морскими операциями вышеназванные задачи могут выполняться путём ведения силами флота систематических боевых действий¹.

Однако объективный анализ исторических событий показывает, что уже в эпоху гребного, а затем и парусного флотов операция, как форма ведения боевых действий, уже существовала. В подтверждение разберём операцию римского флота под руководством Помпея по уничтожению пиратства в 67 году до н. э. и русского флота по подрыву военно-экономического потенциала Швеции в 1719 г. в ходе Великой Северной войны (1700–1721).

Морская операция в античности

В I в. до н. э. пираты создали в Малой Азии, в Киликии, своё государство. Город Коракесий был превращён ими в базу пиратского флота, насчитывавшего к этому времени до 1000 лёгких и подвижных судов. Поселения пиратов были также на островах Крите, Кипре, в Ликии, Фракии, Мавритании и на Болеарских островах. Пиратское государство представляло собой значительную политическую силу. Господствуя на Внутреннем (Средиземном море), пираты грабили торговые суда, совершали набеги на приморские города, увозили и продавали в рабство жителей. Нормальная торговля в бассейне Внутреннего моря стала невозможной. Были прерваны торговые связи Рима с его провинциями в Малой Азии, Африке

и Испании, откуда поступали основные запасы продовольствия и сельскохозяйственной продукции. В связи с этим нарушалось продовольственное снабжение страны, особенно крупных городов, снижались доходы государства, назревал экономический и финансовый кризис.

Попытки уничтожить пиратство на протяжении десятилетия 78–68 годов до н. э. не дали результатов. После поражений пираты меняли места базирования и быстро восстанавливали силы. В 67 году до н. э. по постановлению Сената для борьбы с пиратами был назначен Гней Помпей, консул 70 года. Помпея наделили диктаторскими полномочиями. Ему предоставлялось не только командование флотом, но и прямое единовластие и неограниченные полномочия во всех провинциях к востоку от Геракловых столпов и повсюду на расстоянии четырёхсот стадиев² от моря... Помпей был уполномочен выбрать из числа сенаторов 15 легатов в качестве подчинённых ему начальников на местах. Он мог брать сколько угодно денег из казначейства и от откупщиков и снарядить флот из 500 кораблей (270, согласно Аппиану). Наряду с флотом, в распоряжение Помпея предоставлялась армия — 120 тыс. пехотинцев и 4–5 тыс. всадников³.

Замысел Помпея состоял в нанесении пиратам одновременного удара на всей акватории западной части Внутреннего моря на первом этапе операции. Именно одновременность и повсеместность действий предполагалось сделать ключом к успеху. Именно это обстоятельство не позволило бы пиратам, как прежде, перебазировать и снова нарастить свои силы в других местах побережий. Второй этап предполагал ведение последовательных боевых действий в восточной части моря. По сути, речь шла о двух последовательных операциях.

В соответствии с замыслом был разработан план, предусматривавший разделение всего Внутреннего моря на 13 районов, в каждом из которых должен был действовать отряд кораблей под командованием одного из легатов. Эскадра Помпея в составе 60 лучших быстроходных кораблей должна была осуществлять крейсерство в Тирренском море, уничтожая пиратские корабли у берегов Сардинии и Сицилии. На втором этапе флот Помпея должен был перейти к берегам Малой Азии и разбить флот пиратов. После высадки армии предполагалось захватить главную базу пиратов — город Коракесий. Затем следовало очистить всё побережье, занимая крепости и населённые пункты. Вся операция намечалась провести в течение трёх наиболее благоприятных для плавания месяцев.

Операция проходила в полном соответствии с планом. В течение 40 дней западная часть Внутреннего моря была очищена от пиратов. Вторая часть операции заняла 49 дней. После ожесточённого сопротивления Коракесий был взят, разрушено 120 замков и крепостей, уничтожено и взято в плен около 10 тыс. пиратов, захвачено 400 судов. В итоге операции пиратское государство было полностью уничтожено, к Риму присоединены о. Крит и Киликия.

Морская операция в эпоху парусных и гребных флотов

В качестве примера для изучения, как сказано, выбрана совместная операция российского корабельного и галерного флотов с целью принуждения Швеции к миру в 1719 г.

Уже кампания 1718 г. показала, что российский корабельный флот стал сильнейшим среди флотов балтийских морских держав. Французский резидент в Данциге Л. Мати сообщал в донесении от 12 апреля 1718 г., что царь «определённо может снарядить и вывести в море флот более значительный, чем любая другая держава»⁴. В море в том году вышли 25 русских линейных кораблей с 1436 орудиями на борту и 9198 чел. команд⁵. Шведский же флот был снаряжен в Карлскруне лишь в количестве 15 линейных кораблей, причём действовали они только в апреле и исключительно у острова Борнхольм⁶. С мая 1718 г. проходили

заседания русско-шведского мирного конгресса на Аландских островах, поэтому русская сторона не предпринимала масштабных военных действий, «чтобы склонности не помешать королю шведскому, которую он тогда имел к миру»⁷.

30 ноября 1718 г. в Норвегии погиб шведский король Карл XII. Автор шведской концепции готовившегося русско-шведского мира Г.Х. фон Гёрц после гибели короля был немедленно арестован и ожидал казни, будучи объявленным виновником всех бедствий Швеции. С конца 1718 г. в шведских правящих кругах возобладала надежда на возможность успешного военного реванша с помощью присылки на Балтику союзного британского флота и дипломатической поддержки ряда европейских государств. Переговоры на Аландском мирном конгрессе (1718–1719) с этого времени утратили шансы на успех и постепенно затухали. Русский уполномоченный на Конгрессе А.И. Остерман уже в донесении от 25 ноября 1718 г. считал наилучшим выходом в новой обстановке готовить в следующем году вторжение в Швецию. Только это, полагал дипломат, позволит продиктовать шведам нужные условия мирного договора⁸. В сложившихся условиях явного преобладания русских военно-морских сил над шведскими и тупиковой ситуации в переговорах о мире сложились предпосылки для понуждения шведов к миру широкомасштабными действиями флота против шведских побережий. Принудить Швецию к выработке условий мира можно было именно действиями по подрыву её военно-экономического потенциала и демонстрацией беззащитного положения страны перед действиями российского флота (следовательно, возможностью повторения подобных походов). Именно таким и стал замысел россиян на морскую кампанию следующего, 1719 года.

Значительная часть шведских промышленных предприятий располагалась в прибрежной полосе. Это должно было способствовать эффективности предполагаемых действий. Главный удар по шведскому побережью должен был нанести галерный (парусно-гребной) флот, а решение задач прикрытия его с моря и ведения борьбы на коммуникациях возлагалось бы на корабельный флот. При этом особое внимание уделялось разведке, в том числе следовало постоянно отслеживать передвижения и силы британского флота ввиду его возможности входа в Балтийское море и соединения для совместной операции со шведскими морскими силами. Для действий российских галер в шхерах отбирались лоцманы из местного населения⁹.

В 1719 г. господствующее положение российского флота на Балтике сохранялось. Согласно подписанному 14 апреля 1719 г. Петром I списку, намечалось вооружить линейный флот из 22 кораблей (1314 пуш., 9092 чел.). Однако 24 мая 90-пушечный корабль «Лесное» получил досадное повреждение корпуса (наскочил на малой глубине на собственный якорь)¹⁰. Как следствие, в море вышел 21 корабль¹¹. По собственноручно записанным Петром I показаниям иностранцев, наблюдавших шведский флот в шведской главной военно-морской базе Карлскруне и Стокгольме зимой 1718 – весной 1719 г., он в целом находился «в несостоянии», причём особенно плачевно было положение сильно сократившегося личного состава флота: «Матросы зело плохи и от голоду так худы, как мертвья... ходят босиком», полгода не получали денежного и хлебного содержания и «ходят, питаются по миру». Отмечалась нехватка денег на оснащение кораблей и обмундирование для матросов. Один из свидетелей, француз, говорил: «Матрозов конечно трёх тысяч собрать не могут, понеже король большую часть в Норвегию взял и там потерял»¹².

Российский флот приступил к развёртыванию согласно выработанному замыслу кампании, выступив главными силами от о. Котлин 9 июня 1719 г. В тот день в морском (шканечном, вахтенном) журнале Петра I появилась собственноручно сделанная им запись: «Во имя Господне. Флот корабельный и галерный ввечеру якори выняли и пошли в путь»¹³.

20 июня 1719 г. галерная эскадра под командованием Ф.М. Апраксина подошла к Гангуту¹⁴. Корабельный флот под флагом самого монарха — вице-адмирала Петра Михайлова¹⁵ — пришёл туда 26 числа¹⁶.

Источники 1719 г. фиксируют, что ход боевых действий сопровождался проведением многочисленных военно-морских советов (консилии, консилиумы, генеральные советы). На состоявшемся 28 июня 1719 г. при Гангуте генеральном совете Пётр I высказал такое мнение насчёт дальнейших действий: «...по всем ведомостям, в Швеции ныне во всём недостаток и конфузия, от чего склонность имеют к миру, но ещё старая капризия немного мешает; но когда хотя немного притеснены будут, то конечно, с помощью Божию, чаем добраго миру, ибо взятые шведские офицеры сказывают, что более сего, как следует реестр караблей, у них нынешней компании в море не будет, но и те, чаем, что в шхерах для обороны стокгольмского фарватера стоять будут, а в море, кроме крейсеров, не чаем быть. И понеже сие едино препону было флот их, но когда сие так вне состояния, то, кажется, труда жадного (никакого. — *Авт.*) нет с помощью Божию искать притеснить неприятеля к миру...»¹⁷.

Своё мнение о предстоящих далее в кампании действиях флотов монарх изложил в семи пунктах.

Первый гласил: «Флотам, как корабельному, так и галерному, надлежит идти к Аланду и случиться у острова Ламеланда (Лемланда. — *Авт.*), ибо оттоль прямой фарватер до шведских шхер»¹⁸. Далее корабельный флот призван был послать крейсеров через пролив Сёдра-Кваркен «до шведских шхер», чтобы собрать сведения о расположении и вероятных действиях шведского флота. Далее корабельный флот должен был прикрыть переход галерного флота от Аландских островов до шхер. Затем галерам следовало продвигаться шхерами к Стокгольму и делать высадки «на берег для поиска над неприятелем»¹⁹. Если движение к Стокгольму будет представлять опасность, то по решению генерального совета на галерном флоте галеры следовало разделить на отряды и действовать «шхерами по шведскому берегу для промыслу и разорения заводов»²⁰. Поскольку основные силы шведского корабельного флота были поставлены в глубине шхер в линию баталии, Пётр I заключил, что шведы не в состоянии дать морскую баталию и могут использовать корабли только «вместо батарей для обороны стокгольмского фарватера»²¹.

После принятого решения корабельный и галерный флоты выступили к главному острову Аландского архипелага Лемланду, за которым через пролив Сёдра-Кваркен начинались шхерные фарватеры к Стокгольму. 6 июля 1719 г. к Лемланду подошла галерная флотилия Ф.М. Апраксина. Там уже находились галеры генерала М.М. Голицына, прибывшие из Або. 8 июля у Лемланда в гавани Рёдхамн бросил якоря и корабельный флот²². Об удобстве обнаруженной гавани Пётр I вскоре писал вице-адмиралу К. Крюйсу следующее (13 октября 1719): «...мы у острова Ламеланд такой гаван хороший нашли, что, ежели война протянется, мочно со всем флотом зимовать без всякого опасения от моря и неприятеля, которой... уже крепить начали»²³. Сосредоточенные у Лемланда корабельный и галерный флоты насчитывали 21 линейный корабль (1236 пушек), 5 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, другие суда, 132 галеры и 100 островских лодок с 26-тысячным войском на борту²⁴. В день соединения флотов, сообразно решению морского совета, прошедшего 28 июня при Гангуте, к шведским берегам с задачей «осмотреть, есть ли какие неприятельские корабли», был послан капитан-командор Н.А. Сенявин с отрядом из 4 кораблей. Другой отряд был отправлен «крюйсовать» мористее от южной оконечности о. Лемланд²⁵.

Казалось, наступило время решающих боевых действий для завершения войны. Для руководства военно-морскими силами на столь ответственном этапе часто проводились военные советы. 7 июля на корабельном флоте, приближавшемся к месту соединения с

галерным флотом у о. Лемланд, «была генеральная консилия по утру *о операциях воинских*» (выделено нами. — *Авт.*). После соединения сил флотов при Лемланде 8 и 9 июля снова проводились генеральные советы. В них принимала участие военная верхушка Российского государства. Помимо самого монарха и генерал-адмирала Ф.М. Апраксина в генеральных советах участвовали флагманы корабельного и галерного флотов, генералы. Внешнеполитическое ведомство тоже было представлено на высшем уровне президентом Коллегии иностранных дел Г.И. Головкиным и вице-президентом П.П. Шафировым²⁶. На генеральных советах было «положено, чтоб десант в Швецию учинить»²⁷. На консилиуме 10 июля приняли решение вечером того дня генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину выступить в поход через пролив Сёдра-Кваркен, «чтоб к утру в шеры... войти»²⁸. Предполагался ночной переход к шхерам западного шведского побережья. План кампании продолжал последовательно воплощаться в жизнь.

Вечером 10 июля галерный флот под командой Ф.М. Апраксина выступил через пролив Сёдра-Кваркен к шхерному району на подходах к Стокгольму. Переход галерного флота прикрывала корабельная эскадра под флагом Н.А. Сенявина²⁹, которая по решению морского совета была усилена до 7 кораблей³⁰. Море было чисто от неприятельских кораблей: шведский флот был не в состоянии противостоять российскому в открытом море. Пётр I писал вслед генерал-адмиралу: «...мы хотели за вами лавировать, но два наши корабля на мель сели, того ради лавировать опасаясь с большими кораблями»³¹. Наиболее сильные линейные корабли остались в гавани Рёдхамн, часть более лёгких крейсировала в море³². 11 июля галерный флот подошёл к острову Капельшер, от которого идёт шхерный фарватер к столице шведского государства. Морская операция в шведских шхерах началась на двух направлениях: к северу и югу от места входа в шхеры.

С 13 июля главные силы в составе около 100 галер и 50 островских лодок, имея на борту более 20 тыс. человек, под командованием Ф.М. Апраксина развернули боевые действия на южном направлении; вспомогательные силы под руководством генерал-майора П.П. Ласси двинулись на север. Отряд генерал-майора насчитывал 21 галеру и 12 островских лодок (ок. 3,5 тыс. чел.). Ему предписывалось, «буде возможность допустит», дойти до города Евле П.П. Ласси, «продолжать воинския операции... и делать диверсию, дабы неприятель всегда был в конфузии», «близ берегов медные, железные и всякие заводы жечь, и пустошить, и разорять без остатка, дабы тем неприятелю показать чувственное разорение и убыток и тем принудить к благополучному миру». При этом ему следовало не разорять церквей и прибывать у них и в людных местах манифесты с призывами к шведскому народу требовать у властей заключить мирный договор с Россией³³. Одновременно с походом галерного флота 10 июля 1719 г. от Лемланда с грамотой к королеве Ульрике-Элеоноре, подписанной царём в тот же день, был отправлен дипломат А.И. Остерман³⁴. Его уполномочили подписать в Швеции предварительный договор об условиях будущего мирного трактата. В грамоте Пётр I извещал королеву, что после бесплодных переговоров на Аландском конгрессе в течение почти двух лет, во время которых он, показывая склонность к миру, воздерживался от масштабных военных действий против Швеции, ныне вынужден действовать «по-неприятельски». Это делается не для новых завоеваний, но только ради подписания мира, который бы обеспечил России безопасность. Царь требовал от Ульрики-Элеоноры «категорической резолюции» на предложения, которые ей сделает А.И. Остерман касательно приемлемых для русской стороны условий мирного договора³⁵.

Действия галерного флота на побережье Швеции были весьма продолжительными и эффективными. В результате операции, согласно подсчётам русского командования, высаживавшимися с галер отрядами сожжению подверглись восемь шведских городов, в том

числе второй по промышленному значению после Стокгольма Норрчёпинг. Был разрушен 21 завод (железодельные, медеплавильные, кожевенные, кирпичные), 43 мельницы, 26 складов, 41 сенаторская и дворянская усадьба, склады, много оружия, амуниции, продовольствия и др. Мирных жителей не трогали³⁶. 13 августа 1719 г. состоялся примечательный бой: шесть батальонов русского десанта под командованием полковников И.Ф. Барятинского и И.В. Стрекалова в 12 вёрстах от Стокгольма после полуторачасового боя заставили спастись бегством два пехотных и кавалерийский полки противника. Шведы в том бою вдвое превосходили по численности силы россиян; ими командовал супруг королевы, наследный принц Гессен-Кассельский, будущий король Фредрик I³⁷.

Правящие круги Швеции, несмотря на успешные действия русских десантных отрядов вблизи Стокгольма и на масштабное разрушение шведского промышленного потенциала и уничтожение запасов, выказывали на переговорах с А.И. Остерманом стойкое нежелание заключать мирный договор на русских условиях (удержание за Россией сделанных ею завоеваний на Балтике, за исключением Финляндии, вернуть которую военным путём шведы не имели возможностей). Это показывало их неготовность считаться с новыми военно-политическими реалиями в Северной Европе (безусловное преобладание сил России в балтийском регионе, качественная слабость военно-экономического потенциала Швеции в сравнении с российским), непонимание ограниченности возможностей британского флота в действиях против России, невозможности для Британии и Швеции проведения наступательных сухопутных операций на занятых русскими войсками территориях в Восточной Прибалтике и Финляндии. В самом начале переговоров А.И. Остерман убедился, что наследный принц Гессен-Кассельский «внутри сему миру противен». Члены Государственного совета Г.А. Таубе и М.Ю. Деллагарди «хвастали чрезмерно сильными своими войсками и что они никогда к миру себя приневоливать не дадут со многими иными непристойными экспрессиями»³⁸.

25 июля 1719 г. член Государственного совета К. Юлленборг угрожал А.И. Остерману перспективой заключения в ближайшее время союзного договора с Британией, которая делала Швеции «великия обещания». А.И. Остерман обоснованно возражал, выдвигая вполне очевидные соображения: упования на английскую помощь тщетны, поскольку положение российских владений не даёт никому возможности принудить царя к «непристойному миру» и ни одно государство не ввяжется «в такую дал[ь]нюю, опасную и убыточную войну», тем более же Британия, купечество и Адмиралтейство которой дорожат своими выгодными и стратегически важными (поставка военно-морских припасов) торговыми сношениями с Российским государством³⁹. Заставить Швецию заключить с Россией мирный договор на весьма выгодных для неё условиях (возвращение Финляндии), на основе той программы, которую русская дипломатия отстаивала на Аландском конгрессе 1718–1719 г. и в ходе миссии Остермана в Стокгольм в 1719 г., удалось только в 1721 г.

6 августа 1719 г. Пётр I писал Ф.М. Апраксину со своего флагманского корабля «Ингерманланд» от Лемланда, что допускает возможность того, что «необходимая нужда будет нам со флотом [в. – *Авт.*] шведские шхеры перейти и действительно промышленять над их крепостями, дабы галерам фарватер очистить» на пути к Стокгольму⁴⁰. Однако 8 августа царь, получив от прибывшего днём раньше А.И. Остермана сведения о неудаче его миссии, написал генерал-адмиралу: «...понеже видится, что главные дела операции сего года начинать поздно, то б лучше окончать и возвратиться, дабы время не упустить для приготовления к будущей компании...»⁴¹. 11 августа царь послал Апраксину письмо с требованием возвратиться к Аландским островам «ничего не мешкав», поскольку он получил сведения (как потом выяснилось, преждевременные) о соединении английского и шведского флотов у Карлскруны. Царь не был уверен в достоверности этой вести, но считал, что лучше соблюсти

осторожность⁴². 16 августа к Лемланду возвратились галеры П.П. Ласси, а 19 августа — главные силы под флагом Ф.М. Апраксина. Изданный Петром I у Лемланда манифест возвещал, что шведы «ныне доволную заплату и воздаяние получили» за разорение русских земель у Смоленска, на Украине и злодеяния в датском городе Альтоне⁴³. 21 августа 1719 г. корабельный флот снялся с якорей и 23 числа вернулся к Ревелю⁴⁴; галерный флот ушёл к Або.

Широкомасштабные действия гребного флота во взаимодействии с корабельным против шведского побережья, также активная борьба на морских коммуникациях в 1719 г. нанесли существенный ущерб экономике Швеции. Катастрофические для Швеции итоги морской операции 1719 г. подтолкнули шведское правительство к сильнейшим сомнениям в том, что можно добиться военного реванша с чьей бы то ни было помощью. Более чем успешные действия русского флота против шведских побережий способствовали тому, что в следующем году, после победы русских галер в баталии при островке Гренгаме (27 июля 1720), новый шведский король Фредрик I первым сделал предложение созвать новый русско-шведский конгресс, чтобы «министры имели полную мочь прямо о мире трактовать»⁴⁵.

Выводы. Оба рассмотренных примера действий на море имеют все существенные признаки операции как формы ведения военных действий: совокупность согласованных по цели, задачам, месту и времени одновременных и последовательных сражений и боёв, проводимых по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативно-стратегических, оперативных или оперативно-тактических задач в установленный период времени. Следует заключить, что формы боевых действий (как и формы боевого противодействия сторон) существуют в истории человечества со времени зарождения государственности. Они не зависят от уровня развития средств вооружённой борьбы, а являются производной от уровня развития субъектов политических взаимоотношений: чем выше этот уровень, чем сложнее и масштабней структура субъекта, чем выше и масштабней цели проводимой субъектом политики, тем выше и масштабней уровень применяемых в ходе ведения войны форм боевых действий.

¹ Морская операция // Словарь военных терминов. М., 1988. С. 165; Морская операция // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 944.

² Стадий римский – мера длины, равная 185 м.

³ Морской атлас. М., 1959. Т. 3: Описания к картам. Ч. 1. С. 39–40; *Антиан*. Митридатовы войны // Вестник древней истории. 1946. № 4. С. 273; *Плутарх*. Избранные жизнеописания. М., 1987. Т. 2. С. 300.

⁴ Raporty rezydentów francuskich w Gdańsku w XVIII wieku (1715–1719) / Wyd. E. Ćieslak, J. Rumiński; Gdańskie t-wo naukowe. Wydział I: Nauk społecznych i humanistycznych. Ser. źródel. № 6. Gdańsk, 1964. S. 112.

⁵ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого и его продолжение). Отд. 2. Д. 39. Л. 454; Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 352. Л. 164–166; МИРФ. Ч. 2. С. 293–294.

⁶ Anderson R.C. Naval wars in the Baltic during the sailing-ship epoch 1522–1850. L., 1910. P. 185; *Tornquist C.G.* Utkast till svenska flottans sjötåg. Stockholm, 1788. D. 2. S. 93.

⁷ ГСВ. В 2-х вып. / сост. Т.С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 474.

⁸ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 326–327, 351–352, 495.

⁹ История военно-морского искусства. М., 1953. Т. 1. С. 181; *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Под российским андреевским флагом. М., 1994. С. 52–53.

¹⁰ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 396.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1719 г. Д. 8. Л. 29; МИРФ. Ч. 2. С. 377, 365–366.

¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Д. 23. Л. 39–46 об.; Д. 44. Л. 546–550 об.

- ¹³ ПЖ 1719 г. 2-е изд. СПб., 1913. С. 1.
¹⁴ МИРФ. Ч. 2. С. 378.
¹⁵ По вопросу о том, какую фамилию себе избрал по дедовской степени родства Пётр I, см.: *Кротов П.А.* Первый император Всероссийский : Михайлов или Романов? // К 400-летию дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России : Сб. материалов международной научной конференции : в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 1. С. 140–143.
¹⁶ ПЖ 1719 г. С. 4, 43 ; ГСВ. М., 2004. Вып. 2. С. 485.
¹⁷ МИРФ. Ч. 2. С. 380
¹⁸ Там же. С. 380.
¹⁹ Там же.
²⁰ Там же. С. 381.
²¹ Там же.
²² Там же. С. 391, 395.
²³ Там же. С. 395.
²⁴ Морской атлас. Т. 3 : Описания к картам. Ч. 1. С. 227 ; Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 65 ; *Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е.Е. Путьгина ; вступ. ст., науч. ред., уточнение пер., примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 85.
²⁵ ПЖ 1719 г. С. 5–6.
²⁶ *Ден Д.* История Российского флота ... С. 85–86.
²⁷ МИРФ. Ч. 2. С. 395.
²⁸ ПЖ 1719 г. С. 6.
²⁹ *Ден Д.* История Российского флота ... С. 86.
³⁰ ПЖ 1719 г. С. 6.
³¹ МИРФ. Ч. 2. С. 395.
³² Там же ; ПЖ 1719 г. С. 8.
³³ МИРФ. Ч. 2. С. 393–395.
³⁴ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс ... С. 430, 434.
³⁵ Там же. С. 430–432.
³⁶ Там же. С. 499.
³⁷ Там же. С. 497–500.
³⁸ Там же. С. 434–435.
³⁹ Там же. С. 438.
⁴⁰ МИРФ. Ч. 2. С. 413.
⁴¹ Там же. С. 415.
⁴² Там же. С. 416.
⁴³ *Фейгина С.А.* Аландский конгресс ... С. 500–501.
⁴⁴ ГСВ. Вып. 2. С. 117 ; МИРФ. Ч. 2. С. 420.
⁴⁵ *Кротов П.А.* Триумф российских галер – Гренгамская баталия 1720 г. : мифы и факты // *Кротов П.А.* Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014. С. 117.

Ю.М. Попов

МЕРЫ ПО УТВЕРЖДЕНИЮ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ОБУСТРОЙСТВА ОТСТАВНЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ II РЕВИЗИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Поскольку при правлении Петра I армия стала регулярной, то неизбежно вставал вопрос не только о её пополнении, но и об обустройстве уволенных в отставку военнослужащих. В вооружённых силах страны проходили службу представители различных социальных слоёв общества. Самой же многочисленной частью личного состава армии и флота являлись военнослужащие унтер-офицерского и рядового состава, не являвшиеся дворянами и не принадлежащие к шляхетству. Эти люди в своё время были взяты на военную службу через рекрутские наборы и в большинстве случаев не по своей воле. Время прохождения службы для них определялось не конкретным сроком, а зависело от их физического состояния, и поэтому служить приходилось практически всю жизнь. Чтобы те, кому предстояло идти на службу, не уклонялись от неё, а в дальнейшем и в массовом порядке не дезертировали, должны были быть уверены в своём будущем, поэтому перед государством стояла задача предоставления гарантий этому слою служащих, что они в конце своей жизни не будут выброшены со службы за ненадобностью без всякой надежды на нормальное обустройство. Меры, предпринятые государством в этом направлении, начали наглядно проявляться накануне окончания Северной войны, особенно в ходе проведения I ревизии. Поэтому, чтобы увидеть, как этот вопрос начал решаться, необходимо рассмотреть причины появления ревизий.

К концу 10-х годов XVIII в. сложилась такая ситуация, при которой существовавшая система сбора налогов (податей) — важнейшего средства пополнения государственного бюджета — перестала удовлетворять нужды государства из-за нехватки денег. И прежде всего вставала проблема обеспечения армии, которая не подлежала расформированию и в мирное время. В связи с этим перед правительством возникла необходимость создать такую «систему обложения, которая охватила бы податью всех потенциальных плательщиков, позволив... содержать на их средства регулярную армию в мирное время»¹. Такая система обложения могла успешно работать при нахождении плательщиков на постоянном месте, поэтому в ходе реформы для удобства сбора и подсчёта налогов происходило их закрепление по месту жительства. Вследствие этого одновременно появлялась возможность эффективного контроля населения страны. Отсюда следовали и принципы проведения реформы. В её начале должна была быть перепись (ревизия) населения, с которого должны были изыматься

налоги, прикрепление его к месту проживания («привязывание к тяглу») с целью упорядочения сбора податей. О её проведении и было сказано в «именном, объявленном из Сената» указе от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок...»².

Как видим, ревизия являлась основной частью податной реформы, так как определение круга плательщиков и точного их количества определяло и точность прогнозируемых поступлений в бюджет. Начальные результаты I ревизии отражались в так называемых «ревизских сказках», форма которых сложилась постепенно в ходе её проведения. И эти первичные материалы ревизского учёта относились к одному лицу мужского пола или к нескольким лицам, входившим в одну семью³.

Реформа шла длительное время (1719–1728), в результате её проведения произошла перестройка сословной структуры и изменилось положение социальных групп русского общества, и, самое главное, «появился единый, сугубо денежный, равный для основных категорий плательщиков и наконец шедший почти целиком на нужды армии подушный налог»⁴. Изменение положения социальных групп было связано с постепенным определением податных и неподатных сословий: «...духовенство... было исключено из числа ревизских душ, так же как дворяне, отставные солдаты и драгуны... неподатное население... дворянство, духовенство, отставные воинские чины, освобождённые от уплаты государственных податей и отправления иных государственных повинностей, были учтены лишь "для ведома" в особых списках»⁵.

И это обстоятельство стало главным итогом I ревизии и одним из основных преимуществ для отставных военнослужащих унтер-офицерского и рядового состава в сравнении с другими представителями податных сословий. Причём безотносительно того, из каких сословий они вышли и к какому сословию стали принадлежать после службы. Кроме этого, была создана соответствующая законодательная база, регламентировавшая эти вопросы, что также можно считать одним из главных итогов ревизии.

Но в ходе проведения I ревизии осталось много нерешённых вопросов. Ко времени восхождения на престол Елизаветы Петровны созрела необходимость пересмотра её результатов и проведения новой. Среди прочих за эти годы накопились многочисленные проблемы, связанные и с учётом, и с обустройством как отставных военнослужащих, так и членов их семей. Кроме того, всё это время, с момента официального окончания I ревизии вплоть до начала следующей, вносились различные коррективы, уточнения, дополнения, призванные систематизировать законодательную базу, регламентировавшую эти вопросы⁶. Следовало подытожить этот законодательный материал и привести его в соответствие с требованиями времени. Высочайше утверждённый доклад Сената от 17 сентября 1742 г. о проведении генеральной ревизии явился отправным пунктом данного мероприятия. Необходимость этого прямо указывалась в названии доклада: «Об учинении новой ревизии для пресечения происшедших беспорядков и в платеже подушных денег отбывательств и запущения доимок...»⁷.

Такая ревизия и была проведена в 1743–1747 гг., в ходе которой были успешно реализованы все стоявшие перед ней задачи, остававшиеся нерешёнными к её началу. Успех был определён тем, что она «отличалась значительно большей чёткостью организации, так как с самого начала ревизоры получали надлежащие инструкции, разработанную форму ревизской сказки и сводных перечневых ведомостей... материалы II ревизии», что «свидетельствует о сравнительно высокой точности её цифровых данных». И кроме того, «II ревизия сделала значительный шаг вперед... она одновременно охватила все податные и неподатные сословия России»⁸. Начало ревизии было объявлено в именном указе от 16 декабря 1743 г.⁹. К указу прилагалась и инструкция по проведению ревизии: «Инструкция посланным для

учинения вновь ревизии»¹⁰. В этой инструкции, в 20-м пункте¹¹, были представлены практически все основные направления, связанные с обустройством отставных военнослужащих и их детей согласно их социальному положению («кои не из дворянства»). В следующем, 21-м пункте было сказано о переписи штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых, «кои из шляхетства», и их детей. В отношении последних был регламентирован возраст (11 лет), с которого их должны были представить на смотр в Сенат в Петербург и в Сенатскую контору в Москве¹². Эта часть инструкции имела в своей основе законодательную базу, разработанную в предыдущие годы, начиная ещё с петровских времён.

Фактически документы, систематизированные в этой части инструкции и явившиеся её основой, представляли собой некую систему мер по обустройству дальнейшей жизни отставных военнослужащих и их детей, которые правительство предпринимало начиная с I ревизии. Она была призвана решить ряд основных вопросов, которые можно обобщённо выразить следующими фразами из различных указов: 1) «чтоб отставные от службы обер- и унтер-офицеры и рядовые по долголетно и многотрудной своей службе в походах и ранах... по отставке от оной имели покой и пропитание»¹³; 2) «чтоб те отставные и дети их без дела в гуляках не были»¹⁴.

Итак, речь в инструкции шла не только о жесткой регламентации и упрощении выбора дальнейшего жизненного пути отставных и их детей, но и о признании государством необходимости заботы о них, то есть того, что и составляет суть патернализма. И материальным выражением этого являлось главное преимущество отставных военнослужащих, указанное в инструкции: они, как и раньше, были освобождены от уплаты подушной подати («всех отставных переписать только для ведома»).

Ещё одним преимуществом, предоставляемым им, было то, что отставные являлись лично свободными людьми и могли сами, по собственному желанию, обустроить свою жизнь: самостоятельно выбирать как место проживания, так и способ пропитания, входя в любое из податных сословий («тех писать по их желанию»). Понять, что эти преимущества были весьма значительны, можно лишь в сравнении, зная какие права имели на момент их появления остальные представители податных сословий, например государственные крестьяне (черносошные, ясачные, однодворцы)¹⁵.

В 20-м же пункте инструкции был представлен и перечень основных способов заработка («пропитание»), которые и являлись основными направлениями обустройства отставных военнослужащих. Для тех из них, которые «живут в Москве и в других городах, не на пашне», предполагалось:

- использование навыков и умений в какой-либо гражданской профессии для индивидуальной работы;
- работа на каком-либо производстве;
- другие виды деятельности или услужение кому-либо.

Причём в первых двух случаях следовало тех, «кои своими рукоделием или иным чем своё пропитание иметь могут или в какие мастерства пойдут, оных записывать в цехи». Те же, кто «волею пошли... в те деревни, отколь взятъ», имели гораздо меньший выбор — занятие земледелием или индивидуальную работу, не связанную с обработкой земли («жили на пашне или кормились работою своею»). В этих направлениях были указаны и преимущества отставных унтер-офицеров и рядовых как по отношению к другим представителям податных сословий, так и по отношению друг к другу. От того, в какое сословие решили записаться при проведении ревизии отставные военнослужащие, зависела и судьба детей.

Те из них, кто решил записаться «в цехи», получали одно немаловажное преимущество: туда же записывали вместе с ними их детей и в дальнейшем освобождали от службы в армии

и на флоте. Давалось некоторое преимущество и детям тех отставных, кто возвращался после службы в деревни. Этим детей было приказано «писать с прочими крестьяны на ряду»¹⁶, то есть на службу они могли попасть не в обязательном порядке, а на общем основании — в случае выбора их в рекруты. Детей отставных, выбравших иные виды обустройства, при признании их годными должны были в урочное время «всех взять в службу в солдаты, а матросских... — в матросы». Предполагалось, что вышеуказанные преимущества станут стимулировать отставных военнослужащих заниматься производительной деятельностью, тем самым принося пользу государству.

Но первым направлением в обустройстве отслуживших военнослужащих традиционно считалось определение на пропитание в монастыри, поскольку многие отставные ввиду старости и инвалидности не могли самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Это направление постоянно совершенствовалось, с течением времени становилось всё более рациональным. Им могли воспользоваться все отставные военнослужащие, в том числе штаб- и обер-офицеры, без различия в происхождении.

История вопроса уходит к времени окончания Северной войны, когда было «по резолюции Правительствующаго Сената марта 19 дня [1]722 года, велено таковых по свидетельству Военной Коллегии, которые (унтер-офицеры и прочие нижние чины не из шляхетства. — Ю.П.) за старостью и болезнями в службе быть не могут, а пропитания своего не имеют, отсылать в монастыри»¹⁷. Но к этому времени делами Русской Православной Церкви стал руководить Правительствующий Синод, и миновать его, решая церковные вопросы и нарушая этим административную иерархию, было невозможно. Поэтому уже летом 1722 г., 31 июля, был издан сенатский указ «Об отсылке отставных для пропитания в Синод, о записке желающих в цехи и о распределении детей их»¹⁸.

Необходимо отметить, что именно этот указ явился тем обобщающим документом, где были впервые рассмотрены основные направления обустройства отслуживших военнослужащих — драгунов, солдат и матросов, «которые не из дворянства». И в дальнейшем, ориентируясь на изменения в обыденной жизни, положения этого указа постоянно корректировались и расширялись. В соответствии с ним отставных военнослужащих, которые жили в городах и не могли зарабатывать себе на жизнь, если они выражали желание быть в монастырях, приказано было отсылать в Синод, в котором и принималось решение по их дальнейшему обустройству. В указе это требование выглядело следующим образом: «...отставных драгун, и солдат, и матрозов, которые не из дворянства, а жили в Москве и в других городах, не на пашне, и ныне пропитания не имеют, таковых для пропитания, которые станут бить челом, отсылать по указу в Синод...»¹⁹.

Но практически сразу же в исполнении этого положения указа стали появляться сбои. Их причины были рассмотрены в Сенате 19 января 1723 г.: «Отставных... кои не из дворянства... велено отсылать в Синод... принято... 535 человек... больше не принимают... доходов у них нет... доношение в Правительствующий Сенат подано». Мнение по этому вопросу было следующим: «Объявленных отставных... надлежит в монастырях содержать на тех доходах, в которых монастырях нет указаго числа монахов, и из оных годных послать вместо поселских старцов таже для присмотров работ на конюшенные и скотные дворы и вместо детёнышев для караулов, а детёнышев положить в подушной оклад»²⁰.

Пётр I, рассмотрев вопрос и в принципе согласившись с мнением Сената, в своей резолюции расширил круг лиц, которым можно было обустроиться при монастырях, и вместе с тем определил и жизненный путь их детей: «...которые отставные... пристарели, таких отсылать в монастыри; а которые могут работать, тем велеть работать, а в подать их не писать; а буде которые после переписи будут иметь детей, таких брать всех в солдаты»²¹.

Итак, в это время сложились основные законодательные положения, на которых базировалось данное направление обустройства. Всеми конкретными делами, связанными с ним, ведал Синод, и хотя касалось оно всех отставных военнослужащих независимо от места их проживания, но персонально только тех из них, кто подавал соответствующее прошение. В дальнейшем этот вопрос принципиальных изменений не претерпел.

Позже, 31 января 1731 г., императрицей Анной Иоанновной был утвержден доклад Сената «О даче определяемым для пропитания в монастыри отставным штаб- и обер-офицерам и рядовым жалования по приложенной табели против московскаго гарнизоннаго оклада», касавшийся принципиального изменения форм довольствия всех отставных военнослужащих, определённых для проживания в монастыри, а именно, была упорядочена выплата денежного и продовольственного содержания. Вводились единые для всей страны фиксированные нормы денежного довольствия («жалования») в зависимости от звания отставных, базировавшиеся на основе окладов денежного содержания военнослужащих московского гарнизона (2/3 от оклада). Поэтому, например, «рядовые прочих полков» должны были получать 3 руб. 66 коп., поскольку в Москве оклад для этой категории военнослужащих составлял 5 руб. 49 коп. Хотя указанная сумма была значительно меньше стоимости порции монаха, но, кроме неё, была положена выдача и различных видов съестных припасов: «...унтер-офицерам и рядовым сверх денежного жалования давать провианта: холостым мукой по 3 четверти, круп по полтора четверика на год, а женатым против того вдвое»²².

Уже при Елизавете Петровне летом 1742 г. было внесено очередное усовершенствование в процедуру оформления отставных военнослужащих в монастыри. Поскольку все они отправлялись в Сенат и далее в Герольдмейстерскую контору, ведавшую делами «всего государства дворянства вышних или нижних, прежних и нынешних, военных, гражданских и придворных чинов», но не все из них являлись дворянами, то возникали соответствующие трудности в оформлении.

В связи с этим 10 июня 1742 г. был издан сенатский указ, в котором шла речь «об отсылке унтер-офицеров и рядовых, оказавшихся по свидетельству к службе за старостию и болезнями и на поселение негодными, в Коллегию экономии для распределения по монастырям и богадельням и о представлении в Сенат дворян, служивших в тех чинах».

Суть вопроса наиболее полно раскрыта в приказной части этого документа: «В Военную коллегию послать указ, велеть впредь унтер-офицеров и рядовых, кои не из дворян, в полевой, гарнизонной службе и у дел быть не могут и на поселении конечно явятся не годны, а пропитания своего не имеют, таковых всех для определения к пропитанию в монастыри и в богадельни отсылать прямо в Коллегию экономии, а оной их принимать и определять в монастыри и богадельни; а в Правительствующий Сенат и Герольдмейстерскую кантору таковых не присылать, а присылать таких, которые из тех чинов явятся из дворян или хотя и не из дворян, а дослужились до обер-офицерства; а которые из таких разночинцов, а не из шляхетства урядники и рядовые будут просить на своё пропитание, таких... в Сенат не представляя, давать паспорта, дабы от того Правительствующему Сенату напрасного затруднения не было, понеже от того происходит излишняя переписка и... затруднение, а тем отставным волокита»²³. Хотя для лиц дворянского сословия процедура оформления осталась прежней, но разделение по принципу происхождения отставных значительно ускорило время её реализации.

Уменьшение количества промежуточных ступеней в любой структуре управления улучшает её функции, поскольку упрощается процедура принятия решения по различным вопросам и повышается её оперативность. Поэтому направление отставных недворянского происхождения, минуя Сенат и Герольдмейстерскую контору, сразу в Коллегию экономии²⁴

приводило не только к ускорению их оформления, но и резко разгружало делопроизводство Сената и Герольдмейстерской конторы. А данное обстоятельство, в свою очередь, повышало оперативность при решении подобных дел и для дворян.

По ходу проведения начавшейся II ревизии стали появляться различные проблемы, связанные с реализацией этого направления обустройства. По решению Сената от 25 июня 1744 г. было приказано применять 16-й пункт «Инструкции посланным для учинения вновь ревизии», использовавшийся до этого только при переписи разночинцев и к отставным, но только к тем, «которые.. ни какого своего пропитания и ремесла, а старостями и дряхлостями и другими случаи, кроме прошения милостыни, не имеют». Их следовало «отдавать, по сношению с губернаторами и тех губерний с епархиальными архиереи и с управителями их, на прокормление в монастыри с малолетними детьми их, а весьма дряхлых — в богадельни»²⁵.

К весне 1746 г. в ряде епархий Синодального ведомства, таких как Вологодская, Новгородская, Нижегородская, усложнились вопросы, связанные с приёмом отставных в монастыри и богадельни. Обусловлены они были в основном отсутствием необходимого количества порций для пропитания увеличивающегося числа проживающих в этих заведениях²⁶.

В связи с этим Синод решил не принимать отставных в указанных епархиях и требовать от Сената предпринять соответствующие меры, направленные на улучшение проблемы с пропитанием. Сенат, разобравшись с ситуацией, на основании ранее использовавшейся законодательной базы в указе от 16 мая 1746 г. определил пути решения проблем, связанных с удовлетворением отставных хлебным и денежным жалованьем: «...довольствоваться их... из тех доходов, которые на монахов определены, а указанного числа монахов не обретается, и те определённые на них доходы бывают в остатке; а буде где тем оставшимся числом оных отставных удовольствоваться будет не возможно, то у наличных монахов из определённых им денег и хлеба убавить по некоторой части, уравнивая, чтоб как монахам, так и отставным денежное и хлебное жалованье в даче было равное»²⁷.

Об этом решении было сообщено Синоду, чтобы тот «о приёме вышеозначенных отставных, кои пропитания своего не имеют и работать не могут... благоволил в епархии к архиереям, також и в монастыри, которые не в Ведомстве архиерейском состоят, определить указами»²⁸. Но среди такого рода отставных Сенат провёл строгую дифференциацию и приказал «отставных драгун, солдат и матросов, которые при отставке за старостями и дряхлостями и другими случаи с данными паспортами посланы для рассмотрения к монастырям, тех по вышеписанным прежним указам определять на прокормление в монастыри, а весьма дряхлых в богадельни... ибо таковых, кроме определения к монастырям и в богадельни, на пропитание определять не куда»²⁹. Определению к монастырям не подлежали те отставные, «которым... паспорта даны на своё пропитание», поскольку «они при отставках своих сами на своё пропитание просились»³⁰.

Таким образом, Сенат подтвердил магистральную линию руководства страны по отношению к отставным военнослужащим, выразившуюся в чеканных словах данного указа: «...дабы они, служа Ея Императорскому Величеству несколько лет, не остались без всякаго призрения и по миру не шатались...»³¹.

В заключение необходимо сказать следующее. Несомненно, *если военнослужащий уверен в своём будущем и имеет гарантии в том, что ни он сам, ни его семья не будут брошены на произвол судьбы после отставки, то это является важным фактором его морального состояния и служит стимулом для успешного выполнения им своих служебных обязанностей.* Руководство государства в рассматриваемое время чётко создавало эту зависимость и проводило соответствующую социальную политику по отношению к отставным военнослужащим,

закреплённую в ходе II ревизии. Оно считало своей обязанностью создание соответствующего механизма стимулирования добросовестной службы в вооружённых силах в границах действенной системы социальной защиты отставных военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава — наиболее многочисленной категории военнослужащих.

В рамках этого механизма предусматривались:

1) строгая дифференциация предоставляемых льгот военнослужащим и их детям в зависимости от выбора рода деятельности после отставки;

2) перераспределение части доходов Синодального ведомства в пользу престарелых и увечных воинов, которые не могли зарабатывать себе на пропитание и определялись в монастыри и богадельни.

Отставным военнослужащим предоставлялись следующие льготы:

- освобождение от подушной подати;
- возможность свободного перемещения по стране;
- возможность выбора сословия и способа заработка;
- возможность проживания в любом месте государства по собственному усмотрению;
- предоставление денежной и материальной помощи, земли в вечное пользование в случае их поселения на окраинных землях;
- предоставление детям тех, кто записывался «в цехи», возможности записи их при отцах и освобождение от службы в армии;
- обязательное обучение их детей в разного рода школах и контроль за этим.

На момент завершения II ревизии в государстве сложилась и окончательно оформилась единая система обустройства уволенных в отставку военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава, заключавшаяся в предоставлении им ряда преимуществ и льгот по сравнению с остальным населением России, входившим в податные сословия и закреплённым законодательно. Говоря современным языком, речь идет о создании в России в 40-е годы XVIII в. системы социальной защиты этой наиболее многочисленной категории военнослужащих. Создание такой системы инициировалось государством в лице его руководства. Указанная инициатива являлась следствием исторически сложившейся в России государственной идеологической доктрине — патернализме и базировалась на христианском вероучении, национальных традициях и здравом смысле.

¹ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 44.

² ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. № 3287. С. 618.

³ В царском указе от 26.11.1718 г. «О введении Ревизии, о распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании земских комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска и о счёте земских комиссаров в собирании ими деньгах и припасах», который, по мнению Е.В. Анисимова, «служит ключевым документом реформы» (Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 61). О первом этапе реформы было написано следующее: «Взять сказки у всех... чтоб правдивые принесли, сколько у кого в которой деревне душ мужеска пола...» (ПСЗ. Т. V. № 3245. С. 597).

⁴ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. С. 34.

⁵ Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII–первой половине XIX в. М., 1963. С. 51.

⁶ См. алфавитный указатель изданных законов: ПСЗ. Т. XLII, ч. 2: Указатель алфавитный, реэстр алфавитный «Л–Я». С. 755–758.

⁷ ПСЗ. Т. XI. № 8619. С. 657.

⁸ Кабузан В.М. Народонаселение России... С. 63, 64.

⁹ ПСЗ. Т. XI. № 8835. С. 962.

¹⁰ Там же. № 8836. С. 964.

¹¹ Там же. С. 974.

¹² Там же. С. 975.

¹³ Там же. Т. XIV. № 10684. С. 715.

Эти слова из именного указа императрицы «Об отсылке отставных за ранами и престарелых обер- и унтер-офицеров и рядовых в Синод для размещения их на пропитание по монастырям и о немедленном

со стороны Синода распоряжении на основании прежде состоявшихся по сему предмету указов», принятого 18 января 1754 г., как нельзя лучше подтверждают, что тема, связанная с обустройством отставных военнослужащих, продолжала оставаться в центре внимания руководства страны на всём протяжении царствования Елизаветы Петровны.

¹⁴ Там же. Т. XI. № 8836. С. 975.

¹⁵ По словам одного из современных историков, «в петровский период политика самодержавия в отношении государственных крестьян имела ярко выраженную тенденцию к ограничению их прав, сужению их возможностей в реализации тех преимуществ, которыми они располагали как люди, лично свободные от крепостной неволи... В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей других... сословий воспользоваться сословными привилегиями в... XVIII в. видели основу правопорядка, справедливости и процветания государства, народа...» (*Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. С. 184, 185).

¹⁶ ПСЗ. Т. XI. № 8836. С. 975.

¹⁷ Там же. № 8561. С. 607.

¹⁸ Там же. Т. VI. № 4066. С. 754.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. VII. № 4145. С. 12.

²¹ Там же.

²² Там же. Т. VIII. № 5688. С. 376.

²³ Там же. Т. XI. № 8561. С. 608.

²⁴ Поскольку «Коллегия, сверх оных отосланных от Синода Дворцоваго и Казённого приказов доходов, имеет в содержании своём все епархии и монастыри, в которых на излишнии порции от себя офицеров и солдат определяет» (Там же. № 8588. С. 631).

²⁵ Там же. Т. XII. № 9287. С. 548.

²⁶ Там же. С. 547.

²⁷ Там же. С. 548.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 548–549.

³⁰ Там же. С. 549.

³¹ Там же. С. 549.

А.В. Лукошков

ПОДВОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСТАНКОВ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ «ЛОНДОН» И «ПОРТСМУТ» (1719)

Создание построенного по европейским образцам регулярного военно-морского флота по праву считается одним из выдающихся деяний первого императора всероссийского. Однако материальных памятников Петровского флота практически не сохранилось. Корабли и суда «первого здесь строения, а завоеванные — в память бывших баталий», которые император в 1724 г. повелел сберегать в Санкт-Петербурге вечно в особом мемориале, сохранились там лишь до середины 40-х годов. Затем они были разобраны по причине гнилости¹. Не слишком много имеется и чертежей кораблей Балтийского флота Петровской эпохи.

Лишь с началом широкомасштабных подводных археологических исследований удалось получить доступ к подлинным историческим объектам эпохи Петра Великого, ведь созданный на Балтике флот имел довольно высокую аварийность. По выявленным в архивах данным, ежегодно флот терял в море от 3 до 6 вымпелов. Более того, известны случаи гибели десятков судов за одно плавание или даже в результате одного шторма. Общее количество погибших в Балтийском регионе вымпелов за годы Северной войны превышает триста единиц.

Большое количество катастроф приходится на 10-е годы, когда после захвата Выборга и Гельсингфорса флот начал операции по всей акватории Финского залива. На эти потери повлияли как отсутствие знаний гидрографии районов плаваний, так и недостаточная подготовка российских моряков к плаванию на больших кораблях, не знакомых им европейских типов. Для подтверждения сказанного достаточно привести список линейных кораблей, погибших в указанное десятилетие.

1712 г. На Ладожском озере во время перегонки на Балтийское море затонул новый линейный корабль, построенный на Олонецкой верфи в 1708–1711 годах.

1713 г. В Финском заливе при погоне за шведскими кораблями на банке Кальбодатунд погиб (встал на мель, переломился и был сожжён) однотипный с предыдущим линейный корабль «Выборг».

1715 г. На рейде острова Котлин взорвался от попадания молнии новый линейный корабль «Нарва».

1716 г. В итоге осеннего шторма, разрушившего Ревельскую гавань, волнами были разбиты и затонули линейные корабли «Антоний Падуанский» и «Фортуна».

1719 г. У южного берега Финского залива, на траверзе современного маяка Толбухин (Котлинский, в 1736 г. переименован в честь Ф.С. Толбухина), встали на мель и затонули в шторм линейные корабли «Лондон» и «Портсмут».



Ил. 1. Часть корпуса линейного корабля «Лондон». Музей истории Кронштадта

Эти два последних представляют особый интерес в качестве целей для подводных археологических исследований, поскольку район их гибели можно локализовать. По крайней мере, второй из названных кораблей представляет историческую и мемориальную ценность.

Оба корабля вошли в состав Российского флота практически одновременно — в 1714 г. При этом «Лондон» и «Портсмут» объединяет и полное отсутствие какой-либо информации об их конструкции, размерах и вооружении. Последнее связано с их происхождением.

«Лондон», числящийся в отечественных справочниках 54-пушечным, был куплен в Англии Ф.С. Салтыковым, имевшим опыт кораблестроения на Олонецкой верфи. В 1711 г. он был отправлен Петром I для закупки военных кораблей и фрегатов. «Лондон» стал десятым в списке приобретённых в Англии линейных кораблей. Ни чертежей, ни описаний корабля в российских архивах не обнаружено. Они, возможно, в последующем могут быть найдены лишь в Англии, поскольку изначально корабль входил в состав Великобританского флота. В переписке Ф.С. Салтыкова «Лондон» указан как 60-пушечный корабль постройки 1707 г. Известно, что перед продажей он прибыл из Ост-Индии, то есть из Индийского океана. Стоимость покупки составила 5000 фунтов стерлингов, но общие расходы на его доставку в Россию, включая наём экипажа, были вдвое больше².

«Лондон» пришёл в российский порт Ревель (*соврем.* Таллинн) 19 июня 1715 г. В 1715, 1717 и 1718 годах корабль действовал в море. В июле 1719 г. он в составе флота прикрывал

переход галерной флотилии от Котлина к побережью Швеции для проведения десантов вблизи Стокгольма. 21 августа с возвращением галерной флотилии в Або (*фин.* Турку), а корабельного флота в Ревель операция 1719 г. закончилась³. Этот поход стал последней боевой операцией корабля.

«Портсмут» также имел иностранное происхождение, но его боевой путь более значим для истории Российского флота. Чертежи и описание корабля в российских архивах не сохранились, но, возможно, они имеются в голландских архивах, так как корабль был построен на одной из верфей Амстердама. По имеющимся данным, в конце 1713 г. Пётр I поручил российскому послу в Гааге Б.И. Куракину построить несколько кораблей по российскому проекту. Ему были посланы чертежи, которые, по мнению историков, были разработаны лично Петром I, и инструкция, которая гласила: «Подредите делать корабля три или четыре по данному чертежу, сыскав доброго английского мастера, и надо делать не на одном месте для прилику (виду. — *А.Л.*). Также на исподней палубе только 2 окна сделать из констапельской камеры, а на верх[у] окна, также на фордеке ни одного не надобно. Галерей тоже не делать, и галюн не украшать, мачт и такелажу не делать»⁴. Все эти ухищрения были связаны с намерением провести построенные корабельные корпуса в Россию под видом торговых судов в составе голландского конвоя. Судя по посланиям Б.И. Куракина, чертежи он получил 8 марта 1714 г., а уже 20 апреля сообщал, что провёл переговоры с подрядчиками. Они оценили постройку одного корабля в 20–23 тысячи ефимков (примерно 10–11,5 тыс. рублей), а его водоизмещение «по чертежу» — в 1130–1114 тонн⁵.

Одновременно с «Портсмутом» в Амстердаме строился по тому же чертежу линейный корабль «Девоншир». Размеры корпуса «Портсмута» в любом случае должны были быть если не одинаковыми, то близкими. Длина корпуса «Девоншира» указана в справочниках такая: 128 английских футов, ширина 37 футов 10 дюймов и глубина интрюма 14 ф. 6 д.⁶. Это сведения, имеющие первоисточником архивную «Табель Российскаго флота караблям...». В ведомости за подписью корабельного мастера Р. Девенпорта, содержащей результаты обмера корабля в 1724 г., они отличаются: 128 ф. 10 д., 40 ф. 3,5 д., 14 ф. 6,5 д.⁷. Для сравнения: 4 мая 1712 г. на Соломбальской верфи близ Архангельска были заложены для Балтийского флота тоже три однотипных 52-пушечных корабля⁸. Размеры их корпусов равнялись соответственно 127, 35 и 15,5 ф. На Соломбале же в 1713 г. состоялась закладка второй серии из четырёх однотипных 52-пушечных кораблей. Их главные размеры составляли 130, 35 и 15,5 ф.⁹. Несложное сравнение показывает, что «Девоншир» имел более широкий и менее высокий корпус, нежели у тех, что строились у Архангельска. Это обеспечивало ему лучшую устойчивость и большую скорость, но приближало нижний край пушечных окон ближе к ватерлинии — опасность, чреватая затоплением корабля при сильном крене или качке.

По справочным данным, оба корабля были заложены в Амстердаме в июне, а спущены на воду всего через пять месяцев — в ноябре 1714 г.¹⁰. Правда, точных дат нет. Более того, в июне посол Б.И. Куракин писал царю: «...27 мая заложен корабль английским мастером, [и] второй подредил Осип Соловьев в 54-пушки»¹¹. Возможно, «Девоншир» был заложен на несколько дней раньше «Портсмута». Известно также, что один из них сошёл на воду 11 ноября, другой 6 декабря 1714 г., но какой именно когда пока выяснить не удаётся, поскольку в документах они оба упоминаются просто как подряженные российским торговым комиссаром в Нидерландах О.А. Соловьёвым¹². Мачт на кораблях не ставили. Известно, что, перезимовав в Голландии, оба корабля 19 июля 1715 г. были отбуксированы в Англию, где в Гревсенде, на Темзе, на них установили мачты, рангоут, такелаж и паруса. Здесь же корабли получили свои британские имена «Портсмут» и «Девоншир». Работы заняли почти год, поскольку на Балтику они ушли только весной 1716 г. совместно с английской эскадрой адмирала Ч. Норриса.



Ил. 2. Часть корпуса линейного корабля «Лондон». Музей истории Кронштадта

В Копенгагене они дождались прибывшего туда 19 июля 1716 г. российского флота во главе с Петром I. В Копенгагене же корабль получил и пушечное вооружение, причём пушки были подарком Петру I от короля Дании Фредерика IV.

Затем в августе корабль в составе четырёх соединённых флотов (русского, английского, датского и голландского) под командованием Петра I участвовал в походе к острову Борнхольм для поиска шведского флота. Наконец 22 октября 1716 г. он пришёл в Ревель и вошёл в состав Ревельской эскадры. Однако при подготовке кораблей к новой кампании возникли проблемы, о которых генерал-адмирал Ф.М. Апраксин сообщал в начале марта. Оказалось, что на «Девоншире» и «Портсмуте» окна для пушек были прорублены слишком близко к уровню воды. По этой причине невозможно было вооружить эти корабли тяжёлой артиллерией больших калибров. Генерал-адмирал запрашивал мнение монарха: «И для того изволит ли Ваше Величество оные корабли к наступающей кампании приуготовлять, или для переделки повелишь отпустить в Петербург?»¹³.

Судя по дальнейшей переписке, проблема заключалась в неправильном размещении балласта. По распоряжению Петра I была произведена перегрузка балласта, и 17 марта 1717 г. корабли были выведены на рейд, а затем отправлены в пробное плавание. По его итогам 30 мая Ф.М. Апраксин писал царю, что «Портсмут» теперь имеет осадку на корме (ахтерштевне) 18 голландских футов 2 дюйма, на носу (форштевне) — 14 ф. 8 д.; расстояние

нижнего края пушечных окон от воды 3 ф. 3¼ д. Находившиеся на корабле в плавании более двух недель его командир капитан Я. ван дер Гофт и капитан-поручик Дж. Ден засвидетельствовали, что «онный корабль на парусах изрядный и возможно на море быть без переделки»¹⁴. Это заключение подтвердило правильность мыслей Петра I, заложенных в проект.

4 июня 1717 г. «Портсмут» ушёл в боевой поход в составе эскадры под командованием Ф.М. Апраксина к берегам Швеции и участвовал в высадке русского десанта на остров Готланд. Этот поход завершился 16 июля. В составе другого отряда 31 июля 1717 г. корабль вновь вышел в море — к Аландским островам, где удалось пленить шведскую шняву «Поллукс». В 1718 г. корабль крейсировал в Финском заливе. Однако главный триумф «Портсмута» состоялся 24 мая 1719 г., когда он в качестве флагманского корабля отряда из шести 52-пушечных кораблей и 18-пушечной шнявы обнаружил и атаковал в Балтийском море, на широте острова Эзель, шведский отряд из трёх боевых вымпелов. В первой половине сражения в ходе четырёхчасового боя 52-пушечные «Портсмут» (Н.А. Сенявин) и «Девоншир» (К.Н. Зотов), заняв выгодную позицию с наветренной стороны, вели напряжённую артиллерийскую дуэль с примерно равными силами противника: 52-пушечным шведским кораблём «Вахтмейстер», 34-пушечным фрегатом «Карлскруна-Вапен» и 12-пушечной бригаантиной «Бернгардус». Смелый манёвр двух русских кораблей на сближение с линейным кораблём и фрегатом противника с целью их абордажа привёл к сдаче фрегата «Карлскруна-Вапен» и бригаантины «Бернгардус». Затем линейный корабль «Вахтмейстер» попытался оторваться от преследования, но был настигнут линейными кораблями «Архангел Рафаил» и «Архангел Ягудиил», взят в два огня, потерял в итоге повреждений управление и был вынужден в итоге продлившегося ещё четыре часа преследования сдаться. Пленённые шведские корабли Пётр I осмотрел 17 июня 1719 г. в Ревеле. В ответном послании на имя командовавшего в сражении капитана 2 ранга Н.А. Сенявина монарх назвал победу в первом русском морском сражении со шведами в открытом море «добрым почином флота Российского»¹⁵. «Портсмут» стал флагманом первой победы российского корабельного флота и поэтому имеет мемориальное значение для нашей истории.

В июле 1719 г. «Портсмут» вместе с «Лондоном» прикрывал поход российской галерной флотилии, совершавшей десанты на побережье шведского королевства в районе Стокгольма. Десанты были завершены 19 августа в связи с тем, что после заключения шведско-британского договора появилась угроза совместных действий английского и шведского флотов против российских морских сил. Ситуация обострилась ещё в начале 1719 г., когда Англия заключила с Австрией, Саксонией и Ганновером Венский договор, направленный против России. В июне 1719 г. на Балтику была направлена английская эскадра адмирала Ч. Норриса, и после заключения 6 августа англо-шведского союзного договора он получил приказ соединиться со шведским флотом и «предпринять всё... чтобы уничтожить русский флот».

В этой ситуации Пётр I решил отозвать к Котлину три корабля, командный состав которых был укомплектован в значительной мере англичанами. Это были 58-пушечный «Лондон» (командир капитан 1 ранга Роберт Литтл с экипажем 397 чел.), 52-пушечный «Портсмут» (командир капитан-поручик Адам Уркварт с экипажем 343 чел.), 52-пушечный «Девоншир» (командир капитан 3 ранга Джон Ден). 25 сентября отряд под общим командованием Р. Литтла вышел из Ревеля и утром 29 сентября подошёл к Котлину. Обстоятельства последовавшего в тот день крушения кораблей, мягко говоря, не очень понятны. При слабом ветре и отличной видимости флагманский «Лондон» шёл первым, сразу за ним «Портсмут», а «Девоншир» в двух милях позади них. При этом ни капитан Р. Литтл, ни капитан-поручик А. Уркварт, принятые на службу в 1717 г. в Голландии, ни разу к Котлину не плавали и фарватер не знали¹⁶.



Ил. 3. Балластные (?) пушки, поднятые с останков корабля «Лондон» (объект «Кронштадт-1»)

Возможно, поэтому или, возможно, в силу других причин, например диверсии со стороны англичан, оба передовых корабля разом встали на мель, тянущуюся вдоль южного берега Невской губы. Шедший впереди «Лондон» не только плотно застрял в каменистом грунте, но и проломил днище. После этого корпус корабля стал заполняться водой, хлынувшей через пробоину. Вслед за ним на мель налетел и «Портсмут». При этом «Портсмут» получил опасный крен, и для его устранения пришлось срубить мачты. Во время крушения при невыясненных обстоятельствах погиб командир корабля капитан-поручик А. Уркварт. Повреждения кораблей были значительны. Тем не менее шансы спасти оба корабля сохранялись: они стояли на мели всего в нескольких милях от главной базы флота, откуда могла быть подана помощь. Однако утром 1 октября началась сильная буря от северо-запада, которая передвинула корпус «Лондона» ещё дальше на мель, окончательно разрушив обшивку. Буря заставила моряков срубить на корабле мачты. Уже вечером 1 октября 1719 г. вице-адмирал Т. Сандерс докладывал с Котлина, что «Лондон» наполнен водою по нижний дек, все мачты корабля срублены, но все люди ещё продолжают оставаться на обоих кораблях¹⁷. Корпус «Портсмута», напротив, сильным ветром и волнением стянуло с мели на глубину, где он затонул. В том же рапорте Т. Сандерса о состоянии «Портсмута» сказано так: «...как ветер стал WtN, стащило его с якорем через песок и потопило в глубокой воде, и теперь разве больше что его шканец поверх воды»¹⁸. Следовательно, весь его корпус был погружён в воду; над её поверхностью возвышалась лишь кормовая надстройка.

Уже 2 октября 1719 г. был получен приказ капитану Н.А. Сенявину «трудиться над кораблями, чтоб как можно больше достать»¹⁹. Более того, 5 октября корабль осмотрел сам царь, прибывший к ним на шлюпке от Красной Горки. При таком внимании работы шли быстро, и к 9 октября, согласно докладу, все пушки с «Лондона» были сняты и перевезены на Котлин. Конечно, снято было и другое имущество, находившееся на верхних палубах.

Однако сам корпус корабля остался стоять на мели, так же как и находившийся рядом с ним, но на большей глубине «Портсмут». К 9 октября 1719 г. с верхней палубы «Портсмута» были сняты все лёгкие пушки и четыре артиллерийских орудия с нижней палубы²⁰. Других сведений о работах на затонувшем корабле найти не удалось.

В дальнейшем корпус корабля «Лондон» был использован в качестве основания для маяка, обозначающего место мели, которая со временем стала именоваться Лондонской. Впоследствии корпус под воздействием штормов и льдов был разрушен, и с северной стороны вехи летом стали ставить плавучий маяк, который имел то же название. Дата разрушения корпуса неизвестна, но, судя по донесениям с фрегата «Стор-Феникс», на котором в мае 1730 г. осматривали фарватер, корпус «Лондона» ещё служил в качестве основания маяка.

Судьба «Портсмута» после затопления сложилась иначе. Он два года стоял в полузатопленном состоянии, и, если судить по отсутствию документов, никаких работ на нём не проводилось. Следующее упоминание корабля в дошедших до нас источниках связано уже с первым катастрофическим наводнением в истории Санкт-Петербурга. Оно произошло 5 (16) ноября 1721 г. Повышение тогда уровня воды оценивается исследователями в пределах от 2,54 до 2,73 м выше ординара²¹. Этот подъём воды, а также волнение и ветер снесли корпус корабля ещё дальше на глубину.

В РГА ВМФ удалось обнаружить текст указа Петра I в Адмиралтейств-коллегию, который 17 августа 1722 г. предписывал провести поиск останков «Портсмута»: «...извольте приказать из флота отдать два большие с палубами корабельных бота и две шлюбки с теми офицерами, со штурманами, с урядниками, которые были на корабле "Портсмуте"... в то время, как оногo последний раз [с] мели (сорвало? – А.Л.), понеже оные люди лучше могут попрезнаться к тому месту, где оногo был, и по тому признаку оногo корабль около того места надлежит искать во глубине (выделено нами. – А.Л.), ибо сигнала никакого не осталось, отчего небезопасность входу Его Императорского Величества кораблям и чужестранным судам, что конечно нужно... помянутый корабль отметить и поставить над ним сигнал, дабы каждый мог видать и от всякого повреждения лучшую осторожность иметь, и сие предлагаю господам депутатам и флагманам... как наиглавнейший пункт...»²².

Однако никаких сведений о работах по поиску «Портсмута» и его обнаружении в архивах найти не удалось. Скорее всего результата достигнуто не было, и останки остова «Портсмута» были найдены лишь в 2015 г. Спустя 293 года всё же удалось выполнить указ императора Петра Великого.

Целенаправленные поиски останков обоих линейных кораблей Петра I были начаты специалистами НЦПИ и ЦПИ РГО весной 2008 г., когда стало известно о выделении участка Лондонской отмели под добычу строительного песка. В основу планирования работ была положена информация из донесения капитана 2 ранга Э. Лейна, который 2 января 1721 г. начал работы по сооружению маяка севернее Лондонской мели. Он писал: «...сыскал на самом конце той мели глубины на 16 фут (ок. 4,8 м. – А.Л.), а от того места до корабельного ходу (фарватера. – А.Л.) в длину около 30 сажен (ок. 65 м. – А.Л.). А на котором месте ныне утопший корабль стоит, от онаго в линию на Александрову крепость до того места, где глубина на 16 фут, в разстоянии 1 верста 50 сажен (примерно 1188 м. – А.Л.). От той же глубины к кораблю в ином месте на 18 и на 22 фута...»²³. Позднее капитан Э. Лейн начал со льда строительство на «сысканном» им месте основания для стационарного маяка, опуская на дно бревенчатые срубы и засыпая их камнями. Проект не был завершён, поскольку 5 (16) ноября 1721 года строящееся основание было разрушено первым катастрофическим наводнением в истории Санкт-Петербурга.



Ил. 4. Трёхмерная фотография балластных пушек, лежащих на корпусе останков корабля «Портсмут» (объект «Кронштадт-2»)

На основании этих сведений первый этап поисков был направлен на обследование странной банки с отметкой глубины 3,6 м, расположенной вблизи действующего фарватера к югу от него. Она выделялась на ровном грунте, представляя локальное возвышение площадью 50 × 50 м и высотой 5,5 м. Предполагалось, что она может иметь искусственное происхождение, но при этом в равной мере могла быть как остатками разрушенного основания маяка 1721 г., так и замытым в осадки корпусом корабля. Обследование показало, что банка представляет собой явно искусственную насыпь округлых гранитных валунов на ровном песчано-глинистом грунте, то есть скорее всего является основанием маяка.

Следующим шагом после этого стало проведение гидроакустической съёмки дна в районе точки, удалённой на 1200 м от банки (глубиной 3,6 м), по проложенному через неё пеленгу на останки Александр-шанца на Котлине. В результате съёмки на дне на глубине 8 м было обнаружено скопление нескольких разрушенных деревянных конструкций и россыпь камней. Водолазное обследование показало, что найдена часть днища деревянного корабля, лежащая на россыпи гранитных камней, которые, очевидно, составляли часть балласта²⁴. Два других фрагмента — это замытые в грунт части борта или носа корабля. Ещё один фрагмент — борт корабля. Между крупными фрагментами корпуса лежали отдельные детали

набора и доски обшивки, размер которых в длину достигал 9 м и 0,5 м в ширину при толщине в 10 см. Они явно принадлежали очень крупному кораблю. Сечение флортимберсов в днищевой части составляло 35 × 30 см при толщине досок наружной обшивки 10 см, внутренней — 8 см. Ширина кильсона равнялась 0,6 м.

Не было сомнений, что это останки военного корабля, поскольку на днище лежали две пушки разных калибров. Видимая длина одной из них составляла 2,15 м. Кроме того, на оси корпуса сохранились останки деревянной выгородки, которая была идентифицирована как хранилище боеприпасов, поскольку вокруг рассыпано несколько сот ядер и кнпелей. Поднятые образцы имели диаметры 75, 89 и 100 мм, что не соответствовало русским калибрам, но совпадало со стандартами европейской артиллерии. Соответственно калибр 75 мм равен 3-фунтовому калибру европейских пушек (русский 71 мм), 89 мм — европейскому 4-фунтовому (русский 106 мм), 110 мм — европейскому 8-фунтовому калибру (русский 106 мм). Как размеры набора, так и наличие пушек многих калибров указывали на принадлежность находки линейному кораблю. При этом европейские калибры артиллерии косвенно указывали на корабль «Портсмут», который был вооружён датскими пушками, подаренными Петру I королём Фредериком IV. На это же указывало наличие пушек, поскольку с корабля «Лондон» все пушки были сняты ещё в октябре 1719 г. Поэтому найденные останки, обозначенные как «Кронштадт-1», были предварительно идентифицированы как днище корабля «Портсмут», который, как следовало из документов, был затоплен штормом «на глубине» в отличие от «Лондона», стоявшего на мели. Правда, проведённые в районе поиски останков второго корабля результатов не дали, и было сочтено, что корпус «Лондона» мог быть разбит волнами и льдом на мелкие фрагменты, которые унесло наводнениями.

Учитывая ценность объекта, был получен открытый лист на работы по его спасению, и осенью 2008 г. проведена фотофиксация днища с составлением фотоплана для последующих поэтапных раскопок²⁵.

Однако летом 2009 г. компании, добывавшие песок на банке, наняли водолазно-техническую фирму для уборки днища. В результате поспешных и неквалифицированных действий при попытке оторвать конструкцию от грунта она была сломана и развалилась на несколько фрагментов. Часть деталей была поднята, а остальные брошены на дне. Добыча песка была перенесена южнее, а разломанные фрагменты в последующем были подняты группой энтузиастов во главе с М.Л. Копейкиным. После консервации фрагменты переданы в Музей истории Кронштадта.

На дне ещё оставались замытые в грунт части корабля, и в 2014 г. специалистами НЦПИ было проведено повторное обследование дна. Были обнаружены три крупных фрагмента днища с видимыми размерами 3,5 × 2 м., 6,2 × 4 м и 9 × 0,5 м. Проведённое в 2014 и 2015 годах зондирование грунта с помощью параметрического профилографа выявило в его толще ещё несколько крупных инородных фрагментов. Также обнаружили погребённую в осадки россыпь камней, площадь которой оказалась намного больше видимой на поверхности.

Более того, работы по размыву одного из фрагментов позволили найти среди балласта ещё 4 пушки. Две из них были подняты вместе с найденными среди камней ядрами. Их обследование показало, что они имеют калибры, отличные от калибра ядер, а кроме того, имеют следы повреждений, вероятно производственного брака. Это привело к заключению, что найденные пушки, возможно, использовались в качестве балласта, что было распространённой тогда практикой. Этот вывод убирал главный аргумент о принадлежности найденных останков кораблю «Портсмут». Кроме того, исследование поднятых ядер показало, что часть из них имеет клеймо в виде стрелки, которое являлось обозначением изделий английского военно-морского флота.

II. FIELD SURVEYS RESULTS

Возникшие сомнения привели к возобновлению поисков останков второго корабля, которые осенью 2015 г. увенчались успехом. Останки деревянного корпуса были найдены на той же широте, что и первое днище, но восточнее его. Собственно, сначала не было ясно, чем является вновь найденный объект: новым кораблём или фрагментом уже найденного объекта «Кронштадт-1». Зафиксированная гидролокатором конструкция имела размеры 24 м в длину и 10 м в ширину, что вполне соответствовало утраченной части корпуса ранее найденного корабля.

Однако водолазное обследование выявило, что вдоль всего корпуса лежат в сборе киль и кильсон длиной около 36 м. Это свидетельствовало о гибели в этом месте целого корпуса. Размеры кильсона в принципе соответствовали возможной длине корабля «Портсмут». Главное же, что внутри корпуса и на грунте вокруг было найдено 19 пушек с длиной ствола 275 см, которые, без сомнения, являлись вооружением нижней («исподней») палубы линейного корабля. Таковые же могли сохраниться только на останках корабля «Портсмут».

На основании этих данных найденный новый объект, обозначенный как «Кронштадт-2», был идентифицирован в качестве корпуса корабля «Портсмут». Это привело к перекалфикации объекта «Кронштадт-1» в останки корабля «Лондон».

В настоящее время останки корабля представляют собой 24-метровый фрагмент центральной части корпуса, лежащий на дне на глубине 8 м. Судя по кильсону, общая ориентация корпуса была по курсу 110–116 градусов. Находящаяся к юго-западу часть днища разрушена и замыта в осадки. Вдоль неё на грунте лежат многочисленные фрагменты. Северо-восточная часть корпуса возвышается над грунтом на 2,6–3,5 м, причём борт сохраняет обшивку. Отстояние борта от кильсона составляет 5,6–6 м. Внутреннее пространство завалено обломками, ядрами, книпелями и мортирными бомбами, поверх которых лежат пушечные стволы. Несколько пушек лежат на грунте к северо-востоку от корпуса. Отдельные обломки разбросаны по грунту преимущественно на юго-восток на расстоянии до 200 м.

Проведённое в 2016 г. зондирование грунта параметрическим профилографом выявило в этом полигоне и вокруг корпуса значительное количество аномалий, которые, вероятно, также являются замытыми фрагментами корабля.

Изучение обоих объектов продолжается и займёт ещё несколько лет. Окончательная идентификация разрушенных останков обоих корпусов будет возможна лишь после завершения раскопок и подъёма всех лежащих в грунте фрагментов, пушек, ядер, книпелей и других предметов и их изучения.

Учитывая историческую ценность объектов, планируется проведение масштабных подводных раскопок, ориентированных на подъём всех фрагментов. В настоящий момент планируется размыть, поднять, исследовать и музеефицировать все находящиеся на дне и в грунте фрагменты корпусов кораблей.

¹ Кротов П.А. Мемориал русской морской славы Петра I в Санкт-Петербурге // *Он же*. Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013. С. 248–251.

² МИГО. Пг., 1914. Вып. 2. С. 294.

³ Морской атлас. М., 1959. Т. 3: Военно-исторический. Ч. 1: Описания к картам. С. 227–229.

⁴ Лукошков А.В. Подводный музей истории кораблестроения // *Цитадель*. 1997. № 2 (5). С. 20.

⁵ МИГО. С. 258.

⁶ Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 12; Данилов А.М. Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 26–27.

⁷ Кротов П.А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Л., 1987. С. 354, 355, 361, 362.

II. ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ

⁸ *Он же*. Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006. С. 108–109.

⁹ Данилов А.М. Линейные корабли ... С. 24–29.

¹⁰ Там же. С. 26–27.

¹¹ МИГО. С. 294.

¹² Кротов П.А. Строительство Балтийского флота ... С. 354–355, 362.

¹³ Попов Н.А. Материалы для истории морского дела при Петре Великом в 1717–1720 годах. Казань, 1859. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Кротов П.А. Эзельское морское сражение 1719 г. в свете новых данных // «Морским судам быть!...»: Российскому военно-морскому флоту – 300 лет. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 1996. С. 57–72.

¹⁶ Ден Дж. История Российского флота в царствование Петра Великого / пер. с англ. Е.Е. Путьгина,

вступ. ст., науч. редакция и уточнение пер., примеч. П.А. Кротова. СПб., 1999. С. 87–88.

¹⁷ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 432.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 434.

²⁰ Там же. С. 437.

²¹ Беснятых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 147.

²² РГА ВМФ. Ф. 234 (Канцелярия адмирала К.И. Крюйса). Оп. 1. Д. 18. Л. 88.

²³ МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 12.

²⁴ Прахоров Р.Ю. Отчёт об археологических разведках в водах Финского залива Ленинградской области в 2008 году. СПб., 2009.

²⁵ Шмелев К.В. Отчёт о подводных археологических спасательных работах на объекте «Кронштадт-1» (Линейный корабль «Портсмут») в акватории Финского залива в 2009 году. СПб., 2010.

С.А. Козлов

НАЛОГОВО-ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ ПРИСОЕДИНЕНИЯ
КРЫМСКОГО ХАНСТВА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1783 г.*

На протяжении более чем двух столетий «крымский вопрос» оставался важнейшей геополитической проблемой Российского государства и оказывал заметное влияние на складывание фискальных приоритетов страны. Московские князья, получившие из рук ордынцев монопольное право на ярлык Великого княжества Владимирского и обретя тем самым старшинство среди русских князей, после освобождения от ордынской даннической зависимости (1480) в правление Василия III (1505–1533) стали применять титул «белого царя» как знак преемственности власти от сарайских ханов — правителей Белой Орды Джучиева улуса¹.

Материалы, привлечённые В.В. Трепавловым для анализа понятия «белый царь», позволили сделать вывод о его общекультурном распространении, и связано это было «с сакрализацией белого цвета, который уже в архаичных культурах стал соотноситься с верховной властью и её носителями». Как отмечал исследователь, белизна одинаково почиталась у народов, принадлежащих к самым разным культурно-историческим традициям. Те из них, что жили на территории России, восприняли интерпретацию монархического правления, как белого, от двух евразийских империй — Монгольской и Российской².

Непримиримым соперником Российского государства в борьбе за ордынское наследство (Казанское и Астраханское ханства, Ногайскую Орду, Сибирское ханство) в XVI в. выступило Крымское ханство при поддержке османской Турции. Крымские ханы из династии Гиреев периодически получали от Москвы «поминки» (своеобразную дань, «для того чтоб на украинные города не ходили и не розоряли»), что укрепляло их претензии на наследство Золотой Орды. По подсчётам А.А. Новосельского, в первой половине XVII в. средний годовой расход государственных средств на «крымские дела» (включавший «поминки большие и легкие», «раздачи на размене полоняников», содержание послов и гонцов) превышал 26000 рублей. Сумма по тем временам немалая. К примеру, в 1640 г. на строительство городов Вольного и Хотмышска Белгородской Засечной черты из казны было выделено 13532 рубля³. Для «городового строения» «скорым обычаем» были направлены

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Налоги и войны в истории России XVI – XVIII вв.» № 16-01-00066.

воинские отряды под начальством воевод В.И. Толстого и Г.И. Бокина. К весне 1641 г. жилые города-крепости были уже построены⁴. Таким образом, на крымские расходы ежегодно можно было сооружать по четыре города, подобных Хотмышску и Вольному.

Крымские ханы совершали набеги на приграничные русские территории и даже доходили до Москвы. Десятки и сотни русских людей захватывались в плен и продавались в рабство на восточных рынках. Крупнейшим центром работорговли был город Кафа (ныне Феодосия), чрез его рынки ежегодно проходили тысячи невольников-христиан. А.А. Новосельский полагал, что общее количество пленённых татарами русских людей в первую половину XVII в. составляло минимум от 150 до 200 тысяч человек⁵. Требовались колоссальные средства для вызволения соотечественников из неволи. Для этих целей в 50-е годы XVI в. был установлен сбор полоняникам на окуп, который из нерегулярного добровольного пожертвования превратился в ежегодно взимающуюся подать (полоняничные деньги); она собиралась с тяглого населения вплоть до 20-х годов XVIII в.⁶. Выкуп являлся торговой сделкой и превратился в выгодный промысел для крымских и турецких гонцов, устанавливавших высокие цены.

Неся ощутимые людские и финансовые потери, российская власть лишь во второй половине XVII в. борьбу с крымской опасностью выдвинула как приоритетную задачу внешней политики. Как верно заметил Г.А. Санин, на протяжении XVI в. и особенно XVII в. политика России на юге определялась не натиском на Крым, а обороною и постепенным продвижением своих границ в ничейное «Дикое поле»⁷.

По мнению Р.Т. Дейникова, «началом борьбы России за контроль над Северным Причерноморьем является оформление вассалитета Украины по отношению к России и последовавшая за этим борьба за Украину между Россией, Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей. Основным внешним фактором (помимо Украины), который создал условия для продвижения России на юг, явилась необходимость ликвидации грабительских набегов со стороны отдельных крымско-ногайских мурз и всего Крымского ханства на соседние страны, экономический эффект от которых стал одной из основных статей дохода ханства»⁸.

Исследователь выделил следующие основные этапы истории присоединения Крымского ханства к России: первый этап (1654–1681 г.) — установление российского сюзеренитета над Левобережной Украиной; второй этап (80-е годы XVII в. – 1700 г.) — начало открытой борьбы России за контроль над Азовско-Причерноморским регионом (10-е – 20-е годы XVIII в. — временный отход России от активной политики в Причерноморском регионе); третий этап (30-е годы) — попытка России силовыми средствами взять под контроль Северное Причерноморье и Приазовье; четвёртый этап (40-е – 1772 г.) — включение Крымского ханства в орбиту российского влияния; наконец, пятый этап (1772–1783 г.) — «независимость» Крымского ханства под «покровительством» России⁹.

Безусловно, в решающую фазу борьбы за контроль над Северным Причерноморьем Россия вступила в конце 60-х годов XVIII в., это вылилось в русско-турецкие войны (1768–1774, 1787–1791), которые помимо значительных людских ресурсов поглощали колоссальные денежные средства. К войне, объявленной Турцией в 1768 г., налогово-финансовая система Российской империи оказалась вполне подготовленной, её отличала сбалансированность и мобильность.

В первые годы правления Екатерина II (благодаря рачительному хозяйствованию и привлечению дополнительных источников доходов от передачи государству (Коллегии экономики) в 1764 г. 8,5 млн. десятин монастырских земель, свыше 910 тысяч крестьян (душ мужского пола) и более 1,5 млн. рублей ежегодного дохода за счёт оброчных платежей) смогла

ликвидировать доставшийся в наследство бюджетный дефицит и не только держать расходы меньше доходов, но и создать резервный фонд, составивший к началу русско-турецкой войны почти 8,5 млн. рублей¹⁰.

В дополнении к Наказу, составленному для депутатов Уложенной комиссии (1767–1768), Екатерина II так определяла роль, место и значение налогов для общества и государства: «...дань, которую каждый гражданин платит для сохранения своего собственного благосостояния, спокойствия жизни и имения». При этом «легчайшими» могут быть только добровольные налоги, которые «касаются до всех вообще государственных жителей и умножаются по мере роскоши всякого». Если же страна будет «отягчена» податями, то чрез время она станет «обнажена от жителей»¹¹. И поэтому, когда в апреле 1769 г. генерал-прокурор Сената А.А. Вяземский предложил увеличить подушный оклад в связи с растущими «расходами на войну», Екатерина II решительно заявила, что «она на сие согласиться не может и почитает сие за последний ресурс, котораго без самой крайности употреблять не надлежит», а следует «изыскать другия и для народа легчайшия средства»¹².

Но уже вскоре для покрытия военных расходов власти вынуждены были увеличить размеры прямых налогов, взимавшихся с податного населения. Так, сенатским указом от 30 октября 1769 г. городских жителей помимо подушного оклада в размере 1 рубля 20 копеек обязали платить дополнительный сбор — 80 копеек с души, мотивируя тем, что «купцы, заводчики, фабриканты, художники и ремесленники... получая свои прибутки... без всякого себе отягочения и по самой справедливости должны... помочь нынешним государственным нуждам»¹³. Начиная с июля 1769 г. оброчный сбор с крестьян «в Казённом ведомстве состоящих» повысили с 1 и 1,5 до 2 рублей. Вместе с 70-копеечной подушной податью ежегодный платёж в казну для этих категорий крестьян составил 2 рубля 70 копеек с души¹⁴.

Чрезвычайными сборами были обложены также промышленные предприятия, владельцы которых «по причине войны... умножаются подрядами и другими промыслами и получают в военное время новые способы к умножению своего имения». Власти стремились увеличить поступления в казну от косвенных налогов и прежде всего от «питейного сбора». Они неоднократно повышали цену на спиртные напитки, мотивируя тем, что «с кабаков... продажа вольная и к народному отягощению не касающаяся». В 1770 г. цена на вино была повышена с 2 рублей 54 копеек до 3 рублей за одно ведро¹⁵. В целом были увеличены оклады 17 налогов и сборов¹⁶.

Однако всех этих мер было недостаточно, и бюджетный дефицит нарастал. Как явствует из всеподданнейшего доклада генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского, в ноябре 1774 г. «чрезвычайные издержки» государства «на содержание войск» в 1768 г. составляли 1250000 рублей, а уже в 1769 г. — 3887007 рублей, в 1770 г. — 4081139 рублей; «на флот» в 1769 г. — 983352 рубля, в 1770 г. — 1738661 рубль; «на артиллерию и крепости» в 1768 г. — 55000 рублей, в 1769 г. — 986012 рублей, в 1770 г. — 473140 рублей¹⁷. Усиленный рост военных расходов вынуждал власти искать новые, порой нетрадиционные источники доходов. Екатерина II в письме французскому скульптору Э.М. Фальконе призналась, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги¹⁸. Для ликвидации бюджетного дефицита и существенного пополнения казны императрица обратилась к опыту европейских государств и прибегла к внешним и внутренним кредитам.

Дело в том, что военные кампании французских, английских и испанских королевских дворов в XIV–XVII в. зачастую кредитовали иностранные банкирские дома Генуи, Венеции, Флоренции (Чентуриони, Гримальди, Гваданы, Строщи, Сальвиати, Каппони, Альбицци и др.), Антверпена, Амстердама и южно-немецких земель (Клебергеры, Вельзеры, Тухеры, Обрехты и др.)¹⁹. Но вскоре акцент был перенесен на государственные внутренние займы,

которые приобрели небывалые размеры. Важнейшим источником финансирования во Франции являлся выпуск государственных рент, принудительные займы у чиновников, продажа должностей бюрократического аппарата; английское правительство размещало под высокие проценты государственные займы (в виде облигаций) на крупные суммы среди ростовщиков, купцов и предпринимателей²⁰. Широкое использование внутренних займов в европейских странах стало, по мнению В.В. Страхова, одним из решающих факторов появления и быстрого распространения с конца XVII в. бумажных денежных знаков в виде банковских билетов²¹.

Екатерина II впервые в истории России обратилась за крупными кредитами «на ведение войны» к иностранным банкирам, хотя попытки получить займы у европейских банковских компаний предпринимались и ранее. Безуспешно в 1614–1617 г. российские власти пытались занять деньги в Голландии и Англии, а в 1656 г. получить финансовую помощь в Венецианской республике²². Пётр I выступал против иностранных кредитов и после заключения Ништадтского мира с гордостью заявил: «Я только что окончил войну, продолжавшуюся 21 год, не встретив надобности прибегать к заключению государственных займов, и если бы мне, по Божьей воле, пришлось воевать ещё 20 лет, я бы всё-таки воевал, не прибегая к займам»²³.

«Для произведения денежных негоциаций в иностранных землях» был учреждён особый комитет уполномоченных в составе генерал-прокурора Сената А.А. Вяземского, вице-канцлера А.М. Голицына и президента Военной коллегии З.Г. Чернышева. В 1769 г. для покрытия расходов на военно-морские операции русской эскадры в Средиземном море российское правительство заключило через амстердамский банкирский дом Раймонда и Теодора де Смет (Raymond and Theodore de Smeth) договор о внешнем займе на 10 лет в размере 7,5 млн. гульденов.

Банковскую операцию осуществлял петербургский придворный банкир Иван Юрьевич (Ганс Иоргенс) Фредерикс (Фридрикс, Фридерикс), действовавший под фирмой «Velden, Bexter and Fredericks». Его посредничество дорого обходилось казне. Комиссии на денежные операции составляли: «на негоциации — 3 %, на высылку — 2,5 %, на диспозицию денег от продажи казённых консигнаций — 1,5 %, на кредитивы — 2 %». Собственная комиссия И.Ю. Фредерикса составляла 3 %²⁴. Как отмечал И.И. Кауфман, главная особенность внешних займов XVI–XVIII в. состояла в совершенно ростовщических условиях, на которых они заключались. Собственно говоря, их правильнее было бы считать ссудами; во французской практике того времени их называли авансами²⁵.

Первый иностранный заём для России был пятипроцентный и заключался под залог таможенных доходов прибалтийских портов, «а особливо — эстляндския и лифляндския пошлины за привозные и отвозные товары Риги, Пернова, Ревеля и Нарвы». По истечении пяти лет российское правительство получало право погасить его целиком или по частям. Реализация облигаций займа по 500 тысяч гульденов каждая (с подписями членов Комитета уполномоченных) продолжалась до 1772 г. Амстердамский банкирский дом Раймонда и Теодора де Смет предложил российской стороне реализовать новые финансовые сделки на сумму 1,5 и 2,5 млн. гульденов²⁶.

По рекомендации де Смет осенью 1770 г. российские власти начали также переговоры в Генуе с банкиром маркизом Мавруцием (Maugici) о пятипроцентном займе в 1 млн. пиастров «на нужды средиземноморской экспедиции»²⁷. Под залог брались «казённые доходы... империи и особенно получаемые по питейным сборам». Кредит был предоставлен, однако доставка в Россию его основной части затянулась до 1773 г.

Постоянная нехватка наличности и прежде всего «твёрдой» валюты подтолкнула российские власти в 1768 г. заключить контракт с петербургским ювелиром И.Б. Гассом на изготовление секретных штемпелей для золотых голландских дукатов. Началась их тайная

чеканка в Петропавловской крепости. Затем поддельные монеты перебрасывались на корабли в Европу. Для того чтобы «закамуфлировать» их появление, российские власти для отвода глаз производили вексельные операции через банкиров.

6 мая 1769 г. Екатерина II в письме А.Г. Орлову отмечала: «У нас за деньгами по сих пор не стало, слава Богу, сверх двухсот тысяч, кои вам уже ассигнованы; я ещё триста тысяч держу для вас в готовности — морских не в счёт, для них особые деньги будут»²⁸. Экспедиция русского флота под командованием А.Г. Орлова, адмиралов Г.А. Спиридова и И.С. Грейга, обогнув Европу, появилась в Средиземном море и 25–26 июня 1770 г. в Чесменской бухте у берегов Малой Азии разгромила турецкий флот. Финансовым обеспечением этой победы стали голландские гульден, полученные от внешних займов и «особые деньги», отчеканенные в Петербурге.

Однако обращение российских властей к внутренним кредитам и, как следствие, выпуск бумажных денег стали одной из наиболее масштабных финансовых мер в годы русско-турецкой войны (1768–1774). Идея о хождении бумажных денег не была нова. С подобным проектом в правление Елизаветы Петровны выступал граф П.И. Шувалов. Сенат отверг его, мотивируя тем, что «весьма предосудительно будет, ежели вместо денег будут ходить бумажки». 22 мая 1762 г. указ о напечатании 5 млн. «бумажных» рублей издал Пётр III, но он не был реализован²⁹.

Проект, подготовленный по поручению Екатерины II генерал-прокурором Сената А.А. Вяземским (1768), прямо указывал на причины выпуска новых платёжных средств: «...для начинающейся войны на расходы первой кампании необходимо учредить бумажные ассигнации, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам». С этой целью было предложено собрать в Москве и Санкт-Петербурге до 1 млн. рублей капитала медными деньгами и выпустить на такую же сумму ассигнаций «чрез Комиссариатскую и Провиантскую канцелярии, но с тем чтобы разменивать их в учреждённых для того банках»³⁰. Власти обязались принимать ассигнации в счёт налоговых платежей.

29 декабря 1768 г. был обнародован манифест «Об учреждении в Санкт-Петербурге и Москве государственных банков для вымена ассигнаций». В нём отмечалось: «...великий есть недостаток в том, что нет ещё в России по примеру разных европейских областей таких учреждённых мест, которые бы чинили надлежащие денег обороты и переводили бы всюду частных людей капиталы без малейшего замедления и согласно с пользою каждого»³¹. Спрос на ассигнации оказался так велик, что при их выдаче взимался сбор (0,5; 0,25 %). В городах стал ощущаться недостаток мелких разменных монет. Это заставило власти учредить в российских городах 22 разменные конторы. Выпуск ассигнаций не ограничился 1 млн. рублей, и в 1769 г. их сумма достигла 2 млн., а в 1774 г. превысила 20 млн. рублей. Обеспокоенная сложившейся ситуацией Екатерина II повелела «ограничить количество государственных ассигнаций, из банков в казённые места и в публику выдаваемых»³². Но вскоре этот указ пришлось нарушить...

Привлечение новых архивных материалов позволило В.В. Морозану показать, что ассигнационные банки занимались несвойственными им ссудными операциями, получая по ним 5 % годовых. При этом основным заёмщиком была казна. «Вопреки установленным нормам, которые не предусматривали каких-либо ссудных операций, правительство регулярно прибегало к заимствованиям огромных сумм на свои нужды»³³, — отмечал исследователь. При этом основная масса денег шла на военные нужды.

Указ Екатерины II Ассигнационному банку от 24 августа 1769 г. предписывал: «...для нынешнего военного случая как теперь, так и впредь вступающую в банк для вымена государственных ассигнаций золотую и серебряную монету по письменному требованию

генерал-прокурора обменивать на медные деньги, которые для сего присылаемы от него будут»³⁴. Как правило, «ассигнационные кредиты» носили долгосрочный характер и не имели чёткие временные рамки. К примеру, в 1771 г. императрица повелела выделить генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому 3 млн. рублей в виде беспроцентного кредита (без указания расходных статей), который должен был погашаться главным государственным казначеем мелкими долями в течение 10 лет. Изучение сохранившихся балансов ассигнационных банков в Петербурге и Москве показывает, что в интересах казны также придерживались значительные запасы серебряной и золотой монеты, которые использовались властями для оплаты внешних расходов и займов³⁵.

Итак, денежные средства на ведение изнурительной и кровопролитной военной кампании российскими властями были найдены. Из 47,5 млн. рублей, составивших расходы на войну с Турцией, за счёт налогов было собрано 20 млн. рублей, ещё 15 млн. поступило от «сбережения в обыкновенных расходах», а оставшиеся 12,5 млн. рублей власти добыли благодаря выпуску бумажных денег³⁶. Россия одержала победу и согласно статьям Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. получила плодородные земли Северного Причерноморья, право иметь военно-морской флот на Чёрном море, а её торговые корабли могли беспрепятственно проходить через пролив Босфор и Дарданеллы. Российская империя получила «в полное, вечное и непрекословное владение» крепости Еникале и Керчь, «лежащие на полуострове Крымском», Азов и Кинбурн с округой. Престижной была и контрибуция в 15 тысяч кошельков (4,5 млн. рублей серебром), которую обязалась выплатить турецкая сторона.

Крымские, кубанские и другие татарские народы «без изъятия обеих империй» были признаны «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавною властью собственного их хана...»³⁷. Крымское ханство оказалось оторвано от Османской Порты, и, как верно отметила С.Ф. Орешкова, «складывались новые условия существования государственности крымских татар — не как вассала Османской империи, а как самостоятельного государства, хотя и находящегося в сфере влияния Российской империи». Однако из-за противостояния двух империй в регионе нельзя было рассчитывать на сохранение независимого государства, занимающего столь важное геостратегическое положение. По образному выражению Р.Т. Дейникова, вопрос стоял лишь в том, в руки какой из империй упадёт, как перезревшее яблоко, Крымское ханство...³⁸ К началу 80-х годов XVIII в. борьба за Крым между Россией и Турцией вступила в заключительную фазу.

Подписание Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. позволило российским властям сократить расходы на армию, стабилизировать налогово-финансовую систему и вернуться к бюджету мирного времени. Чрезвычайные платежи военного времени (80-копеечный налог с горожан, сборы с промышленных предприятий, часть канцелярских сборов) были отменены.

Особое внимание уделялось погашению внешних займов. В письме российскому послу в Стамбуле Н.В. Репнину от 11 июля 1775 г. Екатерина II предписывала «принимаемые от Оттоманской Порты деньги хранить в наличности» и далее продолжала: «Я забочусь об аккуратности в платежах вообще, и вам небезызвестно, что в мое царствование дошло у нас до степени, на которой прежде никогда не было, независимо от кредита, этим нам доставляемого, мы возбуждаем изумление иностранцев. Я должна голландцам довольно значительную сумму, я очень дорожу для поддержания нашего кредита тем, чтобы следующая к платежу часть была внесена в срок, при первой возможности сделав это в то время, когда мы только что оканчиваем войну, и не отсрочивая платежей, мы ещё более удивим»³⁹.

Так, уже 26 февраля 1775 г. императрица повелела доставить из Стамбула в Голландию 1 млн. рублей из турецкой контрибуции для оплаты сделанных во время войны долгов⁴⁰. 12 ноября 1775 г. российские власти начали погашение генуэзского долга, используя для это-

го векселя из контрибуционной суммы Оттоманской Порты и деньги, вырученные от продажи товаров запасных фондов «на военные нужды»⁴¹. 30 июня 1776 г. на платежи от займов направили 80 % от суммы, поступившей из Турции, а уже 19 сентября перечислили все поступившие турецкие контрибуционные деньги⁴². В результате удалось полностью погасить генуэзский заём, а из голландского долга было погашено 3,5 млн. гульденов. По истечении срока в 1779 г. выплата оставшейся суммы внешнего долга — 8 млн. гульденов — была отсрочена на 10 лет с конверсией займа с пятипроцентного в четырёхпроцентный⁴³. Безусловно, это свидетельствовало о хорошем состоянии русского государственного кредита, свои плоды принесла и объявленная российскими властями компания по экономии бюджетных средств. Однако «новые турецкие опасности» вынуждали Екатерину II содержать огромную армию; необходимо было также накопить значительные денежные резервы. И в начале 80-х годов XVIII в. расходы казны устремились вверх...

Российские власти стремились «навечно» закрепить за собой геополитические преимущества, полученные в результате победоносной русско-турецкой войны (1768–1774). Во-первых, плодородные земли Северного Причерноморья стали объектом хозяйственного освоения. Во-вторых, провозглашение Крымского ханства независимым государством укрепило безопасность южных границ России. В то же время русско-турецкое соперничество лишь усилилось, и каждая из сторон стремилась овладеть Крымом и укрепить свои позиции на Черном море. Как отмечал Н.И. Павленко, турки использовали самые разные методы: и смещение неугодных им ханов, и грубое нарушение условий Кючук-Кайнарджийского мира. События показали, что Крымское ханство не могло существовать в качестве суверенного государства и что оно оставалось постоянным объектом соперничества между более сильными соседями. Разрубить этот узел можно только одним способом — присоединить Крым к России⁴⁴.

Инициатором и исполнителем плана присоединения Крымского ханства к России стал вице-президент (с 1784 г. президент) Военной коллегии генерал-аншеф Г.А. Потёмкин. В 1775 г. власти учредили новую, Азовскую губернию, в состав которой вошла территория Войска Донского, а земли упразднённой Запорожской Сечи присоединили к Новороссийской губернии (образована в 1764 г.). Г.А. Потёмкин стал генерал-губернатором обеих губерний, и его деятельность в этот период была направлена на организацию базы для дальнейшего продвижения России в Северном Причерноморье⁴⁵. Наместник Новороссии подыскивал наиболее удобные места в пустынной степи («Диком поле») для строительства новых городов и крепостей. В 1776 г. на реке Кильчень был основан губернский город Екатеринослав, который, однако, из-за частых наводнений и болотистой почвы вскоре был оставлен. В 1778 г. были заложены крепость, верфь и город Херсон — любимое детище Г.А. Потёмкина. Он мечтал сделать город знаменитым и цветущим, каким был в древности Херсонес Таврический, и в письме Екатерине II (1783) восклицал: «Петербург, поставленный у Балтики, — северная столица России, средняя — Москва, а Херсон Ахтиярский да будет столица полуденная моей государыни»⁴⁶. С 1779 г. под руководством Г.А. Потёмкина велось строительство флота на Черном море.

Наместник Новороссии считал, что главная опасность, исходящая от Крыма, состояла в том, что полуостров «положением своим разрывает наши границы». По его убеждению, присоединение «крымских земель» к России, помимо «прекрасного положения границ», сулило следующие выгоды: «свободное мореплавание по Черному морю» и избавляло российские власти от «трудного» содержания крепостей «на отдалённых пунктах»⁴⁷.

В письме, направленном Екатерине II в декабре 1782 г., Г.А. Потёмкин призывал императрицу: «Презирайте зависть, которая вам препятствовать не в силах. Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику.

Цесарцы без войны у турков в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить вас не может, а только покой доставит... С Крымом достанется и господство в Черном море. От вас зависеть будет запираеть ход туркам и кормить их или морить с голоду»⁴⁸.

«Высочайшего соизволения» не пришлось долго ждать... 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала Манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую державу». По мнению императрицы, «мятежи» и «вредныя волнования» продемонстрировали неспособность крымских татар создать независимое государство, а провокации и агрессивная политика Турции свели на нет все усилия по сохранению стабильности в регионе. Поддержание мира затребовало от российских властей «знатных издержек, простирающихся по верному исчислению за двенадцать миллионов рублей, не включая тут потерю людей, которая выше всякой денежной оценки»⁴⁹. Манифест гарантировал крымским татарам соблюдение их прав собственности, уважение их религии и провозглашал равные права с другими подданными Российской империи.

28 июля 1783 г. Екатерина II «получила известие» «о принятии крымских жителей и прочих татарских народов в российское подданство» и в тот же день именным указом определила номенклатуру налоговых платежей в казну для «новоприсоединённых земель»: «таможенные — с соли, с озёр продаваемой», «поземельной и десятинной» вместо традиционной для России подушной подати. Императрица повелела «наблюдать», чтобы взимаемые налоги и сборы «оня отнюдь не были в тягость народную»⁵⁰. Мусульманское духовенство российские власти вообще освободили от налоговых платежей⁵¹.

Именной указ также предписывал новороссийскому генерал-губернатору Г.А. Потёмкину «определить надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школам их и на другия тому подобныя полезныя дела; на разныя нужныя публичныя здания и особливо на фантаны, для выгоды народной, из коих один на память толь знаменитаго происшествия, каково есть присоединение Крыма... основать и соорудить в пристойном месте»⁵².

В результате слияния Азовской и Новороссийской губерний в 1783 г. было образовано Екатеринославское наместничество (центр — г. Кременчуг). 2 февраля 1784 г. именным указом данным Сенату учреждена Таврическая область, в границы которой вошли полуостров Крым, земли от Перекопа до пределов Екатеринославского наместничества и остров Тамань. В указе особо подчеркивалось: «...с умножением населения и разных нужных заведений» Таврическая область будет преобразована в губернию⁵³. 8 марта 1784 г. был утвержден герб Таврической области: «в золотом поле двухглавый орел, в груди онаго в голубом поле золотый осьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло»⁵⁴. По мнению М.А. Никифорова, символическое значение для отечественной истории Херсонеса также послужило обоснованием присоединения Крымского полуострова к России⁵⁵.

Управление новой административной единицей «препоручалось» генерал-губернатору Екатеринославского наместничества Г.А. Потёмкину, в обязанности которого входило «разделить область на уезды, назначить города» и открыть в них присутственные места соответственно количеству жителей. С деятельностью Г.А. Потёмкина связано возникновение, успешное развитие и последующее процветание причерноморских городов. Так, уже в 1784 г. были заложены Севастополь (на берегу Ахтиярской бухты) и Екатеринослав (на правом берегу Днепра). Каждый из новых городов Екатеринославского наместничества выполнял важнейшие функции: Екатеринослав — административного центра, Херсон, Севастополь — гавани для военно-морского флота, Николаев, Херсон — центры кораблестроения.

О том, какое исключительное значение придавалось обустройству новых территорий, свидетельствует именным указ Екатерины II генерал-фельдмаршалу Г.А. Потёмкину от 15 августа 1785 г. Согласно ему на строительство крепости и Адмиралтейства в Севастополе, старого замка с небольшим наружным укреплением в Евпатории, возобновление городского строения в Феодосии «с ограждением морской стороны батареями», а также строительство каменной дороги с каменными мостами через Днепр и канала от Днепра в губу при Збурьевском ретраншементе, сооружение мостов при соляных озёрах из казны выделялось 5758745 рублей. Вначале было определено 3000000 рублей — в счёт налогов, собранных с Екатеринославского наместничества и Таврической области. Далее указом предписывалось: если в короткое время «сия сумма возвращена будет, остальные ж деньги могут быть назначены в своё время из общих государственных доходов»⁵⁶.

Однако местные власти не могли «исполнить» «высочайший» указ и вернуть деньги в казну. И этому были объективные причины. Как явствует из опубликованных А.Н. Куломзинным «Генеральных табелей о государственных доходах, расходах и остатке» (п. 1–35), в Екатеринославской губернии в 1785 г. было собрано налогов на сумму 499692 рубля 69 копеек. Данных по Таврической области в табели «не показано за неимением сведения о вступаемых в оной государственных доходах». Из этой суммы центральные власти оставили на расходы и «употребления» в губернии (п. 2, 8, 12, 28) 415308 рублей 44 копейки, что составляло 83 % от общей суммы налоговых поступлений в казну. В 1786 г. Екатеринославская губерния собрала налоговых платежей на сумму 401186 рублей 52 копейки, на губернские расходы оставалось — 316802 рубля 27 копеек (т. е. 79 % от общей суммы). Для сравнения: в 1786 г., например, в Рижской губернии оставалось 53 % (из 1437755 рублей 68 копеек — 764060 рублей 35 копеек), Казанской губернии — 18 % (из 1492192 рублей 68 копеек — 267821 рубль 80 копеек), Санкт-Петербургской губернии — 13 % (из 4912485 рублей 88 копеек — 625671 рубль 5 копеек). Следует сказать, что в 1787 г. вся сумма от налоговых поступлений из Екатеринославской губернии в размере 527067 рублей 98 копеек осталась в казне и была израсходована на общегосударственные нужды⁵⁷. Итак, расчёты показывают, что на возврат займа, выделенного казной под гарантии налоговых поступлений, Екатеринославской губернии и Таврической области потребовалось бы не менее 6–7 «мирных» лет.

Но в стране заканчивалась мирная передышка, и если в предвоенном 1786 г. в ведомости о займах, выданных Ассигнационным банком по предписаниям именных указов, упоминались 3000000 рублей, «отпущенных в распоряжение Потёмкина для южной России», то в послевоенном 1794 г. в отчёте о государственных долгах, представленном императрице генерал-прокурором Сената А.Н. Самойловым, уже был зафиксирован «долг ведомства князя Потёмкина по управлению южными губерниями» в размере 7650000 рублей⁵⁸.

Повышение эффективности сбора налогов и включение региона в бюджетно-финансовую систему Российской империи на принципах самокупаемости во многом зависели от успехов в хозяйственном освоении Крымского полуострова. Поэтому экономическое возрождение присоединённых территорий и одновременно формирование местных налоговых органов стали важнейшими направлениями деятельности наместника Тавриды Г.А. Потёмкина.

27 февраля 1787 г. начала функционировать Таврическая областная казённая палата — главное административное фискальное учреждение, подчинявшееся непосредственно правителю области В.В. Каховскому. Казённая палата осуществляла контроль над таврическими соляной, таможенной, винной и счётной экспедициями. Денежные суммы, поступавшие в Казённую палату делились на окладные (с купеческого капитала, с мещан и цеховых ремесленников), неокладные (таможенные сборы и судебные пошлины), «статские»

(за повышение в чинах и др.) и «неокладные, временно поступаемые». Статьи расходов включали «статские» (на выплату жалования чиновникам), «на непредвиденные расходы и прочие нужды». В подчинении у Таврической областной казённой палаты находились уездные казначейства, которые ведали приемом и хранением денежных сборов, выдачей свидетельств на право торговли и разрешений на промысел⁵⁹.

По поручению Г.А. Потёмкина командующий русскими войсками в Крыму О.А. Ингельстром в июне 1784 г. представил «Регистр разным письмам, изыскивающим состояние Крымского полуострова и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 г.». Ф.Ф. Лашков в 1897 г. опубликовал этот сборник документов под названием «Камеральное описание Крыма»⁶⁰. 20 пунктов регистра из 63 были посвящены описанию доходов, получаемых ханом. Их общая сумма в 1777 г. составила 345612 рублей 50 копеек. Как верно заметил П.Н. Марциновский, «цифра является слишком большим допущением, поскольку были суммированы все максимальные доходы, даже те, которые в иные годы не собирались»⁶¹. Главное, что собранные сведения об основных статьях «крымских доходов» позволяли российским властям наиболее рационально осуществлять промышленное и сельскохозяйственное освоение края.

Прежде всего новый импульс получило развитие двух традиционных и весьма прибыльных промыслов — соляного и рыболовного. Знаменитая крымская розовая соль «с запахом малины», поставлявшаяся к султанскому двору в Стамбул, стала экспортным товаром и приносила немалый доход Таврической области. Для облегчения добычи высококачественной соли в Перекопском уезде при озёрах строились мосты, а для хранения соли оборудовались специальные помещения. При «выволочке» соли казна использовала наёмную рабочую силу и платила по копейке за добытый пуд соли. В 1787 г., «чтобы умножить доход казённый и приохотить рабочих людей» к добычи озёрной соли, была увеличена цена до 2 копеек с пуда⁶². Местные власти передавали крымские соляные промыслы на откуп, как правило, на 10 лет с ежегодной выплатой в казну. Откупщик обязан был обустроить месторождение, взамен ему разрешалось продавать соль беспошлинно и по любой цене в Екатеринославской и других губерниях⁶³. Объём соледобычи постоянно рос. Например, в 1784 г. через Перекоп было вывезено 8134 фуры с солью и продано 2 млн. пудов, но уже в конце XVIII в. ежегодно добывали около 3 млн. пудов соли⁶⁴. На откуп отдавалась и рыбная ловля. Обычно покупателями откупов являлись запорожские «войсковые товарищи». Среди промысловых рыб были рыбная мелочь (хамса, килька, ставрида, луфарь, ласкирь, султанка, сельдь) и ценные осетровые породы. Путешествовавший в 1799 г. «по всему Крыму» писатель и сенатор П.И. Сумароков с восторгом писал, что «у берегов Кафы ловятся лучшая устрицы, и их, равно муселей, великое множество». И далее вояжёр продолжал: «Приезжающие сюда из Польши промышленники скупают всякую вяленую, копчёную и солёную рыбу, притом несколько оной идет и внутрь России. В иных местах цена ей столь низка, что ведро трепещущих рыб или сотня устриц не дороже 20 копеек продается»⁶⁵.

В промышленных масштабах (помимо соли) на Крымском полуострове в окрестностях деревень Сабла и Инкерман добывали синюю глину (киль), которая использовалась для изготовления мыла. Добыча «земляного мыла» была отдана на откуп за 1800 рублей в год. При этом откуп разделили. Один откупщик получил право продавать мыло только за границу по 3 рубля воз весом в 385 килограммов, а другой продавал в Крыму по 75 копеек за 3 фунта. В начале 80-х годов объём добычи составлял более 700000 фунтов, что равняется 280 тоннам⁶⁶.

Таврическое областное правление заботилось о развитии скотоводства, которое тысячелетиями составляло основу хозяйственного уклада Северного Причерноморья и при

должной организации могло приносить большие доходы казне. По подсчётам Е.А. Мальгина, поголовье скота в крае в 80-х годах составляло 900000 голов, большинство из которых приходилось на овец⁶⁷. По распоряжению Г.А. Потёмкина (2 апреля 1785 г.) особую породу серых овец отделили от простых и держали в Козловском и Тарханкутском кадылыках за счёт казны. В записке императрице (октябрь 1786 г.) наместник Тавриды отмечал: «Полуденные места империи вашей изобилуют руноносным скотом почти больше, нежели вся Европа вместе. Переменив шерсть в лутчую чрез способы верные и простые, превзойдет в количестве сукон все прочие государства. Из всех мест, где находятся лутчие бараны, я выписал самцов, которые и ожидаю на будущее лето»⁶⁸. Шерсть была необходима для производства сукна на нужды армии, как и разных других рукоделий, и поэтому именным указом от 14 августа 1783 г. предписывалось «заведение фабрики суконной» и приглашение для этих целей «мастеров... из чужих краёв»⁶⁹. Частными предпринимателями были организованы в крае мануфактуры по обработке кожи: сафьяновые — по выделке козьей кожи высокого качества; мешиновые — по обработке сырой овечьей кожи с шерстью низкого качества. В Бахчисарае находилось 22 сафьяновых и мешиновых завода. В Карасубазаре — 13 сафьяновых и мешиновых завода, а также 8 сыромятен⁷⁰.

Обширные плодородные земли Северного Причерноморья благоприятствовали садоводству, виноградарству и виноделию, а также выращиванию пшеницы. В 1783 г. французский садовод И. Банк был назначен директором таврических садов; в 1786 г. его сменил Я. Фабр. Им было поручено разведение лучших сортов винограда. С этой целью были выписаны 20000 токайских лоз, но опыт разведения на полуострове не имел желанного успеха «по причине дурного выбора места». Приглашённые из «немецких земель» виноделы Грунтвал, Ортлин и другие «лучшие садовники винограда» стали насаждать на юге (Мангупский и Судакский районы) и юго-западе Крыма высококачественные виноградные лозы из Франции (Малага), с островов греческого Архипелага (Тенедос, Занте) и с Рейна⁷¹.

«Продажа винная» в Таврической области (согласно ордеру Г.А. Потёмкина командующему русскими войсками в Крыму О.А. Ингельструму от 16 октября 1783 г.) была отдана на четыре года на откуп «елисаветградскому» купцу Ивану Красноглазову «за плату в казну в первый год по 80-ти, а в последующие — на 50000 рублей, а всего за сто восемьдесят тысяч рублей, в чем и контрактом он обязан». В дальнейшем откупной контракт был вновь продлён с купцом на условиях «получения в казну по пятидесяти тысяч рублей ежегодно платежа».

Винная экспедиция Таврической областной казённой палаты ведала не только налоговыми сборами, но и контролировала реализацию и оборот спиртных напитков, их качество. Так, были выявлены случаи разбавления французской водки водой или вином, смешивания горячего вина и сикизской водки и, наконец, продажи под видом французской виноградной водки. По распоряжению Казённой палаты контрафактная продукция изымалась, а лица, виновные в её изготовлении и реализации, привлекались к ответственности. Кроме того, именным указом с 1 марта 1785 г. был запрещён привоз к черноморским портам французской водки «для одобрения» жителей южных губерний «к заведению делания водки на тот образ, из которого они немалую для себя прибыль получить могут, и таковыя заведения охранять от всяких притеснений или принуждений»⁷². П.И. Сумароков называл основными причинами плохой конкурентоспособности крымского виноделия в конце XVIII в. «недостаток искусных мастеров, неосмотрительность в разборе винограда, нерадение о лучших качествах онаго и поспешность в продаже вин»⁷³.

Местная власть предприняла попытку разведения шелковичных плантаций в округе Старого Крыма. Приглашённый из Милана «мастер-садовник» Парма (контракт был

подписан 6 апреля 1786 г.) получил из государственного питомника 1850 десятин земли и посадил несколько тысяч тутовых деревьев. Но устроить шелкопрядильную фабрику в Крыму не удалось. Теплолюбивые деревья прививались с трудом, и в итоге казённые плантации пришли в запустение⁷⁴.

Власти Крыма стремились снизить зависимость края от дорогостоящего завоза зерна из центральных районов империи и поэтому особое внимание уделяли развитию земледелия. В 1787 г. правитель Таврической области В.В. Каховский распорядился, чтобы на каждый дом было высеяно по три четверти озимого хлеба. Была проведена также ревизия плодородных земель с целью выявления «пустых» площадей. О некоторых успехах в хлебопашестве свидетельствовало снижение закупок пшеницы и ячменя в центральных губерниях: от 20000 четвертей хлеба в 1787 г. до 3000–4000 четвертей хлеба в 1788 г. Несмотря на частые неурожайные годы, тенденция быстрого роста хлебопашества в Крыму «обнаружилась вполне определённо»⁷⁵.

Постоянно растущие расходы «по управлению южными губерниями» российские власти могли бы отчасти компенсировать за счёт доходов, получаемых от таможенного обложения в регионе. Однако в 1783 г., стремясь улучшить торговую деятельность в Крыму, правительство отменило внутренние пошлины. По мнению Е.И. Дружининой, эта мера заметно оживила торговые связи внутри Таврической области и способствовала восстановлению городов как экономических центров⁷⁶.

Манифестом от 22 февраля 1784 г. объявлялось о свободной торговле в «новопостроенных» портах — Херсоне, Севастополе и Феодосии — «для всех народов, в дружбе с империей пребывающих». С 1 января 1786 г. «пристани, в полуострове Таврическом лежащая», освобождалась на 5 лет от платежа пошлин⁷⁷. Все эти меры были направлены на активизацию экспорта и импорта товаров через Черноморские порты. Однако российские власти столкнулись с нехваткой торговых судов для выхода на рынки Средиземноморья. Начался поиск иностранного партнёра, готового осуществлять коммерческие рейсы под русским флагом. Конкурентным преимуществом российской стороны было то, что только её торговые суда, согласно условиям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. (артикул 11), могли свободно и беспошлинно пересекать Черноморские проливы. В результате партнёрами стали купцы из Марселя и Вены, открывшие в Херсоне торговые конторы — Антуан, Сен-Сорон и К°, Фабри и К°, а также польская фирма Перрото⁷⁸. По подсчётам А.А. Семёнова и Е.И. Дружининой, оборот черноморской торговли за четверть века (1778–1804) увеличился в 11,7 раза, в то время как сумма общеевропейского оборота торговли России возросла за тот же период в 2,4 раза⁷⁹. Пророческими звучат сегодня слова писателя и путешественника В.В. Измайлова (1773–1830): «Черноморская торговля может сделаться со временем выгоднее балтийской, но торговля, подобно искусствам и наукам, любит процветать под сению мира. Тогда наши корабли приходили б в Средиземное море наделять Южную Европу российскими произведениями; другие народы притекали б к нам в свою очередь пользоваться взаимною меною; и размножение источников торговли обогатило бы наше Отечество новыми отраслями изобилия и новыми способами промышленности»⁸⁰.

Рассматривая историю становления налогово-финансовых институтов в Таврической области, необходимо отметить, что одним из главных препятствий в хозяйственном освоении региона была катастрофическая нехватка людских ресурсов. Современники оценивали численность мужского населения Крымского ханства незадолго до присоединения к Российской империи в 1783 г. в 50–56 тысяч человек. Этот показатель является довольно приблизительным, но отсутствие более точных данных не оставляет выбора⁸¹. Адьонкт Академии наук (впоследствии академик) В.Ф. Зуев, побывавший в 1782 г. в Крыму с научными целями,

сообщал в «Путешественных записках», что «лет за пятнадцать» до экспедиции «сей полуостров был заселён чрезвычайно и был весьма многолюден». «Сказывают, что тогда в нём было сот до двенадцати деревень, — отмечал учёный, — да и, вероятно, последние крымские замешательства довели его до того, что он потерял от своих жителей и селений более двух третей, и ныне куда ни поедешь, везде встречаются одне только развалины больших слобод и пустыри бывших деревень»⁸². Жители полуострова (татары, караимы, греки, армяне и др.), «спасая себя от бедствий», переселялись в Турцию и Россию, а также за Кубань к абазинцам и черкесам.

Российские власти организовали кампанию по вербовке и переселению в Таврическую область подданных из европейских государств, Османской империи (греки, молдаване, валахи, болгары и др.), а также жителей внутренних губерний России. Администрация Таврической области осуществляла приём и обустройство переселенцев. По распоряжению Г.А. Потёмкина (ордер от 25 июня 1784 г.) каждый поселенец за казённый счёт получал «пару волов, лошадь и корову и всю сбрую, нужную для хозяйства землю... по осьми десятинам, не включая неудобной»⁸³. Большинство поселенцев были холосты, и поэтому всячески поощрялось обзаведение семьей на месте. В условиях острой нехватки рабочих рук местные власти пытались «выписать» каторжников и принимали беглых людей. По результатам V ревизии Российской империи (1793–1795), население Таврической области составляло 156000 человек, из них 25000 — колонисты, заселившие край за десять лет (с 1783 г.). В крымских городах проживало 12–15 % общей численности населения полуострова⁸⁴.

Эффективность колонизационной политики во многом была обусловлена освобождением переселенцев в Крым от уплаты налогов и сборов на срок от 5 до 30 лет. По подсчётам Д.А. Прохорова (на основе отчётных ведомостей Таврической областной казённой палаты), на конец 1796 г. в крае насчитывалось 57395 человек, «не плативших податей»; количество податного населения равнялось 16002 человекам, что составляло около 22 %⁸⁵. Всё это способствовало быстрому обустройству колонистов и появлению в Северном Причерноморье «новопостроенных» крепостей, городов и портов.

В успехах колонизации и хозяйственного развития Крымского полуострова императрица Екатерина II хотела убедиться лично, и поэтому она приняла предложение генерал-губернатора Екатеринославской губернии и Таврической области Г.А. Потёмкина совершить поездку в «полуденный край». С 7 января по 11 июля 1787 г. императрица проделала путь от Санкт-Петербурга до Крыма и обратно. Это было самое знаменитое и масштабное путешествие монарха в истории России⁸⁶. Венценосное путешествие было не только инспекционной поездкой по новоприсоединённым территориям, но в первую очередь внешнеполитической акцией.

Екатерину II сопровождали дипломаты европейских государств А. Фицгерберт (Великобритания), Л.-Ф. де Сегюр (Франция), И.Л. Кобенцель (Австрия), принцы Ш.-Ж. де Линь и К.Г. Нассау-Зиген. В путешествии российская императрица встречалась с императором Священной Римской империи Иосифом II и королём Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским. В честь царственного похода была выбита медаль с надписью, выбранной Екатериной II: «Путь на пользу!».

Г.А. Потёмкин в письме генерал-аншефу А.В. Суворову, состоявшему при Екатеринославской армии, так объяснял «тайный» замысел путешествия в Тавриду: «Турки готовы броситься на нас. Шведы к ним пристанут. В Европе считают, что Россия на волосок от гибели... Казна разорена войной и роскошью двора, армия расстроена, её нечем кормить и не во что одеть. Для новых контингентов нет оружия... Не будем прятать голову в кусты. Опасность

велика. Наши слабости преувеличивают, но они есть!». И далее наместник Тавриды заключал: «Надо показать гостям императрицы, что все эти рассказы вздор. Россия сильна! Готова отстаивать себя и твёрдой ногой стоит на Черном море! Нам нужны союзники для предстоящей войны!»⁸⁷.

Финансирование венценосного путешествия было возложено на Кабинет императрицы, центральные и местные учреждения. Ряд исследователей указывали (без ссылки на источник), что на задуманное с большим размахом путешествие в Тавриду казна потратила гигантскую сумму — 15 млн. рублей⁸⁸, что представляется маловероятным.

По подсчётам А.Н. Куломзина, государственные расходы в 1787 г. составили 55666665 рублей, из них «обыкновенные» достигли 40821641 рубль, а «временные и чрезвычайные» 14845024 рубля. При этом общие расходы так называемого «ведомства... Г.А. Потёмкина» составили 5102096 рублей 69 копеек и включали траты «по известному секретному указу» — 3769934 рубля 36 копеек, «для разных строений и работ в городе Херсоне» — 261559 рублей 24 копейки, «на платежи херсонским плотникам» — 180000 рублей и др. Кроме того, отдельными статьями было выделено «на строение дворцов и мостов по дороге к Херсону» 273340 рублей 99 копеек, «на расходы по Екатеринославской губернии и Таврической области» 919581 рубль 66,5 копеек, «на Черноморский флот в ведомство... Г.А. Потёмкина» 804958 рублей 84,5 копейки⁸⁹. Как видно, российские власти финансировали в Причерноморье строительство городов и флота. Упомянуты так называемые «секретные» расходы (составившие в 1787 г. 3769934 рубля 36 копеек), часть из которых, вероятно, была израсходована на организацию венценосного путешествия в Крым. По распоряжению Г.А. Потёмкина Казённая палата Таврической области выделила на «подготовку к приезду» российской императрицы 205585 рублей, собранных Соляной экспедицией⁹⁰.

Традиционно «церемониальное убранство» городов и возведение «праздничных» сооружений (триумфальные арки, верстовые столбы, фейерверки и др.) осуществлялось на средства провинциального дворянства и купечества, привлекались крепостные зодчие и живописцы⁹¹. Павел Болотов, сын известного мемуариста А.Т. Болотова, в своём дневнике не преминул критически отозваться о пребывании Екатерины II в Туле (по возвращении из путешествия в «полуденный край»): «...приезд государыни не очень был легок, ибо, сказывают, с лишком 70 тысяч их денег употреблено на приуготовления, что к нынешнему голодному (т. е. неурожайному. — С.К.) году не так было кстати»⁹².

Местные власти занялись улучшением крымских дорог и наведением порядка в городах задолго до венценосного путешествия, о чём свидетельствуют многочисленные ведомости и ордера Г.А. Потёмкина правителю Таврической области В.В. Каховскому и командующему русскими войсками в Крыму О.А. Ингельстрому. К примеру, в мае 1784 г. наместник Тавриды распорядился «дорогу как от Бахчисарая чрез горы в Ахтияр и назад чрез Белбек исправить, так от Бахчисарая к Судаку; оттоль же на Старый Крым в Кафу». К дорожному строительству рекомендовалось «употребить солдат с выдачею им заработанных денег — каждому по 5 копеек в день». В 1787 г. солдатам, направлявшимся на казённые работы, платили 10 копеек в день. Г.А. Потёмкин приказал также выделить до 10000 рублей из доходов Таврической области, чтобы «прибрать Бахчисарай наилучшим образом». Предстояло выполнить следующие работы по благоустройству города: «Бахчисарайский дворец... починить, сад прибрать, что есть в оном деревяннаго вновь перекрасить, и цветов умножить, фонтаны починить, весь Бахчисарай вычистить, что ветхо — поправить, развалины сломать, улицу намостить, лавки исправить и также починить мечети»⁹³.

В октябре 1784 г. правителю Таврической области В.В. Каховскому было дано «наставление» «осмотреть» каменные мосты в Крыму «в разсуждении починки их». Ордер

Г.А. Потёмкина также предписывал: «Дорогу от Кизикермена к Перекопу делать богатою рукою, чтоб не уступали римским дорогам. Я назову её "Екатерининской путь". Мост каменной починить и дом построить, воду же прочистить, завод кирпичный, где был, на Збурьевской стороне, возобновить, а делать кирпичи, которые будут годиться, и для строения у Каменного мосту, и для слободы, что в Алёшках, в которой построится каменная церковь»⁹⁴.

Наконец, 12 марта 1787 г. Г.А. Потёмкин распорядился о последних приготовлениях в Бахчисарае «пред шествием» императрицы: «поправить в оном все крыши на домах, и трубы побелить»; «во дворце генерально все покои вычистить и исправить, ибо много будет нужды в помещении свиты Ея Величества», и «атлас областной и карты путевыя со всевозможным рачением сделать»⁹⁵.

Предметом особой заботы наместника Тавриды был транспорт — лошади и повозки. Лучшие мастера каретного дела изготовили свыше 200 экипажей, часть из которых имели съёмный верх и могли использоваться как зимние сани и летняя карета. Для проезда «императорского поезда» потребовалось более 25 тысяч лошадей. Станции были устроены через каждые двадцать вёрст, путевые дворцы — через сто⁹⁶.

Как заметила А.А. Махотина, венценосное путешествие в Крым имело свою «легенду», переданную в системе мифопоэтических и исторических аналогий, и поэтому представлялось прибытием на землю древних греков. В Херсон Екатерина II въехала в «великолепной колеснице», подобно тому как объезжали свои владения римские императоры. «Императорский поезд» отправился в край, где обитала Ифигения. Основанные в Северном Причерноморье города носили греческие названия, надписи на триумфальных арках гласили: «Путь в Константинополь».

В ходе венценосного путешествия дворянская депутация во главе с уездным предводителем, верхом на лошадях, встречала императрицу на границе своего уезда. Местные жители выстраивались вдоль дороги и приветствовали государыню. При въезде «императорского поезда» в город производилась стрельба из пушек, а перед триумфальными воротами выстраивался полк «с преклонением знамен и игранием музыки на трубах»⁹⁷.

Кульминацией путешествия стало прибытие «императорского поезда» в Инкерман (под Севастополем). 20 мая 1787 г., во время обеда, в путевом дворце неожиданно для всех опустили занавес, закрывавший вид с балкона, и все гости (включая представителей дипломатического корпуса) увидели прекрасную гавань и стоящий в ней флот. Линейные корабли, фрегаты и бомбардирские суда не только салютовали императрице, но и вели затем прицельную стрельбу из пушек по макетам крепостей, разрушая их меткими попаданиями ядер⁹⁸. 23 мая Екатерина II писала Ф.М. Гримму из Севастополя: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потёмкину, что он во всём этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость»⁹⁹. Проехав с многочисленной свитой по берегу Крыма и осмотрев цветущую Балаклаву и древние города — Бахчисарай и Кафу (Феодосию), императрица в июне 1787 г. отправилась в обратный путь. Екатерина II осталась довольна военно-административной деятельностью наместника Тавриды Г.А. Потёмкина.

Участник венценосного путешествия французский посол Л.-Ф. Сегюр в «Записках», опубликованных в Париже (1826–1828), так писал о значении этого «великого события» для будущего России: «Богатства степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отличное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, заботливость князя при управлении всем краем — всё это должно было поразить Екатерину, обезоружить недоброжелателей князя и в то же время привести

в удивление Европу. На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия». И далее Л.-Ф. Сегюр рассуждал: «Мы говорили о предположениях, которые тогда делались в Европе по поводу путешествия. Мы все были одинакового мнения и уверяли, что везде будут думать, будто она (Екатерина II. — С.К.) с императором (Иосифом II. — С.К.) хочет завоевать Турцию, Персию, даже, может быть, Индию и Японию»¹⁰⁰.

Следует отметить, что придворные и иностранные недоброжелатели Г.А. Потёмкина распускали всевозможные слухи ещё до начала путешествия императрицы в Крым, т. е. миф опережал событие¹⁰¹. Принц Ш.-Ж. де Линь, сопровождавший высочайшую особу во время путешествия в Крым, на обратном пути в июле 1787 г. писал из Тулы: «Уже успели сплести басню, что нам по дороге выставляли картонные домики, пушки и корабли, разрисованные на бумаге, а конницу без лошадей и тому подобный вздор»¹⁰². Екатерина II хорошо знала всех сомневавшихся в пользе присоединения Крыма к России. Статс-секретарь императрицы А.В. Храповицкий записал 21 мая 1787 г.: «Говорили с жаром о Тавриде. Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то, но есть люди мнения противного, которые жалеют ещё о бородах, Петром I выбритых»¹⁰³. В письме генерал-аншефу Я.А. Брюсу Екатерина II с восторгом отмечала: «Я весьма рада, что видела всё сие своими глазами; ни бабки, ни старушечки женского и мужского рода баснями не источат: здешний край — есть рай земной»¹⁰⁴.

Творцом мифа о «Потёмкинских деревнях», т. е. о том, что в Крыму императрице были показаны декорации вместо реальных городов и деревень называют Г. фон Гельбига, секретаря саксонского посольства в Петербурге (1787–1796). По мнению В.С. Лопатина, саксонский дипломат собрал воедино все слухи, имевшиеся перед венценосным путешествием и представил европейской публике в памфлете «Потёмкин Таврический», опубликованном в гамбургском журнале «Минерва» в 1797–1800 г.¹⁰⁵.

Российские историки убедительно опровергли и продолжают опровергать миф о «Потёмкинских деревнях»¹⁰⁶. Как заметил Ю.А. Петров, миф этот носил откровенно русофобский характер и был призван поставить под сомнение не только результаты деятельности Г.А. Потёмкина, но и эффективность всей русской политики в этом регионе¹⁰⁷.

Самым распространенным измышлением в адрес Г.А. Потёмкина стало обвинение его в растрате и присвоении колоссальных денежных средств, выделенных казной на хозяйственное освоение Тавриды и строительство Черноморского флота. Известна эпитафия на смерть Г.А. Потёмкина в 1791 г. — надпись на могильном камне: «Прохожий, возблагодари Творца, что сей не разорил России до конца».

Вступив на престол, Павел I (1796–1801) назначил две сенатские ревизии финансовой деятельности Г.А. Потёмкина. Ф.А. Бюлер привел полуполюгендарную беседу императора с В.С. Поповым (доверенным лицом и начальником канцелярии Г.А. Потёмкина): «Раз Павел I особенно разговорился о Потёмкине, обвинял его в расстройстве финансов и затем, постепенно возвышая голос, трижды поставил Попову вопрос: "Как исправить всё зло, которое Потёмкин причинил России?"». С угрозой вынужденный отвечать Попов сказал: "Отдайте туркам южный берег"»¹⁰⁸. Для того чтобы снять со светлейшего князя все обвинения в казнокрадстве, В.С. Попов подал 9 мая 1800 г. в Военную коллегию по Счётной экспедиции «краткую записку о приходе и расходе экстраординарных сумм» с начала 1787 по 1 сентября 1791 г. Согласно этой записке, Г.А. Потёмкин получил от государственного казначая «на содержание войск» — 44177033 рубля 50½ копейк¹⁰⁹. По подсчётам А.Н. Куломзина, общие расходы казны за период с 1787 по 1791 г. достигли суммы 329955861 рубль, из них «расходы временные и чрезвычайные» — 155221251 рубль¹¹⁰. Как видим, выданные президенту Военной коллегии Г.А. Потёмкину более 44 миллионов рублей составляли 13,4 % к общим расходам казны и около 28,5 % к чрезвычайным расходам за рассматриваемый период.

О целевом характере использования государственных средств, в «ведомстве... генерал-фельдмаршала и князя Г.А. Потёмкина находившихся», В.С. Попов сообщал следующее: «Денежная казна состояла на руках и отчёте у казначеев. Отпуски денег производимы были иногда по ордерам за собственным его подписанием, иногда ж по словесным его приказаниям, которые и чрез меня, и чрез других казначеев были объявляемы, и записки мои об оных давались единственно для удобнейшей казначеев поверки. А как о всех выдачах, равно как и наличных суммах, представляемы были фельдмаршалу подробные от казначеев ведомости и по рассмотрении не замечаясь им было никаких не по его воле отпусков, то сие самое и служило квитанциею для казначеев». «Краткая записка» заканчивалась примечанием: «Не станут ли винить и за то, что при разделении расходов на сорта многое поставлено на казённый счёт, но вить счёт ведён при жизни князя, следовательно, никто ему указывать не мог, а на том основании и поступаемо было в делании разчёта»¹¹¹. Результатом сенатских проверок стало оправдание Г.А. Потёмкина. Выяснилось также, что наместник Тавриды в связи с медленностью прихода денежных сумм часто оплачивал государственные расходы из своего кармана. В итоге казна осталась должна Г.А. Потёмкину, вернее его наследникам¹¹².

Возвращаясь к путешествию Екатерины II в Крым, следует сказать, что оно стало катализатором для обострения русско-турецких отношений. Турецкий султан Абдул Хамид I был возмущён и испуган появлением российской императрицы «вблизи» Стамбула. В июле 1787 г. османская Турция предъявила России ультиматум и потребовала возвращения Крыма. Получив отказ, Порты 13 августа объявила войну и начала военные действия¹¹³. Ситуация осложнялась тем, что России пришлось воевать на два фронта. Летом 1788 г. в Финский залив вошёл шведский флот. Король Густав III претендовал на земли, завоёванные Петром I в Северной войне. В этом его поддерживали Англия и Пруссия.

Российские власти вынуждены были вернуться к налогово-финансовой политике военного времени. Резерв «на случай войны» в 15 млн. рублей был израсходован к началу 1788 г. На военные нужды направили 5 млн. рублей, предназначенные для кредитования городского населения. Власти объявили их внутренними займами и обязались погасить в 15-летний срок после окончания войны¹¹⁴. В правительственных кругах наметились два подхода в разрешении финансовых проблем, вызванных русско-турецкой войной. Генерал-прокурор Сената А.А. Вяземский настаивал на увеличении прямых налогов и введении новых сборов. Предлагались следующие меры: повысить размер подушной подати с 70 копеек до 1 рубля и платежи мещан с 1 рубля 20 копеек до 1 рубля 50 копеек с души, обложить подушной податью ямщиков, взимать с купечества не 1 %, а 2 % с капитала, увеличить денежные сборы с владельцев металлургических заводов и др.¹¹⁵.

Однако Екатерина II опасалась, что повышение прямых налогов приведёт лишь к росту недоимок, размер которых и без того достиг гигантской суммы — 12 млн. рублей. Манифестом от 28 июня 1787 г. повелевалось «все недоимки подушного сбора... по 1 января 1776 года оставить без взыскания и с казённого счёта исключить»¹¹⁶. Императрица в письмах президенту Военной коллегии Г.А. Потёмкину в январе–феврале 1788 г. призналась: «Дороговизна во всём ужасная, дай Боже силу снести все видимые и невидимые хлопоты... Деньгами же стараемся быть исправны, налогов же наложить теперь не время, ибо хлебу недорода и так недоимок не малое число»¹¹⁷. Следует добавить, что к 1793 г. в «недоборе» было уже свыше 20 млн. рублей¹¹⁸.

Для пополнения казны и ликвидации бюджетного дефицита российские власти (как и в годы русско-турецкой войны 1768–1774) вновь обратились к внутренним и внешним кредитам. Екатерина II поддержала проект главного директора Ассигнационного банка А.П. Шувалова, предусматривавший увеличение выпуска ассигнаций до 100 млн. рублей.

К этому времени их находилось в обращении на сумму около 50 млн. рублей. Однако очень быстро и этот ресурс был исчерпан, и в течение 1790–1793 г. был разрешен выпуск новых ассигнаций на 20 млн. рублей сверх «стомиллионной пропорции». Инфляция стала реальностью: за ассигнационный рубль в 1787 г. давали 97 копеек, в 1788 г. — 92, в 1794 г. — 68,5 копеек серебром¹¹⁹.

В первый военный год внешний долг России составлял 8 млн. гульденов, но это не помешало российским властям начать переговоры о новых займах с амстердамским банкирским домом Гоппе и К^о, антверпенским банкиром де Вольфом и гёнуэзским банкирским домом Эме Реньи. В результате Россия смогла получить значительные кредиты: в 1787 г. на сумму 6 млн. гульденов, в 1788 г. — 9 млн. гульденов, в 1789 г. — 6 млн. гульденов и 3 млн. пиастров, в 1790 г. — 12 млн. гульденов. Фактически военные операции России на протяжении всей «турецкой войны» финансировал банкирский дом Гоппе и К^о. Заём, как правило, заключался на 10–12 лет и был 4–4,5–5 %. К концу правления Екатерины II внешний долг России достиг более 62 млн. гульденов и на его погашение ежегодно расходовалось 4–5 % бюджета¹²⁰. Следует учитывать и то, что крупные иностранные кредиты и «замешательства в Европе» (революционные события во Франции, «польский вопрос») спровоцировали падение курса рубля на валютной бирже в Амстердаме с 30,25 штиверов в 1788 г. (для сравнения в довоенный 1784 г. 1 рубль достигал 36,5 штиверов) до 22,5 штиверов за рубль в 1792 г.¹²¹.

Большую часть русских займов осуществлял англичанин Р. Сутерланд, назначенный в 1779 г. петербургским придворным банкиром. Со временем он стал использовать государственные средства в своих коммерческих интересах. В ходе ревизии, проведённой после самоубийства Р. Сутерланда в 1792 г., обнаружилась гигантская недостача денежных средств, которые должны были храниться в банкирском доме Гоппе и К^о. При этом если в 1788 г. она составляла 3453061 гульден, то в 1792 г. она достигла 7508915 гульденов. Комиссия, проверявшая состояние счетов Р. Сутерланда, пришла к выводу, что банкир использовал государственные деньги для личных операций¹²².

Военные расходы росли беспрепятственно, вследствие чего рос и дефицит бюджета. Как видно из таблицы, дефицит бюджета в военные годы составил: в 1787 г. — 27,8 %, в 1788 г. — 48 %, в 1789 г. — 52,6 %, в 1790 г. — 65,4 %, в 1791 г. — 63 %, а в послевоенном 1793 г. снизился до 27,3 %.

Таблица

Соотношение государственных доходов и расходов в 1787–1793 годах (в рублях)**

Годы	Доходы	Расходы	Дефицит (abc)	Дефицит (%)
1787	43564708	55666665	12101957	27,8
1788	42836937	63430267	20593330	48
1789	44090424	67284697	23194273	52,6
1790	44433553	73513744	29080191	65,4
1791	42974038	70060488	27086450	63
1793	44796290	57028647	12232357	27,3

** Таблица составлена по материалам сборника документов, собранных и изданных А.Н. Куломзинным (См.: Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 28. С. XXXI–XXXII).

Основными источниками доходов государственной казны в эти годы были поступления от подушной подати (36,2 %), «питейной» монополии (34 %), таможенных сборов (7,5 %)¹²³.

В целом налогово-финансовые меры, предпринятые Екатериной II, позволили найти необходимые денежные средства для ведения войны с Турцией. Русские войска одержали победы над турками при Фокшанах и Рымнике, взяли считавшиеся неприступными крепости Хотин, Очаков, Измаил, Аккерман. 29 декабря 1791 г. был подписан Ясский мир, по которому османская Турция признала новую границу России по Днестру и присоединение Крыма¹²⁴.

Чувства, которые испытывали современники от «приобретения Тавриды», пожалуй, лучше всего сумел передать П.И. Сумароков, путешествовавший в 1799 г. по всему Крыму. «Сей обетованный край составляет лучшую часть России, есть истинное для неё сокровище!» — восклицал он. И далее путешественник вопрошал: «Чем не одарила природа и чего не производит посреди себя оной общий сад или плодоносная теплица всего государства? Многия привозимыя к нам вещи из чужих земель, как то: вины, шёлки, масла, оливки, целебныя коренья и травы, тонкую для преденья шерсть и прочее, Россия найдет в пределах Крыма. С другой стороны, отпуск к иностранцам скота, пшеницы, юфти, сафьянов, овчинок, мёду и воску к нескольким сбережённым миллионам присокупит ещё многие и учинит великой в торговле перевес». П.И. Сумароков отмечал в заключение: «Разсыпанные богатства выглядывают из обильных недр и ждут только рук к восприятию оных»¹²⁵.

¹ Третьяков В.В. Россия и кочевые степи : проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 56–57.

² Он же. «Белый царь» : образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 198.

³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М., Л., 1948. С. 442.

⁴ РГАДА. Ф. 210 (Белгородский стол). Д. 139. Л. 52 ; Д. 113. Л. 34–35, 39.

⁵ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами ... С. 436.

⁶ См. подробнее: Козлов С.А. Русские пленные и полонянничные деньги : (вторая половина XVI в. – 20-е годы XVIII в.) // Меншиковские чтения – 2016 : научный альманах / гл. науч. ред. П.А. Кротов. СПб., 2016. Вып. 7 (17). С. 225–236.

⁷ Санин Г.А. Крым в геополитике и войнах России XV–XIX вв. // Москва–Крым : Историко-публицистический альманах. М., 2000. № 1. С. 167.

⁸ Дейников Р.Т. Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России // Путь на пользу : к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым : сб. статей. М., 2012. С. 16.

⁹ Там же. С. 17, 18, 23, 25, 29, 43.

¹⁰ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 271–

272 ; Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. : (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990. С. 121.

¹¹ Наказ Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 14.

¹² Куломзин А.Н. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II : (1769–1780) / РВ. 1870. № 89. С. 378.

¹³ ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. № 13375. С. 1008–1010.

¹⁴ Там же. № 13194. С. 767–768.

¹⁵ ПСЗ. Т. XVI. № 11988. С. 459 ; Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов ... С. 166.

¹⁶ Куломзин А.Н. Государственные доходы и расходы ... / РВ. С. 378–381.

¹⁷ Там же. С. 386.

¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 17. С. 137.

¹⁹ Рутенбург В.И. Истоки Рисорджименто : Италия в XVII–XVIII веках. Л., 1980. С. 53–64 ; Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М., 1965. С. 243–244 ; Кёнигсбергер Г.Г. Европа раннего Нового времени 1500–1789. М., 2006. С. 49.

²⁰ Люблинская А.Д. Французский абсолютизм ... С. 235 ; Тимошина Т.М. Экономическая история зарубежных стран : Учеб. пособие / под ред. М.Н. Чепурина. М., 2003. С. 136.

²¹ Страхов В.В. Из истории возникновения внутренних государственных займов в России // Вестник

Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2007. № 16. С. 2.

²² Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. : Курс лекций и материалы для семинарских занятий. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 2001. С. 182.

²³ Цит. по: Хромов П.А. Очерки экономики феодализма в России. М., 1957. С. 299.

²⁴ Кредит и банки в России до начала XX века : Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005. С. 134.

²⁵ Кауфман И.И. Государственные долги России // ВЕ. СПб., 1885. Т. 1. С. 190–191.

²⁶ Мигулин П.П. Русский государственный кредит : (1769–1899). Харьков, 1899. Т. 1. С. 3–6 ; Морозан В.В. История банковского дела в России : (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб., 2001. С. 70–71.

²⁷ Бржецкий Н.К. Государственные долги России : историко-статистическое исследование. СПб., 1884. С. 132.

²⁸ Спаский И.Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты? // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Т. 10. С. 25, 34–35 ; Van der Wiel A. Valse Nederlandse dukaten // Jaarboek voor Munten pennigkunde. 1952. № 39. С. 51–53, 59.

²⁹ Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. ... С. 181.

³⁰ Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II // РВ. 1869. Т. 81. С. 219.

³¹ ПСЗ. Т. XVIII. № 13219. С. 788.

³² Там же. С. 792–793 ; Т. XIX. № 14096. С. 889.

³³ Морозан В.В. История банковского дела в России. С. 67–68.

³⁴ Там же. С. 68.

³⁵ Там же. С. 68–69 ; Кредит и банки в России до начала XX века. С. 77.

³⁶ Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. Т. 1 // Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 28. С. XXI.

³⁷ ПСЗ. Т. XIX. № 14164. С. 957–971 ; Век Екатерины II : Дела балканские / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2000. С. 131.

³⁸ Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // ВИ. 2008. № 7. С. 123 ; Дейников Р.Т. Основные этапы ... С. 57.

³⁹ Бумаги князя Николая Васильевича Репнина // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 312–313.

⁴⁰ Баев О.В. Внешний долг Российской империи в 1775–1787 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3. Т. 2. С. 106.

⁴¹ Бржецкий Н.К. Государственные долги России. С. 135–136.

⁴² Баев О.В. Внешний долг Российской империи ... С. 106.

⁴³ Мигулин П.П. Русский государственный ... С. 7.

⁴⁴ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 247.

⁴⁵ Петров Ю.А. Г.А. Потёмкин и освоение Новороссии и Тавриды // Парадигмы истории и общественного развития. 2016. Вып. 2–3. С. 7.

⁴⁶ Екатерина II и Г.А. Потёмкин : Личная переписка 1769–1791 // изд. подгот. В.С. Лопатин. М., 1997. С. 172.

⁴⁷ Там же. 155.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ПСЗ. Т. XXI. № 15708. С. 898.

⁵⁰ Там же. № 15798. С. 985–986.

⁵¹ Никифоров М.А. О проблемах интеграции Крыма в состав Российской империи в правление Екатерины II // Учёные записки Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского. (Сер. : Исторические науки). Симферополь, 2015. Т. 1 (67). № 1. С. 43.

⁵² ПСЗ. Т. XXI. № 15798. С. 986.

⁵³ Там же. № 15920. С. 18.

⁵⁴ Там же. № 15953. С. 69.

⁵⁵ Никифоров М.А. О проблемах интеграции Крыма ... С. 40.

⁵⁶ ПСЗ. Т. XXII. № 16239. С. 438–440.

⁵⁷ Куломзин А.Н. Государственные доходы и расходы в царствование Екатерины II // Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 276, 277, 279, 283, 284, 292.

⁵⁸ Он же. Ассигнации в царствование Екатерины II. С. 230, 241.

⁵⁹ Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области в конце XVIII в. // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 1998. № 4. С. 124.

⁶⁰ Камеральное описание Крыма // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1897. № 2. С. 20–30 ; № 3. С. 36–56.

⁶¹ Марциновский П.И. Доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777–1783 гг. по материалам «Камерального описания Крыма» // Культура народов Причерноморья. 2001. № 20. С. 101, 104.

⁶² Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 138.

⁶³ Лашков Ф.Ф. Распоряжения (ордера) светлейшего князя Потёмкина-Таврического правителю Таврической области В.В. Коховскому за 1784 и 1785 гг. // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15. С. 613–614 ; Хапаев В.В., Бичаков С.А. Вклад Г.А. Потёмкина в экономическом развитии Новороссии ... С. 37.

⁶⁴ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 139.

⁶⁵ Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800. С. 177 ; Хапаев В.В., Бичаков С.А. Вклад Г.А. Потёмкина ... С. 37.

⁶⁶ Марциновский П.И. Доходная часть бюджета ... С. 103 ; Мальгин Е.А. Историко-географические особенности развития хозяйства Крыма на рубеже XVIII и XIX вв. // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Симферополь, 2012. Т. 25 (64). С. 82.

⁶⁷ Мальгин Е.А. Историко-географические особенности развития ... С. 82.

- ⁶⁸ Цит. по: Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 137.
- ⁶⁹ ПСЗ. Т. XXI. № 15814. С. 993.
- ⁷⁰ Муллабаева Р.Р. Попытки реализации принципов социальной справедливости на начальном этапе интеграции Таврической области в 1783–1796 гг. // Проблемы социальной справедливости и современного мира : Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24–26 марта 2016 г.). Череповец, 2016. С. 153 ; Мальгин Е.А. Историко-географические особенности развития ... С. 82.
- ⁷¹ Копылов В.И. История плодородства Крыма : начальный период // Известия сельскохозяйственной науки Тавриды. № 1. 2015. С. 19 ; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 135–136.
- ⁷² Мурзакевич Н.Н. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786-й год // Записки Императорского Одесского общества истории ... Одесса, 1889. Т. 12. С. 288 ; Ордера князя Потёмкина 1787 г. // Известия Таврической ... 1889. Т. 8. С. 6 ; ПСЗ. Т. XXII. № 16107. С. 266.
- ⁷³ Кошман В.А. Функционирование Казённой палаты в Таврической области в 1784–1796 гг. // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 121 (07). С. 6–7 ; Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму ... С. 185.
- ⁷⁴ Елисеева О.И. Хозяин Тавриды. Управление Г.А. Потёмкиным вновь присоединенными к России землями на Юге // Путь на пользу. С. 90–91.
- ⁷⁵ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 134–135.
- ⁷⁶ Там же. С. 140.
- ⁷⁷ ПСЗ. Т. 22. № 15935. С. 50 ; № 16239. С. 439.
- ⁷⁸ Хапаев В.В., Бичаков С.А. Вклад Г.А. Потёмкина ... С. 38 ; Захаров В.Н. Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века // Путь на пользу. С. 68–72.
- ⁷⁹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 252–253.
- ⁸⁰ Измайлов В.В. Путешествие в Полуденную Россию. М., 1805. Ч. 2. С. 67–68.
- ⁸¹ См. например: Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века : (1719–1858 гг.). М., 1976. 307 с. ; Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма в конце XVIII – в конце XX вв. : (численность, размещение, этнический состав). М., 2003. 159 с.
- ⁸² Выписки из путешественных записок Василия Зуева, касающихся до полуострова Крыма 1782 г. // Месяцеслов исторический и географический за 1783 год. СПб., б/г. С. 131.
- ⁸³ Лашков Ф.Ф. Распоряжения (ордера) светлейшего князя Потёмкина-Таврического ... С. 607–608.
- ⁸⁴ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 1. С. 6–7 ; Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М. Население Крыма ... С. 82–83.
- ⁸⁵ Прохоров Д.А. Государственные учреждения Таврической области ... С. 125.
- ⁸⁶ См. подробнее: Коваленский М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М., 1916. 140 с. ; Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М., 2005. 272 с. ; Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009. 467 с.
- ⁸⁷ Цит. по: Григорьев С.Т. Александр Суворов. М., 1990. С. 168, 169.
- ⁸⁸ См. например: Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. М., 1996. С. 81.
- ⁸⁹ Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. С. 284, 289, 291, 302, 307–309.
- ⁹⁰ Кошман В.А. Функционирование Казённой палаты ... С. 8.
- ⁹¹ Махотина А.А. Путешествия Екатерины II : идейно-художественная программа церемониала встречи императрицы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 2010. № 6. С. 114–116.
- ⁹² Козлов С.А. Русская провинция Павла Болотова : «Настольный календарь 1787 года». СПб., 2006. С. 211.
- ⁹³ Мурзакевич Н.Н. Распоряжения ... С. 302, 303.
- ⁹⁴ Там же. С. 309.
- ⁹⁵ Ордера князя Потёмкина ... // Известия Таврической ... 1888. Т. 6. № 76.
- ⁹⁶ Лопатин В.С. Потёмкинские деревни – гордость России // Путь на пользу. С. 124.
- ⁹⁷ Махотина А.А. Путешествия Екатерины II. С. 113, 114, 119 ; Лылова М.Е., Тимофеев Ю.В., Лупанова Е.В. Путешествие Екатерины Великой в Крым : Миф о «Потёмкинских деревнях» // Вестник Екатерининского института. 2014. № 2. С. 111.
- ⁹⁸ Лопатин В.С. Потёмкинские деревни ... С. 120 ; Брикнер А.Г. Потёмкин. СПб., 1891. С. 96 ; Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. С. 85–86.
- ⁹⁹ Грот Я.К. Письма императрицы Екатерины II к Ф.М. Гриму : (1774–1796) // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 412.
- ¹⁰⁰ Segur L.-Ph. Oeuvres complètes de M. le Comte de Segur... Vol. 1–3. Memoires ou Souvenirs et anecdotes. Paris, 1824–1826 ; Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II : (1785–1789). СПб., 1865. С. 179, 189.
- ¹⁰¹ Лылова М.Е., Тимофеев Ю.В., Лупанова Е.В. Путешествие Екатерины Великой в Крым : Миф о «Потёмкинских деревнях». С. 107.
- ¹⁰² Линь Ш.-Ж. Письма, мысли и избранные творения принца де Линь, изданные баронессою Сталь Голштейн и господином Проппиаком. М., 1809. Т. 1. Ч. 2. С. 9.

- ¹⁰³ Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 30.
- ¹⁰⁴ Письма императрицы Екатерины II к Якову Александровичу Брюсу 1787 года. Прил. к камер-фурьерскому журналу 1787 года. СПб., 1889. С. 21, 25.
- ¹⁰⁵ Potemkin der Taurier // Minerva. Ein Journal historisch und politischen Inhalts herausgegeben von J.W. Archenholz. Hamburg, 1797–1800.
- ¹⁰⁶ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье ... С. 27–30 ; Панченко А.М. Потёмкинские деревни как культурный миф // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 93–104 ; Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А. Потёмкина. М., 2000. С. 33–35, 63–66 ; Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М. 2002. С. 593–594 ; Лопатин В.С. Потёмкин и его легенда. М., 2012. 448 с. и др. издания.
- ¹⁰⁷ Петров Ю.А. Г.А. Потёмкин и освоение Новороссии и Тавриды. С. 9–10.
- ¹⁰⁸ Бюлер Ф.А. Черты из жизни князя Потёмкина // Г.А. Потёмкин. Последние годы : Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2003. С. 200–201.
- ¹⁰⁹ Краткая записка о приходе и расходе экстраординарных сумм в распоряжении покойного князя Потёмкина бывших // Записки Императорского Одесского общества истории ... Одесса, 1872. Т. 8. С. 225–227.
- ¹¹⁰ Куломзин А.Н. Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II. С. XXXIII.
- ¹¹¹ Краткая записка о приходе и расходе ... С. 226–227.
- ¹¹² Елисеева О.И. Хозяин Тавриды ... С. 78.
- ¹¹³ См. подробнее: Бессарабова Н.В. Внешнеполитическая сторона путешествия Екатерины Великой в Крым // Путь на пользу. С. 199–226.
- ¹¹⁴ Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II. С. 241.
- ¹¹⁵ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов ... С. 142–144.
- ¹¹⁶ ПСЗ. Т. XXII. № 16551. С. 861.
- ¹¹⁷ Екатерина II и Г.А. Потёмкин. С. 264, 272.
- ¹¹⁸ Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов ... С. 144.
- ¹¹⁹ Бржееский Н.К. Государственные долги России. С. 71 ; Куломзин А.Н. Ассигнации в царствование Екатерины II. С. 240.
- ¹²⁰ Мигулин П.П. Русский государственный ... С. 9–15.
- ¹²¹ Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. С. 770.
- ¹²² Морозан В.В. История банковского дела в России. С. 73 ; Кредит и банки в России до начала XX века. С. 139.
- ¹²³ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 313.
- В течение всего XVIII в. российские власти стремились составить общегосударственную роспись доходов и расходов. Но, как верно заметил С.М. Троицкий, «правительство имело не единый государственный бюджет в современном понимании этого термина, а комплекс бюджетов отдельных ведомств, дающих весьма общее представление о предполагаемых расходах» (Троицкий С.М. Финансовая политика ... С. 221). Поэтому термины «бюджет» и «дефицит бюджета» по отношению к доходам и расходам государственных учреждений 1787–1793 гг. употребляются нами условно.
- ¹²⁴ Козлов С.А. Налоги и войны Екатерининской эпохи // Eighteenth-Century Russia : Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / R. Barlett, G. Lehmann-Carli. Berlin, 2007. P. 540.
- ¹²⁵ Сумароков П.И. Путешествие по всему Крыму ... С. 187–189.

А.А. Андреев

СЛОВО КАЛМЫЦКОГО БАКШИ О ГИБЕЛИ
КНЯЗЯ А. ЧЕРКАССКОГО*

В сентябре 2017 года исполняется триста лет со дня трагической гибели сподвижника Петра Великого князя А. Черкасского. Этот исследователь и героический деятель Петровского времени известен прежде всего тем, что во время третьего этапа Каспийской экспедиции был пленён вместе со своим отрядом и убит в пределах Хивинского ханства в конце сентября 1717 г. Известие о тех страшных событиях, произошедших с ним и с его товарищами, вскоре достигло Саратова, а оттуда получило широкую огласку в Санкт-Петербурге. Немногим позже в Астрахань стали прибывать первые выжившие и давать показания, которые и по сей день являются единственным источником по истории последних дней князя А. Черкасского и других погибших участников отряда. Самым же ранним известием, с минимальными подробностями, было сообщение калмыцкого бакши, которое он сообщил саратовскому коменданту Дмитрию Ефремовичу Бахметеву в начале октября 1717 г.

Жестокий характер расправы над участниками дипломатической миссии и предельно высокие репутационные и финансовые потери, которые понесло Российское государство, впоследствии обозначили особое внимание к истории похода, к личности князя А. Черкасского, к дипломатическим отношениям с Хивинским и Бухарскими ханствами у большого числа исследователей и не только в России. Поскольку выше была определена основная задача публикации изложенного устно сообщения о гибели князя, не буду подробно останавливаться на историографическом обзоре многочисленной литературы, посвящённой как и политике Петра Великого на Северном Кавказе и в Средней Азии в целом, так и самому князю А. Черкасскому в частности.

Важно лишь обозначить, что, пожалуй, самым полным исследованием деятельности князя на Каспийском море была работа Е.А. Княжецкой «Судьба одной карты (о географе А. Бековиче-Черкасском)»¹. Во-первых, именно Екатерине Андреевне удалось найти, идентифицировать и опубликовать долгое время считавшиеся утерянными карты Каспийского

* Статья выполнена на средства гранта РГНФ № 16-31-00016 «Александр Бекович Черкасский. Историко-биографическое исследование к трёхсотлетию гибели экспедиции сподвижника Петра Великого».

моря и Средней Азии, составленные либо самим князем, либо кем-то из его команды. Во-вторых, сопоставляя данные показаний выживших участников похода с записками и статьями военных деятелей и исследователей XIX в., проходивших тем же третьим маршрутом князя из Гурьева в пределы Хивинского оазиса, с данными топонимики Узбекской ССР и Туркменской ССР, она практически полностью реконструировала последний путь князя А. Черкасского и его людей.

Выживших и избежавших расправы было немало, но при этом способных дать показания оказались единицы. Да и в их рассказах, за исключением речей туркменского Ходжи Нефеса, известного купца и проводника с полуострова Мангышлак, не так много информации. Дополнительную ясность могли бы внести новые сведения, в том числе и с хивинской стороны, но они, к сожалению, до наших дней не сохранились. Представляется целесообразным обозначить круг опубликованных источников, где содержатся сведения и о трагических последних днях отряда, и показания выживших. Итак, это — записки допросов яицкого казака татарина Уразмета Ахметьева², показания Ходжи Нефеса³, астраханского юртовского татарина Алтына Усейнова⁴, яицких казаков Фёдора Емельянова и Михаила Спиридонова сына⁵.

Оставался ещё один свидетель, о котором упоминали и Ходжа Нефес и Алтын Усейнов. Это был представитель калмыцкого хана Аюки. В свидетельстве туркменского купца и в сообщении от саратовского коменданта Д.Е. Бахметева он упоминается как «калмыцкий бакша», без имени, поскольку бакша (бакши) — это титул «духовного звания», «учитель веры», то есть фактически это тот, кто знал основы вероучения буддизма ламаистского толка⁶. Только Алтын Усейнов называет нам его имя — Манжи, и сообщает, что с ним было ещё десять человек калмыков⁷.

В донесении «Правительствующему Сенату от казанского губернатора Петра Самуиловича Салтыкова», датированном 15 октября 1717 г., сообщается весть о гибели экспедиции, полученная от Д.Е. Бахметева⁸. В РГА ВМФ, в фонде 233, хранится копия с данного сообщения, присланная генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину⁹. На двух сторонах листа послания даются краткие сведения о трагических последних днях экспедиции на подступах к Хиве. Частично сведения из этого документа были использованы историком С.М. Соловьёвым в его «Истории России с древнейших времён»¹⁰.

Сведения калмыцкого бакши Манжи при сравнительном анализе с другими сведениями из показаний выживших могут быть полезными для исследователей, интересующихся историей Хивинского похода. Благодаря их содержанию становится совершенно ясно, что ни ему, ни его калмыкам опасность не угрожала. Хивинский хан Шир Гази совершенно справедливо считал их представителями калмыцкого хана Аюки, не вдаваясь в подробности их участия в составе экспедиции князя А. Черкасского.

Итак, бакши сообщает, что он был послан от хана Аюки «сам четверт (вчетвером. — А.А.) з господином князем Черкасским до Хивы» (Прил. Л. 239). Отчасти подтверждаются его слова Ходжи Нефесом, при этом последний обозначает небольшую деталь. «И убравшись де у того Гурьева городка с служилыми людми и с артиллереею, он, господин князь Черкасский, пошёл в Хивинскую землю, а вожём де был Аюки же хана владенья Даржина улуса трухменей Манглай-Кашка; да при нём же де, господине князе Черкасском, пошли в Хиву Аюки хана посланы калмыкъ и трухменцовъ десять человекъ». Не рассказывая подробно о трудностях перехода через плато Устюрт, о котором повествуют остальные четверо спасшихся, бакши сообщает, что «де капитан, прибыв на реку Дарью, не доезжая за три дня, послал к хивинскому Ширгазе хану астраханского дворянина Михаила Карейтова и с ним сто человек».

По всей видимости, он пытался объяснить, что до реки Амударья было ещё около трёх дней перехода. Здесь следует обратиться к описанию маршрута Ходжи Нефеса, где говорится, как они передвигались по плато Устюрт старой караванной дорогой от колодца к колодцу, изредка останавливаясь в караван-сараях. «Дошли же в три дни до колодезя Ялгызу и при том де месте вырыли колодезей с тритцать. И от того де места того же дня, которого они пришли, в обед, он, господин князь Черкасской, послал от себя к хивинскому хану помянутого астраханского дворянина Михаила Керейтова да с ним драгун и казаков сто человек»¹¹.

Согласно показаниям Уразмета Ахметьева, «и он де, господин князь Черкасской, не дошед до Хивы за восемь дней, из тех же гор послал напредь в Хиву к хану с писмами помянутого дворянина Михаила Керейтова да с ним казаков сто человек»¹².

Таким образом, калмыцкий бакши лукавил, что до Амударьи ещё было три дня перехода, поскольку наверняка знать не мог в силу того обстоятельства, что он с остальными калмыками покинул отряд ещё на плато Устюрт.

Вот что сообщает тот же Уразмет Ахметьев: «...и, перебравшись де оную реку Энбу, пошли и шли до гор Ирнецких (плато Устюрт. — А.А.) пять дней, а на приклад будет вёрст с полтора; а теми Ирнецкими горами ходу их было семь недель, а например будет вёрст с восемь сот; и, прошед де половину Ирнецких гор, оные ханские калмыки все от него, господина князя Черкасского, тайно ушли, а куды — неведомо...»¹³. Ходжа Нефес рассказывает об этом эпизоде гораздо подробнее: «...шли два дни до колодезя званием Чилдана и около де того колодезя вырыли колодезей со сто, а глубиною в пояс. И в том де урочище вышенаписанному тухменцу Манглай-Кашке, который был вожём, он, господин князь Черкасской, дал лошадь да верблюда. И ночью де порою тот тухменец, Манглай-Кашка, и вышеупомянутые калмыки и тухменцы ушли из обозу их; а по ведомостям де слышно, что оные вож Манглай-Кашка с калмыки и с тухменцы с шестью человеки пошли назад в Калмыцкие улусы, к калмыцкому владельцу Дарже; а ханские де калмыки два да тухменцов, два же человека, пошли напредь в Хиву»¹⁴.

Любопытно, что Ходжа Нефес настаивал на том, что сам князь Черкасский отпустил калмыков и туркмен-проводников. В показаниях Алтына Усейнова калмыки выглядят как настоящие беглецы. «Да от него же де, господина князя Черкасского, бежали с дороги от колодезя Чилдана Аюки хана калмыки и тухменцы, которые ехали при нём, десять человек, в том числе и вож Мангла-Кашка, и из них шесть человек возвратилось с ведомостью в калмыцкие улусы, а четыре человека, двое калмык, бакша да двое тухменцов, Девлет с товариши, обошед кругом обоз их, тайно пришли напредь в Хиву и явились хивинскому хану Ширгазею»¹⁵.

Возвращаясь к показаниям Уразмета Ахметьева, мы можем видеть картину предательства калмыков. После того как отряд был взят в плен («розобран») без боя, хивинцы его отпустили и спустя какое-то время, прибыв в столицу ханства, он встретил там «торговых своих людей, яицких казаков Ивана Сидорова да та[та]рина Кузикея Кускибаева», и они ему поведали, что Михаил Керейтов по прибытии был размещен как гость, и ему было выделено кормовое жалование. На следующий день, как прибыло четверо калмыков, «его, Керейтова, и с казаками... разобрали врознь и посадили в тюрьмы... И стали збирать хивинское своё войско и пошли против его, господина князя Черкасского»¹⁶.

Сам же бакша, не вдаваясь в подробности, каким образом и когда он и его люди оказались при дворе хивинского хана, сообщает, что «и ево де, Михайла, и служилых людей в Хиве задержали и с тех де людей два человека яицких казаков да два человека хивинцов прислал он, Ширгаза хан, к нему, капитану» (Прил. Л. 239). Ходжа Нефес, напротив, подробно разъясняет, что происходило со времени отправки Керейтова и до приезда делегации от хана.

Отряд простоял ещё три дня. Затем, оставив 1000 казаков, у которых лошади «пристали», и набрав запас воды, князь Черкасский с остальными дошли до колодца Шемшидун, где простояли ещё два дня. От колодца Шемшидун, как сообщает знатный туркмен, «по правую сторону от дороги до... пустых двух городков Алан и до озера езды два дни». Получается, по этим сведениям, что отряд ещё находился на плато Устюрт, фактически на его краю. Это место можно идентифицировать, поскольку здесь упоминаются сохранившиеся до наших дней средневековые крепости «Алан-1» и «Алан-2» у побережья озера Судочье¹⁷.

Далее, по его сведениям, отряд не стал останавливаться и пошёл до реки Каракумет, которая вытекала из хивинской «Дарьи-реки», и следовали в направлении Хивы ещё два дня до урочища Аккуль-реки (вероятно одно из ответвлений Амударьи), где и остановились на неделю¹⁸. В этом урочище к ним прибыли посланники от хана Шир Гази, и с ними был один человек от князя Керейтова; по рассказу же бакши, таковых было двое.

Калмыцкий посланник в своём рассказе сообщает о заявленных с хивинской стороны претензиях: «...хивинцы говорили ему, капитану, ежели б де он, князь Черкасской, от Царского Величества был послом, и с ним бы де надобно людей человек з двести. А ныне де с ним людей много. И построил де он в Тюк Карагане и в Красных Водах два города, а и в Хиве де тож учинил, и потом звали ево, князя Черкасского, к себе в Хиву, дабы он, капитан, ехал. И он, капитан, сказал им, ежели посланного ево Карейтова с служилыми людьми отпустят, то де он, капитан, итти и видетца с ханом готов» (Прил. Л. 239).

При этом опять же остается за текстом, каким образом они узнали содержание речей людей, присланных от Шир Гази хана. О прибытии посланников к А. Черкасскому, когда они были у «Аккуль-реки», сообщает только Нефес, причём вновь достаточно подробно. По его сведениям, с ними хан хивинский прислал коня для князя А. Черкасского, кафтан изарбатной (зорбаф, шёлковая ткань с золотыми нитями. — А.А.) и овощи. Прибывшие оставались в лагере два дня, поскольку самого князя в это время там не было: он в это время ездил за оставшимися по пути казаками. По возвращении он принял подарки и начал объяснять посланникам, что угрозы для хана его отряд не представляет и что «он идет в Хиву не войною — послом от Царского Величества»¹⁹. После недолгих переговоров ханские послы ушли, а отряд продолжал оставаться на месте два дня. Далее князь со своими людьми выдвинулся в сторону реки «Карагачи», где и встретился с войском хивинского хана.

Бакши далее сообщает: «...и после де того спустя шесть дней хивинской хан Ширгаза, собравшись многолюдством с хивинцы, о которых сказывали ему, бакше, будто 20000, пришли на реку Дарью, в урочище Харабумет, и русское войско обошли кругом, и капитан князь Черкасской сделал вал... и оные де хивинцы приступали и били боем 5 дней» (Прил. Л. 239 об.).

Яицкий казак татарин Уразмет Ахметьев при допросе сказал, что отряд вначале построил укрепление и только позже появились хивинцы, сражение же длилось три дня до того момента, как Ширгази вновь выслал переговорщиков²⁰. Нефес не называет точного количества войска у хана, говорит и о ста тысячах, и о том, что туркмены называли цифру в 60000. Поскольку хивинцы не решались нападать всем войском, отряд успел выстроить укрепление и держать оборону в течение дня. После чего хан прислал переговорщика Ишима Хаджу, и вновь была поднята тема о статусе Черкасского. Сообщалось также, что хан сам ещё не пошёл из Хивы и что войско напало без его ведома. На следующий день князь А. Черкасский выслал своего парламентёра в хивинский лагерь. Последнего к хану не допустили, и он общался только с ханским военачальником Кулунбеом. Последний требовал, чтобы князь Черкасский явился лично к хану с посольской грамотой, в случае если он действительно посл. Ходжа Нефес также сообщает, что после возвращения парламентёра «хивинское войско,

конница и пехота вся, обступили кругом их крепости и крычали ему, господину князю Черкасскому, что ежели он пришел к хану их послом, и чтоб он немедленно, а буде де войною, чтоб он с войски своими из той крепости выступил на поле и учинил с ними баталию»²¹.

Князь же им отвечал, что отряд ему необходим для самообороны и что пока хивинцы не отступят и не придёт сам хан на переговоры, то бой будет продолжаться. Он и продолжался ещё два дня, пока прибывшие от хивинского хана сановники не поклялись на Коране, что князя А. Черкасского и его людей не убьют.

Далее у калмыцкого бакши мы находим совсем короткие сведения, что «хивинской де хан и капитан договорились, что между собой бою не чинить, а им, хивинцам, принять ево, капитана, как принимающа обычайные послы, и по договору де он, капитан, и с служивыми людьми пошёл к городу Хиве, а хан де хивинской шёл с ними же, и оный де хан с ним, капитаном, пили и ели вместе, и, не дошед де до Хивы за день, они, хивинцы, ево, капитана, и служилых людей розобрали без бою и привезли в Хиву» (*Прил. Л. 239 об.*). Далее он сообщил, что, по словам хана Шир Гази, А. Черкасский был казнён вместе с Михаилом Замановым, добавляя при этом, что головы их он, бакша, опознать не смог.

Уразмет Ахметьев передавал сведения хивинцев, согласно которым князя А. Черкасского и М. Заманова обезглавили, а головы повесили за городом, у Адарских ворот, которые он видел, но не опознал. Сегодня ворот с подобным названием нет ни в одной из исторических частей Хивы: ни в Ичан-кала, ни в Дишан-кала. Правда, в последней сохранились ворота под названием «Гайдарлар», и веками ранее они находились в квартале для бедных²². Ходжа Нефес свидетельствовал, что лично видел, как отрубили головы сначала Михаилу Заманову, Кирьяку Экономову и потом князю А. Черкасскому²³. Алтын Усейнов сообщил, что лично наблюдал, как вначале казнили Кирьяка Экономова, затем Михаила Заманова, но как казнили князя Черкасского, он не видел, поскольку его самого в это время ударили, связали и утащили в обоз²⁴.

Позднее, когда тех, кто был мусульманского вероисповедания в отряде А. Черкасского, хивинцы отпустили, то Алтын Усейнов узнал от горожан, что и князя казнили и что головы всех троих висят на виселице за городом. Пойдя туда, он узнал только головы Михаила Заманова и Кирьяка Экономова. А. Черкасского же, как он сам утверждал, он брил наголо «по-черкасски» незадолго до этих событий, и потому точно был уверен, что головы князя там не висело.

Таким образом, никто кроме туркмена Ходжи Нефеса не мог подтвердить гибель князя А. Черкасского. Единственные сведения о тех событиях с хивинской стороны сохранились до наших дней в рукописи XIX в. и не содержат в себе деталей трагедии. Этот уникальный источник по истории Хивинского ханства «Фирдавс аль Икбал» («Райский сад счастья». – А.А.) стал доступен исследователям после того, как Ю.Э. Брегель перевёл и опубликовал его с комментариями в 1999 г. Согласно его переводу, «в год курицы» «принц» Девлет Гирей (имя князя А. Черкасского при рождении. – А.А.) вместе с Андреем Губурнат и 30000 русских прибыли в район Арала, чтобы захватить золотые и серебряные прииски горы Шейх Джалил. Хан (Шир Гази. – А.А.) поручил предводителю Кунграта Кул-Мухаммад Аталыку и предводителю найманов Аваз Инаку с многочисленным войском защитить страну. Они заключили ложный мир с Девлет Гиреем и под этим предлогом, «отправили врагов мусульман в гостеприимное адское пекло»²⁵.

И далее с целью оправдания лукавства хивинского правителя летописец иронично заканчивает этот эпизод стихами про тезку А. Черкасского — Александра Македонского.

«Когда вы решение принимаете, подумайте, есть ли необходимость обнажать меч? Александр часто покорял страны хитростью. Когда нельзя было завоевать их в бою.

Да, благоразумие — признак счастья, счастливые люди не могут этого не заметить»²⁶.

Подводя итог короткому сравнительному анализу показаний выживших, следует обозначить калмыцкий фактор в истории экспедиции и её трагическом завершении. Калмыки хана Аюки играли одну из важнейших ролей в системе взаимоотношений народов и государственных образований в регионе от устья Волги до пределов Хивинского ханства. Зачастую, становясь заложниками ложного «дикого» образа кочевников начала XVII в., созданного путешественниками, которые вряд ли были посвящены в их дела, исследователи позднее не могли принять тот факт, что и калмыки Аюки могли вести дипломатическую интригу не хуже, чем это делали резиденты в европейских столицах.

Приложение

1717 г., октября 25. – Донесение («доношение») Правительствующему Сенату от казанского губернатора Петра Самойловича Салтыкова с изложением письма саратовского коменданта Дмитрия Ефремовича Бахметева от 4 октября 1717 г. с пересказом устного сообщения калмыка «бакши» (учителя веры) Манжи, сделанного 29 сентября 1717 г., в котором описаны обстоятельства похода в Хивинское ханство отряда российских войск капитана князя Александра Черкасского и его судьба

л. 239 Октября в 25 день 1717. В доношении казанского губернатора написано.

Октября де 4 дня писал в Казань с Саратова камендант Дмитрей Бахметев: сентября де 29 дня явился ему в Саратове ханского улусу калмыченин бакша и сказал: послан де он был от хана Аюки сам четверт з господином князем Черкасским до Хивы; и он де, капитан, прибыв на реку Дарью, не доезжая Хивы за три дни, послал к хивинскому Ширгазе хану астраханского дворянина Михайла Карейтова и с ним сто человек. И ево де, Михайла, и служилых людей в Хиве задержали. И ис тех де людей два человека яицких казаков да два человека хивинцов прислал он, Ширгаза хан, к нему, капитану, и оные де хивинцы говорили ему, капитану, ежели б де он, князь Черкасской, от Царского Величества был послом, и с ним бы де надобно людей человек з двести. А ныне де с ним людей много. И построил де он в Тюк Карагане и в Красных Водах два города, а и в Хиве де тож учинит; и потом звали ево, князя Черкасского, к себе в Хиву, дабы он, капитан, ехал. И он, капитан, сказал им, ежели посланного ево Карейтова [с] служилыми людьми отпустят, то де он, капитан, итти и видетца с ханом готов.

И после де того спустя шесть дней хивинской хан Ширгаза, собравшись многолюдством с хивинцы, о которых сказывали ему, бакше, будто 20000, пришли на реку Дарью, в урочище Харабумет, и русское войско обошли кругом; и капитан князь Черкасской зделал вал и ров. //

л. 239 об. И оные де хивинцы приступали и били боем пять дней, и хивинской де хан и капитан договорились, что между собою бою не чинить, а им, хивинцам, принять ево, капитана, как принимающа обычайные послы. И по договору де он, капитан, и с служилыми людьми пошёл к городу Хиве, а хан де хивинской шёл с ними ж, и оной де хан с ним, капитаном, пили и ели вместе, и, не дошед де до Хивы за день, они, хивинцы, ево, капитана, и служилых людей розобрали без бою и привезли в Хиву.

И на другой де день хивинской хан Ширгаза сказывал оному калмыку бакше, что де он, хан, капитана князя Черкасского и астраханского дворянина князь Михайла Заманова казнил, отсек головы, и, кожи сняв, велел набить травую, и поставил у ворот. И он де, бакша, оные головы видел, а подлинное ль де капитанская и замановы головы, то он не опознал, для того что кожи сняты з головы и набиты травую, а

других де служилых людей хивинской хан роздал всем хивинцом, человек по десяти и по пяти и менше человеку, а иных держит при себе. А на бою и в Хиве никого, кроме капитана и Заманова, не убито, и хивинской де хан ево, бакшу, и товарищев ево отпустил, да с ними ж отпустил астраханских мурз, и татар, Булата с товарищи, и горских черкес, которые были при капитане князе Черкасском 70 человек. А как де он к хану Аюке приехал, и того ж де часу он, хан, послал ево в Саратов об оном донесть ему, Бахметеву. //

РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 145. Л. 239–239 об. (Копия).

Публикуется впервые.

¹ Князецкая Е.А. Судьба одной карты : (о географе А. Бековиче-Черкасском). М., 1964. 119 с.

² Журнал, или Поденная записка, блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого с 1689 года даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1772. Ч. 2. Отд. 1. С. 379–386 ; Материалы Военно-учёного архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1. С. 314–323.

³ Материалы Военно-учёного архива ... 326–344.

⁴ Там же. С. 344–352.

⁵ Там же. С. 352–356.

⁶ Дорджиева Г.Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Элиста, 1995. С. 28.

⁷ Журнал, или Поденная записка ... С. 381.

⁸ Материалы Военно-учёного архива ... С. 359.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 145. Л. 239–239 об.

¹⁰ Соловьёв С.М. Сочинения в 18 книгах. М., 1988. Т. 17–18. С. 344.

¹¹ Материалы Военно-учёного архива ... С. 332.

¹² Там же. С. 331.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 331–332.

¹⁵ Там же. С. 346.

¹⁶ Там же. С. 320.

¹⁷ Камалов С.К. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978. С. 62.

¹⁸ Материалы Военно-учёного ... С. 332 – 333.

¹⁹ Там же. С. 334.

²⁰ Там же. С. 316.

²¹ Там же.

²² Uzbekistonda izhtimoi fanlar. Toshkent, 1997. С. 14.

²³ Материалы Военно-учёного архива ... С. 340.

²⁴ Там же. С. 350.

²⁵ Firdaws al-iqbal : history of Khorezm / by Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi; translated from Chaghatay and annotated by Yuri Bregel. Leiden ; Boston ; Köln ; Brill, 1999. P. 57 – 58.

²⁶ Ibid. P. 58.

А.В. И в а н о в

МАСКАРАДНЫЙ КОРАБЛИК «МИРОТВОРЕЦ» 1722 г.

Описания Московского маскарада 1722 г., которым ознаменовалось заключение Ништадтского мирного договора (30 августа 1721 г.), оставленные камер-юнкером Ф.В. Берхгольцом¹ и французским посланником Ж. де Кампредоном² и которые затем использовали С.Н. Шубинским³, М.И. Пыляевым⁴ и последующими историками, достаточно полно рассказывают об этом знаменательном событии. Бытует также немецкая современная событию гравюра из собрания Д.А. Ровинского, не раз используемая для иллюстрации самого торжества⁵.

Однако подлинные документы, касающиеся маскарадного кораблика «Миротворец», выявленные автором в коллекциях Центрального военно-морского музея, Российского государственного архива древних актов и Российского государственного архива ВМФ, позволяют внести в историографию маскарада существенные уточнения и ощутить подлинные масштабы всего праздника.

Вослед Ф.В. Берхгольцу в историографии утвердилось, что кораблик был построен теми же мастерами, которые строили 90-пушечный линейный корабль «Фридемакер» («Миротворец»), т. е. корабельным мастером Ричардом Броуном. На Санкт-Петербург в качестве места строительства кораблика также указывает секретарь голландского посольства Сварт в донесении 29 декабря 1721 г.⁶, сообщая об отправке в Москву «небольшого фрегата, вооружённого 24-мя пушками, который в Москве будет выставлен на показ народу, никогда ещё не видавшему такого рода судов»⁷. В то же время несколько документов существенно уточняют это утверждение.

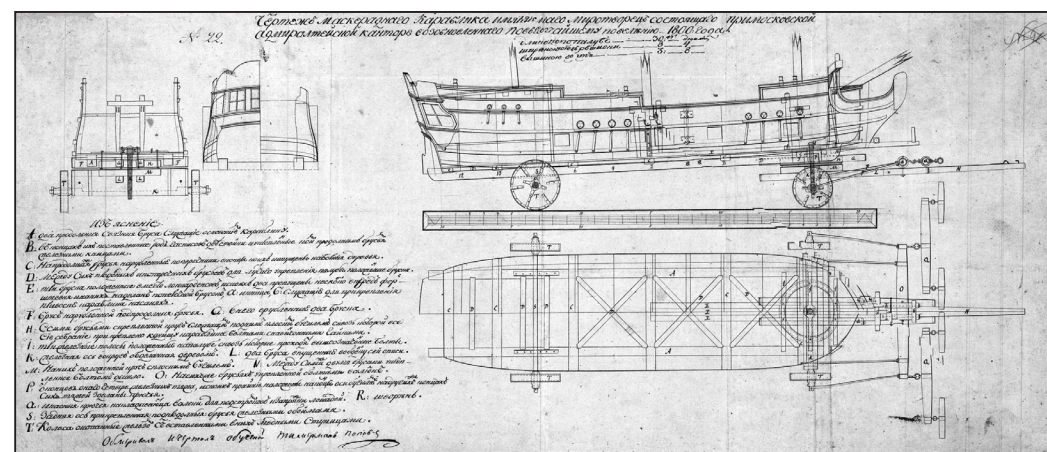
В частности, по справке секретаря Экипажской экспедиции при Адмиралтейств-коллегии Ф. Резанова, составленной в декабре 1743 г. (Прил. 1), «новой маленькой сухопутной каравль, котораго длина тритцать фут, ширина восьм фут», строился в Санкт-Петербургском адмиралтействе корабельным мастером Ф.М. Склеяевым. При этом приводится копия указа из конторы Адмиралтейств-коллегии от 25 ноября 1721 г. об изготовлении якорных канатов и такелажа на канатном дворе и отпуске их 2 января 1722 г. лейтенанту Яну Норману, бывшему при дворе императора Петра Великого⁸. Два документа — «ведение» для сборки из приготовленных частей маскарадного кораблика и донесение о доставке корабля «Фридемакера» в Москву (Прил. 2 и 3), — подписанные корабельным мастером Г.А. Меншиковым и направленные кабинет-секретарю А.В. Макарову в конце декабря 1721 г., показывают, что отправкой кораблика в Москву и сборкой его уже на месте занимался именно он⁹.



Ил. 1. Маскарад в январе 1722 г. в Москве. Немецкая гравюра XVIII в. (Хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина)

Требуется уточнения бытующее суждение, что роль матросов на кораблике во время маскарада выполняли «маленькие мальчики». В расходной книге кабинетных денег сохранилась запись, сделанная 17 февраля 1722 г.: «...по указу Императорского Величества выдано на прогоны шипору Яну Норману и при нём посланным осьми человеком маленьким матрозам, которые были в машкарате на корабле Фридемакере, також для отвозу парусных полотен, всего на восемь подвод ямских от Москвы до Санктпитебурха, на 732 версты, 20 руб. 32 коп.»¹⁰. Уже упомянутым Ф. Резановым в декабре 1743 г. была отыскана протокольная запись приговора Адмиралтейств-коллегии от 11 декабря 1721 г. об отправке «матрозов 16 человек» в Москву (Прил. 4), которым от Мундирной конторы были выданы по бострогу со штанами из английского сукна, пара башмаков с чулками, шуба и шляпа¹¹. Таким образом, матросами были не просто мальчики, а целенаправленно подобранные малолетние матросы (юнги), возглавляемые профессионалом — шкипером.

Дальнейшая после маскарада 1722 г. судьба кораблика не менее интересна. Хранились все «сухопутные суда», которых насчитывалось свыше 60, на фуражном дворе при Конюшенной канцелярии в Москве. Вспомнили о них после заключения Абовского мирного договора (7 августа 1743 г.), которым завершилась русско-шведская война 1741–1743 г. Уже 25 августа 1743 г. обер-штальмейстер императорского двора князь А.Б. Куракин памятной запиской («промеморией») потребовал от Экипажской экспедиции при Адмиралтейств-коллегии направить для оснащения кораблика опытного мастера¹². Однако, несмотря на то что какие-то мастерские были выделены, дело по неясной причине затянулось, пока 2 декабря 1743 г. в Адмиралтейств-коллегию не поступила новая «промемория» от А.Б. Куракина (Прил. 5)¹³, которая тут же была рассмотрена, и по ней принято решение направить для осмотра кораблика ученика, либо комендора, или десятника от Экспедиции над верфями и строениями,

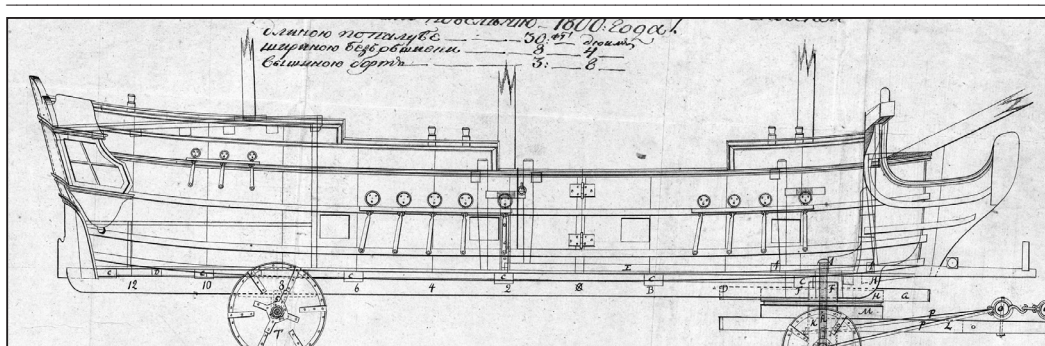


Ил. 2. П. Понов. «Чертеж маскераднаго караблика, имянуемаго "Миротворец"...». 1799 г. (ЦВММ. Сектор хранения чертежей. Инв. КП-44045/1)

а требуемые материалы отпустить от Экипажской экспедиции. Для А.Б. Куракина решено было составить справку о том, когда кораблик построен и кем управлялся¹⁴. Эти справки выше уже рассмотрены. 10 декабря 1743 г. Адмиралтейств-коллегия заслушала все подготовленные справки и выписки и постановила выбрать в Кронштадте из кают-юнг 16 человек «ис таких, которые на море в кампаниях бывали, и подлежащую работу могли б исправить порядочно, и собою б были видны», которым пошить мундир наподобие того, который был в 1721 г., из зелёного сукна, и срочно отправить их в Москву. Не полагаясь на возможности ранее высланных корабельных учеников под командой лейтенанта Шулепова, которым было поручено оснащение кораблика, решено также срочно направить в Москву корабельного мастера или подмастерья¹⁵. Сохранился список кают-юнг, датируемый 23 декабря 1743 г.: I матросского полка — Семён Соболев, Василий Пятницкий, Никифор Козаков, Григорий Петров, Фёдор Савельев, Дементий Татаринов, Матвей Михайлов, Иван Шульгин; II матросского полка — Василий Кузнецов, Андрей Лисицин, Василий Гласков, Алексей Держин, Пётр Большов, Афанасий Телепнёв, Илья Мурзянов, Александр Борисов¹⁶.

В Москву был послан корабельный мастер И.С. Рамбурх, который, с учётом предполагавшегося использования кораблика летом, составил проект и чертёж замены зимних саней под ним на колёса. Этот проект был представлен императрице Елизавете Петровне генерал-прокурором князем Н.Ю. Трубецким, и 20 января 1744 г. из Адмиралтейств-коллегии в Московское управление адмиралтейских дел последовал императорский указ немедленно сделать на кораблике колёса, для чего выделить необходимые материалы и деньги, «дабы всё исправлено было в самой скорости». В апреле 1744 г. последовало распоряжение выделить деньги лейтенанту Молчанову, сменившему Шулепова, из адмиралтейских сумм «без задержания» на приобретение различных «уборов» для кораблика, о чём оперативно оповещать непосредственно Правительствующий Сенат¹⁷.

Подробностей использования маскарадного кораблика в московских празднествах 1744 г. найти не удалось. 24 октября 1744 г. генерал-экипажмейстер князь М.А. Белосельский ордером дошёл Адмиралтейств-коллегии императорский указ (21 октября 1744 г.) о разоружении маскарадного кораблика и установке его «в надлежащее место». Для охранения кораблика и его «уборов» был назначен матрос Дмитрий Кирилов, повышенный по такому случаю в



Ил. 3. П. Попов. «Чертёж...». Фрагмент: вид сбоку (изображение повёрнуто в горизонтальное положение)

квартирмейстеры, и двое юнг, произведённых в матросы. В январе 1758 г. маскарадный кораблик со всем «зубором» принял от уже боцманматга Д. Кирилова капрал Галактион Волков¹⁸.

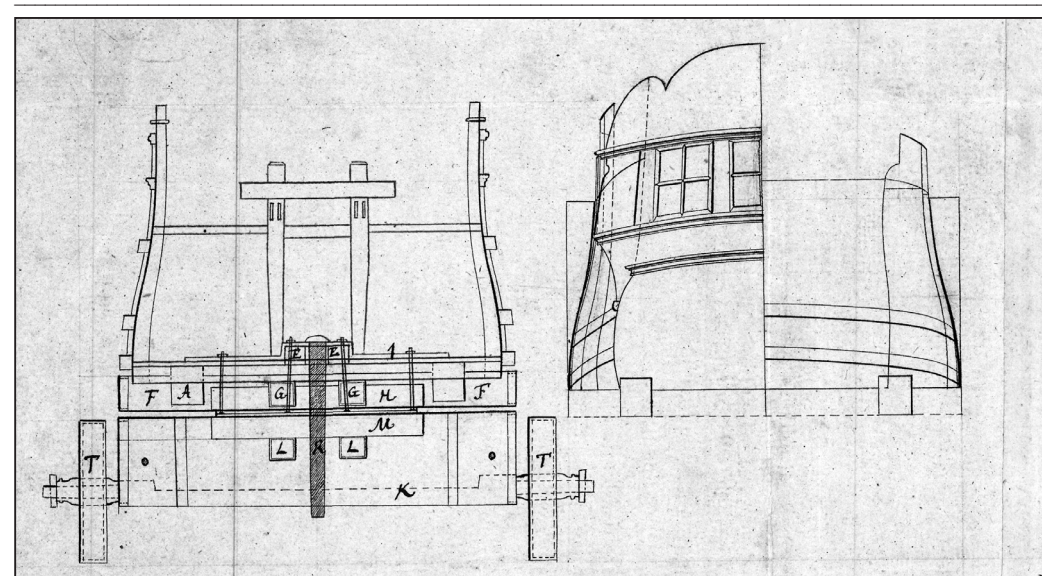
Летом 1762 г. принимавший под своё ведение Московскую адмиралтейскую контору статский советник Борис Никитин обратил внимание на ветхое состояние маскарадного кораблика и распорядился провести его осмотр и составить описание. 23 июля 1762 г. капитан-лейтенант Дмитриев, проводивший осмотр, рапортом донёс «реэстр» кораблика и его припасов, которые в большинстве случаев сопровождалась пометами «ветхое» и «негодное». Сам кораблик, его рангоут и такелаж «от долговременного бытия в магазине в ветхость пришли» и нуждались в ремонте. Б. Никитин переправил «реэстр» в Адмиралтейств-коллегию и сообщил, что в Москве нет знающих мастеровых, которые могли бы провести ремонт кораблика.

В сентябре 1762 г. Адмиралтейств-коллегия приказала «будущей зимой послать в Москву от корабельного мастерства кого надлежит по рассмотрению конторы Обер-сарваерской», и «велеть объявленный кораблик осмотреть, и каких требует починок описать», «учинить сметы и прислать в Коллегию»¹⁹. Это решение Коллегии, видимо, осталось невыполненным.

Согласно записке Московской адмиралтейской конторы, поданной летом 1799 г. в Адмиралтейств-коллегию, маскарадный кораблик хранился на «казённом фуражном дворе» дворцовой Конюшенной канцелярии. Когда в 1771 г. фуражный двор был сломан, кораблик перевезли на Московскую адмиралтейскую парусную фабрику, находившуюся в селе Преображенском, где поместили в специально построенном амбаре.

Указом 1784 г. фабрика переводилась в Новгород, поэтому к моменту освобождения территории кораблик был перемещён к Сухаревой башне в сделанный для него амбар. Всё это время и кораблик, и амбар продолжали находиться в ведении Московской адмиралтейской конторы, которая к 1799 г. озабочилась тем, что казённое имущество из-за времени пришло в большую ветхость, частично сгнило и обвалилось, металлические детали поржавели, а такелаж перегорел. Видимо, стремясь снять с себя излишнюю обузу и ответственность за памятную вещь, Контора донесла о состоянии постройки и кораблика в Адмиралтейств-коллегию и запросила её решение²⁰.

Коллегия обоснованно рассудила представить вопрос на высочайшее имя, приложив своё мнение о необходимости сохранить кораблик подобно тому, как в Санкт-Петербурге хранится ботик Петра Великого (Прил. 6). 17 августа 1799 г. Павел I на докладе Адмиралтейств-коллегии наложил резолюцию: «Подкрепя в худостях его всем нужным исправлением, хранить



Ил. 4. П. Попов. «Чертёж...» Фрагмент: сечение и вид сзади

памятником». На следующий же день Коллегия приказала Интендантской экспедиции подобрать и отправить в Москву «хорошего тимермана» и при нужде нанять других мастеров.

Далее дело развивалось неторопливо. Только 22 сентября 1799 г. обер-сарваеру А.С. Катасанову был послан указ о подборе «хорошего тимермана», на что 2 октября А.С. Катасанов предложил Интендантской экспедиции на выбор двух тимерманов — Петра Попова и Евграфа Козмина. Выбор Экспедиции пал на П. Попова²¹. Предоставленная в Экспедицию выписка из послужного формуляра П. Попова позволяет ближе познакомиться с ним. Тимерман Пётр Попов, 22 лет от роду, происхождением из мастеровых, находился в службе с 1786 г., чин тимермана получил в 1794 г., был грамотен, женат, не подвергался штрафам и «казённым взысканиям»²².

21 октября 1799 г. «обученный тимерман» П. Попов прибыл в Московскую адмиралтейскую контору и приступил к осмотру кораблика, составлению чертежа и ведомости на его ремонт. В своём рапорте по результатам осмотра, к которому были приложены две ведомости, П. Попов дополнительно указывал, что амбар, в котором находится кораблик для его ремонта и хранения, не годится из-за тесноты и расположения в низком и влажном месте, поэтому он предложил построить специальный помост для проведения ремонта вне амбара, а сам амбар отремонтировать, и поднять в нём полы повыше²³. Чуть позже П. Поповым были выполнены обмерные чертежи кораблика и амбара. В январе 1800 г. генерал-лейтенант А.И. Стурм, принявший «главноприсутствие» в Московской адмиралтейской конторе, докладывал, что работы на кораблике ещё производятся. Решением Коллегии припасы и такелажные вещи, оказавшиеся совсем негодными, предложены к продаже и употреблению на «казённые надобности»²⁴.

После ремонта, произведённого П. Поповым, «Миротворец» в определённые праздничные дни был доступен для осмотра москвичами, т. е. выполнял предназначенную для него роль памятника. Маскарадный кораблик был уничтожен в огне Московского пожара 5 сентября 1812 г. Где сейчас находятся его пушки, установить не удалось.

Реестры и ведомости 1749, 1758, 1762 и 1799 годов и чертёж, составленный П. Поповым, интересны не только характеристикой состояния памятной вещи — маскарадного кораблика, но и дают полное и действительное представление о его оборудовании и устройстве — довольно редкий случай подобного рода, предоставляющий возможность провести историческую реконструкцию известного памятника.

Длина «Миротворца» «по палубе» составляла 30 футов (9,15 м), габаритная длина более 36 футов (11 м), ширина максимальная вместе с обшивкой 8 футов 4 дюйма (2,53 м)²⁵, высота борта на середине вместе с основанием более 4½ фута (1,41 м), максимальная высота с основанием почти 8 футов (2,39 м).

В основании кораблика лежали два продольных параллельных бруса, обозначенных на чертеже П. Попова буквой «А». На продольные брусья нарублены шесть поперечных брусьев («С»), которые образовывали своеобразные палубные бимсы. Кроме брусьев-бимсов, в продольные брусья врезаны несколько более тонких брусков («D»), дополнительно связывающих всю конструкцию. В носовой части на концы продольных брусьев, там где обшивка корпуса наиболее изгибается, железными кницами закреплены вертикальные бруски («В»), а в концы поперечных брусьев-бимсов врезаны вертикальные бруски-шпангоуты, образующие форму самого корпуса кораблика. От середины вперёд на брусья-бимсы были наложены рядом друг с другом три длинных бруса («F»), средний из которых являлся основанием для крепления форштевня, а два крайних выступали несколько за него и служили для крепления кораблика на санях. Образованный силовой набор был обшит тонкими досками только снаружи, с имитацией бархоутов более толстыми досками. Настланная на брусья-бимсы палуба дополнительно обита «красной полубумажной парусиной».

В корме была устроена каюта с лавками высотой от пола до потолка 5 футов 4 дюйма (1,64 м) и длиной по полу свыше 8 футов (2,46 м). Каюта была оборудована пятью окнами, завешенными изнутри жёлтыми занавесками с бахромой. На лавках, завешенных отдельными занавесками зелёного цвета, находились жёлтые вышитые подушки. Дубовый стол накрыт скатертью (намётом) жёлтого цвета с бахромой, но в наличии была скатерть и красного цвета. В каюте находились каютный колокол, две переговорные трубы (большая и малая) из позолоченной жести.

В носу кораблика находился короткий форкастель — своеобразный чулан, и переборка биггеда. Чулан мог использоваться для хранения многочисленных припасов. Тут же внутри кораблика, кроме всевозможных битенгов вокруг мачт, находился корабельный колокол, различные ушаты и бочки с необходимыми в «плавании» припасами.

В бортах имелись 8 пушечных портов для настоящих пушек, но кроме них, в бортах были укреплены фальшивые пушечные стволы, выточенные из дерева. Ведомостями середины XVIII в. указывается наличие при кораблике 10 медных пушек со всеми артиллерийскими принадлежностями и 14 пушечных станков. Этих пушек в 1799 г. П. Попов не обнаружил, и их бытование остаётся неизвестным.

В марте 1801 г. из имевшихся в магазине Артиллерийской экспедиции по Экипажскому департаменту были выбраны восемь 1-фунтовых медных фальконетов со всеми к ним принадлежностями, к которым изготовлены колёсные станки²⁶. Когда и как эти пушки были переправлены в Москву, осталось неизвестным. В 1862 г. писали, что в Сухаревой башне хранятся восемь медных пушечек, видимо уцелевших в пожаре 1812 г.²⁷ Есть мнение, что новые пушечки «Миротворца» хранились в Сухаревой башне вплоть до её сноса в 1934 г.²⁸ К сожалению, количество деревянных макетов пушек, установленных в бортах, неизвестно, как не выявлено конкретных сведений о декоративном убранстве кораблика.

На корме, видимо под окнами, была выполнена надпись по-русски: «Миротворец». Над кормовыми окнами были укреплены три позолоченных кормовых фонаря.

Кораблик имел три мачты со стеньгами и флагштоками, три яруса реев и парусов, бушприт с утлегарем. Такелажная и парусная оснастки, несмотря на определённую упрощённость в проводке, позволяли ставить и убирать паруса, «лавировать», поднимать флажные сигналы, т. е. производить все эволюции настоящего корабля. Удивительно, как при этом кораблик не опрокидывался от порывов ветра. Размеры рангоута (мачт, стеньг и реев) пока не выявлено, однако сохранившиеся размеры марселя в 4 аршина 7 вершков (3,15 м) позволяют произвести соответствующие расчёты. 9 декабря 1800 г. Адмиралтейств-коллегия, рассмотрев чертёж «Миротворца», постановила препроводить его в Интендантскую экспедицию для назначения ведомости рангоуту и такелажу. Интендантская экспедиция 14 января 1801 г. передала чертёж обер-сарваеру А.С. Катасанову для «означивания» пропорции мачтмакерским припасам, чтобы затем в Экипажском департаменте «сочинили» дельную книгу. Результат этого поручения остался неизвестен²⁹. Повторно затребование копии чертежа «Миротворца» было произведено Государственным Адмиралтейским департаментом в августе 1806 г., но чем закончилось и на этот раз также осталось невыясненным³⁰.

При кораблике хранились также 4 комплекта матросского мундира и 16 комплектов мундира для кают-юнг. Матросский мундир состоял из парусиновых («канефасных») куртки («бострога») с вязанными («гарусными») пуговицами и штанов и безрукавного «полукаламенкового» плаща («ендрика»). Мундир юнги был несколько богаче: куртка с костяными пуговицами и штаны из зелёного английского сукна, белый «караменковый» плащ, матросская шляпа, покрытая чёрным трипом с красной триповой опушкой, шёлковый красный в полоску платок.

Интересно, что при кораблике содержалось в сундуке большое количество различных флагов, вымпелов и флюгеров, среди которых первым упомянут морской штандарт. «Миротворец» поражал москвичей не только размерами, но и флажным и световым оформлением. Одних флюгерных стоек («септоров») вокруг кораблика и на марсах было 15, кроме 4 штатных флагштоков на корме и на мачтах. На корме светились 3 больших фонаря, по всему кораблику установлены до 45 фонарей «средней руки» и 355 (!) «малой», т. е. фонариков. Вместе с позолоченной резьбой, переливавшейся под светом многочисленных фонарей, каждый раз при выстреле из пушек вспыхивавшей разноцветными бликами, развевающимися флагами и поставленными белоснежными парусами «Миротворец» должен был производить неизгладимое впечатление на зрителей. К сожалению, кроме упоминания самого наличия вызолоченной резьбы «вокруг корабля», других более конкретных описаний декоративно-художественного убранства автору обнаружить не удалось.

Хочется надеяться, что найденные документы и чертёж «славной сухаревской игрушки», маскарадного кораблика «Миротворец», поспособствуют появлению энтузиастов восстановления одного из известных символов Петровского времени, так долго сохранявшегося в Москве в память о Петре Великом и его деяниях³¹.

Приложение 1

1743 г., 5–10 декабря. – Справка секретаря Экипажской экспедиции при Адмиралтейств-коллегии Фёдора Резанова о постройке маскарадного корабля в Санкт-Петербурге в 1721 г.

¹В 1721 году ноября 25 дня по посланному ис Канторы адмиралтейской на канатной двор указу велено: по требованию камандора Юрья Деланга на строящейся при Адмиралтействе мастером Складевым новой маленькой сухопутной каравель, котораго длина тридцать фут, ширина восьмь фут, делать якорные канаты и такелаж, л. 321

которые сделаны и к камандору Делангу отпущены. А от него, Деланга, по сделании такелаж отпущен бывшему тогда при дворе блаженныя и вечно достойныя памяти Г[о]с[уд]д[а]ря Императора Петра Великого лейтенанту Яну Норману генваря 2 дня 1722 году.

Секретарь Фёдор Резанов

А кроме того, о строении объявленного карабля никакова известия нет.¹

²При сём же подписать для оснаст[т]ки показанного карабля в нынешнем [1]743 году в Москву ж служители посланы ль, и когда, и сколько, каких по чинам, и по чьему требованию.

Канцелярист Филип Бардуков² //

РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 321. (Подлинник). Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – секретарский с подписью.

²⁻² Второй почерк – писарский с подписью канцеляриста.

Приложение 2

1721 г., 28 декабря. – Ведение о сборке из подготовленных частей маскарадного карабля «Фридемакера» («Фридримакор») корабельного мастера Гаврила Авдеевича Меншикова

л. 335 ¹В Кабинет Его Императорского Величества
Ведение

Надлежит быт[ь] для сбирания карабля «Фридримакора» три ч[е]л[о]века кузнецов, три ч[е]л[о]века столяров, досок сто толщиной в один дю[йм], трёх ч[е]л[о]век плотников да петдесят лубков на кузницу

Гаврил Меншиков¹

²О мастерах писат[ь] к полковнику Адоевскому, которой ведает А[д]миралтейской приказ, а доски и луби купит[ь]

декабря 28 дня 1721 года².
³в 30 де[нь] декабря записано³ //

РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 4. Отд. II. Кн. 56. Л. 335. (Подлинник). Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк с собственноручной подписью Г.А. Меншикова.

²⁻² Второй почерк, возможно А.В. Макарова.

³⁻³ Третий почерк – писарская помета.

Приложение 3

1721 г., декабрь. – Донесение о доставке маскарадного карабля «Фридемакера» («Фрейдеимакор») в Москву корабельного мастера Г.А. Меншикова

л. 317 ¹В Кабинет Его императорского Величества
Доношение

Сего декабря Его Императорского Величества указом повелено мне поставить линейной карабл[ь] «Фрейдеимакор» в Москву в немедлен[н]ом времени.

Всепокорно просим, дабы повелено было Его Императорского Величества указом под помянутой л[и]нейной карабл[ь] и под людей в Москву отпустить 40 лошадей с хомутами и з дугами в скорых числах в немедлении, чтоб за помянутыи лошадям неучинилас[ь] остановка.

О сём доносит морского флота порутчик и корабельно[й] мастер Гаврил Меншиков декабря дня 1721 году¹.

²Гаврил Меншиков²

³В 3 де[нь] декабря записано³ //

РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 4. Отд. II. Кн. 56. Л. 336. (Подлинник). Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – писарский.

²⁻² Второй почерк – собственноручная подпись Г.А. Меншикова.

³⁻³ Третий почерк – писарская помета.

Приложение 4

1743 г., 5–10 декабря. – Справка об обмундировании матросов маскарадного кораблика «Миротворец» в 1721 г.

1721-го году декабря 11-го дня по приговору Адмиралтейств-коллегии велено л. 322
матрозом 16 человеком, которые по имянному Его Величества указу отправляются в Москву, выдать от Мундирной канторы мундиру по бострогу с штанами из аглинского сукна, по паре бошмаков с чюлками, по шубе, по шляпе и отдать всем на лицо с росписками.

Ис подлинной приговорной книги выписывал
копиист Сергей Ключарев //

РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 322. (Писарская выписка).

Публикуется впервые.

Приложение 5

1743 г., 5 декабря. – Промемория князя А.Б. Куракина о подготовке маскарадного кораблика в Москве

¹Подана декабря 2 дня 1743 году.¹

²Промемория

л. 317

От обер-шталмейстера сенатора и ковалера князя Куракина в Государственную Адмиралтейскую коллегию. Понеже по имянному Ея Императорского Величества высочайшему изустному соизволению повелено маскарадные сани и линии собрать, чтоб в ездку исправны были, между которыми находится в ведомстве Конюшенной канцелярии маскарадный карабль, которой присланными от Адмиралтейств-коллегии починкою исправляется, а доношением Конюшенная канцелярия представляет, что по требованию означенных адмиралтейских служителей надлежит к починке и убиранию того карабля по ниже означенному реэстру материалы, а понеже оной карабль наперед сего строен был от оной Адмиралтейств-коллегии, того ради о починке того карабля, чтоб оный совсем был как надлежит к ходу в готовности, своими материалами и служителями Государственная Адмиралтейств-коллегия благоволит учинить по Ея Императорского Величества указу.

IV. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

Декабря 2 дня 1743 года.
Слушана 5 декабря. //

л. 318 Реэстр требуемым материалам

Мар[с]ель дву ревной, верхнева лику длиною трёх аршин трёх вершков, в пять полотен от верхнева лику до нижнего, длина полотну четыре аршина семь вершков, нижняго лику от шкаторлена до шкаторлена пять аршин пять вершков.

Штаксель от фалу до галсу по лику длиною пять аршин, в четыре полотнища, шириною дву аршин с половиною.

Флагов:

Первого адмирала один.

Второго адмирала один.

Вымпелов ординарных два.

Гюйс ординарной один.

Флюгеров ординарных три.

Кампасов ординарных в деревянных корпусах два.

Борис Александров². //

РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 317, 318. (Писарская копия).

Публикуется впервые.

¹⁻¹ Писарская помета.

²⁻² Писарская копия.

Приложение 6

1799 г. 17 августа. – Донесение Адмиралтейств-коллегии императору Павлу I о состоянии московского маскарадного кораблика

л. 102 ¹Докладывано 17 августа 1799 года¹

²Адмиралтейств-коллегия с рапорта Московской канторы доносит, что при канторе той, в нарочно зделанном сарае, стоит маскарадной кораблик, имянуемой «Миротворец», которой ещё во время бывшего при жизни государя императора Петра Великого для заключённого в 1721 году между Россиею и Швециею мира торжества употребляем был на санях; а в 1744-м году по последне заключённому со Швециею ж миру – на колёсах; и как от давняго построения пришил в такую обветшалость, что дно совсем, а кокоры до половины сгнили, палуба обвалилась, каютной стенной прибор истлел, мелочныя железныя укрепления перержавели, мачтовые древни погнили и такелаж перегорел, // равно и вокруг кораблика позолоченная резьба полиняла; почему Коллегия и представляет, не благоугодно ли будет высочайше указать упоминаемый кораблик так, как памятник, подкрепя всем нужным исправлением, хранить в построенном сарае, подобно как и здесь ботик императора Петра Великого соблюдается.² //

³Починить³

РГА ВМФ. Ф. 198. (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии адмирала Г.Г. Кушелева). Оп. 1. Д. 26. Л. 102–102 об. (Затись в книге докладам на высочайшее имя).

Публикуется впервые.

¹⁻¹ Писарская помета на правом поле скорописью.

²⁻² Писарский почерк в записной книге докладам.

³⁻³ Резолюция третьим почерком.

IV. PUBLICATIONS OF SOURCES

Приложение 7

1799 г., октябрь–ноябрь. – Выписка из ведомости потребных материалов для ремонта маскарадного кораблика, составленная тимерманом Петром Поповым

Ведомость о потребных ко исправлению состоящего в Москве при Адмиралтейской канторе обветшалаго маскарадного кораблика починкою нижеписанные материалов*

	Щет	Длина	Ширина	Толщина
На продольные и поперечные связные брусья, ис коих два должны быть ис копаней ³²				
Бревен сосновых	2	5 саж. ³³	–	8 верш.
При них веть (ветвь корня. – А.И.)	–	6 фут	–	5
Бревен сосновых	10	2 саж.	–	5
	5		–	6
Брусков дубовых	2	22 фут	10 дю.	9 дю.
На настиление палубы досок сосновых	16	3 саж.	–	1½
	12	4 фут	–	
На боковую обшивку досок дубовых	8	От 20 до 30	От 12 до 16	1½
	12			
На бархоуты дерев дубовых	6	От 12 до 30	18	10
	12			
Для палубы наг каютной (надкаютной. – А.И.) на клямисы ³⁴ досок сосновых	2	2 саж.	–	2
На бимсы брусков дубовых с погибью	5	10 фут	6	5
На настилку палубы досок сосновых	8	2 саж.	–	1½
Для форкастеля ³⁵ на бимсы брусков дубовых с погибью	2	10 фут	6	5
На палубу досок сосновых	2	2 саж.	–	1½
На пикгет ³⁶ переборку доска дубовая	1	10 фут	6	5
На стенгоусы брусков дубовых	4	10	6	6
На крамбол брусок дубовый	1	12	9	9
На контор тимберсы ³⁷ дерев дубовых с погибью	2	12	12	6
На квартал писы ³⁸ дерев дубовых с погибью	2	8	16	6
На каютную переборку досок сосновых	2	2 саж.	–	2
	2		–	1½
На залавки досок сосновых	6	2	–	2
На биткинсы и красписы ³⁹ брусков дубовых	8	10	6	6

* Перечисление гвоздей, ниток, мела и т. п. опущено из-за малой информативности – А.И.

IV. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

На стандерсы ⁴⁰ книц дубовых	2	6	10	8
При них веть		4	—	6
На партнарсы ⁴¹ досок дубовых	2	12	18	6
На галсовые блоки, кнехты, крюссовые и кофель планки брусков дубовых	6	12	6	6
На случай непредвиденных могущих открытца при иправлении негодными из числа наборных членов дерев дубовых	4	12	10	5
	8	8	10	5
Под караблик на стелюги, на шергины, упорки, хватки и клинья бревен сосновых	16	3 саж.	—	6 верш.
	12	2	—	4
Брусков дубовых	10	10 фут	6	5 дю.
На вымосты досок сосновых	25	2 саж.	—	3

На зделание моста, на коем должен исправлятца караблик

Бревен сосновых	3 саж.	6 верш.	10 щет
Досок сосновых	3	3 дюйм	30

К сему исправлению потребно плотников двенадцать человек, коими окончен быть может чрез два месяца, сверх употребления означенных материалов, потребно на гакаборте и квартом писах резьбу и деревянные, вставленные в боргах, точеные пушечки переменить, все железные вещи, как то вант-путинсы, в разных местах лежащие связи и крючья по отнятии от мест вычистить и выворонить, весь караблик красною позолотою подновить, в каютах стены обить и рамы в каютные окна со стеклами зделать. //

РГА ВМФ. Ф. 135 (Интендантская экспедиция при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 2. Д. 281. Л. 8–10. (Подлинник).
Публикуется впервые.

¹ Берхгольц Ф.В. Дневник камер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725 г. М., 1858. Ч. 2 : 1722-й год.

² См. переписку Ж. де Кампредона с Г. Дюбуа: № 4. От г. де Кампредона к кардиналу Дюбуа. Москва. 15–16 января 1722 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49. С. 22; № 10. От г. де Кампредона к кардиналу Дюбуа. Москва. 16 января 1722 г. // Там же. С. 47–52.

³ Шубинский С.Н. Московский маскарад 1722 г. // Он же. Исторические очерки и рассказы. СПб., 1908. С. 80–85.

⁴ Пыляев М.И. Старая Москва : Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 109–111.

⁵ «Маскарад в январе 1722 г. в Москве.» Немецкая гравюра XVIII в. Хранится в ГМИИ им. Пушкина. Во всех изданиях приводится копия подлинника с соответствующими упрощениями и искажениями.

⁶ Даты приводятся так, как в документах.

⁷ МИРФ. СПб., 1865. Ч. II. С. 653 (№ 2474).

⁸ РГА ВМФ. Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 321.

⁹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Оп. 4. Отд. II. Кн. 56. Л. 335, 336.

¹⁰ Еситов Г.В. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Том второй. М., 1872. С. 96.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 322.

¹² Там же. Л. 319.

¹³ Там же. Л. 317, 318.

¹⁴ Там же. Л. 320.

¹⁵ Там же. Л. 326–328.

¹⁶ Там же. Л. 336 и об.

¹⁷ Там же. Оп. 1762 г. Д. 1. Л. 115–116 об.

¹⁸ Там же. Оп. 1743 г. Д. 5. Л. 116 об.–122 об.

¹⁹ Там же. Оп. 1762 г. Д. 1. Л. 109–128.

²⁰ Там же. Ф. 135 (Интендантская экспедиция при Адмиралтейств-коллегии). Оп. 2. Д. 281. Л. 3–4.

²¹ Там же. Л. 1, 2, 15, 15 об.

²² Там же. Л. 17.

²³ Там же. Л. 5–7, 14.

IV. PUBLICATIONS OF SOURCES

²⁴ Там же. Ф. 212. Оп. II отд. Д. 885. Л. 152, 152 об., 160, 160 об.

²⁵ На чертеже П. Попова ошибка: «ширина без досок 8 футов 4 дюйма», тогда как промер по чертежу показал, что это ширина вместе с бархоутами.

²⁶ РГА ВМФ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 281. Л. 31, 32, 34, 34 об.

²⁷ Сухарева башня в Москве. Русские : с видом башни и портретом графа Якова Брюса. М., 1862. С. 7. (Русские достопамятности ; вып. I).

²⁸ Муравьев В.А. Святая дорога. История московских улиц. М., 2003. С. 186.

²⁹ РГА ВМФ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 281. Л. 29, 30–30 об.

³⁰ Там же. Ф. 212. Канц. III отд. Д. 154. Л. 192–194.

³¹ Щербо Г.М. Сухарева башня : История памятника и проблемы его воссоздания. М., 1997. 44 с.

³² Копань – старинное обозначение заготовки дерева из ствола с частью корня.

³³ Размерность (сажень, вершок, фут и дюйм) в документе проставлена вперемешку. Там, где она

отсутствует, следует руководствоваться предыдущей размерностью.

³⁴ Клямсы – конструкционный элемент набора, толстые доски, прикрепленные изнутри на шпангоуты, на которые нарубались поперечные балки (бимсы) палубы.

³⁵ Форкастель – носовая надстройка.

³⁶ Бигтед – поперечная передняя переборка форкастеля.

³⁷ Контр-тимберс – вертикально установленное дерево, формирующее кормовую оконечность корабля.

³⁸ Квартерписы – деталь конструкции кормы.

³⁹ Битенг с краспицей – вертикально установленные бруски (битенги) с поперечиной (краспицей) для крепления снастей на палубе.

⁴⁰ Стандерс – дополнительное крепление бортов изнутри.

⁴¹ Пяртнерс – дубовая плаха с гнездом для крепления нижнего конца (шпора) мачты в корпусе корабля.

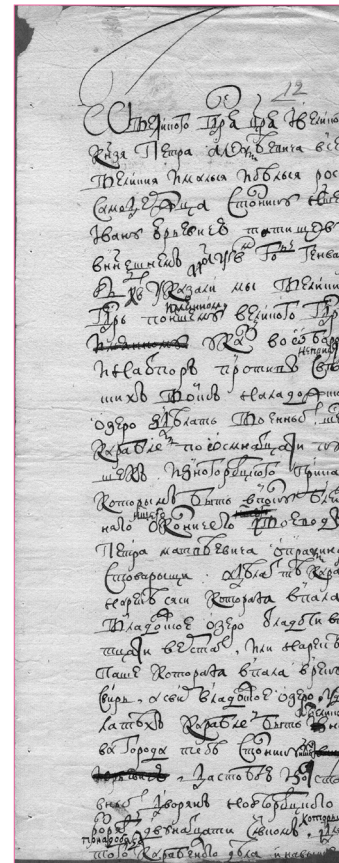
П.А. Кротов

СЯСЬСКАЯ ВЕРФЬ И НАЧАЛО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

22 января 1702 г. Пётр I издал именной указ: «...во оборону и на отпор против неприятельских швейских войск на Ладожское озеро сделать военных шесть караблей по осмнатцати пушек из Но[в]городского приказа, которым быть в полку ближняго нашего окольного и воеводы Петра Матвеевича Опраксина с товарищи, а делать те карабли на реке Сяси, которая впала в Ладожское озеро, от Ладоги (города. — П.К.) в тритцати вёрстах или на реке Паше, которая впала в реку Свирь, а Свирь — в Ладожское озеро»¹ (Ил. 1).

Царский указ являлся частью обширного замысла, конечной целью которого было получение страной выхода на побережье Балтийского моря. Ключевым пунктом задуманной стратегической схемы являлось овладение Нотебургом — шведской крепостью на острове Орехов в истоке Невы из Ладожского озера. Эта крепость была построена в 1323 г. московским князем Юрием Даниловичем, получила название Орешек. В начале XVII столетия, в годы лихолетья Смутного времени, она была захвачена шведами. Обладание этой твердыней позволяло шведам контролировать удобный водный путь Невою из Ладожского озера к Балтийскому морю. Иными словами, для шведов крепость играла роль своего рода замка, который, как не без оснований казалось, надёжно запирает для россиян водную дорогу к Балтике. Взять крепость в истоке Невы было невозможно без разгрома и вытеснения с Ладоги шведской, так называемой Нюенской (Невской), эскадры, действовавшей под флагом вице-адмирала Г. фон Нумерса. Чтобы нанести поражение этой шведской эскадре и соответственно открыть подступы к Нотебургу, создать предпосылки для овладения крепостью штурмом, нужны были вооружённые артиллерией военно-морские корабли. Таковых к началу 1702 г. в регионе Ладожского озера россияне не имели. Именно для решения этой задачи царь и указал в январе 1702 г. «во оборону и на отпор против неприятельских швейских войск на Ладожское озеро» построить эскадру из шести 18-пушечных кораблей. Намеченные к постройке корабли были пригодны и для морских походов.

Стратегический замысел Петра I предполагал после овладения Нотебургом и последующего взятия несравненно более слабой крепости, Нюенсканс (нем. Ниеншанц, рус. — Канцы), близ устья Невы основать на первом же отвоёванном у шведов куске балтийского побережья город своей мечты — будущий «царствующий град Санкт-Петербург». Город Святого Петра в устье Невы должен был стать и базой военно-морского флота, который также только предстояло создать.



Ил. 1. Указ Петра I о строительстве на реках Сяси или Паше шести малых фрегатов от 22 января 1702 г. Список 1702 г. (РГАДА. Москва)

Выбор места для верфи

Комендант Новгородского уезда стольник Иван Юрьевич Татищев, назначенный руководить строительством этих кораблей, провёл в феврале 1702 г. обследование Сяси, Пашы, низовьев Свири, одного из её рукавов — Свирицы. Он выяснил, что наибольшая достаточная для проводки таких кораблей глубина, удобные для устройства верфи участки берегов, большие сосновые леса имелись в низовье Сяси². Там издавна строились суда, в том числе предназначенные для торговли тихвинских купцов со Швецией в Стокгольме³.

И.Ю. Татищев был весьма деятелен. К 16 февраля под его началом была подготовлена «Описная и перемерная роспись», которая содержит сведения о глубинах рек Сясь, Паша и Свирь и береговых участках этих рек, подходящих для судостроения. Документ был тогда же послан в Новгородский приказ в Москву. «Роспись» называет с конкретными привязками на местности, с указанием точных расстояний два подысканных в нижнем течении Сяси места для государева военного кораблестроения. Близ устья Сяси располагалось, и ныне стоит, живописное селение Сясьские Рядки. Употреблялось тогда же на равных правах и другое наименование поселения — Сясьское Устье. По словам жителей Сясьских Рядков, выявленные И.Ю. Татищевым удобные для судостроения участки берега не подтоплялись вешнею, полою водою. Это было необходимое условие для обустройства верфи. Глубины и ширина Сяси в нижнем течении оказались достаточны для спуска на воду и проводки до Ладоги кораблей, которые намечалось построить на будущей верфи.

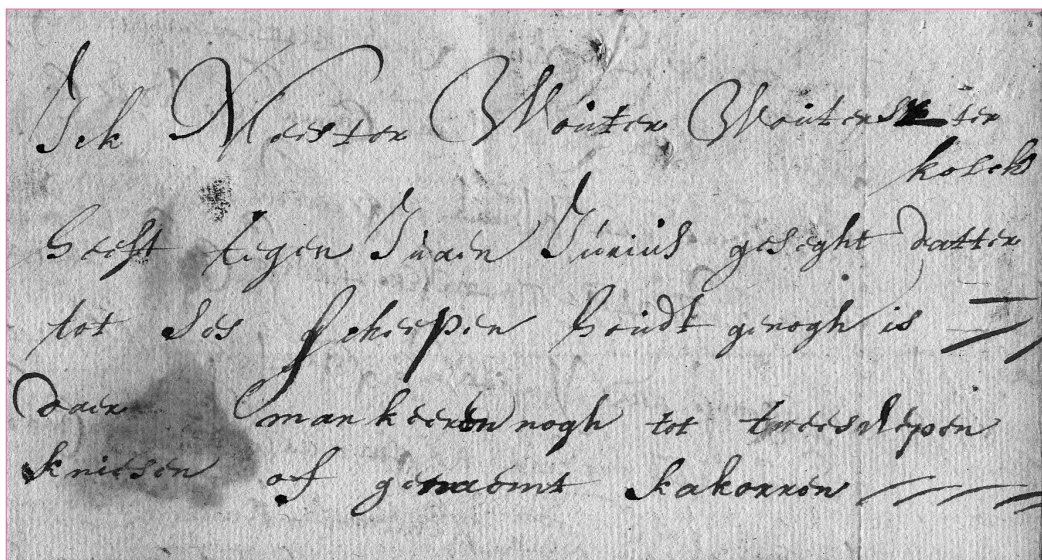
Что же говорится в документе?

Полезно привести его полностью в той части, что относится к выбору места для государственной верфи на Сяси. Дело в том, что для установления конкретного местоположения петровской верфи, для проведения в будущем археологических изысканий могут быть важны иногда, как кажется на первый взгляд, самые малозначительные подробности.

Замеры глубины, протяжённости и ширины реки, описание местности вблизи Сясьских Рядков производились начиная от места впадения Сяси в Ладожское озеро: «От того устья на 1458 саженьях (3149 м. — П.К.) до Сяских Рядков, где живут государевы, дворцовые крестьяне, и до церкви Успения Пресвятыя Богородицы рекою Сясею в глубину воды по 5, 5¹/₄, 5¹/₂, 6¹/₄, 6¹/₂ и по 7 и по 7¹/₂ аршин (аршин — 0,72 м. — П.К.).

А поперег в вышеписанных мереных местах воды по 50, и по 40, и по 35, и по 25 сажень в трёхаршинную меру⁴.

А от той церкви вверх по реке Сяси, по левой стороне, где корабли делать и к спуску на воду ближе (выделено нами. — П.К.), Николаевского Медведского монастыря пашенной земли 70 сажень (151 м. — П.К.).



Ил. 2. Собственноручная приписка и подпись корабельного мастера Воутера Воутерса в русском переводе и по-голландски: «Я, мастер Воутер Воутерс тер Колк, сказал Юану Юриусу, что для строительства шести кораблей есть довольно дерева, но что не хватает книц, так называемых кокор, на два корабля» (Ick Meester Wouter Wouters ter Kolck heeft tegen Juaen Jurius geseght datter tot ses schepen houdt genogh is daer man keeren nogh tot twee schepen knitsen of genaemt kakorren). Расшифровка текста и перевод выполнены Э. Вагемансом (Бельгия) и Х. ван Конингсбрюгге (Нидерланды). 1702. (РГАДА. Москва)

А по сказке тутошних жителей, того берега полою водою не понимает.

Против того берега в реку Сясь от берега в сажени в глубину воды аршин, в 2-х сажнях 2 аршина, в трёх сажнях $3\frac{1}{4}$ аршина.

От того описного места в 2-х вёрстах по той же стороне того ж Николаевского монастыря вверх по Сяси-реке к монастырской их деревне Опокам, где корабли делать и к спуску на воду ближе (выделено нами. – П.К.), пашенной земли 80 сажен (173 м. – П.К.), а в гору 150 сажен.

А по сказке тутошних жителей, того берега полою водою не понимает.

Под тем берегом в реку Сясь от берега в сажени в глубину воды 2 аршина, в 2 сажнях 3 аршина без четверти, в 3 сажнях $3\frac{1}{2}$ аршина.

А от вышеписанного описного места от церкви Успения Пресвятыя Богородицы до деревни Опок посредине реки Сяси в глубину воды по 5, и по 6, и по 7, и по 8, и по 9 аршин.

А от деревни Опок вверх по Сяси-реке до порога в 8 вёрстах пришли плитоватые и крутоберегие и к корабельному строению несвободные⁵, а в глубину воды по 7, и по 8, и по 9, и по 10 аршин и больше.

А от того порога пошли пороги частые и в реке места мелкие и каменистыя, в летнее время ездят в малых судах и то с нуждою⁶.

Таким образом, как явствует из «Росписи», имелись два удобных места для государева судостроения — оба на правой стороне (если считать, как принято, вниз по течению) реки Сясь. Одно выше Успенской церкви (70 сажней вдоль берега), другое ещё в двух вёрстах

выше по течению Сяси, у деревни Опоки (80 сажней вдоль берега). Далее вверх по течению реки удобных для судостроения мест не было вовсе. Надо полагать, что Сясьская верфь разместилась в одном из этих или, возможно, на обоих названных участках побережья реки.

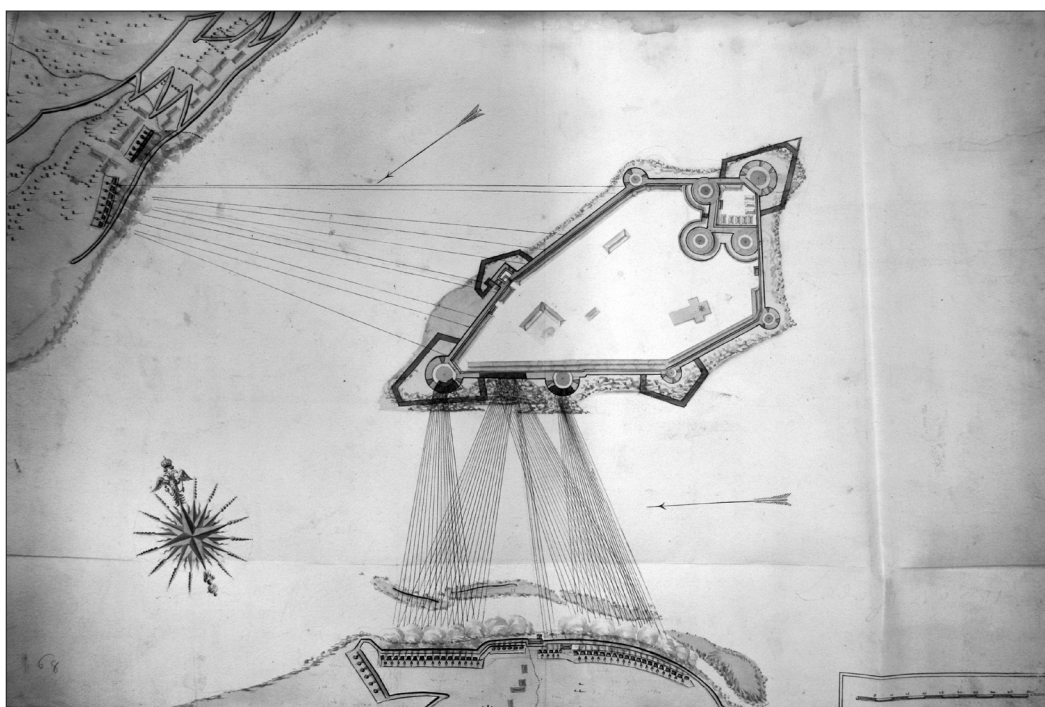
Первенцы Балтийского флота малые фрегаты «Сясьский 1-й» и «Сясьский 2-й» (1702–1703)

16 февраля 1702 г. олонекким бурмистрам было приказано немедленно прислать в распоряжение И.Ю. Татищева плотников, рабочих людей с лошадьми, ценовальников и подъячего, чтобы «к тому корабельному делу готовить всякие корабельные леса, припасая из соснового лесу, с великим поспешением». Для описи сосновых лесов по Сяси был послан дворянин П.Ф. Есипов⁷. В указе Петра I от 14 февраля того года упоминалось об отъезде на Сясь корабельного мастера Воутера Воутерсона⁸ «для указыванья тех фрегатов и заготовливанья лесов»⁹ (Ил. 2). Денежное жалованье мастеру было назначено в размере 5 руб. 20 коп. ежемесячно¹⁰.

1 мая 1702 г. на верфи в дворцовом селе Сяськом Устье начали строить два малых фрегата¹¹. Все шесть малых фрегатов В. Воутерсон тер Колк заложить не решился по причине недостатка опыта: «...у нынешних кораблей за мастера первый год работаю»¹². Сооружение фрегатов неопытным мастером затянулось. Когда 20 августа того года И.Ю. Татищев писал из Сясьского Устья, что они будут готовы к спуску на воду «в скорых числах» и к 1 сентября для них требуются резной, парусный мастера и живописец¹³, комендант явно выдавал желаемое за действительное. Он стремился, как думается, этим «манёвром» избежать гнева самодержца. Дело в том, что эти малые фрегаты были сверху как нужны для осады осенью того же года Нотебурга — стратегической цели кампании 1702 г.¹⁴.

С взятием 11 октября 1702 г. шведской крепости Нотебург в истоке Невы из Ладожского озера военная обстановка коренным образом изменилась (Ил. 3). Теперь для возвращения стране невского устья надлежало лишь овладеть значительно более слабой крепостью Ньюенсканс при впадении Охты в Неву. Иными словами, зимой 1702–1703 г. вопрос о создании на Балтике военного флота встал в практической плоскости. В деятельности верфи наступил новый этап. Теперь с конца 1702 г. на верфи велось строительство военно-морских кораблей, которые предназначались для будущего Балтийского флота. Целью строительства двух первых фрегатов на Сяси уже являлись не ладожские воды, но Балтийское море, выход к которому, впрочем, ещё предстояло отвоевать.

Осенью 1702 г. малые фрегаты спустить на воду не удалось. Тем не менее, эти малые фрегаты, первенцы уже создававшегося Балтийского флота, были очень необходимы. 31 января 1703 г. из Адмиралтейского приказа в Москве в письме на Воронеж адмиралтейцу Ф.М. Апраксину относительно сясьских фрегатов писали следующее: «Блоки и юнфоры и флаги, которые готовлены на прежние на 6 фрегатов, изволь, государь, прислать к Москве немедленно. Зело торопят»¹⁵. 16 и 20 февраля 1703 г. на Сясьское Устье из Воронежа были посланы комендер голландец П. Лобек, поручик флота валлиец Э. Лейн, штурман, три боцмана, девять боцманматов, 14 матросов-иноземцев и 77 русских матросов. Вместе с ними были отправлены корабельные «всякие припасы, блоки, юнфоры, фанари, часы песочные, кампасы, картузная бумага, в трёх бочках гарпиусу и калифании, смолные тонкие веревки». Как только припасы были бы привезены к Москве, их следовало «послать с теми ж афицеры и матрозы на Сяское Устье без всякого замедления»¹⁶. Об изготовлении блоков и юнферов «на шесть судов, которые велено строить на Сяском Устье», указ был послан 23 марта 1703 г. в Воронеж блоковому мастеру англичанину Никласу Бэззу¹⁷. Очевидно, заготовки для блоков и юнферов там уже имелись и мастер мог выполнить задание в кратчайшие сроки.



Ил. 3. Чертёж обстрела крепости Нотебург русскими войсками в октябре 1702 г. Из Походной канцелярии Петра I. Начало XVIII в. (ОР БАН)

Только 18 апреля 1703 г. боцман Иван Акимович Сенявин в письме Петру I сообщил, что малые фрегаты уже стояли на воде («которые два на воде»). Полным ходом шли отделка их внутренних помещений, резные работы, оснащение: установка мачт, рей, бегучего такелажа. Отделка кают к тому времени была завершена¹⁸. Можно полагать, что фрегаты спустили на воды реки незадолго до написания этого письма, в апреле 1703 г. В марте река, конечно, была ещё скована льдом. Спуск же кораблей на воду до ледохода был попросту опасен. Скорее всего, фрегаты и были спущены на воды Сяси в тот же день, 18 апреля, — медлить с сообщением столь ожидавшейся монархом новости было бы неразумно. Знакомый царю моряк, один из людей его непосредственного окружения во флоте, боцман И.А. Сенявин (кстати, первый боцман из «природных русских») знал, как обрадовать самодержца, и, конечно, не стал бы медлить с отправлением монарху долгожданного известия о спуске на воду двух малых фрегатов — по существу, первенцев российского Балтийского флота. На 18 апреля 1703 г. на достройке фрегатов «Сяские», «Михаил-архангел», «Ивангород» работали 50 плотников из Олонецкого уезда и 62 из других мест¹⁹.

Корабли получили названия «Сяский 1-й» и «Сяский 2-й». На голландский лад их именовали «Фан Сас 1» и «Фан Сас 2». Размеры корпуса этих исторических кораблей были установлены только в 1994 г.²⁰ Корпусные характеристики оказались упомянутыми в приписке на обороте листа в архивном деле о начале государственного судостроения на Сяси²¹ (Ил. 4). Длина корпуса малых фрегатов-близнецов указана в 70 голландских футов (19,81 м; голландский, или амстердамский, фут равен 28,3 см). Ширина считалась на мидель-

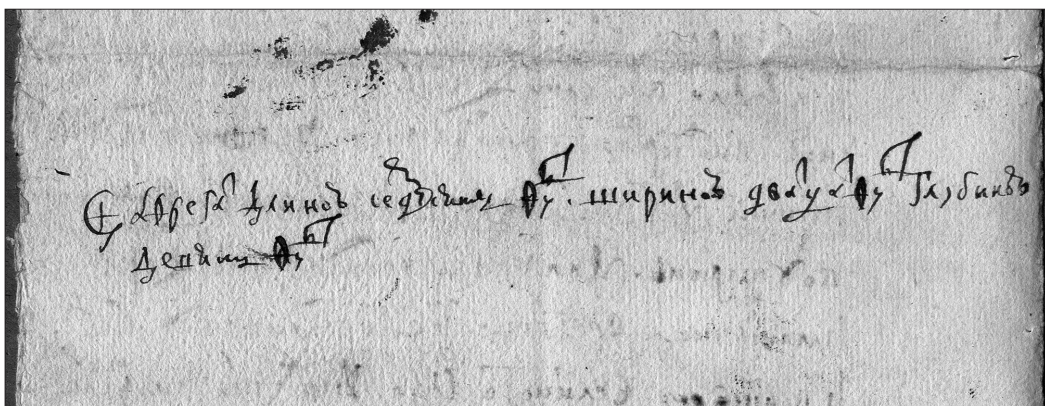
шпангоуте 20 футов (5,66 м). Глубина интрюма — наибольшее вертикальное расстояние от верхней поверхности килевого бруса до досок палубы — равнялась 9 голландским футам (2,55 м). Сейчас исходя из размеров корпуса и других характеристик этих судов кажется, что вернее именовать их шнявами. Однако в Петровское время термин «малый фрегат» был равнозначен термину «шнява»²², поэтому ныне оправданы оба варианта.

Изделия из металла для двух сясьских малых фрегатов были поставлены в 1702 г. с заводов Андрея Бутенанта, расположенных в Обонежье. Пушки были отпущены с них на Сясь по цене 40 коп. за пуд веса, ядра — по 25 коп. за пуд, якоря — по рублю за пуд. Из Москвы и Воронежа прислали на Сясьскую верфь «немецкие полотна» для пошива парусов (по цене 14 коп. за аршин) и полотна для парусов русского производства по цене две или три копейки за аршин, также гарусы на флаги разных цветов по 10 коп. за аршин. Из Архангельска присылались белое листовое железо, краски, оловянные изделия, картузная бумага, английские сукна, тик для пошива постельных принадлежностей и другие заморские товары²³.

Пётр I придавал исключительно большое значение сясьскому судостроению. Даже в преддверии закладки будущей столицы России, назначенной на праздник Святой Троицы (16 мая), монарх, невзирая на плотный «рабочий график», не преминул посетить верфь. Походный журнал Бомбардирской роты Преображенского полка, капитаном которой являлся сам монарх, сообщает, что 11 мая 1703 г. из места расположения русских войск вблизи Шлотбурга (такое имя получил взятый у шведов Нюенсканс) самодержец, капитан роты, поехал в Шлиссельбург по суше. Далее в журнале говорится, что 13 мая монарх «гулял» на Ладожском озере на яхте. Слово «гулял» употреблено лицом, которое вело журнал Бомбардирской роты. Очевидно, царь не считал нужным посвящать этого человека в смысл своих действий. Как представляется, капитан Бомбардирской роты осуществлял на озере манёвры с целью обойти мелководья южной части Ладоги и вдающуюся далеко в озеро каменистую косу. 14 числа монарх прибыл «на Сяское Устье»²⁴. Запись сделана очевидцем.

Чем был вызван интерес монарха к посещению устья реки Сясь в дни накануне грядущего эпохального события (основание будущей столицы — таким назначением будущего города царь мыслил изначально), понятно. 18 апреля 1703 г. И.А. Сенявин, как упомянуто, писал царю, что на верфи у села Сясьское Устье спущены на воду два фрегата. «С сего числа, — писал И.А. Сенявин, — в 2 недели совсем будут в готовности»²⁵. Иначе говоря, к 1 мая 1703 г. И.А. Сенявин обещал закончить отделку и оснащение спущенных на воду фрегатов. Одновременно до сведения монарха доводилось: «...корабли широки, да коротки...». Боцман предполагал один из них снастить с тремя мачтами («с безаном» — с бизань-мачтой), а другой — двухмачтовым, с дополнительным парусом на гафель-рее («с гафелем»). Цель неодинакового оснащения малых фрегатов — опробовать в деле «из тех двух на ходу, который лучше будет». Боцман сомневался и спрашивал монаршего распоряжения: «Пожалуй, государь, отпиши ко мне: угодно ли тебе так будет или нет?». Письмо было получено Петром I на следующий день в Шлиссельбурге²⁶. Ко времени посещения царём (14 мая) малые фрегаты, очевидно, были уже спущены в затон устья Сяси — удобную гавань, где их должен был осмотреть создатель флота. Царь не упустил, думается, возможности бросить взор и на два 28-пушечных фрегата, строившихся по первой кораблестроительной программе. На верфь к Сясьским Рядкам можно было быстро проследовать по реке на шлюпке.

Спустя несколько дней малые фрегаты должны были перевезти по Ладоге и Неве к Шлотбургу посольство Великого княжества Литовского — первую дипломатическую миссию в будущую российскую столицу. Конечно, это не являлось простым предоставлением средства для перевозки. Монарх желал показать союзникам в войне против Швеции, что



Ил. 4. Вставка на обороте листа о главных размерах корпуса малых фрегатов «Сяський 1-й» и «Сяський 2-й». Память за приписью дьяка Новгородского приказа Ивана Михайлова. 1702, февраля 26. (РГАДА. Москва)

Россия начала превращаться в морскую державу. В Великом Новгороде послы и сопровождавшие их люди, следовавшие к царю в Шлотбург, погрузились на струги для следования вниз по Волхову²⁷. Из города Ладога, лежащего ниже порогов на реке Волхов, посольство отбыло вечером 10 мая. На место впадения Волхова в Ладожское озеро посольский караван из стругов пришёл 11 мая 1703 г. На следующий день, 12 мая, «с устья Волхова» ближний стольник С.Г. Нарышкин, сопровождавший литовско-белорусских послов, отправил письмо адмиралу Ф.А. Головину. С.Г. Нарышкин так излагал дальнейшее: «...и на корабли совсем перебрались и мешкаем за ветром, что противной ветер, а как благополучный ветер получим, того часу пойдем в путь свой»²⁸.

Итак, послы со свитой перешли со стругов на «корабли» для плавания по Ладожскому озеру и далее по Неве. Излишние «запасы» послов, «что в корабли не убралось за теснотою», пришлось разместить по их просьбе в дополнительном судне «из новгородских». Что корабли, на которые перебрались послы, были именно боевые, косвенно говорит фраза в письме стольника: «В кораблях запасов много взято про матрозов...»²⁹ — матросы служили на военно-морских судах. Эти корабли противопоставлялись «новгородским» — стругам, построенным по старой технологии. Речь, безусловно, шла о малых фрегатах (шнявах) «Сяський 1-й» и «Сяський 2-й»

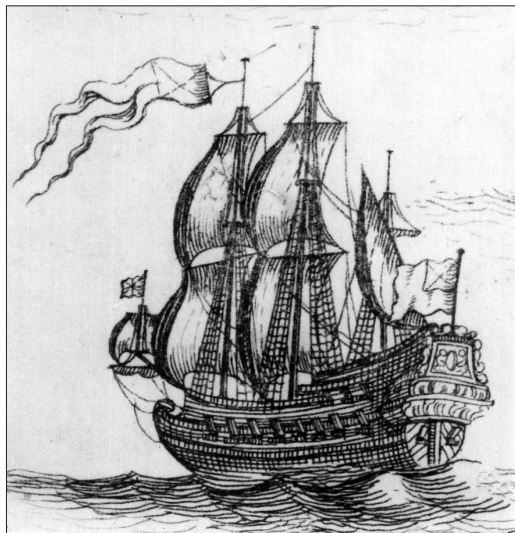
Строительство фрегатов (1702–1705)

Судостроение на Сяси расширялось. Теперь вместо четырёх малых 18-пушечных фрегатов, так и оставшихся незаложенными, на Сяській верфи начали строить значительно более крупный военно-морской корабль — 28-пушечный фрегат. Для Балтийского моря требовались и корабли большей величины, чем малые фрегаты (шнявы). Закладка этого фрегата помечена в единственном источнике интересной датой — 31 ноября 1702 г.³⁰. Скорее следует считать днём начала его строительства 1 декабря: современник-то прибавлял один день к 30 ноября, фиксируя дату известного ему реального события. Заложенный тогда фрегат получил после спуска на воду в 1705 г. имя «Ивангород» — в честь отвоевания годом

ранее одноимённой русской крепости (Ил. 5). О строителе фрегата в архивном источнике Петровской эпохи со сведениями за 1702–1718 г. «Записная тетрат[ь] закладке судов и спуску на воду с 1703 году, что в котором году, месяце и числе заложено и спущено на воду, писано ниже сего» сообщается, что корабль «делал мастер Воба Лыткин»³¹. Для достройки фрегата на Сясь прибыл 1 мая 1704 г. с 15 плотниками «карабелной мастер Володимер» — В. Воутерс тер Колк³². Другой современный событиям источник с пространством заголовком «Роспись Великорос[с]и[й]ского государства Е. Ц. В. восточного морского флота караблям и прочим нижеименованным судам, которые при Санкт-Петербурхе лета Господня [1]706» неслучайно, надо полагать, поэтому утверждает, что фрегат «Ивангород» построил «на Сяском Устье Володимер Володимеров»³³. В справочниках Ф.Ф. Веселаго (1872) и А.М. Данилова (1996) единственным строителем фрегата неверно указан В. Воутерсон³⁴. С.И. Елагин точнее: «Воутер Воутерсон и Выбе Литкин»³⁵, но, учитывая последовательность их работы, фамилии следует поменять местами.

Мнение Ф.Ф. Веселаго, что в ноябре 1702 г. на верфи был заложен ещё один одно-типный 28-пушечный фрегат, получивший при спуске на воду в 1704 г. имя «Михаил-архангел»³⁶, не находит подтверждения в источниках. Однако один документ называет год закладки этого фрегата. В неопубликованном источнике «Книга записная отпуску судам с Олонецкого верфу в Питербурх в нынешнем 1704-м году» о «Михаиле-архангеле» сказано так: «Корабль, которой в прошлом [1]703-м году заложен на Сяском Устье (выделено автором. — П.К.), а доделыван на Олонецком верфу, и в нынешнем 1704-м году, мая в 6 де[нь], тот корабль с Олонецкой верфи отпущен в Санкт-Петербурх»³⁷. Это единственное известное ныне документальное известие, в котором назван год начала строительства этого корабля. Как правило, судостроительные работы начинались, по русским обычаям, после окончания январских и февральских морозов. Скорее всего, фрегат стали строить в начале марта 1703 г., но это только предположение. Фрегат, как сказано в источнике «Записная тетрат[ь] закладке судов...», «делал мастер Володимер Теркулов»³⁸. Нетрудно догадаться, что это передача в обрусевшей форме имени Воутера Воутерсона тер Колка. Корпус обоих 28-пушечных фрегатов имел длину 94 голландских фута, ширину 24,5, глубину интрюма 11,5³⁹. Если перевести эти главные параметры корпуса в метрическую систему, получится соответственно 26,6 м; 6,79 м; 3,25 м.

Закладка на Сяси в конце 1702 – начале 1703 г. двух 28-пушечных фрегатов свидетельствует о том, что военно-морской флот начали сооружать ещё в преддверии возвращения страной выхода к балтийскому побережью. Царь последовательно воплощал свой преобразовательный замысел. Решение строить на Балтике серию фрегатов с близкими размерами и характеристиками, следовательно, уже имелось к поздней осени 1702 г. Сколько иметь подобных фрегатов, окончательно определил Пётр I с Ф.М. Апраксиным во время совещаний в Воронеже в феврале–марте 1703 г. Принятая тогда программа предусматривала постройку 12-ти фрегатов, имевших сходные размеры корпуса, оснастку и артиллерийское вооружение. Кроме того, надлежало построить 10 шняв и 10 галер. Также намечалось ввести в строй суда вспомогательного флота: 3 флейта, 6 буеров, 1 буерс (маленький буер), 6 шмаков и 10 шкутов. Этот небольшой запрограммированный к созданию флот был рассчитан на то, чтобы вкупе с укреплениями на острове Котлин (который тоже ещё только предстояло отвоевать) обеспечить защиту со стороны моря от вражеских нападений будущего города Санкт-Петербурга. Город мечтаний Петра I на берегу Балтики также ещё только предстояло заложить⁴⁰. Основные силы флота для Балтийского моря стали создавать уже позднее на Олонецкой верфи (именовалась так по названию уезда). Олонецкая верфь, главная в те годы, расположилась на реке Свирь, впадающей в Ладожское озеро, в урочище



Ил. 5. П. Пикарт. Фрегат «Ивангород». Фрагмент гравюры «Определённый порядок... каковым образом флот и транспорт... от Кроншлота отправлен мая в первое число 1710 году... к Выборху». 1711 (?)

Лодейное поле. Она была открыта 24 марта 1703 г. Сам Пётр I отмечал, что «сперва на Олонецком верфу флот зачался делать»⁴¹. Имелось ввиду, что наиболее масштабные работы по созданию флота велись в первые годы Северной войны на Олонецкой верфи, но, как показано, строительство флота началось именно на Сяси.

С.И. Елагин предполагал, что фрегат «Михаил-архангел» сошёл на воды Сяси в апреле 1703 г.⁴² (Ил. 6). Ф.Ф. Веселаго же придерживался мнения, что это произошло в 1704 г.⁴³. Однако, как свидетельствуют документы⁴⁴, уже осенью 1703 г. фрегат был приведён с Сяси для окончательной отделки на Лахтинское озеро («озерко»). «На сяском корабле» тогда же прибыл на Олонецкую верфь корабельный мастер голландец Горлос Андрис⁴⁵ (по-русски он именовался Херла или Херлов, Андреев⁴⁶). Упомянутый выше водоём, где достраивался фрегат, ныне именуется Лахтинским заливом. Он представляет собой тупиковый рукав Свири, расположенный в некотором отдалении от Олонецкой верфи, ближе к устью реки. По сообщению «из приказной палаты» Олонецкой верфи от 23 марта 1704 г. «у достройки карабля, что строен на Сяси», трудились всего два плотника-олончанина. Работами руководил В. Воутерсон тер Колк. Теперь он был назван в источнике по созвучию имени и фамилии в более приноровленной к русскому языку форме — Володимер Терколы⁴⁷. В дальнейшем он именовался в русских документах обычно Володимер Володимеров⁴⁸. В архиве хранится документ, озаглавленный «В прошлом [1]703-м году на Олонецком верфу построены суды и отпущены». О фрегате «Михаил-архангел» в нём сказано следующее: «Карабль, которой начат строить на Сяском Устье, а достроен на Олонецком верфу, отпущен с Олонецкого верфу со всякою оснасткою в Санкт-Питербурх мая в 6 де[нь]»⁴⁹. Отправлен с верфи в боевой состав Балтийского флота он был уже в 1704 г. (6 мая).

Фрегат «Михаил-архангел» и два шмака, которые, как писал 1 мая 1704 г. адмиралу Ф.А. Головину (Ил. 7) шаятбенахт Ю. Рез, «на Сяси стоят»⁵⁰, предписывалось послать для

встречи посла Речи Посполитой Т. Дзялынского к устью Волхова. Первоначально намечалось сделать это к 7 мая 1704 г. Русское правительство явно желало показать послу подвергшейся шведскому вторжению соседней державы начатое строительство флота и основанный на отвоеванном у шведов побережье новый город-крепость Санкт-Петербург, являвший собой тогда военный лагерь и великих размеров строительную площадку.

Польский посол прибыл к Пскову⁵¹. Показательно, что к месту будущих переговоров, состоявшихся в Нарве, его хотели привести кружным путём через Великий Новгород, Ладожское озеро, Неву и Санкт-Петербург.

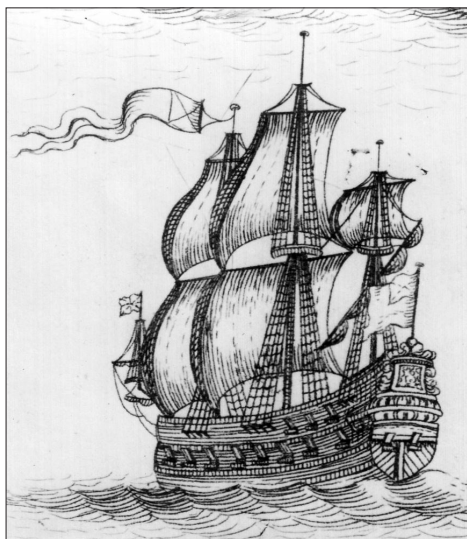
Демонстрация устойчивого положения России, реальных успехов в деле преобразований, укрепления обороноспособности, надо полагать, была призвана способствовать заключению нужного обеим сторонам союзного соглашения. Впрочем, неизвестно, воспользовался ли Т. Дзялынский фрегатом, построенным на Сяси, и состоялось ли его посещение Санкт-Петербурга. В Нарву он прибыл 20 июня 1704 г.⁵²

1 мая 1704 г. на Сясь для достройки стоявшего без дела фрегата «Ивангород» снова прибыл с 15-ю плотниками В. Воутерсон (Володимер Володимеров). Он был отпущен с Сяси 13 августа 1703 г.⁵³. Кораблестроитель заявил, что ему потребуются для его достройки всего 100 человек — плотники и работные люди⁵⁴. Комендант Олонецкого уезда И.Я. Яковлев в пространном отчёте о подведомственных ему судостроительных работах сообщал: «На Сяском Устье карабль доделывать я посылал и сам был, и, отделив, на воду спустили, и всякие припасы на тот карабль по росписи капитана Лобика всё от нас отпущено»⁵⁵. «Ивангород» сошёл на воды Сяси 27 мая 1705 г.⁵⁶. Якоря на «сяской карабль» следовало поставить с Петровских заводов⁵⁷.

Строительство вспомогательных судов (1703–1706)

13 января 1703 г. Пётр I издал указ к шести уже намеченным для строительства сяским фрегатам («в прибавку») изготовить в Новгороде (подразумевался Новгородский уезд, включавший земли по Сяси) ещё несколько судов. Это должны были быть 6 фрегатов, 5 яхт и 5 каг — небольших грузовых судов голландского типа. Два фрегата следовало построить длиной по 100 ф., два — по 80, два — по 70 футов. Из пяти яхт три должны были иметь длину по 60 ф., одна — 55 ф., одна — 50 ф. Пять каг предписывалось соорудить с такими же размерами корпуса: три длиной по 60 ф., одну — 55 ф., одну — 50 ф. Футы были указаны голландские. Необходимые для строительства судов припасы следовало прислать под ведением Адмиралтейского приказа в Москве из Воронежа⁵⁸. Судья Адмиралтейского приказа Г.А. Племянников 31 января 1703 г. писал из Москвы на Воронеж главе Приказа Ф.М. Апраксину: «Фрегаты, яхты, каги каковы глубиною и шириною, Александр Данилович (Меншиков. — П.К.) изволил сказать, что изволит великий государь с тобою на Воронеже о том говорить»⁵⁹. Фрегаты для Балтийского флота (имевшие, впрочем, другие размеры) были заложены на Олонецкой верфи на Свири. Значит, совещания с адмиралтейцем Ф.М. Апраксиным, произошедшие в Воронеже, имели итогом вывод о необходимости строительства для Балтики фрегатов большей величины. Однако пять яхт и пять каг стали сооружать в начале 1703 г., как и предписывалось указом, на Сяской верфи. В мае 1703 г. они были уже готовы, но оснастили все эти десять судов тогда как каги⁶⁰.

Значительное ускорение работам на Сяской верфи дал А.Д. Меншиков (Ил. 8). 18 февраля 1703 г. он писал Петру I из Шлиссельбурга: «А на Сяси дела до моего приезде и до Ивана Синявина⁶¹ не было, а как Иван Синявин приехал — и плотники собраны, и заложат в нынешнем году 6 шмаков»⁶². Губернатор отправился в Олонецкий уезд 11 февраля



Ил. 6. П. Пикарт. Фрегат «Михаил-архангел». Фрагмент гравюры «Определённый порядок... каковым образом флот и транспорт... от Кроншлота отправлен мая в первое число 1710 году... к Выборху». 1711 (?)

1703 г. из Шлиссельбурга — центра новообразованной Ингерманландской губернии. После города Олонца А.Д. Меншиков прибыл «для осмотра корабельного заводу» в урочище Каном на Свири, немного ниже урочища Лудейное Поле, в котором шли подготовительные работы для основания базовой верфи будущего Балтийского флота. Ещё в Олонце по указанию А.Д. Меншикова «за невысылку плотников и работников», главным образом, на лесозаготовительные работы двое бурмистров были «биты на козле кнутом» и сосланы в Азов. После этого судостроительные работы пошли невероятно быстро. Уже к 18 февраля на Сяси появились наряженные туда плотники («плотники собраны») и прибыл распорядитель работами на верфи И.А. Сенявин. Возвращаясь из Олонецкого уезда, А.Д. Меншиков посетил Сяское Устье.

На исходе зимы — в начале весны 1703 г. на верфи развернулось сооружение шести шмаков. Эти суда использовались для перевозки грузов⁶³. Боцман И.А. Сенявин 18 апреля 1703 г. сообщил Петру I в письме с Сяской верфи, что на всех шести шмаках ведутся работы по установке шпангоутов⁶⁴. Постройка судов продвигалась так споро, что уже в письме И.А. Сенявина от 9 мая 1703 г. назывались размеры корпусов всех шести шмаков. В голландских футах и дюймах они имели следующие размеры: первый шмак — длина 80 ф., ширина на мидель-шпангоуте 22 ф., глубина интрюма 8 ф. 9 д.; второй — 108 ф., 21 ф. 7 д., 8 ф. 7 д.; третий — 76 ф., 21 ф. 5 д., 8 ф. 4 д.; четвёртый — 74 ф., 21 ф., 8 ф. 2 д.; пятый — 70 ф., 20 ф., 7 ф. 10 д. и шестой — 68 ф., 19 ф. 9 д., 7 ф. 7 д.⁶⁵. Суда получили имена «Сясь», «Онега» и «номерные»: № 1–4⁶⁶. Отсутствие источников не позволяет указать в таблице, какие по наименованиям шмаки имели соответствующие размеры и какой именно мастер их строил.

Что касается численности рабочей силы, то на 18 апреля 1703 г. на строительстве каждого из шести шмаков имелось по 25 плотников и, что особо оговорено, ещё по 5 плотников-олончан. Всего же на верфи, включая работы на фрегатах, тогда трудилось 292 плотника⁶⁷.

12 августа 1703 г. монарх дал И.Ю. Тагищеву указ спустить на воду в 8–9 дней три шмака, наиболее близких к достройке. В. Воутерсона же следовало немедленно отправить на Олонецкую верфь⁶⁸. На следующий день, 13 августа, И.Ю. Тагищев отвечал, что приказал достраивать «как можно скорее» и остальные три шмака. Для этого он прибавил на один из них (размеры корпуса: 70 ф., 20 ф., 8 ф.) плотников от строившихся там буеров⁶⁹. Судя по размерам, это был пятый из перечисленных выше шмаков.

Скорее всего, именно весной 1703 г. на Сяси был заложен флейт («Патриарх») и два буера: «Люстих» (мастер В. Литкин) и «Ик гебе гевест» (мастер Г. Андрис)⁷⁰. 10 марта 1704 г. парусный мастер Иван Шепелинский подал на Олонецкой верфи составленную по указу Петра I роспись парусов. Они требовались для оснащения строившихся на верфи близ Сяских Рядков двух буеров и флейта⁷¹. «Корабельных дел отставной дворянин» Артемий Никитич Селивачёв, управлявший тогда непосредственно на месте делами верфи, писал 19 и 26 марта 1704 г. губернатору А.Д. Меншикову, что флейт и два буера по указу царя следовало спустить на воду в полной готовности к использованию ранней весной, сразу же по сходе льда⁷². Об отпуске корабельных припасов «на два шмака и флейт, которые строятца, на Сяское Устье» упоминается в «Книге записной отпуску судам с Олонецкого верфу... 1704 году»⁷³. Капитан Пётр Крюковский, которому И.Я. Яковлев поручил в апреле 1704 г. непосредственное руководство Сяской верфью⁷⁴, упомянул в письме, что два шмака спущены там во время приезда И.Я. Яковлева (то есть в апреле 1704 г.), а флейт («Патриарх») — 2 мая 1704 г. На Сяском Устье в мае 1704 г. происходило оснащение флейта, двух буеров и двух шмаков. 18 мая 1704 г. И.Я. Яковлев писал губернатору: «Два шмака да флейт с Сяси на волховское устье давно б отпущены были...». Их отправление с верфи затягивалось из-за несвоевременной присылки припасов для завершения оснащения⁷⁵.

12 апреля 1704 г. А.Н. Селивачёв писал коменданту Олонецкого уезда И.Я. Яковлеву, что флейт и два буера «поспевают и один буюр оконочен, опроче палубы, весь...»⁷⁶. Вскоре на Сясь приехал И.Я. Яковлев. Там приказал ему побывать для ускорения строительства судов в письме от 6 апреля 1704 г. А.Д. Меншиков⁷⁷. Как видно, губернатор неослабно наблюдал за ходом работ на Сяси (Ил. 7).

В «Росписи... Е. Ц. В. восточного морского флота... 706» сказано, что в 1704 г. на Сяси В. Воутерсом тер Колком (Володимер Володимеров) был построен флейт «Патриарх». Буер построил тоже голландец — Горлос Андрис. Наименование буера по-голландски звучало так: «Ик гебе гевест». В русском переводе: «Я владею провинцией». Очевидно, это был шуточный намёк на возврат России Ижорской земли — Ингерманландии. Жалованье Г. Андри-са составляло 5,5 руб. ежемесячно (1707)⁷⁸. Другой голландский корабельщик, Выбе Литкин, построил на Сяси буер «Люстих» и три шмака⁷⁹. Кто построил один из шести сясских шмаков, в источниках не говорится.

Капитан П. Крюковский 2 мая 1704 г. писал, что на Сяси «ныне по писму от Иван Юрьевича Тагищева к Артемью Селивачеву велено заложить вновь шмак». Однако без ведома олонецкого коменданта П. Крюковский не решался выделить рабочих людей. Люди требовались для того, чтобы «посылать в лес за кокорами» и для строительства шмака. «Без ведома милости твоей отдать не смею, чтоб остановки какой не было», — писал А.Н. Селивачёв⁸⁰. Новое судно, как писал И.Я. Яковлеву А.Н. Селивачёв, «по указу великого государя и по приказу Ивана Юрьевича Тагищева» надлежало строить силами бывших на верфи 25-ти олонецких плотников и жителей Сяского Рядка, которые «работали два буюра и флейт»⁸¹.

Закладку седьмого сясского шмака подготавливал специально прибывший в Сяские Рядки комендант И.Я. Яковлев. 7 августа того года он сообщал «с Сяского Устья», что к началу строительства плотники придут с Олонецкой верфи; необходимые припасы,



Ил. 7. М. Бернигерот. Портрет Ф.А. Головина. Гравюра. 1706 г.

«что к делу того шмака понадобится», будут отпущены с той же верфи по росписи корабельного мастера Вобе Литкина, назначенного «быть у того дела». И.Я. Яковлев строго предписывал пребывавшему на Олонецкой верфи своему товарищу по должности коменданта И.С. Топильскому: «...и изволь приказать накрепко, чтоб тот шмак совсем послать в отпуск в Санкт-Петербург октября к 1 числу сего ж года неотменно»⁸². Однако строительство по разным причинам затягивалось. В письме с Олонецкой верфи от 27 октября 1705 г. И.Я. Яковлев вмешался в ситуацию, потребовав: «На Сяском (Устье. — П.К.) шмак, сколько чего не достроено, велено досмотреть и описать, и о недостройке у мастера и у надсмотрщика взять скаски...»⁸³.

Прибывший к нему с итогами проверки 2 ноября 1705 г. подьячий М. Данилов «подал о строении сяского шмака досмотр, по которому явилось в достройке многое число»⁸⁴. Последовало распоряжение мастеру В. Литкину «за нерадетельную того шмака работу» и прапорщику В.М. Нелидову «за недосмотр» не выдавать жалованья в течение трёх месяцев⁸⁵. В подробностях итоги проведённых досмотров отражены в донесении с верфи В.М. Нелидова: «Сего ноября по 18 число на Сяском Устье в непостроении шмака. По обеим сторонам по бокам [следует. — П.К.] доски по три обогнуть, на корме кают не доделан, поварню досками забрали, а в ней кровати начали делать, а сверх бархоутов с вонной (внешней. — П.К.) стороны и внутри по сторонам над палубою досками обогнуть; средней кают и творила (люки. — П.К.) совсем сделаны, и на носу, где канатам ходить, делают уже. А мастер

сказывает, что на верху мелкого дела ещё много делать и... сколь скоро в совершенство шмак придет... сказал: про то де и сам не знаю...»⁸⁶. Трудившиеся в апреле 1706 г. «на Сяском Устье... у шмакового дела» на работах по оснащению судна четверо рядовых матросов получали по 3 копейки кормовых денег на день, их десятник Яков Поляков — оклад 1,5 рубля в месяц⁸⁷. Шмак достроили и спустили на воду в апреле 1706 г.⁸⁸. Это было последнее судно, построенное на Сяси для Балтийского флота в начале XVIII столетия.

Трудовые усилия населения

Эпопея военного и военно-транспортного судостроения, захватившая регион Приладожья в годы Великой Северной войны, на долгие годы притянула немалое число россиян, владевших плотничным, кузнечным или иным полезным для кораблестроения ремеслом. Судьбы людей, вовлечённых в водоворот событий, позволяет представить челобитная на царское имя шестерых плотников, трудившихся на Адмиралтейской верфи Санкт-Петербурга, марта 1707 г.

Вот выдержка из неё: «В прошлом [1]702 году по твоему великого государя указу взяты... на время х карабелному плотнишному делу на Сяское Устье, и по тому взятью... мы работали в розных указных местех со всяким принадлежащим радением и работой всегда безленостно и безпрестанно; тому ныне седьмой год, и ныне работаем при Санкт-Питербурхе во Одмиралтейской крепости у того ж карабелного строения, а перемены нам... не посылают и подмоги к нам против иных городов не посылают, и от... их неперемены и неписылки подмоги обнажились и обувкой обносились вконец...»⁸⁹.

Нужды войны со Швецией, начало строительства флота и Санкт-Петербурга тяжёлым бременем легли на население балтийского региона России. Вот что писали властям в челобитной крестьяне Оштинского Погоста Олонецкого уезда 25 апреля 1702 г.: «...и как великого государя служба в Свецкой земли началась, и у нас с прошлого 1700-го году в Оштинском Погосте со всякого двора в подводы в Великий Новгород, и под Ругодив (Нарву. — П.К.), и во Псков своими ж припасы под казну великого государя ездили, и х карабелному строению на Сясь и на Пашу-реки ныне у нас плотники и работники, с лошадми и пешие, взяты, и на караулах в городе на Олонце служили все своими припасы, и в нынешнем 1702-м году на государеве службе в городе на Олонце у нас те скудные наши припасишка издержались, и от великия нужды, бояся голодной смерти, приволоклися мы в домишка свои...»⁹⁰.

Чтобы представить напряжённую атмосферу деятельности верфи, полезно привести выдержку из послания А.Н. Селивачёва А.Д. Меншикову. Он сообщал в послании от 26 марта 1704 г.: «По указу великого государя велено на Сяском Устье два буяра и флейт зделать к первой вешней, полой воде, а у той работе толко Сясково Рядку жители; и в кузленицы (кузнице. — П.К.), и на караулах у карабелних припасов, по уголье в возки, и проезжая подводы ставят для того, [что] подставы⁹¹ на Сяском Устье нету, а олонецких плотников 25 человек; ис тех же жителей возят почту для того, что почтарям с погостов за многия месяцы денег не взять и почтари обезконили, а для збору послать некого, служилых людей у меня нету; [присла]ны на Сяское Устье конопатчиков [...] Максим Микулин, всего д[есять] человек, матросов десять же человек. По ведомости их за рукою написано. Надобн[о], чтоб совсем изготовить к указному числу к той их работе сто человек, а ста человек мне взять и в тех работниках, которья работают сяския жители — дватцать семь дворов, прибавить к иной работе не ис кого, и людей столко не будет, и где мне столко людей взять и в которой вотчины, о том, что ты, государь, прикажешь»⁹².

Функции кузнецов и рабочих людей (охрана корабельных припасов, перевозка угля, почты и др.), таким образом, выполняли в том числе и жители Сяских Рядков.



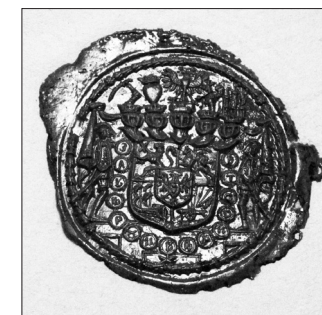
Ил. 8. Неизвестный живописец. Портрет А.Д. Меншикова. 1702 (?). Копия. После 1716 г. (Музей г. Нарва)

Управление верфью

Что касается управления верфью на Сяси, то в этой области переплелись функции разных ведомств, интересы и ответственность разных лиц. Удивительно, но, как показывает проведенное исследование, верфь функционировала весьма успешно. Первоначально верфь оказалась в ведении коменданта Новгородского уезда И.Ю. Тагищева. 4 февраля 1703 г. она по указу Петра I была передана в формальное управление Московского адмиралтейского приказа⁹³. Главным образом его область ответственности сводилась к поставке на Сясь требовавшихся для кораблестроения припасов. В последующем она стала рассматриваться как отделение более крупной, Олонецкой верфи. Последняя пребывала под началом коменданта Олонецкого уезда Ивана Яковлевича Яковлева: «...всё то карабельное строение на Сяском Устье велено ведать на Олонецком верфу»⁹⁴.

Однако И.Ю. Тагищев не признал полностью этой перемены и продолжал в определённой мере распоряжаться судостроительными работами вплоть до их прекращения. Его позицию можно понять: верфь располагалась на землях вверенного ему Новгородского уезда, сосновые коры и другие лесные припасы для строительства судов заготавливались тоже на территории Новгородского уезда. На верфи работали жители Сяского Рядка. Он выбрал для верфи место, заложил и начал её обустроить. Наконец, первому корабельному мастеру на верфи В. Воутерсону тер Колку было предписано выдавать ежемесячное жалование («кормовые деньги») с 1 сентября 1702 г. из доходов, полученных от таможенных и кабацких сборов именно в Великом Новгороде⁹⁵.

Налицо было, кажется, не скрывавшееся соперничество двух уездных комендантов. 18 июля 1704 г. прибывший по распоряжению И.Я. Яковлева на Сяское Устье целовальник



Ил. 9. Оттиск печати с гербом А.Д. Меншикова. 1708 г., февраля 6. Государственный архив Швеции (Стокгольм)

Г. Мишуков сообщил, что объявил «указ великого государя» Артемию Никитичу Селивачёву «о взятъе с Сяского устья на Олонецкую верфь карабельных всех припасов». Однако «карабельных дел отставной дворянин» А.Н. Селивачёв в то время «съехал с Сяского устья... к Ивану Юрьевичу Татищеву для денежной казны и железа»⁹⁶.

Противоборство комендантов соседних уездов за верховенство в управлении верфью продолжалось вплоть до её закрытия. Непосредственно на верфи пребывали для «управления карабельного дела и надсматривания работных людей»⁹⁷ капитан Пётр Крюковский и прапорщик Василий Михайлов сын Нелидов. Это были, так сказать, представители олонецкого коменданта. А.Н. Селивачёв, напротив, являл в своём лице на верфи власть новгородского коменданта. Именно административным противостоянием комендантов Новгородского и Олонецкого уездов следует объяснить длившуюся более года проволочку с началом постройки на Сяси седьмого по счёту шмака. Судно было заложено лишь 16 августа 1705 г.⁹⁸, а спущено на воду в апреле 1706 г.⁹⁹.

Верфь на Сяси также находилась под неусыпным наблюдением губернатора А.Д. Меншикова (Ил. 9) и высшим надзором самого Петра I.

Завершение деятельности верфи

Адмиралтейский приказ запрашивал в 1707 г.: «Буде на Сяси вновь строить какие суды повелено будет, а ныне там в готовности лесов нет, и там какими работными людьми и откуда брать?»¹⁰⁰. Последовала резолюция губернатора А.Д. Меншикова: «Делать на Сяси десять брагантинов по новому обрасцу ис припасов Лукьяна Верещагина: кили, штевени и шпангоуты дубовые и книсы, а доски все сосновые...»¹⁰¹. Можно предполагать, что своё распоряжение губернатор согласовал с самодержцем Всея Руси, вникавшим и в гораздо менее значительные подробности строительства Балтийского флота. Предварительно («например») 30 ноября 1706 г. состоялось решение Адмиралтейской канцелярии послать с Адмиралтейского «двора» (верфи) в Санкт-Петербурге на Сяское Устье для постройки бригантин 9 столяров, 19 столярных учеников и 656 плотников¹⁰². Для строительства бригантин «на Сяское Устье» рабочих прислали из Санкт-Петербургского адмиралтейства, но меньшее количество. Это были двое столяров, четверо вологодских столярных учеников, 148 вологодских, 59 ростовских, 5 олонекских и трое архангелогородских («гороцких») плотников, 10 кузнецов Троице-Сергиева монастыря и 10 пошехонских¹⁰³. 6 декабря 1706 г. комендант И.Я. Яковлев сообщал А.Д. Меншикову, что собирается начать заготавливать

IV. ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

на Сяси сосновый лес для закладки бригантин. Дубовые кили и штевни, предполагалось, будут доставляться из окрестностей Старой Ладogi¹⁰⁴. Однако бригантины на Сяси не были заложены. 10 декабря 1706 г. по именному указу Петра I предписывалось «на Сяском Устье брагантиров не строить, а строить их на Олонецком верфу, и мастеровых людей, которые посланы на то устье к тому строению, послать на вышепомянутую ж верфь, да, сверх того, построить на той же верфи галеру, галот (галиот. – П.К.) прежними и вновь присланными мастерами и мастеровыми людьми»¹⁰⁵. Согласно указу, прибывшие на Сясь рабочие были в декабре же отправлены дальше, на Олонецкую верфь на Свири, для строительства галиота, галеры и 10 бригантин¹⁰⁶.

Государственное судостроение на верфи прекратилось. Конечно, на плотбищах по Сяси продолжилось частное строительство торговых и промысловых судов. Теперь строились уже купеческие суда «нового маниру». Жители Сяского Устья продолжали, как и в XVII столетии, ходить по Балтийскому морю. Так, в декабре 1719 г. среди ставших на зимовку в Старой гавани острова Котлин купеческих судов ладожан Петра Барсукова, Артемия Блинова, Степана Морецкого, Василия Рубцова и «заонежанина» Лариона Курицына названы и два эверса жителя Сяского Устья Ивана Долгова¹⁰⁷.

Итоги исследования

Устроенная близ селения Сяские Рядки государственная верфь стояла у истоков Российского флота на Балтике. В этом состоит значение кораблестроения на Сяси для истории Отечества. Сооружённые на верфи малые фрегаты (шнявы) «Сяский 1-й» и «Сяский 2-й», можно полагать, были первыми боевыми кораблями русской постройки, которые прибыли в Санкт-Петербург, заложенный царём Петром I несколькими днями или неделями ранее 16 (27) мая 1703 г., тогда ещё безымянный. Кроме того, на Сяси были сооружены два 28-пушечных фрегата «Ивангород» и «Михаил-архангел». Они вошли в число 12 фрегатов, построенных согласно первой кораблестроительной программе Балтийского флота. Велико было и число судов сяской постройки, сооружённых для грузовых перевозок: флейт, десять каг, семь шмаков, два буера.

Таблица 1

Суда, построенные на Сяской верфи в 1702–1706 г.

Тип, название	Заложен	Спущен на воду	Размеры корпуса (голландские футы и дюймы)			Кораблестроитель
			Длина	Ширина	Глубина интрюма	
Малый фрегат «Сяский 1-й» («Фан Сас 1-й»)	1702 г., мая 1	1703 г., до 18 апреля включительно	70 ф.	20 ф.	9 ф.	Воутер Воутерсон тер Колк (Wouter Wouterson ter Kolck; рус. Володимер Теркольт или Теркулов; Володимер Володимеров)

IV. PUBLICATIONS OF SOURCES

Малый фрегат «Сяский 2-й» («Фан Сас 2-й»)	1702 г., мая 1	1703 г., до 18 апреля включительно	70 ф.	20 ф.	9 ф.	Воутер Воутерсон тер Колк
Фрегат «Михаил-архангел»	1703 г.	1703 г., осень	94	24,5	11,5	Воутер Воутерсон тер Колк
Фрегат «Ивангород»	1702 г., декабря 1 (в источнике: 31 ноября)	1705 г., мая 27	94	24,5	11,5	Выбе (Вобе) Литкин (Льткин). Достраивал с 1 мая 1704 г. Воутер Воутерсон тер Колк
Шмак	1703 г.	1704	80	22	8 ф. 9 д.	–
Шмак	1703 г.	1704	108	21 ф. 7 д.	8 ф. 7 д.	–
Шмак	1703 г.	1704	76	21 ф. 5 д.	8 ф. 4 д.	–
Шмак	1703 г.	1704	74	21	8 ф. 2 д.	–
Шмак	1703 г.,	1704	70	20	7 ф. 10 д.	–
Шмак	1703 г.,	1704	68	19 ф. 9 д.	7 ф. 7 д.	–
Флейт «Патриарх»	1703 г.	1704 г., мая 2	80	24	9	Воутер Воутерсон тер Колк
Буер «Люстих»	1703 г.	1704 г., май	–	–	–	Выбе Литкин
Буер «Ик гебе гевест»	1703 г.	1704 г., май	–	–	–	Горлос Андрис (рус. Херлов (или Херла) Андреев)
Шмак	1705 г., августа 16	1706 г., апрель	–	–	–	Выбе Литкин

Приложение 1

1702 г., февраля 14. – Допросные речи крестьян Сяских Рядков о глубинах в нижнем течении реки Сясь и удобных для кораблестроения участках берега реки

¹1702-го февраля в 14 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца перед Иваном Юрьевичем Татищевым Обонежские пятины Заонежские половины Сяского л. 55

Рядку государевы дворцовые крестьяне рыбные ловцы Иван Иванов, Семён Андреев, Еремей Антропов, Елизар Елизарьев, Елизар Семёнов, Федот Иванов, Мирон Алексеев, Иван Петров, Дементей Антропов, Антон Алексеев, Василий Петров, Филип Никифоров, Нефдей Евсеев, Остафей Конанов, Максим Сидоров, Василий Юрьев, Пётр Кирилов, Семён Степанов, Ерофей Петров, Никита Федотов, Парфен Захарьев, Мина Захарьев, Савелей Евсеев, Афонасей Степанов, Ермолай Конанов, Василей Федотов, Фёдор Флоров, Дементей Мартьянов, Фёдор Павлов допрашиваны.

А в допросе сказали по заповеди Святаго Евангелия. В реке Сяси и в всяком устье, которое впало в Ладожское озеро, ныне прибылая вода есть. А весною в полу воду бывает полая вода и болши нынешняго. А бывает та прибылая вода с неделю и по две, и пока в озере лед бывает. А как лед из озера выдет, и в том устье и в реке Сяси вода збывает. А в летнее время в том устье реки Сяси бывает вода и менши нынешнего, и по нынешнему досмотру Ивана Юрьевича Татищева от устья вверх Сяси-реке, по левую сторону Никольского Медвецкого монастыря, на монастырской их земли повыше погоста, где карабли на берегу делать к спуску на воду ближе, и в том месте весною полая вода не бывает. А к берегу под тем местом, где карабли спускать будут ныне, в глубину воды по аршину, и по два, и по три с четвертью, а в полу воду бывает и болши. А в летнее время бывает и менши нынешняго. А вышеозначенное досматриванное место от озера Ладожского и от сяского устья в дву вёрстах. А от города Ладоги в двадцати вёрстах¹. //

л. 55 об. ²К сему допросу Сяского Рятку церкви Успения Пресвятыя Богородицы поп Иван Семёнов вместо крестьян, которыя имяны в сём допросе писаны, по их велению руку прило³ //жил².

РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 55–55 об. (Подлинник). Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк – писарский.

²⁻² Второй почерк – собственноручная заверяющая подпись священника Ивана Семёнова.

³ Окончание заверяющей подписи священника И. Семёнова имеется на предыдущем листе.

Приложение 2

1702 г., февраля 14. – Допросные речи крестьян деревень Богоявленского погоста Николаевского Медвецкого монастыря о глубинах в нижнем течении реки Сясь и удобных для кораблестроения участках берега реки

л. 56 1702-го февраля в 14 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича Всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца перед Иваном Юрьевичем Татищевым Обонежские пятины Заонежские половины от Богоявленского погоста выставки Рогожи приписного Николаевского Медвецкого монастыря крестьяне деревни Подребинья, деревни Опок, деревни Пехолева, деревни Пулницы, деревни Отаева Иван Фёдоров, Мирон Иванов, Козьма Евтифеев, Пётр Матвеев, Егор Осипов, Кирила Козьмин, Киприян Фадеев, Игнатей Митрофанов, Василей Дорофеев, Козьма Афонасьев, Григорей Андронов, Иван Максимов, Фёдор Давыдов допрашиваны.

А в допросе сказали по заповеди Святаго Евангелия. На монастырской их земли вверх по Сяси-реке, по левой стороне пониже деревни Опок, по досмотру Ивана Юрьевича Татищева, где карабли на берегу делать к спуску на воду ближе, и в том месте весною полая вода не бывает, а к берегу под тем местом, где карабли

спускать, будет в глубину воды по два, и по три, и по четыре аршина. А в полу воду бывает и болши. А в летнее время бывает и менши нынешняго. А вышеозначенное досматриванное место от озера Ладожского и от сяского устья в трёх вёрстах. А от города Ладоги в двадцати в трёх вёрстах. А от того вышеписанного места пониже чрез реку Сясь в ретких местах есть камень-одинки, толко в том месте карбасы с кладью и с плитою ходят без выгруски¹. //

²К сему допросу от Богоявленского Сяского погоста выставки Рогожи собора Пресвятей Богородицы попа Ивана Фаддеева вместо крестьян, которых имени писаны в сём допросе, по их велению руку прило³ // жил². л. 56 об.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 56–56 об. (Подлинник). Публикуется впервые.

¹⁻¹ Первый почерк.

²⁻² Второй почерк – собственноручная заверяющая подпись священника Ивана Фаддеева.

³ Окончание заверяющей подписи священника И. Фаддеева имеется на предыдущем листе.

¹ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 12.

² Черновой отпуск указа. Документ опубликован с важными смысловыми и орфографическими ошибками в прочтении: МИРФ. СПб., 1865. Ч. 1. С. 3.

² МИРФ. Ч. 1. С. 5–8.

³ Шаскольский И.П. Русское мореходство на Балтийском море в XVII веке // Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 153.

⁴ Под «трёхаршинной мерой» подразумевается трёхаршинная, или государева, сажень, равная 216 см, состоявшая из трёх аршин по 72 см. Путевую версту тогда составляли 500 трёхаршинных сажений (1080 м).

⁵ По смыслу текста: неспособные. Можно предположить неверное прочтение слова издателями «МИРФ».

⁶ МИРФ. Ч. 1. С. 7.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ Подписи Воутера Воутерсона тер Колка: Wouter Wouterson ter Kolck (РГА ВМФ. Ф. 177 (Приказ воинского морского флота). Оп. 1. Д. 47. Л. 288; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1702 г. Д. 26). См. Ил. 2.

⁹ МИРФ. Ч. 1. С. 8.

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 43.

¹¹ МИРФ. Ч. 1. С. 8, 47.

¹² Там же. С. 10–12.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ См. подробнее о замысле кампании 1702 г. и его воплощении: Кротов П.А. Осударева дорога 1702 года: пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 32. Л. 174 об.

¹⁶ Там же. Л. 25 об.

¹⁷ Там же. Л. 43 об.

¹⁸ МИРФ. Ч. 1. С. 20.

¹⁹ Там же.

²⁰ Кротов П.А. Зарождение регулярного флота на Балтике // ИОС. СПб., 1994. Т. 1. С. 87.

²¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 43 об.

²² Например, см.: Шафиров П.П. Разсуждение, какие законные причины Его Царское Величество Пётр Первый, царь и повелитель всероссийский [...] к начатию войны против короля Карола 12 шведского 1700 году имел [...]. СПб., 1717. С. 65.

²³ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 240–241 об.

²⁴ ПЖ 1703 года. 2-е изд. СПб., 1911. С. 4.

²⁵ Фототипическое воспроизведение текста походного журнала Бомбардирской роты приведено: Шарымов А.М. 1703 год // Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год: Книга исследований. СПб., 2004. С. 494.

²⁵ МИРФ. Ч. 1. С. 20.

²⁶ Там же. С. 20–21.

²⁷ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 52.

²⁸ Там же. Л. 51.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета). Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

³¹ Там же.

³² Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 383–383 об.

³³ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 12. Л. 628; Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4, ч. 2: Прил. С. 498–499.

³⁴ Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. С. 76–77; Данилов А.М. Линейные корабли и фрегаты русского парусного флота. Минск, 1996. С. 128–129.

³⁵ Елагин С.И. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702–1725. СПб., 1867. С. 2–3.

- ³⁶ *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. С. 74.
- ³⁷ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 109.
- ³⁸ Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.
- ³⁹ Там же. Л. 9, 17; Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 109, 223-з; РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 12. Л. 628 (Списки кораблей флота. Первая четверть XVIII в.).
- ⁴⁰ *Кротов П.А.*: 1) Рождение Балтийского военно-морского флота // ВИ. 1991. № 11. С. 210; 2) Зарождение регулярного флота на Балтике. С. 93.
- ⁴¹ ПБИПВ. СПб., 1907. Т. 5. С. 27.
- ⁴² *Елагин С.И.* Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702–1725. С. 3.
- ⁴³ *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. С. 74.
- ⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 109, 223-з; Д. 90. Л. 477 об., 324, 328; Ф. 315 (Материалы для истории русского флота). Оп. 1. Д. 858. Л. 58; МИРФ. Ч. 1. С. 25, 26–27, 30.
- ⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28, ч. 2. Л. 490.
- ⁴⁶ Подпись: Gorlos Andris (РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 28, ч. 2. Л. 528 об.).
- ⁴⁷ РГА ВМФ. Оп. 1. Д. 90. Л. 477 об.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Д. 12. Л. 628; РГА ВМФ. Оп. 1. Ф. 177. Д. 47. Л. 287 об.; Д. 90. Л. 383.
- ⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 223-з.
- ⁵⁰ МИРФ. Ч. 1. С. 30–31, 32.
- ⁵¹ *Королюк В.Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну // Учёные записки Института славяноведения АН СССР. М., 1954. Т. 10. С. 302.
- ⁵² ПЖ 1704 г. 2-е изд. СПб., 1911. С. 84.
- ⁵³ МИРФ. Ч. 1. С. 24.
- ⁵⁴ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 324–324 об., 383–383 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 59. Л. 15.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 223. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
- ⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 49. Л. 99, 103.
- ⁵⁸ МИРФ. Ч. 1. С. 12–13; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 32. Л. 170, 165 об.
- ⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 32. Л. 174.
- ⁶⁰ Там же. Л. 217; *Богатырёв И.В.* Корабелы Сяського Устья // Судостроение. 1982. № 4. С. 48.
- ⁶¹ И.А. Сенявин писал свою фамилию через букву «и» ещё в 1723 г., но со следующего года изменил подпись: Иван Сенявин (*Ден Д.* История Российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. Примеч. 58. С. 156).
- ⁶² МИРФ. СПб., 1866. Ч. 3. С. 678.
- ⁶³ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 32. Л. 165 об., 170, 217, 229 об.–230; МИРФ. Ч. 1. С. 12–13, 20.
- ⁶⁴ Там же. Ч. 1. С. 20.
- ⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 32. Л. 229 об.–230.
- И.В. Богатырёв считал, что в сентябре и конце 1702 г. на Сяської верфи были заложены шесть шмаков, в мае 1703 г. – ещё шесть (Корабелы Сяського Устья. С. 47, 48). Историк не сравнил приведённые И.А. Сенявиным данные о размерах строившихся весной 1703 г. на Сяси шести шмаков и известие И.Ю. Татищева в письме от 13 августа 1703 г. Петру I. Согласно последнему, тогда велась достройка именно этих шести шмаков (совпадают указанные там размеры корпуса одного из них). В письме от 18 февраля 1703 г. Петру I А.Д. Меншиков, кроме того, сообщал, что шесть шмаков на Сяси ещё только будут закладывать. Эти шесть шмаков упоминаются в источниках, но о шести судах этого типа, якобы заложенных на Сяси в конце 1702 г., сведений во всех выявленных списках судов Петровского времени нет.
- ⁶⁶ *Веселаго Ф.Ф.* Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. С. 242–243.
- ⁶⁷ МИРФ. Ч. 1. С. 20.
- ⁶⁸ ПБИПВ. СПб., 1889. Т. 2. С. 230.
- ⁶⁹ Там же. С. 625; МИРФ. Ч. 1. С. 24.
- И.В. Богатырёв писал, что в августе 1703 г. на Сяси были заложены шесть шняв (Корабелы Сяського Устья. С. 48). Однако о том, что они были действительно построены и пребывали в составе флота, данных нет.
- ⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 856. Л. 52.
- И.В. Богатырёв полагал, что их заложили только в марте 1704 г. Однако он сам же написал, что тогда было уже указано готовить их «с поспешностью под конопатку». Иными словами, корпуса судов были тогда уже построены. См.: *Богатырёв И.В.* Корабелы Сяського Устья. С. 48.
- ⁷¹ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 280.
- ⁷² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А.Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 151. Л. 1–1 об.; РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 856. Л. 36, 37.
- ⁷³ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 34. Л. 113.
- ⁷⁴ Там же. Д. 90. Л. 324, 364; Ф. 315. Оп. 1. Д. 856. Л. 40, 41.
- ⁷⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 251. Л. 1–1 об.
- ⁷⁶ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 312.
- ⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 177. Л. 2; Д. 209. Л. 1; МИРФ. Ч. 1. С. 301.
- ⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 93.
- ⁷⁹ Списки кораблей флота: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 12. Л. 628 об.; Ф. 223. Оп. 1. Д. 8. Л. 23 об.
- ⁸⁰ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 373–373 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 383 об.
- ⁸² Там же. Д. 49. Л. 777.
- ⁸³ Там же. Л. 729 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 877.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. Л. 755.
- ⁸⁷ Там же. Д. 47. Л. 277.
- ⁸⁸ *Богатырёв И.В.* Корабелы Сяського Устья. С. 48.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79. Л. 319.
- ⁹⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98 (Олонейская воеводская изба). Оп. 1. Картон 19. Д. 100. Л. 108–108 об.

- ⁹¹ Подстава – место, где держат сменных лошадей (Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 60).
- ⁹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–1 об.
- ⁹³ МИРФ. Ч. 1. С. 13–14.
- ⁹⁴ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 44. Л. 184.
- ⁹⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1702 г. Д. 26. Л. 43.
- ⁹⁶ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 90. Л. 404–404 об.
- ⁹⁷ Там же. Д. 44. Л. 184.
- ⁹⁸ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 43. Л. 183; Ф. 315. Оп. 1. Д. 856. Л. 48.
- ⁹⁹ *Богатырёв И.В.* Корабелы Сяського Устья. С. 48.
- ¹⁰⁰ РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 81. Л. 210 об.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. Л. 27.
- ¹⁰³ Там же. Д. 79. Л. 134, 135, 137.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 78. Л. 37.
- ¹⁰⁵ Там же. Д. 79. Л. 6.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 137.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 198 (А.Д. Меншиков). Оп. 1. Д. 704. Л. 174 об.

А.В. Морохин

К ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ А.Д. МЕНШИКОВА

В числе событий, способствовавших свержению «полудержавного властелина», А.Д. Меншикова, особое место занимает эпизод, связанный с отнятием светлейшим князем большой суммы денег, направленных Петром II сестре, великой княжне Наталье Алексеевне. Нам уже приходилось анализировать это событие в одной из своих работ¹.

Современники приводили разные подробности этого происшествия, наложившего неизгладимый отпечаток на отношение юного царя к А.Д. Меншикову.

Саксонский дипломат И. Лефорт в своей депеше от 23 августа 1727 г. сообщал о 500 червонцах, которые Пётр II потребовал у светлейшего и подарил их сестре. Узнав об этом, Меншиков «разгорячился и отнял деньги у великой княжны».

Позднее, 18 сентября того же года, И. Лефорт писал о некоем «серебряном подарке», который императору поднесли жители Ярославля. Пётр II передал его сестре, и, когда светлейший узнал об этом, он трижды посылал нарочного к великой княжне вернуть подарок. Наталья Алексеевна «отсылала назад посланного с приказанием сказать Меншикову, что *Она* знает разницу между *Царём* и человеком, как он, и поклялась никогда не быть у него в доме»².

Французский коллега Лефорта, Ж. Маньян, приводил другие подробности случившегося инцидента и докладывал своему правительству о подношении юному российскому монарху некими «депутатами» 700 золотых дукатов, которые Пётр II передал сестре. У великой княжны этот подарок из рук отобрал Меншиков «для того, чтобы, как заявил он ей, сделать лучшее употребление из этих денег». Вслед за этим к императору явилась новая группа «депутатов», поднесшая ему несколько кусков парчи. Пётр II вновь передал подарок сестре, у которой его отняла на этот раз свояченица светлейшего Варвара. Реакция венценосного брата была незамедлительной: «...новый этот поступок разгневал царя до того сильно, что он пошёл в ту же минуту к князю Меншикову и заговорил с ним, скрестивши руки со сжатыми кулаками, так грозно, что князь был совсем смущён и расстроен его словами»³.

Эти же события описал в своих мемуарах К.Г. Манштейн: «Не помню по какому случаю, цех петербургских каменщиков поднёс императору в подарок 9 тысяч червонцев. Государю вздумалось порадовать ими сестру, и он отправил к ней деньги с одним из придворных лиц. Последнему случилось повстречаться с Меншиковым, который спросил его, куда он несёт деньги. На ответ придворного Меншиков возразил: "Государь по молодости лет не знает, на что следует употреблять деньги, отнесите их ко мне, я увижусь с государем

и поговорю с ним". Хорошо зная, как опасно противиться воле князя, придворный исполнил его приказание. На другое утро царевна Наталья, по обыкновению, пришла навестить брата. Когда она вошла к нему, государь спросил её: разве не стоит благодарности его вчерашний подарок? Царевна отвечала, что ничего не получала. Это рассердило императора. Приказав призвать придворного, он спросил его, куда девались деньги, которые ему было велено отнести к княжне. Придворный извинился и сказал, что деньги у него отнял Меншиков. Это тем более рассердило государя. Он велел позвать князя и с гневом закричал на него, как смел он помешать придворному в исполнении его приказания. Не привыкший к такого рода обращению князь был поражён как громом.

Однако он отвечал, что из-за известного недостатка в деньгах в государстве и истощении казны он, князь, намеревался сегодня же представить проект более полезного употребления этих денег и прибавил: "А если Вашему Величеству угодно, то не только прикажу возратить эти девять тысяч червонцев, но даже дам из своей собственной казны миллион рублей". Государь не удовольствовался этим ответом. Топнув ногой, он сказал: "Я покажу тебе, что я император и что я требую повиновения". Затем, отвернувшись, ушёл; Меншиков пошёл за ним и так его упрашивал, что он на этот раз смягчился; но мир продолжался недолго»⁴.

По наблюдениям И.В. Курукина, во всех сохранившихся деталях эпизода скорее всего шла речь о 500 червонцах от ярославских посадских, которые попали в число дворцовых доходов в августе 1727 года⁵.

Детали происшедшего конфликта могут быть существенно дополнены и ещё одним источником — письмом Ивана Петровича Калушкина к российскому дипломатическому представителю в Испании князю И.А. Щербатову⁶.

Фигура автора послания достаточно интересна. Иван Калушкин происходил из дворян, служил подьячим при сенаторе П.М. Апраксине, затем в 1717–1720 г. «по желанию своему» был направлен в Кёнигсбергский университет «для науки немецкого языка». После завершения обучения Калушкин служил в российском посольстве в Дании, где состоял «для писма и обучения языков и дел». Затем он был переведён в Париж⁷. Позднее, в 1735–1742 г., Иван Петрович являлся резидентом в Иране⁸.

Находясь во Франции, И.П. Калушкин в 1727–1728 г. замещал тяжело болевшего камергера А.Б. Куракина, возглавлявшего тогда представительство в Париже, и вёл обширную дипломатическую переписку⁹. В рамках своих обязанностей Калушкин информировал о новостях из России и других своих коллег, аккредитованных в других европейских государствах, в частности князя И.А. Щербатова. Получив сведения о характере нового государя от некоего француза, служившего полковником в российской армии, Иван Петрович передал эту информацию в Мадрид.

Примечательно, что данные о внешности и характере юного Петра II, изложенные в послании, подтверждают и другие находившиеся в России иностранные наблюдатели. Испанский дипломат герцог де Лирия характеризовал императора как «одного из самых прекрасных принцев, какого только можно видеть. Он был высокого роста, хорошо сложен, красив лицом, судил здраво и был очень проницателен, хорошо танцевал и хорошо сидел на лошади, и был очень подвижным...».

Схожее описание внешности царя приводит и леди Рондо¹⁰. Личность и характер Петра II автор письма иллюстрирует рассказом о подношении царю некоей женщиной курицы с цыплятами, которой монарх распорядился выдать за это 10 рублей. Упомянутый в этом рассказе камергер князь С.Д. Голицын входил в ближайшее окружение императора, но уже в 1729 г. из-за интриг князей Долгоруковых был вынужден покинуть двор¹¹.

Рассказ о конфликте Петра II с Меншиковым имеет много схожего в своих подробностях со свидетельством К.Г. Манштейна, и одновременно приводятся новые детали, как, например, распоряжение царя оштрафовать пажу, которому светлейший приказал отнести подаренные императором сестре деньги в свой дом.

Таким образом, публикуемое ниже письмо И.П. Калушкина не только подтверждает уже имеющиеся в распоряжении историков сведения о событиях конца лета 1727 г., которые привели к падению «полудержавного властелина», но и приводит ряд новых данных об этом инциденте.

Приложение

6/17 ноября 1727 г. – Из письма И.П. Калушкина к князю И.А. Щербатову

л. 151 Об Его Императорском Величестве слышим всё полезное, а особливо [от] одного полковника российской службы, природою француза, отпущен сюда на время по жену свою, которой с великою похвалою об Его Величестве говорит, что лица прекрасного, стану очень хорошева, ума и рассуждения острого сверх лет своих, к подданным своим очень милостив и не скуп, о чём он нам засвидетельствовал, как следует. Случилось одна, что Его Величество садился перед дворцом в коляску ехать на охоту, в то число одна баба поднесла ему курицу с цыплятами, за которую он приказал князю Сергию Дмитриевичу Голицыну дать десеть рублёв, но она сумма ему показалась велика, и для того он императору донёс, что столко ей дать много, на что Его Величество, обернясь к нему, сказал: «Ведай себе, что это много, а мне очень мало», — и потом приказал той бабе впред таких куриц приносить, за которые ей всегда постольку ж платить будут, что она и поныне продолжает.

О князе Меншикове сказал, что уже давно ево падение ожидали, понеже император ево ненавидит, чему притчина была такая. В некоторой праздник купечество поднесли Его Величеству на блюде з две тысячи червонных, которых он принять не хотел, понеже никаких презентов не принимает, но послал оные червонные с одним л. 151 об. пажем // к великой княжне, которого светлейший князь встреча на дороге, приказал ему те червонные нести к себе на двор. Но дни с три после того Его Величество, будучи за ужином с великою княгиною, ей о тех червонных упомянул и удивлялся, что она ему за тот презент не благодарит, и как скоро от неё услышал, яко к ней никаких червонцев не принашивали, то тотчас приказал того пажа перед себя призвать и ево о том спрашивал, где он, указав на светлейшего князя, доносил, что он их по приказу ево отнес к нему в дом. Того ради Его Величество повелел того пажа штрафовать, а на светлейшаго князя очень гневался, причём он пал в ноги, просил со слезами прощения, но Его Величество с сердца толкнул ево ногою в голову и говорил: провались, мерской, ис моих глаз, и после того он ретко и ко двору ездил... //

ОР РНБ. Собр. А.А. Титова. № 4784. Л. 151–151 об.

Публикуется впервые.

¹ Морохин А.В. «Имел дерзость не оказывать должного уважения моей сестре»: К вопросу о роли великой княжны Натальи Алексеевны в свержении А.Д. Меншикова // Меншиковские чтения – 2015 : науч. альманах. СПб., 2015. Вып. 6 (15). С. 149–150.

² Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 488, 492.

³ Там же. Т. 75. СПб., 1891. С. 79–80.

⁴ Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов н/Д, 1998. С. 11–12.

⁵ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 159. Примеч. 169.

⁶ О И.А. Щербатове см.: Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 80–81.

⁷ Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 177; Хотев П.И. Русские студенты в университетах Германии в первой половине XVIII века // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 77; Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 149, 156–157; СПб., 1892. Кн. 3. С. 77.

⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. IX. № 7002. С. 872; Т. XI. № 8242. С. 261.

См. также: Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. М., 1993. Т. 19–20, кн. X. С. 392, 408, 409, 436; Турилова С.Л. Русские дипломатические представители в Персии и Турции в XVIII в. // Анналы (бюллетень). М., 1996. Вып. 4. С. 107.

⁹ Желтикова С.О., Турилова С.Л. Состав российского дипломатического представительства во Франции в XVIII веке : По материалам Архива внешней политики Российской империи // Россия и Франция XVIII–XX вв. М., 2000. Вып. 3. С. 83.

¹⁰ Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лирриа-и-Херика. Донесение о Московии в 1731 году // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 82; Безвременье и временщики : воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» : (1720-е–1760-е годы). Л., 1991. С. 197.

¹¹ Алексеев А.С. Сильные персоны в Верховном Тайном совете Петра II и роль князя Голицына при воцарении Анны Иоанновны. М., 1898. С. 55.

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
ВЕ	Вестник Европы: журнал
ВИ	Вопросы истории
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины
ВС	Военный сборник
ГАК	Государственная Адмиралтейская коллегия
ГКУ ГАНО	Государственное казённое учреждение «Государственный архив Нижегородской области» (г. Арзамас)
ГМИИ им А.С. Пушкина	Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина
ГСВ	Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого)
ГЭ	Государственный Эрмитаж
Д. и П.	Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого
Е. И. В.	Его (Её) Императорское Величество
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖМЮ	Журнал Министерства юстиции
ИА	Исторический архив
ИВ	Исторический вестник: журнал
ИОС	История отечественного судостроения
ИРИ РАН	Институт российской истории РАН (г. Москва)
МИГО	Материалы для истории Гангутской операции
МИРФ	Материалы для истории русского флота
МС	Морской сборник
НЦПИ	Национальный центр подводных исследований
НИЦ	Научно-исследовательский центр
ОДАММ	Описание дел Архива Морского министерства
ОЗ	Отечественные записки: журнал
ОМС	Общий морской список
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПБПИВ	Письма и бумаги императора Петра Великого
ПЖ	Походный журнал
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 года
РА	Русский архив: журнал
РАН	Российская Академия наук
РАХ	Российская Академия художеств (Москва)
РБС	Русский биографический словарь
РВ	Русский вестник
РГА ВМФ	Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
РГО	Русское географическое общество
РНБ	Российская национальная библиотека
РПЦ	Русская Православная Церковь
РС	Русская старина: журнал
Сб. ВИМ	Сборник военно-исторических материалов
Сб. РИО	Сборник Императорского Русского исторического общества

СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбГУКИ	Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
СПб ГУП	Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
СПбИИ РАН	Санкт-Петербургский Институт истории РАН
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
УрО РАН	Уральское отделение Российской Академии наук (Екатеринбург)
ФГУП	Федеральное государственное унитарное предприятие «Гознак»
ЦАНО	Центральный архив Нижегородской области
ЦВММ	Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)
ЦПИ РГО	Центр подводных исследований Русского географического общества
ЧОИДР	Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

Михаил Олегович Акишин

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НИЧ Новосибирского государственного университета (Новосибирск). akishin-mo@yandex.ru

Артём Алексеевич Андреев

кандидат исторических наук, доцент кафедры этнополитологии факультета политологии СПбГУ, младший научный сотрудник Отдела «Дворец Менишкова» ГЭ (Санкт-Петербург). gal7gas@yandex.ru

Владимир Алексеевич Артамонов

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИРИ РАН (Москва). ovarata@mail.ru

Иван Герасимович Дуров

доктор исторических наук, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук, полковник (Нижний Новгород). ivan_durov@list.ru

Александр Вячеславович Иванов

художник-реставратор ЦВММ (Санкт-Петербург). vestnik.gsm@yandex.ru

Сергей Александрович Козлов

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, член Международной федерации журналистов (Санкт-Петербург). sakozl@rambler.ru

Павел Александрович Кротов

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XX в. Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, академик Академии военно-исторических наук, директор научно-исследовательского центра «Менишковский институт» (Санкт-Петербург). pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Michail O. Akishin

doctor of history, candidate of jurisprudence, Senior lecturer, Chief researcher of Laboratory of the humanities of scientific research department of Novosibirsk State University (Novosibirsk)

Artyom A. Andreev

candidate of historical sciences, junior research associate of ethnical political studies chair of political studies department of St. Petersburg State University, junior research associate of Menshikov Palace Department (St. Petersburg)

Vladimir A. Artamonov

candidate of historical sciences, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Ivan G. Durov

doctor of historical sciences, candidate of military sciences, professor, the Academy of Military Sciences, retired colonel, (Nizhniy Novgorod)

Alexander V. Ivanov

artist-restorer, Central Naval Museum (St. Petersburg)

Sergei A. Kozlov

doctor of Historical Sciences, Full Professor, Head of the History, Philosophy and Culture Studies Department, Higher School of Technology and Energy, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Member of International Federation of Journalists (St. Petersburg)

Pavel A. Krotov

doctor of historical sciences, professor, Department of Russian History before XXth century, Institute of History, St. Petersburg State University, Academician of Academy of Military-Historical Sciences, director of the Research Center «Menshikov Institute» (St. Petersburg)

Андрей Васильевич Лукошков

кандидат технических наук, действительный член РГО, член правления Национального центра подводных исследований (Санкт-Петербург). lukoshkov2004@mail.ru

Алексей Владимирович Морохин

кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения исторического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород). alexmorohin@yandex.ru

Юрий Митрофанович Попов

кандидат исторических наук, капитан 1-го ранга запаса, преподаватель ВУНЦ ВВС «ВВА им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж). bars9713@rambler.ru

Andrei V. Lukoshkov

candidate of engineering science, fellow of Russian Geographical Society, member of the board of National Center for Underwater Research (St. Petersburg)

Alexei V. Morokhin

candidate of historical sciences, associate professor, Department of the Historiography and Source Study, Faculty of History, Nizhniy Novgorod State University (Nizhniy Novgorod)

Yury M. Popov

candidate of historical sciences, Captain 1 rank retired, teacher of Military Science and Education Center The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy (Voronezh)

УДК 342.4(47)''17''

Акишин М. О. Категория «конституции» в государственно-правовом развитии Российской империи XVIII века // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 9–25. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье рассматривается история происхождения в русском юридическом языке категории «конституция». Установлено, что термин «конституция» был заимствован из польского языка во второй половине XVII в. для обозначения сословных прав и привилегий, которыми население Речи Посполитой обосновывало свою автономию. Понимание категории «конституция», как учредительного акта государства, складывается в ходе Английской революции. Но англичане не создали кодифицированного конституционного акта, а саму категорию «конституция» толковали как «реставрацию старинной фундаментальной конституции Королевства». С этим значением Пётр Великий познакомился во время пребывания в Англии в 1698 г. Государственные преобразования Петра I носили учредительный характер, наиболее важные свои нормативные акты сам монарх называл «генеральными», а современные ему философы и юристы – «конституция». В послепетровский период доминирующее влияние на государственное развитие России оказывали учения французского Просвещения, в которых отождествлялись термины «конституция» и «основные законы». В духе этой теории проводилась правовая политика и составлялись проекты преобразования верховных органов власти второй половины XVIII в. Правовую определённость категории «конституция» придали американская и французская революции, после которых современное значение категории «конституция» было усвоено Екатериной II и просвещённой частью русского общества.

Ключевые слова: конституция, основной закон, естественный закон, Российская империя, XVIII век

Akishin M. O. The category of 'Constitution' in state legal development of Russian Empire of the XVIII century.

Annotation: The article deals with the derivation of 'Constitution' category in Russian legal language. It has been established that the term 'Constitution' was borrowed from the Polish language in the second half of the XVII century to describe a class of rights and privileges, which the people of the Polish-Lithuanian Commonwealth justified their autonomy. Understanding of the 'Constitution' category as the founding act of a state emerged in the course of the English Revolution. But the British did not create a codified Constitution act, and the very category of 'Constitution' had been construed as 'the restoration of the ancient fundamental Constitution of the Kingdom'. Peter the Great got acquainted with this meaning during his stay in England in 1698. State transformations of Peter the Great conceptually had been interpreted as constitutive. The most important normative acts the monarch himself called 'General' and contemporary philosophers and lawyers – 'Constitution'. In the post-Petrine period the dominant influence on state development of Russia had been given by the theories of the French Enlightenment, with clear identification of terms 'constitution' and 'basic laws'. In the spirit of this theory legal policy had been conducted as well as projects for the transformation of the Supreme state authorities of the second half of the XVIII century had been drawn up. Legal certainty of 'Constitution' had been given by American and French revolutions. Whereupon the modern meaning of 'Constitution' category had been acquired by Catherine the Great and enlightened part of Russian society.

Keywords: Constitution, fundamental law, natural law, Russian Empire, XVIII century

УДК [355.13:355.48](44:47)''1812''

Артамонов В. А. Силовое поле русской и наполеоновской армий в 1812 г. // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 26–50. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Высокий боевой дух армии – неотъемлемая составная для победы в бою над противником наряду с профессиональной подготовкой офицеров, солдат и современным вооружением. Энергетическое силовое поле насыщается боевым духом и удерживается вокруг войска не только в военное, но и в мирное время. Автор рассматривает противостояние русской и наполеоновской армий в 1812 г., учитывая дистанционные воздействия противников друг на друга через биоэнергетические (силовые) поля.

Ключевые слова: Российская империя, российская армия, Французская империя, французская армия, 1812 г., М.И. Кутузов, Б. Наполеон, М.Б. Барклай, Москва, Бородино

Artamonov V. A. Force field of Russian and Napoleonic armies in 1812.

Annotation: High morale is an integral part of victory over enemy along with officers' and soldiers' professional development and sophisticated weapon. Energy field is filled with fighting spirit and is retained around the armies not only in times of piece but in times of war as well. The author presents the confrontation of Russian and Napoleonic armies in 1812 with respect to distant impact to each other through bioenergetic (force) fields.

Keywords: Russian Empire, Russian Army, French Empire, French Army, 1812, M.I. Kutuzov, Napoleon, M.B. Barclay, Moscow, Borodino

УДК [369.542:355.257.31](47)''17''

Дуров И. Г. Пенсионное обеспечение армейских и флотских кавалеров российских орденов в XVIII веке // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 51–77. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Автор, продолжая тему пенсионного обеспечения военных и морских чинов в XVIII в., совершает обзор истории учреждения российских орденов, прослеживает изменения условий награждения, размеров пенсий при смене высшего руководства государства, во время военных кампаний, иллюстрирует примерами и таблицами.

Ключевые слова: Пётр I, Анна Иоанновна, Екатерина II, Павел I, кавалеры российских орденов, орден Св. апостола Андрея Первозванного, орден Св. великомученицы Екатерины, орден Св. князя Александра Невского, орден Св. Анны, орден Св. великомученика и Победоносца Георгия, орден Св. Владимира

Durov I. G. Retirement coverage of Army and Navy Russian decorations honorees in XVIII century.

Annotation: The author while proceeding on the research of retirement coverage of Army and Navy personnel of XVIII century makes an overview of establishment of Russian orders, traces the alterations of awarding procedures, the amount of retirement allowance while the periods of state authorities change, during military campaigns. The article is enriched with examples and tables.

Keywords: Peter the Great, Anna Ioannovna, Catherine the Great, Pavel I, Russian orders honorees, Order of St. Andrew the Apostle the First-Called, Order of Saint Catherine, Order of Saint Alexander Nevsky, Order of Saint Anna, Order of Saint George, Order of Saint Vladimir

УДК [369.542:355.257.31](47)“1762/1801”

Дуров И. Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов при правлении Петра III, Екатерины II и Павла I // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 78–198. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

Аннотация: Автор, анализируя изменения в целом в системе пенсионного обеспечения военных и морских чинов в послепетровский период, развёрнуто и на основе архивных источников, опубликованных руководящих документов показывает насколько исполнялись указы, как происходило начисление и выплата военных пенсий, а также как происходило лишение права на пенсию.

Ключевые слова: Российская империя, Пётр III, Екатерина II, Павел I, военные и морские чины, пенсионное законодательство

Durov I. G. Retirement coverage of retired Army and Navy personnel during the reign of Peter III, Catherine the Great, and Pavel I.

Annotation: By means of detailed analysis of overall alterations to the system of retirement coverage of Army and Navy personnel during post-Peter the Great epoch, backed by archival sources and published authorizing documents the author demonstrates how the orders had been executed, the ways of retirement pays had been accounted as well as the process of coverage deprivation.

Keywords: Russian Empire, Peter III, Catherine the Great, Pavel I, Army and Navy personnel, retirement coverage legislation

УДК 355.46(091)

Кротов П. А., Подсобляев Е. Ф. Об операции как форме военных действий на море // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 199–206. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

Аннотация: В статье рассматривается спорный вопрос о времени появления морской операции как формы боевых действий в истории военно-морского искусства. Авторы оспаривают традиционный для отечественной историографии взгляд на то, что зарождение операции на море относится ко времени русско-японской войны 1904–1905 годов, а окончательное складывание к периоду Первой мировой войны. По мнению авторов, все существенные признаки морской операции имеют, например, действия флота Древнего Рима против пиратов в 67 г. до н. э. и операция российского корабельного и галерного флота против шведского побережья к югу и северу от Стокгольма в 1719 г.

Ключевые слова: морская операция 67 г. до н. э., Помпей, Пётр Великий, морская операция 1719 г.

Krotov P. A., Podsoblyayev E. F. Operation as a type of naval warfare.

Annotation: The article covers the matter of dispute regarding introduction of naval operation as the type of warfare in naval history. The authors challenge traditional viewpoint of Russian historiography that dates the introduction of naval operation from the period of Russo-Japanese War of 1904 – 1905 to eventual forming during World War I. In the opinion of the authors all the essential features of the naval operation had been common, for instance, with the

actions of Ancient Rome Navy against pirates in 67 BC and naval efforts of ship and galley fleets against Swedish coast to the South and North of Stockholm in 1719.

Keywords: naval operation 67 BC, Pompey, Peter the Great, naval operation of 1719

УДК [369:355.257.31](47)“1743/1747”

Попов Ю. М. Меры, предусматриваемые по утверждению основных направлений обустройства отставных военнослужащих при проведении II ревизии населения // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 207–214. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

Аннотация: Во время царствования Петра I был принят ряд мер, связанных с решением вопросов обустройства отставных военнослужащих. Особенно эта работа активизировалась в ходе I ревизии населения страны, направленной на создание действенной системы налогообложения. Но к моменту прихода к власти Елизаветы Петровны созрела необходимость пересмотра итогов этой ревизии. Накопилось много нерешённых проблем, связанных в том числе с учетом и состоянием этой категории населения. В статье говорится о мерах, принятых правительством в ходе проведения II ревизии (1743–1747), с целью создания полноценной системы социальной защиты отставных военнослужащих и её дальнейшего улучшения.

Ключевые слова: Российская империя, II ревизия (1743–1747), Елизавета Петровна, система налогообложения, отставные военнослужащие

Поров У. М. Efforts for approval of main trends of settlements for the retirees during II population census.

Abstract: During the reign of Peter the Great a number of steps had been taken dealing with a problem of retirees settlement. Especially active these measures had been during I population census, aimed at establishment of efficient taxation system. At the moment of Elizabeth Petrovna ascending the throne the necessity emerged to revise the results of the census. A number of unsolved problems amassed related particularly but not exclusively with this part of population. The article deals with the steps taken during II population census (1743 – 1747), with the goal to establish efficient social safety net for the retirees and its further improvement.

Keywords: Russian Empire, II population census (1743 – 1747), Elizabeth Petrovna, taxation system, retirees

УДК 902/904(26.03)::[629.53:355.46](47)“1719”

Лукошков А. В. Подводные исследования останков линейных кораблей «Лондон» и «Портсмут» (1719) // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 215–225. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А. Д. Меншикова).

Аннотация: Статья посвящена истории появления службы в Балтийском флоте линейных кораблей Петра Великого «Лондон» и «Портсмут», а также обстоятельствам их гибели в октябре 1719 г. вблизи острова Котлин. Изложена история обнаружения и идентификации останков этих кораблей на Лондонской мели. Приведены полученные результаты многолетних археологических работ на обоих объектах.

Ключевые слова: Балтийский флот Петра I, линейные корабли «Лондон» и «Портсмут», подводные археологические исследования

Lukoshkov A. V. Underwater research of the wrecks of ships of the line 'London' and 'Portsmut' (1719).

Annotation: The article covers service history of ships of the line 'London' and 'Portsmut' and the circumstances of their loss in October 1719 near Kotlin island. The article describes the story of the wrecks discovery and identification at London bank. Results of long-term fieldworks are given for both wrecks.

Keywords: Baltic Fleet of Peter the Great, ships of the line 'London' and 'Portsmut', underwater archeological researches

УДК [355.48(47:560)+336.2](47:1-924.71)"1768/1791"

Козлов С. А. Налогово-финансовый аспект присоединения Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 226–247. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье показано, что присоединение Крымского ханства к Российской империи в 1783 г. стало важнейшим геополитическим событием и оказало заметное влияние на складывание фискальных приоритетов страны. Рассмотрены налогово-финансовые меры российских властей во время русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 г. и, прежде всего, обращение к внутренним и внешним кредитам. Изучено экономическое освоение Таврической области и одновременно формирование местных налоговых органов как важнейшие направления деятельности наместника края Г.А. Потёмкина.

Ключевые слова: налоги, налоговая документация, военные расходы, Крым, русско-турецкие войны

Kozlov S. A. Tax and financial aspect of annexation of Crimean Khanate by Russian Empire in 1783.

Abstract: The paper reveals the annexation of Crimean Khanate by Russian Empire in 1783 as one of the most important geopolitical events that had considerable impact upon shaping of country's fiscal priorities. Tax and fiscal steps of Russian authorities during Russo-Turkish wars of 1768–1774 and 1787–1791 have been addressed and above all usage of domestic and foreign loans. Economic development of Tavria region has been researched along with establishment of taxing authorities as the most important fields of concern of the governor G.A. Potemkin.

Keywords: taxes, tax files, military spending, Crimea, Russo-Turkish wars

УДК [94(470.44:470.47)+910-051Черкасский А.](093)"1717"

Андреев А. А. Слово калмыцкого бакши о гибели князя А. Черкасского // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 248–254. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: Статья представляет собой публикацию документа 1717 г., связанного с известием о трагической гибели князя А. Черкасского, известного исследователя Каспийского моря и его восточного побережья. На основании сообщения представленного саратовскому коменданту Д.Е. Бахметеву, публикуемого полностью впервые, можно узнать об особой роли калмыков хана Аюки в период третьего этапа Каспийской экспедиции князя А. Черкасского.

Ключевые слова: Александр Черкасский, Хивинское ханство, Устюрт, калмыки, Ходжа Нефес, Хива, Шир Гази хан, караван-сарай, караванные дороги

Андреев А. А. The narrative of Kalmyk bakshy on the death of duke A. Cherkasskiy.

Abstract: The paper represents a publication of the document of 1717, connected with the news of the tragic death of duke A. Cherkasskiy, a well-known explorer of the Caspian Sea and its eastern coast. Based on the message presented to the Saratov commandant D.E. Bakhmetiev, published for the first time, one can learn about the special role of the Kalmyks of Khan Ayuka during the third stage of the Caspian expedition of prince A. Cherkasskiy.

Keywords: Alexander Cherkasskiy, Khiva Khanate, Ustyurt, Kalmyks, Khoja Nefes, Khiva, Shir Ghazi Khan, caravanserais, caravan roads

УДК [629.53:791.6](470-25)"1722"

Иванов А. В. Маскарадный кораблик «Миротворец» 1722 г. // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 255–267. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: На основании выявленных документов реконструирован облик замечательного памятника Петровской эпохи, маскарадного кораблика «Миротворец» («Фридемакер»), главной достопримечательности Московского маскарада 1722 г. Установлено, что он был построен в Санкт-Петербурге корабельным мастером Ф.М. Скляевым, перевезён и собран в Москве корабельным мастером Г.А. Меншиковым. Сохранившийся на протяжении XVIII в., маскарадный кораблик к концу века получил официальный статус памятника. «Миротворец» сгорел в Московском пожаре 1812 г. По мнению автора, документы представляют интерес в качестве исторической основы для воссоздания памятника на месте Сухаревой башни в Москве.

Ключевые слова: Пётр Великий, Ф.М. Скляев, Г.А. Меншиков, Ништадский мир, Московский маскарад 1722 г., «Миротворец» («Фридемакер»)

Ivanov A. V. Masquerade vessel 'Mirotvorets' of 1722.

Abstract: Newly discovered documents allowed to reconstruct the layout of remarkable memorial of the Peter the Great times, namely masquerade vessel 'Mirotvorets' ('Friedemaker') that had been the main feature of Moscow masquerade in 1722. It was determined the vessel had been constructed in Saint Petersburg by shipwright F.M. Sklyaev then delivered and assembled in Moscow by shipwright G.A. Menshikov. Kept through the XVIII century the vessel by the end of the century officially gained the status of a memorial. 'Mirotvorets' was lost in Moscow Fire of 1812. To author's opinion the documents discovered can be used as historical foundation for the memorial recreation on the site of Sukharev Tower in Moscow.

Keywords: Peter the Great, F.M. Sklyaev, G.A. Menshikov, Treaty of Nystad, Moscow masquerade 1722, 'Mirotvorets' ('Friedemaker')

УДК 623.8(282.2+261.24)"1702/1706"

Кротов П. А. Сясьская верфь и начало Балтийского флота // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 268–289. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: На верфи на реке Сясь у южного берега Ладожского озера построили первые корабли Балтийского флота России. Верфь работала в 1702–1706 г. На ней были

построены два фрегата, две шнявы, флейт, семь шмаков и два больших буера. На верфи работали мастера-кораблестроители из Нидерландов, русские плотники и кузнецы. Верфь внесла существенный вклад в осуществление первой кораблестроительной программы Балтийского флота (1703).

Ключевые слова: верфь на реке Сясь, Балтийский флот, А.Д. Меншиков, Пётр Великий

Krotov P. A. Syas Shipyard and the beginning of the Baltic Fleet.

Annotation: The first vessels of the Russian Baltic Fleet had been built at the River Syas at the south shore of Lake Ladoga. The yard had been operational during 1702 – 1706 and launched two frigates, two snows, fluyt, seven smacks and two big boyers. The yard gave employment to shipwrights from Netherland, Russian carpenters and blacksmiths. The yard contributed greatly to the realization of the first shipbuilding program of the Baltic Fleet (1703).

Keywords: shipyard at River Syas, Baltic Fleet, A.D. Menshikov, Peter the Great

УДК 342.518-051(47)”17”Меншиков А.Д.

Морохин А. В. К истории падения А.Д. Меншикова // Меншиковские чтения – 2017 : научный альманах. — СПб. : Изд-во «XVIII век», 2017. — Вып. 8 (18). — С. 290–293. — (Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).

Аннотация: В статье анализируется событие, во многом способствовавшее падению и последующей ссылке А.Д. Меншикова, которое обратило на себя внимание современников и нашло отражение в свидетельствах аккредитованных в России иностранных дипломатов И. Лефорта, Ж. Маньяна и мемуарах К.Г. Манштейна. Кроме этих материалов, анализируется ранее неизвестный источник из фондов Отдела рукописей РНБ – письмо одного из сотрудников российского посольства в Париже, И.П. Калущкина, к князю И.А. Щербатову, возглавлявшему дипломатическую миссию в Испании.

Ключевые слова: А.Д. Меншиков, великая княжна Наталья Алексеевна, император Пётр II, К.Г. Манштейн, И.П. Калущкин

Morokhin A. V. The fall of A.D. Menshikov

Annotation: The paper scrutinizes the event that facilitated in many ways the fall and further exile of A.D. Menshikov. The event came under notice in reports of accredited in Russia foreign diplomatic officials, namely I. Lefort, J. Magnan and memoirs of K.G. Manstein. In addition to these documents previously unknown source from the repository of Manuscripts department of National Library of Russia has been studied. The source is a letter from one of the employees of Russian embassy in Paris I.P. Kalushkina to duke I.A. Scherbatov, the head of diplomatic mission in Spain.

Keywords: A.D. Menshikov, the Grand Duchess Natalia Alekseevna, the Emperor Peter II, K.G. Manstein, I.P. Kalushkin

Председатель – **Д.А. ГРАНИН** писатель, общественный деятель (Санкт-Петербург)

Первый заместитель председателя – А.В. БАКЛАНОВ, чл.-корр. РАХ, проф. Академического ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и Рос. гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена, гл. худож. Дизайнерского центра ФГУП «Гознак», нар. худож. РФ (Санкт-Петербург)

Заместитель председателя – В.Д. СОЛОВЬЕВ, гл. ред. «Петербургского телетекста», чл. Союза журналистов (Санкт-Петербург)

Главный научный редактор – П.А. КРОТОВ, дир. НИЦ «Меншиковский институт», чл. редкол. издательской программы «Библиотека Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова», д. чл. АВИН, д-р ист. наук, проф. каф. истории России с древнейших времен до XX века ист. фак. СПбГУ, чл. Совета Д 212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при СПбГУ; чл. редкол. сборника материалов ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург)

Научный редактор – В.А. АРТАМОНОВ, зав. Московским отделением НИЦ «Меншиковский институт», чл. редкол. ежегодника «Единорог», канд. ист. наук, ст. науч. сотр. ИРИ РАН (Москва)

Научный редактор – С.А. КОЗЛОВ, д-р ист. наук, проф., зав. каф. истории, философии и культурологии СПбГТУРП, чл. редкол. журнала «Новый часовой», вице-президент Петровского о-ва историков бумаги, чл. Международного о-ва изучения XVIII в., чл. Санкт-Петербургского союза журналистов, чл. МФЖ (Санкт-Петербург)

Научный редактор – Д.А. РЕДИН, д-р ист. наук, зав. каф. истории России, председатель диссертационного совета по ист. наукам УрГУ, ведущий науч. сотр., чл. диссертационного совета по ист. наукам ИИА УрО РАН, чл. Объединенного совета по гуманитарным наукам УрО РАН, зам. гл. ред. журнала «Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки»; чл. редкол. журнала «Уральский исторический вестник» (ИИА УрО РАН) (Екатеринбург)

Научный редактор – Ю.Н. СМИРНОВ, д-р ист. наук, проф., декан ист. факультета, зав. каф. документоведения, чл. диссертационного совета по ист. наукам СамГУ, чл. редкол. журнала «Самарский земский сборник» (Самара)

Советник редактора – В.П. ПАЛЬЧИКОВ, кинопродюсер, телевизионный реж.-постановщик, ст. преп. каф. режиссуры мультимедиа-программ СПбГУП (Санкт-Петербург)

Технический редактор – И.Е. ПРОЗОРОВ, канд. пед. наук, преп. каф. информационной аналитики СПбГУКИ, гл. библиограф Центральной городской публичной библиотеки им. В.В. Маяковского; чл. редкол. информационно-аналитического сборника о русском зарубежье «Берега» (Санкт-Петербург)

Художник – А.А. БРЫНЗА (Санкт-Петербург)

Дизайнер – А.А. СОЛОДОВ (Санкт-Петербург)

Администратор – С.В. ФИЛИППОВ (Санкт-Петербург)

Директор изд-ва «XVIII век» – Г.В. ГУБЕНКОВА (Санкт-Петербург)

Научное издание
Меншиковские чтения – 2017

Технический редактор, корректор
И.Е. Прозоров

Перевод на английский язык
Д.А. Сидоров

Обложка
А.А. Брынза

Макет и вёрстка
Г.В. Губенкова

Издательство признательно М.С. Ветошкиной
за оказанную материальную помощь в издании альманаха

Подписано в печать 28.12.2017. Формат 70 × 100^{1/8}
Усл.-печ. л. 25,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1603. Цена свободная

Издательство «XVIII век»
193124 Санкт-Петербург, ул. 2-я Советская, д. 27/2, лит. А, пом. 48-Н
E-mail: fondmen@mail.ru
Сайт: <http://fondmenschikova.spb.ru>
Тел/факс: (812) 541 01 08

Отпечатано в типографии изд-ва ООО «3-Т»
196247 Санкт-Петербург, Ленинский пр., д. 153-А
E-mail: monacordigroup@gmail.com
Тел./факс: + 7 (812) 612 20 36